САВИТРИ

Легенда и Символ

Шри Ауробиндо

САВИТРИ

Легенда и Символ

публикация на сайте integral-yoga.narod.ru

© 2023 Перевод Леонида Ованесбекова

Оглавление

Рассказ Матери о “Савитри” 7

Предисловие от автора перевода 14

Книга Первая КНИГА НАЧАЛ 15

Песня I СИМВОЛИЧЕСКИЙ РАССВЕТ 15
Песня II РЕШАЮЩИЙ МОМЕНТ 33
Песня III ЙОГА ЦАРЯ: ЙОГА ОСВОБОЖДЕНИЯ ДУШИ 53
Песня IV ТАЙНОЕ ЗНАНИЕ 95
Песня V ЙОГА ЦАРЯ: ЙОГА СВОБОДЫ И ВЕЛИЧИЯ ДУХА 145

Книга Вторая КНИГА ПУТЕШЕСТВЕННИКА ПО МИРАМ 179

Песня I ЛЕСТНИЦА МИРОВ 179
Песня II ЦАРСТВО ТОНКОЙ МАТЕРИИ 193
Песня III СЛАВА И ПАДЕНИЕ ЖИЗНИ 217
Песня IV ЦАРСТВА МАЛОЙ ЖИЗНИ 245
Песня V БОЖЕСТВА МАЛЕНЬКОЙ ЖИЗНИ 281
Песня VI ЦАРСТВА И БОГИ БОЛЕЕ ВЫСОКОЙ ЖИЗНИ 321
Песня VII СПУСК В НОЧЬ 375
Песня VIII МИР ЛЖИ, МАТЬ ЗЛА И СЫНОВЬЯ ТЬМЫ 407
Песня IX РАЙ БОГОВ ЖИЗНИ 431
Песня X ЦАРСТВА И БОЖЕСТВА МАЛОГО УМА 441
Песня XI ЦАРСТВА И БОЖЕСТВА БОЛЕЕ ВЕЛИКОГО УМА 481
Песня XII НЕБЕСА ИДЕАЛА 511
Песнь XIII В ВЫСШЕМ “Я” УМА 521
Песня XIV МИР ДУШИ 531
Песня XV ЦАРСТВА БОЛЕЕ ВЕЛИКОГО ЗНАНИЯ 545

Рассказ Матери о “Савитри”

(отчет, написанный по памяти)

статья из Sri Aurobindo Circle, No 32, pages 1-6

(18 января 1960, когда молодой садхак встречался с Матерью для личной беседы, Она сказала ему: “Я дам тебе что-то особенное, будь готов”. На следующий день, когда он снова встретил Её, Она сначала рассказала по французски как зажигать Пламя психического, и потом, в связи с этим, начала говорить о великой поэме “Савитри”, написанной Шри Ауробиндо и продолжала говорить довольно долго.

После того, как этот садхак вернулся от Матери, он захотел сразу же записать то, что Она сказала, но не мог этого сделать, потому что сильно стеснялся из-за своего чувства неспособности точно передать слова Матери. После примерно семи лет, однако, он почувствовал сильный импульс записать то, что говорила тогда Мать; поэтому в 1967 году он записал по памяти этот отчёт по-французски. Мать просмотрела этот отчёт и сделала несколько поправок. Другому садхаку, который просил Её разрешения прочитать этот текст, Она сказала: “Много лет назад я долго рассказывала о Савитри для Мона Сакрара и он записал на французском мои слова. Недавно я видела то, что он написал и нашла, что в целом там всё верно.” (4.12.1967)

В нескольких других случаях, кроме этого, Мать рассказала тому же самому садхаку значение чтения Савитри, и он это записал сразу же после разговора. Эта запись была добавлена в конце основного отчёта.

Несколько человек из Ашрама самостоятельно прочитали этот отчёт по-французски, но после этого у них было много замечаний к английскому переводу этого отчёта. Поэтому перевод был сделан в ноябре 1967. В 1972 Матери предложили его опубликовать и дали Ей посмотреть и одобрить. Мать захотела перед тем, как разрешить публикацию проверить перевод, но смогла проверить только часть.

Из-за большого значения того, что Мать рассказала о Савитри и из-за того, что английский вариант просят всё больше и больше, этот отчёт сейчас и публикуется в данном номере.)

Вы читали Савитри?

Да, Мать, да.

Вы прочитали эту поэму всю, целиком?

Да, Мать, я прочитал её два раза.

Вы все поняли из того, что прочитали?

Не так много, но я люблю поэзию, именно поэтому я и читал её.

Это не так важно, если вы не поняли её — Савитри, читайте её постоянно. Вы увидите, что каждый раз, когда вы читаете её, вам будет открываться что-то новое. Каждый раз вы будете получать новый взгляд, каждый раз новый опыт; вещи, которые там не были, вещи, которые вы не поняли, возникнут и внезапно станут ясными. Через слова и строчки всегда приходит неожиданное видение. Каждый раз, когда вы стараетесь читать и понимать, вы будете видеть, как что-то добавляется, что-то что было скрыто, ясно и живо открывается. Я говорю вам, что каждый стих, который вы прочитали раньше, будет проявляться вам в другом свете каждый раз, когда вы будете перечитывать его. Это то, что случается неизменно. Ваш опыт всегда обогащается, это откровение на каждом шаге.

Однако вы не должны читать её как вы читаете другие книги или газеты. Вы должны читать с пустой головой, с чистым и незанятым умом, чтобы там не было ни одной другой мысли; вы должны сильно концентрироваться, оставаться пустым, молчаливым и открытым; тогда слова, ритмы, вибрации будут пропитывать вас прямо на этой чистой бумаге, будут ставить свою печать на мозг, будут объяснять себя без какого либо усилия с вашей стороны.

Савитри одной достаточно, чтобы заставить вас взойти на высочайшие вершины. Если кто действительно знает, как медитировать над Савитри, он получит всю ту помощь, которая ему нужна. Тому, кто желает следовать этим путём, это будет конкретная помощь, как если бы Господь сам взял бы его за руку и повёл бы к предназначенной цели. И тогда каждый вопрос, каким бы личным он ни был, получит здесь свой ответ, каждая трудность найдет здесь своё решение; на самом деле здесь есть всё, что необходимо, чтобы делать Йогу.

“Он втиснул целую вселенную в одну книгу”. Это чудесная работа, величественная и несравненно совершенная.

Вы знаете, перед написанием Савитри Шри Ауробиндо сказал мне, “Меня побуждает пуститься в новое приключение; я колебался в начале, но сейчас я решился. Я ещё не знаю, как далеко я пройду. Я молюсь о помощи.” И вы знаете, что это было? Это было — перед началом, я уже говорила вам как-то —

это был его способ говорить, вот так, полный смирения и скромности. Он никогда ... не заявлял о себе. И в этот день он действительно начал её, он сказал мне: “Я пустил себя в неуправляемой лодке по пространствам Бесконечности”. И один раз начав, он писал страницу за страницей без перерыва, как если бы это была уже полностью законченная вещь и он только переводил её здесь в чернила на листы бумаги.

В действительности, внутренняя форма Савитри спустилась “в целом” с высочайшего региона и Шри Ауробиндо с его гениальностью только приводил в порядок строчки — в роскошном и прекрасном стиле. Иногда открывались строчки целиком, и он оставлял их нетронутыми; он работал трудно, безустанно, так чтобы вдохновение могло прийти с высочайшего возможного уровня. И что за работу он создал! Да это настоящее творение в себе. Это беспримерная работа. Все здесь есть, и оно помещено в такую простую, такую ясную форму; стихи совершенно гармоничны, прозрачны и вечно истинны. Мое дитя, я читала так много вещей, но я никогда не проходила через что-нибудь что могло бы быть сравнимо с Савитри. Я изучала лучшие работы на греческом, на латыни, на английском и конечно из французской литературы, также по-немецки и все эти великие творения Запада и Востока, включая великие поэмы; но я повторяю, я не нашла ничего сравнимого с Савитри. Все эти литературные работы кажутся мне пустыми, плоскими, незаполненными, без глубокой реальности — кроме только нескольких редких исключений, и которые также представляют только маленькую часть того, чем является Савитри. Такая грандиозность, такой размах, такая реалистичность: он создал что-то бессмертное и вечное. Я говорила тебе уже однажды, что во всём мире не существует ничего подобного. Даже если кто-либо отодвинет в сторону то видение реальности, что является существенной субстанцией которая находится в сердце этого вдохновения, и рассмотрит только сами стихи, он найдет их уникальными, в самом высоком классическом стиле. Он создал нечто, что человек не может вообразить. Потому что всё находится там, всё.

Можно сказать, что Савитри это откровение, что это медитация, это поиск Бесконечного, Вечного. Если это чтение с устремлением к Бессмертию, то чтение само будет служить как руководство к Бессмертию. Читать Савитри это на самом деле — практиковать Йогу, духовную концентрацию; там можно найти всё, что нужно для реализации Божественного. Каждый шаг Йоги записан здесь, включая секреты всех других путей Йоги. Воистину, если кто-либо искренне последует тому, что постоянно открывается здесь в каждом стихе, тот достигнет в конце трансформации супраментальной Йоги. Это действительно безошибочное руководство, которое никогда вас не покинет; для того, кто хочет следовать этим путем всегда существует его поддержка. Каждая строка Савитри это как открывающаяся Мантра, которая превосходит всё, что человек получил на пути знания, и я повторяю это, слова выражены и оформлены таким способом, что звучность данного ритма ведет вас к изначальному звуку, который — ОМ.

Мое дитя, да, здесь есть все: мистицизм, оккультизм, философия, история эволюции, история человека, Богов, творения, Природы. Как была создана вселенная, почему, для какой цели и какая будет у неё судьба — всё здесь. Вы можете здесь найти все ответы на все ваши вопросы. Все объяснено, даже будущее человека и эволюции, все, что ещё не знает никто. Он описал это всё в прекрасных и ясных словах так, чтобы духовные “путешественники”, желающие решить загадки мира, могли понять это значительно легче. Однако эта мистерия хорошо скрыта за словами и строчками и необходимо взобраться на требуемый уровень истинного сознания, чтобы открыть её. Все пророчества, все что стремится прийти представлено с точностью и замечательной ясностью. Шри Ауробиндо дал вам здесь ключ для поиска истины, для открытия сознания, решения проблемы того, чем является вселенная. Он также указал как открыть дверь Несознания так, чтобы свет мог пропитать его и трансформировать. Он показал путь, способ освободить себя от невежества и взобраться прямо к сверхсознанию; каждую стадию, каждый план сознания, как они могут быть расположены, даже то, как можно пересечь барьер смерти и достичь бессмертия. Вы найдете всё это путешествие в деталях, и по мере продвижения вперёд вы можете открывать вещи, которые, в целом, неизвестны человеку. Вот этим является Савитри, и ещё чем-то гораздо большим. Чтение Савитри — это реальный опыт. Он открывает все секреты, которыми есть в человеке, — так же, как и всё что ожидает его в будущем; всё это находится в глубине Савитри. Но необходимо иметь знания, чтобы открыть это всё, опыт этих планов сознания, опыт Сверхразума, даже опыт победы над Смертью. Он записал все эти стадии, обозначил каждый шаг для развития интегральности в интегральной Йоге.

Всё это его собственный опыт, и что самое удивительное, что это мой опыт тоже. Это именно моя садхана, которую он проработал. Каждый объект, каждое событие, каждая реализация, все описания, даже цвета — это точно то, что я видела и слова, фразы — это также точно то, что я слышала. И всё это было до чтения этой книги. Я читала Савитри много раз после, но ранее, когда он писал, он читал её мне. Я пользовалась каждым утром чтобы услышать от него чтение Савитри. В течении ночи он писал, а утром читал это мне. И я наблюдало нечто любопытное, что день за днём опыт, который он читал мне по утрам это был тот опыт, который я получала в предыдущую ночь, слово за словом. Да, все эти описания, цвета, картины я уже видела, слова я уже слышала, всё, всё, я слышала это всё, помещённое им в поэзию, в чудесную поэзию. Да это был в точности мой опыт предыдущей ночи, который он прочитывал мне следующим утром. И это был не просто случайно в один день, но день за днём подряд. И каждый раз я пользовалась этим чтобы сравнить что он говорил с моим предыдущим опытом, и они каждый раз оказывались одинаковыми. Я повторяю, это было не то, что я рассказала ему мои опыты и он записал их после этого, нет, он уже знал то, что я увидела. Именно мои впечатления он подробно воплотил, и они были и его впечатлениями тоже. Более того, это является картиной нашего совместного путешествия в неизвестное или, скорее, в Сверхразум.

Это опыты прожитые им, реальности, супракосмические истины. Он пережил всех их так же, как переживал радость или страдание, физически. Он гулял в

темноте несознания, даже по соседству со смертью, выдерживал страдания гибели и вылезал из грязи, мировой нищеты чтобы вдохнуть наивысшую роскошь и войти в высшую Ананду. Он пересёк все эти царства, прошёл через все эти последовательности, мучился и выдерживал физически то, что никто не может выдержать. Никто до сегодняшнего дня не мучился так как он. Он принимал мучения чтобы трансформировать их в радость единения с Высочайшим (Supreme). Это что-то уникальное и несравнимое за всю историю нашего мира. Это нечто, что никогда не случалось, он является первым кто пересёк эти пути в Неизвестном, так что мы имеем возможность идти с определённостью по направлению к Сверхразуму. Он сделал это работу легкой для нас. Савитри это вся его Йога трансформации и эта Йога проявляется сейчас впервые в сознании земли.

И я думаю, что человек ещё не готов воспринять это. Это слишком высоко и обширно для него. Он не может понять это, ухватить это, потому что человек может понять Савитри именно что не при помощи ума. Необходимы духовные опыты для того, чтобы понять и воспринять это. Чем более опытен человек на пути Йоги, тем больше и лучше он может воспринять. Нет, это нечто, что должно будет оценено по достоинству только в будущем, это поэзия завтрашнего дня, о которой он говорил в “Поэзия Будущего”. Это слишком тонкое, слишком утончённое, не в уме или через ум, Савитри открывается именно в медитации.

И у людей есть смелость сравнивать это с работами Виргилия или Гомера и находить это ниже. Они не понимают, они не могут понимать. Что они знают? Ничего вообще. И бесполезно стараться заставить их понимать. Люди узнают, что это такое, но в отдалённом будущем. Только новая раса с новым сознанием, которое будет способно понимать. Я гарантирую, что не существует ничего под синим небом, сравнимым с Савитри. Это тайна тайн. Это супер-эпос, это супер-литература, супер-поэзия, супер-видение, это супер-работа даже если посмотреть число строк, которые он написал. Нет, человеческие слова не адекватны для описания Савитри. Да, чтобы описать Савитри, нужны превосходные степени, гиперболы. Это гипер-эпос. Нет, слова ничего не выражают о том, чем является Савитри, по крайней мере я не нахожу таких. Это вещь огромного значения — духовного значения и всех других значений; это вечность в своей главной теме, это бесконечность в своём проявлении, чудо в своём образе и мощь исполнения; это уникальная вещь, чем больше вы в контакте с этим, тем выше вы будете подняты. Ах, действительно, это что-то! Это самая прекрасная вещь, которую он оставил для людей, наиболее высокая из возможного. Что это? Когда человек узнает это? Когда он соберется вести жизнь истины? Когда он соберётся принять это в свою жизнь? Это пока ещё предстоит узнать.

Моё дитя, каждый день стремись читать Савитри, читай как следует, с правильным отношением, немного сконцентрировавшись перед тем, как открыть эти страницы и старайся держать голову такой пустой, как только возможно, абсолютно без мысли. Прямая дорога проходит через ‘сердце’. Я

говорю тебе, если ты постараешься действительно сконцентрироваться с таким устремлением, ты можешь зажечь свет пламени, пламя психического, пламя очищения в очень короткий период, возможно даже за несколько дней. То, что ты не можешь делать нормальным образом, ты можешь делать с помощью Савитри. Старайся и ты увидишь, как сильно это отличается, насколько это ново, если ты читаешь с этим устремлением, с этим нечто, что позади твоего сознания" как если бы это было служением Шри Ауробиндо. Ты знаешь, это заряжает, полностью заряжено сознанием; как если бы Савитри была существом, реальным учителем. Я говорю тебе, каждый, кто желает практиковать Йогу, искренне старается и чувствует необходимость в ней, будет способен подняться с помощью Савитри на высочайшие ступени лестницы Йоги, будет способен найти секрет, который представляет собой Савитри. И это без помощи Учителя. И это он может практиковать везде. Так как для него Савитри одна будет руководителем, так как всё, что нужно, он найдет в Савитри. Если он останется очень тихим перед трудностью, или когда он не знает куда повернуть и куда пойти и как обойти препятствия, для всех этих колебаний и неопределённостей, которые забивают нас в каждый момент, он будет иметь необходимые указания и необходимую конкретную помощь. Если он останется очень тихим, открытым, если он устремляется искренне, он будет всегда как бы ведомым за руку. Если он имеет веру, волю отдать себя и настоящую искренность, он достигнет конечной цели.

На самом деле, Савитри это нечто конкретное, живое, оно является полностью наполненным, напичканным сознанием, это высшее знание над всеми человеческими философиями и религиями. Это духовный путь, это Йога, тапасья, садхана, всё, в его отдельном теле. Савитри обладает экстраординарной силой, она отдаёт вибрации для того, кто может воспринять их, истинные вибрации каждой стадии сознания. Это несравнимое, это истина в её роскоши, истина Шри Ауробиндо, принесённая на землю. Моё дитя, необходимо постараться найти тот секрет, что представляет Савитри, провидческое послание Шри Ауробиндо открывает это для нас. Это работа для тебя, это трудно, но это стоит преодолеть.

5-11-1967

* * *

Если вы подавлены, если вы чувствуете себя несчастными, если у вас не получается ничего что вы должны сделать или ещё, если то что случается это всегда против того, что вы ожидаете, несмотря на то что вы очень сильно стараетесь, если это пришло к такому переходу, что вы теряете ваше самообладание, жизнь становится отвратительной и вы несчастны, тогда немедленно берите Савитри и после момента концентрации, открывайте её на любой странице и читайте. Вы увидите, что всё несчастье исчезнет как дым. И вы получите силу превзойти самый худший мрак страдания; вы больше не будете чувствовать то, что мучило вас. Вместо этого вы почувствуете странное

счастье, поворот сознания по направлению к энергии и силе победить всё, как если бы не было ничего невозможного. И вы почувствуете невыразимую радость, которая очищает все. Просто прочитайте несколько строк и этого будет достаточно, чтобы установить контакт с вашим внутренним существом. Такова экстраординарная сила Савитри.

Или ещё, после прочтения нескольких строчек, если вы глубоко сконцентрируетесь, тогда также вы найдёте решение для того, что мучило вас. Вам надо только открыть Савитри в случайном месте, не рефлексируя, и вы получите ответ на ваши проблемы. Делайте это с верой и простотой, результат предопределён.

1968

Предисловие от автора перевода

Прошу читателей извинить за переносы строчек английского текста, это сделано чисто по техническим соображениям, чтобы на одной странице уместить и английский текст, и русский и было удобнее читать и сравнивать. В оригинальном тексте от Шри Ауробиндо переносов нет.

Электронную версию книги можно найти в интернете, на сайте integral-yoga.narod.ru, в разделе "*Перевод (третий) Леонида Ованесбекова*". Автор перевода оставляет за собой право продолжить работу над переводом в электронной версии.

Book One
THE BOOK OF BEGINNINGS

Canto I
THE SYMBOL DAWN

It was the hour before the Gods awake.
Across the path of the divine
    Event
The huge foreboding mind of
    Night, alone
In her unlit temple of eternity,

Lay stretched immobile upon
    Silence' marge.
Almost one felt, opaque,
    impenetrable,
In the sombre symbol of her
    eyeless muse
The abysm of the unbodied
    Infinite;
A fathomless zero occupied the
    world.
A power of fallen boundless self
    awake
Between the first and the last
    Nothingness,
Recalling the tenebrous womb
    from which it came,
Turned from the insoluble mystery
    of birth
And the tardy process of mortality

And longed to reach its end in
    vacant Nought.

As in a dark beginning of all
    things,

Книга Первая
КНИГА НАЧАЛ

Песня I
СИМВОЛИЧЕСКИЙ РАССВЕТ

Был час до пробуждения Богов.
Путь преградив божественному,
    подступавшему Событию
Огромный ум Ночи,
    предвестником беды,
Один, в её неосвещённом
    храме вечности,
Лежал бездвижно, растянувшись
    на краю Безмолвия.
Почти что ощущалась,
    тёмная, непроницаемая,
В угрюмом символе её
    слепого размышления,
Пучина бестелесной
    Бесконечности;
Бездонный нуль
    заполонил весь мир.
Проснулась сила падшего
    неограниченного “я”
Меж первым и последним
    растворением в Небытие,
Призвав обратно сумрачное лоно,
    из которого пришла,
И повернулась прочь от нерешаемой
    мистерии рождения,
И от неторопливого
    процесса умирания,
Достичь желая страстно
    своего предела
        в пустоте Ничто.
И, словно, в полном тьмы
    начале всех вещей,

A mute featureless semblance of
the Unknown
Repeating for ever the
unconscious act,
Prolonging for ever the unseeing
will,
Cradled the cosmic drowse of
ignorant Force
Whose moved creative slumber
kindles the suns
And carries our lives in its
somnambulist whirl.
Athwart the vain enormous trance
of Space,

Its formless stupor without mind
or life,
A shadow spinning through a
soulless Void,
Thrown back once more into
unthinking dreams,
Earth wheeled abandoned in the
hollow gulfs
Forgetful of her spirit and her fate.

The impassive skies were neutral,
empty, still.

Then something in the inscrutable
darkness stirred;
A nameless movement, an
unthought Idea
Insistent, dissatisfied, without an
aim,
Something that wished but knew
not how to be,

Teased the Inconscient to wake
Ignorance.
A throe that came and left a
quivering trace,

Без признаков, немое
очертанье Неизвестного,
Всё время повторяя
неосознанное действие,
Всё время проводя
невидящую волю,
Баюкало космическую дремоту
невежественной Силы,
Чей созидающий и динамичный сон
воспламеняет солнца
И носит наши жизни средь её
сомнамбуличного кружения.
Наперекор огромному
бессмысленному трансу
Космоса, Пространства,
Его бесформенному ступору
без жизни и ума,
Как тень, которая вращается
в бездушной Пустоте,
Отброшенная вновь
в бездумные видения,
Земля кружилась, кинутая
в тех пустынных безднах,
Забыв свой дух,
забыв свою судьбу.
В бесстрастных небесах
всё было безучастно,
пусто и спокойно.
Затем в непостижимом мраке
шевельнулось что-то;
Движение без имени,
Идея вне мышления,
Настойчивое, недовольное,
без цели,
Неведомое нечто,
желающее быть,
не зная как,
Дразнило Несознанье
пробудить Невежество.
Те родовые муки, что пришли,
оставили дрожащий след,

Gave room for an old tired want
unfilled,

At peace in its subconscient
moonless cave

To raise its head and look for
absent light,

Straining closed eyes of vanished
memory,

Like one who searches for a
bygone self

And only meets the corpse of his
desire.

It was as though even in this
Nought's profound,

Even in this ultimate dissolution's
core,
There lurked an unremembering
entity,
Survivor of a slain and buried past

Condemned to resume the effort
and the pang,
Reviving in another frustrate
world.
An unshaped consciousness
desired light
And a blank prescience yearned
towards distant change.
As if a childlike finger laid on a
cheek
Reminded of the endless need in
things
The heedless Mother of the
universe,
An infant longing clutched the
sombre Vast.

И уступили место
старой, надоедливой,
неутолённой жажде
В спокойствии,
в безлунной нише
подсознания,
Поднять свою главу
и вновь искать
недостающий свет,
Стараясь пробудить
в закрывшихся глазах
растаявшую память,
Как тот, кто ищет
некогда ушедшее,
былое “я”,
Но лишь встречает
мёртвые останки
своего желания.
Всё было так,
как если б даже
в этой глубине Ничто,
И даже в этой сердцевине
полного распада,
Таилась некая
не вспоминаемая сущность,
Что выжила в убитом,
погребённом прошлом,
Которой суждено
восстановить усилие и боль,
Ожив в ещё одном
расстроенном, напрасном мире.
Сознание без формы
захотело света,
А чистое предвидение устремилось
к отдалённой перемене.
И словно детский пальчик,
прикоснувшийся к щеке,
Напомнивший о нескончаемой
нужде во всём
Не обращающей вниманье
Матери вселенной,
Ребяческое, страстное желанье
захватило сумрачный Простор.

Insensibly somewhere a breach
began:
A long lone line of hesitating hue

Like a vague smile tempting a
desert heart
Troubled the far rim of life's
obscure sleep.
Arrived from the other side of
boundlessness
An eye of deity peered through the
dumb deeps;
A scout in a reconnaissance from
the sun,
It seemed amid a heavy cosmic
rest,
The torpor of a sick and weary
world,
To seek for a spirit sole and
desolate
Too fallen to recollect forgotten
bliss.

Intervening in a mindless
universe,
Its message crept through the
reluctant hush
Calling the adventure of
consciousness and joy
And, conquering Nature's
disillusioned breast,
Compelled renewed consent to see
and feel.
A thought was sown in the
unsounded Void,
A sense was born within the
darkness' depths,
A memory quivered in the heart of
Time
As if a soul long dead were moved
to live:

Неощутимо где-то
появилась брешь:
В ней одинокая растянутая линия
изменчивого цвета
Как смутная улыбка, искушая
ставшее пустыней сердце,
Тревожила далёкий край
неясного сна жизни.
Пришедший из другого края
безграничности
Взгляд божества пронзил
безмолвные глубины;
Казалось, он лазутчиком
разведки солнца,
Среди космической
тяжёлой неподвижности,
Оцепенения усталого,
больного мира,
Пришёл искать
покинутый и одинокий дух,
Что слишком низко пал,
чтоб вновь собрать
забытое блаженство.
И вторгнувшись в бездумную
вселенную,
Его послание прокралось,
обойдя сопротивленье тишины,
Позвав за приключением
сознания и радости,
И, покоряя душу
разочаровавшейся Природы,
Добилось заново согласья
чувствовать и видеть.
И мысль была посеяна
в беззвучной Пустоте,
И чувство родилось
в глубинах тьмы,
И в сердце Времени
затрепетала память,
Как если б душу,
что давно мертва,
подталкивали жить:

But the oblivion that succeeds the fall,
Had blotted the crowded tablets of the past,

And all that was destroyed must be rebuilt
And old experience laboured out once more.
All can be done if the god-touch is there.
A hope stole in that hardly dared to be

Amid the Night's forlorn indifference.
As if solicited in an alien world

With timid and hazardous instinctive grace,
Orphaned and driven out to seek a home,
An errant marvel with no place to live,

Into a far-off nook of heaven there came
A slow miraculous gesture's dim appeal.
The persistent thrill of a transfiguring touch
Persuaded the inert black quietude

And beauty and wonder disturbed the fields of God.
A wandering hand of pale enchanted light
That glowed along a fading moment's brink,
Fixed with gold panel and opalescent hinge
A gate of dreams ajar on mystery's verge.

Но то забвенье,
что приходит за падением,
Уже покрыло пятнами
все многочисленные записи
о прошлом,
И всё разрушенное надо
восстанавливать опять,
Переосмыслив заново
весь прежний опыт.
Всё можно сделать, если есть
прикосновенье бога.
Надежда, крадучись,
проникла в нечто,
что едва осмеливалось быть
Среди заброшенного
равнодушья Ночи.
Похожий на просителя
в чужом, недобром мире,
С опасной, осторожной,
инстинктивной грацией,
Осиротелый, принуждаемый
искать жилище,
Похожий на блуждающее чудо,
которому нет места,
чтобы жить,
В далёком закоулке неба
появился
Неясный зов неторопливого
и чудодейственного жеста.
Настойчивость вибрации
преобразующего всё касания
Сумело убедить закоренелое
инертное спокойствие,
А красота и чудо
растревожили те сферы Бога.
Блуждающая длань
неяркого чарующего света,
Пылавшего вдоль кромки
исчезающего мига,
Скрепила радужными петлями
и золотой панелью
Врата мечтаний,
приоткрытые по краю тайны.

One lucent corner windowing
hidden things
Forced the world's blind
immensity to sight.
The darkness failed and slipped
like a falling cloak
From the reclining body of a god.
Then through the pallid rift that
seemed at first
Hardly enough for a trickle from
the suns,
Outpoured the revelation and the
flame.
The brief perpetual sign recurred
above.
A glamour from unreached
transcendences
Iridescent with the glory of the
Unseen,
A message from the unknown
immortal Light
Ablaze upon creation's quivering
edge,
Dawn built her aura of
magnificent hues
And buried its seed of grandeur in
the hours.
An instant's visitor the godhead
shone.
On life's thin border awhile the
Vision stood
And bent over earth's pondering
forehead curve.
Interpreting a recondite beauty
and bliss
In colour's hieroglyphs of mystic
sense,
It wrote the lines of a significant
myth
Telling of a greatness of spiritual
dawns,

Один сиявший угол,
показавший скрытое,
Заставил видеть
всю слепую необъятность мира.
Тьма ослабела и слетела,
словно падающий плащ,
С назад откинувшегося тела бога.
Затем, из бледной трещины,
которая казалась поначалу
Едва достаточной
для ручейка из солнц,
Потоком хлынули
и откровение, и пламя.
Короткий вечный знак
вновь появился наверху.
Очарованье из недостижимых
трансцендентностей,
Переливаясь славой,
роскошью Незримого,
Послание бессмертного
неведомого Света,
Сверкали на трепещущем
краю творения;
Заря раскидывала ауру
из красочных оттенков,
Сажая семена величия
в часы.
Сияло божество,
гость улетающих мгновений.
На тонкой грани жизни
ненадолго поднялось Видение,
И наклонилось над задумчивым
изгибом лба земли.
Переводя запутанный узор
блаженства, красоты,
На иероглифы оттенков цвета,
полные мистического смысла,
Оно писало строки
символического мифа,
Рассказывая о величии
рассветов духа,

A brilliant code penned with the sky for page.

Almost that day the epiphany was disclosed
Of which our thoughts and hopes are signal flares;
A lonely splendour from the invisible goal
Almost was flung on the opaque Inane.
Once more a tread perturbed the vacant Vasts;
Infinity's centre, a Face of rapturous calm
Parted the eternal lids that open heaven;
A Form from far beatitudes seemed to near.

Ambassadress twixt eternity and change,
The omniscient Goddess leaned across the breadths
That wrap the fated journeyings of the stars
And saw the spaces ready for her feet.
Once she half looked behind for her veiled sun,
Then, thoughtful, went to her immortal work.
Earth felt the Imperishable's passage close:
The waking ear of Nature heard her steps
And wideness turned to her its limitless eye,
And, scattered on sealed depths, her luminous smile

Kindled to fire the silence of the worlds.

Алмазным кодом,
что чертил на небе,
словно на листе.
В тот день почти открылось
то прозренье,
Кому надежды наши, мысли —
лишь сигнальные огни;
И одинокое великолепие
незримой цели
Почти набросили на
беспросветное Ничто.
Ещё раз поступь взбудоражила
свободные Просторы;
Центр Бесконечности,
Лик восхищённого покоя
Размежил веки вечного,
что открывают небеса;
И показалось — некий Образ
из блаженств вдали
становится всё ближе.
Посредница меж
вечностью и изменением,
Богиня, знающая всё,
склонилась через расстояния,
Что окружают предопределённые
маршруты звёзд,
И обнаружила пространства,
ждавшие её стопы.
Один раз оглянулась на своё
прикрытое вуалью солнце,
Затем, задумавшись, взялась
за свой бессмертный труд.
Земля почувствовала —
Нерушимое подходит ближе:
Природа, просыпаясь, чутким ухом
услышала её шаги,
Ширь повернула к ней
свой беспредельный взгляд,
И тут, рассеянная
по скрываемым глубинам,
лучезарная её улыбка
Зажгла огнём
безмолвие миров.

All grew a consecration and a rite.

Air was a vibrant link between
earth and heaven;
The wide-winged hymn of a great
priestly wind
Arose and failed upon the altar
hills;
The high boughs prayed in a
revealing sky.
Here where our half-lit ignorance
skirts the gulfs

On the dumb bosom of the
ambiguous earth,
Here where one knows not even
the step in front
And Truth has her throne on the
shadowy back of doubt

On this anguished and precarious
field of toil

Outspread beneath some large
indifferent gaze,
Impartial witness of our joy and
bale,
Our prostrate soil bore the
awakening ray.
Here too the vision and prophetic
gleam
Lit into miracles common
meaningless shapes;
Then the divine afflatus, spent,
withdrew,
Unwanted, fading from the
mortal's range.
A sacred yearning lingered in its
trace,
The worship of a Presence and a
Power

Всё становилось
посвященьем и обрядом.
И воздух был вибрирующей связью
меж землёй и небесами;
Ширококрылый гимн
великого святого ветра
То поднимался, то спускался вниз
над алтарём холмов;
Высокие раскидистые ветви
молились раскрывавшемуся небу.
А здесь, где наше
полуосвещённое невежество
идёт по краю бездн,
Шагая по немой груди
двусмысленной земли,
Здесь, где никто не знает ничего
уже на шаг вперёд,
А Истина поставила свой трон
на призрачном фундаменте
сомнения,
На этом полном муки,
ненадёжном поле
тяжкого труда,
Простёртая под чьим-то
необъятным, безучастным взглядом,
Бесстрастная свидетельница
наших радостей и бед,
Поверженная наша почва
несла дающий пробужденье луч.
Здесь также,
блеск видений и пророчеств
Зажёг и в чудо превратил
обычные незначащие формы;
Затем, божественное озаренье,
исчерпавшись, отошло назад,
Став лишним, постепенно тая
в мире смертных.
Духовное стремленье
оставалось в этом следе,
И поклонение
Присутствию и Силе,

Too perfect to be held by
death-bound hearts,

The prescience of a marvellous
birth to come.
Only a little the god-light can stay:

Spiritual beauty illumining human
sight
Lines with its passion and mystery
Matter's mask
And squanders eternity on a beat
of Time.
As when a soul draws near the sill
of birth,
Adjoining mortal time to
Timelessness,
A spark of deity lost in Matter's
crypt
Its lustre vanishes in the
inconscient planes,
That transitory glow of magic fire

So now dissolved in bright
accustomed air.
The message ceased and waned
the messenger.
The single Call, the
uncompanioned Power,
Drew back into some far-off
secret world
The hue and marvel of the
supernal beam:
She looked no more on our
mortality.
The excess of beauty natural to
god-kind
Could not uphold its claim on
time-born eyes;
Too mystic-real for space-tenancy

Что слишком совершенны
для смертью ограниченных
сердец,
Предвиденье чудесного рождения,
которое должно прийти.
Немногое свет бога
может удержать:
Красоты духа,
озаряющие зренье человека
Чертами страсти,
маску таинства Материи,
Да расточительную роскошь вечности
в биеньи пульса Времени.
Как души тянет
на порог рождения
Расширить время смертного
Вневременным,
Как искра божества,
теряясь в тайнике Материи,
Утрачивает блеск свой
в планах несознания,
Так этот временный накал
магического пламени
Сейчас растаял в яркой
и привычной атмосфере.
Послание затихло
и ушёл посланник.
Тот одинокий Зов,
та необщительная Сила,
Назад втянули в некий
отдалённый тайный мир
Оттенки цвета, чудо
этого небесного луча:
Она[1] не стала больше вглядываться
в наш мир смертных.
Избыток красоты, естественный
для существа божественного рода,
Не смог бы утвердиться
среди глаз, рождённых временем;
Её основу славы, чересчур
мистически-реальную

[1] Богиня, *прим.пер.*

Her body of glory was expunged
from heaven:
The rarity and wonder lived no more.
There was the common light of
earthly day.
Affranchised from the respite of
fatigue
Once more the rumour of the
speed of Life
Pursued the cycles of her blinded
quest.
All sprang to their unvarying daily
acts;
The thousand peoples of the soil
and tree
Obeyed the unforeseeing instant's
urge,
And, leader here with his
uncertain mind,
Alone who stares at the future's
covered face,
Man lifted up the burden of his
fate.

Для временно живущего пространства,
вычеркнули из небес:
Чудесное и редкое уже ушло.
И вот — обычный свет
земного дня.
На волю вырвавшись
от тяжкого труда,
Молва о быстром
продвиженьи Жизни
Ещё раз устремилась вслед
за циклами её слепого поиска.
Все бросились к своим
неизменяемым обыденным делам,
И многотысячное население
деревьев и земли
Как прежде подчинялось импульсам
непредсказуемых мгновений
И, первым среди них,
владельцем ненадёжного ума,
Единственным, кто всматривался
в скрытый лик грядущего,
Был человек, поднявший
тяжкий груз своей судьбы.

And Savitri too awoke among
these tribes
That hastened to join the brilliant
Summoner's chant
And, lured by the beauty of the
apparent ways,
Acclaimed their portion of
ephemeral joy.
Akin to the eternity whence she
came,
No part she took in this small
happiness;
A mighty stranger in the human
field,
The embodied Guest within made
no response.
The call that wakes the leap of
human mind,

Савитри тоже пробудилась
среди тех племён,
Что торопились влиться
в песнь сверкавшего Глашатая
И, соблазнившись красотою
видимых путей,
Встречали с шумом собственную
долю эфемерной радости.
Сродни той вечности,
откуда некогда она пришла,
Она не разделяла
это маленькое счастье;
Могучий странник
в мире человека,
Обрётший тело, Гость внутри,
не отвечал.
Тот зов, что будит для прыжка
ум человека,

Its chequered eager motion of pursuit,
Its fluttering-hued illusion of desire,
Visited her heart like a sweet alien note.
Time's message of brief light was not for her.
In her there was the anguish of the gods
Imprisoned in our transient human mould,
The deathless conquered by the death of things.
A vaster Nature's joy had once been hers,
But long could keep not its gold heavenly hue
Or stand upon this brittle earthly base.
A narrow movement on Time's deep abysm,
Life's fragile littleness denied the power,
The proud and conscious wideness and the bliss
She had brought with her into the human form,
The calm delight that weds one soul to all,
The key to the flaming doors of ecstasy.
Earth's grain that needs the sap of pleasure and tears

Rejected the undying rapture's boon:
Offered to the daughter of infinity

Her passion-flower of love and doom she gave.
In vain now seemed the splendid sacrifice.

Его разнообразную
нетерпеливую погоню,
Его, в порхающих тонах,
иллюзию желания,
Явился в сердце,
словно сладкая чужая нота.
Короткий луч посланья Времени
пришёл не для неё.
Внутри неё была
мучительная боль богов,
Что как в тюрьме живут
в недолговечной плоти человека,
Страдание бессмертья,
побеждаемого смертью.
Когда-то в ней царила радость
из Природы шире нашей,
Но не сумела сохранить
свой золотой небесный цвет,
Иль укрепиться
на крошащейся земной основе.
Стеснённое движенье
над глубокой бездной Времени,
И хрупкая ничтожность Жизни
отвергали силу,
Блаженство, гордость
и осознанную широту,
Которые она с собою принесла
наполнив форму человека,
Спокойствие восторга, сочетающего
душу одного со всеми,
Ключ к пламенеющим
дверям экстаза.
Особенность Земли,
которой нужен сок
из удовольствия и слёз,
Отвергла дар
бессмертного восторга:
И получив свой страстоцвет
любви и роковой судьбы,
Дочь бесконечности
пожертвовала им.
Напрасною казалась ныне
роскошь этой жертвы.

A prodigal of her rich divinity,

Her self and all she was she had
lent to men,
Hoping her greater being to
implant
And in their body's lives
acclimatise
That heaven might native grow on
mortal soil.

Hard is it to persuade
earth-nature's change;
Mortality bears ill the eternal's
touch:
It fears the pure divine intolerance

Of that assault of ether and of fire;
It murmurs at its sorrowless
happiness,
Almost with hate repels the light it
brings;

It trembles at its naked power of
Truth
And the might and sweetness of
its absolute Voice.
Inflicting on the heights the
abysm's law,
It sullies with its mire heaven's
messengers:
Its thorns of fallen nature are the
defence

It turns against the saviour hands
of Grace;
It meets the sons of God with
death and pain.
A glory of lightnings traversing
the earth-scene,
Their sun-thoughts fading,
darkened by ignorant minds,

Все щедрости своей богатой
и божественной природы,
Саму себя, всё чем она была —
она отдала людям,
В надежде, что её высокий дух
сумеет поселить
И приспособить
к жизни в их телах
Всё то, что небо сможет
вырастить естественным путём
на смертной почве.
Непросто убедить
земную косную природу измениться;
И человечество с мученьем переносит
всякое касанье вечного:
Его страшит та
чистая божественная нетерпимость,
Атака этого эфира и огня;
Журча в своём,
не знающем о муках, счастье,
Оно почти что с ненавистью
отвергает свет,
что для него несут;
Оно трепещет рядом
с оголённой силой Истины,
От сладости и мощи
абсолютного её Звучания.
Навязывая высшему
законы бездн,
Оно пятнает грязью
всех посланников небес:
Колючки падшей
и расстроенной природы —
его защита,
Направленная против добрых
и спасающих рук Милости;
Оно встречает Бога сыновей
мучением и смертью.
Великолепье озарений,
посещающих земную сцену,
Их мысли-солнца — меркнут,
омрачённые невежеством ума,

Their work betrayed, their good to evil turned,
The cross their payment for the crown they gave,
Only they leave behind a splendid Name.
A fire has come and touched men's hearts and gone;

A few have caught flame and risen to greater life.

Too unlike the world she came to help and save,
Her greatness weighed upon its ignorant breast
And from its dim chasms welled a dire return,
A portion of its sorrow, struggle, fall.
To live with grief, to confront death on her road, —

The mortal's lot became the Immortal's share.
Thus trapped in the gin of earthly destinies,
Awaiting her ordeal's hour abode,

Outcast from her inborn felicity,

Accepting life's obscure terrestrial robe,
Hiding herself even from those she loved,
The godhead greater by a human fate.

A dark foreknowledge separated her
From all of whom she was the star and stay;

Работа предана, а их добро
превращено во зло,
Крест — плата за корону,
что они дают,
Они уходят, оставляя лишь
блистательное Имя.
Огонь пришёл,
коснулся человеческих сердец
и растворился;
Немногие поймали пламя,
поднялись до более
высокой жизни.
Уж слишком непохожей на наш мир
она пришла спасать и помогать,
Её[1] величье надавило на его
невежественную грудь
И из его неясной бездны
хлынула ужасная отдача,
Часть от его страдания,
борьбы, падения.
Жить вместе с горем,
бросить вызов смерти
на своём пути, —
Так доля смертной
стала участью Бессмертной.
Попав в силки
земной судьбы,
И проживая в ожиданьи
часа страшных испытаний,
Изгнанницей из своего
родного счастья,
Приняв земные мрачные
одежды жизни,
Саму себя скрывая
даже от того, кого она любила,
От человеческой судьбы
божественное становилась
ещё более великим.
Тяжёлое предвиденье
отрезало её
От всех, кому она была
звездою и опорой;

[1] Савитри, *прим.пер.*

Too great to impart the peril and
the pain,
In her torn depths she kept the
grief to come.
As one who watching over men
left blind
Takes up the load of an unwitting
race,
Harbouring a foe whom with her
heart she must feed,

Unknown her act, unknown the
doom she faced,
Unhelped she must foresee and
dread and dare.

The long-foreknown and fatal
morn was here
Bringing a noon that seemed like
every noon.
For Nature walks upon her mighty
way
Unheeding when she breaks a
soul, a life;
Leaving her slain behind she
travels on:
Man only marks and God's
all-seeing eyes.
Even in this moment of her soul's
despair,
In its grim rendezvous with death
and fear,
No cry broke from her lips, no call
for aid;

She told the secret of her woe to
none:
Calm was her face and courage
kept her mute.
Yet only her outward self suffered
and strove;
Even her humanity was half
divine:

И, чересчур великая делиться
той опасностью и болью,
Она в своих израненных глубинах
таила подступающее горе.
Как тот, кто смотрит
за незрячими людьми,
Она взвалила ношу
не подозревающей об этом расы,
Впустив врага, которого
должна питать
своим же сердцем,
Не зная, что ей делать, и не ведая
встающей перед ней судьбы,
Без всякой помощи,
она должна была предвидеть,
ужаснуться, и посметь.
И вот пришло давно предсказанное,
роковое утро,
И принесло с собою день,
казавшийся обычным днём.
Когда Природа движется
своей могучей поступью,
Она не замечает, если разбивает
чью-то душу, чью-то жизнь;
Убитого оставив позади,
она шагает дальше:
Лишь человек заметит это,
да всевидящее око Бога.
И даже в тот момент
отчаянья своей души,
В зловещем рандеву
со смертью и со страхом,
Ни стона не прорвалось
сквозь её уста,
ни одного призыва к помощи;
Она не рассказала тайну этой боли
никому:
Спокойствие лежало на лице,
а смелость делала безмолвной.
И лишь поверхностное “я”
страдало и боролось;
Всё человеческое стало в ней
полубожественным.

Her spirit opened to the Spirit in all,
Her nature felt all Nature as its own.
Apart, living within, all lives she bore;

Aloof, she carried in herself the world:
Her dread was one with the great cosmic dread,
Her strength was founded on the cosmic mights;
The universal Mother's love was hers.
Against the evil at life's afflicted roots,
Her own calamity its private sign,

Of her pangs she made a mystic poignant sword.
A solitary mind, a world-wide heart,
To the lone Immortal's unshared work she rose.

At first life grieved not in her burdened breast:

On the lap of earth's original somnolence
Inert, released into forgetfulness,

Prone it reposed, unconscious on mind's verge,
Obtuse and tranquil like the stone and star.
In a deep cleft of silence twixt two realms
She lay remote from grief, unsawn by care,
Nothing recalling of the sorrow here.

В ней дух открылся Духу,
что во всём,
Её природа ощутила всю Природу,
как свою.
Живя отдельно и внутри,
она поддерживала
все другие жизни;
И, отстранённая,
несла в себе весь мир:
В ней страх единым стал
с космическим, великим страхом,
А сила опиралась
на космические силы;
Любовь вселенской Матери
была её любовью.
И перед злом
в измученных основах жизни
Её беда была
его частичным знаком,
Она из боли сделала мистический,
заточенный, как бритва меч.
Уединённый ум,
как мир распахнутое сердце,
Для одинокого неразделённого
труда Бессмертной
поднялась она.
Вначале жизнь не горевала
под тяжёлой ношей
у неё в груди:
Качаясь на коленях
первозданной дремоты земли
Инертная, освободившись
ненадолго в забытьи,
Она лежала, отдыхая,
в несознаньи на краю ума,
Спокойная и оглушённая,
как камень, или как звезда.
В глубокой трещине молчанья
меж двумя мирами
Она покоилась
вдали от горя и забот,
Ничто здесь не напоминало
о страдании.

Then a slow faint remembrance
shadowlike moved,
And sighing she laid her hand
upon her bosom
And recognised the close and
lingering ache,
Deep, quiet, old, made natural to
its place,

But knew not why it was there nor
whence it came.
The Power that kindles mind was
still withdrawn:
Heavy, unwilling were life's
servitors
Like workers with no wages of
delight;
Sullen, the torch of sense refused
to burn;
The unassisted brain found not its
past.
Only a vague earth-nature held the
frame.
But now she stirred, her life
shared the cosmic load.

At the summons of her body's
voiceless call
Her strong far-winging spirit
travelled back,
Back to the yoke of ignorance and
fate,
Back to the labour and stress of
mortal days,
Lighting a pathway through
strange symbol dreams
Across the ebbing of the seas of
sleep.
Her house of Nature felt an unseen
sway,
Illumined swiftly were life's
darkened rooms,

Потом мелькнуло тенью
медленное слабое воспоминание,
Вздохнув, она
сложила руки на груди
И осознала близкую
и тянущую боль,
Глубокую, немую, застарелую,
уже привычную
на этом месте,
Не знающую, для чего она пришла,
откуда.
Та Сила, что даёт энергию уму,
пока что оставалась втянутой:
Тяжёлыми, безвольными
стояли слуги жизни,
Рабочими, не получившими
законной платы удовольствием;
Угрюмый факел чувства
не хотел гореть;
Утративший поддержку мозг
не находил себя и прошлое.
И лишь земная смутная природа
сохраняла весь каркас.
Но вот, она пошевелилась,
жизнь её впряглась
в космическую ношу.
И по беззвучному
призыву тела,
Её ширококрылый, сильный дух
понёсся к ней назад,
Назад, к ярму невежества
и роковой судьбы,
Назад, к труду и напряженью
смертных дней,
Путь озаряя свой по странным
символическим видениям,
Проскальзывая по отливам
океанов сна.
Её привычный дом Природы
ощутил невидимый толчок,
Поспешно озарились
затемнённые палаты жизни,

And memory's casements opened on the hours
And the tired feet of thought approached her doors.
All came back to her: Earth and Love and Doom,
The ancient disputants, encircled her
Like giant figures wrestling in the night:
The godheads from the dim Inconscient born
Awoke to struggle and the pang divine,
And in the shadow of her flaming heart,
At the sombre centre of the dire debate,
A guardian of the unconsoled abyss
Inheriting the long agony of the globe,
A stone-still figure of high and godlike Pain

Stared into Space with fixed regardless eyes

That saw grief's timeless depths but not life's goal.
Afflicted by his harsh divinity,

Bound to his throne, he waited unappeased
The daily oblation of her unwept tears.
All the fierce question of man's hours relived.

The sacrifice of suffering and desire
Earth offers to the immortal Ecstasy

И створки памяти
открылись для часов,
Усталые стопы мышления
направились к её дверям.
Всё снова возвратилось к ней:
Земля, Любовь и Рок,
Три древних спорщика
образовали круг
Гигантскими фигурами,
что борются в ночи:
То божества, рождённые
в туманном Несознании
Проснулись, чтоб сражаться
и терпеть божественную муку,
И, находясь в тени
её пылающего сердца,
В тяжёлом мрачном центре
ужасающих дебатов,
Страж всей,
не знающей покоя бездны,
Наследник длительной
агонии планеты,
Застывшей, каменной фигурою
высокого, богоподобного
Страдания
Смотрел в Пространство
безразличным,
неподвижным взглядом,
Что видел вечные глубины горя,
но не цель у жизни.
Устав от жёсткости
своей божественности,
Привязанный к престолу своему,
он ожидал, неутолённый,
Привычной ежедневной дани
из её невыплаканных слёз.
Вся жгучая проблема
человеческого времени
ожила вновь.
Та жертва, что страданьем
и желанием
Земля приносит
для бессмертного Экстаза,

Began again beneath the eternal
Hand.
Awake she endured the moments'
serried march
And looked on this green smiling
dangerous world,
And heard the ignorant cry of
living things.

Amid the trivial sounds, the
unchanging scene
Her soul arose confronting Time
and Fate.

Immobile in herself, she gathered
force.
This was the day when Satyavan
must die.

End of Canto One

Свершалась вновь,
под вечной Дланью.
Она, проснувшись, вытерпела
этот плотный марш мгновений
И посмотрела на зелёный,
улыбавшийся, опасный мир,
И стала слышать все
невежественные
призывы жизни.
Среди обычных звуков,
неизменной сцены,
Её душа поднялась,
бросая вызов Времени,
и роковой Судьбе.
Не двигаясь внутри,
Савитри собирала силу.
Для Сатьявана наступил тот день,
когда он должен умереть.

Конец первой песни

Book One
THE BOOK OF BEGINNINGS

Canto II
THE ISSUE

Awhile, withdrawn in secret fields
of thought,
Her mind moved in a
many-imaged past
That lived again and saw its end
approach:
Dying, it lived imperishably in
her;

Transient and vanishing from
transient eyes,
Invisible, a fateful ghost of self,

It bore the future on its phantom
breast.
Along the fleeting event's
far-backward trail
Regressed the stream of the
insistent hours,
And on the bank of the mysterious
flood
Peopled with well-loved forms
now seen no more
And the subtle images of things
that were,
Her witness spirit stood reviewing
Time.
All that she once had hoped and
dreamed and been,
Flew past her eagle-winged
through memory's skies.

Книга Первая
КНИГА НАЧАЛ

Песня II
РЕШАЮЩИЙ МОМЕНТ

Затянутый на время
в тайные пространства мысли,
Её[1] ум странствовал в знакомом,
многоликом прошлом,
Что оживало заново и видело
как близится его конец:
Оно, сходя со сцены,
продолжало жить,
не разрушаясь в ней;
Недолговечное и ускользающее
от недолговечных взглядов,
Невидимый и судьбоносный призрак
внутреннего “я”,
Оно несло грядущее
на призрачной своей груди.
Вдоль следа исчезающих
вдали событий
Вспять уходил поток
настаивавших на своём часов,
А на песчаном берегу
загадочной реки,
Где жили хорошо знакомые фигуры,
которых больше не увидеть,
И тонкие видения вещей,
которые когда-то были,
Стоял её свидетель-дух,
перепросматривая Время.
Все то, на что она надеялась,
о чём мечтала, и что было,
Летело мимо на орлиных крыльях
в небесах воспоминаний.

[1] Савитри, *прим.пер.*

As in a many-hued flaming inner dawn,
Her life's broad highways and its sweet bypaths
Lay mapped to her sun-clear recording view,

From the bright country of her childhood's days
And the blue mountains of her soaring youth
And the paradise groves and peacock wings of Love
To joy clutched under the silent shadow of doom
In a last turn where heaven raced with hell.
Twelve passionate months led in a day of fate.
An absolute supernatural darkness falls
On man sometimes when he draws near to God:
An hour arrives when fail all Nature's means;
Forced out from the protecting Ignorance
And flung back on his naked primal need,
He at length must cast from him his surface soul
And be the ungarbed entity within:
That hour had fallen now on Savitri.
A point she had reached where life must be in vain
Or, in her unborn element awake,

Her will must cancel her body's destiny.

И словно в разноцветном
внутреннем пылающем рассвете,
Её широкие дороги жизни
и чудесные тропинки
Лежали, как на карте,
перед чистым, солнечным,
запоминавшим взглядом,
От яркой и безоблачной страны
её дней детства,
И синих гор
её парящей юности,
Павлиньих крыльев,
райских рощ Любви,
До радости, зажатой под
безмолвной тенью рока
В последнем повороте
гонки ада и небес.
Двенадцать страстных месяцев
вели в тот день судьбы.
Предельная и сверхъестественная тьма
порою падает на человека,
Когда он приближается
к Всевышнему:
Приходит час, когда отказывают
все приспособления Природы,
И выбитый из-под
защитного Невежества,
Отброшенный назад до
голых примитивных нужд,
Он должен скинуть, наконец,
с себя поверхностную душу,
Став неприкрытой
сущностью внутри:
Таков был час, что ныне
опустился на Савитри.
Она достигла точки, у которой
или жизнь окажется напрасной,
Или она, проснувшись
в нерождённом элементе,
Должна своею волей
отменить судьбу,
навязанную телу.

For only the unborn spirit's
timeless power
Can lift the yoke imposed by birth
in Time.

Only the Self that builds this
figure of self

Can rase the fixed interminable
line
That joins these changing names,
these numberless lives,

These new oblivious personalities

And keeps still lurking in our
conscious acts
The trail of old forgotten thoughts
and deeds,
Disown the legacy of our buried
selves,
The burdensome heirship to our
vanished forms
Accepted blindly by the body and
soul.
An episode in an unremembered
tale,
Its beginning lost, its motive and
plot concealed,
A once living story has prepared
and made

Our present fate, child of past
energies.
The fixity of the cosmic sequences
Fastened with hidden inevitable
links
She must disrupt, dislodge by her
soul's force
Her past, a block on the
Immortal's road,

Лишь нерождённый дух
своей вневременною силой
Способен приподнять ярмо,
навязанное при рождении
во Времени.
Лишь Высшее Божественное "Я",
что строит образ
внутреннего "я",
Стереть способно жёсткую
и нескончаемую линию,
Что связывает все
менявшиеся имена,
бесчисленные жизни,
Все эти новые
и быстро забываемые личности,
И продолжает сохранять
таящийся в осознанных поступках,
След старых позабытых
дел и мыслей,
Не признавая завещаний
погребённых "я",
Наследства, чересчур тяжёлого
для наших быстротечных форм,
Вслепую принятого
телом и душой.
Один из эпизодов
позабытой повести,
Начало затерялось, а сюжет
и основная мысль запутаны,
Живая, некогда, история
сначала подготовила,
потом построила
Судьбу сегодняшнего дня,
дитя энергий прошлого.
Устойчивость космических последствий,
Скреплённых скрытыми
цепями неизбежности,
Она[1] должна разрушить,
вытеснить могуществом души
След прошлого, преграду
на пути Бессмертной,

[1] Савитри, *прим.пер.*

Make a rased ground and shape
anew her fate.
A colloquy of the original Gods
Meeting upon the borders of the
unknown,
Her soul's debate with embodied
Nothingness
Must be wrestled out on a
dangerous dim background:
Her being must confront its
formless Cause,

Against the universe weigh its
single self.

On the bare peak where Self is
alone with Nought

And life has no sense and love no
place to stand,

She must plead her case upon
extinction's verge,
In the world's death-cave uphold
life's helpless claim
And vindicate her right to be and
love.
Altered must be Nature's harsh
economy;
Acquittance she must win from
her past's bond,
An old account of suffering
exhaust,
Strike out from Time the soul's
long compound debt
And the heavy servitudes of the
Karmic Gods,
The slow revenge of unforgiving
Law
And the deep need of universal
pain
And hard sacrifice and tragic
consequence.

Стереть его с лица земли
и заново сложить судьбу.
Беседу с изначальными Богами,
Которых мы встречаем
на границах с неизвестным,
Спор собственной души
и воплощённого Ничто
Необходимо выиграть
на сумрачной, опасной почве:
Всё существо её должно
пойти наперекор своей
бесформенной Причине,
В противовес вселенной
положить одно лишь
внутреннее "я".
На голом пике,
где Божественное "Я"
наедине с Ничто,
И жизнь теряет смысл,
а у любви нет почвы
для опоры,
На самой грани угасания
ей надо защитить свой выбор,
В пещере смерти мира поддержать
беспомощное требованье жизни
И право отстоять своё —
любить и быть.
Необходимо отойти от
жёсткой экономии Природы;
Она должна завоевать свободу
от своих оков из прошлого,
И погасить все старые
счета страданий,
И вычеркнуть из Времени
суммарный длинный долг души,
И тяжесть рабства
у Кармических Богов,
И медленную месть
не забывающего ничего Закона,
Глубокую необходимость
во вселенской боли,
Суровость жертвы
и трагичные последствия.

Out of a timeless barrier she must break,
Penetrate with her thinking depths the Void's monstrous hush,
Look into the lonely eyes of immortal Death
And with her nude spirit measure the Infinite's night.
The great and dolorous moment now was close.
A mailed battalion marching to its doom,
The last long days went by with heavy tramp,
Long but too soon to pass, too near the end.

Alone amid the many faces loved,

Aware among unknowing happy hearts,
Her armoured spirit kept watch upon the hours
Listening for a foreseen tremendous step
In the closed beauty of the inhuman wilds.
A combatant in silent dreadful lists,
The world unknowing, for the world she stood:
No helper had she save the Strength within;
There was no witness of terrestrial eyes;
The Gods above and Nature sole below
Were the spectators of that mighty strife.
Around her were the austere sky-pointing hills,
And the green murmurous broad deep-thoughted woods

Она должна прорвать
вневременной барьер,
И мыслящею глубиною вторгнуться
в чудовищную тишину Ничто,
Всмотреться в одинокие глаза
бессмертной Смерти,
Измерить оголённым духом
ночи Бесконечности.
Великий и печальный миг
сейчас стал близок.
Как посланные батальоны,
маршируя к собственной судьбе,
Последние тянувшиеся дни
прошли тяжёлым шагом,
Такие долгие, но как же
быстро проходящие
и близкие к концу!
Одна средь множества
любимых лиц,
Осознающая среди счастливых
и незнающих сердец,
Её вооружённый дух
отсчитывал часы,
Прислушиваясь к страшной поступи
предвиденья
По обступившей красоте
безлюдных дебрей.
Боец на молчаливой
ужасающей арене,
Неведомая миру, ради мира
здесь она стояла:
И не было ни одного помощника,
лишь Сила, что внутри;
И не было ни одного свидетеля
среди земных очей,
Лишь Боги наверху
и одинокая Природа ниже —
Единственные зрители
могучего сражения.
Вокруг неё стояли строгие холмы,
указывая в небо,
Зелёные шуршащие широкие леса,
в глубоких думах,

Muttered incessantly their muffled spell.
A dense magnificent coloured self-wrapped life
Draped in the leaves' vivid emerald monotone
And set with chequered sunbeams and blithe flowers
Immured her destiny's secluded scene.

There had she grown to the stature of her spirit:
The genius of titanic silences
Steeping her soul in its wide loneliness
Had shown to her her self's bare reality

And mated her with her environment.
Its solitude greatened her human hours
With a background of the eternal and unique.
A force of spare direct necessity

Reduced the heavy framework of man's days
And his overburdening mass of outward needs
To a first thin strip of simple animal wants,
And the mighty wildness of the primitive earth
And the brooding multitude of patient trees
And the musing sapphire leisure of the sky
And the solemn weight of the slowly-passing months
Had left in her deep room for thought and God.

Не прерываясь, бормотали
длинные глухие заклинания.
Роскошная, густая, разноцветная,
ушедшая в заботы жизнь,
Одетая в зелёную живую
однородную листву,
Усыпанная солнечными бликами,
весёлыми цветами,
Взяла в кольцо
уединённую арену
действия её судьбы.
Здесь поднялась она
к высотам собственного духа:
И гений титанических безмолвий,
Окутав душу в ней своим
широким одиночеством,
Смог показать ей
неприкрытую реальность
внутреннего “я”,
И обручил со всем,
что окружало.
Его уединенье делало великими
её людские, смертные часы
На фоне вечного
и уникального.
Энергия освобождающей
прямой необходимости
Свела тяжёлую основу
жизни человека,
Его отягощающую массу
внешних нужд
До узкого потока
животных незатейливых желаний,
А дикость простоты земли,
наполненная силой,
И размышляющая масса
терпеливых, окружающих деревьев,
Сапфирная задумчивая
леность неба,
Торжественная тяжесть
медленно текущих месяцев,
Оставили в её глубинах место
для раздумий и для Бога.

There was her drama's radiant
prologue lived.
A spot for the eternal's tread on
earth
Set in the cloistral yearning of the
woods
And watched by the aspiration of
the peaks
Appeared through an aureate
opening in Time,
Where stillness listening felt the
unspoken word
And the hours forgot to pass
towards grief and change.
Here with the suddenness divine
advents have,
Repeating the marvel of the first
descent,
Changing to rapture the dull
earthly round,
Love came to her hiding the
shadow, Death.
Well might he find in her his
perfect shrine.
Since first the earth-being's
heavenward growth began,

Through all the long ordeal of the
race,
Never a rarer creature bore his
shaft,

That burning test of the godhead
in our parts,
A lightning from the heights on
our abyss.
All in her pointed to a nobler kind.

Near to earth's wideness, intimate
with heaven,
Exalted and swift her young
large-visioned spirit

Сияющий пролог той драмы
подошёл к концу.
Уже и сцена на земле
для шага вечности
Нашлась средь
монастырского томления лесов,
Что, наблюдаемая устремленьем
пиков гор,
Прошла сквозь золотой проход
во Времени,
Туда, где тишина, прислушиваясь,
чувствует несказанное слово,
А время позабыло двигаться
к страданию и перемене.
И здесь, с внезапностью, типичной
для божественного появления,
Вновь повторяя чудо
первого схожденья вниз,
Земную скучную рутину
превратив в восторг,
Пришёл к ней Бог Любви,
скрывая за своею тенью Смерть.
Возможно, он нашёл в ней
совершенный храм.
Впервые, с той поры,
как потянулось к небу
бытие земли,
За долгие века
тяжёлых испытаний человека,
Столь редкое создание
ещё ни разу не переносило
этот свет,
Его пылающее испытанье
на божественное в наших элементах,
Его сверкающую молнию с высот,
упавшую на наши бездны.
В ней всё давало знать
о благородном роде.
К земным просторам близкий
товарищ небесам,
Её возвышенный и быстрый,
видящий широким взглядом
юный дух,

Voyaging through worlds of splendour and of calm
Overflew the ways of Thought to unborn things.
Ardent was her self-poised unstumbling will;

Her mind, a sea of white sincerity,

Passionate in flow, had not one turbid wave.
As in a mystic and dynamic dance
A priestess of immaculate ecstasies
Inspired and ruled from Truth's revealing vault
Moves in some prophet cavern of the gods,
A heart of silence in the hands of joy
Inhabited with rich creative beats

A body like a parable of dawn
That seemed a niche for veiled divinity
Or golden temple-door to things beyond.
Immortal rhythms swayed in her time-born steps;
Her look, her smile awoke celestial sense
Even in earth-stuff, and their intense delight
Poured a supernal beauty on men's lives.
A wide self-giving was her native act;
A magnanimity as of sea or sky

Enveloped with its greatness all that came
And gave a sense as of a greatened world:

Гуляя по мирам
великолепия и тишины,
Летел через дороги Мысли
к тому, что не рождалось.
Пылающей была её
уравновешенная,
безошибочная воля;
А ум её, как море
чистой искренности,
В потоке страстный, отвергал
любую мутную волну.
В мистическом и динамичном танце,
Как жрица безупречного экстаза,
Ведомая и вдохновляемая
сводом откровений Истины,
Она неслась в пророческой пещере
небожителей-богов,
А сердце тишины,
в ладонях радости
Богатым, созидающим биеньем
наполняло тело,
Похожее на аллегорию рассвета,
Казавшееся нишей
для божественности за вуалью
Иль золотою дверью храма
в запредельное.
Бессмертный ритм сквозил
в её рождённой временем походке;
Её улыбка, взгляд
будили неземное чувство
В самой субстанции земли,
а интенсивный их восторг
Обрушивал всю красоту небес
на человеческие жизни.
Широкая самоотдача для неё была
естественным движением;
Великодушие,
как море или небеса,
Своим величием окутывало
всё, что приходило,
Давало ощущенье мира,
что становится всё время больше:

Her kindly care was a sweet
temperate sun,
Her high passion a blue heaven's
equipoise.
As might a soul fly like a hunted
bird,

Escaping with tired wings from a
world of storms,
And a quiet reach like a
remembered breast,
In a haven of safety and splendid
soft repose
One could drink life back in
streams of honey-fire,

Recover the lost habit of
happiness,
Feel her bright nature's glorious
ambience,
And preen joy in her warmth and
colour's rule.
A deep of compassion, a hushed
sanctuary,
Her inward help unbarred a gate in
heaven;
Love in her was wider than the
universe,
The whole world could take
refuge in her single heart.
The great unsatisfied godhead
here could dwell:
Vacant of the dwarf self's
imprisoned air,
Her mood could harbour his
sublimer breath

Spiritual that can make all things
divine.
For even her gulfs were secrecies
of light.
At once she was the stillness and
the word,

Её забота, доброта
была бодрящим нежным солнцем,
Возвышенная страстность —
равновесием небесной сини.
Так чья-нибудь душа
могла бы улетать
гонимой птицей,
Спасаясь на усталых крыльях
из страны штормов,
И, наконец, найти покой,
роскошный тихий отдых,
Как на знакомой издавна груди,
в надёжной гавани,
Где можно снова
наслаждаться жизнью
под струями медового огня,
Вернуть ушедшую привычку
быть счастливой,
Почувствовать великолепье окружения
своей особенной природы,
Расправить радость под защитой
своего тепла и красок.
Глубины состраданья,
тихое убежище
И помощь изнутри
ей открывали двери в небеса;
Любовь была в ней шире,
чем вселенная,
В её одном отдельном сердце
мог укрыться целый мир.
Великий неудовлетворённый бог
смог поселиться в ней:
Свободный от тюремной атмосферы
карликовой личности,
Её настрой сумел принять
его возвышенное
утончённое дыхание,
Что может превратить
в божественное всё вокруг.
В ней даже бездны
стали тайниками света.
Она была одновременно
и молчанием, и словом,

A continent of self-diffusing
peace,
An ocean of untrembling virgin
fire;
The strength, the silence of the
gods were hers.
In her he found a vastness like his
own,
His high warm subtle ether he
refound
And moved in her as in his natural
home.
In her he met his own eternity.

И континентом
самопроникавшего покоя,
И океаном девственного
ровного огня;
Могущество, безмолвие богов
принадлежали ей.
В ней он нашёл такую же,
как у себя безбрежность,
Восстановил высокий тёплый
тонкий свой эфир
И двигался в ней
как в родимом доме.
В ней повстречал он
собственную вечность.

Till then no mournful line had
barred this ray.
On the frail breast of this
precarious earth,
Since her orbed sight in its
breath-fastened house,

Opening in sympathy with happier
stars
Where life is not exposed to
sorrowful change,
Remembered beauty
death-claimed lids ignore

And wondered at this world of
fragile forms
Carried on canvas-strips of
shimmering Time,
The impunity of unborn Mights
was hers.
Although she leaned to bear the
human load,
Her walk kept still the measures of
the gods.
Earth's breath had failed to stain
that brilliant glass:

До той поры ни разу тёмная черта
не преграждала этот луч.
На неустойчивой груди
обманчивой земли,
С тех пор, как видящий
повсюду взгляд её
в стесняющем дыхание жилище,
С симпатией открывшись
более счастливым звёздам,
Где жизнь не брошена
на произвол печальных перемен,
Стал помнить красоту, которую
запреты, утверждающие смерть,
не замечают,
И удивляться нашему земному
миру хрупких форм,
Летящих на обрывках парусов
мерцающего Времени,
Она приобрела свободу
нерождённых Сил.
Хотя она склонилась, чтоб
нести с людьми их ношу,
Её походка до сих пор
хранила ритм богов.
Дыхание земли не запятнало
то сверкающее зеркало:

Unsmeared with the dust of our mortal atmosphere
It still reflected heaven's spiritual joy.
Almost they saw who lived within her light
Her playmate in the sempiternal spheres
Descended from its unattainable realms
In her attracting advent's luminous wake,
The white-fire dragon-bird of endless bliss

Drifting with burning wings above her days:
Heaven's tranquil shield guarded the missioned child.
A glowing orbit was her early term,

Years like gold raiment of the gods that pass;
Her youth sat throned in calm felicity.
But joy cannot endure until the end:
There is a darkness in terrestrial things
That will not suffer long too glad a note.
On her too closed the inescapable Hand:
The armed Immortal bore the snare of Time.
One dealt with her who meets the burdened great.

Assigner of the ordeal and the path
Who chooses in this holocaust of the soul

Нетронутое пылью нашей
смертной атмосферы,
Оно всё также отражало
божественную радость неба.
И те, кто жили под её лучами,
могли порой увидеть
Её товарища по играм
в вечных сферах,
Сошедшего из тех
недостижимых царств
Вниз, в озарённый след
её пленяющего появления,
Большого, огненного,
белого дракона-птицу
бесконечного блаженства,
Скользящего на пламенных крылах
над вереницей проходящих дней:
Спокойный страж небес берёг
направленное с миссией дитя.
Сверкавшая орбита
для неё была
лишь временным пределом,
А годы — золотыми преходящими
одеждами богов;
На троне восседала юность
в безмятежном счастье.
Но радость не способна
продолжаться вечно:
Есть темнота в
живущем на земле,
Что не выносит долго
слишком радостную ноту.
Неотвратимая Рука
накрыла и её:
Вооружённая Бессмертная
попалась в сети Времени.
И тот, кто издавна встречал
великих, с их тяжёлой ношей,
теперь занялся ей.
И он, кто назначает
испытание и путь,
Кто выбирает в этом
всесожжении души

Death, fall and sorrow as the spirit's goads,
The dubious godhead with his torch of pain
Lit up the chasm of the unfinished world
And called her to fill with her vast self the abyss.
August and pitiless in his calm outlook,
Heightening the Eternal's dreadful strategy,
He measured the difficulty with the might
And dug more deep the gulf that all must cross.
Assailing her divinest elements,
He made her heart kin to the striving human heart
And forced her strength to its appointed road.
For this she had accepted mortal breath;
To wrestle with the Shadow she had come
And must confront the riddle of man's birth
And life's brief struggle in dumb Matter's night.
Whether to bear with Ignorance and death
Or hew the ways of Immortality,
To win or lose the godlike game for man,
Was her soul's issue thrown with Destiny's dice.

Страдание, падение и смерть
как хлыст для духа,
Сомнительное божество,
держа свой факел боли,
Им высветило бездну
незаконченного мира,
Призвав её[1] своим широким “я”
заполнить эту пропасть.
Величественный и безжалостный
в своём спокойном взгляде,
Возвысив страшный
стратегический план Вечного,
Он трудность измерял
могуществом
И делал ещё глубже пропасть,
которую всем надо перейти.
Напав на самые её
божественные элементы,
Он сделал сердце у неё
сродни стремящемуся
сердцу человека,
Направив силу в ней
по им самим назначенной дороге.
Для этого дыханье смертной
приняла она;
Она пришла сразиться
с этой Тенью,
Она должна была столкнуться
с загадкою рожденья человека,
С короткой битвой жизни
средь ночи немой Материи.
Мириться ли
с Невежеством и смертью,
Иль прорубать
пути Бессмертия,
Завоевать победу
или проиграть
Богоподобную игру
для человека,
Решающий момент её души
бросанием костей Судьбы
определялся.

[1] Савитри, *прим.пер.*

But not to submit and suffer was she born;
To lead, to deliver was her glorious part.
Here was no fabric of terrestrial make
Fit for a day's use by busy careless Powers.
An image fluttering on the screen of Fate,
Half-animated for a passing show,

Or a castaway on the ocean of Desire
Flung to the eddies in a ruthless sport
And tossed along the gulfs of Circumstance,
A creature born to bend beneath the yoke,
A chattel and a plaything of Time's lords,
Or one more pawn who comes destined to be pushed

One slow move forward on a measureless board
In the chess-play of the earth-soul with Doom,-
Such is the human figure drawn by Time.
A conscious frame was here, a self-born Force.
In this enigma of the dusk of God,

This slow and strange uneasy compromise
Of limiting Nature with a limitless Soul,
Where all must move between an ordered Chance
And an uncaring blind Necessity,

Но не страдать и подчиняться
родилась она;
Вести, освобождать —
вот роль, достойная её.
Средь созданного на земле
здесь не было материала
Для повседневных нужд
работающих, беззаботных Сил.
Неясный образ, что трепещет
на экранном полотне Судьбы,
Одушевлённый лишь наполовину
ради временного шоу,
Иль терпящий крушение
в морях Желания,
И брошенный в водоворот
безжалостной забавы,
Носимый по пучинам
Обстоятельства,
Создание, рождённое
сгибаться под ярмом,
Игрушка и имущество
хозяев Времени,
Или одна из пешек,
которой суждено
быть передвинутой
На тихий ход вперёд
по безграничной клетчатой доске
В гигантской шахматной игре
земной души и Рока, —
Так выглядит фигура человека,
нарисованная Временем.
Каркас сознания был здесь,
и само-зародившаяся Сила.
В той тайне
сумерек Всевышнего,
Неторопливом, странном,
и нелёгком компромиссе
Неограниченной Души
и ограниченной Природы,
Где всё должно вращаться
между упорядоченным Случаем
И равнодушной, и слепой
Необходимостью,

Too high the fire spiritual dare not blaze.

If once it met the intense original Flame,

An answering touch might shatter all measures made
And earth sink down with the weight of the Infinite.
A gaol is this immense material world:
Across each road stands armed a stone-eyed Law,

At every gate the huge dim sentinels pace.
A grey tribunal of the Ignorance,

An Inquisition of the priests of Night
In judgment sit on the adventurer soul,
And the dual tables and the Karmic norm
Restrain the Titan in us and the God:
Pain with its lash, joy with its silver bribe

Guard the Wheel's circling immobility.
A bond is put on the high-climbing mind,
A seal on the too large wide-open heart;

Death stays the journeying discoverer, Life.

Thus is the throne of the Inconscient safe
While the tardy coilings of the aeons pass

Божественный огонь
не станет рисковать,
сияя слишком высоко.
Но стоит встретиться ему
с самостоятельным
и сильным Пламенем,
Ответное касание способно разнести
любые деланные мерки,
И вся земля осядет
под тяжёлым весом Бесконечности.
Весь наш материальный
необъятный мир — тюрьма:
На каждой из дорог
стоит вооружённый,
с каменным лицом Закон,
У каждых врат вышагивает смутная
громадная фигура часового.
Здесь мрачный
трибунал Невежества,
И Инквизиция жрецов Ночи,
Выносят приговор душе,
искательнице приключений,
А двойственные заповеди,
и Кармическая норма
В нас ограничивают
Бога и Титана:
Боль со своею плетью,
радость со своей
серебряною взяткой
Хранят вертящуюся
неподвижность Колеса.
Цепь одевается на слишком высоко
взбирающийся ум,
Печати ставятся
на чересчур большое,
широко распахнутое сердце;
Смерть останавливает
странника-исследователя —
Жизнь.
Так сохраняется
трон Несознания,
Пока эпохи медленно
проходят по спирали,

And the Animal browses in the sacred fence
And the gold Hawk can cross the skies no more.

But one stood up and lit the limitless flame.

Arraigned by the dark Power that hates all bliss
In the dire court where life must pay for joy,

Sentenced by the mechanic justicer
To the afflicting penalty of man's hopes,
Her head she bowed not to the stark decree

Baring her helpless heart to destiny's stroke.

So bows and must the mind-born will in man

Obedient to the statutes fixed of old,

Admitting without appeal the nether gods.
In her the superhuman cast its seed.
Inapt to fold its mighty wings of dream
Her spirit refused to hug the common soil,
Or, finding all life's golden meanings robbed,

Compound with earth, struck from the starry list,

Пока Животное пасётся
за священною оградой,
А золотистый Сокол
больше не способен
пронестись по небесам.
Но вот поднялся кто-то
и зажёг огонь,
не знающих пределов.
И осуждённая той тёмной Силой,
что ненавидит всякое блаженство,
На заседании ужасного суда,
где жизнь должна
платить за радость,
Приговорённая бездумным
механическим судьей
К мучительной расплате
человеческой надеждой,
Она не опустила головы
под тяжестью
закостенелого указа,
Не стала обнажать
беспомощное сердце
под ударами судьбы.
Так подчиняется
и вынуждена подчиняться
воля в человеке,
Рождённая умом,
послушная застывшим
установкам прошлого,
Без возражения впуская внутрь
богов из низших планов.
В Савитри же сверхчеловек
посеял семена свои.
Отказываясь складывать
могучие крыла мечты,
Её дух не хотел держаться
за обычную земную почву,
Или, найдя, что
замечательные смыслы жизни
все уже разграблены,
Смириться с тем, что
землю вычеркнули
из высоких звёздных списков,

Or quench with black despair the
God-given light.
Accustomed to the eternal and the
true,
Her being conscious of its divine
founts
Asked not from mortal frailty
pain's relief,
Patched not with failure bargain or
compromise.
A work she had to do, a word to
speak:
Writing the unfinished story of her
soul

In thoughts and actions graved in
Nature's book,
She accepted not to close the
luminous page,
Cancel her commerce with
eternity,
Or set a signature of weak assent

To the brute balance of the world's
exchange.
A force in her that toiled since
earth was made,
Accomplishing in life the great
world-plan,
Pursuing after death immortal
aims,
Repugned to admit frustration's
barren role,
Forfeit the meaning of her birth in
Time,
Obey the government of the
casual fact
Or yield her high destiny up to
passing Chance.
In her own self she found her high
recourse;

Или гасить своею чёрной горечью
свет, данный человеку Богом.
Привыкнув к вечному и к истинному,
существо её,
Осознавая свой
божественный источник,
Не попросило облегченья
боли смертной слабости,
И не латало неудачу
сделкой или компромиссом.
Ей надо было выполнить работу,
и сказать здесь слово:
Записывая в мыслях и поступках,
навечно остающихся
в томах Природы,
Незавершённую историю
своей души,
Она не соглашалась закрывать
в ней светлую страницу,
И отменять своё
общенье с вечностью,
Иль ставить подпись
малодушного согласия
Под грубым равновесьем
общего обмена в мире.
Её могущество, работавшее
с сотворения земли,
В жизнь проводя
великий план вселенной,
Преследуя за смертью
цели, замыслы бессмертных,
Отказывалось принимать
пустую роль разочарованной души,
Терять смысл своего
рождения во Времени,
И подчиняться власти
хаотичных фактов,
И отдавать свою высокую судьбу
на волю временного Случая.
В своём глубоком “я”
она нашла высокое прибежище;

She matched with the iron law her sovereign right:

Her single will opposed the cosmic rule.
To stay the wheels of Doom this greatness rose.
At the Unseen's knock upon her hidden gates
Her strength made greater by the lightning's touch
Awoke from slumber in her heart's recess.
It bore the stroke of That which kills and saves.
Across the awful march no eye can see,
Barring its dreadful route no will can change,

She faced the engines of the universe;

A heart stood in the way of the driving wheels:
Its giant workings paused in front of a mind,
Its stark conventions met the flame of a soul.
A magic leverage suddenly is caught
That moves the veiled Ineffable's timeless will:

A prayer, a master act, a king idea

Can link man's strength to a transcendent Force.
Then miracle is made the common rule,
One mighty deed can change the course of things;

И противопоставила
железному закону
Другое право —
право повелителя:
Своей отдельной волей
опрокинула космические нормы.
Величье это поднялось
остановить колеса Рока.
На стук Незримого
в её сокрытые врата
Её могущество, став больше
от касанья озаренья,
Очнулось ото сна
в сердечной нише.
Оно сумело вынести удар Того,
что убивает и спасает.
Наперекор чудовищному маршу,
который ни один взгляд не увидит,
И преграждая страшное движение,
что никакая воля
не смогла бы изменить,
Она лицом к лицу столкнулась
с грандиозными
локомотивами вселенной;
И сердце встало
на пути катящихся колёс:
Гигантская работа их
запнулась в шаге от её ума,
Застывшая условность
встретилась с огнём души.
Внезапно зацепился в глубине
магический рычаг,
Которым двигалась
вневременная воля
скрытого Невыразимого:
Молитва, действие умельца,
главная идея
Соединить способны силу человека
с трансцендентной Силой.
Тогда и чудо делается
общим правилом,
Один могучий шаг способен
изменить весь ход вещей;

A lonely thought becomes omnipotent.
All now seems Nature's massed machinery;
An endless servitude to material rule
And long determination's rigid chain,
Her firm and changeless habits aping Law,

Her empire of unconscious deft device
Annul the claim of man's free human will.
He too is a machine amid machines;
A piston brain pumps out the shapes of thought,
A beating heart cuts out emotion's modes;
An insentient energy fabricates a soul.
Or the figure of the world reveals the signs
Of a tied Chance repeating her old steps
In circles around Matter's binding-posts.
A random series of inept events

To which reason lends illusive sense, is here,
Or the empiric Life's instinctive search,
Or a vast ignorant mind's colossal work.
But wisdom comes, and vision grows within:
Then Nature's instrument crowns himself her king;

Одна единственная мысль —
становится всесильной.
Сейчас всё кажется
огромной машинерией Природы;
Так нескончаемое рабство
под пятой материи
И жёсткой цепью
длинной предопределённости,
Её[1] настойчивые,
неизменные привычки,
в подражание Закону,
Её империя несознающего
искусного устройства
Уничтожают притязанья человека
на свою свободу воли.
Он тоже — словно некая машина
посреди машин;
Подобно поршню
мозг качает мыслеформы,
Биенье сердца вырезает
разновидности эмоций;
Энергия без чувства
фабрикует душу.
Бывает, облик мира открывает
знаки связанного Случая,
Что повторяет
старые шаги Природы,
Кружа вокруг
скрепляющих столбов Материи.
Здесь есть случайные цепочки
из бессмысленных событий,
Которым разум придаёт
какой-то иллюзорный смысл,
Есть инстинктивный поиск
познающей Жизни,
Есть колоссальная работа
необъятного невежества ума.
Но вот приходит мудрость,
вырастает виденье внутри:
И инструмент Природы коронует
самого себя царём;

[1] Природы, *прим.пер.*

He feels his witnessing self and
conscious power;
His soul steps back and sees the
Light supreme.
A Godhead stands behind the
brute machine.
This truth broke in in a triumph of
fire;
A victory was won for God in
man,
The deity revealed its hidden face.

The great World-Mother now in
her arose:
A living choice reversed fate's
cold dead turn,

Affirmed the spirit's tread on
Circumstance,
Pressed back the senseless dire
revolving Wheel
And stopped the mute march of
Necessity.
A flaming warrior from the eternal
peaks
Empowered to force the door
denied and closed
Smote from Death's visage its
dumb absolute
And burst the bounds of
consciousness and Time.

End of Canto Two

Он ощущает внутреннего “я”-свидетеля
и силу своего сознания;
Его душа отходит чуть назад
и видит высший Свет.
Отныне Божество стоит
за грубо сделанной машиной.
И эта истина врывается
в триумфе яркого огня;
Победа завоевана
для Бога в человеке,
И божество явило
свой сокрытый лик.
Великая Мать Мира
поднималась в ней[1] сейчас:
Её осознающий выбор отменил
холодный мёртвый
поворот судьбы,
Поставив поступь духа
выше Обстоятельства,
Толкнул назад бесчувственное
страшное вертящееся Колесо,
Остановил безмолвный
марш Необходимости.
А после, пламенный боец,
пришедший с вечных пиков,
Кому доверили взломать
запретную и запертую дверь,
Сбил с лика Бога Смерти
всю его глухую абсолютность,
И на куски разнёс
ограничения сознания и Времени.

Конец второй песни

[1] Савитри, *прим.пер.*

Book One
THE BOOK OF BEGINNINGS

Canto III
THE YOGA OF THE KING:
THE YOGA OF THE SOUL'S
RELEASE

A world's desire compelled her
mortal birth.

One in the front of the
immemorial quest,
Protagonist of the mysterious play
In which the Unknown pursues
himself through forms

And limits his eternity by the
hours
And the blind Void struggles to
live and see,
A thinker and toiler in the ideal's
air,
Brought down to earth's dumb
need her radiant power.
His was a spirit that stooped from
larger spheres
Into our province of ephemeral
sight,
A colonist from immortality.
A pointing beam on earth's
uncertain roads,
His birth held up a symbol and a
sign;
His human self like a translucent
cloak

Книга Первая
КНИГА НАЧАЛ

Песня III
ЙОГА ЦАРЯ:
ЙОГА ОСВОБОЖДЕНИЯ
ДУШИ

Желанье мира
заставило её[1] пойти
на смертное рождение.
Один, перед лицом
извечных поисков,
Герой непостижимого спектакля,
В котором Неизвестное
преследует себя
под видом форм
И ограничивает собственную вечность
быстротечными часами,
Там, где слепая Пустота
сражается, чтоб жить и видеть,
Мыслитель, труженик,
живущий в атмосфере идеала,
Принёс для молчаливых нужд земли
её сияющую силу.
Его[2] был дух, спустившийся
из более широких сфер
В провинцию недолговечных,
эфемерных образов,
Как поселенец из бессмертия.
Его рожденье было
символом и знаком,
Лучом, дающим направленье
на изменчивых путях земли,
А человеческая личность,
как прозрачный плащ,

[1] Савитри, *прим.пер.*
[2] Ашвапати, *прим.пер.*

Covered the All-Wise who leads
the unseeing world.
Affiliated to cosmic Space and
Time
And paying here God's debt to
earth and man
A greater sonship was his divine
right.
Although consenting to mortal
ignorance,
His knowledge shared the Light
ineffable.
A strength of the original
Permanence
Entangled in the moment and its
flow,
He kept the vision of the Vasts
behind:
A power was in him from the
Unknowable.
An archivist of the symbols of the
Beyond,
A treasurer of superhuman
dreams,
He bore the stamp of mighty
memories
And shed their grandiose ray on
human life.
His days were a long growth to
the Supreme.
A skyward being nourishing its
roots
On sustenance from occult
spiritual founts
Climbed through white rays to
meet an unseen Sun.

His soul lived as eternity's
delegate,
His mind was like a fire assailing
heaven,

Была одета на Все-Мудрого,
поводыря невидящего мира.
Войдя в космические
Время и Пространство,
Оплачивая долг Всевышнего
земле и человеку,
Он получил божественное право
стать его великим сыном.
Хотя он дал согласие
на смертное невежество,
Познания его несли
невыразимый Свет.
Могущество первоначальной
Неизменности,
Что поймано в мгновенье
и его поток,
По-прежнему, за всем
он видел Необъятности:
В нём оставалась сила
из Непознаваемого.
Библиотекарь символов
Того, что за пределом,
Хранитель замыслов
сверхчеловека,
Он нёс печать воспоминаний
полных силы
И проливал их грандиозные лучи
на человеческую жизнь.
Его дни были долгим
ростом к Наивысшему.
Нацеленное в небо существо,
питавшее свои основы
Поддержкой из духовных
и оккультных родников,
Взбиралось вверх,
сквозь белые лучи,
Чтоб повстречать
невидимое Солнце.
Его душа жила
посланницею вечности,
Ум был как пламя,
лижущее небеса,

His will a hunter in the trails of light.
An ocean impulse lifted every breath;
Each action left the footprints of a god,
Each moment was a beat of puissant wings.
The little plot of our mortality

Touched by this tenant from the heights became
A playground of the living Infinite.
This bodily appearance is not all;

The form deceives, the person is a mask;
Hid deep in man celestial powers can dwell.

His fragile ship conveys through the sea of years
An incognito of the Imperishable.

A spirit that is a flame of God abides,
A fiery portion of the Wonderful,
Artist of his own beauty and delight,
Immortal in our mortal poverty.

This sculptor of the forms of the Infinite,
This screened unrecognised Inhabitant,
Initiate of his own veiled mysteries,
Hides in a small dumb seed his cosmic thought.
In the mute strength of the occult Idea

А воля — гончей
по пятам за светом.
Подобный океану импульс
поднимал его дыхание;
Любое дело оставляло
отпечаток бога,
И каждый миг был
как удар могучих крыльев.
Наш маленький участок
мира смертных,
Касаньем этого жильца,
с высоких пиков
Стал местом для игры
ожившей Бесконечности.
Телесный облик —
далеко не всё;
Обманывает форма,
а личность — это маска;
В глубинах человека
скрыто могут жить
божественные силы.
Его непрочное судёнышко
несёт по морю лет
Под тайным, скрытым именем —
Нетленного.
В нём пребывает дух,
который — пламя Бога,
И огненная порция Чудесного,
Художник собственного
наслаждения и красоты,
Бессмертный в нашей
смертной нищете.
Ваятель форм, обличий
Бесконечного,
Незамечаемый Жилец,
укрытый ширмой,
Кто посвятил себя
в свои же скрытые мистерии,
Упрятал в маленьком немом зерне
свою космическую мысль.
В безмолвной силе,
наделяющей могуществом
оккультную Идею,

Determining predestined shape
and act,

Passenger from life to life, from
scale to scale,

Changing his imaged self from
form to form,

He regards the icon growing by
his gaze
And in the worm foresees the
coming god.
At last the traveller in the paths of
Time
Arrives on the frontiers of
eternity.
In the transient symbol of
humanity draped,
He feels his substance of undying
self
And loses his kinship to mortality.

A beam of the Eternal smites his
heart,
His thought stretches into
infinitude;
All in him turns to spirit
vastnesses.
His soul breaks out to join the
Oversoul,
His life is oceaned by that
superlife.
He has drunk from the breasts of
the Mother of the worlds;
A topless Supernature fills his
frame:
She adopts his spirit's everlasting
ground
As the security of her changing
world
And shapes the figure of her
unborn mights.

Определяющую
предназначенный судьбою
внешний вид и облик,
Переходя от жизни к жизни,
и от плана к плану,
словно пассажир,
Меняя каждый раз
своё воображаемое “я”,
от формы к форме,
Он вглядывается в образ,
вырастающий от взгляда
И в червяке предвидит
будущего бога.
И вот, идущий
по дорогам Времени
Достиг границы,
за которой — вечность.
Закутанный в недолговечный
символ человечества,
Он чувствует свою субстанцию
неумирающего “я”,
Теряя близкое родство
со смертными.
Луч Вечного
его ударил в сердце,
Мысль протянулась вдаль,
до бесконечности;
В нём всё теперь повёрнуто
к просторам духа.
Душа в нём рвётся
к единению со Сверхдушой,
А жизнь полна, как океан,
её сверхжизнью.
Его вскормила грудью
Мать миров;
Высоты Сверхприроды
наполняют тело:
Она берёт его основу духа,
вечно неизменную,
Как поручителя
её изменчивого мира
И строит образы
для нерождённых сил своих.

Immortally she conceives herself
in him,
In the creature the unveiled
Creatrix works:

Her face is seen through his face,
her eyes through his eyes;

Her being is his through a vast
identity.

Then is revealed in man the overt
Divine.
A static Oneness and dynamic
Power
Descend in him, the integral
Godhead's seals;
His soul and body take that
splendid stamp.
A long dim preparation is man's
life,
A circle of toil and hope and war
and peace
Tracked out by Life on Matter's
obscure ground.
In his climb to a peak no feet have
ever trod,
He seeks through a penumbra shot
with flame
A veiled reality half-known, ever
missed,
A search for something or
someone never found,

Cult of an ideal never made real
here,

An endless spiral of ascent and
fall
Until at last is reached the giant
point

Не зная смерти,
постигая в нём себя,
В его глубинном существе
работает та Созидательница,
сняв покровы:
Её лицо проглядывает
сквозь его лицо,
её глаза — через его глаза;
Её существование
широким тождеством
становится его.
А после, в человеке проявляется
открытое Божественное.
Статичное Единство
с динамичной Силой
Сошли в него,
печати целостного Божества;
Его душа и тело приняли
роскошный этот отпечаток.
Жизнь человека —
долгое, неясное приготовление,
Круги труда, надежды,
мира и войны,
Протоптанные Жизнью
по сумрачной земле Материи.
В своём подъёме к пику,
на который не ступал никто,
Он ищет с факелом
средь светлых пятен в полумраке
Полузнакомую сокрытую реальность,
вечно упускаемую,
Отыскивает что-то иль кого-то,
которых никогда ещё
не находили,
Культ идеального,
что никогда не становилось
здесь реальным,
По нескончаемой спирали
восхождений и падений,
Пока не доберётся, наконец,
он до своей гигантской цели,

Through which his Glory shines
for whom we were made

And we break into the infinity of
God.
Across our nature's border line we
escape
Into Supernature's arc of living
light.
This now was witnessed in that
son of Force;
In him that high transition laid its
base.
Original and supernal Immanence

Of which all Nature's process is
the art,
The cosmic Worker set his secret
hand
To turn this frail mud-engine to
heaven-use.

A Presence wrought behind the
ambiguous screen:
It beat his soil to bear a Titan's
weight,
Refining half-hewn blocks of
natural strength
It built his soul into a statued god.

The Craftsman of the magic stuff
of self
Who labours at his high and
difficult plan
In the wide workshop of the
wonderful world,
Modelled in inward Time his
rhythmic parts.

Then came the abrupt
transcendent miracle:

И через это Слава человека
засияет для того,
кто создал нас,
И мы ворвёмся
в бесконечность Бога.
Мы выбежим за тесные границы
собственного естества
Под свод живительного
света Сверхприроды.
Всё это было видно
в Ашвапати, сыне Силы;
Через него высокий этот переход
смог заложить свою основу.
Первоначальное,
божественное Имманентное,
Которое движенье всей Природы
делает искусством,
Космический Рабочий возложил
свою таинственную длань,
Направить хрупкую машину
из земного праха
для небесной пользы.
За неотчётливой завесой, позади,
работало Присутствие:
Трамбуя почву в нём,
чтоб выдержала вес Титана,
И подгоняя полуобработанные глыбы
его природной силы,
Оно упорно превращало
душу Ашвапати
в изваянье бога.
Мастеровой магической материи
для внутреннего "я",
Работая в своём высоком,
сложном плане,
В обширной мастерской
наполненного чудесами мира
На внутреннее Время
накладывал свои
ритмические вставки.
Затем внезапно появилось
чудо трансцендентного:

The masked immaculate Grandeur could outline,

At travail in the occult womb of life,
His dreamed magnificence of things to be.
A crown of the architecture of the worlds,
A mystery of married Earth and Heaven
Annexed divinity to the mortal scheme.
A Seer was born, a shining Guest of Time.
For him mind's limiting firmament ceased above.
In the griffin forefront of the Night and Day
A gap was rent in the all-concealing vault;
The conscious ends of being went rolling back:
The landmarks of the little person fell,
The island ego joined its continent.
Overpassed was this world of rigid limiting forms:
Life's barriers opened into the Unknown.
Abolished were conception's covenants
And, striking off subjection's rigorous clause,
Annulled the soul's treaty with Nature's nescience.

All the grey inhibitions were torn off
And broken the intellect's hard and lustrous lid;

Сокрытый маской,
безупречный Грандиозный
смог обрисовать,
Страдая родовыми муками
в оккультном лоне жизни,
Задуманное им великолепие
того, что будет.
Венец архитектурного
строения миров,
И тайна обручившихся
Земли и Неба,
Добавили божественное
к смертной схеме.
Провидец был рождён,
сияющий Гость Времени.
Ради него был сверху снят
ограничительный экран ума.
И в напряжённом противостоянии
Ночи и Дня
Прорвали брешь
во всескрывающем небесном своде;
Знакомые границы бытия
ушли, откатываясь, прочь:
Пропали все ориентиры
маленького круга личности,
И остров эго
слился с континентом.
Был превзойдён мир жёстких
ограничивавших форм:
Барьеры жизни
распахнулись в Неизвестное.
Отменены все соглашения-основы
для понятий
И, убирая строгий пункт
о подчинении,
Был аннулирован
глубинный договор души
с неведеньем Природы.
Все мрачные запреты
были выброшены прочь,
Расколота тяжёлая и глянцевая
крышка интеллекта;

Truth unpartitioned found
immense sky-room;

An empyrean vision saw and
knew;
The bounded mind became a
boundless light,
The finite self mated with infinity.

His march now soared into an
eagle's flight.
Out of apprenticeship to Ignorance
Wisdom upraised him to her
master craft
And made him an archmason of
the soul,
A builder of the Immortal's secret
house,
An aspirant to supernal
Timelessness:
Freedom and empire called to him
from on high;
Above mind's twilight and life's
star-led night

There gleamed the dawn of a
spiritual day.

Неразделённая на части Истина
нашла безмерное
пространство в небе;
И можно было знать и видеть
небесным зрением;
Границами зажатый ум
стал безграничным светом,
Конечное земное “я” смогло
стать парой бесконечному.
Марш Ашвапати воспарил
до высоты орлиного полёта.
Из ученичества в Невежестве
До своего высокого умения
его подняла Мудрость,
Назначив основным
мастеровым души,
Который строит
тайный дом Бессмертного
И устремляется
к высокому Вневременью:
Свобода, власть
к нему взывали с высоты;
Над сумраком ума
и направляемый по звёздам
ночью жизни,
Сверкал рассвет
божественного дня.

As so he grew into his larger
self,
Humanity framed his movements
less and less;
A greater being saw a greater
world.

A fearless will for knowledge
dared to erase
The lines of safety Reason draws
that bar

Mind's soar, soul's dive into the
Infinite.

По мере, как он вырастал
в своё большое “я”,
Родство с людьми всё меньше
значило в его движеньях;
Он со своим
всё более великим существом
мог видеть более великий мир.
Не знающая страха воля к знанию
осмелилась стереть
Границы безопасности,
расчерченные Разумом,
которые мешают
Умам — парить,
а душам — погружаться
в Бесконечность.

Even his first steps broke our small earth-bounds
And loitered in a vaster freer air.
In hands sustained by a transfiguring Might
He caught up lightly like a giant's bow
Left slumbering in a sealed and secret cave
The powers that sleep unused in man within.
He made of miracle a normal act
And turned to a common part of divine works,
Magnificently natural at this height,
Efforts that would shatter the strength of mortal hearts,
Pursued in a royalty of mighty ease
Aims too sublime for Nature's daily will:
The gifts of the spirit crowding came to him;
They were his life's pattern and his privilege.
A pure perception lent its lucent joy:
Its intimate vision waited not to think;
It enveloped all Nature in a single glance,
It looked into the very self of things;
Deceived no more by form he saw the soul.
In beings it knew what lurked to them unknown;

Уже начальные его шаги
порвали наши мелкие
земные путы,
И вынесли его в просторы
более свободной атмосферы.
И в руки, что поддерживались
Силой преобразования,
Он с лёгкостью поймал,
как лук гиганта,
Оставленные дремлющими
в запечатанной секретной нише
Энергии, что спят без дела
у людей внутри.
Он сделал чудеса
нормальным действием
И превратил в обычный элемент
божественных работ,
Прекрасный и естественный
на этой высоте,
Усилия, которые разбили б
силу человеческих сердец,
Преследуя в том царстве
мощи и свободы
Намерения, слишком грандиозные
для повседневных дел Природы:
Подарки духа приходили
толпами к нему
И становились привилегией
и нормой жизни.
Очищенное восприятие несло
свою светящуюся радость:
Его взгляд изнутри
не дожидался мысли;
Охватывая всю Природу
быстрым цельным взглядом,
Он вглядывался
в истинную суть вещей;
И не обманываясь больше формой,
Ашвапати видел душу.
В различных существах он знал
что пряталось от них самих;

It seized the idea in mind, the wish
in the heart;

It plucked out from grey folds of
secrecy
The motives which from their own
sight men hide.
He felt the beating life in other
men
Invade him with their happiness
and their grief;
Their love, their anger, their
unspoken hopes
Entered in currents or in pouring
waves
Into the immobile ocean of his
calm.
He heard the inspired sound of his
own thoughts
Re-echoed in the vault of other
minds;
The world's thought-streams
travelled into his ken;
His inner self grew near to others'
selves
And bore a kinship's weight, a
common tie,
Yet stood untouched, king of
itself, alone.

A magical accord quickened and
attuned
To ethereal symphonies the old
earthy strings;
It raised the servitors of mind and
life
To be happy partners in the soul's
response,
Tissue and nerve were turned to
sensitive chords,
Records of lustre and ecstasy; it
made

Он схватывал идею,
возникавшую в уме,
желанье, возникающее в сердце;
Он сбрасывал унылую
вуаль секретности
С мотивов, что обычно люди
прячут от своих же глаз.
Он чувствовал, как жизнь,
что бьёт ключом в других,
Врывалась внутрь него
с их счастьем или горем;
Любовь, их гнев,
их молчаливые надежды
Входили реками
и заливавшими валами
В недвижный океан
его покоя.
Он слышал вдохновенный звон
своих же мыслей,
Что отзывался эхом, разносясь
под сводами других умов;
Всемирные потоки мысли
наполняли круг его познаний,
А внутреннее “я” всё ближе
подходило к “я” других
И разделяло бремя общего родства,
соединявших уз,
Но оставалось одиноким,
незатронутым,
хозяин самому себе.
Магический аккорд
вдохнул звучание,
Настроил старые земные струны
на эфирные симфонии;
Он поднимал
слуг жизни и ума
До уровня счастливого партнёра
в отклике души,
Ткань тела, нервы стали все
чувствительными жилками,
Запоминавшими
сиянье и экстаз;

The body's means the spirit's acolytes.
A heavenlier function with a finer mode
Lit with its grace man's outward earthliness;
The soul's experience of its deeper sheaths
No more slept drugged by Matter's dominance.
In the dead wall closing us from wider self,
Into a secrecy of apparent sleep,
The mystic tract beyond our waking thoughts,
A door parted, built in by Matter's force,
Releasing things unseized by earthly sense:
A world unseen, unknown by outward mind
Appeared in the silent spaces of the soul.
He sat in secret chambers looking out
Into the luminous countries of the unborn
Where all things dreamed by the mind are seen and true
And all that the life longs for is drawn close.
He saw the Perfect in their starry homes
Wearing the glory of a deathless form,
Lain in the arms of the Eternal's peace,
Rapt in the heart-beats of God-ecstasy.
He lived in the mystic space where thought is born

А инструменты тела стали
верными служителями духа.
Божественное назначение
утончённого вида
Поверхностную приземлённость
озарило светом своего изящества;
Переживание душой
своих глубинных оболочек
Не спало больше, одурманенное
от владычества Материи.
В глухой стене, отгородившей нас
от более широкого, другого “я”,
В секрет осознаваемого сна,
В мистические области за нашей
пробуждённой мыслью,
Открылась дверь,
построенная силами Материи,
Освобождая нечто,
недоступное земному чувству:
Незримый мир,
неведомый для внешнего ума
Возник среди безмолвия
пространств души.
Он[1] восседал в палатах,
полных тайн,
Смотрел на озаряемые
страны нерождённых,
Где всё, о чём мечтает ум,
и истинно, и зримо,
И всё, что страстно хочет жизнь,
становится доступным.
Он видел Совершенных
в их звёздных обиталищах,
Одетых в славу и великолепие
бессмертной формы,
Которые лежат
в объятиях покоя Вечного,
В восторге от сердцебиения
экстаза Бога.
Он жил в мистическом пространстве,
где рождают мысль,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

And will is nursed by an ethereal Power
And fed on the white milk of the Eternal's strengths
Till it grows into the likeness of a god.
In the Witness's occult rooms with mind-built walls
On hidden interiors, lurking passages
Opened the windows of the inner sight.
He owned the house of undivided Time.
Lifting the heavy curtain of the flesh
He stood upon a threshold serpent-watched,
And peered into gleaming endless corridors,
Silent and listening in the silent heart
For the coming of the new and the unknown.
He gazed across the empty stillnesses
And heard the footsteps of the undreamed Idea
In the far avenues of the Beyond.

He heard the secret Voice, the Word that knows,
And saw the secret face that is our own.
The inner planes uncovered their crystal doors;

Strange powers and influences touched his life.
A vision came of higher realms than ours,
A consciousness of brighter fields and skies,

Где волю кормят
от груди эфирной Силы
Пока, не напитавшись
белым молоком сил Вечного,
Она не вырастет
в подобье бога.
Там, в тайных комнатах Свидетеля,
со стенами, что строит ум,
На спрятанные залы,
потайные переходы
Открылись окна
внутреннего взора.
Он стал хозяином
жилища целостного Времени.
Подняв тяжёлый занавес
материальной плоти,
Он замер на пороге,
под змеиным взглядом,
И вглядывался в бесконечные
мерцающие коридоры,
Безмолвный, слушая в своём
безмолвном сердце
Как подступает новое
и неизвестное.
Он пристально смотрел
сквозь неподвижность пустоты
И слышал звук шагов
неописуемой Идеи
По дальним улицам,
аллеям Запредельного.
Он слышал тайный Голос,
знающее Слово,
И видел тайный лик, который —
собственный наш лик.
Все внутренние планы
открывали для него
хрустальные врата;
Неведомые силы и влияния
касались жизни.
Пришла возможность видеть
царства выше наших,
И осознание небес и областей,
что ярче прежних,

Of beings less circumscribed than brief-lived men
And subtler bodies than these passing frames,
Objects too fine for our material grasp,
Acts vibrant with a superhuman light
And movements pushed by a superconscient force,
And joys that never flowed through mortal limbs,
And lovelier scenes than earth's and happier lives.

A consciousness of beauty and of bliss,
A knowledge which became what it perceived,
Replaced the separated sense and heart
And drew all Nature into its embrace.
The mind leaned out to meet the hidden worlds:
Air glowed and teemed with marvellous shapes and hues,

In the nostrils quivered celestial fragrances,
On the tongue lingered the honey of paradise.
A channel of universal harmony,

Hearing was a stream of magic audience,
A bed for occult sounds earth cannot hear.
Out of a covert tract of slumber self
The voice came of a truth submerged, unknown

Существ, не столь уж ограниченных,
как люди, с их короткой жизнью,
И тел, что тоньше
наших бренных оболочек,
Объектов, слишком утончённых
для материальной нашей мысли,
И дел, несущих свет, вибрации
сверхчеловечества,
Движений, порождаемых
сверхсознающей силой,
И радостей, что никогда не протекали
по земным телам,
И более прекрасных мест,
чем на земле,
и более счастливых жизней.
Сознание блаженства, красоты,
способность знать,
Отождествляясь с тем,
что постигаешь,
Сменили разделённость
чувств и сердца,
И притянули всю Природу
в их объятия.
Ум развернулся встретить
скрытые миры:
Искрилась атмосфера,
переполненная удивительными
формами и цветом,
В ноздрях стояли, трепеща,
божественные ароматы,
Медовый привкус рая
был на языке.
И слух —
канал космических гармоний,
Отныне стал рекой
магических познаний,
И руслом для оккультных звуков,
что нельзя услышать на земле.
Из скрытого пространства
дремлющего “я”
Явился голос истины,
глубинной, неизвестной,

That flows beneath the cosmic surfaces,
Only mid an omniscient silence heard,
Held by intuitive heart and secret sense.
It caught the burden of secrecies sealed and dumb,
It voiced the unfulfilled demand of earth
And the song of promise of unrealised heavens
And all that hides in an omnipotent Sleep.
In the unceasing drama carried by Time
On its long listening flood that bears the world's
Insoluble doubt on a pilgrimage without goal,
A laughter of sleepless pleasure foamed and spumed
And murmurings of desire that cannot die:
A cry came of the world's delight to be,
The grandeur and greatness of its will to live,
Recall of the soul's adventure into space,
A traveller through the magic centuries
And being's labour in Matter's universe,
Its search for the mystic meaning of its birth
And joy of high spiritual response,

Its throb of satisfaction and content
In all the sweetness of the gifts of life,

Текущей под космической
поверхностью вещей,
Что слышен лишь среди
всеведающей тишины,
И понимаемый интуитивным сердцем,
тайным чувством.
Он нёс груз тайн,
сокрытых и немых,
Он говорил про неисполненное
требование земли,
И пел об обещании
ещё невоплотившихся небес,
И обо всём, что прячется
во всемогущем Сне.
В той непрерывной драме,
проносимой Временем
По долгому, внимающему половодью,
что несёт
Неразрешимое сомненье мира
в странствии без цели,
Бурлил и пузырился смех
неугомонных наслаждений,
И слышались глухие голоса желанья,
что не может умереть:
Зов, приходящий
от восторга мира быть,
Величие и грандиозность
воли мира жить
Взывали к приключению
души в пространстве,
Стать путешественником
по магическим столетиям,
К работе бытия
среди вселенной из Материи,
И к поискам мистического смысла
своего рождения,
И к радости высокого
духовного ответа,
И к трепету согласия
и удовлетворённости
Всей этой сладостью
подарков жизни,

Its large breath and pulse and thrill
of hope and fear,
Its taste of pangs and tears and
ecstasy,
Its rapture's poignant beat of
sudden bliss,
The sob of its passion and
unending pain.
The murmur and whisper of the
unheard sounds
Which crowd around our hearts
but find no window
To enter, swelled into a canticle

Of all that suffers to be still
unknown
And all that labours vainly to be
born
And all the sweetness none will
ever taste

And all the beauty that will never
be.

Inaudible to our deaf mortal ears

The wide world-rhythms wove
their stupendous chant
To which life strives to fit our
rhyme-beats here,

Melting our limits in the
illimitable,
Tuning the finite to infinity.

A low muttering rose from the
subconscient caves,
The stammer of the primal
ignorance;
Answer to that inarticulate
questioning,
There stooped with lightning neck
and thunder's wings

К широкому его дыханью, пульсу,
трепету надежд и страха,
И к вкусу боли,
горьких слёз, экстаза,
И к острому биению восторга
от внезапного блаженства,
К рыданию его страстей
и нескончаемого горя.
Журчанье, шёпот
недоступных уху звуков,
Что ходят толпами вокруг сердец,
не находя окошка
Чтоб войти
поднялись, вырастая в гимн
Всего, страдающего до сих пор,
быть неизвестным,
Всего, что трудится напрасно,
чтобы родиться,
И всей той сладости,
которую никто
и не отведает вообще,
И всей той красоты,
которой больше
никогда не будет.
Неслышимые для глухого
уха смертного,
Широкие космические ритмы
сплетались в изумительную песнь,
Под эти ритмы жизнь
стремится подогнать
биенья-рифмы в нас,
Переплавляя наши узкие пределы
в беспредельное,
Настраивая всё конечное
на бесконечность.
Из подсознательных пещер
поднялось низкое ворчание,
Невнятный голос
изначального невежества;
В ответ на то
невнятное сомнение,
Спустился, с шеей-молнией
и громом-крыльями,

A radiant hymn to the Inexpressible
And the anthem of the
superconscient light.
All was revealed there none can
here express;
Vision and dream were fables
spoken by truth
Or symbols more veridical than
fact,
Or were truths enforced by
supernatural seals.
Immortal eyes approached and
looked in his,
And beings of many kingdoms
neared and spoke:
The ever-living whom we name as
dead
Could leave their glory beyond
death and birth

To utter the wisdom which
exceeds all phrase:
The kings of evil and the kings of
good,
Appellants at the reason's
judgment seat,
Proclaimed the gospel of their
opposites,
And all believed themselves
spokesmen of God:
The gods of light and titans of the
dark
Battled for his soul as for a costly
prize.
In every hour loosed from the
quiver of Time
There rose a song of new
discovery,
A bow-twang's hum of young
experiment.
Each day was a spiritual romance,

Лучистый гимн Невыразимому,
Хорал сияющего
света сверхсознания.
Открылось всё, что здесь
никто не может выразить;
Видение, мечта — теперь истории,
поведанные истиной,
А может — символы,
что достовернее, чем факт,
А может — истины, что подкрепляются
печатью сверхприроды.
Бессмертные глаза придвинулись
и глянули в его глаза,
А существа из многих царств
приблизились и говорили:
Живущие в веках,
кого мы называем умершими,
Сумевшие продолжить
собственную славу
за пределами рождения и смерти,
Чтоб выразить ту мудрость,
что превыше всяких фраз:
Цари добра
и властелины зла,
Что апеллируют
к судейской должности рассудка,
Провозглашали новое евангелие
противоположностей,
И всякий сам себя считал
глашатаем Всевышнего:
И боги света,
и титаны тьмы
За душу Ашвапати бились
как за драгоценный приз.
И каждый час, освобождённый
от биенья Времени,
Вверх поднималась песня
нового открытия
И звон тетивы
свежего эксперимента.
Отныне каждый день
был для него духовной,
романтической историей,

As if he was born into a bright
new world;
Adventure leaped an unexpected
friend,
And danger brought a keen sweet
tang of joy;
Each happening was a deep
experience.
There were high encounters, epic
colloquies,

And counsels came couched in
celestial speech,
And honeyed pleadings breathed
from occult lips
To help the heart to yield to
rapture's call,
And sweet temptations stole from
beauty's realms
And sudden ecstasies from a
world of bliss.
It was a region of wonder and
delight.
All now his bright clairaudience
could receive;
A contact thrilled of mighty
unknown things.
Awakened to new unearthly
closenesses,
The touch replied to subtle
infinities,
And with a silver cry of opening
gates
Sight's lightnings leaped into the
invisible.
Ever his consciousness and vision
grew;
They took an ampler sweep, a
loftier flight;
He passed the border marked for
Matter's rule
And passed the zone where
thought replaces life.

Как если бы он заново родился
в ярком новом мире;
Рискованное приключенье
прыгало нежданным другом,
Опасность приносила острый
сладкий привкус радости,
И всё происходившее
несло глубокий опыт.
Случались неожиданные встречи
на высоких планах
и эпические разговоры,
И приходили наставленья,
сказанные на небесной речи,
И просьбы, сладкие как мёд,
струились из оккультных уст,
Чтоб сердцу было легче
согласиться на призыв восторга,
И сладостные искушенья проникали
из чертогов красоты,
А из миров блаженства приходили
неожиданные яркие экстазы.
То было царством
чуда и восторга.
Его оккультный ясный слух
сейчас мог слышать всё;
Любой контакт вибрировал
могучей неизвестностью.
И пробудившись к новым близостям,
что за пределами земного,
Касанье это отвечало
тонким бесконечностям,
И с серебристым вскриком
открываемых ворот
Зарницы видения
прыгали в незримое.
Его способность видеть и сознание
росли, не прерываясь;
Всё больший был размах,
всё более возвышенный полёт;
Он пересёк границу,
очерченную для правления Материи,
И перешёл ту зону,
где мышление сменяет жизнь.

Out of this world of signs
suddenly he came
Into a silent self where world was
not
And looked beyond into a
nameless vast.

These symbol figures lost their
right to live,
All tokens dropped our sense can
recognise;
There the heart beat no more at
body's touch,
There the eyes gazed no more on
beauty's shape.
In rare and lucent intervals of hush

Into a signless region he could
soar
Packed with the deep contents of
formlessness
Where world was into a single
being rapt
And all was known by the light of
identity
And Spirit was its own
self-evidence.
The Supreme's gaze looked out
through human eyes
And saw all things and creatures
as itself

And knew all thought and word as
its own voice.
There unity is too close for search
and clasp
And love is a yearning of the One
for the One,
And beauty is a sweet difference
of the Same

And oneness is the soul of
multitude.

Из мира символов
внезапно он попал
В молчанье внутреннего "я",
где мира больше не было,
И смог взглянуть
в неописуемый простор,
что за пределами всего.
Там символические образы
теряли право жить,
Все признаки, доступные для чувств,
исчезли;
Биенье сердца не затрагивало
больше тела,
Глаза не любовались
формами прекрасного.
В прозрачных, редких
интервалах тишины
Он смог подняться в план,
лишённый признаков и свойств,
Наполненный глубоким
содержанием бесформенного,
Где мир становится
единым бытием восторга,
И где всё познаётся через
свет отождествления,
А Дух стал самоочевидным
для себя.
Там взгляд Всевышнего
проглядывал во взгляде человека
И видел всё —
и вещи, и творения,
как самого себя,
И знал любую мысль и слово,
как свой голос.
Там единение не оставляет места
для объятия и поиска,
Любовь там —
устремление Единого к Единому,
И красота —
лишь сладкое различие
Того же самого,
А общее единство —
душа многообразия.

There all the truths unite in a
single Truth,

And all ideas rejoin Reality.

There knowing herself by her own
termless self,
Wisdom supernal, wordless,
absolute
Sat uncompanioned in the eternal
Calm,
All-seeing, motionless, sovereign
and alone.
There knowledge needs not words
to embody Idea;
Idea, seeking a house in
boundlessness,
Weary of its homeless
immortality,
Asks not in thought's carved
brilliant cell to rest
Whose single window's clipped
outlook on things
Sees only a little arc of God's vast
sky.

The boundless with the boundless
there consorts;
While there, one can be wider
than the world;
While there, one is one's own
infinity.
His centre was no more in earthly
mind;
A power of seeing silence filled
his limbs:
Caught by a voiceless white
epiphany
Into a vision that surpasses forms,

Into a living that surpasses life,

Все истины в той области
сливаются в одну
единственную Истину,
И все идеи воссоединяются
в Реальность.
Там познающая себя своим
не знающих пределов “я”,
Божественная Мудрость,
бессловесная и абсолютная,
Сидит, сама в себе,
средь вечного Покоя,
Всевидящая, неподвижная,
всевластная, стоящая поодаль.
Там знанию не нужно слов,
чтоб воплощать Идею;
Идея, в поисках жилища
в безграничности,
Устав от своего
бездомного бессмертия,
Не просит отдохнуть
в резной сверкающей ячейке мысли,
Чей ограниченный одним окошком
взгляд на всё
Способен видеть только
маленький фрагмент
простора неба Бога.
Там безграничность разговаривает
с безграничностью;
Попав туда, возможно стать
огромнее, чем мир;
Попав туда, становишься
своею собственною бесконечностью.
Центр Ашвапати не был более
в земном уме;
В нём тело наполняла сила
видящего всё безмолвия;
Захваченный беззвучной
чистотой прозрения
В то виденье,
что превосходит формы,
В существование,
что превосходит жизнь,

He neared the still consciousness
sustaining all.

The voice that only by speech can
move the mind
Became a silent knowledge in the
soul;
The strength that only in action
feels its truth
Was lodged now in a mute
omnipotent peace.
A leisure in the labour of the
worlds,
A pause in the joy and anguish of
the search
Restored the stress of Nature to
God's calm.
A vast unanimity ended life's
debate.
The war of thoughts that fathers
the universe,
The clash of forces struggling to
prevail
In the tremendous shock that
lights a star
As in the building of a grain of
dust,
The grooves that turn their dumb
ellipse in space

Ploughed by the seeking of the
world's desire,
The long regurgitations of Time's
flood,
The torment edging the dire force
of lust
That wakes kinetic in earth's
dullard slime
And carves a personality out of
mud,
The sorrow by which Nature's
hunger is fed,

Он приближался прямо
к недвижному сознанию,
которое поддерживает всё.
Тот голос, что лишь речью
может двигать ум,
Стал молчаливым знанием
в его душе;
Та сила, что лишь в действии
воспринимает собственную правду,
Жила сейчас во всемогущем
и немом покое.
Свободный отдых
посреди труда миров,
Недолгий перерыв
от радости и муки поиска
Свели обратно напряжение Природы
к штилю Бога.
Широкое единодушие
закончило дебаты жизни.
Та битва мыслей, что даёт
рождение вселенной,
То столкновенье сил,
которые в борьбе за превосходство
В чудовищном ударе
зажигают звёзды,
Как будто создают
крупицы пыли,
Те колеи, что поворачивают
по пространству
свой безмолвный эллипс,
Проложенный во время поиска
вселенского желания,
И долгие возвраты
половодья Времени,
И муки, обостряющие
яростную силу вожделения,
Что пробуждает динамичное движение
в земном унылом иле
И вырезает личность
из грязи,
Страданье, нужное, чтоб
напитать голодную Природу,

The oestrus which creates with
fire of pain,
The fate that punishes virtue with
defeat,
The tragedy that destroys long
happiness,
The weeping of Love, the quarrel
of the Gods,
Ceased in a truth which lives in its
own light.
His soul stood free, a witness and
a king.

Absorbed no more in the moment-
ridden flux
Where mind incessantly drifts as
on a raft
Hurried from phenomenon to
phenomenon,
He abode at rest in indivisible
Time.
As if a story long written but acted
now,

In his present he held his future
and his past,
Felt in the seconds the uncounted
years
And saw the hours like dots upon
a page.
An aspect of the unknown Reality

Altered the meaning of the cosmic
scene.
This huge material universe
became
A small result of a stupendous
force:
Overtaking the moment the eternal
Ray
Illumined That which never yet
was made.

И побужденье,
что творит огнями боли,
Судьба, карающая
добродетель поражением,
Трагедия, что разрушает
затянувшееся счастье,
Рыдание Любви
и перебранка меж Богами,
Затихли в истине, живущей
в круге собственного света.
Его душа стояла
полностью свободной,
свидетелем и властелином.
Не поглощённый более
в стремнину мчащихся мгновений,
Где ум всё время носит,
словно на плоту,
Спеша от одного явления
к другому,
Он, отдыхая, ожидал
в неразделённом Времени.
И как в истории,
написанной давно,
но лишь сейчас разыгранной,
В своём сегодня он держал
грядущее и прошлое,
В секундах ощущал
бесчисленные годы,
Воспринимал часы,
как точки на странице.
Одна лишь сторона
неведомой Реальности
Переменила смысл
космического действа.
И эта вся огромная
материальная вселенная
Предстала малым результатом
колоссальной силы:
Захваченный мгновеньем,
вечный Луч
Смог высветить для взгляда То,
что никогда ещё не совершалось.

Thought lay down in a mighty voicelessness;
The toiling Thinker widened and grew still,
Wisdom transcendent touched his quivering heart:
His soul could sail beyond thought's luminous bar;

Mind screened no more the shoreless infinite.
Across a void retreating sky he glimpsed
Through a last glimmer and drift of vanishing stars

The superconscient realms of motionless Peace
Where judgment ceases and the word is mute
And the Unconceived lies pathless and alone.
There came not form or any mounting voice;
There only were Silence and the Absolute.
Out of that stillness mind new-born arose
And woke to truths once inexpressible,
And forms appeared, dumbly significant,
A seeing thought, a self-revealing voice.
He knew the source from which his spirit came:

Movement was married to the immobile Vast;
He plunged his roots into the Infinite,
He based his life upon eternity.

Мысль улеглась
в могучей немоте;
Трудящийся Мыслитель
расширился и замолчал,
Превосходящая всё Мудрость
прикоснулась к трепетному сердцу:
Его душа могла плыть дальше,
за пределы светлого
барьера мысли;
Ум более не заслонял
безбрежность бесконечности.
И сквозь пустое
отступающее небо,
Через последнее мерцанье
и скольженье уходящих звёзд,
он мельком увидал,
Те сверхсознательные сферы
неподвижного Покоя,
Где исчезают все сужденья
и немеет слово,
И где лежит Непостижимое,
непроторённое, одно.
Туда ни форма не доходит,
ни восходит голос;
Там — лишь
Безмолвие и Абсолют.
Из этого спокойствия поднялся
заново рождённый ум,
Он пробудился к истинам
досель невыразимым,
И появились формы,
полные немого смысла,
Родилась видящая мысль
и самопроявляющийся голос.
Там он познал источник,
из которого пришёл
на землю дух его:
Движенье, обручённое
с недвижностью Простора;
Он погрузил свои основы
в Бесконечность,
Он выбрал для опоры жизни
вечность.

Only awhile at first these heavenlier states,
These large wide-poised upliftings could endure.
The high and luminous tension breaks too soon,
The body's stone stillness and the life's hushed trance,
The breathless might and calm of silent mind;
Or slowly they fail as sets a golden day.
The restless nether members tire of peace;

A nostalgia of old little works and joys,
A need to call back small familiar selves,
To tread the accustomed and inferior way,
The need to rest in a natural pose of fall,
As a child who learns to walk can walk not long,
Replace the titan will for ever to climb,
On the heart's altar dim the sacred fire.
An old pull of subconscious cords renews;
It draws the unwilling spirit from the heights,
Or a dull gravitation drags us down
To the blind driven inertia of our base.
This too the supreme Diplomat can use,
He makes our fall a means for greater rise.

Недолго поначалу мог продлить он
те божественные состояния,
И те большие, широко
парящие подъёмы.
Уж слишком скоро прерывается
возвышенное, светлое усилие,
И каменная неподвижность тела,
транс затихшей жизни,
Спокойствие и затаившее дыханье
мощь молчащего ума;
И часто это медленно спадало,
как закаты золотого дня.
Наполненные суетою
элементы низших планов
уставали от покоя;
Их ностальгия по привычным
мелким радостям, делам,
Потребность звать обратно
маленькие "я", такие близкие,
Пройтись по низшему,
но хорошо знакомому пути,
Потребность отдохнуть
в привычном состоянии падения,
Как у дитя, что учится ходить
и не способно это делать долго,
Сменяет титаническую волю
постоянно подниматься вверх,
И делает слабее
святой огонь в сердечном алтаре.
Приходит снова натяженье
старых струн из подсознания
И стаскивает с тех высот
безвольный дух,
Или какое-то тупое притяжение
нас тянет вниз
К слепой и управляемой
инерции основы.
Но этим тоже может пользоваться
высочайший Дипломат,
Он делает паденье способом
для ещё большего подъёма.

For into ignorant Nature's gusty field,
Into the half-ordered chaos of mortal life
The formless Power, the Self of eternal light

Follow in the shadow of the spirit's descent;
The twin duality for ever one

Chooses its home mid the tumults of the sense.
He comes unseen into our darker parts
And, curtained by the darkness, does his work,
A subtle and all-knowing guest and guide,
Till they too feel the need and will to change.
All here must learn to obey a higher law,

Our body's cells must hold the Immortal's flame.
Else would the spirit reach alone its source
Leaving a half-saved world to its dubious fate.
Nature would ever labour unredeemed;
Our earth would ever spin unhelped in Space,
And this immense creation's purpose fail
Till at last the frustrate universe sank undone.
Even his godlike strength to rise must fall:

Всё потому, что в бурный мир
незнающей Природы,
В наполовину упорядоченный
хаос смертной жизни
Бесформенная Сила,
Божественное “Я”
извечно существующего света
Идёт в тени
идущего вниз духа;
Близнец-двойник,
с ним навсегда единый,
Он подбирает дом себе
среди смятенья чувств.
Невидимый, приходит в наши
самые глухие уголки,
И, скрытый темнотою,
делает свою работу,
Всезнающий и тонкий гость,
руководитель,
Пока и эти уголки не ощутят
необходимость, волю измениться.
Здесь всё должно
учиться подчиняться
более высокому закону,
А клетки наших тел —
удерживать огонь Бессмертного.
Иначе дух нашёл бы
в одиночку свой источник,
Оставив наш полуспасённый мир
его сомнительной судьбе.
Природа вечно бы трудилась,
позабыв свободу;
Земля всегда вращалась бы
беспомощно в Пространстве,
А замысел необозримого творения
терпел бы неудачу,
Пока расстроенная, наконец, вселенная,
распавшись, не погибла бы.
Однако, он[1], с его
богоподобной силой восходить
был вынужден упасть:

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

His greater consciousness
withdrew behind;
Dim and eclipsed, his human
outside strove

To feel again the old sublimities,

Bring the high saving touch, the
ethereal flame,

Call back to its dire need the
divine Force.

Always the power poured back
like sudden rain,

Or slowly in his breast a presence
grew;
It clambered back to some
remembered height
Or soared above the peak from
which it fell.
Each time he rose there was a
larger poise,
A dwelling on a higher spirit
plane;
The Light remained in him a
longer space.
In this oscillation between earth
and heaven,
In this ineffable communion's
climb
There grew in him as grows a
waxing moon
The glory of the integer of his soul.
A union of the Real with the
unique,
A gaze of the Alone from every
face,
The presence of the Eternal in the
hours
Widening the mortal mind's
half-look on things,

Его высокое сознанье
отошло назад;
И лишь поверхностная
человеческая часть,
неясная и тёмная,
Боролась, чтобы снова ощутить
ушедшие величия,
Вновь принести то высшее,
несущее спасение касание,
и тот огонь эфира,
Призвать обратно
для своих жестоких нужд
божественную Силу.
Всё время, раз за разом
эта сила проливалась
неожиданным дождём,
Иль медленно росла в его груди,
как некое присутствие;
Она карабкалась назад,
к запомнившейся высоте,
Иль воспаряла над вершиной,
с уровня которой пала.
И каждый раз он поднимался к сферам
с более широким равновесием,
К существованию на более
высоком плане духа,
И Свет мог оставаться в нём
на более значительном пространстве.
В том колебании
между землей и небесами,
В том восхождении
невыразимой общности
Внутри росло, подобно
молодому месяцу,
Великолепье цельности его души.
Союз Реального
и уникального,
Взгляд Одного
из каждого лица,
Присутствие в часах
неописуемого Вечного,
Расширив узость полувидения
смертного ума,

Bridging the gap between man's force and Fate
Made whole the fragment-being we are here.

At last was won a firm spiritual poise,
A constant lodging in the Eternal's realm,
A safety in the Silence and the Ray,
A settlement in the Immutable.

His heights of being lived in the still Self;

His mind could rest on a supernal ground
And look down on the magic and the play
Where the God-child lies on the lap of Night and Dawn
And the Everlasting puts on Time's disguise.
To the still heights and to the troubled depths
His equal spirit gave its vast assent:
A poised serenity of tranquil strength,
A wide unshaken look on Time's unrest
Faced all experience with unaltered peace.
Indifferent to the sorrow and delight,
Untempted by the marvel and the call,
Immobile it beheld the flux of things,

Мостом соединяя бездну
между силой человека и Судьбой,
Сводили воедино то,
расколотое на фрагменты существо,
которое есть мы.
И вот им завоёвано
устойчивое равновесье духа,
Возможность постоянно
находиться в сферах Вечного,
Надёжность в том Безмолвии
и том Луче,
И разрешенье
поселиться в Неизменном.
Его[1] вершины существа
отныне жили в тишине
Божественного “Я”,
И ум его мог отдохнуть,
покоясь на небесной почве,
И с высоты взглянуть
на магию и на игру,
Где Бог-дитя лежит, качаясь
на коленях Ночи и Рассвета,
А Вечно-длящийся скрывается
под маской Времени.
И взбудораженным глубинам,
и спокойным пикам,
Его невозмутимый дух
давал своё обширное согласие:
Уравновешенная ясность
неподвижной силы,
Широкий непоколебимый взгляд
на беспокойство Времени
Встречали все переживания
устойчивым покоем.
Бесстрастный перед
горем и восторгом,
Не соблазняемый
ни чудом, ни призывом,
Его недвижный дух
смотрел на постоянное
движение вещей,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

Calm and apart supported all that is:
His spirit's stillness helped the toiling world.
Inspired by silence and the closed eyes' sight
His force could work with a new luminous art
On the crude material from which all is made
And the refusal of Inertia's mass
And the grey front of the world's Ignorance
And nescient Matter and the huge error of life.
As a sculptor chisels a deity out of stone
He slowly chipped off the dark envelope,
Line of defence of Nature's ignorance,
The illusion and mystery of the Inconscient
In whose black pall the Eternal wraps his head
That he may act unknown in cosmic Time.
A splendour of self-creation from the peaks,
A transfiguration in the mystic depths,
A happier cosmic working could begin
And fashion the world-shape in him anew,
God found in Nature, Nature fulfilled in God.
Already in him was seen that task of Power:
Life made its home on the high tops of self;

Своим могуществом и отстранённостью
поддерживал всё сущее:
Его спокойствие, идущее от духа,
помогало труженику миру.
Черпая вдохновение в безмолвии,
в способности увидеть изнутри,
Его могущество могло влиять
со светлым, новым мастерством
На грубую материальную основу,
из которой всё сотворено,
На сопротивленье масс Инерции,
И на унылый фронт
всемирного Невежества,
И на Материю в неведеньи,
и на огромную ошибку жизни.
Как скульптор высекает
божество из камня,
Он медленно откалывал
все тёмные покровы,
И линии защиты
невежества Природы,
Иллюзию и тайну
Несознания,
В чьи чёрные повязки
Вечный оборачивает голову,
Чтоб действовать неузнанным
среди космического Времени.
Великолепье само-созидания,
сходящего с высот,
Преображение
в мистических глубинах,
Космическая, более счастливая работа
смогла начаться
И стала заново творить
в нём[1] форму мира,
Природу, воплотившуюся в Боге,
и Бога, обретённого в Природе.
Теперь в нём стало зримым
это назначенье Силы:
Жизнь строила свой дом
на высших пиках
внутреннего “я”;

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

His soul, mind, heart became a single sun;
Only life's lower reaches remained dim.
But there too, in the uncertain shadow of life,
There was a labour and a fiery breath;
The ambiguous cowled celestial puissance worked

Watched by the inner Witness's moveless peace.
Even on the struggling Nature left below
Strong periods of illumination came:
Lightnings of glory after glory burned,
Experience was a tale of blaze and fire,
Air rippled round the argosies of the Gods,
Strange riches sailed to him from the Unseen;
Splendours of insight filled the blank of thought,
Knowledge spoke to the inconscient stillnesses,
Rivers poured down of bliss and luminous force,
Visits of beauty, storm-sweeps of delight
Rained from the all-powerful Mystery above.
Thence stooped the eagles of Omniscience.
A dense veil was rent, a mighty whisper heard;
Repeated in the privacy of his soul,
A wisdom-cry from rapt transcendences

Его душа, и ум, и сердце
стали в нём единым солнцем;
Лишь в самых низших планах жизни
оставалась темнота.
Но в этих сферах тоже,
под колеблющейся тенью жизни,
Шла некая работа
и дышал огонь;
Скрываемое капюшоном,
неясное небесное могущество
трудилось
Под взглядом неподвижного покоя
Свидетеля внутри.
И даже в той бунтующей Природе,
остающейся внизу,
Случались яркие моменты озарения:
Сверкали молнии великолепия,
одно шло за другим,
Весь пережитый опыт
был историей сиянья и огня,
Рябила атмосфера
возле кораблей Богов
И странные богатства
приплывали из Незримого;
Освободившееся место мысли
заполняла роскошь озарений,
И знание беседовало
с неосознаваемым безмолвием,
Вниз устремлялись реки
светлой силы и блаженства,
Визиты красоты
и штормовой размах восторга
Из всемогущей Тайны свыше
проливались словно дождь.
Оттуда устремлялись вниз
орлы Всезнания.
Тяжёлая завеса прорвалась,
послышался могучий шёпот;
И повторяемый в укромных уголках
его души,
Зов мудрости из восхищённых
трансцендентностей

Sang on the mountains of an
unseen world;
The voices that an inner listening
hears
Conveyed to him their prophet
utterances,
And flame-wrapped outbursts of
the immortal Word
And flashes of an occult revealing
Light
Approached him from the
unreachable Secrecy.
An inspired Knowledge sat
enthroned within
Whose seconds illumined more
than reason's years:
An ictus of revealing lustre fell

As if a pointing accent upon
Truth,
And like a sky-flare showing all
the ground
A swift intuitive discernment
shone.
One glance could separate the true
and false,

Or raise its rapid torch-fire in the
dark
To check the claimants crowding
through mind's gates

Covered by the forged signatures
of the gods,
Detect the magic bride in her
disguise
Or scan the apparent face of
thought and life.

Oft inspiration with her
lightning feet,

Пел на вершинах гор
невидимого мира;
Те голоса, что слышит
внутреннее ухо,
Передавали для него свои
пророческие сообщения,
А пламенем окутанные всполохи
неумирающего Слова,
Сверкания оккультного,
всераскрывающего Света
Приблизились к нему
из недоступной раньше Тайны.
Наполненное вдохновеньем Знанье
воцарилось у него внутри;
Его секунды освещали больше,
чем годы рассуждений:
И падал ритм
всепроявляющего света
Как ударение,
подчёркивая Истину,
И как небесный всполох,
озаряющий всю землю,
Сияла быстрая интуитивная
способность различать.
Один короткий взгляд
мог отделить —
где истина, где ложь,
Или поднять свой
быстрый факел в темноте
Проверить претендентов,
толпами идущих
сквозь врата ума,
Покрытых вместо подписи богов
фальшивыми подделками,
Определить магическую
новобрачную под маской
Иль изучить проявленный
лик мысли или жизни.

И часто вдохновение,
с её молниеносными стопами,

A sudden messenger from the
all-seeing tops,
Traversed the soundless corridors
of his mind
Bringing her rhythmic sense of
hidden things.
A music spoke transcending
mortal speech.
As if from a golden phial of the
All-Bliss,
A joy of light, a joy of sudden
sight,
A rapture of the thrilled undying
Word
Poured into his heart as into an
empty cup,
A repetition of God's first delight

Creating in a young and virgin
Time.
In a brief moment caught, a little
space,
All-Knowledge packed into great
wordless thoughts
Lodged in the expectant stillness
of his depths
A crystal of the ultimate Absolute,

A portion of the inexpressible Truth
Revealed by silence to the silent
soul.
The intense creatrix in his stillness
wrought;
Her power fallen speechless grew
more intimate;
She looked upon the seen and the
unforeseen,
Unguessed domains she made her
native field.
All-vision gathered into a single
ray,

Внезапная посланница
всевидящих вершин,
Шагала по беззвучным коридорам
в глубине его ума,
Вносила ощущенье ритма
скрытых для него вещей.
Там говорила музыка,
превосходя речь смертных.
И словно из сверкающего золотом
фиала Все-Блаженства,
Вся радость света,
радость неожиданного виденья,
Восторг бессмертного,
трепещущего Слова
Вливались в сердце Ашвапати,
как в пустую чашу,
Подобно повторенью
первого восторга Бога,
Творящего в далёком,
девственном и юном Времени.
Захваченное в краткое мгновенье,
в малое пространство,
Все-Знанье, что спрессовано
в великих бессловесных мыслях,
На время поселило
в ожидающую тишину его глубин
Кристалл предельного
божественного Абсолюта,
И часть невыразимой Истины,
Которые безмолвие открыло
для безмолвия души.
Могучая богиня-демиург
работала в его тиши;
Её энергия, став бессловесной,
всё глубже проникала в Ашвапати;
Она смотрела и на видимое,
и на непредвиденное,
Непредсказуемые сферы делала
своей естественною областью.
Все-виденье сошлось
в единый луч,

As when the eyes stare at an
invisible point

Till through the intensity of one
luminous spot
An apocalypse of a world of
images
Enters into the kingdom of the
seer.
A great nude arm of splendour
suddenly rose;
It rent the gauze opaque of
Nescience:
Her lifted finger's keen
unthinkable tip
Bared with a stab of flame the
closed Beyond.
An eye awake in voiceless heights
of trance,
A mind plucking at the
unimaginable,
Overleaping with a sole and
perilous bound
The high black wall hiding
superconscience,
She broke in with inspired speech
for scythe
And plundered the Unknowable's
vast estate.

A gleaner of infinitesimal grains
of Truth,
A sheaf-binder of infinite
experience,
She pierced the guarded mysteries
of World-Force
And her magic methods wrapped
in a thousand veils;
Or she gathered the lost secrets
dropped by Time
In the dust and crannies of his
mounting route

Как если бы глаза
смотрели, неотрывно,
в некую невидимую точку,
Пока сквозь интенсивность
одного блестящего пятна
Мир образов,
как целый апокалипсис,
Не хлынет
во владения провидца.
Внезапно поднялась большая
обнажённая рука великолепия;
Она прорвала непрозрачную
вуаль Незнания:
Невероятно острый кончик
поднятого пальца
Ударом пламени раскрыл
обычно запертое Запредельное.
Проснувшийся в немых
высотах транса взгляд,
И ум, что ухватился
за невообразимое,
Перескочив одним
рискованным прыжком
Высокую и чёрную стену,
скрывающую сверхсознание,
Она ворвалась с вдохновенной речью,
как с косой,
И стала грабить
необъятное имение
Непознаваемого.
Повсюду находя мельчайшие
крупицы Истины,
Снопами связывая
опыт бесконечности,
Она то проникала
в охраняемые тайны Силы Мира,
В её магические методы,
окутанные тысячью покровов;
То собирала обронённые,
утерянные Временем секреты,
В пыли и трещинах
его идущего наверх пути

Mid old forsaken dreams of hastening Mind
And buried remnants of forgotten space.
A traveller between summit and abyss,
She joined the distant ends, the viewless deeps,
Or streaked along the roads of Heaven and Hell
Pursuing all knowledge like a questing hound.
A reporter and scribe of hidden wisdom talk,
Her shining minutes of celestial speech,
Passed through the masked office of the occult mind,
Transmitting gave to prophet and to seer
The inspired body of the mystic Truth.
A recorder of the inquiry of the gods,
Spokesman of the silent seeings of the Supreme,
She brought immortal words to mortal men.
Above the reason's brilliant slender curve,
Released like radiant air dimming a moon,
Broad spaces of a vision without line
Or limit swam into his spirit's ken.

Oceans of being met his voyaging soul
Calling to infinite discovery;
Timeless domains of joy and absolute power

Средь старых позаброшенных
мечтаний торопливого Ума
И похороненных следов
забытого пространства.
Кочуя меж
вершинами и бездной,
Она соединяла отдалённые концы,
незримые глубины,
Или носилась по дорогам
Ада и Небес,
Преследуя любое знание,
как ищущая гончая.
Корреспондент и переписчик
скрытых разговоров мудрости,
Её сверкавшие мгновения
небесной речи
Пройдя замаскированную канцелярию
оккультного ума,
Передавали
видящему и пророку
Мистическую вдохновенную основу
тайной Истины.
Как архивариус,
хранящий наблюдения богов,
Глашатай молчаливых
видений Всевышнего,
Она бессмертные слова
дарила смертным людям.
Над ясно прорисованной,
сияющей кривой рассудка,
Свободные, как лучезарный воздух,
затмевая месяц,
Широкие пространства видения
без границ, и без пределов
Всплывали в поле зренья
духа Ашвапати.
Там океаны бытия
встречали путешественника-душу
И звали к бесконечному открытию;
Владенья радости
и абсолютного могущества,
живущие вне времени

Stretched out surrounded by the eternal hush;
The ways that lead to endless happiness
Ran like dream-smiles through meditating vasts:
Disclosed stood up in a gold moment's blaze
White sun-steppes in the pathless Infinite.
Along a naked curve in bourneless Self
The points that run through the closed heart of things
Shadowed the indeterminable line

That carries the Everlasting through the years.
The magician order of the cosmic Mind
Coercing the freedom of infinity

With the stark array of Nature's symbol facts
And life's incessant signals of event,
Transmuted chance recurrences into laws,
A chaos of signs into a universe.
Out of the rich wonders and the intricate whorls
Of the spirit's dance with Matter as its mask
The balance of the world's design grew clear,
Its symmetry of self-arranged effects
Managed in the deep perspectives of the soul,
And the realism of its illusive art,

Its logic of infinite intelligence,

Тянулись, окружаемые
тишиною вечного;
Дороги, что приводят
к нескончаемому счастью,
Бежали как улыбки-грёзы
по задумчивым просторам:
Застигнутые в золотом
сиянии мгновенья,
В непроторённой Бесконечности
вставали бело-солнечные степи.
Вдоль обнажённого изгиба
в беспредельном Высшем “Я”
Мгновенья, что бегут
через закрытые сердца вещей,
Показывали, оттеняя,
то почти невидимое направленье,
Которое Непреходящий
проносит через годы.
Магический порядок
вселенского Ума,
Что связывал
свободу бесконечности
Застывшей массой
фактов-символов Природы
И беспрерывными сигналами
событий жизни,
Случайные повторы
превращал в законы,
А хаос знаков — во вселенную.
Выстраиваясь из богатой роскоши
чудес, замысловатых па
Круженья танца духа
с Материей, как с маской,
Яснее становилось равновесие
задуманного плана мира,
И симметричность
самоупорядоченных следствий,
Что управляются в глубокой
перспективе из души,
И реализм его,
подобного иллюзии, искусства,
И логика
неограниченного интеллекта,

Its magic of a changing eternity.

A glimpse was caught of things
for ever unknown:
The letters stood out of the
unmoving Word:
In the immutable nameless Origin
Was seen emerging as from
fathomless seas
The trail of the Ideas that made
the world,
And, sown in the black earth of
Nature's trance,
The seed of the Spirit's blind and
huge desire
From which the tree of cosmos
was conceived
And spread its magic arms
through a dream of space.
Immense realities took on a shape:

There looked out from the shadow
of the Unknown
The bodiless Namelessness that
saw God born
And tries to gain from the mortal's
mind and soul
A deathless body and a divine
name.
The immobile lips, the great
surreal wings,
The visage masked by
superconscient Sleep,
The eyes with their closed lids that
see all things,
Appeared of the Architect who
builds in trance.
The original Desire born in the
Void
Peered out; he saw the hope that
never sleeps,
The feet that run behind a fleeting
fate,

И магия
меняющейся вечности.
Был пойман проблеск
от извечно неизвестного:
И проступили буквы
неподвижного мистического Слова:
В невыразимой неизменности Начала
Стал виден, возникавший словно
из бездонных океанов,
След тех Идей,
что сотворили мир,
И брошенное в черноту земли Природы,
погружённой в транс,
Зерно слепого и огромного
желанья Духа,
Откуда древо космоса
родилось, а потом
Свои магические руки протянуло
через сон пространства.
Необозримые реальности
приобретали облик:
Там выглянуло
из тени Неведомого
Бесплотное Невыразимое,
что видело рожденье Бога,
Которое старается добиться
от ума и от души у смертных
Неумирающего тела
и божественного имени.
Явились неподвижные уста,
большие сюрреальные крыла,
Лик, скрытый
Сновиденьем сверхсознания,
Глаза, что через сомкнутые веки
видят всё
Божественного Архитектора,
который строит в трансе.
Первоначальное Желание,
рождённое средь Пустоты,
Смотрело в мир; он видел
никогда не спящую надежду,
Ступни, бегущие
за улетающей судьбой,

The ineffable meaning of the endless dream.
Hardly for a moment glimpsed viewless to Mind,
As if a torch held by a power of God,
The radiant world of the everlasting Truth
Glimmered like a faint star bordering the night
Above the golden Overmind's shimmering ridge.
Even were caught as through a cunning veil
The smile of love that sanctions the long game,
The calm indulgence and maternal breasts
Of Wisdom suckling the child-laughter of Chance,
Silence, the nurse of the Almighty's power,
The omniscient hush, womb of the immortal Word,

And of the Timeless the still brooding face,
And the creative eye of Eternity.
The inspiring goddess entered a mortal's breast,
Made there her study of divining thought
And sanctuary of prophetic speech
And sat upon the tripod seat of mind:
All was made wide above, all lit below.
In darkness' core she dug out wells of light,
On the undiscovered depths imposed a form,
Lent a vibrant cry to the unuttered vasts,

Невыразимый смысл, сокрытый
в бесконечной грёзе.
Едва мелькнул, на миг,
невидимый Уму,
Как факел, что поддерживался
силой Бога,
Лучистый мир
непреходящей Истины
Блеснувший слабою звездой
по краю ночи
Над золотой мерцающей
грядой Надразума.
И даже можно было уловить,
как сквозь лукавую вуаль,
Улыбку той любви, что
разрешает эту долгую игру,
Спокойную терпимость,
с материнской грудью Мудрости,
Кормящей детский смех
Случайности,
Безмолвие, питающее силу
Всемогущего,
Всезнающую тишину —
то лоно, где рождается
неумирающее Слово,
Спокойный, призадумавшийся
лик Безвременья,
И созидающее око Вечности.
Богиня вдохновения
вошла в грудь смертного,
Там основала студию
угадывавшей мысли,
Святилище пророческих речей,
И села на треножнике-сидении ума:
Всё стало необъятным наверху
и озарилось всё, что ниже.
В глубоком сердце тьмы
она нашла источник света,
И неоткрытым до сих пор
глубинам навязала форму,
Дала вибрирующий зов
неописуемым просторам,

And through great shoreless,
voiceless, starless breadths

Bore earthward fragments of
revealing thought
Hewn from the silence of the
Ineffable.
A Voice in the heart uttered the
unspoken Name,
A dream of seeking Thought
wandering through Space
Entered the invisible and
forbidden house:
The treasure was found of a
supernal Day.
In the deep subconscient glowed
her jewel-lamp;
Lifted, it showed the riches of the
Cave
Where, by the miser traffickers of
sense
Unused, guarded beneath Night's
dragon paws,
In folds of velvet darkness draped
they sleep

Whose priceless value could have
saved the world.
A darkness carrying morning in its
breast
Looked for the eternal wide
returning gleam,
Waiting the advent of a larger ray

And rescue of the lost herds of the
Sun.
In a splendid extravagance of the
waste of God
Dropped carelessly in creation's
spendthrift work,
Left in the chantiers of the
bottomless world

И сквозь великие
безбрежные, беззвучные,
беззвёздные пространства
На землю принесла
фрагменты откровения,
Что были высечены
из безмолвия Невыразимого.
Высокий Голос в сердце
явил несказанное Имя,
Мечта исследующей Мысли,
блуждая по Пространству,
Вошла в невидимый
запретный дом,
И обнаружилось сокровище
божественного Дня.
В глубоком подсознании пылал
её светильник-драгоценность;
Поднятый вверх, он высветил
Пещеру, полную богатств,
В которой, бесполезно для
скупых торговцев чувств,
Хранимые под лапами
дракона Ночи,
Задрапированные в складках
бархатистой темноты,
они пока что спят,
И чьё бесценное значенье,
может быть, спасёт весь мир.
Тьма, что носила утро
в собственной груди,
Искала возвращающийся отблеск
вечного простора,
Ждала прихода
более широкого луча,
Освобождения потерянных
стад Солнца.
В роскошной сумасбродности
растрат Всевышнего,
Небрежно обронённые во время
расточительных работ творения,
Оставленные на складах
бездонного большого мира

And stolen by the robbers of the Deep,
The golden shekels of the Eternal lie,
Hoarded from touch and view and thought's desire,
Locked in blind antres of the ignorant flood,
Lest men should find them and be even as Gods.
A vision lightened on the viewless heights,
A wisdom illumined from the voiceless depths:
A deeper interpretation greatened Truth,
A grand reversal of the Night and Day;
All the world's values changed heightening life's aim;
A wiser word, a larger thought came in
Than what the slow labour of human mind can bring,

A secret sense awoke that could perceive
A Presence and a Greatness everywhere.
The universe was not now this senseless whirl
Borne round inert on an immense machine;
It cast away its grandiose lifeless front,
A mechanism no more or work of Chance,
But a living movement of the body of God.
A spirit hid in forces and in forms

Was the spectator of the mobile scene:

И проскользнувшие меж рук
грабителей Глубин,
Лежат там золотые шекели
сокровищами Вечного,
Упрятанные от касаний, взглядов,
от желаний мысли,
Закрытые в слепых пещерах
рек невежества,
Иначе люди отыскали б их
и стали словно Боги.
На высоте, недосягаемой для глаз,
сияло некое видение
Всё озарялось мудростью
беззвучной глубины:
Чем глубже погружалось понимание,
тем больше становилась Истина,
И грандиознее перестановка
Дня и Ночи;
Все ценности сменились,
возвышая жизненную цель;
Пришли слова мудрее,
мысли шире,
Чем то, что может принести
неторопливый труд
людских умов,
И просыпалась
тайная способность ощутить
Присутствие,
Величие повсюду.
Вселенная была сейчас уже
не той бесчувственною круговертью,
Что кружит по инерции,
взобравшись на огромную машину;
Отбросив грандиозный свой
безжизненный фасад,
Она теперь — не механизм,
и не работа Случая,
Она — движение живое
тела Бога.
Дух, спрятавшийся
среди сил и форм,
Был зрителем для той
подвижной сцены:

The beauty and the ceaseless miracle
Let in a glow of the Unmanifest:

The formless Everlasting moved in it
Seeking its own perfect form in souls and things.

Life kept no more a dull and meaningless shape.
In the struggle and upheaval of the world
He saw the labour of a godhead's birth.
A secret knowledge masked as Ignorance;
Fate covered with an unseen necessity
The game of chance of an omnipotent Will.
A glory and a rapture and a charm,

The All-Blissful sat unknown within the heart;
Earth's pains were the ransom of its prisoned delight.

A glad communion tinged the passing hours;
The days were travellers on a destined road,
The nights companions of his musing spirit.
A heavenly impetus quickened all his breast;
The trudge of Time changed to a splendid march;
The divine Dwarf towered to unconquered worlds,
Earth grew too narrow for his victory.

И эта красота,
неугасающее чудо,
Позволили войти
накалу Непроявленного:
Бесформенное Вечное
гуляло в нём,
Стремясь найти свой
совершенный облик
в душах и вещах.
Жизнь больше не держалась
за бессмысленное серое обличье.
В борьбе и напряжении,
перевороте мира
Он[1] видел тяжкий труд
рожденья божества.
Покрытое завесой тайны знание
маскировалось под Невежество;
Судьба скрывала за
незримою необходимостью
Игру случайности
всесильной Воли.
Великолепие, восторг, очарование,
сам Все-Блаженный
Сидели в сердце,
словно незнакомцы,
А боль Земли служила выкупом
за скрытое в темнице
наслаждение.
Общенье радостью окрашивало
проходящие часы;
Дни становились путниками
по назначенной судьбой дороге,
А ночи — спутниками
размышляющего духа.
Небесный импульс всколыхнул
всю душу Ашвапати;
Нелёгкая работа Времени
сменилась пышным маршем;
Небесный Карлик вырос
до не завоёванных миров,
И стало слишком тесно
на Земле его победам.

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

Once only registering the heavy tread
Of a blind Power on human littleness,
Life now became a sure approach to God,
Existence a divine experiment

And cosmos the soul's opportunity.
The world was a conception and a birth
Of Spirit in Matter into living forms,
And Nature bore the Immortal in her womb,
That she might climb through him to eternal life.
His being lay down in bright immobile peace
And bathed in wells of pure spiritual light;
It wandered in wide fields of wisdom-self

Lit by the rays of an everlasting sun.
Even his body's subtle self within
Could raise the earthly parts towards higher things
And feel on it the breath of heavenlier air.
Already it journeyed towards divinity:
Upbuoyed upon winged winds of rapid joy,
Upheld to a Light it could not always hold,
It left mind's distance from the Truth supreme
And lost life's incapacity for bliss.

Когда-то только отмечавшая
тяжёлый шаг
Слепой огромной Силы
по ничтожности людей,
Сейчас Жизнь превратилась
в уверенное приближенье к Богу,
Существование —
в божественный эксперимент,
А космос стал
возможностью души.
Мир был зачатьем
и рожденьем Духа
В Материи, в обличии
живого существа,
Природа же вынашивала
в лоне у себя — Бессмертного,
Чтобы она через него
могла подняться к вечной жизни.
Всё существо его[1] лежало
в ясной неподвижности покоя,
Купаясь в струях
чистого божественного света;
Оно гуляло по
широким сферам мудрости,
по сферам внутреннего "я",
Что залиты лучами
вечно освещающего солнца.
И даже тонкое "я" тела у него,
Могло поднять земные элементы
к более высоким планам
И на себе почувствовать
дыхание небесной атмосферы.
Оно уже держало путь
к божественности:
Вознёсшись на крылатых ветрах
быстрой радости,
И поднимаемое к Свету,
который не всегда ему подвластен,
Оно отбросило дистанцию
между умом и высшей Истиной,
И неспособность жизни
чувствовать блаженство.

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

All now suppressed in us began to emerge.

Thus came his soul's release from Ignorance,
His mind and body's first spiritual change.
A wide God-knowledge poured down from above,

A new world-knowledge broadened from within:
His daily thoughts looked up to the True and One,

His commonest doings welled from an inner Light.
Awakened to the lines that Nature hides,
Attuned to her movements that exceed our ken,

He grew one with a covert universe.
His grasp surprised her mightiest energies' springs;

He spoke with the unknown Guardians of the worlds,
Forms he descried our mortal eyes see not.
His wide eyes bodied viewless entities,
He saw the cosmic forces at their work
And felt the occult impulse behind man's will.
Time's secrets were to him an oft-read book;
The records of the future and the past
Outlined their excerpts on the etheric page.

Всё то, что в нас подавлено,
в нём начинало выходить вперёд.

Вот так пришло освобождение
души в нём от Невежества,
И первая духовная ступень
в уме и теле.
И знание о Боге,
огромное, просторное,
вниз изливалось с высоты,
И новые познания о мире
ширились внутри:
Его обыденные мысли
смотрели вверх,
на Истину и на Единого,
В нём самые обычные дела
лились из внутреннего Света.
Став пробуждённым к тем чертам,
что прячет от людей Природа,
И сонастроенный с её движеньями,
что выше нашего
предела понимания,
Он прорастал в единство
с этой скрытою вселенной.
Его способность понимать
ошеломляла самые могучие
источники её энергий;
С ним разговаривали
неизвестные Хранители миров,
Он различал такие формы,
что наш смертный глаз не видит.
Его широкий взгляд
давал тела незримым сущностям,
Он видел, как космические силы
делают свою работу
И чувствовал оккультный импульс
за желаньем человека.
Секреты Времени — теперь
его зачитанная книга;
И записи из будущего,
вместе с записями прошлого
Ложились выписками
на эфирную страницу.

One and harmonious by the
Maker's skill,
The human in him paced with the
divine;
His acts betrayed not the interior
flame.
This forged the greatness of his
front to earth.
A genius heightened in his body's
cells
That knew the meaning of his
fate-hedged works
Akin to the march of
unaccomplished Powers

Beyond life's arc in spirit's
immensities.
Apart he lived in his mind's
solitude,
A demigod shaping the lives of
men:
One soul's ambition lifted up the
race;
A Power worked, but none knew
whence it came.
The universal strengths were
linked with his;
Filling earth's smallness with their
boundless breadths,
He drew the energies that
transmute an age.
Immeasurable by the common look,

He made great dreams a mould for
coming things
And cast his deeds like bronze to
front the years.
His walk through Time
outstripped the human stride.
Lonely his days and splendid like
the sun's.

Единое и гармоничное,
благодаря искусству Созидателя,
В нём человеческая часть
шагала наравне с божественной;
Его дела не изменяли
пламени внутри.
Вот так выковывалось для земли
величие его передовой.
Рос, возвышаясь, некий гений
в клетках тела у него,
Что знал значение его работ,
оберегаемых судьбой,
Похожих на марш Сил,
пока что не достигших
совершенства,
Ведущему за своды жизни,
в необъятность духа.
Он[1] жил отдельно,
в одиночестве ума,
Как полубог, что формирует
человеческие жизни:
Стремление одной души
всю расу поднимало вверх;
Работало Могущество,
хотя никто не знал его истоков.
Космические силы присоединились
к силам Ашвапати;
Земную малость наполняя
своею безграничной широтой,
Он приносил энергии,
менявшие эпоху.
Великие мечты,
неизмеримые обычным взглядом,
Он делал формой
для грядущего,
Свои дела бросая, словно бронзу
на фасады лет.
Его ход через Время
обгонял шаг человека.
И одиноки были дни его,
но и роскошны, как у солнца.

[1] Ашвапати, *прим.пер*

End of Canto Three

Конец третьей песни

Book One
THE BOOK OF BEGINNINGS

Canto IV
THE SECRET KNOWLEDGE

On a height he stood that looked
towards greater heights.

Our early approaches to the
Infinite
Are sunrise splendours on a
marvellous verge
While lingers yet unseen the
glorious sun.
What now we see is a shadow of
what must come.
The earth's uplook to a remote
Unknown
Is a preface only of the epic climb

Of human soul from its flat earthly
state
To the discovery of a greater self

And the far gleam of an eternal
Light.
This world is a beginning and a base

Where Life and Mind erect their
structured dreams;
An unborn Power must build
reality.
A deathbound littleness is not all
we are:
Immortal our forgotten vastnesses

Книга Первая
КНИГА НАЧАЛ

Песня IV
ТАЙНОЕ ЗНАНИЕ

Он[1] встал на высоте,
с которой открывались
ещё большие высоты.
Все наши первые подходы
к Бесконечному
Подобны блеску утренней зари
на той чудесной грани,
Пока ещё лениво медлит
славное, невидимое солнце.
То, что мы видим ныне — тень того,
что к нам должно прийти.
И взгляд земли
в даль Неизвестного
Лишь предисловие
к эпическому восхожденью
человеческой души
От скудости её
земного состояния
К открытию другого,
более великого себя
И отдалённого сиянья
вечно существующего Света.
Наш мир —
начало и основа,
Где Жизнь и Ум возводят
сложные свои видения,
А Сила нерождённого
должна выстраивать реальность.
И ограниченная смертью малость —
не всё, что есть у нас:
Бессмертные просторы,
ныне позабытые,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

Await discovery in our summit
selves;
Unmeasured breadths and depths
of being are ours.

Akin to the ineffable Secrecy,
Mystic, eternal in unrealised
Time,
Neighbours of Heaven are
Nature's altitudes.
To these high-peaked dominions
sealed to our search,
Too far from surface Nature's
postal routes,

Too lofty for our mortal lives to
breathe,

Deep in us a forgotten kinship
points
And a faint voice of ecstasy and
prayer
Calls to those lucent lost
immensities.
Even when we fail to look into our
souls
Or lie embedded in earthly
consciousness,
Still have we parts that grow
towards the light,
Yet are there luminous tracts and
heavens serene
And Eldorados of splendour and
ecstasy
And temples to the godhead none
can see.
A shapeless memory lingers in us
still
And sometimes, when our sight is
turned within,
Earth's ignorant veil is lifted from
our eyes;

Ждут нашего открытия
на пиках внутреннего “я”;
Неизмеримые просторы
и глубины бытия —
всё это наше.
Сродни невыразимой Тайне,
Сродни мистическому, вечному
в невоплощённом Времени,
Соседями Небес стоят
высокие миры Природы.
На эти области, с вершинами,
укрытыми от наших поисков,
Что слишком отдалённы
от нахоженных путей
поверхностной Природы,
И чересчур возвышенны
для наших смертных жизней,
чтобы там дышать,
Там, где-то в нашей глубине
указывает позабытое родство,
И тихим голосом
экстаза и молитвы
Зовёт к тем светлым,
но утраченным безмерностям.
И даже если мы не можем
глянуть внутрь своей души
Или лежим под тяжестью
земного нашего сознания,
У нас есть то, что тянется,
растёт всё ближе к свету,
И есть ещё безоблачные небеса
и светлые пути,
И Эльдорадо
роскоши, экстаза,
И храмы божеству, которого
никто пока не смог увидеть.
Бесформенная память
медлит в нас пока,
Но иногда, когда наш взор
повёрнут внутрь,
Вуаль невежества земли
приподнимают с наших глаз;

There is a short miraculous escape.
This narrow fringe of clamped experience
We leave behind meted to us as life,

Our little walks, our insufficient reach.
Our souls can visit in great lonely hours
Still regions of imperishable Light,
All-seeing eagle-peaks of silent Power

And moon-flame oceans of swift fathomless Bliss
And calm immensities of spirit space.
In the unfolding process of the Self
Sometimes the inexpressible Mystery

Elects a human vessel of descent.

A breath comes down from a supernal air,
A Presence is born, a guiding Light awakes,
A stillness falls upon the instruments:

Fixed, motionless like a marble monument,
Stone-calm, the body is a pedestal

Supporting a figure of eternal Peace.
Or a revealing Force sweeps blazing in;
Out of some vast superior continent

Тогда случается недолгое
чудесное освобождение.
Мы оставляем узкую полоску
ограниченного опыта,
Отмеренную нам
для нашей жизни,
Короткую прогулку,
скудный кругозор.
В те одинокие великие часы
душа у нас способна посетить
И тихие районы
вечно существующего Света,
И видящие всё
орлиные вершины
молчаливой Силы,
И лунно-пламенные океаны
быстрого бездонного Блаженства,
И молчаливые безмерности
пространства духа.
В процессе разворачивания
Божественного “Я”
Бывает, иногда
невыразимая Мистерия
Берёт себе для нисхожденья
человеческий сосуд.
Дыхание небесной атмосферы
сходит вниз,
Рождается Присутствие,
и просыпается руководящий Свет,
Спускается спокойствие
на инструменты:
Застывшее и неподвижное,
как монумент из мрамора,
Спокойное как камень,
тело в нас становится
подобным пьедесталу,
Поддерживая образ
вечного Покоя.
Порой врывается, сияя,
раскрывающая Сила;
С какого-то огромного
недосягаемого континента

Knowledge breaks through
trailing its radiant seas,
And Nature trembles with the
power, the flame.
A greater Personality sometimes

Possesses us which yet we know
is ours:
Or we adore the Master of our
souls.
Then the small bodily ego thins
and falls;
No more insisting on its separate
self,
Losing the punctilio of its separate
birth,
It leaves us one with Nature and
with God.
In moments when the inner lamps
are lit
And the life's cherished guests are
left outside,
Our spirit sits alone and speaks to
its gulfs.
A wider consciousness opens then
its doors;
Invading from spiritual silences
A ray of the timeless Glory stoops
awhile
To commune with our seized
illumined clay
And leaves its huge white stamp
upon our lives.
In the oblivious field of mortal
mind,
Revealed to the closed prophet
eyes of trance
Or in some deep internal solitude

Witnessed by a strange immaterial
sense,
The signals of eternity appear.

Влетает Знанье, оставляя след
своих лучистых океанов,
И вся Природа содрогается
от этой мощи и огня.
Подчас другая Личность,
больше нашей,
Которую мы всё же знаем как свою,
захватывает нас:
Иль мы склоняемся перед
Владыкой наших душ.
А после — маленькое эго тела
утоньшается и опадает;
Теперь уж не настаивая
на своём отдельном "я",
Забыв формальность
своего отдельного рождения,
Оно отходит, оставляя нас наедине
с Природою и Богом.
В мгновения, когда зажглись
светильники внутри,
Когда излюбленные гости жизни
оставлены снаружи,
Наш дух сидит один
и разговаривает со своими безднами.
Затем иное, более широкое сознание
распахивает двери;
Вторгаясь из безмолвий духа
Луч вечной Славы
сходит ненадолго вниз,
Беседовать с захваченной
и озарённой нашей плотью
И оставляет белую огромную печать
на наших жизнях.
В рассеянном пространстве
смертного ума,
Являемые для прикрытых глаз
провидца в трансе,
Или в каком-нибудь глубоком
внутреннем уединении
Увиденные странным,
нематериальным чувством,
Приходят к нам сигналы вечности.

The truth mind could not know
unveils its face,
We hear what mortal ears have
never heard,

We feel what earthly sense has
never felt,

We love what common hearts
repel and dread;

Our minds hush to a bright
Omniscient;
A Voice calls from the chambers
of the soul;
We meet the ecstasy of the
Godhead's touch
In golden privacies of immortal
fire.
These signs are native to a larger
self
That lives within us by ourselves
unseen;
Only sometimes a holier influence
comes,
A tide of mightier surgings bears
our lives
And a diviner Presence moves the
soul;

Or through the earthly coverings
something breaks,
A grace and beauty of spiritual
light,
The murmuring tongue of a
celestial fire.
Ourself and a high stranger whom
we feel,

It is and acts unseen as if it were
not;

Та истина, что ум не мог понять,
приоткрывает лик,
Мы слышим то,
что уши смертных
никогда и не слыхали,
Мы ощущаем то,
что никогда земное чувство
не воспринимало,
Мы любим то,
что человеческому сердцу
отвратительно и страшно;
Умы в нас замолкают
перед яркостью Всезнания;
Какой-то Голос нас зовёт
из внутренних палат души;
Экстаз касанья Божества
встречает нас
В прекрасных тайниках
бессмертного огня.
Все эти знаки — близкие, родные
нашему большому “я”,
Которое живёт внутри,
не наблюдаемое нами;
Лишь иногда приходит
более высокое влияние,
Приливы более могучих волн
подхватывают наши жизни,
А ещё большее
Присутствие божественного
направляет душу;
Бывает, сквозь земные оболочки
что-то прорывается,
Изящество и красота
сиянья духа,
И еле слышимая речь
небесного огня.
То наше “я”,
как и высокий незнакомец,
что мы ощущаем,
Хотя и есть,
но действует незримо,
словно нет;

It follows the line of sempiternal birth,
Yet seems to perish with its mortal frame.

Assured of the Apocalypse to be,

It reckons not the moments and the hours;
Great, patient, calm it sees the centuries pass,

Awaiting the slow miracle of our change
In the sure deliberate process of world-force
And the long march of all-revealing Time.
It is the origin and the master-clue,
A silence overhead, an inner voice,
A living image seated in the heart,

An unwalled wideness and a fathomless point,
The truth of all these cryptic shows in Space,
The Real towards which our strivings move,
The secret grandiose meaning of our lives.
A treasure of honey in the combs of God,
A Splendour burning in a tenebrous cloak,
It is our glory of the flame of God,

Our golden fountain of the world's delight,
An immortality cowled in the cape of death,

Оно идёт дорогой
вечного рождения,
Однако кажется —
вот-вот исчезнет
вместе с бренной оболочкой.
Прекрасно зная
о грядущем Апокалипсисе,
Оно не тратит силы,
чтоб считать мгновенья и часы;
Великое и терпеливое,
оно спокойно наблюдает —
как идут века,
И ожидает медленного чуда
наших изменений
В уверенном, обдуманном движеньи
силы мира
И долгом марше проявляющего
всё на свете Времени.
Оно — первопричина,
главный ключ,
Безмолвие над головой,
и внутренний наш голос,
Живая, яркая фигура,
поселившаяся в сердце,
Простор без стен,
и глубина бездонной точки,
И истина всех этих непонятных зрелищ,
наблюдаемых в Пространстве,
И то Реальное, к которому ведут
все наши устремления,
И тайный грандиозный смысл,
сокрытый в наших жизнях.
Медовое сокровище
в пчелиных сотах Бога,
Великолепие, горящее
под мрачной маской,
Оно — и наша слава
пламени Всевышнего,
И золотой источник
наслажденья мира,
Бессмертие, что облачилось
в капюшон из смерти,

The shape of our unborn divinity.

It guards for us our fate in depths within
Where sleeps the eternal seed of transient things.
Always we bear in us a magic key

Concealed in life's hermetic envelope.
A burning Witness in the sanctuary

Regards through Time and the blind walls of Form;
A timeless Light is in his hidden eyes;
He sees the secret things no words can speak
And knows the goal of the unconscious world
And the heart of the mystery of the journeying years.

И облик нашей
неродившейся божественности.
Оно хранит для нас судьбу
в своих глубинах,
Где дремлет вечное зерно, источник
для временных вещей.
Всё время мы в себе несём
волшебный ключ,
Упрятанный в магическую
оболочку жизни.
Пылающий Свидетель
в том святилище
Рассматривает всё сквозь Время
и глухие стены Формы;
Непреходящий Свет —
в его скрываемых очах;
Он видит тайное,
о чём не говорят слова,
И знает цель
незнающего мира,
И смысл мистерии
всех проходящих лет.

But all is screened, subliminal, mystical;
It needs the intuitive heart, the inward turn,

It needs the power of a spiritual gaze.
Else to our waking mind's small moment look

A goalless voyage seems our dubious course
Some Chance has settled or hazarded some Will,

Or a Necessity without aim or cause
Unwillingly compelled to emerge and be.

Но всё укрыто, подсознательно,
мистично;
Необходим интуитивный
взгляд из сердца,
поворот вовнутрь,
Могущество духовного,
особенного зрения.
Иначе взгляду нашего ума,
проснувшегося на
короткое мгновение
Бесцельным путешествием
покажется сомнительный наш курс,
Проложенный каким-то Случаем
или поставленный на кон
какой-то Волей,
Или предстанет как Необходимость
без причины или цели,
Безвольно вынужденной проявиться,
вынужденной быть.

In this dense field where nothing
is plain or sure,

Our very being seems to us
questionable,
Our life a vague experiment, the
soul
A flickering light in a strange
ignorant world,
The earth a brute mechanic
accident,
A net of death in which by chance
we live.
All we have learned appears a
doubtful guess,
The achievement done a passage
or a phase
Whose farther end is hidden from
our sight,
A chance happening or a
fortuitous fate.
Out of the unknown we move to
the unknown.
Ever surround our brief existence
here
Grey shadows of unanswered
questionings;
The dark Inconscient's signless
mysteries
Stand up unsolved behind Fate's
starting-line.
An aspiration in the Night's
profound,
Seed of a perishing body and
half-lit mind,
Uplifts its lonely tongue of
conscious fire
Towards an undying Light for
ever lost;
Only it hears, sole echo of its call,

The dim reply in man's
unknowing heart

И в этой плотной области,
где не бывает ничего
простого и надёжного,
Всё наше бытие покажется
стоящим под вопросом,
Жизнь — призрачным экспериментом,
а душа —
Дрожащим светом
в странном и невежественном мире,
Земля — жестокой
механической случайностью,
И сетью смерти, средь которой
мы, по воле случая, живём.
Всё то, чему мы научились,
видится двусмысленной догадкой,
Достигнутое —
переходом или фазой,
Чей отдалённый смысл
сокрыт от наших взоров,
Игрою случая,
удачливой судьбой.
Из неизвестного мы движемся
в другое неизвестное.
И наше краткое существованье
окружают здесь всегда
Унылые, как тени,
вопросы без ответов;
Незамечаемые тайны
тёмного Неведенья
Стоят, пока что без разгадок,
за стартовой чертой Судьбы.
Какое-то стремленье
в глубине Ночи,
Посеянное полуосвещённым разумом
и бренным телом,
Протягивает одинокий язычок
огня сознания
К неумирающему Свету,
что всегда теряют;
И только слышит,
одиноким эхом своего призыва
Неясный отклик в глубине
незнающего сердца человека,

And meets, not understanding
why it came
Or for what reason is the suffering
here,
God's sanction to the paradox of
life
And the riddle of the Immortal's
birth in Time.
Along a path of aeons serpentine

In the coiled blackness of her
nescient course
The Earth-Goddess toils across the
sands of Time.
A Being is in her whom she hopes
to know,
A Word speaks to her heart she
cannot hear,
A Fate compels whose form she
cannot see.

In her unconscious orbit through
the Void
Out of her mindless depths she
strives to rise,
A perilous life her gain, a
struggling joy;

A Thought that can conceive but
hardly knows
Arises slowly in her and creates

The idea, the speech that labels
more than it lights;

A trembling gladness that is less
than bliss

Invades from all this beauty that
must die.
Alarmed by the sorrow dragging
at her feet

И лишь встречает, не осознавая,
для чего оно пришло,
Или зачем здесь
эти все страдания,
Божественную санкцию
на парадоксы жизни,
И на мистерию рождения
Бессмертного во Времени.
По серпантину
долгого пути эпох
Средь обвивающейся черноты
её неведомого курса,
Бредёт, с трудом, Земля-Богиня
по пустыням Времени.
В ней — Существо,
которое она надеется познать,
И Слово, говорящее для сердца,
а она не может слышать,
Судьба, что заставляет,
но чей облик
она не может увидать.
По неосознанной орбите,
через Пустоту
Из собственной бездумной глубины
она старается подняться,
Жизнь, полная опасностей
и радость от борьбы —
её награда;
И Мысль, что может воспринять,
но вряд ли — знает,
Неспешно поднимается
внутри неё
И создаёт идею,
и рождает речь,
Что больше наделяет ярлыком,
чем освещает;
Трепещущая радость,
что, однако, меньше,
чем блаженство,
Вторгается из всей той красоты,
что суждено погибнуть.
Тревожимая муками, страданием,
цепляющимся за её стопы,

And conscious of the high things
not yet won,
Ever she nurses in her sleepless
breast
An inward urge that takes from
her rest and peace.

Ignorant and weary and invincible,

She seeks through the soul's war
and quivering pain
The pure perfection her marred
nature needs,

A breath of Godhead on her stone
and mire.
A faith she craves that can survive
defeat,
The sweetness of a love that
knows not death,
The radiance of a truth for ever
sure.
A light grows in her, she assumes
a voice,
Her state she learns to read and
the act she has done,

But the one needed truth eludes
her grasp,

Herself and all of which she is the
sign.
An inarticulate whisper drives her
steps
Of which she feels the force but
not the sense;
A few rare intimations come as
guides,
Immense divining flashes cleave
her brain,
And sometimes in her hours of
dream and muse

И сознавая то высокое,
которое ещё не завоёвано,
Она всегда питает
в своей забывшей сон груди
Какой-то внутренний посыл,
что отбирает у неё
покой и отдых.
В невежестве, уставшая,
непобедимая,
Через войну души
и трепетанье боли
Она всё ищет то
законченное совершенство,
Что так необходимо
для её расстроенной природы,
Дыханье Божества
на грязь её и камни.
О вере молится она,
что может выжить в пораженьи,
О сладости любви,
не ведающей смерти,
И о сияньи истины,
которая всегда верна.
Растёт в ней свет,
она приобретает голос,
И учится воспринимать и объяснять
и собственное состояние
и совершённые дела,
Но самая необходимая,
единственная истина
уходит от неё —
Она сама и всё,
чьим символом она является.
Её шаги ведёт
невнятный шёпот
В котором ощущает силу,
но не смысл;
Немногие и редкие подсказки
сходят как ориентиры,
Безмерные предвидящие вспышки
рассекают мозг,
И иногда, в часы
мечты и размышлений,

The truth that she has missed
looks out on her
As if far off and yet within her
soul.
A change comes near that flees
from her surmise
And, ever postponed, compels
attempt and hope,
Yet seems too great for mortal
hope to dare.

A vision meets her of supernal Powers

That draw her as if mighty
kinsmen lost
Approaching with estranged great
luminous gaze.
Then is she moved to all that she
is not
And stretches arms to what was
never hers.
Outstretching arms to the
unconscious Void,
Passionate she prays to invisible
forms of Gods
Soliciting from dumb Fate and
toiling Time
What most she needs, what most
exceeds her scope,
A Mind unvisited by illusion's
gleams,
A Will expressive of soul's deity,

A Strength not forced to stumble
by its speed,
A Joy that drags not sorrow as its
shade.
For these she yearns and feels
them destined hers:
Heaven's privilege she claims as
her own right.

Та истина, что ускользнула от неё,
выглядывает снова,
Как будто издали,
но всё же из её души.
Всё ближе подступает изменение,
что убегает от догадок
И, как всегда, отложенное в сторону,
даёт толчок попыткам и надеждам,
Хотя и кажется ей чересчур великим
чтоб отважится
на смертную надежду.
Её встречает виденье
небесных Сил,
Которые хотят прижать её к себе,
как позабытая могучая родня,
К ней подходя с высоким, светлым,
отстранённым взглядом.
Затем её влечёт
к всему, что не она,
И тянет прикоснуться ко всему,
что никогда ей не принадлежало.
Раскинув руки
в неосознающее Ничто,
Она со всею страстью молится
невидимым обличиям Богов,
Прося у труженика-Времени
и у немой Судьбы
Что более всего ей нужно
и что менее всего доступно —
Не посещаемый
блестящими иллюзиями Ум,
И Волю, что способна выразить
божественность души,
И Силу, что не будет спотыкаться
от своей же скорости,
И Радость, что не тянет за собою
тенью горе.
Она стремится к этому всему
и чувствует — они ей суждены,
И требует небесных привилегий,
как свои права.

Just is her claim the all-witnessing Gods approve,

Clear in a greater light than reason owns:

Our intuitions are its title-deeds;

Our souls accept what our blind thoughts refuse.

Earth's winged chimaeras are Truth's steeds in Heaven,

The impossible God's sign of things to be.

But few can look beyond the present state

Or overleap this matted hedge of sense.

All that transpires on earth and all beyond

Are parts of an illimitable plan

The One keeps in his heart and knows alone.

Our outward happenings have their seed within,

And even this random Fate that imitates Chance,

This mass of unintelligible results,

Are the dumb graph of truths that work unseen:

The laws of the Unknown create the known.

The events that shape the appearance of our lives

Are a cipher of subliminal quiverings

Which rarely we surprise or vaguely feel,

Are an outcome of suppressed realities

Её желанья справедливы
и согласны с ней
все-наблюдающие Боги,
Они чисты под светом
более великим, чем
обычный разум человека:
Все наши озаренья —
документы, подтверждающие это;
И наши души принимают то,
что слепо отвергают мысли.
Земли крылатые химеры
пролетают скакунами Истины
по Небесам,
Они — немыслимый знак Бога
тех вещей, что будут.
Но мало кто способен посмотреть
за рамки настоящего,
Перескочить за путанную
изгородь из чувств.
Всё то, что проявилось на земле,
и всё что за пределами —
Лишь части беспредельного
намерения, плана,
Его хранит Единый в сердце,
знает только Он один.
У наших внешних происшествий
есть своё зерно внутри,
И даже эта бессистемная Судьба,
что подражает Случаю,
Вся эта масса непонятных результатов,
Есть молчаливая система истин,
что работают незримо:
Известное творят
законы Неизвестного.
События, что формируют
облик наших жизней,
Лишь некий код
вибраций подсознания,
Которым изредка мы удивляемся
иль смутно ощущаем,
Они — лишь выход
тех подавленных реалий,

That hardly rise into material day:

They are born from the spirit's sun
of hidden powers
Digging a tunnel through
emergency.
But who shall pierce into the
cryptic gulf
And learn what deep necessity of
the soul
Determined casual deed and
consequence?
Absorbed in a routine of daily
acts,
Our eyes are fixed on an external
scene;
We hear the crash of the wheels of
Circumstance
And wonder at the hidden cause of
things.
Yet a foreseeing Knowledge
might be ours,
If we could take our spirit's stand
within,
If we could hear the muffled
daemon voice.
Too seldom is the shadow of what
must come
Cast in an instant on the secret
sense
Which feels the shock of the
invisible,
And seldom in the few who
answer give
The mighty process of the cosmic
Will
Communicates its image to our
sight,
Identifying the world's mind with ours.

Our range is fixed within the
crowded arc

Что поднимаются, с трудом,
в материальный день:
Они рождаются от солнца
скрытой силы духа,
И пробивают для себя туннель
сквозь жизненные обстоятельства.
Но кто проникнет
в ту загадочную бездну,
Поймёт, что за глубокая
нужда души
Определила якобы случайные
поступки и последствия?
Захваченный рутиной
повседневных дел,
Наш взгляд прикован
к внешней сцене;
Мы слышим грохот
шестерёнок Обстоятельства
И удивляемся на скрытую
причину всех вещей.
И всё же, некое предвидящее Знание
могло быть нашим,
Когда бы мы сумели встать внутри
на место собственного духа,
Когда бы мы могли в себе услышать
приглушённый голос божества.
Но слишком редко тень того,
что к нам должно прийти
Врывается на миг
во внутреннее ощущение,
Что чувствует
толчки незримого,
И редко, через тех немногих,
кто способен на ответ,
Могучее движение
вселенской Воли
Показывает образ свой
для наших глаз,
Отождествляя мировой ум
с нашими умами.
Наш уровень привязан
к переполненному, тесному участку

Of what we observe and touch and thought can guess
And rarely dawns the light of the Unknown
Waking in us the prophet and the seer.
The outward and the immediate are our field,
The dead past is our background and support;
Mind keeps the soul prisoner, we are slaves to our acts;
We cannot free our gaze to reach wisdom's sun.

Inheritor of the brief animal mind,

Man, still a child in Nature's mighty hands,
In the succession of the moments lives;
To a changing present is his narrow right;
His memory stares back at a phantom past,
The future flees before him as he moves;
He sees imagined garments, not a face.
Armed with a limited precarious strength,
He saves his fruits of work from adverse chance.

A struggling ignorance is his wisdom's mate:
He waits to see the consequence of his acts,
He waits to weigh the certitude of his thoughts,
He knows not what he shall achieve or when;

Того, что наблюдаем, и касаемся,
о чём способна догадаться мысль,
И редко озаряется
высоким светом Неизвестного,
Чтоб разбудить в нас
видящего и пророка.
Происходящее сейчас и внешнее —
вот наша сфера,
А умершее прошлое —
поддержка или задний фон;
Ум держит душу пленницей,
а мы — рабы своих поступков;
Мы не способны высвободить взгляд,
чтоб подобраться
к солнцу мудрости.
И человек, наследуя
животный недалёкий ум,
Пока ещё дитя
в объятиях могучих рук Природы,
Живущее в сиюминутной
череде мгновений;
Все узкие возможности его годны
лишь для изменчивого настоящего;
Воспоминания повёрнуты назад
и смотрят в призрачное прошлое,
Грядущее бежит пред ним,
с такой же скоростью;
Он видит лишь придуманные одеянья,
но не лик.
Вооружённый ограниченной
и ненадёжной силой,
Он вынужден спасать
плоды своих трудов
от злого случая.
Драчливое невежество —
супруг его глубокой мудрости:
Он ждёт, чтоб увидать
последствия своих поступков,
Он ждёт, чтоб взвесить
правильность своих идей,
И он не знает —
что потом получится,
или когда;

He knows not whether at last he shall survive,
Or end like the mastodon and the sloth
And perish from the earth where he was king.
He is ignorant of the meaning of his life,
He is ignorant of his high and splendid fate.
Only the Immortals on their deathless heights
Dwelling beyond the walls of Time and Space,
Masters of living, free from the bonds of Thought,
Who are overseers of Fate and Chance and Will
And experts of the theorem of world-need,
Can see the Idea, the Might that change Time's course,
Come maned with light from undiscovered worlds,
Hear, while the world toils on with its deep blind heart,

The galloping hooves of the unforeseen event,
Bearing the superhuman Rider, near
And, impassive to earth's din and startled cry,
Return to the silence of the hills of God;
As lightning leaps, as thunder sweeps, they pass
And leave their mark on the trampled breast of Life.
Above the world the world-creators stand,
In the phenomenon see its mystic source.

И он не знает —
выживет ли он вообще,
Или закончит так же,
как ленивец или мастодонт
Исчезнув навсегда с лица земли,
где раньше был царём.
Не знает он о смысле
собственной недолгой жизни,
Не знает он своей роскошной
и возвышенной судьбы.
И лишь Бессмертные
на их не ведающих смерти пиках,
Живущие вне стен Пространства
и стен Времени,
Властители процесса жизни
и свободные от уз Мышления,
Смотрители Судьбы,
Случайности и Воли,
Эксперты теорем
о нуждах мира,
Способны увидать Идею, Силу,
что меняет вектор Времени,
Влетая с гривой света
из неведомых пока миров,
И услыхать, пока мир трудится
с его укоренённой слепотою
в сердце,
Галоп копыт
непредсказуемых событий,
Несущих ближе Всадника —
сверхчеловека,
И после, нечувствительные
к грохоту земли и крикам страха,
Вернуться вновь к безмолвию
высоких гор Всевышнего;
Подобно прыгающей молнии,
они проносятся как гром,
И оставляют след
на попранной груди у Жизни.
Над этим миром
высятся его творцы,
И за явленьями способны
видеть их мистический источник.

These heed not the deceiving
outward play,
They turn not to the moment's
busy tramp,
But listen with the still patience of
the Unborn
For the slow footsteps of far
Destiny
Approaching through huge
distances of Time,

Unmarked by the eye that sees
effect and cause,
Unheard mid the clamour of the
human plane.
Attentive to an unseen Truth they
seize
A sound as of invisible augur
wings,
Voices of an unplumbed
significance,
Mutterings that brood in the core
of Matter's sleep.
In the heart's profound audition
they can catch
The murmurs lost by Life's
uncaring ear,
A prophet-speech in Thought's
omniscient trance.
Above the illusion of the hopes
that pass,
Behind the appearance and the
overt act,
Behind this clock-work Chance
and vague surmise,
Amid the wrestle of force, the
trampling feet,
Across the cries of anguish and of joy,

Across the triumph, fighting and
despair,

Не отвлекает их
обманчивая внешняя игра,
Они не оборачиваются
на деловитое топтание мгновений,
Но слушают спокойно
и с терпеньем Нерождённых
Неторопливые далёкие
шаги Судьбы,
Которая всё ближе подступает
сквозь огромные дистанции
во Времени,
Не замечаемая глазом,
видящим причину и эффект,
Не слышимая за протестами и шумом
человеческого плана.
Внимательные к той незримой Истине,
они улавливают
Звучание, похожее на шелест крыл
невидимых авгуров,
И голоса, которые полны
неизмеримым смыслом,
И бормотанье, размышляющее
в самом центре сна Материи.
Глубоким пониманьем сердца
те творцы способны уловить
Шептанья, упускаемые
ухом беззаботной Жизни,
Пророческую речь среди
всезнающего транса Мысли.
Поднявшись над иллюзией надежд,
которые проходят,
За внешней видимостью
и за очевидным действием,
За этим механичным Случаем
и за неясностью догадок,
Среди сраженья сил,
среди растоптанного под ногами,
И через крики
радости и боли,
Пройдя триумф, борьбу
и горечь поражения,

They watch the Bliss for which earth's heart has cried

On the long road which cannot see its end
Winding undetected through the sceptic days
And to meet it guide the unheedful moving world.

Thus will the masked Transcendent mount his throne.
When darkness deepens strangling the earth's breast
And man's corporeal mind is the only lamp,
As a thief's in the night shall be the covert tread
Of one who steps unseen into his house.
A Voice ill-heard shall speak, the soul obey,
A Power into mind's inner chamber steal,
A charm and sweetness open life's closed doors
And beauty conquer the resisting world,
The Truth-Light capture Nature by surprise,
A stealth of God compel the heart to bliss
And earth grow unexpectedly divine.
In Matter shall be lit the spirit's glow,
In body and body kindled the sacred birth;
Night shall awake to the anthem of the stars,
The days become a happy pilgrim march,

Их взгляд нацелен на Блаженство,
по которому земное сердце обрыдалось
За время долгого пути,
где не видать конца,
Конца, что незаметно появляется
за скептицизмом дней,
И чтобы повстречать его,
они ведут наш невнимательный подвижный мир.
Так скрытое за маской Трансцендентное
поднимется на трон.
Когда сгустится тьма,
сжимая грудь земли,
Когда телесный ум у человека
останется последней лампой,
Как у ночного вора
будет скрытый шаг
Того, кто незамеченным
шагнёт в его жилище.
Чуть-слышный Голос скажет,
повинуется душа,
Во внутреннюю комнату ума
проникнет Сила,
Очарование и сладость
откроют запертые двери жизни,
Сиянье красоты пленит
сопротивляющийся мир,
Свет-Истина захватит
удивлением Природу,
Уловка Бога подчинит
блаженству сердце,
И неожиданно земля
окажется божественной.
В Материи начнёт светиться
пламя духа,
То в этом теле, то в другом —
гореть огонь духовного рождения;
Проснётся Ночь
для гимна звёзд,
Дни станут полным счастья
маршем пилигрима,

Our will a force of the Eternal's power,
And thought the rays of a spiritual sun.
A few shall see what none yet understands;
God shall grow up while the wise men talk and sleep;
For man shall not know the coming till its hour
And belief shall be not till the work is done.

И наша воля —
силою энергии Предвечного,
А мысль —
лучами солнца духа.
Немногие увидят то,
чего пока никто не понимает;
Бог вырастет, пока все умные
беседуют и спят;
И человек не будет знать грядущего,
пока не пробил час,
И вера не придёт,
пока работа будет не готова.

A Consciousness that knows not its own truth,
A vagrant hunter of misleading dawns,
Between the being's dark and luminous ends
Moves here in a half-light that seems the whole:
An interregnum in Reality
Cuts off the integral Thought, the total Power;
It circles or stands in a vague interspace,
Doubtful of its beginning and its close,
Or runs upon a road that has no end;
Far from the original Dusk, the final Flame
In some huge void Inconscience it lives,
Like a thought persisting in a wide emptiness.

As if an unintelligible phrase

Suggested a million renderings to the Mind,
It lends a purport to a random world.

Сознание, которое не знает
собственную истину,
Бродяга и охотник
за обманчивыми зорями,
Идёт меж тёмными и светлыми
краями бытия
Здесь, в полусвете,
что нам кажется всем миром:
Так междуцарствие в Реальности
Разъединяет целостную Мысль,
тотальное Могущество;
Оно остановилось или кружится
в неясном промежутке,
В сомненьях о своём начале,
о своём финале,
Или бежит дорогой,
у которой нет конца;
Вдали от изначальных Сумерек
и завершающего Пламени,
В каком-то незаполненном,
огромном Несознании,
Оно живёт подобно мысли,
что упорно продолжается
в широкой пустоте.
Как неразборчиво
написанная фраза,
Рождающая миллион значений
для Ума,
Оно способно смыслом наделить
случайный мир.

A conjecture leaning upon
doubtful proofs,
A message misunderstood, a
thought confused
Missing its aim is all that it can
speak
Or a fragment of the universal
word.
It leaves two giant letters void of
sense

While without sanction turns the
middle sign
Carrying an enigmatic universe,

As if a present without future or
past
Repeating the same revolution's
whirl
Turned on its axis in its own
Inane.
Thus is the meaning of creation
veiled;
For without context reads the
cosmic page:
Its signs stare at us like an
unknown script,
As if appeared screened by a
foreign tongue
Or code of splendour signs
without a key
A portion of a parable sublime.
It wears to the perishable
creature's eyes
The grandeur of a useless miracle;
Wasting itself that it may last
awhile,

A river that can never find its sea,

It runs through life and death on
an edge of Time;

Догадки, с их опорой
на сомнительные доводы,
Не понятое до конца послание
и путаная мысль,
Теряющая цель — вот всё,
что может выразить оно,
Или, возможно, это —
часть космического слова.
Оно в нём оставляет
две гигантских буквы,
потерявших смысл,
При этом самовольно изменяет
средний знак,
Несущий целую вселенную,
наполненную тайной,
И словно настоящее
без будущего или прошлого,
Что повторяет всё одни и те же
вихри революции,
Оно вращается вокруг оси
в своём Ничто.
Вот так скрывается для нас
значение и смысл творения;
Мы без контекста пробуем читать
вселенские страницы:
Их знаки пристально глядят на нас
неведомой священной книгой,
Что появляется, сокрытая
за неизвестным языком
Или за кодом символов великолепия
без шифра,
Как часть высокого иносказания.
Оно[1] рядится ради
бренных глаз творения
В величие бессмысленного чуда;
И расточая самого себя,
чтоб получить возможность
ненадолго здесь остаться,
Рекою, что не может никогда
найти свой океан,
Бежит сквозь жизнь и смерть
по острой кромке Времени;

[1] Сознание, *прим.пер.*

A fire in the Night is its mighty action's blaze.
This is our deepest need to join once more
What now is parted, opposite and twain,
Remote in sovereign spheres that never meet
Or fronting like far poles of Night and Day.
We must fill the immense lacuna we have made,

Re-wed the closed finite's lonely consonant
With the open vowels of Infinity,

A hyphen must connect Matter and Mind,
The narrow isthmus of the ascending soul:
We must renew the secret bond in things,
Our hearts recall the lost divine Idea,
Reconstitute the perfect word, unite

The Alpha and the Omega in one sound;
Then shall the Spirit and Nature be at one.
Two are the ends of the mysterious plan.
In the wide signless ether of the Self,
In the unchanging Silence white and nude,
Aloof, resplendent like gold dazzling suns

Veiled by the ray no mortal eye can bear,

Огонь в Ночи —
сияние его могучих дел.
И в этом наша глубочайшая нужда —
опять соединить
Всё, что сейчас разделено,
враждебно и раздвоено,
Разведено по суверенным сферам,
что никогда не встретятся,
Иль встали друг напротив друга
полюсами Дня и Ночи.
Нам предстоит заполнить
необъятную пучину,
что мы сотворили,
И снова обручить ту одинокую
закрытую согласную конечного
С открытыми, оставшимися
гласными из Бесконечного,
И дефис должен вновь соединить
Материю и Ум,
Как узкий перешеек
поднимающейся вверх души:
Нам предстоит восстановить
таинственные связи всех вещей,
Сердца должны призвать
утраченную ранее небесную Идею,
Составить заново
законченное слово,
Объединить в едином звуке
Альфу и Омегу;
Тогда Дух и Природа
станут заодно.
Те Двое — два конца
таинственного плана.
В широком, и без признаков,
эфире Внутреннего “Я”,
В той неизменной обнажённой
белизне Безмолвия,
Сверкая, в стороне,
как золотые
ослепительные солнца,
Сокрытые лучом,
что ни один взгляд смертного
не вынесет,

The Spirit's bare and absolute potencies
Burn in the solitude of the thoughts of God.
A rapture and a radiance and a hush,

Delivered from the approach of wounded hearts,
Denied to the Idea that looks at grief,
Remote from the Force that cries out in its pain,
In his inalienable bliss they live.

Immaculate in self-knowledge and self-power,

Calm they repose on the eternal Will.
Only his law they count and him obey;
They have no goal to reach, no aim to serve.
Implacable in their timeless purity,
All barter or bribe of worship they refuse;

Unmoved by cry of revolt and ignorant prayer
They reckon not our virtue and our sin;
They bend not to the voices that implore,
They hold no traffic with error and its reign;
They are guardians of the silence of the Truth,
They are keepers of the immutable decree.
A deep surrender is their source of might,

Очищенные, абсолютные
потенциалы Духа
Горят в уединеньи
мыслей Бога.
Восторг, великолепие
и тишина,
Освобождённые от близости
израненных сердец,
Не принимая ту Идею,
что глядит на горе,
Далёкие от Силы, что кричит
от собственных страданий,
Они живут в его[1]
неотделяемом блаженстве.
И безупречные
во внутреннем "я" знания
и внутреннем "я" силы,
Они спокойно опираются
на вечно существующую Волю.
И лишь его законы чтут
и повинуются лишь одному ему;
У них нет цели — добиваться,
нет причин — служить.
Неумолимые в их чистоте,
которая вне времени,
Они любую сделку
или подкуп поклоненьем
отвергают;
Не задеваемые криком бунта
и молитвою невежд,
Они не занимаются подсчётом
наших добродетелей, грехов;
И не склоняются к тем голосам,
что умоляют,
И не торгуют с царством
фальши и ошибки;
Они — защитники
молчанья Истины,
Они — хранители
неизменяемых решений.
Глубокая отдача —
их источник силы,

[1] Бога, *прим.пер.*

A still identity their way to know,
Motionless is their action like a sleep.
At peace, regarding the trouble beneath the stars,

Deathless, watching the works of Death and Chance,
Immobile, seeing the millenniums pass,
Untouched while the long map of Fate unrolls,
They look on our struggle with impartial eyes,
And yet without them cosmos could not be.
Impervious to desire and doom and hope,
Their station of inviolable might

Moveless upholds the world's enormous task,
Its ignorance is by their knowledge lit,
Its yearning lasts by their indifference.
As the height draws the low ever to climb,
As the breadths draw the small to adventure vast,
Their aloofness drives man to surpass himself.
Our passion heaves to wed the Eternal's calm,

Our dwarf-search mind to meet the Omniscient's light,
Our helpless hearts to enshrine the Omnipotent's force.
Acquiescing in the wisdom that made hell

Спокойное отождествление —
их способ знать,
Их действие недвижно,
словно сон.
Взирая на заботы,
что бурлят под звёздами
из своего покоя,
Бессмертные и наблюдающие
за работой Случая и Смерти,
Неколебимые и видящие,
как идут тысячелетия,
И незатронутые долгим разворотом
замысла Судьбы,
Они глядят на нашу битву
беспристрастным взглядом,
Однако же, без них наш космос бы
не смог существовать.
Глухое и к желанью,
и к надежде, и к судьбе,
Их положение
не задеваемых ничем могуществ
Не двигаясь, поддерживает
всю огромную работу мира,
Его невежество озарено
их знанием,
Его стремленье сохраняется
их беспристрастностью.
Как выси тянут низшее
всё время подниматься,
Как широта толкает малое
на приключение простора,
Их отстранённость заставляет
человека превзойти себя.
Так наша страсть восходит,
чтобы сочетаться
с тишиною Вечного,
И карликовый поиск нашего ума —
чтоб встретить свет Всезнания,
Беспомощное сердце —
вместить могущество Всесильного.
И уступая мудрости,
что сотворила ад,

And the harsh utility of death and tears,
Acquiescing in the gradual steps of Time,
Careless they seem of the grief that stings the world's heart,

Careless of the pain that rends its body and life;

Above joy and sorrow is that grandeur's walk:

They have no portion in the good that dies,
Mute, pure, they share not in the evil done;
Else might their strength be marred and could not save.
Alive to the truth that dwells in God's extremes,
Awake to a motion of all-seeing Force,
The slow outcome of the long ambiguous years
And the unexpected good from woeful deeds,
The immortal sees not as we vainly see.
He looks on hidden aspects and screened powers,
He knows the law and natural line of things.

Undriven by a brief life's will to act,
Unharassed by the spur of pity and fear,
He makes no haste to untie the cosmic knot
Or the world's torn jarring heart to reconcile.

И горькой пользе
смерти или слёз,
И уступая постепенному
движенью Времени,
Они, похоже, и не думают о горе,
что постоянно жалит
сердце мира,
Они не думают о боли,
рвущей тело мира
или жизнь;
Поднявшись над
страданием и радостью
шагает их величие:
Не вовлечённые
в добро, что умирает,
Безмолвные и чистые,
они не связаны с творимым злом;
Иначе сила их была б повреждена
и не могла б спасать.
Поднявшись к истинам,
живущим в крайностях Всевышнего,
Осознавая ход всё-видящей,
высокой Силы,
И медленные результаты
долгих неопределённых лет
И неожиданное благо,
приходящее от горьких дел,
Бессмертный видит всё не так,
как бесполезно видят люди.
Он смотрит на невидимые силы
и на скрытые аспекты,
Он знает
и естественную линию событий
и закон.
Его не побуждают к действию
желания короткой жизни,
Его не беспокоят
шпоры жалости и страха,
Он не торопится распутать
наш вселенский узел
Иль успокоить раздираемое,
сотрясаемое сердце мира.

In Time he waits for the Eternal's hour.
Yet a spiritual secret aid is there;

While a tardy Evolution's coils wind on
And Nature hews her way through adamant
A divine intervention thrones above.
Alive in a dead rotating universe

We whirl not here upon a casual globe
Abandoned to a task beyond our force;
Even through the tangled anarchy called Fate
And through the bitterness of death and fall
An outstretched Hand is felt upon our lives.
It is near us in unnumbered bodies and births;
In its unslackening grasp it keeps for us safe
The one inevitable supreme result

No will can take away and no doom change,

The crown of conscious Immortality,
The godhead promised to our struggling souls
When first man's heart dared death and suffered life.

One who has shaped this world is ever its lord:
Our errors are his steps upon the way;

Во Времени он ожидает
часа Вечного.
И всё же, тайная духовная поддержка
есть и здесь;
Пока идут спиралью
медленные кольца Эволюции
Пока Природа прорубает путь себе
сквозь твердь,
Над нами воцаряется
влияние божественного.
Мы здесь не кружим
на случайно выбранной планете,
Ожив в какой-то
мёртвой и вертящейся вселенной,
Поставленные пред задачей,
выше наших сил;
И даже через путаный клубок анархии,
которую зовут Судьбой,
И через горечь
смерти и падения,
Над нашей жизнью ощущается
простёртая Рука.
Она всё время возле нас,
в бесчисленных рожденьях и телах;
В своей железной хватке
сохраняет нам
Единственный и неизбежный
высший результат,
Который никакая воля
не способна отобрать,
и никакие судьбы — изменить,
Венец осознанного полностью
Бессмертия,
Божественность, обещанную
нашим борющимся душам,
Когда на смерть
и жизнь в страдании
Отважилось впервые
сердце человека.
Создавший этот мир —
всегда здесь господин:
Ошибки наши — лишь его шаги
в космическом пути;

He works through the fierce
vicissitudes of our lives,

He works through the hard breath
of battle and toil,

He works through our sins and
sorrows and our tears,

His knowledge overrules our
nescience;
Whatever the appearance we must bear,

Whatever our strong ills and
present fate,
When nothing we can see but drift
and bale,
A mighty Guidance leads us still
through all.
After we have served this great
divided world

God's bliss and oneness are our
inborn right.
A date is fixed in the calendar of
the Unknown,
An anniversary of the Birth sublime:

Our soul shall justify its
chequered walk,
All will come near that now is
naught or far.

These calm and distant Mights
shall act at last.

Immovably ready for their
destined task,
The ever-wise compassionate
Brilliances
Await the sound of the Incarnate's
voice

Он трудится через
жестокую превратность
нашей жизни,
Он трудится через
тяжёлое дыханье
битвы и труда,
Он трудится через
грехи, страдания
и наши слёзы,
И знание Его перекрывает
наше всё незнание;
В какие б мы
не попадали переделки,
Тяжёлые болезни или
трудную сейчас судьбу,
Когда мы ничего не можем видеть,
лишь теченье жизни и беду,
Могучее, всезнающее Руководство
нас ведёт спокойно через всё.
И после нашей службы
этому великому,
Но разделённому на части миру,
Блаженство и единство Бога
станут нашим правом по рожденью.
Уже отмечен день
в календаре Неведомого,
И годовщина
грандиозного Рождения:
Душа раскроет смысл
своих изменчивых шагов,
И станет близким всё,
чего сейчас здесь нет
или далёко.
И, наконец, спокойные
и отстранённые Могущества
начнут свой труд.
Невозмутимые, готовые
для предназначенной задачи,
Сочувствующие
и вечно мудрые Великолепия
Ждут звука голоса
от Воплощённого,

To leap and bridge the chasms of Ignorance
And heal the hollow yearning gulfs of Life
And fill the abyss that is the universe.
Here meanwhile at the Spirit's opposite pole
In the mystery of the deeps that God has built
For his abode below the Thinker's sight,
In this compromise of a stark absolute Truth
With the Light that dwells near the dark end of things,
In this tragi-comedy of divine disguise,
This long far seeking for joy ever near,
In the grandiose dream of which the world is made,
In this gold dome on a black dragon base,
The conscious Force that acts in Nature's breast,
A dark-robed labourer in the cosmic scheme
Carrying clay images of unborn gods,
Executrix of the inevitable Idea
Hampered, enveloped by the hoops of Fate,
Patient trustee of slow eternal Time,
Absolves from hour to hour her secret charge.
All she foresees in masked imperative depths;

The dumb intention of the unconscious gulfs

Чтобы прыгнуть и построить мост
над безднами Невежества
И исцелить голодное стремление
пучины Жизни,
Заполнить пропасть, которая —
есть вся вселенная.
Тем временем,
на противоположном крае Духа,
В мистерии глубин,
которые построил Бог
Чтоб жить под
взглядами Мыслителя,
В том компромиссе
непреклонной абсолютной Истины
Со Светом, обитающим недалеко
от тёмной стороны вещей,
В трагикомедии
божественного маскарада,
В далёком долгом поиске той радости,
которая всё время рядом,
В той грандиозной грёзе,
из которой создан мир,
В том золотистом куполе,
что опирается на чёрного дракона,
Сознательная Сила, действующая
в груди Природы,
Закутанная в тёмные одежды,
труженица во вселенской схеме,
Несущая прообразы из глины
неродившихся ещё богов,
И исполнитель неминуемой Идеи,
Зажатая и опоясанная
обручами-узами Судьбы,
И терпеливый попечитель медленного
вечно существующего Времени,
Освобождает час за часом
свой таинственный заряд.
Она предвидит всё
в своих замаскированных
повелевающих глубинах;
Немое устремление
бессознательных пучин

Answers to a will that sees upon the heights,
And the evolving Word's first syllable
Ponderous, brute-sensed, contains its luminous close,
Privy to a summit victory's vast descent
And the portent of the soul's immense uprise.

Согласно отвечать
смотрящей в выси воле,
А первый и тяжеловесный,
грубо чувствующий слог
Из Слова эволюции
содержит свой сверкающий финал,
И посвящён в широкий спуск
высокой и немыслимой победы
В знаменье необъятного простора
восхождения души.

All here where each thing seems its lonely self
Are figures of the sole transcendent One:
Only by him they are, his breath is their life;

An unseen Presence moulds the oblivious clay.
A playmate in the mighty Mother's game,
One came upon the dubious whirling globe
To hide from her pursuit in force and form.
A secret spirit in the Inconscient's sleep,
A shapeless Energy, a voiceless Word,
He was here before the elements could emerge,

Before there was light of mind or life could breathe.
Accomplice of her cosmic huge pretence,
His semblances he turns to real shapes
And makes the symbol equal with the truth:

А в этом мире, где любая вещь
нам видится отдельным “я” —
Всё — образы, фигуры
трансцендентного Единого:
И лишь благодаря ему
они на свете есть,
его дыхание — их жизнь;
Незримое Присутствие даёт
забывчивому праху форму.
Партнёр в игре
могущественной Матери,
Он вниз сошёл на ненадёжную,
вертящуюся землю,
Укрыться от её погони
в виде сил и форм.
Как тайный дух
в дремоте Несознания,
Бесформенной Энергией,
беззвучным Словом,
Он был здесь раньше,
чем смогли возникнуть
эти элементы,
И до того, как появился свет ума
и жизнь смогла дышать.
Сообщником её космическому,
необъятному притворству,
Свои подобия он превращает
в облики реальности
И заставляет символ
становиться равным истине:

He gives to his timeless thoughts a form in Time.

He is the substance, he the self of things;
She has forged from him her works of skill and might:
She wraps him in the magic of her moods
And makes of his myriad truths her countless dreams.

The Master of being has come down to her,
An immortal child born in the fugitive years.
In objects wrought, in the persons she conceives,

Dreaming she chases her idea of him,
And catches here a look and there a gest:
Ever he repeats in them his ceaseless births.
He is the Maker and the world he made,
He is the vision and he is the Seer;

He is himself the actor and the act,

He is himself the knower and the known,
He is himself the dreamer and the dream.
There are Two who are One and play in many worlds;
In Knowledge and Ignorance they have spoken and met
And light and darkness are their eyes' interchange;
Our pleasure and pain are their wrestle and embrace,

Он наделяет собственные мысли,
что вне времени,
их формами во Времени.
Он — и субстанция,
и внутреннее "я" всего;
Она выковывает из него
свои шедевры силы и искусства:
Она его окутывает магией
разнообразных настроений
И создаёт из мириадов истин,
взятых у него,
свои неисчислимые мечты.
Хозяин бытия
спустился к ней,
Бессмертное дитя родилось
средь летящих лет.
В объектах, сотворённых ею,
и в личностях,
которые она придумала,
Она воображает и преследует
свою идею, представление о нём,
И ловит — здесь какой-то взгляд,
а там — какой-то жест:
А он в них вечно повторяет
беспрерывные свои рождения.
Он — и Создатель,
и тот мир, который создал,
Он — зримый образ,
и сам Видящий;
Он тот, кто действует,
и он же — действие,
Он тот, кто познаёт,
и он же — знание,
Он тот, кто видит сон,
и он же — сновидение.
Есть Двое, что — Единый,
и игра во множестве миров;
В Невежестве и Знании
они вели беседы и встречались,
А свет и тьма — лишь
переглядки этих глаз;
Вся наша боль и наслажденье —
их объятья и борьба,

Our deeds, our hopes are intimate
to their tale;
They are married secretly in our
thought and life.

The universe is an endless
masquerade:
For nothing here is utterly what it
seems;

It is a dream-fact vision of a truth

Which but for the dream would
not be wholly true,

A phenomenon stands out significant

Against dim backgrounds of
eternity;
We accept its face and pass by all
it means;

A part is seen, we take it for the
whole.

Thus have they made their play
with us for roles:
Author and actor with himself as
scene,
He moves there as the Soul, as
Nature she.
Here on the earth where we must
fill our parts,
We know not how shall run the
drama's course;
Our uttered sentences veil in their
thought.

Her mighty plan she holds back
from our sight:

She has concealed her glory and
her bliss

Надежды наши и дела —
поверенные их историй;
Они соединяются тайком
в процессе нашей мысли,
нашей жизни.
Вселенная —
их бесконечный маскарад,
И здесь нет ничего,
что было бы по-настоящему
чем кажется;
Есть факты грёз, что видятся
похожими на правду,
Но кроме этих грёз
они нигде не будут
настоящей истиной,
Явленье представляется
для нас значительным
На фоне смутных
декораций вечности;
Воспринимая внешний лик,
мы пропускаем всё,
что то явленье значит;
Видна лишь часть,
мы принимаем эту часть
за целое.
Таким они поставили спектакль,
такие нам раздали роли:
Они — и автор, и актёр,
и целиком вся сцена,
Он движется там как Душа,
она же — как Природа.
Здесь, на земле, где мы должны
исполнить наши партии,
Никто не ведает —
чем обернётся эта драма;
Произнесённые слова
лишь укрывают
их неведомые мысли.
Свой грандиозный план
она придерживает
от людского взора:
Она утаивает собственную
славу и блаженство

And disguised the Love and
Wisdom in her heart;
Of all the marvel and beauty that
are hers,
Only a darkened little we can feel.

He too wears a diminished
godhead here;
He has forsaken his omnipotence,

His calm he has foregone and
infinity.
He knows her only, he has
forgotten himself;
To her he abandons all to make
her great.
He hopes in her to find himself
anew,
Incarnate, wedding his infinity's
peace
To her creative passion's ecstasy.
Although possessor of the earth
and heavens,
He leaves to her the cosmic
management
And watches all, the Witness of
her scene.
A supernumerary on her stage,
He speaks no words or hides
behind the wings.
He takes birth in her world, waits
on her will,

Divines her enigmatic gesture's
sense,
The fluctuating chance turns of
her mood,
Works out her meanings she
seems not to know
And serves her secret purpose in
long Time.

И маскирует Мудрость и Любовь
в глубинах сердца;
Из всех чудес и красоты,
что есть у ней,
Мы можем ощутить лишь
тёмную и небольшую часть.
Он тоже принимает здесь
обличье маленького божества;
Он отказался от
божественного всемогущества,
От тишины, в которой он был прежде,
и от бесконечности.
Он знает только лишь её,
он позабыл себя;
И для её величья, для неё,
он бросил всё.
Он в ней надеется
найти себя по-новому,
И воплотиться, обручить
покой свой бесконечности
С её экстазом страсти созидания.
Хотя он и владыка
над землёй и небесами,
Он оставляет на неё
космическое управление
И лишь глядит на всё,
Свидетель этой сцены.
Статистом на её подмостках, он
Не говорит ни слова,
или прячется в её крылах.
Он соглашается родиться
в ей принадлежащем мире,
ждёт её желания,
Разгадывает смысл
её покрытых тайной жестов,
Изменчивых случайных поворотов
её расположенья духа,
И воплощает те её намерения,
что она, похоже, и не знает,
И служит тайным замыслам её
средь медленного Времени.

As one too great for him he worships her;

He adores her as his regent of desire,
He yields to her as the mover of his will,
He burns the incense of his nights and days
Offering his life, a splendour of sacrifice.
A rapt solicitor for her love and grace,
His bliss in her to him is his whole world:
He grows through her in all his being's powers;

He reads by her God's hidden aim in things.

Or, a courtier in her countless retinue,
Content to be with her and feel her near
He makes the most of the little that she gives

And all she does drapes with his own delight.
A glance can make his whole day wonderful,
A word from her lips with happiness wings the hours.

He leans on her for all he does and is:

He builds on her largesses his proud fortunate days
And trails his peacock-plumaged joy of life

Он перед ней благоговеет,
как перед чересчур великой
для него;
Боготворит её как исполнителя
своих желаний,
Он отдается ей как движителю
для его же воли,
Он курит фимиам
своих ночей и дней,
И предлагает собственную жизнь,
великолепье жертвы.
Восторженный поверенный
её любви и милости,
Его блаженство в ней —
его огромный мир:
Через неё, во всём,
он развивает силы
собственного существа;
И с помощью её читает
скрытую цель Бога
в окружающих вещах.
Служа придворным
средь её неисчислимой свиты,
Довольный быть с ней вместе,
чувствовать её вблизи,
Он забирает всё, что может,
из той малости,
что та ему даёт,
И всё, что делает она, он украшает
собственным восторгом.
Один лишь взгляд её способен
сделать целый день его чудесным,
А слово с уст её —
крылатым счастьем
озарить его часы.
Она опора для него
во всех его делах,
во всех обличьях:
Он строит на её просторах
гордые, удачливые дни
И тянет за собой,
с венцом павлиньих перьев,
радость жизни

And suns in the glory of her
passing smile.
In a thousand ways he serves her
royal needs;
He makes the hours pivot around
her will,
Makes all reflect her whims; all is
their play:

This whole wide world is only he
and she.

И солнца в славе из её
летящей вскользь улыбки.
Есть тысячи путей ему
служить её высоким нуждам;
Он запустил часы кружиться
по оси её желаний,
И заставляет всё на свете
отражать её причуды;
Всё во вселенной — их игра:
Весь наш широкий мир
есть лишь она и он.

This is the knot that ties together
the stars:
The Two who are one are the
secret of all power,
The Two who are one are the
might and right in things.

His soul, silent, supports the world
and her,
His acts are her commandment's
registers.
Happy, inert, he lies beneath her
feet:
His breast he offers for her cosmic
dance
Of which our lives are the
quivering theatre,
And none could bear but for his
strength within,
Yet none would leave because of
his delight.

His works, his thoughts have been
devised by her,
His being is a mirror vast of hers:

Active, inspired by her he speaks
and moves;
His deeds obey her heart's
unspoken demands:

Вот узел, что соединяет
вместе звёзды:
Те Двое, что одно —
секрет всей силы,
Те Двое, что одно —
могущество и право
всех вещей.
Его душа, безмолвная,
поддерживает и её, и мир,
Его дела — лишь
записи её указов.
Счастливый и инертный,
он лежит в её ногах:
Он грудь свою отдал
её космическому танцу,
В том танце наши жизни —
лишь трепещущий театр,
Который бы никто не вынес,
без его могущества внутри,
Который никогда никто
и не оставил бы
из-за его восторга.
Его работы, мысли —
всё давно придумала она,
И существо его —
лишь отраженье широты её:
Активный, ею вдохновляемый,
он движется и говорит;
Его дела подчинены её
невысказанным требованьям сердца:

Passive, he bears the impacts of the world
As if her touches shaping his soul and life:
His journey through the days is her sun-march;
He runs upon her roads; hers is his course.
A witness and student of her joy and dole,
A partner in her evil and her good,

He has consented to her passionate ways,
He is driven by her sweet and dreadful force.
His sanctioning name initials all her works;

His silence is his signature to her deeds;
In the execution of her drama's scheme,
In her fancies of the moment and its mood,
In the march of this obvious ordinary world
Where all is deep and strange to the eyes that see
And Nature's common forms are marvel-wefts,
She through his witness sight and motion of might
Unrolls the material of her cosmic Act,
Her happenings that exalt and smite the soul,

Her force that moves, her powers that save and slay,

Her Word that in the silence speaks to our hearts,

Пассивный, он выносит
все удары мира,
Как будто бы её касанья
формируют жизнь его и душу:
Его движение сквозь дни —
её залитый солнцем марш;
Он пробегает по её дорогам,
Её курс превращается в её.
Свидетель, ученик
её страдания и радости,
Партнёр в её злодействах
и в её добре,
Он соглашается
на страстные её пути,
Его ведёт её ужасная
и сладостная сила.
Он именем своим,
дающим санкцию,
подписывает все её работы;
Его безмолвие —
его инициалы на её делах;
И в исполненьи замысла
её вселенской драмы,
И в множестве её сиюминутных
помыслов и настроений,
И в марше очевидного,
обыденного мира,
Где всё и глубоко, и странно
для очей, что видят,
А все обычные явления Природы
предстают переплетением чудес,
Через его высокий взгляд свидетеля,
движение его могущества
Она развёртывает ткань
её космического Действа,
Свои события,
которые возносят
или разбивают душу,
И силу, что толкает,
и энергии, которые спасают
или убивают,
И Слово, что в молчаньи
разговаривает с нашими сердцами,

Her silence that transcends the summit Word,
Her heights and depths to which our spirit moves,
Her events that weave the texture of our lives
And all by which we find or lose ourselves,

Things sweet and bitter, magnificent and mean,
Things terrible and beautiful and divine.

Her empire in the cosmos she has built,
He is governed by her subtle and mighty laws.
His consciousness is a babe upon her knees,
His being a field of her vast experiment,
Her endless space is the playground of his thoughts;
She binds to knowledge of the shapes of Time
And the creative error of limiting mind
And chance that wears the rigid face of fate
And her sport of death and pain and Nescience,
His changed and struggling immortality.
His soul is a subtle atom in a mass,
His substance a material for her works.
His spirit survives amid the death of things,
He climbs to eternity through being's gaps,

Своё безмолвие,
превосходящее вершины Слова,
Свои высоты и глубины,
к которым движется наш дух,
Свои события, которые плетут
ткань наших жизней,
И всё, благодаря чему
мы или обретаем
Или же теряем самого себя,
И горькое, и сладостное,
изумительное и обычное,
И то, что ужасает,
и что видится прекрасным,
и — божественное.
Она воздвигла в космосе
свою империю,
Он подчиняется её могучим
и утонченным законам.
Его сознание —
ребёнок на её коленях,
Его существованье — поле
для её обширного эксперимента,
Её пространство без конца и края —
площадка для игры его идей;
Она привязывает к знанию
обличий Времени,
И к творческой ошибке
ограниченных умов,
И к случаю, что носит
непреклонный лик судьбы,
К своей игре Незнания,
страдания и смерти,
Его преображённое,
сражающееся бессмертие.
Его душа —
неуловимый атом в массе,
Его субстанция —
материал её работ.
Его дух продолжает жить
среди всеобщей смерти,
Он поднимается до вечности
через провалы бытия,

He is carried by her from Night to
deathless Light.
This grand surrender is his
free-will's gift,
His pure transcendent force
submits to hers.
In the mystery of her cosmic
ignorance,
In the insoluble riddle of her play,

A creature made of perishable
stuff,
In the pattern she has set for him
he moves,
He thinks with her thoughts, with
her trouble his bosom heaves;

He seems the thing that she would
have him seem,
He is whatever her artist will can
make.
Although she drives him on her
fancy's roads,
At play with him as with her child
or slave,
To freedom and the Eternal's mastery

And immortality's stand above the
world,
She moves her seeming puppet of
an hour.
Even in his mortal session in
body's house,
An aimless traveller between birth
and death,

Ephemeral dreaming of
immortality,
To reign she spurs him. He takes
up her powers;
He has harnessed her to the yoke
of her own law.

Она несёт его из Ночи
до не знающего смерти Света.
Та грандиозность сдачи —
дар его свободной воли,
В нём сила, чистая и трансцендентная,
всецело подчинилась силе у неё.
В мистерии её
вселенского невежества,
В её игре
из нерешаемых загадок,
Как существо, что сотворили
из непрочной ткани,
Он движется по тем шаблонам,
что она установила для него,
Он мыслит мыслями её,
её волнение вздымается
в его груди;
Он представляется ей тем,
чем бы она его хотела видеть,
Он — всё, что может сотворить
её художественный вкус.
Хотя она ведёт его
дорогами своих фантазий,
Играя с ним,
как со своим дитём или рабом,
К свободе, к совершенному
владенью Вечным,
К установлению бессмертия
над миром
Она его толкает
как марионетку времени.
И даже в смертном пребывании
в телесном доме,
Его, не знающего цели путника,
бредущего между
рождением и смертью,
И эфемерно грезящего
о бессмертии,
Она пришпоривает царствовать.
Он взял её могущества;
Он впряг её в ярмо
её же собственных законов.

His face of human thought puts on
a crown.
Held in her leash, bound to her
veiled caprice,

He studies her ways if so he may
prevail

Even for an hour and she work out
his will;
He makes of her his moment
passion's serf:
To obey she feigns, she follows
her creature's lead:
For him she was made, lives only
for his use.

But conquering her, then is he
most her slave;

He is her dependent, all his means
are hers;
Nothing without her he can, she
rules him still.
At last he wakes to a memory of
Self:

He sees within the face of deity,

The Godhead breaks out through
the human mould:
Her highest heights she unmasks
and is his mate.

Till then he is a plaything in her
game;
Her seeming regent, yet her
fancy's toy,

A living robot moved by her
energy's springs,
He acts as in the movements of a
dream,

Его обличье мысли человека
одевает на себя корону.
Удержанный в её узде,
привязанный к её
сокрытому капризу,
Он изучает все её пути,
как если бы он мог
её когда-то победить
Хотя б на час,
а та бы исполняла его волю;
Он делает её рабыней
собственной минутной страсти:
Стараясь показать, что подчиняется,
она идёт за собственным творением:
Её создали для него,
она живёт лишь чтоб
он пользовался ею.
Однако покорив её,
он превращается вдруг
в главного её раба;
Он тот, кто от неё зависит,
все средства у него — её;
Он без неё ничто не может,
она, как прежде, правит им.
Но вот он просыпается
к воспоминаниям
о Высшем “Я”:
Он смотрит внутрь
и видит облик божества,
И Бог внезапно прорывается
сквозь человеческую форму:
Она же раскрывает
самые высокие свои вершины
и теперь — его супруга.
Но до тех пор —
он вещь в её игре;
Он кажется её придворным регентом,
и в то же время, он —
игрушка для её причуд,
Одушевлённый робот, он питается
её источником энергии,
Его дела похожи,
на движения во сне,

An automaton stepping in the grooves of Fate,
He stumbles on driven by her whip of Force:
His thought labours, a bullock in Time's fields;
His will he thinks his own, is shaped in her forge.
Obedient to World-Nature's dumb control,
Driven by his own formidable Power,
His chosen partner in a titan game,

Her will he has made the master of his fate,
Her whim the dispenser of his pleasure and pain;
He has sold himself into her regal power
For any blow or boon that she may choose:
Even in what is suffering to our sense,
He feels the sweetness of her mastering touch,
In all experience meets her blissful hands;
On his heart he bears the happiness of her tread
And the surprise of her arrival's joy
In each event and every moment's chance.

All she can do is marvellous in his sight:
He revels in her, a swimmer in her sea,
A tireless amateur of her world-delight,

Он, словно автомат,
шагает в колее Судьбы,
Он спотыкается, ведомый
с помощью нагайки Силы:
Его мысль трудится
как вол на пашнях Времени;
Так воля, что считает он своей,
куётся в кузнице её.
Он подчиняется немому
управлению Природы-Мира,
И направляемый своею собственной
огромной Мощью,
Им выбранной партнершей
в титанической игре,
Он превратил её желание
в хозяина своей судьбы,
А прихоти её — в распределителя
страдания и наслаждения;
Он продал самого себя
её могуществу царицы
Для всех ударов или благ,
что выберет она:
И даже в том, что видится мучением
для наших чувств,
Он ощущает сладость
от её руководящего касания,
И в каждом опыте встречается
с её ладонями блаженства;
Он носит рядом с сердцем
счастье от её шагов
И удивление от радости,
когда она приходит
В любом событии,
в любой возможности
несущихся мгновений.
Всё, что она способна делать —
чудеса в его глазах:
Он утопает в ней,
пловец в её огромном море,
Неутомимый дилетант
её восторга мира,

He rejoices in her every thought and act
And gives consent to all that she can wish;
Whatever she desires he wills to be:
The Spirit, the innumerable One,
He has left behind his lone eternity,
He is an endless birth in endless Time,
Her finite's multitude in an infinite Space.

Он радуется в каждой
ей принадлежащей мысли,
в каждом действии,
Даёт согласие на всё,
что та способна захотеть;
И что бы та ни пожелала,
он стремится этим быть:
Он, этот Дух,
бесчисленный Единый,
Оставил позади свою
уединённость вечности,
Он — бесконечное рожденье
в бесконечном Времени,
Её многообразие конечного
средь бесконечного Пространства.

The master of existence lurks in us
And plays at hide-and-seek with his own Force;
In Nature's instrument loiters secret God.
The Immanent lives in man as in his house;
He has made the universe his pastime's field,
A vast gymnasium of his works of might.
All-knowing he accepts our darkened state,
Divine, wears shapes of animal or man;
Eternal, he assents to Fate and Time,
Immortal, dallies with mortality.
The All-Conscious ventured into Ignorance,

Хозяин бытия
скрывается у нас внутри,
Играя в прятки
с собственною Силой;
В орудии Природы
медлит тайный Бог.
Он, постоянно внутренне
присущий человеку,
Живёт в нём
как в своём жилище;
Он из вселенной сделал
место развлечений,
Большой спортивный зал
для акций своего могущества.
Всезнающий, он принимает
наше состоянье темноты,
Божественный, он принимает образы
животного и человека;
Извечный, соглашается
на Время и Судьбу,
Бессмертный, забавляется
со смертным.
Все-Сознающий,
отправляется за приключением
в Невежество,

The All-Blissful bore to be insensible.
Incarnate in a world of strife and pain,
He puts on joy and sorrow like a robe
And drinks experience like a strengthening wine.
He whose transcendence rules the pregnant Vasts,

Prescient now dwells in our subliminal depths,
A luminous individual Power, alone.
The Absolute, the Perfect, the Alone

Has called out of the Silence his mute Force
Where she lay in the featureless and formless hush
Guarding from Time by her immobile sleep
The ineffable puissance of his solitude.
The Absolute, the Perfect, the Alone

Has entered with his silence into space:
He has fashioned these countless persons of one self;
He has built a million figures of his power;
He lives in all, who lived in his Vast alone;

Space is himself and Time is only he.
The Absolute, the Perfect, the Immune,

И Все-Блаженный —
терпит быть бесчувственным.
Так воплотившись
в мире боли и борьбы,
Он одевает радости и горе
словно платье
И опыт пьёт,
как пьют бодрящее вино.
И он, чья трансцендентность
правит Широтой,
несущей новое рождение,
Сейчас живёт провидцем
в наших подсознательных глубинах,
Как индивидуальная и озарённая
Энергия, стоящая поодаль.
Он, Абсолютный,
Совершенный,
Отделённый,
Когда-то вызвал из Безмолвия
свою немую Силу,
Лежавшую в невыразительной
бесформенной тиши,
Храня от Времени
своим недвижным сном
Невыразимое могущество
его уединения.
Он, Абсолютный,
Совершенный,
Отделённый,
Вошёл своим безмолвием
в пространство:
Он породил бесчисленные личности
единственного “я”;
Он создал миллионы обликов
своей энергии;
И он живёт во всех,
живущих отделёнными
в его Просторе;
Пространство — это он,
и Время — только он.
Он, Абсолютный,
Совершенный,
Незатронутый,

One who is in us as our secret self,
Our mask of imperfection has assumed,
He has made this tenement of flesh his own,

His image in the human measure cast
That to his divine measure we might rise;
Then in a figure of divinity

The Maker shall recast us and impose
A plan of godhead on the mortal's mould
Lifting our finite minds to his infinite,
Touching the moment with eternity.
This transfiguration is earth's due to heaven:
A mutual debt binds man to the Supreme:
His nature we must put on as he put ours;
We are sons of God and must be even as he:

His human portion, we must grow divine.

Our life is a paradox with God for key.

Кто пребывает в нас, как наше
тайное и внутреннее “я”,
Укрыл себя за нашей
маскою несовершенства,
Он сделал этот
временный дом плоти
собственным жилищем,
Свой образ бросил
в человеческий масштаб,
Чтоб мы могли подняться
до его небесного масштаба;
Тогда, в обличии
божественной природы
Создатель перестроит нас,
И нашей смертной форме
навяжет образ действий божества,
Подняв конечные умы
к его высокой бесконечности,
Касаясь нашего мгновенья
вечностью.
Такое превращение —
земная плата небесам:
Взаимный долг связал
и человека, и Всевышнего:
Его природу мы должны одеть,
как он одел природу нашу;
Мы — Бога сыновья,
и мы должны
стать в точности, как он:
Мы человеческая часть его,
и мы должны
расти в божественное.
Жизнь наша — парадокс,
а Бог — к ней ключ.

But meanwhile all is a shadow cast by a dream
And to the musing and immobile spirit
Life and himself don the aspect of a myth,

Но до тех пор, всё — тень,
отброшенная грёзой,
Для неподвижного
и размышляющего духа
И жизнь, и сам он
принимают облик мифа,

The burden of a long unmeaning tale.
For the key is hid and by the Inconscient kept;
The secret God beneath the threshold dwells.
In a body obscuring the immortal Spirit
A nameless Resident vesting unseen powers
With Matter's shapes and motives beyond thought
And the hazard of an unguessed consequence,
An omnipotent indiscernible Influence,

He sits, unfelt by the form in which he lives
And veils his knowledge by the groping mind.
A wanderer in a world his thoughts have made,
He turns in a chiaroscuro of error and truth
To find a wisdom that on high is his.
As one forgetting he searches for himself;
As if he had lost an inner light he seeks:
As a sojourner lingering amid alien scenes
He journeys to a home he knows no more.
His own self's truth he seeks who is the Truth;
He is the Player who became the play,
He is the Thinker who became the thought;
He is the many who was the silent One.

Подобны ноше долгой и
бессмысленной истории.
Причина в том, что ключ сокрыт
и Несознанием хранится,
И тайный Бог живёт
до нашего порога восприятия.
Там, в теле, затемняющем
бессмертный Дух,
Неведомый Жилец,
питающий незримыми энергиями
И облики Материи,
и побужденья, за пределом мысли,
Опасности и риск от
неожиданных последствий,
И всемогущее
неразличимое Влияние,
Сидит, неощутимый
для той формы, где живёт,
И маскирует знание своё
бредущим наугад умом.
Как странник в мире,
созданном своими мыслями,
Он кружится в игре теней и света,
истин и ошибок,
Чтоб обнаружить мудрость,
ждущую его на высшей точке.
Как что-то позабывший,
он разыскивает самого себя,
Высматривает свет внутри,
как если б он его терял:
И словно временно живущий здесь,
блуждая среди чуждых сцен,
Идёт он к дому своему,
которого теперь не знает.
Он ищет правду внутреннего “я”,
хотя он сам есть Истина;
Он — тот Игрок,
который стал игрой,
Он — тот Мыслитель,
что стал мыслью;
Он — множество всего, что было
полным тишины Единым.

In the symbol figures of the cosmic Force
And in her living and inanimate signs
And in her complex tracery of events
He explores the ceaseless miracle of himself,
Till the thousandfold enigma has been solved
In the single light of an all-witnessing Soul.

И в символичных образах вселенской Силы,
В её живых и неодушевлённых знаках,
В её запутанном узоре из событий
Он изучает непрестанное и удивляющее чудо самого себя,
Пока не сможет разрешить тысячекратную загадку
В едином свете наблюдающей за всем Души.

This was his compact with his mighty mate,
For love of her and joined to her for ever
To follow the course of Time's eternity,
Amid magic dramas of her sudden moods
And the surprises of her masked Idea
And the vicissitudes of her vast caprice.
Two seem his goals, yet ever are they one
And gaze at each other over bourneless Time;
Spirit and Matter are their end and source.
A seeker of hidden meanings in life's forms,
Of the great Mother's wide uncharted will
And the rude enigma of her terrestrial ways
He is the explorer and the mariner

On a secret inner ocean without bourne:

Таким был договор с его могучей половиной,
Из-за её любви, и слившись с нею навсегда
Идти за ней по курсу вечности во Времени
Среди магических сюжетов-драм её внезапных настроений,
Среди сюрпризов от её замаскированной Идеи,
Среди превратностей её обширного каприза.
И кажется, что у него две цели, но они всегда — одно
И смотрят друг на друга над беспредельным Временем;
Материя и Дух для них источник и вершина.
Искатель скрытых смыслов в формах жизни,
Широких и не обозначенных на картах намерений великой Матери,
И жёстких тайн её земных путей,
Он путешественник и мореплаватель
По тайным водам внутреннего океана без границ:

He is the adventurer and cosmologist
Of a magic earth's obscure geography.
In her material order's fixed design
Where all seems sure and, even when changed, the same,

Even though the end is left for ever unknown
And ever unstable is life's shifting flow,
His paths are found for him by silent fate;
As stations in the ages' weltering flood
Firm lands appear that tempt and stay awhile,
Then new horizons lure the mind's advance.
There comes no close to the finite's boundlessness,
There is no last certitude in which thought can pause

And no terminus to the soul's experience.
A limit, a farness never wholly reached,
An unattained perfection calls to him
From distant boundaries in the Unseen:
A long beginning only has been made.

Он первооткрыватель
и космолог
Неясной географии
магической земли.
В установившемся творении
её материального порядка,
Где вещи кажутся надёжными,
и даже изменяясь,
остаются те же,
Хотя конец всё время
неизвестен,
И вечно неустойчиво
скользящее теченье жизни,
Безмолвная судьба
находит для него пути;
Как остановки во вздымающемся
паводке эпох,
Там появляются устойчивые земли,
искушая и задерживая ненадолго,
Затем другие горизонты
манят ум идти вперёд.
Там не подходишь
к безграничности конечного,
Там нет той окончательной
определённости, где может
приостановиться мысль,
И нет конечной остановки
опыта души.
Пределы, дали,
что не достигались никогда,
Недосягаемое совершенство —
шлют к нему призывы
От самых дальних рубежей
в Незримом:
Всё то, что сделано —
лишь долгое начало.

This is the sailor on the flow of Time,
This is World-Matter's slow discoverer,

Таков он — мореплаватель
идущий по потоку Времени,
Таков — неторопливый открыватель
Мира из Материи,

Who, launched into this small
corporeal birth,
Has learned his craft in tiny bays
of self,
But dares at last unplumbed
infinitudes,
A voyager upon eternity's seas.
In his world-adventure's crude
initial start
Behold him ignorant of his
godhead's force,
Timid initiate of its vast design.

An expert captain of a fragile
craft,
A trafficker in small impermanent
wares,
At first he hugs the shore and
shuns the breadths,
Dares not to affront the far-off
perilous main.
He in a petty coastal traffic plies,

His pay doled out from port to
neighbour port,
Content with his safe round's
unchanging course,
He hazards not the new and the
unseen.
But now he hears the sound of
larger seas.
A widening world calls him to
distant scenes
And journeyings in a larger
vision's arc
And peoples unknown and still
unvisited shores.
On a commissioned keel his
merchant hull
Serves the world's commerce in
the riches of Time
Severing the foam of a great
land-locked sea

Который, помещённый
в тесноту телесного рождения,
Учился ремеслу в ничтожных бухтах
собственного “я”,
Однако, наконец, отважился
на неизведанные бесконечности,
И странствует морями вечности.
В неопытном начале
путешествия его по миру,
Мы видим — он не ведает
о силе собственного божества,
Он только робкий посвящённый
в необъятный замысел.
Искусный капитан
на хрупком судне,
Торговец мелкими
непрочными товарами,
Пока что он цепляется за берег,
избегая широты,
Не смея бросить вызов
дальним и опасным океанам.
Он лишь курсирует
в прибрежных мелких перевозках,
И получает маленькую плату
от порта к соседнему порту,
Согласный с неизменным курсом
своего надёжного маршрута,
Он не рискует повстречаться
с новым и незримым.
Но вот он слышит шум
иных, больших морей.
Всё более широкий мир
зовёт его к своим далёким сценам,
И к путешествиям
с другим размахом кругозора,
К неведомым народам,
и к нехоженым, пока что, берегам.
Готовый к дальним плаваниям
киль его торгового судёнышка
Теперь на службе мировой коммерции
дарами Времени,
И рассекает пену по большому,
окружённому землёю морю,

To reach unknown harbour lights
in distant climes
And open markets for life's
opulent arts,
Rich bales, carved statuettes, hued
canvases,

And jewelled toys brought for an
infant's play

And perishable products of hard
toil
And transient splendours won and
lost by the days.

Or passing through a gate of
pillar-rocks,
Venturing not yet to cross oceans
unnamed
And journey into a dream of
distances
He travels close to unfamiliar
coasts
And finds new haven in
storm-troubled isles,
Or, guided by a sure compass in
his thought,

He plunges through a bright haze
that hides the stars,
Steering on the trade-routes of
Ignorance.
His prow pushes towards
undiscovered shores,
He chances on unimagined
continents:
A seeker of the islands of the Blest,
He leaves the last lands, crosses
the ultimate seas,
He turns to eternal things his
symbol quest;
Life changes for him its
time-constructed scenes,

Чтобы добраться до огней
далёкой неизвестной гавани,
И развернуть там рынки
многочисленных поделок жизни,
Тюков с богатствами,
изящных статуэток,
красочных полотен,
Игрушек в самоцветах,
привезённых ради
детских развлечений,
Непрочных результатов
тяжкого труда,
И мимолётной роскоши,
что можно выиграть
и потерять за дни.
А может, проходя
сквозь скальные ворота,
И не рискуя до поры
пересекать неведомые океаны
И отправляться в путешествие
по грёзам далей,
Он плавает вблизи
от незнакомых побережий,
Находит новые безветренные гавани
в штормам открытых островах,
А может, направляемый
надёжным компасом —
своею мыслью,
Ныряет он в светящийся туман,
что закрывает звёзды,
И правит по торговому пути
Невежества.
Нос корабля его повернут
к неоткрытым берегам,
И он рискует плыть
к невообразимым континентам:
Искатель островов Блаженства,
Он оставляет самые последние края,
пересекает самые далёкие моря,
Он поворачивает к вечному
курс символического поиска;
Жизнь для него меняет
временем построенные сцены,

Its images veiling infinity.

Earth's borders recede and the terrestrial air
Hangs round him no longer its translucent veil.
He has crossed the limit of mortal thought and hope,
He has reached the world's end and stares beyond;
The eyes of mortal body plunge their gaze
Into Eyes that look upon eternity.
A greater world Time's traveller must explore.

At last he hears a chanting on the heights
And the far speaks and the unknown grows near:
He crosses the boundaries of the unseen
And passes over the edge of mortal sight
To a new vision of himself and things.
He is a spirit in an unfinished world

That knows him not and cannot know itself:
The surface symbol of his goalless quest

Takes deeper meanings to his inner view;

His is a search of darkness for the light,
Of mortal life for immortality.

In the vessel of an earthly embodiment

И образы свои,
скрывающие бесконечное.
Земные тесные границы отступают
и земная атмосфера
Уже не вешает вокруг него
прозрачную вуаль.
Он пересёк пределы
смертной мысли и надежды,
Достиг конечной точки мира,
смотрит в запредельное;
И смертные глаза
свой погружают взгляд
В Глаза, что наблюдают вечность.
Наш путешественник по Времени
готов исследовать другой,
великий мир.
И, наконец, он слышит
песнопенье на высотах,
И дали разговаривают с ним,
и неизвестное подходит ближе:
Он пересёк границы
видимых вещей
И переносится за грань
земного зрения
К иному взгляду на себя,
на всё вокруг.
Теперь он — дух
в незавершённом мире,
В том мире, что не ведает о нём
и не способен знать себя:
Игравший прежде роль
поверхностного символа
его бесцельных поисков,
Мир проявляет
более глубокий смысл
для внутреннего взгляда;
Всё путешествие его
есть поиск света тьмой
И поиски бессмертья
смертной жизнью.
В сосуде бренного
земного воплощения

Over the narrow rails of limiting sense
He looks out on the magic waves of Time
Where mind like a moon illumines the world's dark.
There is limned ever retreating from the eyes,
As if in a tenuous misty dream-light drawn,
The outline of a dim mysterious shore.
A sailor on the Inconscient's fathomless sea,
He voyages through a starry world of thought
On Matter's deck to a spiritual sun.
Across the noise and multitudinous cry,
Across the rapt unknowable silences,
Through a strange mid-world under supernal skies,
Beyond earth's longitudes and latitudes,
His goal is fixed outside all present maps.
But none learns whither through the unknown he sails

Or what secret mission the great Mother gave.

In the hidden strength of her omnipotent Will,
Driven by her breath across life's tossing deep,

Through the thunder's roar and through the windless hush,
Through fog and mist where nothing more is seen,

Перелетая узкую ограду
ограниченного чувства,
Он смотрит в глубину
магических волн Времени,
Где ум, как месяц,
освещает темноту земного мира.
Там еле обрисованы,
всё время ускользая от очей,
Как в редкой дымке,
обозначенной лучом мечты,
Неясные, в тумане, контуры
таинственного берега.
Он, мореплаватель
бездонными морями Несознания,
Плывёт сквозь звёздный мир
идей и мысли,
На палубе Материи,
к духовному светилу.
Пересекая шум,
многоголосый крик,
Пересекая погружённые в восторг,
непостижимые безмолвия,
Сквозь странный средний мир
под небесами бога,
Что за пределами
земных долгот, широт,
Его цель — вне всех
существующих сегодня карт.
Никто не знает,
ни куда плывёт он
сквозь неведомое,
Ни что за тайное задание
дала ему великая
божественная Мать.
В её сокрытой силе
всемогущей Воли,
Идущий за её дыханьем
через колыханья
жизненных глубин,
Сквозь грохотанье грома
и безветренную тишину,
Сквозь мглу с туманом,
где не видно больше ничего,

He carries her sealed orders in his breast.
Late will he know, opening the mystic script,
Whether to a blank port in the Unseen

He goes or, armed with her fiat, to discover
A new mind and body in the city of God
And enshrine the Immortal in his glory's house
And make the finite one with Infinity.
Across the salt waste of the endless years
Her ocean winds impel his errant boat,
The cosmic waters plashing as he goes,
A rumour around him and danger and a call.
Always he follows in her force's wake.
He sails through life and death and other life,

He travels on through waking and through sleep.

A power is on him from her occult force
That ties him to his own creation's fate,
And never can the mighty Traveller rest

And never can the mystic voyage cease

Till the nescient dusk is lifted from man's soul

Он на своей груди несёт
    её закрытые печатями распоряжения.
И только позже он поймёт,
    открыв мистический свиток,
К пустому ли порту в Незримом
    подойдёт он, или же
Вооружившийся её указом,
    направляется открыть
Другие ум и тело
    в городе-столице Бога
И пронести Бессмертное
    в его жилище славы
И сделать всё конечное
    единым с Бесконечным.
Сквозь горькие потери
    бесконечных лет
Её морские ветры
    носят лодочку скитальца,
Космические волны
    плещутся по курсу,
Молва вокруг него,
    опасность и призыв.
Он следует всегда
    в кильватере её могущества.
Он правит через жизнь,
    и через смерть,
        и снова через жизнь,
Он путешествует
    сквозь пробужденье
        и сквозь сон.
В нём сила —
    от её оккультной силы,
Которая его связала
    с судьбою своего творения,
И никогда не может
    тот могучий Путник
        отдохнуть,
И никогда не может
    тот мистический вояж
        остановиться,
Пока все сумерки незнания
    не будут сняты
        с человеческой души,

And the morns of God have
overtaken his night.
As long as Nature lasts, he too is
there,

For this is sure that he and she are
one;
Even when he sleeps, he keeps her
on his breast:
Whoever leaves her, he will not
depart
To repose without her in the
Unknowable.
There is a truth to know, a work to
do;

Her play is real; a Mystery he
fulfils:
There is a plan in the Mother's
deep world-whim,
A purpose in her vast and random
game.
This ever she meant since the first
dawn of life,
This constant will she covered
with her sport,

To evoke a Person in the
impersonal Void,
With the Truth-Light strike earth's
massive roots of trance,

Wake a dumb self in the
inconscient depths
And raise a lost Power from its
python sleep
That the eyes of the Timeless
might look out from Time
And the world manifest the
unveiled Divine.
For this he left his white infinity

И утро Бога не застигнет
ночь его врасплох.
И столько, сколько
остаётся здесь Природа,
он тоже будет здесь,
И несомненно, что
она и он — одно;
Он даже если спит,
хранит её в своей груди:
И кто бы ни решил её покинуть,
он же — не уйдёт,
Чтобы без неё покоиться
в Непознаваемом.
Есть истина, которая
должна быть познана,
и труд, который нужно сделать;
Её игра — реальна;
он наполняет ту игру Мистерией:
Есть план в глубоком мире-прихоти
небесной Матери,
Есть цель в её широкой
и подверженной случайностям игре.
Она всегда об этом помнит,
с первого рассвета жизни,
И эту неслабеющую волю
она скрывает
за своими развлеченьями —
Как вызвать Личность
посреди безличной Пустоты,
Как Светом-Истиной ударить
по массивным основаниям
земного транса,
Как пробудить немое внутреннее “я”
в глубинах несознания,
И как поднять затерянную Силу
из её питоньей дремоты,
Чтобы глаза Вневременья
могли смотреть из Времени,
А мир — явил бы
неприкрытую Божественность.
Для этого оставил он
план чистой бесконечности

And laid on the spirit the burden
of the flesh,
That Godhead's seed might flower
in mindless Space.

End of Canto Four

И возложил на дух
нелёгкий груз из плоти —
Чтоб семя Божества могло цвести
среди бездумного Пространства.

Конец четвертой песни

Book One
THE BOOK OF BEGINNINGS

Canto V
THE YOGA OF THE KING:
THE YOGA OF THE SPIRIT'S
FREEDOM AND GREATNESS

This knowledge first he had of
time-born men.
Admitted through a curtain of
bright mind
That hangs between our thoughts
and absolute sight,
He found the occult cave, the
mystic door
Near to the well of vision in the
soul,
And entered where the Wings of
Glory brood
In the silent space where all is for
ever known.
Indifferent to doubt and to belief,

Avid of the naked real's single
shock
He shore the cord of mind that ties
the earth-heart
And cast away the yoke of
Matter's law.
The body's rules bound not the
spirit's powers:
When life had stopped its beats,
death broke not in;
He dared to live when breath and
thought were still.
Thus could he step into that magic
place

Книга Первая
КНИГА НАЧАЛ

Песня V
ЙОГА ЦАРЯ:
ЙОГА СВОБОДЫ
И ВЕЛИЧИЯ ДУХА

Такое знание он[1] первым получил,
среди людей, во времени рождённых.
Пропущенный через завесу
оживлённого ума,
Висящую меж человеческими мыслями
и абсолютным виденьем,
Он обнаружил там оккультную пещеру
и мистическую дверь,
Вблизи источника, дающего душе
возможность видеть,
И он вошёл туда,
где Крылья Славы размышляют
В безмолвии пространства,
где заранее известно всё.
Незадеваемый ни верой,
ни сомнением,
Желая лишь удара
неприкрашенной реальности,
Он разорвал струну ума,
которой связано земное сердце
И сбросил прочь с себя закон Материи,
как надоевшее ярмо.
Ограниченья тела более
не связывали силы духа:
Когда жизнь прекратила биться,
в тело не ворвалась смерть;
И он посмел жить дальше,
хоть дыхание и мысль затихли.
Так он сумел шагнуть
в особое магическое место,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

Which few can even glimpse with hurried glance
Lifted for a moment from mind's laboured works
And the poverty of Nature's earthly sight.
All that the Gods have learned is there self-known.
There in a hidden chamber closed and mute
Are kept the record graphs of the cosmic scribe,
And there the tables of the sacred Law,
There is the Book of Being's index page;
The text and glossary of the Vedic truth

Are there; the rhythms and metres of the stars
Significant of the movements of our fate:
The symbol powers of number and of form,
And the secret code of the history of the world
And Nature's correspondence with the soul
Are written in the mystic heart of Life.
In the glow of the spirit's room of memories
He could recover the luminous marginal notes
Dotting with light the crabbed ambiguous scroll,
Rescue the preamble and the saving clause
Of the dark Agreement by which all is ruled
That rises from material Nature's sleep

Которое немногие могут увидать
спешащим взглядом,
Подняв его на миг
от трудных дел ума
И бедности земных
очей Природы.
В том царстве всё, что знают Боги,
самоочевидно.
Там, в тайной комнате,
закрытой и безмолвной,
Хранятся записи и графики
космического летописца,
Лежит скрижаль
священного Закона
Страница-указатель
к Книге Бытия;
Текст и глоссарий истин Вед
хранятся там;
И описание периодов
и ритмов звёзд,
Которые влияют на движенья
наших судеб:
И символические силы
форм и чисел,
И тайный код
истории вселенной,
Соотношение
между Природой и душой,
Записаны в мистической глубокой
сердцевине Жизни.
Там, в свете комнаты
воспоминаний духа
Он смог восстановить
светящиеся сноски на полях,
Усеявшие огоньками неразборчивый
двусмысленный свиток,
Найти и выделить преамбулу
и пункт контракта с оговоркой
В том тёмном Соглашении,
что управляет всем
Встающем ото сна
физической Природы

To clothe the Everlasting in new shapes.
He could re-read now and interpret new
Its strange symbol letters, scattered abstruse signs,
Resolve its oracle and its paradox,

Its riddling phrases and its blindfold terms,
The deep oxymoron of its truth's repliques,
And recognise as a just necessity

Its hard conditions for the mighty work,-
Nature's impossible Herculean toil

Only her warlock-wisecraft could enforce,

Its law of the opposition of the gods,
Its list of inseparable contraries.
The dumb great Mother in her cosmic trance

Exploiting for creation's joy and pain
Infinity's sanction to the birth of form,
Accepts indomitably to execute
The will to know in an inconscient world,
The will to live under a reign of death,
The thirst for rapture in a heart of flesh,
And works out through the appearance of a soul
By a miraculous birth in plasm and gas

Дать новые одежды
Вечно Существующему.
Он смог сейчас перечитать
и заново перевести
Все странные его[1] обозначения,
неясные разбросанные знаки,
И разобрать его
пророчество и парадокс,
Его загадочные фразы,
неизвестные понятия,
Его глубокие оксюмороны
реплик истин,
Потом принять как
обоснованную неизбежность
Его тяжёлые условия
могучих дел —
Тот невозможный
геркулесов труд Природы,
Что лишь её высокое
волшебное искусство
может одолеть,
Его законы противостояния богов,
Его неразделимые противоречия.
Великая немая Мать,
из состояния своего
космического транса,
Используя для радости
и мук творения
Согласье на рожденье форм,
дарованное Бесконечностью,
Упрямо принимается исполнить
И волю знать
в несознающем мире,
И волю жить
под властью смерти,
И жажду наслажденья и восторга
в сердце плоти,
С трудом осуществляя
через проявление души
При помощи чудесного рожденья
в плазме, в газе

[1] Соглашения, *прим.пер.*

The mystery of God's covenant
with the Night.
Once more was heard in the still
cosmic Mind
The Eternal's promise to his
labouring Force
Inducing the world-passion to
begin,
The cry of birth into mortality
And the opening verse of the
tragedy of Time.
Out of the depths the world's
buried secret rose;
He read the original ukase kept
back
In the locked archives of the
spirit's crypt,
And saw the signature and fiery
seal
Of Wisdom on the dim Power's
hooded work
Who builds in Ignorance the steps
of Light.
A sleeping deity opened deathless
eyes:
He saw the unshaped thought in
soulless forms,
Knew Matter pregnant with
spiritual sense,

Mind dare the study of the
Unknowable,
Life its gestation of the Golden
Child.
In the light flooding thought's
blank vacancy,
Interpreting the universe by soul
signs
He read from within the text of the
without:
The riddle grew plain and lost its
catch obscure.

Мистерию условий договора
Бога с Ночью.
Ещё раз прозвучало посреди
безмолвия вселенского Ума
То обещанье Вечного
своей работающей Силе,
Что породило зов
родиться в смертном теле,
Дало начало миру-страсти
И открывающим стихам
трагической поэмы Времени.
Из глубины поднялась
похороненная тайна мира;
Он[1] прочитал первоначальный акт,
который сохранялся
В закрытых на замок архивах
тайной ниши духа,
Увидел подпись Мудрости,
её горящую печать
На действиях неясного Могущества,
укрытого под капюшоном,
Которое возводит посреди Невежества
ступени Света.
И спящий бог открыл
бессмертные глаза:
Он наблюдал бесформенные мысли
в неодушевлённых формах,
И понимал Материю,
в которой зарождается
божественное чувство,
И Ум, осмелившийся
изучать Непознаваемое,
И Жизнь, беременную
Золотым Дитя.
Под светом, заливавшем
чистое пустое поле мысли,
Он пользовался знаками души,
чтоб понимать вселенную,
И изнутри читал
текст внешней жизни:
Загадка прояснялась и теряла
притягательный туман.

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

A larger lustre lit the mighty page.

A purpose mingled with the whims of Time,
A meaning met the stumbling pace of Chance
And Fate revealed a chain of seeing Will;
A conscious wideness filled the old dumb Space.
In the Void he saw throned the Omniscience supreme.

И более широкий свет стал освещать
ту грандиозную страницу.
Какое-то намеренье,
смешавшееся с прихотями Времени,
Какой-то смысл, встречали
спотыкающийся шаг Случайности,
И ход Судьбы, приоткрывая
звенья видящей всё Воли;
Сознательный простор заполнил
прежнее безмолвное Пространство.
И он увидел в Пустоте
сидящее на троне
высочайшее Всеведенье.

A Will, a hope immense now seized his heart,
And to discern the superhuman's form
He raised his eyes to unseen spiritual heights,
Aspiring to bring down a greater world.
The glory he had glimpsed must be his home.

Безмерная надежда, Воля
захватили сердце Ашвапати,
И чтоб увидеть
очертания сверхчеловека,
Он поднял взгляд
в незримые духовные высоты,
Стремясь спустить сюда
другой, великий мир.
И то великолепие, что раньше
только мельком видел он,
Теперь должно стать для него
родимым домом.

A brighter heavenlier sun must soon illume
This dusk room with its dark internal stair,
The infant soul in its small nursery school
Mid objects meant for a lesson hardly learned
Outgrow its early grammar of intellect

Божественное солнце ярче прежнего,
должно было вот-вот залить лучами
И эту сумрачную комнату
с неосвещённой лестницей внутри,
И ту младенческую душу
в маленькой начальной школе
Среди предметов, нужных для
с трудом дающихся уроков,
Когда она[1] перерастает
начальную свою грамматику
земного интеллекта,

And its imitation of Earth-Nature's art,
Its earthly dialect to God-language change,

И подражание умению
Земли-Природы,
Когда она свой приземлённый диалект
меняет на язык Всевышнего,

[1] душа, *прим.пер.*

In living symbols study Reality
And learn the logic of the Infinite.

The Ideal must be Nature's common truth,
The body illumined with the indwelling God,
The heart and mind feel one with all that is,
A conscious soul live in a conscious world.
As through a mist a sovereign peak is seen,
The greatness of the eternal Spirit appeared,
Exiled in a fragmented universe
Amid half-semblances of diviner things.
These now could serve no more his regal turn;
The Immortal's pride refused the doom to live
A miser of the scanty bargain made
Between our littleness and bounded hopes
And the compassionate Infinitudes.
His height repelled the lowness of earth's state:
A wideness discontented with its frame
Resiled from poor assent to Nature's terms,
The harsh contract spurned and the diminished lease.

Only beginnings are accomplished here;

В одушевлённых символах
исследует Реальность,
И познаёт
логические схемы Бесконечного.
И Идеальное должно стать
общепринятою истиной Природы,
Всё тело — озариться
обитающим в нём Богом,
А ум и сердце — ощутить единство
со всем, что есть на свете,
Осознающая душа —
жить в сознающем мире.
Как сквозь туман виднеется
высокий горный пик,
Так стало проявляться
величье вечно существующего Духа,
Что сослан в нашу
фрагментарную вселенную,
В незавершённые подобия
божественных вещей.
Но и они отныне не могли помочь
в его величественном повороте;
Достоинство Бессмертного
отвергло участь жить
Подобно скряге, заключившим
мизерную сделку
Меж нашей малостью
и узостью надежд
И сострадающими
Бесконечностями.
Его высокий уровень отверг
приниженность земного состояния:
Ширь, недовольная своими
ограниченными рамками,
Шатнулась прочь
от жалкого согласья
на условия Природы,
С презрением отвергла
жёсткие контракты
и униженность арендой.
Лишь некие начала
воплотились здесь;

Our base's Matter seems alone complete,
An absolute machine without a soul.
Or all seems a misfit of half ideas,

Or we saddle with the vice of earthly form
A hurried imperfect glimpse of heavenly things,
Guesses and travesties of celestial types.
Here chaos sorts itself into a world,
A brief formation drifting in the void:
Apings of knowledge, unfinished arcs of power,

Flamings of beauty into earthly shapes,
Love's broken reflexes of unity

Swim, fragment-mirrorings of a floating sun.
A packed assemblage of crude tentative lives
Are pieced into a tessellated whole.

There is no perfect answer to our hopes;
There are blind voiceless doors that have no key;
Thought climbs in vain and brings a borrowed light,
Cheated by counterfeits sold to us in life's mart,
Our hearts clutch at a forfeited heavenly bliss.

There is provender for the mind's satiety,

Лишь наше основание, Материя,
здесь выглядит законченной,
Похожая на абсолютную машину
без души.
Порой всё кажется нам
плохо сшитым платьем
половинчатых идей,
Порой мы нагружаем недостатками
земных привычных форм
Несовершенный, торопливый проблеск
из божественного мира,
Догадки, подражания
небесным образцам.
Здесь хаос упорядочивает сам себя
в какой-то мир,
Недолгую формацию,
которую уносит в никуда:
В нём подражанье знанию,
и незаконченные
линии могущества,
И вспышки красоты
в земных обличиях,
Расколотые отблески
утраченного единения Любви
Плывут, как отражения-частички
изменчивого солнца.
Здесь плотные скопления
незрелых пробных жизней
Соединяются в одно
мозаичное целое.
Здесь не бывает настоящего ответа
человеческим надеждам;
Здесь лишь безмолвные глухие двери
без ключа;
Напрасно мысль восходит,
принося заимствованный свет,
Обманутые ложными подделками,
что продают на рынке жизни,
Сердца у нас хватаются
за отнятое некогда
небесное блаженство.
Мы здесь находим корм
насытить ум,

There are thrills of the flesh, but
not the soul's desire.
Here even the highest rapture
Time can give
Is a mimicry of ungrasped
beatitudes,
A mutilated statue of ecstasy,
A wounded happiness that cannot
live,
A brief felicity of mind or sense

Thrown by the World-Power to
her body-slave,
Or a simulacrum of enforced
delight
In the seraglios of Ignorance.

For all we have acquired soon
loses worth,
An old disvalued credit in Time's
bank,
Imperfection's cheque drawn on
the Inconscient.
An inconsequence dogs every
effort made,
And chaos waits on every cosmos
formed:
In each success a seed of failure
lurks.
He saw the doubtfulness of all
things here,
The incertitude of man's proud
confident thought,
The transience of the
achievements of his force.
A thinking being in an unthinking
world,
An island in the sea of the
Unknown,
He is a smallness trying to be
great,

И есть волненье плоти,
только нет желания души.
Здесь даже высочайший из восторгов,
что даёт нам Время —
Лишь имитация для
недостигнутых блаженств,
Лишь покалеченное изваяние экстаза,
Израненное счастье,
что не может жить,
Недолго длящаяся радость
чувства и ума,
Бросаемая Силой Мира
телу, своему слуге,
Или навязанное извне
некое подобие восторга
Что обитает в женских комнатах
гарема для Невежества.
Здесь всё, что мы накапливаем,
быстро и легко теряет смысл,
Как старый, обесцененный кредит
из банка Времени,
Как чек несовершенства,
выданный Незнанию.
Противоречия преследуют
любое совершённое усилие,
И хаос ждёт
любой творимый космос:
В любом успехе прячется
зерно последующей неудачи.
Он[1] видел и сомнительность всего,
что существует здесь,
И неуверенность самонадеянной
и гордой мысли человека,
И мимолётность
достижений сил его.
Он[2] — мыслящее существо
в бездумном мире,
Он — остров
в море Неизвестного,
Он — это малость,
что стремится стать великой,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*
[2] человек, *прим.пер.*

An animal with some instincts of a god,
His life a story too common to be told,
His deeds a number summing up to nought,
His consciousness a torch lit to be quenched,

His hope a star above a cradle and grave.

And yet a greater destiny may be his,
For the eternal Spirit is his truth.

He can re-create himself and all around
And fashion new the world in which he lives:
He, ignorant, is the Knower beyond Time,

He is the Self above Nature, above Fate.

Животное с какими-то
основами инстинкта бога,
И жизнь его — история,
что чересчур обычна для рассказа,
Его дела — количество,
что в сумме сводится к нулю,
Его сознанье — факел,
некогда зажжённый,
чтобы быть потушенным,
Его надежда — светлая звезда
над колыбелью
или над могилой.
И всё же — более великая судьба
возможна у него,
Ведь вечный Дух —
его же собственная истина.
Он может переделать и себя,
и всё вокруг,
И заново сформировать
тот мир, в котором он живёт:
Хотя он и в невежестве,
он — Познающий
за пределом Времени,
Он — Внутреннее "Я",
он выше, чем Природа,
выше, чем Судьба.

His soul retired from all that he had done.
Hushed was the futile din of human toil,
Forsaken wheeled the circle of the days;
In distance sank the crowded tramp of life.
The Silence was his sole companion left.
Impassive he lived immune from earthly hopes,
A figure in the ineffable Witness' shrine

Его[1] душа на время отдалилась
от всего, что сделал он.
Умолк ненужный грохот
тяжкого труда людей,
Отброшен дней
вертящийся круговорот;
Затих вдали
стеснённый топот жизни.
И лишь Безмолвие осталось,
как единственный товарищ.
Бесстрастный, жил он,
незатронутый надеждами земли,
Фигура перед алтарём
невыразимого Свидетеля,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

Pacing the vast cathedral of his thoughts
Under its arches dim with infinity

And heavenward brooding of invisible wings.
A call was on him from intangible heights;
Indifferent to the little outpost Mind,
He dwelt in the wideness of the Eternal's reign.
His being now exceeded thinkable Space,
His boundless thought was neighbour to cosmic sight:
A universal light was in his eyes,

A golden influx flowed through heart and brain;
A Force came down into his mortal limbs,
A current from eternal seas of Bliss;
He felt the invasion and the nameless joy.
Aware of his occult omnipotent Source,
Allured by the omniscient Ecstasy,
A living centre of the Illimitable
Widened to equate with the world's circumference,
He turned to his immense spiritual fate.
Abandoned on a canvas of torn air,
A picture lost in far and fading streaks,
The earth-nature's summits sank below his feet:
He climbed to meet the infinite more above.

Шагами мерявшая широту
собора мыслей
Под арками неясных сводов,
уходящих в бесконечность
И размышлением незримых крыльев,
устремлённых в небеса.
К нему шёл зов
с недосягаемых высот;
Став безразличным к маленькому
пограничному посту Ума,
Он пребывал в просторе
царства Вечного.
Сейчас его существованье превзошло
всё обозримое Пространство,
Его мысль без границ подобралась
к космическому виденью:
Вселенский свет
сиял в его глазах
И золотой поток
тёк через мозг и сердце;
Неведомая Сила опустилась вниз,
наполнив тело смертного,
Река из вечно существующих
морей Блаженства;
Он ощущал её нашествие,
неописуемую радость.
Осознавая сокровенный
и всесильный свой Источник,
Пленяемый всезнающим Экстазом,
Живой центр Беспредельности,
Расширившийся чтобы уравняться
со вселенской сферой,
Он повернулся к собственной судьбе,
духовной и безмерной.
Оставленная на холсте
колеблющейся атмосферы,
Картина затерялась
в отдалённых, тающих чертах,
Вершины гор земной природы
оседали под его ногами:
Он поднимался, чтобы повстречать
очередную бесконечность свыше.

The Immobile's ocean-silence saw him pass,
An arrow leaping through eternity
Suddenly shot from the tense bow of Time,
A ray returning to its parent sun.

Opponent of that glory of escape,
The black Inconscient swung its dragon tail
Lashing a slumbrous Infinite by its force
Into the deep obscurities of form:
Death lay beneath him like a gate of sleep.

One-pointed to the immaculate Delight,
Questing for God as for a splendid prey,
He mounted burning like a cone of fire.
To a few is given that godlike rare release.
One among many thousands never touched,
Engrossed in the external world's design,
Is chosen by a secret witness Eye
And driven by a pointing hand of Light
Across his soul's unmapped immensitudes.
A pilgrim of the everlasting Truth,
Our measures cannot hold his measureless mind;

Похожее на океан
молчанье Неподвижного,
смотрело на него, как он идёт,
Он был стрелой, внезапно пущенною
из тугого лука Времени,
Что прыгнула и понеслась
сквозь вечность,
Как луч, что возвращается
к родительскому солнцу.
Противник этого
триумфа избавления,
Всё в чёрном цвете, Несознание,
вертя хвостом дракона,
Своими силами подхлёстывало
дремлющую Бесконечность
Идти в глубокую неясность форм:
Пред ним стелилась Смерть,
вратами сна.
Нацеленный лишь на одно —
на незапятнанный Восторг,
Отыскивая Бога,
как роскошную добычу,
Он поднимался вверх,
пылая конусом огня.
Немногим дарят редкое,
богоподобное освобождение.
Один средь многих тысяч тех,
которых это не касалось никогда,
Средь поглощённых
внешней стороной творенья мира,
Бывает выбран тайным,
наблюдающим всё Оком,
Ведётся направляющей
рукою Света
По не отмеченным на картах
необъятностям своей души.
Паломник вечно
продолжающейся Истины,
Все наши мерки
не смогли бы охватить
его безмерный ум;

He has turned from the voices of the narrow realm
And left the little lane of human Time.
In the hushed precincts of a vaster plan

He treads the vestibules of the Unseen,
Or listens following a bodiless Guide
To a lonely cry in boundless vacancy.
All the deep cosmic murmur falling still,
He lives in the hush before the world was born,
His soul left naked to the timeless One.
Far from compulsion of created things
Thought and its shadowy idols disappear,
The moulds of form and person are undone:
The ineffable Wideness knows him for its own.
A lone forerunner of the Godward earth,
Among the symbols of yet unshaped things
Watched by closed eyes, mute faces of the Unborn,

He journeys to meet the Incommunicable,
Hearing the echo of his single steps
In the eternal courts of Solitude.

A nameless Marvel fills the motionless hours.
His spirit mingles with eternity's heart

Он[1] повернулся, чтоб уйти
от голосов из узких сфер,
Оставить эти маленькие тропы
человеческого Времени.
И в полных тишины
окрестностях другого плана,
шире нашего,
Идёт он вестибюлями Незримого,
Или внимает
бестелесному Руководителю,
Прислушиваясь к одинокому призыву
в безграничной пустоте.
Затихли все глубокие
космические звуки,
И он живёт в безмолвии,
что было до рожденья мира,
Его душа обнажена
перед вневременным Единым.
Вдали от принуждений сотворённого
И мысли, и их призрачные идолы
уходят, растворяясь,
Шаблоны форм и личности
становятся излишни:
Неописуемая Широта
узнала в Ашвапати своего.
Как одинокий вестник,
повернувшейся к Всевышнему земли,
Меж символов ещё
не сформированных вещей,
Увиденных с закрытыми глазами,
меж безмолвных ликов
Нерождённого,
Он путешествует, чтоб встретить
Непередаваемое,
Прислушиваясь к эху
собственных шагов
В дворцовых вечных залах
Одиночества.
Неописуемое Чудо наполняет
неподвижные часы.
Его[1] дух слился
с сердцевиной вечности

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

And bears the silence of the Infinite.

И продолжал нести
молчанье Бесконечности.

In a divine retreat from mortal thought,
In a prodigious gesture of soul-sight,
His being towered into pathless heights,
Naked of its vesture of humanity.

As thus it rose, to meet him bare and pure
A strong Descent leaped down. A Might, a Flame,
A Beauty half-visible with deathless eyes,

A violent Ecstasy, a Sweetness dire,
Enveloped him with its stupendous limbs
And penetrated nerve and heart and brain
That thrilled and fainted with the epiphany:
His nature shuddered in the Unknown's grasp.
In a moment shorter than death, longer than Time,
By a Power more ruthless than Love, happier than Heaven,
Taken sovereignly into eternal arms,
Haled and coerced by a stark absolute bliss,
In a whirlwind circuit of delight and force
Hurried into unimaginable depths,

В божественном отходе
от обычной смертной мысли,
И в удивительном движеньи
виденья души,
Всё существо его поднялось
до нехоженых высот,
Отбросив прочь свои
одежды человеческого.
Пока оно росло, ему навстречу,
оголённое и чистое,
Метнулось вниз
наполненное силой Нисхождение.
Могущество, Огонь и Красота,
Наполовину видимая
для бессмертных глаз,
Неистовый Экстаз,
и ужасающая Сладость
Окутали его своими
изумительными членами
И пропитали
нервы, сердце, мозг,
Что трепетали и слабели
от того крещения:
Его природа содрогалась
в хватке Неизвестного.
В мгновение, короче смерти
и длиннее Времени,
Могуществом, безжалостней Любви,
счастливее Небес,
И властно схваченная
в руки вечного,
Влекомая и направляемая
абсолютом полного блаженства,
Вращаясь в урагане
силы и восторга,
Мгновенно уносясь
в невообразимые глубины,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

Upborne into immeasurable heights,
It was torn out from its mortality

And underwent a new and bourneless change.
An Omniscient knowing without sight or thought,
An indecipherable Omnipotence,

A mystic Form that could contain the worlds,
Yet make one human breast its passionate shrine,

Drew him out of his seeking loneliness
Into the magnitudes of God's embrace.
As when a timeless Eye annuls the hours
Abolishing the agent and the act,

So now his spirit shone out wide, blank, pure:
His wakened mind became an empty slate
On which the Universal and Sole could write.
All that represses our fallen consciousness
Was taken from him like a forgotten load:
A fire that seemed the body of a god
Consumed the limiting figures of the past
And made large room for a new self to live.
Eternity's contact broke the moulds of sense.
A greater Force than the earthly held his limbs,

И поднимаемая до
неизмеримой высоты,
Его природу вырвали
из человеческого состояния,
Подвергли новой
безграничной перемене.
Всеведение, знающее
без поддержки взгляда или мысли,
И Всемогущество,
что за пределом понимания,
Мистическая Форма, что способна
поместить в себя миры,
Из человеческой одной груди
сумели сделать свой алтарь,
наполненный любовью,
И увлекли его
из ищущего одиночества
В простор и широту
объятий Бога.
И также, как вневременное Око
отменяет ход часов
И упраздняет действующего
и действие,
Так и сейчас его дух засиял,
широкий, незаполненный и чистый:
Проснувшийся ум Ашвапати
стал пустой доской,
Где мог писать
Всеобщий и Единственный.
Всё то, что прижимает
наше падшее сознание,
С него убрали,
словно позабытый груз:
И пламя, что, казалось,
было телом бога,
В себя вобрало образы-ограничения
из прошлого,
Дало просторное жилище
новому “я” Ашвапати.
Прикосновенье Вечности разрушило
стереотипы чувства.
В нём телом овладела Сила,
более великая, чем на земле,

Huge workings bared his
undiscovered sheaths,

Strange energies wrought and
screened tremendous hands
Unwound the triple cord of mind
and freed
The heavenly wideness of a
Godhead's gaze.
As through a dress the wearer's
shape is seen,
There reached through forms to
the hidden absolute
A cosmic feeling and transcendent
sight.
Increased and heightened were the
instruments.
Illusion lost her aggrandising lens;

As from her failing hand the
measures fell,

Atomic looked the things that
loomed so large.

The little ego's ring could join no
more;
In the enormous spaces of the self

The body now seemed only a
wandering shell,
His mind the many-frescoed outer
court
Of an imperishable Inhabitant:

His spirit breathed a superhuman
air.
The imprisoned deity rent its
magic fence.
As with a sound of thunder and of seas,

А трансформация гигантского масштаба
открыла в нём
неведомые оболочки,
Включились странные энергии
и скрытые огромные ладони
В нём расплели
тройную нить ума,
Освободив небесные масштабы
взгляда Божества.
Как через платье видится
фигура человека,
Так через формы достигали
скрытый абсолют
Космическое чувство,
трансцендентный способ видеть.
Росли и становились выше
эти инструменты.
Иллюзия утратила свою
увеличительную линзу;
Как будто из её
внезапно ослабевших рук
упали мерки,
В микроскопическое превратилось то,
что раньше виделось
таким большим.
Кольцо из маленького эго
больше не могло соединять;
Среди огромного пространства
внутреннего “я”
Его земное тело виделось сейчас
блуждающей скорлупкой,
А ум — лишь внешней,
разукрашенной рисунками палатой
Непреходящего,
бессмертного Жильца:
Его дух смог дышать
высоким воздухом сверхчеловека.
Сидевший в заключеньи бог
сломал свою магическую стену.
И, словно, с шумом
грома и морей,

Vast barriers crashed around the huge escape.

Immutably coeval with the world,

Circle and end of every hope and toil
Inexorably drawn round thought and act,

The fixed immovable peripheries

Effaced themselves beneath the Incarnate's tread.
The dire velamen and the bottomless crypt
Between which life and thought for ever move,
Forbidden still to cross the dim dread bounds,
The guardian darknesses mute and formidable,
Empowered to circumscribe the wingless spirit
In the boundaries of Mind and Ignorance,
Protecting no more a dual eternity

Vanished rescinding their enormous role:
Once figure of creation's vain ellipse,
The expanding zero lost its giant curve.
The old adamantine vetoes stood no more:
Overpowered were earth and Nature's obsolete rule;
The python coils of the restricting Law
Could not restrain the swift arisen God:

Вокруг его гигантского побега
стали рушиться
огромные барьеры.
Все эти неизменные
и старые, как мир,
Предел и круг
для каждого труда, надежды,
Очерченные непреклонно
возле каждой мысли
и любого дела,
И это жёсткое
и несдвигаемое окружение,
Само собою стёрлось
под шагом Воплощённого.
Та страшная завеса
и бездонный склеп,
Между которыми всё время
движутся и жизнь, и мысли,
Пока что запрещали пересечь
неясные, ужасные границы,
И охраняющие сферы тьмы
безмолвные и грозные,
Владея силой ограничивать
бескрылый дух
И связывать пределами
Неведения и Ума,
Не защищая больше
двойственную вечность
Исчезли, потеряв свою
значительную роль:
Когда-то — образ
незаполненного эллипса творения,
Огромный, расширяющийся ноль
терял свою гигантскую кривую.
Все старые несокрушимые запреты
больше не существовали:
Побеждена была земля
и обветшалое правление Природы:
Питоньим кольцам
удушающего мир Закона
Не удалось сдержать
так быстро поднимавшегося Бога:

Abolished were the scripts of destiny.
There was no small death-hunted creature more,
No fragile form of being to preserve
From an all-swallowing Immensity.
The great hammer-beats of a pent-up world-heart

Burst open the narrow dams that keep us safe
Against the forces of the universe.

The soul and cosmos faced as equal powers.
A boundless being in a measureless Time
Invaded Nature with the infinite;

He saw unpathed, unwalled, his titan scope.

Отменены все прошлые
сценарии судьбы.
И больше не было — ни маленького,
смертью загнанного существа,
Ни хрупкой формы бытия,
что надо сберегать
От поглощавшей всё и вся
Безмерности.
Великие, громоподобные, удары
заточённого в темницу
сердца мира
Взломали узкие плотины,
что держали нас
На безопасном расстоянии
от сил вселенной.
Душа и космос встретились
как равные могущества.
И безграничное существование
в неизмеримом Времени
Ворвалось, покорив Природу
бесконечностью;
Непроторённая, без стен
предстала перед ним
его, достойная титана, сфера.

All was uncovered to his sealless eye.
A secret Nature stripped of her defence,
Once in a dreaded half-light formidable,
Overtaken in her mighty privacy

Lay bare to the burning splendour of his will.
In shadowy chambers lit by a strange sun

And opening hardly to hid mystic keys
Her perilous arcanes and hooded Powers

Его глазам, с которых спала пелена,
теперь открылось всё.
И тайная Природа,
потеряв свою защиту,
Когда-то грозная
в опасном полусвете,
Застигнутая вдруг
в своей могучей тайной жизни,
Лежала оголённая под обжигающим
его великолепьем воли.
В тех призрачных палатах,
залитых лучами
неведомого солнца,
И еле открываемых
мистическими скрытыми ключами,
Её опасные секреты или
прикрываемые капюшоном Силы

Confessed the advent of a mastering Mind
And bore the compulsion of a time-born gaze.

Incalculable in their wizard modes,
Immediate and invincible in the act,
Her secret strengths native to greater worlds
Lifted above our needy limited scope,
The occult privilege of demigods
And the sure power-pattern of her cryptic signs,
Her diagrams of geometric force,

Her potencies of marvel-fraught design
Courted employment by an earth-nursed might.
A conscious Nature's quick machinery
Armed with a latent splendour of miracle
The prophet-passion of a seeing Mind,
And the lightning bareness of a free soul-force.
All once impossible deemed could now become

A natural limb of possibility,

A new domain of normalcy supreme.
An almighty occultist erects in Space
This seeming outward world which tricks the sense;
He weaves his hidden threads of consciousness,

Признали в нём
приход руководящего Ума,
Терпели принужденье
взгляда существа,
рождённого во времени.
Неисчислимые в своих
волшебных формах,
Спонтанные, непобедимые
во время действия,
Её секретные могущества, рождённые
для более великих царств,
Подняв над нашей ограниченной
и бедствующей сферой
Мистическую привилегию полубогов
И безошибочный узор энергии
её загадочных, неясных знаков,
И диаграммы для её
геометрически-линейной силы,
Её потенциальные возможности
наполненного чудесами замысла,
Стремились обратить на пользу
вскормлённое землёй могущество.
Живой и быстрый механизм
сознательной Природы
Вооружил сокрытым в глубине
великолепьем чуда
Пыл предсказанья
видящего всё Ума,
Молниеносное раскрытие
свободного могущества души.
Всё, что когда-то
виделось как невозможное,
могло отныне стать
Естественною частью
для возможного,
И новой областью для
более высокой нормы.
Так всемогущий оккультист
возводит здесь, в Пространстве
Нам кажущийся внешним мир,
обманывая чувство;
Он ткёт свои сокрытые для глаза
ниточки сознания,

He builds bodies for his shapeless energy;
Out of the unformed and vacant Vast he has made
His sorcery of solid images,

His magic of formative number and design,
The fixed irrational links none can annul,
This criss-cross tangle of invisible laws;
His infallible rules, his covered processes,
Achieve unerringly an inexplicable
Creation where our error carves dead frames
Of knowledge for a living ignorance.
In her mystery's moods divorced from the Maker's laws
She too as sovereignly creates her field,
Her will shaping the undetermined vasts,
Making a finite of infinity;

She too can make an order of her caprice,
As if her rash superb wagered to outvie
The veiled Creator's cosmic secrecies.
The rapid footsteps of her fantasy,
Amid whose falls wonders like flowers rise,
Are surer than reason, defter than device

And swifter than Imagination's wings.

Творит тела для собственной бесформенной энергии;
Из своего аморфного, свободного Простора
Он создал чародейство цельных, непрерывных образов,
И магию числа и композиции, что наделяют формой,
И связи, иррациональные и жёсткие, которые никто не может отменить,
И этот перепутанный клубок невидимых законов;
Его сокрытые процессы, безошибочные правила
Непогрешимо добиваются необъяснимого творения,
Где наши же ошибки образуют мёртвый остов знания,
Который нужен для невежества живых.
И в разных настроениях её мистерий, отделённых от законов Созидателя,
Она, как будто полновластно, тоже создаёт свой мир,
По своему желанью наделяет формой неопределённые просторы,
И делает конечное из бесконечного;
Она способна тоже сотворить порядок из своих капризов,
Как если бы её великолепный натиск устремлялся превзойти
Космические тайны скрытого Творца.
А скорые шаги её фантазии,
Среди которых, как цветы, вдруг вырастают чудеса,
Способны действовать увереннее разума, искусней механизма,
Быстрее, чем крыла Воображения.

All she new-fashions by the thought and word,
Compels all substance by her wand of Mind.
Mind is a mediator divinity:

Its powers can undo all Nature's work:
Mind can suspend or change earth's concrete law.
Affranchised from earth-habit's drowsy seal
The leaden grip of Matter it can break;
Indifferent to the angry stare of Death,
It can immortalise a moment's work:
A simple fiat of its thinking force,

The casual pressure of its slight assent
Can liberate the Energy dumb and pent
Within its chambers of mysterious trance:
It makes the body's sleep a puissant arm,
Holds still the breath, the beatings of the heart,
While the unseen is found, the impossible done,
Communicates without means the unspoken thought;
It moves events by its bare silent will,
Acts at a distance without hands or feet.
This giant Ignorance, this dwarfish Life
It can illumine with a prophet sight,

Она всё формирует заново,
используя слова и мысль,
И подчиняет всякую субстанцию
своей волшебной палочкой Ума.
Здесь Ум — посредник
для божественного:
Его энергии способны отменить
все действия Природы:
Ум может приостановить иль изменить
любой закон земли.
Избавленный от усыпляющей печати
из земных привычек,
Он может пересилить и разжать
свинцовые тиски Материи;
Он безразличен к злому
пристальному взгляду Смерти,
И может обессмертить труд
единственного мига:
Простой указ,
одной лишь силой мысли,
Случайное давленье
лёгкого его согласия
Способны дать свободу
для немой Энергии,
Что заперта внутри своих палат
загадочного транса:
Он делает сон тела
мощной силой,
Овладевает тихо
пульсом сердца и дыханием,
Пока не обнаружится незримое,
не совершится невозможное,
Он посылает, без приспособлений,
мысль без слов;
Он направляет ход событий
оголённой, молчаливой волей,
И действует на расстоянии,
без рук и ног.
Всё это необъятное Невежество
и недоразвитую Жизнь,
Он может озарить
предвиденьем пророка,

Invoke the bacchic rapture, the Fury's goad,
In our body arouse the demon or the god,
Call in the Omniscient and Omnipotent,
Awake a forgotten Almightiness within.
In its own plane a shining emperor,
Even in this rigid realm, Mind can be king:
The logic of its demigod Idea

И вызывать в ней вакхический восторг,
подстёгивая шпорами Неистовства,
Он может в нашем теле пробудить
и демона, и бога,
Призвать туда Всезнающего
и Всесильного,
И разбудить забытое внутри нас
Всемогущество.
Сияющий владыка
на своём ментальном плане,
Ум может даже в этой жёсткой сфере
быть царём:
А логика его
полубожественной Идеи

In the leap of a transitional moment brings
Surprises of creation never achieved
Even by Matter's strange unconscious skill.
All's miracle here and can by miracle change.
This is that secret Nature's edge of might.

В прыжке мгновенья-перехода
может принести
Сюрпризы для творения,
что никогда не достигались даже
Особым, бессознательным
и странным мастерством Материи.
Всё чудо здесь
и может чудом измениться.
Он — остриё могущества,
которым обладает
эта тайная Природа.

On the margin of great immaterial planes,
In kingdoms of an untrammelled glory of force,
Where Mind is master of the life and form
And soul fulfils its thoughts by its own power,
She meditates upon mighty words and looks
On the unseen links that join the parted spheres.
Thence to the initiate who observes her laws
She brings the light of her mysterious realms:

И где-то, на краю великих,
нематериальных планов,
В их царствах славы силы,
не встречающей преград,
Где Ум — хозяин жизни
и хозяин формы,
И где душа реализует замыслы
своею собственной энергией,
Она раздумывает
над могучими словами, смотрит
На те невидимые связи, что соединяют
разделённые на части сферы.
С той высоты, для посвящённых,
видящих её законы
Она приносит свет
своих таинственных земель:

Here where he stands, his feet on a prostrate world,
His mind no more cast into Matter's mould,
Over their bounds in spurts of splendid strength
She carries their magician processes
And the formulas of their stupendous speech,
Till heaven and hell become purveyors to earth
And the universe the slave of mortal will.
A mediatrix with veiled and nameless gods
Whose alien will touches our human life,
Imitating the World-Magician's ways
She invents for her self-bound free-will its grooves

And feigns for magic's freaks a binding cause.
All worlds she makes the partners of her deeds,

Accomplices of her mighty violence,
Her daring leaps into the impossible:
From every source she has taken her cunning means,
She draws from the free-love marriage of the planes

Elements for her creation's tour-de-force:

A wonder-weft of knowledge incalculable,

А здесь, где он[1] стоит,
его стопы — на распростёртом мире,
Его ум более не стиснут
рамками Материи,
Превысив их ограничения,
в потоках славной силы
Она несёт оттуда
их магические действия, процессы,
Формулировки
изумительной их речи,
Пока не станут ад и небеса
поставщиками для земли,
А вся вселенная —
рабыней смертной воли.
Посредница с сокрытыми
и безымянными богами
Чья чуждая нам воля
входит в человеческую жизнь,
Копируя пути
Волшебника Вселенной,
Она изобретает колею
для самоограниченной
своей свободной воли,
Придумывает связи и причины
для магических причуд.
Она всё множество миров и планов
делает партнерами
своих неисчислимых дел,
Сообщниками по её
могучему неистовству,
И по её отчаянным прыжкам
внутрь невозможного:
Из каждого источника она берёт
свои искусные приёмы,
И получает от свободного
любовного союза
планов бытия
Те элементы, что нужны
для марша силы
своего творения:
И чудо-ткань
неисчислимых знаний,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

A compendium of divine
invention's feats
She has combined to make the
unreal true

Or liberate suppressed reality:

In her unhedged Circean
wonderland
Pell-mell she shepherds her occult
mightinesses;
Her mnemonics of the craft of the
Infinite,
Jets of the screened subliminal's
caprice,
Tags of the gramarye of
Inconscience,
Freedom of a sovereign Truth
without a law,
Thoughts that were born in the
immortals' world,
Oracles that break out from
behind the shrine,
Warnings from the daemonic
inner voice
And peeps and lightning-leaps of
prophecy
And intimations to the inner ear,

Abrupt interventions stark and
absolute
And the Superconscient's
unaccountable acts,
Have woven her balanced web of
miracles
And the weird technique of her
tremendous art.
This bizarre kingdom passed into
his charge.
As one resisting more the more
she loves,
Her great possessions and her
power and lore

И сборник способов
божественных изобретений,
Которые она скомпоновала так,
чтоб нереальность
обернулась истиной,
И чтоб освободить
подавленную, скрытую реальность:
В своей бескрайней мешанине
из страны чудес Цирцеи
Она ведёт свои
оккультные могущества;
Её символика
искусства Бесконечного,
И всплески скрытого
каприза подсознания,
И метки-ярлыки
магического Несознания,
Свобода суверенной Истины
без всякого закона,
И мысли, что рождаются
в мирах бессмертных,
Пророчества, что прорываются
из-под гробниц,
Предупреждения от
внутреннего голоса души,
Молниеносные прыжки
и проблески предвиденья,
И откровения для
внутреннего слуха,
Внезапные вторжения,
решительные, абсолютные,
Непостижимые поступки
Сверхсознания,
Соткали гармоничное
переплетение её чудес,
Магическую технику
её невероятного искусства.
Так в круг его забот вошло
её причудливое царство.
И чем сильнее что-либо сопротивлялось,
тем сильней она любила;
Свои великие владения,
своё могущество и знание

She gave, compelled, with a reluctant joy;
Herself she gave for rapture and for use.
Absolved from aberrations in deep ways,
The ends she recovered for which she was made:
She turned against the evil she had helped
Her engined wrath, her invisible means to slay;
Her dangerous moods and arbitrary force
She surrendered to the service of the soul
And the control of a spiritual will.
A greater despot tamed her despotism.
Assailed, surprised in the fortress of her self,
Conquered by her own unexpected king,
Fulfilled and ransomed by her servitude,
She yielded in a vanquished ecstasy,
Her sealed hermetic wisdom forced from her,
Fragments of the mystery of omnipotence.

Она дала, хотя и вынуждено,
с неохотной радостью;
Саму себя она отдала для восторга,
чтобы ею пользовались.
Свободная от отклонений
в глубине своих путей,
Она сняла покровы с целей,
для которых создана:
И повернула против зла,
которому когда-то помогала
Вооружённый гнев,
свои невидимые способы убийства;
Свои опаснейшие настроения
и своевольное могущество
Она отдала для
служения душе
И подчинению духовной воле.
Так ещё больший деспот
укротил в ней деспотизм.
Она же, атакованная и застигнутая
в башне внутреннего “я”,
И завоёванная неожиданным
своим царём,
Служением добившись
искупленья и реализации,
Сдалась ему в экстазе самосдачи,
И укрываемая мудрость,
что доступна только посвящённым,
Часть от её таинственного всемогущества,
была отобрана у ней.

A border sovereign is the occult Force.
A threshold guardian of the earth-scene's Beyond,

She has canalised the outbreaks of the Gods
And cut through vistas of intuitive sight
A long road of shimmering discoveries.

Высокою границей служит
та оккультная, магическая Сила.
Страж перед тем,
что для земного мира —
Запредельное,
Она отводит в нужном русле
проявления Богов,
Прокладывая через перспективы
взгляда интуиции
Свой длинный путь
мерцающих открытий.

The worlds of a marvellous Unknown were near,
Behind her an ineffable Presence stood:
Her reign received their mystic influences,
Their lion-forces crouched beneath her feet;
The future sleeps unknown behind their doors.
Abysms infernal gaped round the soul's steps
And called to its mounting vision peaks divine:
An endless climb and adventure of the Idea
There tirelessly tempted the explorer mind
And countless voices visited the charmed ear;
A million figures passed and were seen no more.
This was a forefront of God's thousandfold house,
Beginnings of the half-screened Invisible.
A magic porch of entry glimmering
Quivered in a penumbra of screened Light,
A court of the mystical traffic of the worlds,
A balcony and miraculous façade.
Above her lightened high immensities;
All the unknown looked out from boundlessness:

It lodged upon an edge of hourless Time,
Gazing out of some everlasting Now,

Миры чудесного Неведомого
были рядом,
Невыразимое Присутствие
стояло позади неё:
Её владения воспринимали
их мистичные влияния,
Их львиные могущества и силы
припадали около её ступней;
За их дверьми
спит неизвестное грядущее.
Вокруг шагов души,
зияли адские пучины,
И звали к возрастающему виденью
божественные пики:
Тот нескончаемый подъём
и приключение Идеи
Всё время, неустанно,
искушали любопытный ум,
Бесчисленные голоса являлись
очарованному слуху,
И миллионы образов шли мимо,
исчезая навсегда.
Таким предстал парадный вид
жилища Бога с тысячами этажей,
Начала полускрытого
Незримого.
Магический подъезд
мерцающего входа
Дрожал в полутени
сокрытого завесой Света,
Площадка для мистических обменов
меж мирами,
Балкон и удивительный фасад.
А в высоте, над нею[1],
озаряли всё высокие безмерности;
Из этой безграничности
смотрело всё,
что было неизвестным:
Там обитали, на границе
Времени, лишённого часов,
Выглядывая из какого-то
непреходящего Сейчас,

[1] Магическою Силой, *прим.пер.*

Its shadows gleaming with the birth of gods,
Its bodies signalling the Bodiless,

Its foreheads glowing with the Oversoul,
Its forms projected from the Unknowable,
Its eyes dreaming of the Ineffable,

Its faces staring into eternity.

Life in him learned its huge subconscient rear;
The little fronts unlocked to the unseen Vasts:
Her gulfs stood nude, her far transcendences
Flamed in transparencies of crowded light.

Его особенные тени —
отблески рождения богов,
Его тела, сигналящие
о высоком Бестелесном,
И лбы, пылающие
жаром Сверхдуши,
И формы, отразившиеся
из Непознаваемого,
Его глаза,
мечтающие о Невыразимом,
И лица, устремляющие взгляды
в вечность.
В нём[1] Жизнь исследовала свой
огромный подсознательный подвал;
И малые фасады в ней открылись
для невидимых Просторов:
Её пучины встали оголённые,
а трансцендентности вдали
Сияли пламенем в прозрачностях
сгустившегося света.

A giant order was discovered here
Of which the tassel and extended fringe
Are the scant stuff of our material lives.
This overt universe whose figures hide
The secrets merged in superconscient light,
Wrote clear the letters of its glowing code:
A map of subtle signs surpassing thought
Was hung upon a wall of inmost mind.
Illumining the world's concrete images
Into significant symbols by its gloss,

Гигантская система
проявлялась здесь,
В ней ограниченная ткань
материальной жизни человека
Подобна кисточке
и длинной бахроме.
И эта очевидная вселенная,
чьи образы скрывают
Секреты, слившиеся
в свете сверхсознания,
Писала ясно видимые символы
пылающего кода:
Там карта тонких знаков,
что превосходили мысли,
Была повешена на стену
обращённого во внутрь ума.
И озаряя собственным свечением
картины-снимки мира
Она их превращала
в значимые символы

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

It offered to the intuitive exegete
Its reflex of the eternal Mystery.
Ascending and descending twixt life's poles
The seried kingdoms of the graded Law
Plunged from the Everlasting into Time,
Then glad of a glory of multitudinous mind
And rich with life's adventure and delight
And packed with the beauty of Matter's shapes and hues
Climbed back from Time into undying Self,
Up a golden ladder carrying the soul,
Tying with diamond threads the Spirit's extremes.
In this drop from consciousness to consciousness
Each leaned on the occult Inconscient's power,
The fountain of its needed Ignorance,
Archmason of the limits by which it lives.
In this soar from consciousness to consciousness
Each lifted tops to That from which it came,
Origin of all that it had ever been
And home of all that it could still become.
An organ scale of the Eternal's acts,
Mounting to their climax in an endless Calm,

И предлагала объясняющему взгляду интуиции
Свой образ вечной Тайны.
Там восходящие и нисходящие меж полюсами жизни,
Идущие рядами, царства разделённого по уровням Закона
Из Вечнодлящегося погружались вниз, во Время,
Затем, счастливые великолепием разнообразия ума,
Обогатившись приключением, восторгом жизни,
Наполненные красотой оттенков, форм Материи,
Они из Времени обратно шли наверх, в неумирающее “Я”,
По золотой высокой лестнице, несущей душу,
Алмазной нитью связывая крайности божественного Духа.
В своём сниженьи от сознания к сознанию
Любое царство пользовалось, опираясь, оккультной силой Несознания,
Источником необходимого ему Невежества,
И главным каменщиком тех пределов, что позволяют этим царствам жить.
В таком пареньи от сознания к сознанию
Любое царство поднимало свои вершины в То, откуда вышло,
К первоисточнику всего, чем царство то являлось,
И к дому для всего, чем может ещё стать.
В органной гамме действий Вечного,
Что поднимается до кульминации в какой-то бесконечной Тишине,

Paces of the many-visaged
Wonderful,
Predestined stadia of the evolving
Way,
Measures of the stature of the
growing soul,
They interpreted existence to itself

And, mediating twixt the heights
and deeps,
United the veiled married
opposites
And linked creation to the
Ineffable.
A last high world was seen where
all worlds meet;

In its summit gleam where Night
is not nor Sleep,
The light began of the Trinity
supreme.
All there discovered what it seeks
for here.
It freed the finite into
boundlessness
And rose into its own eternities.

The Inconscient found its heart of
consciousness,
The idea and feeling groping in
Ignorance
At last clutched passionately the
body of Truth,
The music born in Matter's
silences
Plucked nude out of the Ineffable's
fathomlessness
The meaning it had held but could
not voice;
The perfect rhythm now only
sometimes dreamed

Размеренная поступь
многоликого Чудесного,
Заранее определённые ступени
эволюционного Пути,
И мерки уровня
растущей вверх души,
Переводили, объясняя,
бытие самим себе
И, став посредниками
меж высотами и глубиной,
Объединяли скрытые
повенчанные противоположности
Соединяя всё творение
с Невыразимым.
Стал виден тот
последний высший мир
Где происходит встреча
всех миров;
На том высоком уровне,
где нет уже ни Сна, ни Ночи,
В его высоком блеске начинался свет
Божественного Триединства.
Там раскрывалось всё,
что ищут на земле.
Оно конечное освобождает
в безграничное,
Потом восходит
в собственные вечности.
И Несознание, нашедшее в нём
сердце своего сознания,
Идея, чувство,
что искали наугад в Невежестве,
Но наконец-то страстно ухватившие
в нём тело Истины,
И музыка, рождённая
в безмолвиях Материи,
Там обнажали из
бездонности Невыразимого
Тот смысл, что был в том мире,
но не мог себя озвучить;
И совершенный ритм, о чём сейчас
лишь изредка мечтают,

An answer brought to the torn earth's hungry need
Rending the night that had concealed the Unknown,
Giving to her her lost forgotten soul.
A grand solution closed the long impasse
In which the heights of mortal effort end.
A reconciling Wisdom looked on life;
It took the striving undertones of mind
And took the confused refrain of human hopes
And made of them a sweet and happy call;
It lifted from an underground of pain
The inarticulate murmur of our lives
And found for it a sense illimitable.
A mighty oneness its perpetual theme,
It caught the soul's faint scattered utterances,
Read hardly twixt our lines of rigid thought
Or mid this drowse and coma on Matter's breast
Heard like disjointed mutterings in sleep;
It grouped the golden links that they had lost
And showed to them their divine unity,
Saving from the error of divided self
The deep spiritual cry in all that is.

Принёс ответ голодным нуждам
раздираемой земли,
Раскалывая ночь,
что укрывала от неё Неведомое,
И возвращая ей её забытую
потерянную душу.
Великое решенье завершило
длительный тупик,
В который попадали все высоты
смертного усилия.
На жизнь смотрела
примиряющая Мудрость;
Она брала
полутона борьбы ума,
Соединяла с путаным рефреном
человеческих надежд,
И делала из них
счастливый, нежный зов;
Подняв из подземелья
боли и страдания
Невнятное шептанье
наших жизней
Она нашла в нём
безграничный смысл.
Могучее единство —
вечная её большая тема,
Она ловила слабые, разбросанные
возгласы души,
С трудом читаемые между строчек
жёсткой мысли
И слышимые как
разрозненные бормотания во сне
Средь дремоты и комы
на груди Материи;
Она там собирала золотые звенья,
что те растеряли,
Показывая им
божественное их единство,
Спасая от ошибки
разделённого на части “я”
Глубокий и духовный зов
во всём, что существует.

All the great Words that toiled to
express the One
Were lifted into an absoluteness of
light,
An ever-burning Revelation's fire
And the immortality of the eternal
Voice.
There was no quarrel more of
truth with truth;
The endless chapter of their
differences
Retold in light by an omniscient
Scribe
Travelled through difference
towards unity,
Mind's winding search lost every
tinge of doubt
Led to its end by an all-seeing
speech
That garbed the initial and original
thought
With the finality of an ultimate
phrase:
United were Time's creative mood
and tense
To the style and syntax of
Identity.
A paean swelled from the lost
musing deeps;
An anthem pealed to the triune
ecstasies,
A cry of the moments to the
Immortal's bliss.
As if the strophes of a cosmic ode,

A hierarchy of climbing
harmonies
Peopled with voices and with visages
Aspired in a crescendo of the
Gods
From Matter's abysses to the
Spirit's peaks.

Все те великие Слова,
что бьются объяснить Единого
Сейчас поднялись
в абсолютность света,
В огонь всегда пылающего Откровения
В бессмертье вечного
божественного Голоса.
Там больше не бывало ссор
меж истиной и истиной;
И нескончаемая книга
их различий
Рассказанная, в свете, заново,
всезнающим Писцом,
Шла, проходя через различие
к единству,
Неровный поиск нашего ума
лишился всякого намёка на сомнение,
Ведомый до своей конечной цели
всевидящей небесной речью,
Что облачает изначальную
и подлинную мысль
В законченную форму
совершенной фразы:
Так созидающее
наклоненье и спряженье Времени
Объединились с синтаксисом
и стилистикой Отождествления.
Победный марш шёл
из затерянных задумчивых глубин;
Гремел высокий гимн
экстазам триединства,
И зов мгновений о блаженстве
высочайшего Бессмертного.
Подобно строфам
из космической поэмы,
Там иерархия взбирающихся ввысь
гармоний,
Наполненная лицами и голосами,
Летела, устремляясь
в кульминацию Богов
Из бездн Материи
к небесным пикам Духа.

Above were the Immortal's
changeless seats,
White chambers of dalliance with
eternity
And the stupendous gates of the Alone.

Across the unfolding of the seas of
self
Appeared the deathless countries
of the One.
A many-miracled Consciousness
unrolled
Vast aim and process and
unfettered norms,
A larger Nature's great familiar
roads.
Affranchised from the net of
earthly sense
Calm continents of potency were
glimpsed;

Homelands of beauty shut to
human eyes,
Half-seen at first through wonder's
gleaming lids,

Surprised the vision with felicity;
Sunbelts of knowledge, moonbelts
of delight
Stretched out in an ecstasy of
widenesses
Beyond our indigent corporeal range.
There he could enter, there awhile
abide.
A voyager upon uncharted routes

Fronting the viewless danger of
the Unknown,
Adventuring across enormous
realms,
He broke into another Space and
Time.

А выше были
неизменные места Бессмертных,
Сияющие белизной
палаты развлечений с вечностью
Чудесные и изумлявшие
врата к Единому.
Через раскрытие морей и океанов
внутреннего “я”
Взгляд мог подняться
до бессмертных стран Единого.
Наполненное множеством чудес
Сознанье развернуло
Широкое намеренье, процесс,
освободившиеся нормы,
Великие и близкие пути
Природы шире нашей.
Освободившись от сетей
земного чувства,
Взгляд смог увидеть мельком
спокойные материки
потенциальных сил;
Родные страны красоты,
закрытые для глаза человека,
Увиденные лишь наполовину,
в первый раз,
сквозь трепетанье века чуда,
И поражающие счастьем взгляд;
Там солнечные сферы знания
и лунные поля восторга
В экстазе необъятной широты
тянулись за пределы
Телесных наших скудных рамок.
Он смог туда войти,
он смог там оставаться.
Идущий по дорогам,
не отмеченным на картах,
Встречающий незримую
опасность Неизвестного,
И путешествуя через
огромные миры,
Он вырвался в другое
Время и Пространство.

End of Canto Five
End of Book One

Конец пятой песни
Конец первой книги

Book Two
THE BOOK OF THE TRAVELLER OF THE WORLDS

Canto I
THE WORLD-STAIR

Alone he moved watched by the infinity
Around him and the Unknowable above.
All could be seen that shuns the mortal eye,
All could be known the mind has never grasped;
All could be done no mortal will can dare.

A limitless movement filled a limitless peace.
In a profound existence beyond earth's
Parent or kin to our ideas and dreams
Where Space is a vast experiment of the soul,

In an immaterial substance linked to ours
In a deep oneness of all things that are,
The universe of the Unknown arose.
A self-creation without end or pause
Revealed the grandeurs of the Infinite:

Книга Вторая
КНИГА ПУТЕШЕСТВЕННИКА ПО МИРАМ

Песня I
ЛЕСТНИЦА МИРОВ

Один он[1] шёл, под взглядами
Непознаваемого выше
И бесконечности,
смотрящей на него вокруг.
Здесь видно было всё,
что избегает смертных глаз,
Здесь познавалось всё,
о чём ум никогда не помышлял;
Здесь можно было то,
на что людская воля
не могла бы и решиться.
Здесь беспредельное движенье
наполняло беспредельное спокойствие.
В идущем в глубину существовании,
за рамками земного,
Что прародитель или родственник
для человеческих идей и грёз,
И где Пространство —
тянущийся вширь
эксперимент души,
В иной субстанции,
но связанной с материальной нашей,
В глубоком единении всего,
что существует,
Вставала перед ним
вселенная Неведомого.
В ней самосозидание
без паузы и без конца
Являло грандиозность
Бесконечного:

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

It flung into the hazards of its play
A million moods, a myriad energies,
The world-shapes that are fancies of its Truth
And the formulas of the freedom of its Force.
It poured into the Ever-stable's flux
A bacchic rapture and revel of Ideas,
A passion and motion of everlastingness.
There rose unborn into the Unchanging's surge
Thoughts that abide in their deathless consequence,
Words that immortal last though fallen mute,
Acts that brought out from Silence its dumb sense,
Lines that convey the inexpressible.
The Eternal's stillness saw in unmoved joy
His universal Power at work display

In plots of pain and dramas of delight
The wonder and beauty of her will to be.
All, even pain, was the soul's pleasure here;
Here all experience was a single plan,
The thousandfold expression of the One.
All came at once into his single view;
Nothing escaped his vast intuitive sight,

Оно швыряло в риск его игры
Бесчисленные настроенья,
мириад энергий,
Мир форм —
причуд его высокой Истины
И формулы свободы
для его Могущества.
Оно вливало в реку
вечно существующего Постоянства
Вакхический восторг
и пир Идей,
Движение и страсть того,
что остаётся вечно.
Там в волнах Неизменного,
минуя акт рождения,
Вставали мысли, что потом живут
в своих неумирающих последствиях,
Слова, что даже смолкнув,
остаются здесь бессмертными,
Дела, что из Безмолвия
приносят свой беззвучный смысл,
Черты, которые
передают невыразимое.
И Вечного спокойствие
смотрело в неподвижной радости,
На то, как действует
его универсальная Энергия,
и проявляет
В сюжетах боли,
в драмах удовольствия
Своё великолепие
и чудо воли быть.
Здесь всё, и даже боль,
являлось наслаждением души;
Здесь всякий опыт становился
частью целостного плана,
Тысячекратным
выражением Единого.
Всё попадало сразу
в цельный взгляд его[1];
Ничто не уходило
от его широкой интуиции,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

Nothing drew near he could not feel as kin:
He was one spirit with that immensity.
Images in a supernal consciousness

Embodying the Unborn who never dies,
The structured visions of the cosmic Self
Alive with the touch of being's eternity
Looked at him like form-bound spiritual thoughts

Figuring the movements of the Ineffable.
Aspects of being donned world-outline; forms
That open moving doors on things divine,
Became familiar to his hourly sight;
The symbols of the Spirit's reality,

The living bodies of the Bodiless

Grew near to him, his daily associates.
The exhaustless seeings of the unsleeping Mind,
Letterings of its contact with the invisible,
Surrounded him with countless pointing signs;
The voices of a thousand realms of Life
Missioned to him her mighty messages.
The heaven-hints that invade our earthly lives,

Ничто не приближалось,
что бы он не чувствовал родным:
Он стал единым в духе
с этой необъятностью.
Виденья из
высокого сознания,
Что воплощали Нерождённого,
который никогда не умирает,
Организованные образы
космического “Я”,
Живущие прикосновеньем
вечности существования,
Смотрели на него
как связанные формой
мысли духа,
Передающие движения
Невыразимого.
Аспекты бытия
одели очертанья мира;
И формы, что раздвигают двери
до божественных вещей,
Отныне стали близкими
его обыденному взгляду;
Все эти символы
действительности Духа,
Живые и разнообразные тела
для Бестелесного
Тянулись ближе к Ашвапати,
становясь его друзьями.
Неистощимые видения
неспящего Ума,
И записи его общения
с незримым,
Вокруг него стояли как
бесчисленные знаки-указания;
А голоса из тысяч
регионов Жизни
Передавали для него
её могучие послания.
Небесные намёки,
что захватывают
наши жизни на земле,

The dire imaginations dreamed by Hell,
Which if enacted and experienced here
Our dulled capacity soon would cease to feel
Or our mortal frailty could not long endure,
Were set in their sublime proportions there.
There lived out in their self-born atmosphere,
They resumed their topless pitch and native power;

Their fortifying stress upon the soul
Bit deep into the ground of consciousness
The passion and purity of their extremes,
The absoluteness of their single cry
And the sovereign sweetness or violent poetry
Of their beautiful or terrible delight.
All thought can know or widest sight perceive
And all that thought and sight can never know,
All things occult and rare, remote and strange
Were near to heart's contact, felt by spirit-sense.
Asking for entry at his nature's gates
They crowded the widened spaces of his mind,
His self-discovery's flaming witnesses,
Offering their marvel and their multitude.

И страшные фантазии,
придуманные Адом,
Что, если б разыгрались
и переживались здесь,
То быстро перестали бы
восприниматься нашим чувством,
Иль хрупкость смертных не смогла бы
долго их выдерживать,
Существовали там
в утонченных пропорциях.
Выдерживая само-порождающую
атмосферу,
Они в ней возвращали
свой высокий уровень
и силу от рождения;
Их натиск, придающий
душам прочность,
Врезал в глубокие
слои сознания
Особенную страсть и чистоту
их крайностей,
И абсолютность их
единого призыва
И царственную сладость
или страстную поэзию
Их восхитительного
или страшного восторга.
Всё то, что может мысль понять,
а широчайший взгляд постигнуть,
И всё, что мысль и зренье
никогда понять не смогут,
Оккультное и редкое,
далёкое и странное
Доступно стало для касанья сердца,
ощущалось чувством духа.
Стремясь войти через
врата его природы,
Они заполнили его широкие
пространства мысли,
Подобно пламенным свидетелям
его открытия себя,
И предлагали чудо
и своё разнообразие.

These now became new portions
of himself,
The figures of his spirit's greater
life,
The moving scenery of his large
time-walk
Or the embroidered tissue of his
sense:
These took the place of intimate
human things
And moved as close companions
of his thoughts,
Or were his soul's natural
environment.
Tireless the heart's adventure of
delight,
Endless the kingdoms of the
Spirit's bliss,
Unnumbered tones struck from
one harmony's strings;
Each to its wide-winged universal
poise,
Its fathomless feeling of the All in
one,
Brought notes of some perfection
yet unseen,
Its single retreat into Truth's
secrecies,
Its happy sidelight on the Infinite.

All was found there the Unique
has dreamed and made

Tinging with ceaseless rapture and
surprise
And an opulent beauty of
passionate difference
The recurring beat that moments
God in Time.

Only was missing the sole
timeless Word

Всё это становилось
новыми частями в нём самом,
Фигурами из более высокой
жизни духа,
Подвижной декорацией его
обширного движения во времени
И разноцветной тканью
ощущений:
Всё это наполняло
внутреннюю человеческую жизнь
И волновало словно близкие друзья
его летящих мыслей,
И было повседневным окружением
его души.
Неутомимо приключение
восторга сердца,
И бесконечны области
блаженства Духа,
Неисчислимы звуки, извлекаемые
струнами одной гармонии;
И каждый, в то ширококрылое,
космическое равновесие,
Бездонные глубины ощущения
Всего в одном,
Нёс ноты нового
ещё невиданного совершенства,
Своё отдельное пристанище
в сокрытых тайнах Истины,
Свои счастливые сигнальные огни
для Бесконечности.
Там обнаруживалось всё,
что Уникальное
придумало и сотворило,
Окрашивая беспрестанным
удивленьем и восторгом
И пышной красотою
страстного различия
Тот повторяющийся ритм,
что отражал Всевышнего
в мгновеньях Времени.
Лишь упускалось
то единственное Слово
за пределом времени,

That carries eternity in its lonely sound,
The Idea self-luminous key to all ideas,
The integer of the Spirit's perfect sum
That equates the unequal All to the equal One,

The single sign interpreting every sign,
The absolute index to the Absolute.

Что носит вечность
в одиноком звуке,
Идея, само-озарённый ключ
ко всем идеям,
То целое из совершенного итога Духа,
Что ставит равенство
между неравным Всем
и равным этому Единым,
Единственный особый знак,
что объясняет каждый знак,
И абсолютный указатель
к Абсолюту.

There walled apart by its own innerness
In a mystical barrage of dynamic light
He saw a lone immense high-curved world-pile

Erect like a mountain-chariot of the Gods
Motionless under an inscrutable sky.
As if from Matter's plinth and viewless base
To a top as viewless, a carved sea of worlds
Climbing with foam-maned waves to the Supreme
Ascended towards breadths immeasurable;
It hoped to soar into the Ineffable's reign:
A hundred levels raised it to the Unknown.
So it towered up to heights intangible
And disappeared in the hushed conscious Vast
As climbs a storeyed temple-tower to heaven

Там, отгороженное внутренним
своим пространством, как стеной,
В мистической завесе
быстрого изменчивого света
Ему предстало одинокое,
изогнутое ввысь,
огромнейшее здание вселенной,
Поднявшееся как
гора-повозка для Богов,
Застывшее под странным,
неизвестным небом.
От самого порога из Материи,
и от невидимой основы,
До недоступной глазу высоты,
резное море множества миров,
Взбираясь пенногривыми волнами
к Высочайшему,
Шло, восходя,
к неизмеримому размаху;
Оно надеялось парить
в мирах Невыразимого:
Десятки, сотни уровней
вели его в Неведомое.
Так возвышалось это зданье
до неосязаемых высот
Теряясь в затихающем
сознательном Просторе,
И восходило в небеса как
многоярусная башня-храм,

Built by the aspiring soul of man
to live
Near to his dream of the Invisible.

Infinity calls to it as it dreams and
climbs;

Its spire touches the apex of the
world;
Mounting into great voiceless
stillnesses
It marries the earth to screened
eternities.
Amid the many systems of the
One
Made by an interpreting creative
joy
Alone it points us to our journey
back
Out of our long self-loss in
Nature's deeps;
Planted on earth it holds in it all
realms:

It is a brief compendium of the
Vast.
This was the single stair to being's
goal.
A summary of the stages of the
spirit,
Its copy of the cosmic hierarchies
Refashioned in our secret air of
self

A subtle pattern of the universe.
It is within, below, without,
above.
Acting upon this visible Nature's
scheme
It wakens our earth-matter's heavy
doze

Построенная устремлённою
душою человека,
Чтоб он жил ближе
к грёзам о Незримом.
Зов Бесконечности идёт к нему[1],
оно мечтает и взбирается
всё выше;
Его шпиль прикасается
к вершине мира;
Поднявшись в области
великого беззвучного покоя,
Оно венчает землю
с вечностями за вуалью.
Средь многочисленных
систем Единого,
Что создаются творческою
радостью истолкования,
Оно одно указывает нам
на наше путешествие назад
Из нашей длительной потери
самого себя в глуби Природы;
Поднявшись на земле,
оно в себе хранит
все области и царства:
Оно — как сжатый пересказ
небесного Простора.
То здание — единственная лестница
до цели бытия.
Итог разнообразных
стадий духа,
И копия его вселенских иерархий
Оно ещё раз повторилось
в нашей тайной атмосфере
внутреннего "я"
Как тонкий прототип вселенной.
Оно везде — внизу, внутри,
снаружи, выше.
Воздействуя на схему
видимой Природы,
Оно стремится разбудить
тяжёлое оцепенение земной материи

[1] к зданию, *прим.пер.*

To think and feel and to react to
joy;
It models in us our diviner parts,

Lifts mortal mind into a greater
air,
Makes yearn this life of flesh to
intangible aims,

Links the body's death with
immortality's call:
Out of the swoon of the
Inconscience
It labours towards a
superconscient Light.
If earth were all and this were not
in her,
Thought could not be nor
life-delight's response:
Only material forms could then be
her guests
Driven by an inanimate
world-force.
Earth by this golden superfluity

Bore thinking man and more than
man shall bear;

This higher scheme of being is our
cause

And holds the key to our
ascending fate;
It calls out of our dense mortality

The conscious spirit nursed in
Matter's house.
The living symbol of these
conscious planes,
Its influences and godheads of the
unseen,
Its unthought logic of Reality's
acts

Чтоб думать, чувствовать
и отзываться радости;
Оно в нас лепит наши
более божественные элементы
И поднимает смертные умы
до более высокой атмосферы,
И заставляет эту жизнь из плоти
ставить для себя
неосязаемые цели,
Соединяет гибель тела
с зовом от бессмертия:
Очнувшись от беспамятства,
навязанного Несознанием,
Оно с трудом шагает
к сверхсознательному Свету.
И если бы земля была бы всем
и этого в ней не было,
То не было б ни мысли,
ни ответа наслажденью жизни:
Лишь формы из материи
могли бы стать её гостями,
Под управленьем
неодушевлённой силы мира.
Земля, благодаря тому
прекрасному богатству, изобилию
Родила мыслящего человека
и ещё большее, чем человек,
способна принести;
То здание, как
высший план существованья —
наш источник и причина,
И держит ключ от нашей
восходящей в небеса судьбы,
Оно зовёт из нашей
плотной смертной жизни
Осознающий дух, что набирает силу
в комнатах Материи.
Живой и яркий символ
сознающих планов,
Божеств незримых царств
и их влияний,
И невообразимой логики
работ Реальности,

Arisen from the unspoken truth in things,
Have fixed our inner life's slow-scaled degrees.

Its steps are paces of the soul's return
From the deep adventure of material birth,
A ladder of delivering ascent

And rungs that Nature climbs to deity.
Once in the vigil of a deathless gaze
These grades had marked her giant downward plunge,
The wide and prone leap of a godhead's fall.
Our life is a holocaust of the Supreme.

The great World-Mother by her sacrifice
Has made her soul the body of our state;
Accepting sorrow and unconsciousness
Divinity's lapse from its own splendours wove
The many-patterned ground of all we are.

An idol of self is our mortality.

Our earth is a fragment and a residue;
Her power is packed with the stuff of greater worlds
And steeped in their colour-lustres dimmed by her drowse;

Возникшей из невыразимой
истины в вещах,
Оно установило
медленно идущие к высотам
уровни для внутреннего бытия.
Его шаги —
путь возвращения души
Из своего насыщенного приключения
рождения в материи,
По лестнице
освобождающего восхождения,
Ступенями, которыми Природа
поднимается до божества.
Когда-то наблюдаемые с высоты
бессмертным взглядом,
Те уровни отметили
её гигантское нырянье вниз,
Широкий, распростёршийся прыжок
паденья божества.
Вся наша жизнь —
горение Всевышнего
на жертвенном огне.
Великая Мать Мира,
собственною жертвой,
Выстраивает из своей души
основу наших состояний;
И принимая на себя
страдание и несознание,
Падение Божественного
из своих великолепий
Соткало почву для всего,
чем мы являемся
Со множеством типичных образцов.
И наше состоянье смертных —
только идол внутреннего “я”.
Земля — фрагмент чего-то большего,
его остаток;
Её энергия наполнена субстанциями
более великих планов,
Она погружена
в их разноцветные сиянья,
затемнённые её дремотой;

An atavism of higher births is hers,
Her sleep is stirred by their buried memories
Recalling the lost spheres from which they fell.
Unsatisfied forces in her bosom move;
They are partners of her greater growing fate
And her return to immortality;
They consent to share her doom of birth and death;
They kindle partial gleams of the All and drive
Her blind laborious spirit to compose
A meagre image of the mighty Whole.
The calm and luminous Intimacy within
Approves her work and guides the unseeing Power.
His vast design accepts a puny start.
An attempt, a drawing half-done is the world's life;
Its lines doubt their concealed significance,
Its curves join not their high intended close.
Yet some first image of greatness trembles there,
And when the ambiguous crowded parts have met
The many-toned unity to which they moved,
The Artist's joy shall laugh at reason's rules;

The divine intention suddenly shall be seen,

Внутри неё живут остатки
более возвышенных рождений,
Их похороненная память
нарушает сон её,
Зовёт назад утраченные сферы,
из которых те упали.
В её груди гуляют силы,
ищущие выход;
Они — партнёры по её великой,
поднимающейся вверх судьбе,
По возвращению к бессмертию;
Они решились разделить с ней
рок рождения и смерти;
И, зажигая ограниченные
проблески Всеобщего,
Ведут её слепой трудолюбивый дух,
стараясь воссоздать
Какой-то ограниченный прообраз
для могучего Всецелого.
Наполненная светом и покоем
Близость, что внутри
Даёт согласье на её работу
и ведёт незрячее Могущество.
Его обширный замысел
уже встаёт на старте.
Жизнь мира — лишь попытка,
незаконченный рисунок;
Его черты полны сомнения
в своём скрываемом предназначении,
Его изгибы не смыкаются
в задуманном высоко своде.
И всё же, первые прообразы величия
проглядывают здесь,
И будет день, когда неясные
толпящиеся части встретят
Многоголосое единство,
к которому они стремились,
И радость высочайшего Артиста
будет хохотать
над правилами разума;
Намеренье небес
внезапно станет очевидным,

The end vindicate intuition's sure
technique.
A graph shall be of many meeting
worlds,
A cube and union-crystal of the
gods;
A Mind shall think behind
Nature's mindless mask,

A conscious Vast fill the old dumb
brute Space.
This faint and fluid sketch of soul
called man
Shall stand out on the background
of long Time
A glowing epitome of eternity,
A little point reveal the
infinitudes.
A Mystery's process is the
universe.
At first was laid a strange
anomalous base,
A void, a cipher of some secret
Whole,
Where zero held infinity in its sum

And All and Nothing were a
single term,
An eternal negative, a matrix
Nought:
Into its forms the Child is ever
born
Who lives for ever in the vasts of
God.
A slow reversal's movement then
took place:
A gas belched out from some
invisible Fire,
Of its dense rings were formed
these million stars;
Upon earth's new-born soil God's
tread was heard.

Конец докажет безошибочную технику
интуитивного ума.
Возникнет схема многих
повстречавшихся миров,
Куб и кристалл
объединения богов;
Сокрытый за бездумной
маскою Природы
станет думать Высший Ум,
Сознательный Простор заполнит
прежнее немое грубое Пространство.
А бледный, неустойчивый эскиз души,
что называют человеком,
Поднимется на фоне
нескончаемого Времени
Как огненное воплощенье вечности,
Как маленькая точка,
открывающая бесконечности.
Вселенная есть ход развития
божественной Мистерии.
Вначале заложили странную
и аномальную основу, пустоту,
Какой-то шифр
таинственного Целого,
Где нуль содержит
в сумме бесконечность,
А Всё и Ничего сливаются
в одно понятие,
И в нескончаемое отрицанье,
матрицу Ничто:
Там, в этих формах постоянно
в мир рождается Дитя,
Которое живёт, не зная смерти,
на просторах Бога.
Затем произошёл
неспешный поворот назад:
Газ вырвался из
некого незримого Огня,
И из его густых колец сформировались
эти миллионы звёзд;
На заново рождённой почве,
на земле, послышался шаг Бога.

Across the thick smoke of earth's ignorance
A Mind began to see and look at forms
And groped for knowledge in the nescient Night:
Caught in a blind stone-grip Force worked its plan

And made in sleep this huge mechanical world,
That Matter might grow conscious of its soul
And like a busy midwife the life-power
Deliver the zero carrier of the All.

Because eternal eyes turned on earth's gulfs
The lucent clarity of a pure regard

And saw a shadow of the Unknowable
Mirrored in the Inconscient's boundless sleep,
Creation's search for self began its stir.
A spirit dreamed in the crude cosmic whirl,
Mind flowed unknowing in the sap of life
And Matter's breasts suckled the divine Idea.
A miracle of the Absolute was born;
Infinity put on a finite soul,

All ocean lived within a wandering drop,
A time-made body housed the Illimitable.
To live this Mystery out our souls came here.

Так сквозь скрывающий туман
невежества земли
Ум начал видеть
и смотреть на формы,
Искать наощупь знание
в незнающей Ночи:
Попав в слепую каменную хватку,
Сила продолжала
выполнять свой план
И создала во сне весь этот
механический огромный мир,
Чтобы Материя могла растить
сознание своей души,
А после, как заботливая акушерка,
сила жизни
Освободила, в родах,
ноль, несущий Всё.
Благодаря тому, что вечные глаза,
сияя, обратили на земные бездны
Прозрачность, ясность
чистого внимания
И стали видеть
тень Непознаваемого,
Что отразилась в безграничной
дрёме Несознания,
Творенье начало свой поиск
внутреннего "я".
Дух грезил во вселенском
грубом вихре,
Ум плыл, не зная,
окружённый соком жизни,
Материя кормила грудью
божественно высокую Идею.
Вот так родилось чудо Абсолюта,
Так Бесконечное одело на себя
конечность душ,
Весь океан существовал
внутри летящей капли,
А тело, созданное временем,
впустило Беспредельное.
Прожить великую Мистерию
пришли на землю наши души.

A Seer within who knows the ordered plan
Concealed behind our momentary steps,
Inspires our ascent to viewless heights
As once the abysmal leap to earth and life.
His call had reached the Traveller in Time.
Apart in an unfathomed loneliness,
He travelled in his mute and single strength
Bearing the burden of the world's desire.
A formless Stillness called, a nameless Light.
Above him was the white immobile Ray,
Around him the eternal Silences.

No term was fixed to the high-pitched attempt;
World after world disclosed its guarded powers,
Heaven after heaven its deep beatitudes,
But still the invisible Magnet drew his soul.
A figure sole on Nature's giant stair,
He mounted towards an indiscernible end
On the bare summit of created things.

End of Canto One

Внутри у нас — Провидец,
знающий определённый план,
Скрываемый за нашими
сиюминутными шагами,
Он вдохновляет наш подъём
к невидимым высотам,
Как ранее — прыжок в пучину
к жизни и к земле,
Его призыв дошёл до
Путника во Времени.
Отдельно ото всех,
в неизмеримом одиночестве,
Он[1] странствовал в своей
немой и одинокой силе,
И на себе нёс груз
желанья мира.
Бесформенная Тишина звала его
и безымянный Свет.
Над ним был
белый неподвижный Луч,
Вокруг — стояли
вечные Безмолвия.
И не было предела
высоко намеченной попытке;
Один мир за другим
являл свои сокрытые могущества,
И небеса за небесами —
глубину своих красот,
Но всё же душу Ашвапати
влёк невидимый Магнит.
Далёкая и одинокая фигура на
гигантской лестнице Природы,
Он поднимался вверх,
к неразличимой цели
На оголённой высшей точке
сотворённого.

Конец первой песни

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

Book Two
THE BOOK OF THE
TRAVELLER OF THE
WORLDS

Canto II
THE KINGDOM OF SUBTLE
MATTER

In the impalpable field of secret
self,
This little outer being's vast
support
Parted from vision by earth's solid
fence,
He came into a magic crystal air

And found a life that lived not by
the flesh,
A light that made visible
immaterial things.
A fine degree in wonder's
hierarchy,
The kingdom of subtle Matter's
faery craft
Outlined against a sky of vivid
hues,
Leaping out of a splendour-trance
and haze,
The wizard revelation of its front.

A world of lovelier forms lies near
to ours,
Where, undisguised by earth's
deforming sight,
All shapes are beautiful and all
things true.

Книга Вторая
КНИГА
ПУТЕШЕСТВЕННИКА
ПО МИРАМ

Песня II
ЦАРСТВО
ТОНКОЙ МАТЕРИИ

В неощутимом поле
тайного, скрываемого “я”,
Широком основании для маленького
внешнего существования,
Отрезанном от наших глаз
глухой стеной земли,
Он[1] перешёл в кристальную,
магическую атмосферу,
И обнаружил жизнь
не на основе плоти,
И свет, что делал зримым
нематериальное.
Изящная ступень
средь иерархии чудес,
Где тонкая Материя возводит
царство сказочного мастерства,
Обрисовала контуры свои
на фоне неба ярких красок,
Из транса роскоши
и лёгкой дымки низвергая
Волшебно-заколдованное откровенье
своего фасада.
Мир восхитительно красивых форм
лежит вблизи от нас,
В нём незамаскированные
искажённым зрением земли,
Все облики прекрасны
и все вещи истинны.

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

In that lucent ambience mystically
clear
The eyes were doors to a celestial
sense,
Hearing was music and the touch
a charm,
And the heart drew a deeper
breath of power.
There dwell earth-nature's shining
origins:
The perfect plans on which she
moulds her works,
The distant outcomes of her
travailing force,
Repose in a framework of
established fate.
Attempted vainly now or won in
vain,
Already were mapped and
scheduled there the time
And figure of her future
sovereignties
In the sumptuous lineaments
traced by desire.
The golden issue of mind's
labyrinth plots,
The riches unfound or still
uncaught by our lives,
Unsullied by the attaint of mortal
thought
Abide in that pellucid atmosphere.

Our vague beginnings are
overtaken there,
Our middle terms sketched out in
prescient lines,

Our finished ends anticipated live.

This brilliant roof of our
descending plane,

В том светлом окружении,
мистически прозрачном,
Взгляд становился дверью
для небесных чувств,
Слух — музыкой,
касание — очарованием,
И сердце делало
глубокий вдох могущества.
Там обитают полные сияния
источники земной природы:
И планы совершенства, на которых
создаёт она свои творенья,
И отдалённый результат
её работающей в муках силы,
И отдых в рамках
предначертанной судьбы.
Чего мы тщетно добиваемся сейчас,
стараемся завоевать,
Уже там нарисовано на карте
и расписано по времени,
И принимает форму
будущих её владений
В роскошных контурах,
очерченных желанием.
Прекрасный результат
сюжетов-лабиринтов нашего ума,
Богатства, что не найдены, не познаны
пока что в наших жизнях,
И не запятнаны клеймом
обычной смертной мысли,
Нас ожидают в этой
ясной атмосфере.
Там открываются
неясные начала наши,
Там обрисованы
набросками предвидения
наши средние пределы,
Там, забежав вперёд, уже живут
законченные результаты
наших дел.
Сверкающая крыша нашего
сходящего вниз плана,

Intercepting the free boon of heaven's air,
Admits small inrushes of a mighty breath
Or fragrant circuits through gold lattices;
It shields our ceiling of terrestrial mind
From deathless suns and the streaming of God's rain,
Yet canalises a strange irised glow,
And bright dews drip from the Immortal's sky.
A passage for the Powers that move our days,
Occult behind this grosser Nature's walls,
A gossamer marriage-hall of Mind with Form
Is hidden by a tapestry of dreams;
Heaven's meanings steal through it as through a veil,
Its inner sight sustains this outer scene.
A finer consciousness with happier lines,
It has a tact our touch cannot attain,
A purity of sense we never feel;
Its intercession with the eternal Ray
Inspires our transient earth's brief-lived attempts
At beauty and the perfect shape of things.

Он перехватывает все
свободные дары
небесной атмосферы,
И пропускает только
скромные вторжения
могучего дыхания
Иль кольца аромата
через золотистые решётки;
Он защищает наши
потолки земных умов
От полыхания бессмертных солнц
и от потоков ливня Бога,
Но пропускает радужное
странное свечение,
И яркую росу, что падает
с небес Бессмертия.
Проход для Сил,
что движут наши дни,
Оккультных Сил, за стенами
из грубой и земной Природы,
Прозрачная, как паутинка, ткань
для зала бракосочетания
Ума и Формы
Скрываются за гобеленом
сновидений;
Намеренья небес
проскальзывают сквозь неё,
как сквозь вуаль,
А взгляд, идущий изнутри,
даёт опору этой внешней сцене.
Иное, тонкое сознанье,
с более счастливыми чертами,
Владеет тактом, до которого
касанью нашему не дотянуться,
И чистотою чувств,
которые мы никогда
не ощущали;
Его посредничество
с вечным Светом
Воодушевляет краткие попытки
нашей временной земли
Своею красотой
и совершенным обликом вещей.

In rooms of the young divinity of power
And early play of the eternal Child

The embodiments of his outwinging thoughts

Laved in a bright everlasting wonder's tints
And lulled by whispers of that lucid air
Take dream-hued rest like birds on timeless trees

Before they dive to float on earth-time's sea.

All that here seems has lovelier semblance there.

Whatever our hearts conceive, our heads create,
Some high original beauty forfeiting,

Thence exiled here consents to an earthly tinge.

Whatever is here of visible charm and grace

Finds there its faultless and immortal lines;
All that is beautiful here is there divine.
Figures are there undreamed by mortal mind:

Bodies that have no earthly counterpart
Traverse the inner eye's illumined trance

В просторных залах
молодой божественности силы
И первых развлечений
вечного Дитя
Живые воплощения
его летящих
выше, дальше мыслей,
Омытые в сияющих оттенках
вечно-длящегося чуда
И убаюканные шёпотами
этой ясной атмосферы,
Дремотно отдыхают,
словно птицы,
на вневременных деревьях,
Пока не прыгнут вниз,
чтоб плыть по морю
времени земли.
Всё то, что здесь нам только кажется,
уже там существует
в изумительном обличии.
И чтобы ни задумывало наше сердце,
и не творила наша голова,
Теряя право на какую-то
первоначальную,
возвышенную красоту,
Оттуда изгнанное,
здесь согласно
на земные краски.
Всё, что наполнено здесь
видимым очарованием,
изяществом,
Находит там свои бессмертные
и безупречные черты;
А всё, что здесь прекрасно,
там — божественно.
Там существуют образы,
что и не снились
смертному уму:
Тела, что не похожи
ни на что земное,
Пересекают озарённый транс,
открытый внутреннему взгляду

And ravish the heart with their celestial tread
Persuading heaven to inhabit that wonder sphere.
The future's marvels wander in its gulfs;
Things old and new are fashioned in those depths:

A carnival of beauty crowds the heights
In that magic kingdom of ideal sight.
In its antechambers of splendid privacy
Matter and soul in conscious union meet
Like lovers in a lonely secret place:
In the clasp of a passion not yet unfortunate
They join their strength and sweetness and delight
And mingling make the high and low worlds one.
Intruder from the formless Infinite

Daring to break into the Inconscient's reign,
The spirit's leap towards body touches ground.
As yet unwrapped in earthly lineaments,
Already it wears outlasting death and birth,
Convincing the abyss by heavenly form,
A covering of its immortality
Alive to the lustre of the wearer's rank,
Fit to endure the rub of Change and Time.

И поражают все сердца
своей божественной походкой,
Склоняя небо поселиться
в той чудесной сфере.
В тех безднах бродят
чудеса грядущего;
И старое, и новое
в глубинах тех
приобретает новый облик:
Высоты заполняет
карнавал прекрасного
В магическом том царстве
видимого идеала.
В его роскошных и
уединённых вестибюлях
Материя с душой встречаются
в сознательном единстве,
Как милые влюблённые
в укромном тайном месте:
В объятиях страсти, что пока
не ведает несчастья,
Они соединяют свою силу,
сладость и восторг
И, смешивая, делают
высокие и низкие миры одним.
Незваный гость, пришедший
из бесформенного Бесконечного,
Дерзающий ворваться
в царство Несознания,
Дух впрыгивает в тело,
обретает почву под ногами.
И не успев ещё
закутаться в земные очертания,
Уже он одевает на себя
рождение и смерть,
И убеждает бездну
собственной небесной формой,
Покровом своего бессмертия,
Ожившим, чтоб светить
на уровне владельца-духа,
Готовым выдержать износ
от Изменения и Времени.

A tissue mixed of the soul's radiant light
And Matter's substance of sign-burdened Force, —
Imagined vainly in our mind's thin air
An abstract phantasm mould of mental make, —
It feels what earthly bodies cannot feel

And is more real than this grosser frame.
After the falling of mortality's cloak
Lightened is its weight to heighten its ascent;
Refined to the touch of finer environments
It drops old patterned palls of denser stuff,

Cancels the grip of earth's descending pull

And bears the soul from world to higher world,

Till in the naked ether of the peaks

The spirit's simplicity alone is left,

The eternal being's first transparent robe.
But when it must come back to its mortal load
And the hard ensemble of earth's experience,
Then its return resumes that heavier dress.
For long before earth's solid vest was forged

Ткань, сотканная из лучистого
сияния души,
Субстанция Материи из полной
символического смысла Силы,
Напрасно представляемые
в тонкой атмосфере нашего ума,
Абстрактно призрачная форма,
результат ментального труда, —
Она воспринимает то,
чего земное тело
не способно ощутить,
И более реальна, чем привычный,
грубый наш каркас.
Когда же одеянье смертности
слетает прочь,
Она теряет в весе,
чтоб подняться выше;
Очищенная для касанья
более утонченной среды,
Она отбрасывает старые
шаблонные покровы
плотной ткани,
Освобождается от
хватки тяжести земли,
что тянет вниз,
И переносит душу
от одних миров к другим,
всё выше,
Пока в очищенном эфире
голых пиков не останется
Одна лишь простота
и ясность духа,
Первоначальная прозрачная накидка
вечного существования.
Однако же, когда придётся
возвращаться к смертной ноше
И непростому окружению
земного опыта,
То это возвращение вернёт
обременяющее платье.
Задолго до того,
как были выкованы
те земные прочные одежды,

By the technique of the atomic Void,
A lucent envelope of self-disguise

Was woven round the secret spirit in things.
The subtle realms from those bright sheaths are made.

This wonder-world with all its radiant boon
Of vision and inviolate happiness,
Only for expression cares and perfect form;
Fair on its peaks, it has dangerous nether planes;

Its light draws towards the verge of Nature's lapse;
It lends beauty to the terror of the gulfs
And fascinating eyes to perilous Gods,
Invests with grace the demon and the snake.
Its trance imposes earth's inconscience,
Immortal it weaves for us death's sombre robe
And authorises our mortality.
This medium serves a greater Consciousness:
A vessel of its concealed autocracy,
It is the subtle ground of Matter's worlds,
It is the immutable in their mutable forms,
In the folds of its creative memory

It guards the deathless type of perishing things:
Its lowered potencies found our fallen strengths;

Благодаря искусству
атомарной Пустоты,
Соткали незаметный слой
для само-маскировки
И окружили тайный дух
во всех вещах.
Из этих ярких оболочек
сотворили множество
различных тонких царств.
Однако, этот чудо-мир,
с его лучистыми дарами
Видений и нетронутого счастья,
Заботится лишь как всё выразить,
о совершенстве формы;
Прекрасный на своих вершинах,
он оставляет место
для опасных нижних планов;
Его свет тянется к границам,
где Природа падает в пучину;
Он одаряет красотой
кошмары бездн,
Опасным Божествам
даёт пленяющие очи,
И наделяет грацией
и демона, и змея.
Его транс порождает
несознание земли,
Бессмертный, он для нас
ткёт мрачную накидку смерти,
И узаконивает нашу смертность.
Он служит, как посредник,
более великому Сознанию:
Сосуд его сокрытой власти,
Он — тонкая основа
для миров Материи,
Он — неизменное
для их меняющихся форм,
И среди складок
собственной творящей памяти
Хранит бессмертные прообразы
для временных вещей:
Его могущества, спускаясь вниз,
дают основу нашим падшим силам;

Its thought invents our reasoned ignorance;
Its sense fathers our body's reflexes.
Our secret breath of untried mightier force,
The lurking sun of an instant's inner sight,
Its fine suggestions are a covert fount
For our iridescent rich imaginings

Touching things common with transfiguring hues
Till even earth's mud grows rich and warm with the skies

And a glory gleams from the soul's decadence.
Its knowledge is our error's starting-point;
Its beauty dons our mud-mask ugliness,

Its artist good begins our evil's tale.

A heaven of creative truths above,

A cosmos of harmonious dreams between,
A chaos of dissolving forms below,
It plunges lost in our inconscient base.
Out of its fall our denser Matter came.

Thus taken was God's plunge into the Night.

Его идеи, мысли, в нас всплывают
рассуждающим невежеством;
Из чувств его рождаются
рефлексы наших тел.
И наше тайное дыхание
непознанной ещё могучей силы,
И ускользающее солнце
моментальных озарений изнутри,
И тонкие его внушенья —
скрытые источники
Для нашего богатого воображенья
в ярких красках,
Что радугой преображения
касается обыденных вещей,
Покуда даже грязь земли
не станет тёплой и богатой,
вместе с небесами,
Пока не засверкает слава
из падения души.
Его познанье — отправная точка
нашего непониманья и ошибок;
Его великолепие и красота
здесь одевают маску
грязного уродства,
Его искусное добро
здесь начинает
повесть человеческого зла.
Как небеса творящих истин
наверху,
Как космос гармоничных грёз
посередине,
Как хаос растворяющихся форм
под нами,
Ныряет он, теряясь
в нашей несознательной основе.
Из этого его паденья
вышла наша плотная Материя.

Так совершилось
погруженье Бога в Ночь.

This fallen world became a nurse
of souls

Inhabited by concealed divinity.

A Being woke and lived in the
meaningless void,
A world-wide Nescience strove
towards life and thought,
A Consciousness plucked out
from mindless sleep.
All here is driven by an insentient
will.
Thus fallen, inconscient, frustrate,
dense, inert,
Sunk into inanimate and torpid
drowse
Earth lay, a drudge of sleep,
forced to create
By a subconscient yearning
memory
Left from a happiness dead before
she was born,
An alien wonder on her senseless
breast.
This mire must harbour the orchid
and the rose,

From her blind unwilling
substance must emerge
A beauty that belongs to happier
spheres.
This is the destiny bequeathed to
her,
As if a slain god left a golden trust

To a blind force and an
imprisoned soul.
An immortal godhead's perishable
parts
She must reconstitute from
fragments lost,

Так этот падший мир
взял роль кормилицы
для наших душ,
В которых поселилась
скрытая божественность.
Проснулось Бытие и стало жить
в бессмысленном ничто,
Широкое, как мир, Неведение
пробивалось к жизни, к мысли,
Сознанье вырвалось
из своего бессмысленного сна.
Всё в нашем мире управляется
неощутимой волей.
Так, падшая, расстроенная,
несознательная, плотная, инертная,
И погружённая в бездумное
дремотное оцепенение,
Земля лежит, работая во сне,
и ей приходится творить
Наполненной стремленьем,
подсознательною памятью,
Оставшейся от счастья,
умершего до её рождения,
Чужого чуда
на её бесчувственной груди.
Но эта грязь
должна здесь дать укрытие
для розы с орхидеей,
Из нежелающей слепой
её субстанции
Должна возникнуть красота
из более счастливых сфер.
Такая ей была
завещана судьба,
Как если бы убитый бог
оставил лучезарную надежду
Ослепшей силе и
сидящей в заточении душе.
Недолговечные фрагменты от
не знающего смерти божества
Она должна составить
по утраченным кусочкам,

Reword from a document
complete elsewhere
Her doubtful title to her divine
Name.
A residue her sole inheritance,

All things she carries in her
shapeless dust.
Her giant energy tied to petty
forms
In the slow tentative motion of her
power
With only frail blunt instruments
for use,
She has accepted as her nature's
need
And given to man as his
stupendous work
A labour to the gods impossible.
A life living hardly in a field of
death
Its portion claims of immortality;

A brute half-conscious body
serves as means
A mind that must recover a
knowledge lost
Held in stone grip by the world's
inconscience,
And wearing still these countless
knots of Law
A spirit bound stand up as
Nature's king.

A mighty kinship is this daring's
cause.
All we attempt in this imperfect
world,
Looks forward or looks back
beyond Time's gloss

To its pure idea and firm inviolate
type

Восстановить из документа,
где-то сохраняемого целиком,
Неясный титул
к своему божественному Имени.
Она несёт всё сущее
в своей бесформенной пыли —
Остаток одинокого
её наследства.
Свою гигантскую энергию,
привязанную к мелким формам,
В неторопливом, пробующем всё,
движении её могущества,
С ввозможностью использовать лишь
хрупкие тупые инструменты,
Она взяла как обязательное
для своей природы
И подарила человеку
как его прекрасную работу,
Труд, невозможный даже для богов.
Здесь жизнь, с трудом живущая
на поле смерти,
Отстаивает право обладать
своею порцией бессмертия;
Животное, полусознательное тело
служит средством для ума,
Что должен снова обрести
утраченное знание,
Захваченное в каменную хватку
несознанья мира,
И одевающий пока ещё
бесчисленные путы-одеяния Закона,
Стеснённый дух —
поднимется как царь Природы.

Могучее родство —
источник той отваги.
Все мы чего-то пробуем
в несовершенном этом мире,
Стремимся забежать вперёд,
иль заглянуть за слой
обманчивого глянца Времени,
Увидеть чистую идею,
ненарушенный и прочный тип,

In an absolute creation's flawless skill.
To seize the absolute in shapes that pass,
To fix the eternal's touch in time-made things,
This is the law of all perfection here.
A fragment here is caught of heaven's design;
Else could we never hope for greater life
And ecstasy and glory could not be.

Even in the littleness of our mortal state,
Even in this prison-house of outer form,
A brilliant passage for the infallible Flame
Is driven through gross walls of nerve and brain,
A Splendour presses or a Power breaks through,
Earth's great dull barrier is removed awhile,
The inconscient seal is lifted from our eyes
And we grow vessels of creative might.
The enthusiasm of a divine surprise
Pervades our life, a mystic stir is felt,

A joyful anguish trembles in our limbs;
A dream of beauty dances through the heart,
A thought from the eternal Mind draws near,
Intimations cast from the Invisible

Принадлежащий безупречному
искусству абсолютного творения.
Дотронуться до абсолюта в формах,
что потом исчезнут,
И закрепить касанье вечного
в вещах, рождённых временем —
Закон любого совершенства
в этом мире.
Здесь можно ухватить
частицу замысла небес;
Иначе никогда бы не было надежды
дойти до более великой жизни,
Иначе не было бы
ни великолепья, ни экстаза.
И даже в нашей малости
подверженного смерти состояния,
И даже в этом доме-клетке
внешней формы,
Сверкающие переходы
для непогрешимого Огня
Ведутся через стены
нервов, мозга,
То давит некое Великолепие
иль пробивается Могущество,
Большой глухой экран земли
сдвигается на время,
Печать неведенья
снимают с наших глаз,
И мы становимся сосудами
для силы созидания.
Энтузиазм божественного удивления
Захватывает нашу жизнь,
в ней ощущается
мистический подъём,
По телу пробегает
радостная мука;
Мечта о красоте танцует
в нашем сердце,
Подходят ближе
мысли вечного Ума,
Идеи-озарения,
бросаемые из Незримого,

Awaking from Infinity's sleep
come down,
Symbols of That which never yet
was made.
But soon the inert flesh responds
no more,
Then sinks the sacred orgy of
delight,
The blaze of passion and the tide
of power
Are taken from us and, though a
glowing form
Abides astonishing earth,
imagined supreme,
Too little of what was meant has
left a trace.
Earth's eyes half-see, her forces
half-create;
Her rarest works are copies of
heaven's art.
A radiance of a golden artifice,

A masterpiece of inspired device
and rule,
Her forms hide what they house
and only mime

The unseized miracle of self-born
shapes
That live for ever in the Eternal's
gaze.
Here in a difficult half-finished
world
Is a slow toiling of unconscious
Powers;
Here is man's ignorant divining
mind,

His genius born from an
inconscient soil.

Проснувшись от дремоты Бесконечности
спускаются к нам вниз,
Как символы Того, что
никогда никто ещё не делал.
Но вскоре тело, со своей инертностью,
перестаёт на это откликаться,
Тогда спадает оргия
священного восторга,
Прилив энергии и вспышка страсти
забираются у нас
И хоть сверкающая форма
видится как наивысшее,
И остаётся верной,
удивляющейся на неё земле,
Уж слишком мало от обещанного,
оставляет здесь свой след.
Земные очи полувидят,
силы на земле полутворят;
Её[1] редчайшие работы —
только копии небесного искусства.
Великолепье
замечательных изобретений,
Шедевр одушевлённых механизмов
и её правления,
Её обличия скрывают то,
что в них живёт,
и только подражают
Неуловимому утонченному чуду
самозарождающихся форм,
Которое живёт всегда
во взгляде Вечного.
Здесь, в нашем трудном
полузавершённом мире,
Идёт неторопливая работа
неосознающих Сил;
Здесь есть невежественный,
строящий догадки ум,
принадлежащий человеку,
И гений человека,
что рождается
на почве несознания.

[1] Земли, *прим.пер.*

To copy on earth's copies is his
art.
For when he strives for things
surpassing earth,
Too rude the workman's tools, too
crude his stuff,
And hardly with his heart's blood
he achieves
His transient house of the divine
Idea,
His figure of a Time-inn for the
Unborn.
Our being thrills with high far
memories

And would bring down their
dateless meanings here,
But, too divine for earthly Nature's
scheme,
Beyond our reach the eternal
marvels blaze.
Absolute they dwell, unborn,
immutable,
Immaculate in the Spirit's
deathless air,
Immortal in a world of motionless
Time
And an unchanging muse of deep
self-space.
Only when we have climbed
above ourselves,
A line of the Transcendent meets
our road
And joins us to the timeless and
the true;
It brings to us the inevitable word,

The godlike act, the thoughts that
never die.

A ripple of light and glory wraps
the brain,

Копировать земные копии —
его искусство.
И хоть стремится он к тому,
что превосходит землю,
Уж слишком груб рабочий инструмент,
сыра его материя,
С трудом, и с кровью сердца
он приходит
В свой преходящий дом
божественной Идеи,
В свой образ Времени-гостиницы
для Нерождённого.
Всё наше существо трепещет
от далёких и возвышенных
воспоминаний,
Оно желало б принести сюда
их бесконечный смысл,
Но, чересчур божественные
для строения земной Природы,
Те чудеса из вечности сияют
за пределом наших сфер.
Неизменяемые, нерождённые,
непогрешимые и абсолютные
Они живут в той
вечной атмосфере Духа,
Не зная смерти,
в мире замершего Времени
И постоянных размышлений
глубины пространства "я".
И лишь когда мы превзойдём
самих себя,
Путь Трансцендентного
пересечётся с нашею дорогой,
Соединит нас
с истиной и вечным;
Он принесёт нам
слово неизбежного,
Богоподобные дела,
божественные мысли,
что никогда не умирают.
Наш мозг окутает пульсация
великолепия и света,

And travelling down the moment's vanishing route

The figures of eternity arrive.
As the mind's visitors or the heart's guests
They espouse our mortal brevity awhile,
Or seldom in some rare delivering glimpse
Are caught by our vision's delicate surmise.
Although beginnings only and first attempts,
These glimmerings point to the secret of our birth
And the hidden miracle of our destiny.
What we are there and here on earth shall be
Is imaged in a contact and a call.

As yet earth's imperfection is our sphere,
Our nature's glass shows not our real self;
That greatness still abides held back within.
Earth's doubting future hides our heritage:
The Light now distant shall grow native here,
The Strength that visits us our comrade power;
The Ineffable shall find a secret voice,
The Imperishable burn through Matter's screen
Making this mortal body godhead's robe.
The Spirit's greatness is our timeless source

И к нам спускаясь
исчезающими на глазах
дорогами мгновения,
Появятся высокие персоны вечности.
Как гости сердца
или посетители ума
Они дают недолгую поддержку
нашей краткой жизни,
И иногда, в каком-то редком
проясняющем всё блеске
Воспринимаются догадками
утонченного виденья.
Хотя начала эти —
только первые попытки,
Те проблески подобны указателям
на тайну нашего рождения,
На скрытое от глаза чудо
нашего предназначения.
Чем мы являемся в том мире,
и чем здесь станем на земле
Нам предстаёт
в контакте и призыве.
Пока же наша сфера ограничена
земным несовершенством,
И зеркало природы человека
не показывает наше истинное “я”;
И то величие пока что ожидает,
втянутое внутрь.
Неясное грядущее земли
скрывает наше тайное наследство:
Далёкий ныне Свет
нам станет здесь родным,
А Сила, что приходит к нам —
могучим другом;
Невыразимое найдёт
свой потаённый голос,
Непреходящее прожжёт
заслон Материи,
И сделает из человеческого тела
облаченье божества.
Величье Духа —
наш вневременный источник,

And it shall be our crown in endless Time.
A vast Unknown is round us and within;
All things are wrapped in the dynamic One:
A subtle link of union joins all life.
Thus all creation is a single chain:

We are not left alone in a closed scheme
Between a driving of inconscient Force
And an incommunicable Absolute.
Our life is a spur in a sublime soul-range,
Our being looks beyond its walls of mind
And it communicates with greater worlds;
There are brighter earths and wider heavens than ours.
There are realms where Being broods in its own depths;

It feels in its immense dynamic core
Its nameless, unformed, unborn potencies
Cry for expression in the unshaped Vast:
Ineffable beyond Ignorance and death,
The images of its everlasting Truth
Look out from a chamber of its self-rapt soul:
As if to its own inner witness gaze

И будет нашей царственной короной
в бесконечном Времени.
Просторы Неизвестного
вокруг нас и внутри;
Здесь всё обернуто
в подвижного Единого:
И тонкая объединяющая связь
скрепляет целиком всю жизнь.
Так всё творение
становится единой цепью:
Нас не оставили одних
в закрытой схеме
Между правлением
несознающей Силы
И недоступным Абсолютом.
Жизнь человека — это шпоры
для высокой области души,
А наше существо выходит,
смотрит за пределы стен ума
И разговаривает с
более великими мирами;
Есть земли ярче наших,
и бывают шире небеса.
Есть сферы,
где божественное Существо
Вынашивает что-то
в собственных глубинах,
И чувствует в своей безмерной
динамичной сердцевине,
Как все его безликие, и безымянные,
и нерождённые ещё могущества
Кричат о выражении
в бесформенном Просторе:
Неописуемые,
вне Невежества и смерти,
Его картины
вечно продолжающейся Истины
Выглядывают из палат
его самовосторженной души:
И словно ради взгляда
своего свидетеля внутри

The Spirit holds up its mirrored
self and works,

The power and passion of its
timeless heart,
The figures of its formless ecstasy,

The grandeurs of its multitudinous
might.
Thence comes the mystic
substance of our souls
Into the prodigy of our nature's
birth,
There is the unfallen height of all
we are
And dateless fount of all we hope
to be.
On every plane the hieratic Power,

Initiate of unspoken verities,
Dreams to transcribe and make a
part of life
In its own native style and living
tongue
Some trait of the perfection of the
Unborn,
Some vision seen in the
omniscient Light,
Some far tone of the immortal
rhapsodist Voice,
Some rapture of the all-creating
Bliss,
Some form and plan of the Beauty
unutterable.
Worlds are there nearer to those
absolute realms,
Where the response to Truth is
swift and sure
And spirit is not hampered by its
frame
And hearts by sharp division
seized and rent

Тот Дух поддерживает
и свои творения
И собственное отраженье —
внутреннее “я”,
Энергию и страстность своего
вневременного сердца,
Фигуры своего экстаза
за пределом формы,
Великолепия своих
разнообразных сил.
Из тех палат мистическое вещество,
субстанция для наших душ
Приходит в чудо нашего
рождения в природе,
Там сохраняется неумаляемая высота
всего, чем мы являемся,
Неиссякаемый источник для всего,
чем мы надеемся когда-то стать.
На каждом плане
та божественная Сила,
Что знает непередаваемые истины,
Мечтает сделать частью жизни,
заново переписать
На свой живой язык
и собственный привычный стиль
Какую-то черту
от совершенства Нерождённого,
Какой-то образ, видимый
в лучах всезнающего Света,
Какую-то далёкую тональность Голоса,
поющего бессмертные рапсодии,
Какую-то восторженную радость
созидающего всё Блаженства,
Какой-то облик или план
невыразимой Красоты.
Есть царства ближе
к сферам абсолюта,
Там, где ответ на Истину
уверенный и быстрый,
И дух не сжат
своим телесным воплощением,
Сердца — не схвачены, не разрываются
от резкой отделённости,

And delight and beauty are inhabitants
And love and sweetness are the law of life.
A finer substance in a subtler mould
Embodies the divinity earth but dreams;
Its strength can overtake joy's running feet;
Overleaping the fixed hurdles set by Time,
The rapid net of an intuitive clasp
Captures the fugitive happiness we desire.
A Nature lifted by a larger breath,

Plastic and passive to the all-shaping Fire,
Answers the flaming Godhead's casual touch:
Immune from our inertia of response
It hears the word to which our hearts are deaf,
Adopts the seeing of immortal eyes
And, traveller on the roads of line and hue,
Pursues the spirit of beauty to its home.
Thus we draw near to the All-Wonderful
Following his rapture in things as sign and guide;
Beauty is his footprint showing us where he has passed,

Love is his heart-beats' rhythm in mortal breasts,
Happiness the smile on his adorable face.
A communion of spiritual entities,

Где красота и наслажденье —
коренные жители,
А нежность и любовь —
закон для жизни.
Тончайшая субстанция
в неуловимых формах
Даёт тела божественности, о которой
лишь мечтают на земле;
В ней сила может обгонять
несущиеся ноги радости;
И перепрыгивая жёсткие препятствия,
расставленные Временем,
Своею сетью быстрой интуиции
Она улавливает ускользающее счастье,
так желаемое нами.
Природа, поднятая
широтой того дыхания,
Податливая и пластичная
для формирующего всё Огня,
Там отвечает каждому прикосновенью
пламенного Божества:
Не связанная медленной инерцией
людских реакций,
Она способна слышать слово,
для которого сердца людей глухи,
Она перенимает виденье
бессмертных глаз
И, путник по дорогам
линии и цвета,
Преследует дух красоты
до самого его родного дома.
Так нас притягивает ближе
к Все-Чудесному,
Мы следуем его восторгу,
как проводнику и символу во всём;
Прекрасное — следы,
которые показывают —
где он проходил,
Любовь — его сердечный ритм,
в груди у смертных,
А счастье — свет улыбки
на обожающем его лице.
Общение духовных сущностей,

A genius of creative Immanence,
Makes all creation deeply intimate:
A fourth dimension of aesthetic sense
Where all is in ourselves, ourselves in all,
To the cosmic wideness re-aligns our souls.
A kindling rapture joins the seer and seen;
The craftsman and the craft grown inly one
Achieve perfection by the magic throb
And passion of their close identity.
All that we slowly piece from gathered parts,
Or by long labour stumblingly evolve,
Is there self-born by its eternal right.
In us too the intuitive Fire can burn;
An agent Light, it is coiled in our folded hearts,
On the celestial levels is its home:
Descending, it can bring those heavens here.
But rarely burns the flame nor burns for long;
The joy it calls from those diviner heights
Brings brief magnificent reminiscences
And high splendid glimpses of interpreting thought,
But not the utter vision and delight.

И гений созидающего Имманентного[1],
Всё необъятное творенье превращают
в нечто очень сокровенное:
В четвертом измереньи
эстетического чувства,
Где всё находится у нас внутри,
а сами мы — во всём,
Душа у нас способна дотянуться
до космических масштабов.
Воспламеняющий восторг
соединяет видящего с видимым;
Так мастерство и мастер,
ставшие внутри единым целым,
Приходят к совершенству
с помощью магического пульса
И страстности их
тесного отождествления.
Всё, что мы медленно соединяем
из разобранных частей,
И спотыкаясь, развиваем,
длительным трудом,
Там есть уже, саморождённое своим,
из вечности пришедшим правом.
В нас тоже может вспыхнуть
Пламя интуиции;
Посланник Света,
это Пламя свёрнуто у нас
в закрывшихся сердцах,
Его жилище — там,
на уровне небес:
Оно, спустившись, может
принести те небеса сюда.
Но редко это пламя загорается,
и здесь оно горит недолго;
Та радость, что оно зовёт
с божественных высот,
Приносит краткие
величественные воспоминания,
Высокие роскошные зарницы
озарённой мысли,
Но не восторг,
не полную картину.

[1] Имманентное — то Божественное, что постоянно присуще человеку, *прим.пер.*

A veil is kept, something is still
held back,
Lest, captives of the beauty and
the joy,
Our souls forget to the Highest to
aspire.

Какая-то вуаль пока что остаётся,
что-то до сих пор сокрыто,
Затем, чтобы пленённая
той радостью и красотой,
Душа не забывала в нас
стремиться к Наивысшему.

In that fair subtle realm behind
our own
The form is all, and physical gods
are kings.
The inspiring Light plays in fine
boundaries;
A faultless beauty comes by
Nature's grace;
There liberty is perfection's
guarantee:
Although the absolute Image
lacks, the Word
Incarnate, the sheer spiritual
ecstasy,
All is a miracle of symmetric
charm,
A fantasy of perfect line and rule.

There all feel satisfied in
themselves and whole,
A rich completeness is by limit
made,
Marvel in an utter littleness
abounds,
An intricate rapture riots in a
small space:
Each rhythm is kin to its
environment,
Each line is perfect and inevitable,

Each object faultlessly built for
charm and use.

All is enamoured of its own
delight.

В чудесном этом тонком царстве,
что лежит за нашим,
Конкретный вид и форма — всё,
а боги из физических миров — цари.
Свет вдохновения играет
в тех утонченных границах;
Там безупречность красоты
приходит милостью Природы;
Свобода там — гарантия
для совершенства:
Хотя там не хватает
абсолюта Образа,
И воплотившегося Слова,
и абсолютного духовного экстаза,
Всё предстаёт как
чудеса чарующей симметрии,
Фантазия законченного
правила и линии.
Там всё довольно и самим собой,
и всем вокруг,
Богатство полноты там создаётся
с помощью ограничений,
Чудесное живёт
в предельно маленьких границах,
Восторг от сложного там буйствует
на небольшом пространстве
И каждый ритм в родстве
со всем, что окружает;
Любая линия там
совершенна, неслучайна,
Любой объект там
безупречно создан
ради красоты и пользы.
Всё очаровано своим же
собственным восторгом.

Intact it lives of its perfection sure
In a heaven-pleased self-glad immunity;
Content to be, it has need of nothing more.
Here was not futile effort's broken heart:
Exempt from the ordeal and the test,
Empty of opposition and of pain,
It was a world that could not fear nor grieve.
It had no grace of error or defeat,
It had no room for fault, no power to fail.
Out of some packed self-bliss it drew at once
Its form-discoveries of the mute Idea
And the miracle of its rhythmic thoughts and acts,
Its clear technique of firm and rounded lives,
Its gracious people of inanimate shapes
And glory of breathing bodies like our own.
Amazed, his senses ravished with delight,
He moved in a divine, yet kindred world
Admiring marvellous forms so near to ours
Yet perfect like the playthings of a god,
Deathless in the aspect of mortality.
In their narrow and exclusive absolutes

Нетронутый, живёт тот мир
своим надёжным совершенством,
В довольной небесами
неприкосновенности
и радуясь собой;
Согласный просто быть,
он больше не нуждается ни в чём.
Здесь нет сердец,
разбитых от напрасного усилия:
Освобождённый от проверок
и суровых испытаний,
Свободный от сопротивления и боли,
Он — мир, который не способен
горевать или бояться.
Ему не дали милости
ошибок или поражений,
В нём не найдётся места недостаткам,
и нет сил для неудач.
Из плотного самоблаженства
он вытягивает сразу,
Под видом форм, свои открытия
безмолвно существующей Идеи
И чудеса своих
ритмичных дел и мыслей,
И ясное искусство
состоявшихся, добротных жизней,
И доброе своё сообщество
из неодушевлённых форм,
И славу тел, что дышат также,
как и мы.
Захваченный восторгом ощущений,
изумлённый,
Он[1] шёл в божественном,
но всё же близком мире,
В восторге от чудесных форм,
что так похожи на земные,
Однако совершенны,
как игрушки бога,
И с нашей точки зрения —
бессмертны.
В своих особенных
и узких абсолютах,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

The finite's ranked supremacies
throned abide;
It dreams not ever of what might
have been;
Only in boundaries can this
absolute live.
In a supremeness bound to its own
plan
Where all was finished and no
widths were left,
No space for shadows of the
immeasurable,
No room for the incalculable's
surprise,
A captive of its own beauty and
ecstasy,
In a magic circle wrought the
enchanted Might.
The spirit stood back effaced
behind its frame.

Admired for the bright finality of
its lines
A blue horizon limited the soul;

Thought moved in luminous
facilities,
The outer ideal's shallows its
swim-range:

Life in its boundaries lingered
satisfied
With the small happiness of the
body's acts.
Assigned as Force to a bound
corner-Mind,
Attached to the safe paucity of her
room,
She did her little works and played
and slept
And thought not of a greater work
undone.

Заняв свои места на тронах,
обитают там цари конечного;
Там не мечтают никогда
о том, что может быть;
И лишь в границах
может жить тот абсолют.
В том высочайшем уровне,
но связанном своим же планом,
Где всё закончено
и не осталось больше широты,
И нет пространства
для теней неизмеримого,
И места — удивлению
от неожиданных вещей,
Пленённая своею красотой
своим экстазом,
Внутри магического круга
трудилась очарованная Сила.
Дух отступил назад,
укрывшись тенью
внешней оболочки.
И восхищаясь яркою
законченностью линий,
Полоска голубого горизонта
ограничивала душу;
Мысль двигалась
по озарённой лёгкости удобств,
Стремясь во внешнем к идеалу,
она всё меньше
погружалась вглубь:
И Жизнь не торопилась
средь своих границ,
Она была довольна мелкой радостью
движений тела.
Поставленная здесь как Сила
для ограниченного уголка Ума,
Привязанная к безопасной малости
её пространства,
Она вершила малые дела,
играла и спала,
Не думая о более великой,
незаконченной работе.

Forgetful of her violent vast
desires,
Forgetful of the heights to which
she rose,
Her walk was fixed within a
radiant groove.

The beautiful body of a soul at
ease,
Like one who laughs in sweet and
sunlit groves,
Childlike she swung in her gold
cradle of joy.
The spaces' call reached not her
charmed abode,
She had no wings for wide and
dangerous flight,
She faced no peril of sky or of
abyss,
She knew no vistas and no mighty
dreams,
No yearning for her lost
infinitudes.
A perfect picture in a perfect
frame,
This faery artistry could not keep
his will:
Only a moment's fine release it
gave;
A careless hour was spent in a
slight bliss.
Our spirit tires of being's surfaces,

Transcended is the splendour of
the form;
It turns to hidden powers and
deeper states.
So now he looked beyond for
greater light.
His soul's peak-climb abandoning
in its rear

Забыв свои неистовые,
необъятные желания,
Забыв о тех вершинах,
на которые взбиралась,
Она в своём движении
держалась строго
лучезарной колеи.
Прекрасно сформированное тело
отдыхающей души,
Смеясь в залитых солнцем,
сладких рощах,
Она качалась, как ребёнок,
в золотистой колыбели радости.
Призыв пространств не достигал
её очаровательного дома,
Она не знала крыльев
для широкого, опасного полёта,
И не встречалась никогда
с опасностью небес и бездн,
Ей неизвестны были перспективы
и могучие мечты,
Стремление к своим утерянным
когда-то бесконечностям.
Но эта совершенная картина
в совершенной рамке,
Искусство феерической страны
не удержали волю Ашвапати:
Они давали только мимолётное
и утончённое освобождение;
Какой-то беззаботный час,
что отдан лёгкому блаженству.
Дух человека устаёт
от внешнего, поверхностного бытия,
Он превосходит
то великолепье форм,
И поворачивает к скрытым силам
и глубоким состояниям.
Он[1] всматривался дальше,
видел более великий свет.
Подъём его души на пик
отодвигал назад

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

This brilliant courtyard of the
House of Days,
He left that fine material Paradise.

His destiny lay beyond in larger
Space.

End of Canto Two

Роскошную Обитель Дней
с её сверканьем внутренних дворов;
И он оставил тот утонченный
материальный Рай,
Его судьба лежала дальше,
уходя в широкое Пространство.

Конец второй песни

Book Two
THE BOOK OF THE TRAVELLER OF THE WORLDS

Canto III
THE GLORY AND FALL OF LIFE

An uneven broad ascent now lured his feet.
Answering a greater Nature's troubled call
He crossed the limits of embodied Mind
And entered wide obscure disputed fields
Where all was doubt and change and nothing sure,
A world of search and toil without repose.
As one who meets the face of the Unknown,
A questioner with none to give reply,
Attracted to a problem never solved,
Always uncertain of the ground he trod,
Always drawn on to an inconstant goal
He travelled through a land peopled by doubts
In shifting confines on a quaking base.
In front he saw a boundary ever unreached

Книга Вторая
КНИГА ПУТЕШЕСТВЕННИКА ПО МИРАМ

Песня III
СЛАВА И ПАДЕНИЕ ЖИЗНИ

Широкий и крутой подъём сейчас
манил его[1] стопы.
В ответ на беспокоящий призыв
Природы выше,
Он пересёк пределы
воплощённого Ума,
И перешёл в обширные, неясные
и спорные пространства,
Где было всё сомнительно,
изменчиво и ненадёжно,
В мир поиска и тяжкого труда
без передышки.
Как человек, встречаясь
с ликом Неизвестного,
Бывает полон сотнями вопросов
без ответа,
Притянутый к проблеме,
не решённой до сих пор,
Всё время ощущая ненадёжность
почвы под ногами,
Всё время увлекаемый
к непостоянной цели,
Он шёл по землям,
населёнными сомненьями
В изменчивых пределах
на трясущейся основе.
Он видел впереди рубеж,
что постоянно был недосягаем,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

And thought himself at each step
nearer now, —
A far retreating horizon of mirage.

A vagrancy was there that
brooked no home,
A journey of countless paths
without a close.
Nothing he found to satisfy his
heart;
A tireless wandering sought and
could not cease.
There life is the manifest
Incalculable,
A movement of unquiet seas, a
long
And venturous leap of spirit into Space,
A vexed disturbance in the eternal
Calm,
An impulse and passion of the Infinite.
Assuming whatever shape her
fancy wills,
Escaped from the restraint of
settled forms
She has left the safety of the tried
and known.
Unshepherded by the fear that
walks through Time,
Undaunted by Fate that dogs and
Chance that springs,

She accepts disaster as a common
risk;
Careless of suffering, heedless of
sin and fall,
She wrestles with danger and
discovery
In the unexplored expanses of the
soul.
To be seemed only a long
experiment,

Хотя, казалось, с каждым шагом
он подходит ближе —
К далёкому и отступающему
горизонту миража.
Скитанье было там,
что не выносит дома,
Путь по бесчисленным дорогам,
не имеющим конца.
Он ничего не находил,
чему могло порадоваться сердце;
Без устали блуждая, он искал,
и не способен был остановиться.
Там жизнь —
манифестация Неисчислимого,
Движенье беспокойных океанов,
отчаянный затянутый прыжок,
Которым дух вошёл в Пространство,
И раздражающее беспокойство
среди вечного Покоя,
И страсть, и импульс Бесконечного.
Умея принимать любые облики,
что может захотеть её[1] фантазия,
И ускользая от ограничений
предопределённых форм,
Она оставила надёжность,
что даёт проверенное и известное.
Не ограниченная страхом,
гуляющим по Времени,
Не опасаясь ни Судьбы,
которая преследует,
Ни Случая,
что прыгает внезапно,
Она страданье принимает
как обычный риск;
Не беспокоясь о мучениях,
не замечая прегрешений и падений,
Она сражается с опасностью
и делает свои открытия
В огромных неисследованных
протяжённостях души.
Она нам предстаёт
как длительный эксперимент,

[1] Жизни, *прим.пер.*

The hazard of a seeking ignorant Force
That tries all truths and, finding none supreme,

Moves on unsatisfied, unsure of its end.
As saw some inner mind, so life was shaped:
From thought to thought she passed, from phase to phase,
Tortured by her own powers or proud and blest,

Now master of herself, now toy and slave.
A huge inconsequence was her action's law,
As if all possibility must be drained,
And anguish and bliss were pastimes of the heart.
In a gallop of thunder-hooved vicissitudes
She swept through the race-fields of Circumstance,
Or, swaying, she tossed between her heights and deeps,
Uplifted or broken on Time's inconstant wheel.
Amid a tedious crawl of drab desires
She writhed, a worm mid worms in Nature's mud,

Then, Titan-statured, took all earth for food,

Ambitioned the seas for robe, for crown the stars
And shouting strode from peak to giant peak,

Как авантюра
ищущей невежественной Силы,
Что пробует все истины,
и не найдя единственной
и наивысшей,
Идёт опять, не радуясь,
не веря в собственную цель.
Как видел некий ум внутри,
такой и стала жизнь:
Переходя от мысли к мысли,
и от фазы к фазе,
Порой измученная
собственными силами,
порой счастливая и гордая,
Сейчас — хозяйка над собой,
а через миг — игрушка и раба.
Предельная непредсказуемость
была её законом действия,
Как если б все возможности
ей надо было исчерпать до дна,
Как если б мука и блаженство
были развлеченьем сердца.
В галопе перемен,
с громоподобным грохотом копыт
Она неслась по гоночным аренам
Обстоятельства,
Или металась, не уверенная,
от своих высот к глубинам,
То вознесённая, а то разбитая
на Времени непостоянном колесе.
Средь утомительного ползания
серых, одинаковых желаний
Ей приходилось корчиться
в грязи Природы
словно червь среди червей,
Затем, став высотой с Титана,
она брала всю землю целиком,
как пищу,
Амбициозно, океаны — как одежду,
звёзды — как корону,
И с криками шагала
по гигантским пикам,

Clamouring for worlds to conquer
and to rule.
Then, wantonly enamoured of
Sorrow's face,
She plunged into the anguish of
the depths
And, wallowing, clung to her own
misery.
In dolorous converse with her
squandered self
She wrote the account of all that
she had lost,
Or sat with grief as with an
ancient friend.
A romp of violent raptures soon
was spent,
Or she lingered tied to an
inadequate joy
Missing the turns of fate, missing
life's goal.
A scene was planned for all her
numberless moods
Where each could be the law and
way of life,
But none could offer a pure
felicity;
Only a flickering zest they left
behind
Or the fierce lust that brings a
dead fatigue.
Amid her swift untold variety

Something remained dissatisfied,
ever the same
And in the new saw only a face of
the old,
For every hour repeated all the
rest
And every change prolonged the
same unease.
A spirit of her self and aim unsure,

Крича и требуя миры,
чтоб завоёвывать и править.
Затем, внезапно очарованная
обликом Страдания,
Она ныряла
в боль своих глубин,
Барахтаясь, цеплялась
за своё несчастье.
В печальных объясненьях
со своим транжиром-“я”
Она вела подсчёт всему,
что потеряла,
Или сидела с горем,
словно со старинным другом.
Но шумная игра неистовых восторгов
вскоре истощалась,
Она, бывало, медлила, привязанная
к маленькой несоразмерной радости,
И упускала поворот судьбы,
и упускала смысл жизни.
Такую сцену возвели для
всех её неисчислимых настроений,
Где каждое могло быть
образом, законом жизни,
Но ни одно не предлагало
чистого безоблачного счастья;
Трепещущий лишь привкус
оставался после, или же,
Неистовое вожделение,
несущее смертельную усталость.
Средь быстрого её
невыразимого разнообразия
Всё ж оставалось что-то недовольное,
всегда одно и то же,
И в новом видело
лишь облик прежнего,
Так каждый час всё время
повторял все остальные
И в каждой новой перемене
оставалась та же самая тревога.
Дух, неуверенный в самом себе
и в собственном предназначении,

Tired soon of too much joy and happiness,
She needs the spur of pleasure and of pain
And the native taste of suffering and unrest:
She strains for an end that never can she win.
A perverse savour haunts her thirsting lips:
For the grief she weeps which came from her own choice,

For the pleasure yearns that racked with wounds her breast;
Aspiring to heaven she turns her steps towards hell.

Chance she has chosen and danger for playfellows;

Fate's dreadful swing she has taken for cradle and seat.
Yet pure and bright from the Timeless was her birth,

A lost world-rapture lingers in her eyes,
Her moods are faces of the Infinite:
Beauty and happiness are her native right,

And endless Bliss is her eternal home.

И быстро устающий от излишне
сильной радости и счастья,
Она нуждалась в шпорах
удовольствия и боли,
В привычном вкусе
беспокойства и страдания:
Она стремилась к цели,
что ей не завоевать,
Вкус порчи постоянно был
на жаждущих её губах:
Она рыдала от мучений,
что пришли
по собственному выбору,
Стремилась к удовольствиям,
что ранами пытали грудь,
И начиная подниматься к небесам,
вдруг разворачивала шаг
и отправлялась в ад.
Она избрала случай и опасность
в качестве друзей
по детским играм;
Ужасные шатания судьбы
взяла как колыбель и трон.
Однако чистым, ярким
было некогда её рожденье
из Вневременья,
Утраченный восторг вселенной
до сих пор ещё в её глазах,
Все настроения её —
лишь лики Бесконечного:
Прекрасное и счастье
ей принадлежат по праву
с самого начала,
А бесконечное Блаженство —
вечный дом её.

This now revealed its antique face of joy,
A sudden disclosure to the heart of grief

Таким сейчас открылся
древний облик радости,
Внезапный проблеск
в самом сердце горя,

Tempting it to endure and long
and hope.

Even in changing worlds bereft of
peace,
In an air racked with sorrow and
with fear
And while his feet trod on a soil
unsafe,
He saw the image of a happier
state.
In an architecture of hieratic
Space
Circling and mounting towards
creation's tops,
At a blue height which never was
too high
For warm communion between
body and soul,
As far as heaven, as near as
thought and hope,
Glimmered the kingdom of a
griefless life.
Above him in a new celestial vault

Other than the heavens beheld by
mortal eyes,
As on a fretted ceiling of the gods,

An archipelago of laughter and fire,
Swam stars apart in a rippled sea
of sky.
Towered spirals, magic rings of
vivid hue
And gleaming spheres of strange
felicity
Floated through distance like a
symbol world.
On the trouble and the toil they
could not share,
On the unhappiness they could not
aid,

Толкающий к терпенью,
страстному желанью
и надежде.
И даже в переменчивых мирах,
в которых нет покоя,
И даже в воздухе,
истерзанном страданием и страхом,
Когда его[1] стопы
шагали по нетвёрдой почве,
Он видел образ более счастливой,
радостной страны.
В архитектурном облике
священного Пространства,
Кружащего и восходящего
к вершинам сотворённого,
И в синей высоте, что никогда
не становилась слишком высока
Для тёплого общенья
между телом и душою,
Далёкое, как небеса,
и близкое, как мысли и надежда,
Мерцало царство жизни,
что не знает горя.
Над ним, средь
нового божественного свода
Ином, чем небеса,
что видятся глазами смертного,
Как на украшенном лепниной
потолке богов,
Архипелагом смеха и огня,
В струящихся морях небес
неторопливо плыли звёзды.
Спирали поднимались вверх
и яркие магические кольца цвета,
Мерцающие сферы
странной радости
Текли сквозь расстояния,
как символичный мир.
Тревогу, труд они бы
не сумели разделить,
В несчастье —
не смогли б ничем помочь,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

Impervious to life's suffering,
struggle, grief,
Untarnished by its anger, gloom
and hate,
Unmoved, untouched, looked
down great visioned planes

Blissful for ever in their timeless
right.
Absorbed in their own beauty and
content,
Of their immortal gladness they
live sure.
Apart in their self-glory plunged,
remote

Burning they swam in a vague
lucent haze,
An everlasting refuge of
dream-light,
A nebula of the splendours of the
gods
Made from the musings of
eternity.
Almost unbelievable by human
faith,
Hardly they seemed the stuff of
things that are.

As through a magic television's
glass
Outlined to some magnifying
inner eye

They shone like images thrown
from a far scene
Too high and glad for mortal lids
to seize.
But near and real to the longing
heart
And to the body's passionate
thought and sense

Глухие к горю и страданию,
к сраженью жизни,
И не запятнанные ненавистью,
мраком, гневом,
Смотрели неподвижно,
не затрагиваясь, вниз
великие, всё-видящие планы,
Всегда блаженные,
всегда в их вечной правоте.
Так погрузившись
в собственную красоту и суть,
Они живут, уверенные
в их бессмертной радости.
Особняком, ныряя в славу
внутреннего "я",
уединённые, вдали,
Они плывут, пылая,
по неясной, светлой дымке,
По вечному убежищу
для грезящего света,
Туманностью
великолепия богов,
Что создана из
размышлений вечности.
Почти что неправдоподобные
для веры человека,
С большим трудом
в них можно разглядеть
ткань существующих вещей.
Как на экране некого
магического телевизора,
Очерченные для
всё приближающего
внутреннего взора,
Они сияли, словно образы,
заброшенные из далёкой сцены,
Счастливые и чересчур высокие
для пониманья смертными очами.
Однако и реальные, и близкие
для жаждущего сердца,
Для чувств
и страстных мыслей тела —

Are the hidden kingdoms of beatitude.
In some close unattained realm which yet we feel,

Immune from the harsh clutch of Death and Time,
Escaping the search of sorrow and desire,
In bright enchanted safe peripheries
For ever wallowing in bliss they lie.
In dream and trance and muse before our eyes,

Across a subtle vision's inner field,
Wide rapturous landscapes fleeting from the sight,
The figures of the perfect kingdom pass
And behind them leave a shining memory's trail.
Imagined scenes or great eternal worlds,
Dream-caught or sensed, they touch our hearts with their depths;

Unreal-seeming, yet more real than life,
Happier than happiness, truer than things true,
If dreams these were or captured images,
Dream's truth made false earth's vain realities.

In a swift eternal moment fixed there live

Те скрытые для человека
царства красоты.
В какой-то близкой
недоступной области,
которую мы всё же ощущаем,
Свободные от жёсткой хватки
Времени и Смерти,
Стремясь уйти от
происков печали и желаний,
На ярких безопасных
очарованных окраинах
Они лежат, купаясь вечно
в собственном блаженстве.
Во сне, и в трансе,
и средь размышлений,
перед нашими глазами,
По внутреннему полю
тонкого мистического зрения
Широкие восторженные виды,
ускользая от внимательного взгляда,
Виденья совершенного,
законченного царства —
Проходят, оставляя след
сияющих воспоминаний.
Воображаемые сцены
или вечные великие миры,
Ухваченные в грёзе
или в ощущении,
Они затрагивают наше сердце
собственною глубиной;
Хоть кажутся нам нереальными,
они реальнее чем жизнь,
Счастливее чем счастье,
и вернее самых верных истин,
И даже если б это было грёзой
или же увиденными образами,
То истина той грёзы
превратила б в ложь
Пустые внешние реальности земли.
Застыв в каком-то
быстром вечном миге
жили там,

Or ever recalled come back to
longing eyes

Calm heavens of imperishable
Light,
Illumined continents of violet
peace,
Oceans and rivers of the mirth of
God
And griefless countries under
purple suns.

Или по каждому призыву
возвращались
к жаждущему глазу
Наполненные тишиною небеса
бессмертного, негаснущего Света,
И озаряемые континенты
фиолетовых миров покоя,
И океаны, реки
радости и счастья Бога,
Не знающие горя страны
под пурпурными солнцами.

This, once a star of bright
remote idea
Or imagination's comet trail of
dream,
Took now a close shape of reality.

The gulf between dream-truth,
earth-fact was crossed,

The wonder-worlds of life were
dreams no more;
His vision made all they unveiled
its own:
Their scenes, their happenings met
his eyes and heart
And smote them with pure
loveliness and bliss.
A breathless summit region drew
his gaze
Whose boundaries jutted into a
sky of Self
And dipped towards a strange
ethereal base.
The quintessence glowed of Life's
supreme delight.
On a spiritual and mysterious peak

Всё это, некогда звезда
далёкой ослепительной идеи,
Кометный хвост
воображаемой мечты,
Сейчас приобретало
более реальный облик.
Перешагнув пучину
меж земными фактами
и истиной мечты,
Чудесные те царства жизни
перестали быть мечтами;
Его[1] взгляд превращал в своё
всё то, что ими открывалось:
Их сцены, их события
встречали глаз его и сердце,
И поражали чистой красотою
и блаженством.
Высокая безветренная область
притягивала взгляд,
Её границы уходили
в небо Внутреннего “Я”
И погружались в странную
эфирную основу.
Вся эта квинтэссенция пылала
высшим наслажденьем Жизни.
И на мистическом
духовном пике

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

Only a miracle's high transfiguring line

Divided life from the formless Infinite
And sheltered Time against eternity.
Out of that formless stuff Time mints his shapes;

The Eternal's quiet holds the cosmic act:
The protean images of the World-Force
Have drawn the strength to be, the will to last
From a deep ocean of dynamic peace.
Inverting the spirit's apex towards life,
She spends the plastic liberties of the One
To cast in acts the dreams of her caprice,
His wisdom's call steadies her careless feet,
He props her dance upon a rigid base,
His timeless still immutability

Must standardise her creation's miracle.
Out of the Void's unseeing energies

Inventing the scene of a concrete universe,
By his thought she has fixed its paces, in its blind acts

She sees by flashes of his all-knowing Light.
At her will the inscrutable Supermind leans down

Лишь высшая,
преображающая всё,
граница чуда
Жизнь отделяла от
бесформенного Бесконечного,
От вечности скрывая Время.
Из этого бесформенного вещества
чеканит Время
собственные формы;
Молчанье Вечного несёт в себе
космическое действо:
Изменчивые облики
Всемирной Силы
Черпают силу быть
и волю продолжаться
В глубоком океане
динамичного покоя.
Перевернув вершину духа
и направив к жизни,
Она расходует запас
податливых свобод Единого,
Чтоб бросить в действия
мечты своих капризов;
Его зов мудрости даёт опору
легкомысленным её стопам,
Поддерживает танец жизни
на устойчивой основе;
Его спокойная
вневременная неизменность
Должна поднять на нужный уровень
чудесное её творение.
Придумывая из
слепых энергий Пустоты
Арену для реально существующей
вселенной,
Она скрепила мыслями его
свои шаги,
в идущих наугад делах
Она способна видеть вспышками
его всезнающего Света.
По воле этой Силы
недоступный пониманию Сверхразум

To guide her force that feels but
cannot know,

Its breath of power controls her
restless seas
And life obeys the governing Idea.

At her will, led by a luminous
Immanence
The hazardous experimenting Mind
Pushes its way through obscure
possibles
Mid chance formations of an
unknowing world.

Our human ignorance moves
towards the Truth
That Nescience may become
omniscient,
Transmuted instincts shape to
divine thoughts,
Thoughts house infallible
immortal sight
And Nature climb towards God's
identity.
The Master of the worlds
self-made her slave

Is the executor of her fantasies:

She has canalised the seas of
omnipotence;
She has limited by her laws the
Illimitable.
The Immortal bound himself to do
her works;
He labours at the tasks her
Ignorance sets,

Hidden in the cape of our
mortality.

Склоняется вести её могущество,
что чувствует,
но не способно знать,
Дыхание энергии, что правит
беспокойными её морями,
И жизнь, которая подвластна
направляющей Идее.
По воле этой Силы,
ведомый озарённым Неотъемлемым,
Опасно экспериментирующий Ум
Прокладывает путь
сквозь непонятные возможности
Среди формаций,
что случайно созданы
в неведающем мире.
Невежество людей
идёт по направленью к Истине,
Чтобы Незнание
могло стать всеосознающим,
И изменённые инстинкты стали бы
божественными мыслями,
И в этих мыслях поселился
безошибочный, бессмертный взгляд,
И чтоб Природа поднялась
к тождественности с Богом.
Хозяин всех миров,
который превратил себя
в её раба,
Он — исполнитель
всех её фантазий:
Она направила по руслам
океаны всемогущества
И ограничила законами своими
Беспредельное.
Бессмертный сам себя заставил
выполнять её работы;
Он трудится над целями,
что ставит перед ним
её Невежество,
Скрываемый накидкой
нашей смертности.

The worlds, the forms her goddess fancy makes
Have lost their origin on unseen heights:
Even severed, straying from their timeless source,
Even deformed, obscure, accursed and fallen,-
Since even fall has its perverted joy
And nothing she leaves out that serves delight,-
These too can to the peaks revert or here
Cut out the sentence of the spirit's fall,
Recover their forfeited divinity.

At once caught in an eternal vision's sweep
He saw her pride and splendour of highborn zones
And her regions crouching in the nether deeps.
Above was a monarchy of unfallen self,

Beneath was the gloomy trance of the abyss,
An opposite pole or dim antipodes.
There were vasts of the glory of life's absolutes:
All laughed in a safe immortality

And an eternal childhood of the soul
Before darkness came and pain and grief were born
Where all could dare to be themselves and one

Для всех миров и форм,
что создаёт её
фантазия-богиня,
Источник их теряется
среди невидимых высот:
И даже отделённые, отбившись
от своих вневременных начал,
И даже искажённые, и проклятые,
тёмные и падшие, —
Поскольку и в паденьи есть
своя испорченная радость,
А ведь она не упускает ничего,
что служит для восторга, —
Они способны тоже возвратиться
на свои вершины, или же
Остановить здесь приговор
паденья духа,
Восстановить отнятую у них
божественность.
Однажды уловив
в размахе видения вечного,
Он[1] видел гордость и великолепие
её рождённых в высях зон,
И области, что затаились
в глубине внизу.
Над ним была монархия
не знавшего паденья
внутреннего "я",
Под ним располагался
мрачный транс пучины,
Как противостоящий полюс
или смутный антипод.
Просторы славы абсолютов жизни
расстилались вширь:
Всё радостно смеялось
в безопасности бессмертия
И в вечном детском возрасте души,
Когда ещё не опустилась тьма,
и не родились боль и горе,
Где всё осмеливалось быть единым,
быть самим собой,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

And Wisdom played in sinless innocence
With naked Freedom in Truth's happy sun.

И Мудрость с обнажённою Свободою
в невинности играла,
Не ведая греха,
под ярким и счастливым
солнцем Истины.

There were worlds of her laughter and dreadful irony,
There were fields of her taste of toil and strife and tears;
Her head lay on the breast of amorous Death,
Sleep imitated awhile extinction's peace.
The light of God she has parted from his dark
To test the savour of bare opposites.
Here mingling in man's heart their tones and hues
Have woven his being's mutable design,
His life a forward-rippling stream in Time,
His nature's constant fixed mobility,
His soul a moving picture's changeful film,
His cosmos-chaos of personality.
The grand creatrix with her cryptic touch
Has turned to pathos and power being's self-dream,
Made a passion-play of its fathomless mystery.

Там были целые миры
её[1] язвительной иронии и смеха,
И целые пространства ощущений
от труда, борьбы и слёз;
Она укладывала голову
на грудь влюблённой Смерти,
Сон ненадолго подражал
покою угасания.
Она свет Бога отделила
от его же тьмы,
Чтоб испытать вкус
яростных противоречий.
Смешавшись в сердце человека,
их оттенки и тона
Соткали изменяемую форму
человеческого существа,
И жизнь его — бегущий впереди
поток во Времени,
Устойчивую прочную изменчивость
его природы,
Меняющийся динамичный фильм
картины человеческой души,
И хаотичный космос личности.
Великая богиня-созидательница
своим загадочным касанием
Направила к могуществу и пафосу
мечту существованья о себе,
И превратила в страстную игру
его бездонную мистерию.

But here were worlds lifted half-way to heaven.
The Veil was there but not the Shadowy Wall;
In forms not too remote from human grasp

Но эти царства поднимались к небу
лишь до половины.
Там оставалась некая Вуаль,
пусть и не Тёмная Стена;
В обличьях, что не слишком далеки
от пониманья человеком,

[1] Жизни, *прим.пер.*

Some passion of the inviolate purity
Broke through, a ray of the original Bliss.
Heaven's joys might have been earth's if earth were pure.

There could have reached our divinised sense and heart

Some natural felicity's bright extreme,
Some thrill of Supernature's absolutes:

All strengths could laugh and sport on earth's hard roads

And never feel her cruel edge of pain,

All love could play and nowhere Nature's shame.

But she has stabled her dreams in Matter's courts

And still her doors are barred to things supreme.
These worlds could feel God's breath visiting their tops;

Some glimmer of the Transcendent's hem was there.

Across the white aeonic silences

Immortal figures of embodied joy

Traversed wide spaces near to eternity's sleep.
Pure mystic voices in beatitude's hush

Какой-то пыл
неоскверённой чистоты
Луч изначального Блаженства.
прокладывал свой путь
И радости небес
могли бы стать земными,
если бы земля была чиста.
И наше чувство, сердце,
став обожествлёнными
могли б достичь
Какой-то яркой крайности
естественного счастья,
И трепетанья абсолютов
Сверхприроды:
Все силы бы могли
смеяться и соревноваться
на крутых путях земли
И никогда не чувствовать
её безжалостного лезвия
мучения и боли,
И вся любовь
могла бы здесь играть,
И не было б нигде
стыда Природы.
Но те мечты
она загнала в хлев,
на дальние дворы Материи,
И двери для высокого
пока что остаются на замке.
Но всё же те миры
способны ощутить дыханье Бога,
приходящее к их пикам;
И некий проблеск
края Трансцендентного.
там тоже был.
Сквозь незапятнанность
безмолвия веков,
Бессмертные фигуры
воплощённой радости
Пересекали необъятные пространства
рядом с сонным трансом вечности.
Там чистые мистические голоса
в тиши блаженства

Appealed to Love's immaculate sweetnesses,
Calling his honeyed touch to thrill the worlds,
His blissful hands to seize on Nature's limbs,
His sweet intolerant might of union
To take all beings into his saviour arms,
Drawing to his pity the rebel and the waif
To force on them the happiness they refuse.
A chant hymeneal to the unseen Divine,
A flaming rhapsody of white desire
Lured an immortal music into the heart
And woke the slumbering ear of ecstasy.
A purer, fierier sense had there its home,
A burning urge no earthly limbs can hold;

One drew a large unburdened spacious breath
And the heart sped from beat to rapturous beat.

The voice of Time sang of the Immortal's joy;

An inspiration and a lyric cry,

The moments came with ecstasy on their wings;
Beauty unimaginable moved heaven-bare
Absolved from boundaries in the vasts of dream;

Взывали к безупречной сладости,
которой полон Бог Любви,
И звали, чтоб его медовое касанье
взволновало эти царства,
А полные блаженства руки —
обхватили тело всей Природы,
А сладостное нестерпимое
могущество объединения —
Взяло бы всех существ
в свои спасительные руки,
Прижав к жалеющей груди
бездомного и бунтаря,
И навязало силой
отвергаемое ими счастье.
Там свадебный хорал
незримому Божественному,
Наполненная пламенем
рапсодия о чистой страсти
Бессмертной музыкой
входили в сердце
И пробуждали дремлющее ухо
высшего экстаза.
Иное, ярче, чище, чувство
находило там свой дом,
И жгучий импульс,
что не вынесло бы
ни одно земное тело;
Спускалось необременённое,
широкое, просторное дыхание
И сердце торопилось
от одних восторженных ударов
до других.
Там голос Времени
звенел и пел
о радости Бессмертного
И приходили зов поэзии
и вдохновение,
Мгновения с экстазом
на своих крылах;
Неописуемая красота неслась,
небесно-обнажённая,
Свободная от всех ограничений
по просторам грёз;

The cry of the Birds of Wonder
called from the skies
To the deathless people of the
shores of Light.
Creation leaped straight from the
hands of God;
Marvel and rapture wandered in
the ways.
Only to be was a supreme delight,

Life was a happy laughter of the
soul
And Joy was king with Love for
minister.

The spirit's luminousness was
bodied there.
Life's contraries were lovers or
natural friends
And her extremes keen edges of
harmony:

Indulgence with a tender purity
came
And nursed the god on her
maternal breast:
There none was weak, so
falsehood could not live;
Ignorance was a thin shade
protecting light,
Imagination the free-will of Truth,

Pleasure a candidate for heaven's
fire;
The intellect was Beauty's
worshipper,
Strength was the slave of calm
spiritual law,
Power laid its head upon the
breasts of Bliss.
There were summit-glories
inconceivable,

К бессмертным жителям
на берегах у океана Света
Взывали Фениксы
из поднебесья.
Творение выпрыгивало
прямо из ладоней Бога;
По всем путям гуляли
чудо и восторг.
Лишь только быть —
там становилось
высшим наслаждением,
Жизнь — полным счастья
хохотом души,
И Наслажденье
было там царём,
А Бог Любви — министром.
Там обретала воплощенье
ясность духа.
Противоречья жизни становились
любящими, близкими друзьями,
А крайности её —
отточенным как бритва
лезвием гармонии:
Терпимость приходила
с нежной чистотой
И вскармливала бога
своею материнской грудью:
Там слабых не было ни одного,
и ложь там не смогла бы жить;
Невежество там стало тонкой тенью,
что оберегало свет,
Воображение —
свободной волей Истины,
И удовольствие претендовало
стать огнём небес;
Там интеллект был
почитателем Прекрасного,
Рабынею спокойного духовного закона
оставалась Сила,
Могущество укладывало голову
на грудь Блаженства.
Великолепия вершин
непостижимого,

Autonomies of Wisdom's still
self-rule
And high dependencies of her
virgin sun,
Illumined theocracies of the
seeing soul
Throned in the power of the
Transcendent's ray.
A vision of grandeurs, a dream of
magnitudes
In sun-bright kingdoms moved
with regal gait:

Assemblies, crowded senates of
the gods,
Life's puissances reigned on seats
of marble will,
High dominations and autocracies
And laurelled strengths and armed
imperative mights.
All objects there were great and
beautiful,
All beings wore a royal stamp of
power.
There sat the oligarchies of natural
Law,
Proud violent heads served one
calm monarch brow:

All the soul's postures donned
divinity.
There met the ardent mutual
intimacies
Of mastery's joy and the joy of
servitude
Imposed by Love on Love's heart
that obeys

And Love's body held beneath a
rapturous yoke.
All was a game of meeting
kinglinesses.

И автономии спокойного
само-правленья Мудрости,
Высокие вассалы
её не знавшего паденья солнца,
Наполненные озареньем
теократии всё-видящей души
На троне царствовали
в силе света Трансцендентного.
Видения великого
и грёзы о значительном
Там двигались походкою монархов,
в царствах, полных
солнечного света:
На тронах мраморно-холодной воли
заседали
Сенаты ассамблеи, полные богами,
могучие движенья жизни,
Высокие господства, автократии,
Увенчанные лавром силы,
и властные вооружённые могущества.
Всё было там
великим и прекрасным,
Все существа носили
царские печати силы.
Там восседали олигархии
естественного ясного Закона,
И гордые неистовые головы
служили одному
спокойному челу монарха:
Все состояния души там облачались
в одеяния божественного.
Встречались пылкие,
друг друга обнимающие близости,
И радости владеть,
и радости служить,
Которые Любовь
накладывает на сердца,
что повинуются Любви,
И телу той Любви, что остаётся
под восторженным ярмом.
Всё становилось играми
встречающихся царственностей.

For worship lifts the worshipper's bowed strength

Close to the god's pride and bliss his soul adores:
The ruler there is one with all he rules;
To him who serves with a free equal heart
Obedience is his princely training's school,
His nobility's coronet and privilege,
His faith is a high nature's idiom,

His service a spiritual sovereignty.

There were realms where Knowledge joined creative Power
In her high home and made her all his own:
The grand Illuminate seized her gleaming limbs
And filled them with the passion of his ray
Till all her body was its transparent house

And all her soul a counterpart of his soul.
Apotheosised, transfigured by wisdom's touch,
Her days became a luminous sacrifice;
An immortal moth in happy and endless fire,
She burned in his sweet intolerable blaze.
A captive Life wedded her conqueror.
In his wide sky she built her world anew;

Так поклоненье поднимает
подчинившуюся силу
поклоняющегося
К блаженству, славе божества,
которым восхищается его душа:
Правитель там един со всеми,
кем он правит;
Для тех, кто служит
со свободным, ровным сердцем,
Повиновенье —
царственная школа обучения,
Венок и привилегия
его великодушия,
В нём вера — выражение
его возвышенной природы,
Его служенье —
проявленье власти духа.
Там были области, где Знание
соединялось с творческою Силой
В её высоком доме,
делая её всю целиком своею:
Великий Озарённый
обнимал её мерцающее тело
И наполнял его глубокой страстью
своего луча,
Пока всё тело у неё
не становилось для него
прозрачным домом,
А вся её душа —
лишь копией его души.
Обожествлённые и изменённые
касаньем мудрости,
Её дни стали
светлым жертвоприношением;
Бессмертной мошкой в нескончаемом,
счастливом пламени
Она горела в том его невыносимом,
сладостном сиянии.
Жизнь-пленницу отдали в жёны
за её завоевателя.
В его широких небесах
она выстраивала заново
свой мир;

She gave to mind's calm pace the motor's speed,
To thinking a need to live what the soul saw,

To living an impetus to know and see.
His splendour grasped her, her puissance to him clung;

She crowned the Idea a king in purple robes,

Put her magic serpent sceptre in Thought's grip,

Made forms his inward vision's rhythmic shapes

And her acts the living body of his will.

A flaming thunder, a creator flash,

His victor Light rode on her deathless Force;
A centaur's mighty gallop bore the god.
Life throned with mind, a double majesty.

Worlds were there of a happiness great and grave
And action tinged with dream, laughter with thought,
And passion there could wait for its desire
Until it heard the near approach of God.
Worlds were there of a childlike mirth and joy;
A carefree youthfulness of mind and heart

Спокойной поступи ума
дала энергию мотора,
Для мыслящих существ —
потребность жить всем тем,
что видит их душа,
Живущим —
импульс познавать и видеть.
Он обнимал её своим великолепием,
её могущество старалось
льнуть к нему;
Идее, этому царю
в пурпурных одеяниях
она дала корону,
Вложила свой магический,
увитый змеем, скипетр
в руку Мысли,
И сделала из форм —
его ритмичные фигуры
внутреннего виденья,
А действия свои —
живой основой
для его всесильной воли.
Подобно молнии и грому,
вспышке созидателя,
Его победный Свет смог оседлать
её незнающую смерти Силу;
Могучий и неистовый галоп кентавра
на себе нёс бога.
На троне восседали
жизнь и ум,
двойным величием.
Там были целые миры
глубокого, большого счастья,
И дел, окрашенных мечтой,
и смеха — мыслью,
И страсть могла там
ожидать своих желаний
Пока не станет слышно
приближенье Бога.
Там были целые миры
веселья, детской радости;
Не знавшая заботы
юность сердца и ума

Found in the body a heavenly instrument;
It lit an aureate halo round desire

And freed the deified animal in the limbs
To divine gambols of love and beauty and bliss.
On a radiant soil that gazed at heaven's smile
A swift life-impulse stinted not nor stopped:

It knew not how to tire; happy were its tears.
There work was play and play the only work,
The tasks of heaven a game of godlike might:
A celestial bacchanal for ever pure,
Unstayed by faintness as in mortal frames
Life was an eternity of rapture's moods:
Age never came, care never lined the face.
Imposing on the safety of the stars

A race and laughter of immortal strengths,
The nude god-children in their play-fields ran
Smiting the winds with splendour and with speed;
Of storm and sun they made companions,
Sported with the white mane of tossing seas,
Slew distance trampled to death under their wheels
And wrestled in the arenas of their force.

Встречала в теле
свой небесный инструмент;
И зажигая золотистое гало
вокруг желания,
Она освобождала в теле
обожествлённое животное
Для всех его божественных прыжков
любви, блаженства, красоты.
На излучающей сияние земле,
смотревшей на небесную улыбку,
Живой и быстрый импульс жизни
не встречал ни остановок,
ни преград:
Не знал он, что такое — уставать;
от счастья лишь бывали слёзы.
Работа там была игрой,
игра — единственной работой,
Намеренья небес — забавами
богоподобного могущества:
Небесная вакхическая пляска,
вечно чистая,
Не ограниченная слабостью,
как в смертных рамках,
Жизнь оставалась вечностью
различных настроений восхищения:
И никогда не приходила старость,
никогда забота не морщинила лицо.
Навязывая безопасному
существованью звёзд
Соревнование и смех
бессмертных сил,
Нагие дети-боги проносились
по своим полям для игр,
Охваченные токами
великолепия и скорости;
Они шторма и солнце
делали друзьями,
И состязались с белой гривою
вздымающихся океанов,
Уничтожали расстоянья, попираемые
до смерти под их колёсами,
И бились меж собою
на аренах силы.

Imperious in their radiance like the suns
They kindled heaven with the glory of their limbs
Flung like a divine largess to the world.
A spell to force the heart to stark delight,

They carried the pride and mastery of their charm
As if Life's banner on the roads of Space.
Ideas were luminous comrades of the soul;
Mind played with speech, cast javelins of thought,
But needed not these instruments' toil to know;
Knowledge was Nature's pastime like the rest.

Investitured with the fresh heart's bright ray,
An early God-instinct's child inheritors,
Tenants of the perpetuity of Time

Still thrilling with the first creation's bliss,
They steeped existence in their youth of soul.
An exquisite and vehement tyranny,
The strong compulsion of their will to joy
Poured smiling streams of happiness through the world.
There reigned a breath of high immune content,

A fortunate gait of days in tranquil air,
A flood of universal love and peace.

В своём сияньи властные
как солнца,
Они воспламеняли небеса
своею славой тел,
Бросаемую как
божественную щедрость миру.
Они несли магические чары,
доводящие сердца
до полного восторга,
И власть, и гордость
своего очарования,
Как знамя Жизни
на путях Пространства.
Идеи были светлыми товарищами
их души;
Ум развлекался речью
и бросал, как копья, мысли,
Но труд тех инструментов
был ему не нужен, чтобы знать;
Познанье было лёгким
времяпровождением Природы,
словно отдых.
Окутанные яркими лучами
молодых сердец,
Наследники и дети
изначального инстинкта Бога,
И арендаторы
неограниченных владений Времени,
Ещё дрожа блаженством
нового творения,
Существованье погружали
в юность собственной души.
Утонченная и неистовая тирания,
И полное энергии их воли
принужденье к радости,
Смеющиеся реки счастья
изливались в мир.
Дыхание высокого
свободного согласия
царило там,
Шаги удачных дней
в спокойной атмосфере,
Поток вселенского покоя и любви.

A sovereignty of tireless
sweetness lived
Like a song of pleasure on the lips
of Time.
A large spontaneous order freed
the will,

A sun-frank winging of the soul to
bliss,

The breadth and greatness of the
unfettered act
And the swift fire-heart's golden
liberty.
There was no falsehood of
soul-severance,
There came no crookedness of
thought or word
To rob creation of its native truth;

All was sincerity and natural
force.
There freedom was sole rule and
highest law.

In a happy series climbed or
plunged these worlds:

In realms of curious beauty and
surprise,
In fields of grandeur and of titan
power,
Life played at ease with her
immense desires.
A thousand Edens she could build
nor pause;

No bound was set to her greatness
and to her grace

And to her heavenly variety.
Awake with a cry and stir of
numberless souls,

Их власть неустающей свежести
жила
Как песня наслажденья
на устах у Времени.
Широкий и спонтанно
возникающий порядок
там давал свободу воле,
И солнечно-открытому
крылатому полёту душ
к блаженству,
Величию и широте
раскованного действия,
И золотой свободе
быстрого сердечного огня.
Там не бывало лжи
от разделенья душ,
Туда не приходила
искривлённость мысли или слова
Украсть у сотворённого
его родную истину;
Всё было искренностью
и естественною силой.
Свобода там была —
единственное правило,
закон законов.
Счастливыми рядами
поднимались или погружались
те миры:
В чертогах изощрённой красоты
и удивления,
В полях величия
и титанической огромной силы,
Жизнь с легкостью играла
со своими необъятными желаньями.
Она могла бы выстроить
без передышки
тысячи Эдемов;
И не было границ
ни для её величия,
ни для её изящества,
Ни для её небесного разнообразия.
Проснувшись от призыва
и движения неисчислимых душ,

Arisen from the breast of some deep Infinite,
Smiling like a new-born child at love and hope,
In her nature housing the Immortal's power,
In her bosom bearing the eternal Will,
No guide she needed but her luminous heart:

No fall debased the godhead of her steps,
No alien Night had come to blind her eyes.
There was no use for grudging ring or fence;

Each act was a perfection and a joy.
Abandoned to her rapid fancy's moods
And the rich coloured riot of her mind,
Initiate of divine and mighty dreams,
Magician builder of unnumbered forms
Exploring the measures of the rhythms of God,
At will she wove her wizard wonder-dance,
A Dionysian goddess of delight,
A Bacchant of creative ecstasy.

Поднявшись из груди какой-то
глубочайшей Бесконечности,
И улыбаясь, как новорождённое дитя
в надежде и любви,
В своей природе поселив
могущество Бессмертного,
В своей груди храня всё время
Волю вечного,
Ей там не нужно было
никакого руководства,
кроме света сердца:
И никакое горькое падение
не унижало божество её шагов,
И никакая чуждая ей Ночь
не приходила ослепить её глаза.
Там не было нужды
ни в заграждениях,
ни в хомутах злых чувств;
Любое дело становилось
радостью и совершенством.
Отдавшись настроениям
своей несущейся фантазии,
Богатому и красочному буйству
своего ума,
Познав могучие
небесные мечты,
Волшебница-творец
неисчислимых форм,
Исследуя размеры
ритмов Бога,
Она ткала магический свой чудо-танец
так, как ей хотелось,
Дионисийская богиня наслаждения,
Вакханка созидающих экстазов.

This world of bliss he saw and felt its call,
But found no way to enter into its joy;
Across the conscious gulf there was no bridge.

Он[1] видел этот мир блаженства,
ощущал его призыв,
Но не нашёл пути
войти в ту радость;
В сознании зияла
пропасть без моста.

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

A darker air encircled still his soul
Tied to an image of unquiet life.

In spite of yearning mind and longing sense,
To a sad Thought by grey experience formed
And a vision dimmed by care and sorrow and sleep

All this seemed only a bright desirable dream
Conceived in a longing distance by the heart
Of one who walks in the shadow of earth-pain.
Although he once had felt the Eternal's clasp,
Too near to suffering worlds his nature lived,
And where he stood were entrances of Night.
Hardly, too close beset by the world's care,
Can the dense mould in which we have been made
Return sheer joy to joy, pure light to light.

For its tormented will to think and live
First to a mingled pain and pleasure woke
And still it keeps the habit of its birth:
A dire duality is our way to be.

In the crude beginnings of this mortal world
Life was not nor mind's play nor heart's desire.

Пока что тёмный воздух
оставался окружением его души,
Навязывая образ
беспокойной жизни.
И несмотря на устремлённый ум
и страстное желающее чувство,
Для мрачной Мысли,
порождённой невесёлым опытом,
Для зренья, затуманенного
множеством забот,
страданием и сном,
Всё это виделось
как яркая заветная мечта,
Что поймана
в желанной дали сердцем
Идущего в тени
мучения земли.
Хотя однажды он
почувствовал объятья Вечного,
Его природа слишком близко
находилась от миров страдания,
И там, где он стоял,
виднелись входы в Ночь.
С трудом, так плотно ныне
осаждённая заботой мира,
Та плотная формация,
в которой нас отлили,
Способна радость
возвращать для радости,
и чистый свет для света.
Её мучительная воля
жить и думать
Вначале пробудилась
к смеси удовольствия и боли
И до сих пор хранит
привычку своего рождения:
Ужасный дуализм —
наш способ быть.
В незрелых начинаньях
мира смертных
Жизнь не была ещё игрой ума
или желаньем сердца.

When earth was built in the unconscious Void
And nothing was save a material scene,
Identified with sea and sky and stone

Her young gods yearned for the release of souls
Asleep in objects, vague, inanimate.
In that desolate grandeur, in that beauty bare,
In the deaf stillness, mid the unheeded sounds,
Heavy was the uncommunicated load
Of Godhead in a world that had no needs;
For none was there to feel or to receive.
This solid mass which brooked no throb of sense
Could not contain their vast creative urge:

Immersed no more in Matter's harmony,
The Spirit lost its statuesque repose.
In the uncaring trance it groped for sight,
Passioned for the movements of a conscious heart,
Famishing for speech and thought and joy and love,
In the dumb insensitive wheeling day and night
Hungered for the beat of yearning and response.
The poised inconscience shaken with a touch,

Когда земля лишь создавалась
в неосознающей Пустоте,
И не было там ничего,
за исключением материальной сцены,
Отождествившись
с морем, небом, камнем,
молодые боги Жизни
Стремились дать
свободу душам,
Дремавшим средь неясности,
среди безжизненных объектов.
В том одиночестве величия,
в той обнажённой красоте,
В глухом безмолвии, средь звуков,
что никто не слышал,
О, как же тяжела была
та непередаваемая ноша
Быть Богом в мире,
где не нужно ничего;
И не было там никого,
чтоб воспринять иль ощутить.
Сплошная масса, где не пробивалось
пульса ощущений,
Не в состоянии была вместить
их созидающий
широкий импульс:
Не погружённый более
в гармонию Материи,
Высокий Дух утратил свой
застывший каменный покой.
Он в отстранённом трансе
стал искать возможность видеть,
Желал движений,
сделанных осознающим сердцем
Скучал по речи, мысли,
радости, любви,
В немом бесчувственном круженьи
дня и ночи
Томился по биению
стремления и отклика.
Уравновешенное несознание,
расшатываемое от касания,

The intuitive Silence trembling
with a name,
They cried to Life to invade the
senseless mould
And in brute forms awake
divinity.
A voice was heard on the mute
rolling globe,
A murmur moaned in the
unlistening Void.
A being seemed to breathe where
once was none:

Something pent up in dead
insentient depths,
Denied conscious existence, lost
to joy,
Turned as if one asleep since
dateless time.

Aware of its own buried reality,

Remembering its forgotten self
and right,
It yearned to know, to aspire, to
enjoy, to live.
Life heard the call and left her
native light.
Overflowing from her bright
magnificent plane
On the rigid coil and sprawl of
mortal Space,

Here too the gracious
great-winged Angel poured

Her splendour and her swiftness
and her bliss,
Hoping to fill a fair new world
with joy.
As comes a goddess to a mortal's
breast

Интуитивное Безмолвие,
трепещущее именем,
Они взывали к Жизни
захватить бесчувственную ткань
И в грубых формах
пробудить божественность.
Стал слышен голос
на безмолвной кружащей планете,
И застонал невнятный голос
в той неслушающей Пустоте.
И там, где прежде
не существовал никто,
казалось, задышало существо:
И нечто, заточённое
в бесчувственные мёртвые глубины,
Отвергшее сознательное бытие,
утратившее радость,
Вдруг повернулось,
словно спящий
с незапамятных времен.
Узнав о похороненной
своей реальности,
И вспоминая о своём забытом “я”
и о своих правах,
Оно отныне захотело знать,
стремиться, наслаждаться, жить.
И Жизнь услышала тот зов,
оставила родной, привычный свет.
Она нахлынула из плана
яркой роскоши
На неподатливую суету
и неуклюжесть
смертного Пространства,
И милосердный Ангел,
на огромных крыльях,
тоже изливал сюда
Её великолепье,
скорость и блаженство,
Надеясь радостью наполнить
новый и прекрасный мир.
И как богиня, что приходит
в человеческую грудь

And fills his days with her
celestial clasp,
She stooped to make her home in
transient shapes;
In Matter's womb she cast the
Immortal's fire,
In the unfeeling Vast woke
thought and hope,
Smote with her charm and beauty
flesh and nerve
And forced delight on earth's
insensible frame.
Alive and clad with trees and
herbs and flowers
Earth's great brown body smiled
towards the skies,
Azure replied to azure in the sea's
laugh;
New sentient creatures filled the
unseen depths,

Life's glory and swiftness ran in
the beauty of beasts,
Man dared and thought and met
with his soul the world.
But while the magic breath was on
its way,
Before her gifts could reach our
prisoned hearts,
A dark ambiguous Presence
questioned all.
The secret Will that robes itself
with Night
And offers to spirit the ordeal of
the flesh,
Imposed a mystic mask of death
and pain.
Interned now in the slow and
suffering years
Sojourns the winged and
wonderful wayfarer

И наполняет дни его
своим божественным объятием,
Она склонилась выстроить свой дом
средь преходящих форм;
И бросила огонь Бессмертного
во внутреннее лоно, чрев Материи,
В бесчувственном Просторе
разбудила мысли и надежду,
Своим очарованием и красотой
ударила по плоти и по нерву,
И навязала наслаждение
бесчувственному остову земли.
Ожившее, одетое в деревья,
травы и цветы,
Земли огромное коричневое тело
улыбалось небесам,
Лазурь лазури отвечала
в смехе моря; а потом —
Неведомые новые,
умеющие чувствовать создания
заполнили незримые глубины,
Великолепие и скорость Жизни
проявилась в красоте зверей,
И человек осмелился, стал мыслить
и встречать своей душою мир.
Однако же, дыханье этой магии
пока что было только на пути,
И прежде, чем её[1] дары достигли
наших, заточённых в камеры сердец,
Двусмысленное тёмное Присутствие
подвергло всё сомнению.
Таинственная Воля,
что себя окутывает в Ночь
И предлагает духу тяжкое
мучительное испытанье плоти,
Сумела навязать мистическую маску
смерти и страдания.
Теперь, пленённая в мучительные,
медленные годы,
Живёт крылатая
и удивительная странница,
как временная гостья,

[1] Жизни, *прим.пер.*

And can no more recall her
happier state,
But must obey the inert
Inconscient's law,
Insensible foundation of a world
In which blind limits are on
beauty laid
And sorrow and joy as struggling
comrades live.
A dim and dreadful muteness fell
on her:
Abolished was her subtle mighty
spirit
And slain her boon of child-god
happiness,
And all her glory into littleness
turned
And all her sweetness into a
maimed desire.
To feed death with her works is
here life's doom.
So veiled was her immortality that
she seemed,

Inflicting consciousness on
unconscious things,
An episode in an eternal death,

A myth of being that must for ever
cease.
Such was the evil mystery of her
change.

End of Canto Three

И больше не способна возвратиться
к состоянью счастья,
И вынуждена подчинять себя
инертному закону Несознанья,
Бесчувственному основанью мира,
Где красота лежит под тяжестью
слепых ограничений,
А радость и страдание живут
как два сражающихся друга.
Неясная и ужасающая немота
упала на неё[1]:
Был упразднён
её могучий тонкий дух,
Убит был дар в ней
детского божественного счастья,
И всё её великолепие
обращено в ничто,
Вся сладость —
в изувеченные облики желания.
Питать своей работой смерть —
такой сейчас удел для жизни.
И так её бессмертье
стало скрыто ото всех,
что кажется она,
Сознание навязывая
несознательным вещам,
Лишь эпизодом
в вечной смерти,
Лишь мифом бытия,
что должен навсегда исчезнуть.
Такой была недобрая мистерия
произошедшей с нею перемены.

Конец третьей песни

[1] Жизнь, *прим.пер.*

Book Two
THE BOOK OF THE
TRAVELLER OF THE
WORLDS

Canto IV
THE KINGDOMS OF THE
LITTLE LIFE

A quivering trepidant uncertain
world
Born from that dolorous meeting
and eclipse
Appeared in the emptiness where
her feet had trod,
A quick obscurity, a seeking stir.

There was a writhing of
half-conscious force
Hardly awakened from the
Inconscient's sleep,
Tied to an instinct-driven
Ignorance,
To find itself and find its hold on
things.
Inheritor of poverty and loss,
Assailed by memories that fled
when seized,
Haunted by a forgotten uplifting
hope,
It strove with a blindness as of
groping hands
To fill the aching and disastrous gap
Between earth-pain and the bliss
from which Life fell.

Книга Вторая
КНИГА
ПУТЕШЕСТВЕННИКА
ПО МИРАМ

Песня IV
ЦАРСТВА
МАЛОЙ ЖИЗНИ

Трепещущий, тревожный,
ненадёжный мир,
Родившийся от той
печальной встречи и затмения[1],
Возник в пустом пространстве,
где прошла её[2] стопа,
Бегущий торопливый сумрак,
ищущая суета.
Там были корчи
полусознающей силы,
С трудом встающей
от дремоты Несознания,
Привязанной к ведомому инстинктами
Невежеству,
Желающей найти себя
и власть над окружением.
Наследница утрат и нищеты,
Под натиском воспоминаний,
что улетают от прикосновения,
Гонимая забытой
и встающей вновь надеждой,
Она рвалась вслепую,
ощупью заполнить
Мучительную гибельную брешь
Меж болью всей земли
и тем блаженством,
из которого она упала.

[1] Встреча Жизни с тёмным Присутствием в конце предыдущей песни, *прим.пер.*
[2] Жизни, *прим.пер.*

A world that ever seeks for
something missed,
Hunts for the joy that earth has
failed to keep.

Too near to our gates its
unappeased unrest
For peace to live on the inert solid
globe:
It has joined its hunger to the
hunger of earth,
It has given the law of craving to
our lives,

It has made our spirit's need a
fathomless gulf.
An Influence entered mortal night
and day,
A shadow overcast the time-born
race;
In the troubled stream where leaps
a blind heart-pulse
And the nerve-beat of feeling
wakes in sense
Dividing Matter's sleep from
conscious Mind,
There strayed a call that knew not
why it came.
A Power beyond earth's scope has
touched the earth;

The repose that might have been
can be no more;
A formless yearning passions in
man's heart,
A cry is in his blood for happier
things:
Else could he roam on a free sunlit
soil
With the childlike pain-forgetting
mind of beasts

Мир, постоянно ищущий
утерянное нечто,
Всё время гонится за радостью,
которую земля
не может удержать.
Но слишком близко с нашими вратами
его неутолившееся беспокойство,
Чтобы мирно жить на этой
косной основательной планете:
Он слил свой голод
с голодом земли,
Он навязал пристрастий,
страстного желанья
нашим жизням,
Он превратил необходимость духа
в необъятную пучину.
Какое-то Влияние проникло
в дни и ночи смертных
И тень накрыла расу,
временем рождённую;
В том взбаламученном течении,
где прыгает слепой пульс сердца
И нервное биенье чувства
просыпается средь ощущений,
Что отделяют сон Материи
от сознающего Ума,
Блуждал призыв, не знающий,
откуда он пришёл.
Земли коснулась Сила
за пределами
земного понимания;
Покоя, что бывал когда-то,
ныне быть уж не могло;
Неясная стремящаяся страсть
есть в сердце человека,
Призыв в его крови к чему-то
более счастливому:
Иначе он бродил бы
по свободной, солнечной земле
С невинным, забывающим страдание
умом зверей,

Or live happy, unmoved, like flowers and trees.

The Might that came upon the earth to bless,
Has stayed on earth to suffer and aspire.
The infant laugh that rang through time is hushed:

Man's natural joy of life is overcast
And sorrow is his nurse of destiny.
The animal's thoughtless joy is left behind,
Care and reflection burden his daily walk;
He has risen to greatness and to discontent,
He is awake to the Invisible.
Insatiate seeker, he has all to learn:

He has exhausted now life's surface acts,
His being's hidden realms remain to explore.

He becomes a mind, he becomes a spirit and self;

In his fragile tenement he grows Nature's lord.
In him Matter wakes from its long obscure trance,
In him earth feels the Godhead drawing near.
An eyeless Power that sees no more its aim,
A restless hungry energy of Will,

Или, возможно, жил,
счастливый, неподвижный,
как деревья и цветы.
Могущество, пришедшее на землю
дать блаженство,
Осталось на земле
стремиться и страдать.
И детский смех,
звеневший на просторах времени,
затих:
Естественная радость жизни человека
затянулась тучей,
А горе стало для него
кормилицей судьбы.
Беспечность радости животного
осталась позади,
Забота, размышленье сделали
тяжёлой поступь дней;
Он вырос до величия
и недовольства,
Он пробудился для Незримого.
Искатель, ненасытный ко всему,
он обладал всем миром,
чтоб учиться:
Он исчерпал поверхностное
действо жизни,
Но оставались неизученные
скрытые пространства
собственного существа.
Он стал умом,
он превратился в дух
и внутреннее “я”;
В своем недолговечном хрупком доме
он растит хозяина Природы.
Материя в нём просыпается
от долгого глухого транса,
Земля в нём ощущает Божество,
которое всё ближе.
Безглазое Могущество,
не видящее больше цели,
Неугомонная, голодная энергия
высокой Воли — Жизнь

Life cast her seed in the body's indolent mould;
It woke from happy torpor a blind Force
Compelling it to sense and seek and feel.
In the enormous labour of the Void
Perturbing with her dreams the vast routine
And dead roll of a slumbering universe
The mighty prisoner struggled for release.
Alive with her yearning woke the inert cell,
In the heart she kindled a fire of passion and need,
Amid the deep calm of inanimate things
Arose her great voice of toil and prayer and strife.

A groping consciousness in a voiceless world,
A guideless sense was given her for her road;

Thought was withheld and nothing now she knew,
But all the unknown was hers to feel and clasp.

Obeying the push of unborn things towards birth

Out of her seal of insentient life she broke:

In her substance of unthinking mute soul-strength

Бросает семена
в ленивую ткань тела
И будит от счастливого оцепенения
слепую Силу,
И заставляет чувствовать,
искать, воспринимать.
Среди огромного труда,
усилий Пустоты,
Вводя в смятение своими грёзами
безбрежную рутину
И мёртвое вращенье
дремлющей вселенной,
Могучий узник
пробивался на свободу.
Ожив от этого её[1] стремленья,
от инерции проснулась клетка,
Она зажгла огонь
необходимости и страсти в сердце,
Среди глубокого
покоя неодушевлённого
Возник её великий голос
тяжкого труда,
молитвы и борьбы.
Сознание, что ищет наугад
в безмолвном мире,
Неуправляемое чувство
было ей дано
для долгого пути;
Остановилась мысль,
и ничего сейчас она не знала,
Но всё, неведомое,
оставалось у неё,
чтоб ощутить, объять.
И подчиняясь натиску
из сферы нерождённого,
ведущему к рождению,
Сломав печать
нечувствующей жизни
вырвалась она:
В её субстанции
немого и бездумного
могущества души,

[1] Жизни, *прим.пер.*

That cannot utter what its depths divine,
Awoke a blind necessity to know.
The chain that bound her she made her instrument;
Instinct was hers, the chrysalis of Truth,
And effort and growth and striving nescience.
Inflicting on the body desire and hope,
Imposing on inconscience consciousness,
She brought into Matter's dull tenacity
Her anguished claim to her lost sovereign right,
Her tireless search, her vexed uneasy heart,
Her wandering unsure steps, her cry for change.
Adorer of a joy without a name,
In her obscure cathedral of delight
To dim dwarf gods she offers secret rites.
But vain unending is the sacrifice,
The priest an ignorant mage who only makes
Futile mutations in the altar's plan
And casts blind hopes into a powerless flame.
A burden of transient gains weighs down her steps
And hardly under that load can she advance;

Что не способно выразить,
насколько глубина её божественна,
Стряхнула сон слепая, сильная необходимость знать.
Из тех цепей, которыми её сковали,
она себе создала инструмент;
Инстинкт был у неё,
зародыш Истины,
Усилие, и рост,
и устремлённое незнание.
Навязывая телу
желанье и надежду,
Сознанье наложив
на несознательное,
Она внесла в упрямое
сопротивление Материи
Свои, в мученьях выстраданные
претензии на право власти,
утраченное ею.
Свой неустанный поиск,
беспокойное, взволнованное сердце,
Свои блуждающие и нетвёрдые шаги,
свои призывы к изменению.
Благоговея перед
радостью без имени,
В своём неясном
храме наслаждения
Она служила тайные обряды
тусклым карликам-богам.
Но нескончаема,
напрасна эта жертва,
И жрец — невежественный маг,
который только совершает
Бесплодные перестановки
в схеме алтаря,
Бросая ослеплённые надежды
в круг бессильного огня.
Груз скоротечной выгоды
утяжеляет шаг её
И всё труднее с этой ношей
продвигаться дальше;

But the hours cry to her, she travels on
Passing from thought to thought, from want to want;
Her greatest progress is a deepened need.
Matter dissatisfies, she turns to Mind;
She conquers earth, her field, then claims the heavens.

Insensible, breaking the work she has done
The stumbling ages over her labour pass,
But still no great transforming light came down

And no revealing rapture touched her fall.
Only a glimmer sometimes splits mind's sky
Justifying the ambiguous providence
That makes of night a path to unknown dawns
Or a dark clue to some diviner state.
In Nescience began her mighty task,
In Ignorance she pursues the unfinished work,
For knowledge gropes, but meets not Wisdom's face.

Ascending slowly with unconscious steps,
A foundling of the Gods she wanders here
Like a child-soul left near the gates of Hell

Но время посылает ей свой зов,
она идёт вперёд,
Переходя от мысли к мысли,
от желания к желанию;
И высший уровень прогресса
для неё — глубокая необходимость.
Её уже не радует Материя,
теперь она обращена к Уму;
Она завоевала землю,
как своё владение
и требует небес.
Бесчувственные, разрушающие
плод её работ, века
Шли, спотыкаясь
над её трудами,
Но никакой великий
и меняющий всё свет
пока не сходит вниз,
И никакой освобождающий восторг
её паденья не коснулся.
Лишь слабый проблеск, временами,
разрывает небеса ума,
Оправдывая то
двусмысленное провидение,
Что делает из ночи
путь к неведомым рассветам,
Иль тёмный ключ к какому-то
божественному состоянию.
В Неведении началось
её могучее предназначенье,
В Невежестве она старается закончить
свой незавершённый труд,
Она наощупь ищет знание,
но лика Мудрости
ещё не повстречала.
Не торопясь, несознающими шагами
поднимаясь вверх,
Она скитается
подкидышем Богов,
Как детская душа,
оставленная рядом
с дверью в Ад,

Fumbling through fog in search of Paradise.

In this slow ascension he must follow her pace

Even from her faint and dim subconscious start:
So only can earth's last salvation come.

For so only could he know the obscure cause
Of all that holds us back and baffles God
In the jail-delivery of the imprisoned soul.
Along swift paths of fall through dangerous gates
He chanced into a grey obscurity

Teeming with instincts from the mindless gulfs
That pushed to wear a form and win a place.

Life here was intimate with Death and Night

And ate Death's food that she might breathe awhile;
She was their inmate and adopted waif.
Accepting subconscience, in dumb darkness' reign
A sojourner, she hoped not any more.

There far away from Truth and luminous thought

И пробираясь сквозь туман,
отыскивает Рай.

В том медленном подъёме
Ашвапати приходилось
повторять её шаги
От самого её неясного и неотчётливого
старта в подсознании:
Ведь только так
способно к нам придти
последнее спасение земли.
И только так он мог понять
далёкую и тёмную причину
Всего, что тянет нас назад,
мешая Богу
Освободить из заключения
попавшую в темницу душу.
По быстрому пути падения,
пройдя опасные врата
Рискнул войти он
в некий серый мрак,
Наполненный инстинктами
бессмысленных пучин,
Что заставляют принимать
какой-то облик,
воевать за место.
Здесь Жизнь была
ближайшим другом
Смерти и Ночи
И ела пищу Смерти, чтоб
хоть как-то здесь дышать;
Она была их узницей
и взятой беспризорницой.
Вбирая подсознание,
как временный жилец,
В чертогах бессловесной тьмы,
она и не надеялась
на что-то больше.
Там, вдалеке от Истины
и светлой мысли,

He saw the original seat, the separate birth
Of the dethroned, deformed and suffering Power.
An unhappy face of falsity made true,
A contradiction of our divine birth,
Indifferent to beauty and to light,

Parading she flaunted her animal disgrace

Unhelped by camouflage, brutal and bare,
An authentic image recognised and signed
Of her outcast force exiled from heaven and hope,
Fallen, glorying in the vileness of her state,
The grovel of a strength once half divine,
The graceless squalor of her beast desires,
The staring visage of her ignorance,
The naked body of her poverty.

Here first she crawled out from her cabin of mud
Where she had lain inconscient, rigid, mute:
Its narrowness and torpor held her still,
A darkness clung to her uneffaced by Light.
There neared no touch redeeming from above:

Увидел он[1] и изначальный трон,
и отделившее её рождение
Низвергнутой, страдающей
и искажённой Силы.
В безрадостном обличьи лжи,
что стала правдой,
Идущая вразрез
с божественным рожденьем человека,
И безразличная
к прекрасному и свету,
Она вышагивала,
словно на параде,
Показывая всем
животный свой позор,
Не скрытый больше камуфляжем,
грубый, оголённый,
Свой настоящий лик,
осознанный и принятый,
Её бездомной силы,
изгнанной из неба и надежды,
Что упивается своим падением
и низким состоянием,
И унижает некогда
полубожественную силу,
Бесстыдное убожество
её звериного желания,
Кричащее обличие
её невежества,
И оголившееся тело
нищеты.
Из этих мест она впервые
выползла из хижины в грязи,
Там, где лежала, бессознательная,
жёсткая, немая:
Оцепенение и узость продолжали
властвовать над ней,
И прилипала тьма,
не растворяемая Светом.
Прикосновение высот,
дающее спасение,
туда не доходило:

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

The upward look was alien to her sight,
Forgotten the fearless godhead of her walk;
Renounced was the glory and felicity,
The adventure in the dangerous fields of Time:
Hardly she availed, wallowing, to bear and live.

Взгляд, обращённый вверх
был чужд её глазам,
Бесстрашная божественность
её походки — позабыта;
Отвергнуты великолепие
и счастье,
Рискованное путешествие
в опасных сферах Времени:
С трудом, барахтаясь,
ей удавалось там,
терпеть и выживать.

A wide unquiet mist of seeking Space,
A rayless region swallowed in vague swathes,
That seemed, unnamed, unbodied and unhoused,
A swaddled visionless and formless mind,
Asked for a body to translate its soul.
Its prayer denied, it fumbled after thought.
As yet not powered to think, hardly to live,

Широкий, беспокоящий туман
в том ищущем Пространстве,
Край без единого луча,
затянутый неясными покровами,
Казался, безымянный,
бестелесный, и бездомный,
Спеленатым невидящим
бесформенным умом,
Просившим тела
ради воплощения своей души.
Его молитва отвергалась,
он искал наощупь мысль.
Пока ещё не наделённый
силой думать
Да и живущий,
в общем-то, с трудом,

It opened into a weird and pigmy world
Where this unhappy magic had its source.
On dim confines where Life and Matter meet
He wandered among things half-seen, half-guessed,
Pursued by ungrasped beginnings and lost ends.

Он открывался в странный,
карликовый мир,
Где был источник этой
несчастливой магии.
На призрачных границах
встречи Жизни и Материи,
Он[1] шёл среди вещей
наполовину видимых,
наполовину лишь угаданных,
Преследуемый
еле уловимыми началами,
и исчезавшими концами.

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

There life was born but died
before it could live.

There was no solid ground, no
constant drift;
Only some flame of mindless Will
had power.
Himself was dim to himself,
half-felt, obscure,
As if in a struggle of the Void to
be.

In strange domains where all was
living sense

But mastering thought was not nor
cause nor rule,
Only a crude child-heart cried for
toys of bliss,
Mind flickered, a disordered
infant glow,
And random shapeless energies
drove towards form
And took each wisp-fire for a
guiding sun.
This blindfold force could place
no thinking step;

Asking for light she followed
darkness' clue.
An inconscient Power groped
towards consciousness,
Matter smitten by Matter
glimmered to sense,
Blind contacts, slow reactions beat
out sparks
Of instinct from a cloaked
subliminal bed,
Sensations crowded, dumb
substitutes for thought,
Perception answered Nature's
wakening blows

Там зародилась жизнь,
но сразу же погибла,
прежде, чем сумела выжить.
Там не было ни твёрдой почвы,
ни устойчивых течений;
И лишь огонь бездумной Воли
обладал какой-то силой.
Он стал неясным самому себе,
наполовину ощущаемым и смутным,
Как будто он попал
в сраженье Пустоты
за то, чтоб просто быть.
В тех странных областях,
где превращалось всё
в живое чувство,
А правящая мысль не стала
ни причиною, ни правилом,
Лишь детское неразвитое сердце
убивалось по игрушкам счастья,
Мерцала мысль,
неупорядоченный пыл младенца,
Случайные аморфные энергии
тянулись к форме
И принимали каждый язычок огня
за направляющее солнце.
Слепая эта сила не могла бы
сделать даже одного
обдуманного шага;
Она просила света,
следуя за ходом мыслей тьмы.
Несознающее Могущество
наощупь двигалось к сознанию,
Материя в ударах об Материю
выхватывала проблеск чувства,
Неспешные реакции, касания
вслепую выбивали
Из скрытого и засознательного слоя
искорки инстинкта,
Толпились ощущения,
немые заменители для мысли,
И восприятье отвечало
пробуждающим биениям Природы,

But still was a mechanical response,
A jerk, a leap, a start in Nature's dream,
And rude unchastened impulses jostling ran
Heedless of every motion but their own
And, darkling, clashed with darker than themselves,

Free in a world of settled anarchy.

The need to exist, the instinct to survive

Engrossed the tense precarious moment's will
And an unseeing desire felt out for food.
The gusts of Nature were the only law,
Force wrestled with force, but no result remained:
Only were achieved a nescient grasp and drive
And feelings and instincts knowing not their source,
Sense-pleasures and sense-pangs soon caught, soon lost,

And the brute motion of unthinking lives.
It was a vain unnecessary world

Whose will to be brought poor and sad results
And meaningless suffering and a grey unease.

Но оставалось только механическим ответом,
Толчком, прыжком, началом в сне Природы,
Толкаясь, проносились грубые несдержанные импульсы,
Небрежные ко всякому движенью, кроме своего,
И, становясь чернее, налетали на того,
Кто был ещё чернее, чем они,
Свободные в том мире устоявшейся анархии.
Необходимость как-то здесь существовать,
инстинкты выжить,
Завладевали волей напряжённого опасного момента
И слепо видящим желаньем, чувствовавшем пищу.
Природные порывы были там единственным законом,
Боролась сила с силой, но без результата:
Они лишь добивались восприятия без понимания,
Движенья, ощущений и инстинктов, что не ведают своей причины,
Чувств-наслаждений, чувств-страданий,
Что быстро приходили, быстро уходили,
И грубого движения бездумных жизней.
Он был пустым, ненужным миром,
В котором воля быть дала убогие, печальные плоды,
Бессмысленные муки, сумрачное беспокойство.

Nothing seemed worth the labour
to become.

But judged not so his spirit's
wakened eye.

As shines a solitary witness star

That burns apart, Light's lonely
sentinel,
In the drift and teeming of a
mindless Night,
A single thinker in an aimless
world
Awaiting some tremendous dawn
of God,
He saw the purpose in the works
of Time.
Even in that aimlessness a work
was done
Pregnant with magic will and
change divine.
The first writhings of the cosmic
serpent Force
Uncoiled from the mystic ring of
Matter's trance;
It raised its head in the warm air
of life.
It could not cast off yet Night's
stiffening sleep
Or wear as yet mind's
wonder-flecks and streaks,

Put on its jewelled hood the crown
of soul
Or stand erect in the blaze of
spirit's sun.

As yet were only seen foulness
and force,

Казалось, что ничто
не стоило того труда,
чтоб этот мир мог появиться.

Но пробудившееся око
духа Ашвапати
всё оценивало по-другому.
Сияя как уединённая
звезда-свидетель,
Пылая в отдаленьи
одиноким стражем Света,
В кишении и медленном течении
бездумной Ночи,
Единственный мыслитель
в том бесцельном мире,
Что ожидал какого-то
огромного рассвета Бога,
Он видел смысл
в работах Времени.
И даже в той бесцельности
свершалась некая работа
Несущая в себе магическую волю
и божественную перемену.
Змеиная космическая Сила
в самых первых корчах,
Освобождалась из мистичного кольца
вошедшей в транс Материи;
И поднимала голову
в той тёплой атмосфере жизни.
Пока что ей не удавалось
снять с себя оцепененье сна Ночи,
Носить, как прежде,
чудные прожилки
и вкрапления ума,
Надеть на свой алмазный капюшон
венец души,
Иль выпрямившись, встать
под ослепительным сияньем
солнца духа.
Пока что в ней видна была
лишь грязь и сила,

The secret crawl of consciousness
to light
Through a fertile slime of lust and
battening sense,
Beneath the body's crust of
thickened self
A tardy fervent working in the
dark,
The turbid yeast of Nature's
passionate change,
Ferment of the soul's creation out
of mire.
A heavenly process donned this
grey disguise,
A fallen ignorance in its covert
night
Laboured to achieve its dumb
unseemly work,
A camouflage of the Inconscient's
need
To release the glory of God in
Nature's mud.
His sight, spiritual in embodying
orbs,

Could pierce through the grey
phosphorescent haze
And scan the secrets of the
shifting flux
That animates these mute and
solid cells
And leads the thought and longing
of the flesh
And the keen lust and hunger of
its will.
This too he tracked along its
hidden stream
And traced its acts to a miraculous
fount.
A mystic Presence none can probe
nor rule,

И скрытое движение ползком
сознанья к свету
Сквозь плодородный ил из чувства
насыщения и вожделения,
Неторопливая и жаркая работа
в темноте
Укрытая телесной коркой
подрастающего "я",
И мутное брожение
страстных перемен Природы,
Фермент творения души
из грязи.
Божественный процесс,
одевший эту сумрачную маску,
И падшее невежество
в сокрытой ночи
Стремилось выполнить свою
безмолвную и неприглядную работу,
Построить камуфляж
нужд Несознания,
Освободить великолепье Бога
из болот Природы.
Взгляд Ашвапати,
остающийся духовным
и в телесной оболочке,
Мог проникать сквозь
серую мерцающую дымку
И видеть все секреты
переменчивого, зыбкого потока,
Что оживляет эти
плотные, немые клетки
И направляет мысль,
и устремленье плоти,
И острый импульс вожделения,
и жажду воли.
Всё это тоже видел он
и через скрытое течение
Смог проследить, как действует оно,
до самого чудесного источника.
Мистическое тайное Присутствие,
которое никто не может
ни исследовать, ни направлять,

Creator of this game of ray and shade

In this sweet and bitter
paradoxical life,
Asks from the body the soul's
intimacies
And by the swift vibration of a nerve

Links its mechanic throbs to light
and love.
It summons the spirit's sleeping
memories
Up from subconscient depths
beneath Time's foam;

Oblivious of their flame of happy
truth,
Arriving with heavy eyes that
hardly see,
They come disguised as feelings
and desires,
Like weeds upon the surface float
awhile
And rise and sink on a
somnambulist tide.
Impure, degraded though her
motions are,
Always a heaven-truth broods in
life's deeps;
In her obscurest members burns
that fire.
A touch of God's rapture in
creation's acts,
A lost remembrance of felicity

Lurks still in the dumb roots of
death and birth,
The world's senseless beauty
mirrors God's delight.
That rapture's smile is secret
everywhere;
It flows in the wind's breath, in the
tree's sap,

Создатель той игры
луча и тени
В парадоксальной, сладостной
и горькой нашей жизни
От тела просит
близости с душой,
И через быстрые вибрации,
идущие по нервам,
Соединяет механичные биения
со светом и любовью.
Он призывает спящие
воспоминанья духа
Подняться вверх
из подсознательных глубин
под пеной Времени;
Забыв о пламени
своей счастливой истины,
Входя с тяжёлыми глазами,
видя всё с трудом,
Они приходят к нам
под маской чувства и желания,
Как сорная трава,
что проплывает по поверхности,
И поднимаются, и опускаются на дно
в сомнамбулическом течении.
Хотя движенья жизни нечисты,
пришли в упадок,
Она всегда, в своих глубинах,
носит истину небес;
И даже в самых тёмных элементах
в ней пылает тот огонь.
Касание восторга Бога
в творческих делах,
Потерянное некогда
воспоминанье счастья
Таятся до сих пор в немых корнях
рождения и смерти,
Бесчувственная красота вселенной
отражает восхищенье Бога.
Улыбка этого восторга
тайно есть повсюду;
Восторг течёт в дыхании ветров,
в соку деревьев,

Its hued magnificence blooms in leaves and flowers.
When life broke through its half-drowse in the plant
That feels and suffers but cannot move or cry,
In beast and in winged bird and thinking man
It made of the heart's rhythm its music's beat;
It forced the unconscious tissues to awake
And ask for happiness and earn the pang
And thrill with pleasure and laughter of brief delight,
And quiver with pain and crave for ecstasy.
Imperative, voiceless, ill-understood,
Too far from light, too close to being's core,

Born strangely in Time from the eternal Bliss,

It presses on heart's core and vibrant nerve;
Its sharp self-seeking tears our consciousness;
Our pain and pleasure have that sting for cause:
Instinct with it, but blind to its true joy
The soul's desire leaps out towards passing things.
All Nature's longing drive none can resist,
Comes surging through the blood and quickened sense;
An ecstasy of the infinite is her cause.

Его великолепие оттенков
раскрывается в цветах и листьях.
Когда жизнь прорвалась
сквозь полусон в растении,
Что ощущает и страдает,
но не может двинуться и крикнуть,
В крылатой птице, в звере,
в думающем человеке,
Восторг из ритма сердца
сотворил биенье музыки;
Восторг заставил просыпаться
бессознательные ткани,
Просить о счастье,
получать удары боли,
И трепетать от удовольствия
и смеха краткой радости,
Дрожать от мук
и вожделеть экстаза.
Беззвучный, настоятельный
и плохо понимаемый,
Лежащий слишком далёко
от света,
И слишком близко
к сердцевине бытия,
Рождённый странным образом
во Времени
от вечного Блаженства,
Он давит в центре сердца,
давит на вибрирующий нерв;
Его пронзительные поиски себя
врываются в сознание;
Причина наших удовольствий
и страданий — это жало:
Наполненное инстинктивным чувством,
но слепое к настоящей радости,
Души желанье прыгает
навстречу преходящему.
Стремящаяся сила всей Природы,
перед которой невозможно устоять,
Приходит, поднимаясь через кровь,
и оживляет чувство;
Экстаз из бесконечности —
её причина.

It turns in us to finite loves and lusts,
The will to conquer and have, to seize and keep,
To enlarge life's room and scope and pleasure's range,
To battle and overcome and make one's own,
The hope to mix one's joy with others' joy,
A yearning to possess and be possessed,

To enjoy and be enjoyed, to feel, to live.

Here was its early brief attempt to be,

Its rapid end of momentary delight

Whose stamp of failure haunts all ignorant life.

Inflicting still its habit on the cells

The phantom of a dark and evil start

Ghostlike pursues all that we dream and do.

Although on earth are firm established lives,

A working of habit or a sense of law,
A steady repetition in the flux,
Yet are its roots of will ever the same;
These passions are the stuff of which we are made.
This was the first cry of the awaking world.

Для нас он превращается
в конечную любовь и вожделения,
В желание завоевать, иметь,
схватить и удержать,
Расширить область и пределы жизни,
сферу наслаждений,
В желание сражаться, побеждать,
и превращать в своё,
В надежду собственную радость
влить в потоки радости других,
В стремленье обладать
и отдавать себя
во власть другого,
В стремленье наслаждаться самому
и быть источником для наслажденья,
чувствовать и жить.
С тех пор как здесь случилась
первая его короткая
попытка быть,
Тот быстрый, неожиданный конец
минутного восторга,
Своей печатью неудачи
отмечает нашу жизнь
в невежестве.
Навязывая тихо клеткам тела
новые свои привычки,
Фантом недоброго
и тёмного начала,
Подобно призраку преследует то,
над чем мы трудимся,
о чём мечтаем.
И несмотря на то, что на земле,
есть прочные
и устоявшиеся жизни,
Работа сформированной привычки
или ощущение закона,
Устойчивая повторяемость в потоке,
Однако корни их — желание,
которое всегда одно и то же;
И эти страсти есть та масса,
из которой мы сотворены.
Желанье было первым криком
просыпавшегося мира.

It clings around us still and clamps the god.

Even when reason is born and soul takes form,
In beast and reptile and in thinking man
It lasts and is the fount of all their life.
This too was needed that breath and living might be.

The spirit in a finite ignorant world
Must rescue so its prisoned consciousness

Forced out in little jets at quivering points

From the Inconscient's sealed infinitude.
Then slowly it gathers mass, looks up at Light.
This Nature lives tied to her origin,
A clutch of nether force is on her still;
Out of unconscious depths her instincts leap;

A neighbour is her life to insentient Nought.
Under this law an ignorant world was made.

Оно по-прежнему
цепляется за нас везде
и зажимает бога.
Хотя потом рождается рассудок
и душа приобретает форму,
В рептилии, в животном,
в думающем человеке,
Оно в них остается
как источник всей их жизни.
Так было нужно,
чтоб дыхание и жизнь
смогли существовать.
В конечном
и невежественном мире
Дух должен так
освободить своё сознание,
сидящее в темнице,
Он должен вырываться
маленькими струями
в вибрирующих точках
Из-под печати
бесконечной Неосознанности.
Затем он тихо набирает массу,
поднимает взгляд свой к Свету.
Природа эта до сих пор живёт,
привязанная к своему началу,
И хватка низшей силы
всё ещё лежит на ней;
Её инстинкты
возникают, прыгают
из подсознательных глубин;
Она соседствует
с бесчувственным Ничто.
Под властью этого закона
создан был
невежественный мир.

In the enigma of the darkened Vasts,
In the passion and self-loss of the Infinite
When all was plunged in the negating Void,

В загадке помрачённых темнотой
Просторов,
В утрате самого себя,
в волненьях Бесконечного,
Когда всё было погружённым
в отрицающую Пустоту,

Non-Being's night could never
have been saved
If Being had not plunged into the
dark
Carrying with it its triple mystic
cross.
Invoking in world-time the
timeless truth,
Bliss changed to sorrow,
knowledge made ignorant,
God's force turned into a child's
helplessness
Can bring down heaven by their
sacrifice.
A contradiction founds the base of
life:
The eternal, the divine Reality
Has faced itself with its own
contraries;
Being became the Void and
Conscious-Force
Nescience and walk of a blind
Energy
And Ecstasy took the figure of
world-pain.
In a mysterious dispensation's law
A Wisdom that prepares its far-off
ends
Planned so to start her slow aeonic
game.
A blindfold search and wrestle
and fumbling clasp
Of a half-seen Nature and a
hidden Soul,
A game of hide-and-seek in twilit
rooms,
A play of love and hate and fear
and hope
Continues in the nursery of mind

Its hard and heavy romp of
self-born twins.

Та ночь Не-Бытия могла бы навсегда
остаться без возможности спасения,
Когда бы Бытие
не погрузилось в эту темноту,
Неся с собой мистический
тройной свой крест.
Призвав в мир времени ту истину,
что за пределом времени,
Блаженство заменилось на страдание,
а знание произвело невежество;
Так сила Бога, обернувшись
детскою беспомощностью,
Способна жертвою своей
спустить вниз небеса.
Противоречие даёт
основу жизни:
Божественная, вечная Реальность
Себя столкнула с собственною
противоположностью;
Существованье превратилось
в Пустоту,
Сознанье-Сила выглядит незнанием,
блужданием слепой Энергии,
Экстаз же принял
облик боли мира.
В таинственном законе провидения
Та Мудрость, что готовит
отдалённый результат,
Спланировала так, чтоб началась
неторопливая и эпохальная игра.
И эти поиски вслепую,
и борьба, и неумелые объятия
Наполовину видящей Природы
и сокрытой от неё Души,
И игры в прятки
в полуосвещённых залах,
История любви и ненависти,
страха и надежды
Всё продолжают
в детской комнате ума
Тяжёлую и трудную возню
саморождённых близнецов.

At last the struggling Energy can emerge
And meet the voiceless Being in wider fields;
Then can they see and speak and, breast to breast,

In a larger consciousness, a clearer light,
The Two embrace and strive and each know each
Regarding closer now the playmate's face.
Even in these formless coilings he could feel

Matter's response to an infant stir of soul.
In Nature he saw the mighty Spirit concealed,
Watched the weak birth of a tremendous Force,
Pursued the riddle of Godhead's tentative pace,
Heard the faint rhythms of a great unborn Muse.

И наконец, Энергия, ведущая борьбу,
способна выйти на поверхность,
И повстречать безмолвное Существованье
в более широких областях;
Тогда они способны будут
видеть, говорить
и, грудь к груди,
Попав в широкое сознание,
при ясном свете,
Те Двое смогут и обняться,
и бороться, и узнать другого,
И рассмотреть вблизи
лик своего товарища по играм.
Но даже в этих всех
бесформенных кружениях
он[1] смог почувствовать
Ответ Материи
на детское движение души.
В Природе видел он
могучий скрытый Дух,
И наблюдал едва заметное
рождение огромной Силы,
Искал ответа на загадку
пробного движенья Божества,
И слышал слабый ритм
великой нерождённой Музы.

Then came a fierier breath of waking Life,
And there arose from the dim gulf of things
The strange creations of a thinking sense,
Existences half-real and half-dream.
A life was there that hoped not to survive:
Beings were born who perished without trace,

Потом пришло горячее дыханье
просыпающейся Жизни,
И поднялись из
смутной бездны бытия
Чужие, странные творенья
мыслящего чувства,
Неведомые сущности,
полуреальные, полупригрезившиеся.
Была там жизнь,
что не надеялась на выживание:
Рождались существа,
что исчезали без следа,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

Events that were a formless
drama's limbs

And actions driven by a blind
creature will.

A seeking Power found out its
road to form,
Patterns were built of love and joy
and pain
And symbol figures for the moods
of Life.
An insect hedonism fluttered and
crawled
And basked in a sunlit Nature's
surface thrills,

And dragon raptures, python
agonies
Crawled in the marsh and mire
and licked the sun.

Huge armoured strengths shook a
frail quaking ground,

Great puissant creatures with a
dwarfish brain,
And pigmy tribes imposed their
small life-drift.
In a dwarf model of humanity

Nature now launched the extreme
experience
And master-point of her design's
caprice,
Luminous result of her
half-conscious climb
On rungs twixt her sublimities and
grotesques
To massive from infinitesimal
shapes,
To a subtle balancing of body and
soul,

Происходили некие события,
что были частью
неопределённой драмы,
И выполнялись действия,
что направлялись
волею слепого созидания.
Так ищущая Сила узнавала
путь свой к форме,
Так создавались прототипы
радости, любви и боли,
И символические образы
для настроений Жизни.
Там жажда удовольствий насекомого
махала крыльями и ползала
И наслаждалась внешним
трепетом Природы,
освещённой ярким солнцем,
Восторг дракона
и агония питона
Ползком передвигались
по болоту и грязи,
смакуя солнце.
Громадные, покрытые бронёю силы
сотрясали хрупкую
качавшуюся почву,
Могучие большие твари
с карликовым мозгом
И племена пигмеев направляли
мелкое своё теченье жизни.
В каком-то карликовом
прототипе человечества
Природа начинала свой
предельный опыт
И поворотный пункт
причудливого замысла,
Сверкающий итог её
полуосознанного восхождения
По лестнице меж запредельностями
и гротесками
От бесконечно малых форм
к огромным,
К утонченному равновесию
души и тела,

To an order of intelligent
littleness.
Around him in the moment-beats
of Time
The kingdom of the animal self
arose,
Where deed is all and mind is still
half-born
And the heart obeys a dumb
unseen control.
The Force that works by the light
of Ignorance,
Her animal experiment began,

Crowding with conscious
creatures her world-scheme;
But to the outward only were they
alive,
Only they replied to touches and
surfaces
And to the prick of need that
drove their lives.
A body that knew not its own soul
within,
There lived and longed, had wrath
and joy and grief;
A mind was there that met the
objective world
As if a stranger or enemy at its
door:
Its thoughts were kneaded by the
shocks of sense;
It captured not the spirit in the
form,
It entered not the heart of what it
saw;
It looked not for the power behind
the act,
It studied not the hidden motive in
things
Nor strove to find the meaning of
it all.

К порядку интеллектуальной
ограниченности.
Вокруг него
в мгновениях-ударах Времени
Вставало царство
внутреннего “я” животного,
Где действие есть всё,
а ум пока рождён наполовину
И сердце подчиняется
немой незримой власти.
Та Сила, что работает
от света из Невежества,
Здесь начинала свой эксперимент
в животном царстве,
Наполнив схему мира множеством
сознательных существ;
Однако, только внешнее
они воспринимали,
И отвечали только на прикосновенья,
на поверхностную сторону вещей,
И на укол необходимости,
что правила их жизнями.
Их тело, что не знало
о своей душе внутри,
Желало, жило, возмущалось,
радовалось, горевало;
Был там и ум,
встречающий реальный мир
Как чужака или врага
у собственных ворот:
Его мышление питалось
от ударов чувств;
Он не улавливал
за формой дух,
Не проникал он в сердцевину,
в суть того, что видел;
Он не искал ту силу,
что стоит за действием,
Не изучал мотива,
скрытого внутри вещей,
И не старался обнаружить
смысл всего.

Beings were there who wore a human form;
Absorbed they lived in the passion of the scene,
But knew not who they were or why they lived:
Content to breathe, to feel, to sense, to act,

Life had for them no aim save Nature's joy

And the stimulus and delight of outer things;
Identified with the spirit's outward shell,
They worked for the body's wants, they craved no more.
The veiled spectator watching from their depths
Fixed not his inward eye upon himself

Nor turned to find the author of the plot,
He saw the drama only and the stage.
There was no brooding stress of deeper sense,
The burden of reflection was not borne:
Mind looked on Nature with unknowing eyes,

Adored her boons and feared her monstrous strokes.

It pondered not on the magic of her laws,
It thirsted not for the secret wells of Truth,
But made a register of crowding facts

Там были существа,
что принимали форму человека;
И жили, поглощённые волнением
текущей сцены,
Не зная, кто они такие,
и зачем живут:
Для них, согласных
ощущать, дышать,
воспринимать и действовать,
У жизни не было
иной какой-то цели,
кроме радости Природы,
И стимула, и удовольствий
от поверхностных вещей;
Отождествившись
с внешней оболочкой духа,
Они трудились для желаний тела
и не требовали больше.
Замаскированный свидетель,
наблюдающий из их глубин
Не останавливал
смотревший изнутри взгляд
на самом себе,
Не оборачивался, чтоб увидеть
автора сюжета,
Он видел только эту драму,
только эту сцену.
Там не было задумчивого напряженья
более глубоких чувств,
Никто не взваливал на плечи
бремя размышленья:
В том царстве Ум
смотрел неведающим взглядом
на Природу,
Он обожал её дары,
боялся получать
её жестокие удары.
Он не пытался размышлять
о магии её законов,
Не жаждал Истины
из тайного источника,
И только лишь запоминал
толпящиеся факты,

And strung sensations on a vivid thread:
It hunted and it fled and sniffed the winds,
Or slothed inert in sunshine and soft air:
It sought the engrossing contacts of the world,
But only to feed the surface sense with bliss.
These felt life's quiver in the outward touch,
They could not feel behind the touch the soul.
To guard their form of self from Nature's harm,
To enjoy and to survive was all their care.
The narrow horizon of their days was filled
With things and creatures that could help and hurt:

The world's values hung upon their little self.
Isolated, cramped in the vast unknown,
To save their small lives from surrounding Death
They made a tiny circle of defence

Against the siege of the huge universe:
They preyed upon the world and were its prey,
But never dreamed to conquer and be free.
Obeying the World-Power's hints and firm taboos
A scanty part they drew from her rich store;
There was no conscious code and no life-plan:

И ощущенья связывал
в живую нить:
Он то — охотился, то убегал,
улавливая ароматы ветра,
Лениво медлил
в солнечной и мягкой атмосфере:
Искал захватывающих связей
с этим миром,
Но только чтоб блаженством напитать
поверхностное восприятие.
Так, чувствуя биенье жизни
через внешние касания,
Они не ощущали
за прикосновением души.
Оберегать свой внешний облик "я"
от зол Природы,
Порадовать себя и выжить —
вот и все заботы.
Стеснённый горизонт их дней
был полон
Вещами, существами,
что могли помочь им
или навредить:
Все ценности вращались
возле маленького “я”.
Так отделённые и сжатые
широкой неизвестностью,
Чтоб уберечь от окружавшей Смерти
маленькие собственные жизни,
Они выстраивали
тонкий круг защиты,
Обороняясь от осады и давления
огромнейшей вселенной:
Они охотились на мир
и были для него добычей,
Но никогда и не мечтали
победить и стать свободными.
Послушные подсказкам Силы Мира,
установленным табу,
Лишь маленькую часть они таскали
из её богатых складов;
Там не было ни жизненного плана,
ни осознанного свода правил:

The patterns of thinking of a little group
Fixed a traditional behaviour's law.
Ignorant of soul save as a wraith within,
Tied to a mechanism of unchanging lives
And to a dull usual sense and feeling's beat,
They turned in grooves of animal desire.
In walls of stone fenced round they worked and warred,

Did by a banded selfishness a small good
Or wrought a dreadful wrong and cruel pain

On sentient lives and thought they did no ill.
Ardent from the sack of happy peaceful homes
And gorged with slaughter, plunder, rape and fire,
They made of human selves their helpless prey,
A drove of captives led to lifelong woe,

Or torture a spectacle made and holiday,
Mocking or thrilled by their torn victims' pangs;
Admiring themselves as titans and as gods
Proudly they sang their high and glorious deeds
And praised their victory and their splendid force.
An animal in the instinctive herd

Стереотипы мыслей
маленького круга избранных
Запоминались, становясь традицией,
законом поведения.
Не зная о душе, лишь думая,
что это дух внутри,
Привязанные к механизму
неизменных жизней,
К обычному тупому чувству
и биенью ощущений,
Они вращались в колеях
животного желания.
За стенами из камня,
возведёнными вокруг,
они работали и воевали,
Объединённым эго совершали
небольшие добрые дела,
Или творили
страшную несправедливость
и жестокие мученья
Для чувствующих жизней,
не думая, что делают плохое.
Разгорячённые от грабежа
счастливых мирных очагов,
Пресытившись резнёй, огнём,
разбоем и насилием,
Они сводили человеческие "я"
до уровня беспомощной добычи,
До стада пленников,
которое вели
к пожизненному горю,
Иль превращали пытку
в праздничный спектакль,
Смеясь и трепеща от боли
разрываемых людей;
Собою восхищаясь
как титанами или богами,
И гордо воспевая
свои высокие и славные дела
Хвалились этими победами,
своею замечательною силой.
Животное в том инстинктивном стаде,

Pushed by life impulses, forced by common needs,
Each in his own kind saw his ego's glass;
All served the aim and action of the pack.
Those like himself, by blood or custom kin,
To him were parts of his life, his adjunct selves,
His personal nebula's constituent stars,
Satellite companions of his solar I.

A master of his life's environment,

A leader of a huddled human mass

Herding for safety on a dangerous earth,
He gathered them round him as if minor Powers
To make a common front against the world,

Or, weak and sole on an indifferent earth,
As a fortress for his undefended heart,

Or else to heal his body's loneliness.

In others than his kind he sensed a foe,
An alien unlike force to shun and fear,
A stranger and adversary to hate and slay.
Or he lived as lives the solitary brute;
At war with all he bore his single fate.

Под властью ежедневных нужд,
толкаемое импульсами жизни,
Там каждый видел род свой
отраженьем собственного эго;
Всё подчинялось
действию и цели группы.
Подобные себе,
родные по обычаям и крови
Для человека становились
частью жизни, или же вторыми “я”,
Скопленьем звёзд
его туманности-персоны,
Товарищами-спутниками
солнечного “я”.
Хозяин жизненной среды
вокруг себя,
И лидер скученной
людской толпы,
Что собиралась для защиты
от опасностей земли,
Он стягивал вокруг себя людей
подобно меньшим Силам,
Чтоб сделать их
единым фронтом
против мира,
А временами, слабый, в одиночестве,
на полной равнодушия земле,
Из них он строил крепость
для незащищённого
чувствительного сердца,
А временами, собирал их,
чтобы успокоить
одинокую жизнь тела.
В других, что не входили в род его,
он чувствовал врага,
Несхожую чужую силу,
что обычно избегают и боятся,
Противников и незнакомцев,
которых нужно ненавидеть, убивать.
Случалось — жил он
словно одинокий зверь;
И нёс свою судьбу
в войне со всеми.

Absorbed in the present act, the fleeting days,

None thought to look beyond the hour's gains,
Or dreamed to make this earth a fairer world,
Or felt some touch divine surprise his heart.

The gladness that the fugitive moment gave,
The desire grasped, the bliss, the experience won,
Movement and speed and strength were joy enough

And bodily longings shared and quarrel and play,
And tears and laughter and the need called love.
In war and clasp these life-wants joined the All-Life,

Wrestlings of a divided unity
Inflicting mutual grief and happiness
In ignorance of the Self for ever one.
Arming its creatures with delight and hope
A half-awakened Nescience struggled there
To know by sight and touch the outside of things.
Instinct was formed; in memory's crowded sleep
The past lived on as in a bottomless sea:
Inverting into half-thought the quickened sense

Так, погрузившись с головой
в текущие заботы
скоротечных дней,
Никто не думал видеть
далее сиюминутной пользы,
И не мечтал, чтоб эту землю
сделать более прекрасным миром,
Не ощущал,
как некое касание божественного
удивляет сердце.
Та радость, что даёт
летящее мгновение,
Нахлынувшее вдруг желание,
блаженство и добытый опыт,
Движенье, скорость, сила —
были для него
достаточной отрадой,
А разделённые телесные желания,
перебранку и игру,
Смех, слёзы и потребности
он называл любовью.
В войне между собою, и в объятии,
желанья жизни, наконец,
соединялись в Жизнь Всего,
В сраженья разделённого единства,
Которые навязывали им
взаимные мучения и счастье,
Не ведая о Высшем “Я”,
всегда едином.
Вооружая существа
восторгом и надеждой,
Наполовину пробудившись ото сна,
Незнание боролось здесь,
Чтоб через осязание и зренье
знать о внешней стороне вещей.
Возник инстинкт;
и в переполненном сне памяти,
Прошедшее осталось жить
бездонным морем:
Преобразуя возникающее чувство
в полумысль,

She felt around for truth with
fumbling hands,
Clutched to her the little she could
reach and seize
And put aside in her subconscient
cave.
So must the dim being grow in
light and force

And rise to his higher destiny at
last,
Look up to God and round at the
universe,
And learn by failure and progress
by fall
And battle with environment and
doom,
By suffering discover his deep
soul
And by possession grow to his
own vasts.
Half-way she stopped and found
her path no more.

Still nothing was achieved but to
begin,
Yet finished seemed the circle of
her force.
Only she had beaten out sparks of
ignorance;
Only the life could think and not
the mind,
Only the sense could feel and not
the soul.
Only was lit some heat of the
flame of Life,
Some joy to be, some rapturous
leaps of sense.

All was an impetus of
half-conscious Force,

Она[1] нащупывала истину вокруг
пока что неумелыми руками,
Хватала для себя то малое,
что удалось достать, понять,
И оставляла на потом
в своей пещере подсознания.
Так это слабое созданье
вынуждали дорасти
до света и до силы,
Подняться, наконец, до более
возвышенной судьбы,
Взглянуть на Бога,
на вселенную вокруг,
Учиться на ошибках,
развиваться от падения,
Бороться с тем, что окружает
и с судьбой,
Через страдание открыть
глубины собственной души,
И обладаньем дорасти
до собственных просторов.
Однако же она
остановилась вдруг на середине,
и больше не нашла пути.
Она пока что не достигла ничего,
всё только начиналось,
Но завершённым стал казаться
круг её усилий.
Она лишь высекала искры
из невежества;
Пока что только жизнь
сумела думать, но не ум,
И только чувство ощущало,
не душа.
Лишь появился некий жар
горенья Жизни,
И радость быть,
и некие восторженные
всплески чувства.
Всё оставалось импульсом
наполовину сознающей Силы,

[1] Жизнь, *прим.пер.*

A spirit sprawling drowned in dense life-foam,
A vague self grasping at the shape of things.
Behind all moved seeking for vessels to hold
A first raw vintage of the grapes of God,
On earth's mud a spilth of the supernal Bliss,
Intoxicating the stupefied soul and mind
A heady wine of rapture dark and crude,
Dim, uncast yet into spiritual form,
Obscure inhabitant of the world's blind core,
An unborn godhead's will, a mute Desire.

Дух, расползаясь, утонул
в густой и плотной пене жизни,
В неясном “я”, которое хватается
за образы вещей.
А позади всего бурлил,
ища сосуды, чтобы сохраниться,
Игристый молодой напиток,
сделанный из винограда Бога,
То проливаемое в грязь земли
небесное Блаженство,
Что опьяняет
изумлённый ум и душу,
Хмельное, крепкое вино восторга,
тёмное, незрелое,
Неясный, и ещё не брошенный
в божественную форму,
Какой-то смутный обитатель
из слепого сердца мира,
Намерение неродившегося бога,
молчаливое Желание.

A third creation now revealed its face.
A mould of body's early mind was made.
A glint of light kindled the obscure World-Force;
It dowered a driven world with the seeing Idea
And armed the act with thought's dynamic point:
A small thinking being watched the works of Time.
A difficult evolution from below
Called a masked intervention from above;
Else this great, blind inconscient universe
Could never have disclosed its hidden mind,

Так третье, новое творенье
приоткрыло лик.
Телесный облик создан был
для юного ума.
От вспышки света загорелась
незаметная доныне Сила Мира;
Та Сила наделила видящей Идеей
наш, ведомый ею мир,
Вооружила действие
подвижной точкой мысли:
И маленькое мыслящее существо
увидело творенья Времени.
Тяжёлая медлительная эволюция,
идущая от нижних уровней,
Призвала скрытое вмешательство
из высших сфер;
Иначе бы великая, слепая,
неосознающая вселенная
Так никогда бы не смогла
явить свой скрытый ум,

Or even in blinkers worked in beast and man
The Intelligence that devised the cosmic scheme.
At first he saw a dim obscure mind-power
Moving concealed by Matter and dumb life.

A current thin, it streamed in life's vast flow

Tossing and drifting under a drifting sky

Amid the surge and glimmering tremulous wash,

Released in splash of sense and feeling's waves.
In the deep midst of an insentient world
Its huddled waves and foam of consciousness ran
Pressing and eddying through a narrow strait,
Carrying experience in its crowded pace.
It flowed emerging into upper light
From the deep pool of its subliminal birth
To reach some high existence still unknown.

There was no thinking self, aim there was none:
All was unorganised stress and seekings vague.
Only to the unstable surface rose

Однообразно, в шорах бы
работал в звере, в человеке
Задумавший космическую схему
Интеллект.
Вначале он[1] увидел
слабое неясное могущество ума,
Движение, скрываемое
и бессловесной жизнью
и Материей.
Едва заметной струйкой
ум вливался
в широту теченья жизни,
То поднимаясь,
то спускаясь вниз,
Скользя по ветру
под летящим небом
Среди морских валов,
среди мерцания
дрожащего кильватера,
Освобождаясь в волнах ощущения
и всплеске чувств.
В той глубине,
среди бесчувственного мира,
Бежали сбившиеся в кучу волны,
пенистые пузыри сознания,
Кружась в водовороте,
пробиваясь через узкие проливы,
Внося переживание и опыт
в спотыкающийся шаг.
Ум непрерывно двигался,
всплывая в более высокий свет
Из глубины, из омута
рожденья в подсознании,
Стремясь достичь какого-то
высокого существования,
пока что неизвестного.
Там не было ни мыслящего “я”,
ни цели:
Всё оставалось смутным поиском
и неорганизованным давлением.
Лишь поднимались
к неустойчивой поверхности

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

Sensations, stabs and edges of desire
And passion's leaps and brief emotion's cries,
A casual colloquy of flesh with flesh,
A murmur of heart to longing wordless heart,
Glimmerings of knowledge with no shape of thought
And jets of subconscious will or hunger's pulls.
All was dim sparkle on a foaming top:
It whirled around a drifting shadow-self
On an inconscient flood of Force in Time.
Then came the pressure of a seeing Power
That drew all into a dancing turbid mass
Circling around a single luminous point,
Centre of reference in a conscious field,
Figure of a unitary Light within.

It lit the impulse of the half-sentient flood,
Even an illusion gave of fixity

As if a sea could serve as a firm soil.
That strange observing Power imposed its sight.

It forced on flux a limit and a shape,
It gave its stream a lower narrow bank,

Удары, ощущения
и острия желания,
Биенье страсти и призывы
кратковременных эмоций,
Случайная беседа
плоти с плотью,
И шёпот сердца бессловесному
желающему сердцу,
И проблеск знания
без тени мысли,
И струйки подсознательных желаний
или тянущая сила голода.
Всё оставалось неотчётливыми искрами
на пенных гребнях:
Оно кружилось около
плывущей тени внутреннего “я”
По несознательному половодью Силы,
что течёт во Времени.
Потом пришло давленье
видящей Энергии,
Что вовлекала всё
в густую пляшущую массу,
Вертящуюся около
отдельной светлой точки,
Которая была как центр отсчёта
в поле осознания,
Как образ внутреннего Света,
устремлённого к единству.
Та точка озарила импульс
еле ощутимого течения,
И даже создала
какую-то иллюзию стабильности,
Как если б море обернулось
твёрдой почвой.
Так эта наблюдающая
странная Энергия
навязывала собственное виденье.
Она дала потоку полуощущений
ограничения и форму,
Стеснила узким низким берегом
его течение,

Drew lines to snare the spirit's formlessness.

It fashioned the life-mind of bird and beast,
The answer of the reptile and the fish,
The primitive pattern of the thoughts of man.
A finite movement of the Infinite
Came winging its way through a wide air of Time;
A march of knowledge moved in Nescience
And guarded in the form a separate soul.
Its right to be immortal it reserved,
But built a wall against the siege of death
And threw a hook to clutch eternity.
A thinking entity appeared in Space.
A little ordered world broke into view
Where being had prison-room for act and sight,

A floor to walk, a clear but scanty range.
An instrument-personality was born,
And a restricted clamped intelligence
Consented to confine in narrow bounds
Its seeking; it tied the thought to visible things,
Prohibiting the adventure of the Unseen
And the soul's tread through unknown infinities.

И провела границы,
чтобы в них поймать
аморфную природу духа.
Она оформила ум жизни
у зверей и птиц,
Дала возможность отвечать
рептилиям и рыбам,
Как примитивному прообразу
мышленья человека.
Конечное движенье Бесконечного
Пришло, летя своим путём
в широкой атмосфере Времени;
Марш знания шагал
среди Незнания
И охранял под формой
обособленную душу.
Он сберегал ей право
быть бессмертной,
И строил стены,
защищая от осады смерти
И далеко забрасывал крючок,
нацеленный на вечность.
В Пространстве появилось
мыслящее существо.
Его глазам предстал внезапно
маленький, но упорядоченный мир,
Где у него была там
комнатка-тюрьма,
чтоб действовать и видеть,
Пол для прогулок, чистый,
но убогого размера.
Родилась личность-инструмент,
И ограниченный
зажатый интеллект,
Согласный в этой узости границ
вести свой поиск;
Он привязался мыслью
к видимым вещам,
Мешая этим
приключению Незримого
И поступи души
по неизвестным бесконечностям.

A reflex reason, Nature-habit's glass

Illumined life to know and fix its field,
Accept a dangerous ignorant brevity

And the inconclusive purpose of its walk
And profit by the hour's precarious chance
In the allotted boundaries of its fate.
A little joy and knowledge satisfied
This little being tied into a knot

And hung on a bulge of its environment,
A little curve cut off in measureless Space,

A little span of life in all vast Time.
A thought was there that planned, a will that strove,

But for small aims within a narrow scope,
Wasting unmeasured toil on transient things.
It knew itself a creature of the mud;
It asked no larger law, no loftier aim;
It had no inward look, no upward gaze.
A backward scholar on logic's rickety bench
Indoctrinated by the erring sense,
It took appearance for the face of God,

Рассудок, что как в зеркале
мог отражать
привычные шаги Природы,
Давал свет жизни, чтобы познавать
и закрепляться в этой сфере,
И принимать опасный и
невежественный
свой короткий век,
Неубедительную цель
своей прогулки,
И пользу от сиюминутного
рискованного случая
В заранее очерченных границах
собственной судьбы.
Довольное своею небольшою
радостью и знанием,
То маленькое существо
связало в узел
И прицепило к выпуклости
окружающей среды,
Свой крошечный изгиб,
что вырезан среди
неизмеримого Пространства,
Короткий промежуток жизни
в необъятном Времени.
Была там мысль,
которая планировала,
воля, что боролась,
Но ради мелких целей,
в узких рамках,
И тратила огромный труд
на временные вещи.
Оно себя считало
выходцем из грязи;
И не просило более широкого закона,
более высокой цели;
Оно не обладало взглядом внутрь,
и не умело посмотреть наверх.
Как отстающий ученик
на шаткой парте логики,
Внушаемое ошибающимся чувством,
Оно там принимало видимость
за лик Всевышнего,

For casual lights the marching of the suns,
For heaven a starry strip of doubtful blue;
Aspects of being feigned to be the whole.
There was a voice of busy interchange,
A market-place of trivial thoughts and acts:
A life soon spent, a mind the body's slave
Here seemed the brilliant crown of Nature's work,
And tiny egos took the world as means
To sate awhile dwarf lusts and brief desires,
In a death-closed passage saw life's start and end
As though a blind alley were creation's sign,
As if for this the soul had coveted birth
In the wonderland of a self-creating world
And the opportunities of cosmic Space.
This creature passionate only to survive,
Fettered to puny thoughts with no wide range
And to the body's needs and pangs and joys,
This fire growing by its fuel's death,

Increased by what it seized and made its own:
It gathered and grew and gave itself to none.
Only it hoped for greatness in its den

Движенье солнц —
за мимолётные огни,
Блестящий лоскуток неясной синевы —
за небеса;
Отдельные аспекты бытия
старались притвориться целым.
Был там и гомон
бойкого взаимного обмена,
И рыночная площадь
для обычных дел и мыслей:
Жизнь быстро тратилась,
а ум — раб тела,
Казался бриллиантовым венцом
творения Природы,
И крошечные эго
принимали мир как способ
Насытить ненадолго мелочные страсти,
краткие желания,
А в завершающемся смертью переходе
видели начало и конец их жизни,
Как если бы тупик
был символом творения,
И ради этого душа
так жаждала рождения
В чудесном царстве
самосозидающего мира,
Среди возможностей
вселенского Пространства.
То существо стремилось
только выжить,
Прикованное к мелким мыслям
с узким кругозором,
К телесным нуждам,
к радости и боли тела,
Подобно пламени,
растущем смертью
своего горючего,
Усиливалось тем,
что схватывало, делая своим:
Оно росло и собирало,
никому себя не отдавая.
Оно надеялось лишь
на величие в своей лачуге,

And pleasure and victory in small
fields of power
And conquest of life-room for self
and kin,
An animal limited by its
feeding-space.
It knew not the Immortal in its
house;
It had no greater deeper cause to
live.

In limits only it was powerful;

Acute to capture truth for outward
use,

Its knowledge was the body's
instrument;
Absorbed in the little works of its
prison-house
It turned around the same
unchanging points
In the same circle of interest and
desire,
But thought itself the master of its
jail.
Although for action, not for
wisdom made,

Thought was its apex — or its
gutter's rim:
It saw an image of the external
world
And saw its surface self, but knew
no more.
Out of a slow confused embroiled
self-search
Mind grew to a clarity cut out,
precise,
A gleam enclosed in a stone
ignorance.
In this bound thinking's narrow
leadership

На удовольствие и на победу
в мелкой сфере, где оно сильно,
Отвоевать жилое место
для себя и близких,
Животное, что ограничено
пространством своего питания.
Оно не знало о Бессмертном
в собственном жилище;
Оно не ведало причины,
более глубокой и великой,
чтобы жить.
В определённых рамках
было сильным это существо;
Сообразительное,
чтобы видеть истину
для внешней пользы,
В нём знание служило
инструментом тела;
Всё время, занятое мелкими делами
в доме-клетке,
Оно крутилось около
одних и тех же неизменных тем,
В одном и том же
круге интересов и желаний,
Но видело себя
хозяином своей тюрьмы.
И хоть для действия,
а не для мудрости
в нём сотворили мысль,
Она была его вершиной,
или — краем уличной канавы:
Оно рассматривало образ
внешней части мира
И видело своё поверхностное “я”,
не зная больше.
Из медленного, беспорядочного,
путанного поиска себя
Ум вырастал до точной,
высеченной ясности,
До вспышки, окружённой
каменным невежеством.
В том узком лидерстве мышления,
зажатого в границах,

Tied to the soil, inspired by common things,
Attached to a confined familiar world,
Amid the multitude of her motived plots,
Her changing actors and her million masks,
Life was a play monotonously the same.
There were no vast perspectives of the spirit,
No swift invasions of unknown delight,
No golden distances of wide release.
This petty state resembled our human days
But fixed to eternity of changeless type,
A moment's movement doomed to last through Time.

Existence bridge-like spanned the inconscient gulfs,
A half-illumined building in a mist,
Which from a void of Form arose to sight
And jutted out into a void of Soul.
A little light in a great darkness born,
Life knew not where it went nor whence it came.

Around all floated still the nescient haze.

End of Canto Four

Привязанного к почве, вдохновляемого
самыми обычными вещами,
И прикреплённого к привычному
и ограниченному миру,
Средь множества её сюжетов,
служащих причиной,
Среди её изменчивых актеров,
миллиона масок,
Жизнь оставалась вновь и вновь
однообразной пьесой.
И не было там
ни простора перспективы духа,
Ни быстрого вторжения
неведомых восторгов,
Ни изумительных пространств
широкого освобождения.
То ограниченное состояние напоминало
наши человеческие дни,
Но, прикрепившись к вечности
неизменяемого типа,
Сиюминутное движенье
обрекло себя
Всё время оставаться тем же
средь теченья Времени.
Существование, как мост,
соединяющее бездны несознания,
Наполовину освещённое
строение в тумане,
Из пустоты вселенской Формы
поднималось перед взглядом
И выступало в пустоту Души.
Неяркий свет, родившийся
в великой темноте,
Та Жизнь не знала,
ни куда она идёт,
ни из какого места появилась.
Вокруг всё продолжало
плавать в сумраке незнания.

Конец четвертой песни

Book Two
THE BOOK OF THE
TRAVELLER OF THE
WORLDS

Canto V
THE GODHEADS OF THE
LITTLE LIFE

A fixed and narrow power with
rigid forms,

He saw the empire of the little life,

An unhappy corner in eternity.

It lived upon the margin of the
Idea
Protected by Ignorance as in a
shell.

Then, hoping to learn the secret of
this world
He peered across its scanty fringe
of sight,
To disengage from its
surface-clear obscurity
The Force that moved it and the
Idea that made,
Imposing smallness on the Infinite,
The ruling spirit of its littleness,

The divine law that gave it right to
be,
Its claim on Nature and its need in
Time.
He plunged his gaze into the siege
of mist

Книга Вторая
КНИГА
ПУТЕШЕСТВЕННИКА
ПО МИРАМ

Песня V
БОЖЕСТВА
МАЛЕНЬКОЙ ЖИЗНИ

Давно установившаяся,
ограниченная сила
в жёстких формах, —
Несчастный закоулок
среди вечности —
Таким увидел Ашвапати
царство малой жизни.
Там, на окраине
Божественной Идеи,
Оно существовало,
защищённое Невежеством,
как скорлупой.
Затем, надеясь разобраться
в тайне встреченного мира,
Он начал вглядываться через
скудную полоску видимого,
Пытаясь выделить из
чистой на поверхности неясности
Ту Силу, что им двигала,
Идею, что создала этот мир,
Навязывая малость Бесконечному,
Стараясь выделить руководящий дух
его ничтожности,
Божественный закон,
дававший право на существование,
На притязания к Природе,
на необходимость этого во Времени.
Он погрузил свой взгляд
в осаду мглы,

That held this ill-lit straitened continent
Ringed with the skies and seas of ignorance
And kept it safe from Truth and Self and Light.

As when a searchlight stabs the Night's blind breast
And dwellings and trees and figures of men appear
As if revealed to an eye in Nothingness,
All lurking things were torn out of their veils
And held up in his vision's sun-white blaze.
A busy restless uncouth populace

Teemed in their dusky unnoted thousands there.
In a mist of secrecy wrapping the world-scene
The little deities of Time's nether act
Who work remote from Heaven's controlling eye,
Plotted, unknown to the creatures whom they move,

The small conspiracies of this petty reign
Amused with the small contrivings, the brief hopes
And little eager steps and little ways
And reptile wallowings in the dark and dust,
And the crouch and ignominy of creeping life.
A trepidant and motley multitude,

Что овладела этим плохо-освещённым,
тесным континентом,
Зажав его кольцом небес
и океанами невежества,
Уберегая этот мир
от Истины, от Света
и Божественного "Я".
Как свет прожектора
пронзает грудь слепой Ночи,
И появляются дома, деревья,
образы людей,
Как будто открываясь глазу
из Ничто,
Всё спрятанное становилось
вырванным из собственных покровов
И проступало в бело-солнечном сияньи
взгляда Ашвапати.
Кипучие и грубоватые,
всё время занятые чем-то массы
Кишели незаметно
тысячами в темноте.
В тумане тайн,
окутывавшем сцену мира,
Те маленькие боги
низших действий Времени
Трудились вдалеке
от направляющего ока Неба,
Плели интриги,
незаметные для тех,
кем управляли,
И маленькие заговоры
ограниченного царства;
Их забавляли мелкие затеи,
краткие надежды,
Короткие нетерпеливые шаги,
недолгие пути,
Барахтанье рептилий
в темноте и пыли,
И раболепие, и низость
ползающей жизни.
Они предстали как
дрожащая и пёстрая неразбериха,

A strange pell-mell of magic
artisans,
Was seen moulding the plastic
clay of life,
An elfin brood, an elemental kind.

Astonished by the unaccustomed
glow,
As if immanent in the shadows
started up
Imps with wry limbs and carved
beast visages,
Sprite-prompters goblin-wizened
or faery-small,

And genii fairer but unsouled and
poor
And fallen beings, their heavenly
portion lost,
And errant divinities trapped in
Time's dust.
Ignorant and dangerous wills but
armed with power,
Half-animal, half-god their mood,
their shape.
Out of the greyness of a dim
background
Their whispers come, an
inarticulate force,
Awake in mind an echoing
thought or word,
To their sting of impulse the
heart's sanction draw,
And in that little Nature do their
work
And fill its powers and creatures
with unease.
Its seed of joy they curse with
sorrow's fruit,
Put out with error's breath its
scanty lights

Как странная толпа
магических мастеровых,
Дающих форму для
пластичной ткани жизни,
Семейство эльфов,
вид элементалей.
Ошеломлённые особым,
непривычным светом,
В тенях возникли,
словно были тут всегда,
И чертенята с их кривыми лапками,
звериными резными мордами,
И домовые-шептуны,
иссохшие как гоблины,
иль маленькие, словно эльфы,
И более порядочные джинны,
но жалкие и без души,
И падшие созданья, потерявшие
свою божественную часть,
И заблудившиеся боги,
пойманные пылью Времени.
Опасные, невежественные воли,
но вооружённые могуществом,
Полуживотны и полубожественны
их настроение, их облик.
Из серости неясных
фоновых шумов
Идёт их шёпот и бубнящая,
невидимая сила,
И пробуждая эхом слово,
мысль в уме,
Для жалящего импульса они
вытягивают разрешенье сердца,
И делают свою работу
в этой маленькой Природе,
И наполняют силы и творенья
беспокойством.
В её зародыш радости
они кладут проклятие страдания,
Дыханием ошибки
гасят скудные её огни,

And turn its surface truths to falsehood's ends,

Its small emotions spur, its passions drive
To the abyss or through the bog and mire:
Or else with a goad of hard dry lusts they prick,
While jogs on devious ways that nowhere lead
Life's cart finding no issue from ignorance.

To sport with good and evil is their law;
Luring to failure and meaningless success,
All models they corrupt, all measures cheat,
Make knowledge a poison, virtue a pattern dull

And lead the endless cycles of desire
Through semblances of sad or happy chance
To an inescapable fatality.

All by their influence is enacted there.
Nor there alone is their empire or their role:
Wherever are soulless minds and guideless lives
And in a small body self is all that counts,
Wherever love and light and largeness lack,
These crooked fashioners take up their task.
To all half-conscious worlds they extend their reign.

Незримо направляют
все её поверхностные истины
для целей лжи,
Пришпоривают
мелкие её эмоции,
Ведут её волненья в пропасть,
или сквозь болото, грязь,
Иль хлещут всё кнутом
сухих и жёстких вожделений,
Пока окольными дорогами,
что не приводят никуда,
Трясётся бричка Жизни,
бессильная найти какой-то выход
из невежества.
Играть с добром и злом —
вот их закон;
Заманивая к неудачам
и бессмысленным успехам,
Они коверкают любые эталоны
и шельмуют над любыми мерками,
Из знаний делают отраву,
а из достоинств —
скучный образец,
И этот нескончаемый
круговорот желаний
Сквозь видимость счастливых
или грустных обстоятельств
Приводят к неизбежному
фатальному концу.
Влиянье их распространяется
на всё происходящее.
И это не единственная
их империя, их роль:
Везде, где ум лишён души,
а жизнь — без руководства,
И всё определяет
маленькое эго тела,
Везде, где не хватает
света, широты, любви,
Кривые модельеры
принимаются за дело.
До всех полусознательных миров
они расширили своё господство.

Here too these godlings drive our human hearts,

Our nature's twilight is their lurking-place:
Here too the darkened primitive heart obeys
The veiled suggestions of a hidden Mind
That dogs our knowledge with misleading light
And stands between us and the Truth that saves.
It speaks to us with the voices of the Night:
Our darkened lives to greater darkness move;
Our seekings listen to calamitous hopes.
A structure of unseeing thoughts is built
And reason used by an irrational Force.
This earth is not alone our teacher and nurse;

The powers of all the worlds have entrance here.
In their own fields they follow the wheel of law
And cherish the safety of a settled type;
On earth out of their changeless orbit thrown
Their law is kept, lost their fixed form of things.
Into a creative chaos they are cast

Where all asks order but is driven by Chance;
Strangers to earth-nature, they must learn earth's ways,

У нас здесь тоже
эти мелкие божки
ведут сердца людей,
И сумерки природы человека —
тайное их место:
У нас здесь также
ослеплённое простое сердце
Подчинено замаскированным внушеньям
скрытого Ума,
Которые преследуют все наши знания
обманчивым, неверным светом,
Встают меж нами
и той Истиной, которая спасает.
Ум этот разговаривает с нами
голосами Ночи:
И наши жизни, становясь ослепшими,
уходят во всё больший мрак;
А наши поиски готовы слушать
гибельные их надежды.
Сооружается структура
из незримых мыслей,
И разум наш используется
иррациональной Силой.
Земля для человека
не единственный учитель
и кормилица;
Здесь входы есть
для сил из всех миров.
В своих владениях
они идут за колесом закона
И берегут, и сохраняют
устоявшийся свой тип;
И на земле, сойдя
с неизменяемой орбиты,
Закон их продолжает действовать,
теряя жёсткость формы.
Их вбрасывают в хаос
нашего творения,
Где всё на свете просит о порядке,
но живёт под властью Случая;
Хотя они чужды земной природе,
но им приходится
учить пути земли,

Aliens or opposites, they must unite:
They work and battle and with pain agree:
These join, those part, all parts and joins anew,

But never can we know and truly live
Till all have found their divine harmony.
Our life's uncertain way winds circling on,

Our mind's unquiet search asks always light,
Till they have learned their secret in their source,
In the light of the Timeless and its spaceless home,
In the joy of the Eternal sole and one.
But now the Light supreme is far away:
Our conscious life obeys the Inconscient's laws;
To ignorant purposes and blind desires
Our hearts are moved by an ambiguous force;
Even our mind's conquests wear a battered crown.
A slowly changing order binds our will.
This is our doom until our souls are free.

A mighty Hand then rolls mind's firmaments back,
Infinity takes up the finite's acts

And Nature steps into the eternal Light.

Чужие или противоположные,
они должны объединяться:
Они здесь и сражаются, и трудятся,
и с болью соглашаются:
Одни соединяются,
другие разделяются,
Все делятся, соединяясь вновь,
Но никогда не сможем это мы понять
и жить по-настоящему,
Пока всё не найдёт свою
божественную, полную гармонию.
И будет неуверенный
путь нашей жизни
здесь ходить кругами,
А беспокойный поиск нашего ума —
всегда просить о свете,
Пока они не обнаружат
свой секрет в своём источнике,
В лучах Безвременного
и в его жилище вне пространства,
И в наслажденьи Вечного,
единственного и единого.
Сейчас, однако, этот высший Свет
отсюда далеко:
Сознательная наша жизнь
подчинена законам Несознания;
К невежественным целям
и к слепым желаниям
Ведёт сердца людей
сомнительная сила;
И даже лучшие завоеванья нашего ума
и то несут разбитую корону.
Неспешно изменяемый порядок
связывает нашу волю.
Такая будет нам судьба,
пока не обретут свободу
наши души.
Тогда могучая Рука
откатит небосвод ума назад,
И Бесконечное подхватит
действия конечного,
Природа сделает свой шаг
в великий вечный Свет.

Then only ends this dream of
nether life.

Тогда лишь завершится
эта грёза низшей жизни.

At the outset of this enigmatic
world
Which seems at once an enormous
brute machine
And a slow unmasking of the
spirit in things,
In this revolving chamber without
walls
In which God sits impassive
everywhere
As if unknown to himself and by
us unseen
In a miracle of inconscient
secrecy,
Yet is all here his action and his
will.
In this whirl and sprawl through
infinite vacancy
The Spirit became Matter and lay
in the whirl,
A body sleeping without sense or
soul.
A mass phenomenon of visible
shapes
Supported by the silence of the
Void
Appeared in the eternal
Consciousness
And seemed an outward and
insensible world.
There was none there to see and
none to feel;

Only the miraculous Inconscient,
A subtle wizard skilled, was at its
task.
Inventing ways for magical
results,

И с самого начала
этого загадочного мира,
Который видится как
грубая огромная машина,
Как медленное удаленье
масок духа отовсюду,
В вертящейся палате,
без оград и стен,
В которой Бог сидит
невозмутимо всюду,
Невидимый для нас,
и словно неизвестный самому себе,
В каком-то чуде неосознаваемой
для человека тайны,
Здесь всё —
его лишь воля и его дела.
В своём кружении и расползании
сквозь нескончаемую пустоту
Дух стал Материей
и лёг в тот вихрь
Как спящая основа
без души, без чувств.
И масса проявлений
зримых форм,
Поддерживаемых
безмолвием Ничто,
Возникла среди
вечности Сознания,
И стала выглядеть подобно
внешнему, бесчувственному миру.
И не было там
никого, кто видит,
никого, кто ощущает;
Лишь удивительное Несознание,
Искусный, тонкий маг,
имело собственное назначение.
Изобретая способы
достичь магического результата,

Managing creation's marvellous device,
Marking mechanically dumb wisdom's points,
Using the unthought inevitable Idea,
It did the works of God's intelligence
Or wrought the will of some supreme Unknown.
Still consciousness was hidden in Nature's womb,
Unfelt was the Bliss whose rapture dreamed the worlds.
Being was an inert substance driven by Force.

At first was only an etheric Space:

Its huge vibrations circled round and round
Housing some unconceived initiative:
Upheld by a supreme original Breath
Expansion and contraction's mystic act
Created touch and friction in the void,
Into abstract emptiness brought clash and clasp:
Parent of an expanding universe
In a matrix of disintegrating force,

By spending it conserved an endless sum.
On the hearth of Space it kindled a viewless Fire
That, scattering worlds as one might scatter seeds,
Whirled out the luminous order of the stars.

И управляя замечательным устройством
этого творения,
И отмечая механически
мгновения безмолвной мудрости,
Используя неумолимую Идею
вне мышления,
Оно там делало
работы интеллекта Бога
Иль исполняло волю некого
высокого Неведомого.
Безмолвное сознание скрывалось
в лоне у Природы,
Неощутимым было то Блаженство,
чей восторг вообразил миры.
Существованье оставалось там
инертною субстанцией,
которой управляет Сила.
В начале было лишь
эфирное Пространство:
Его огромные вибрации
вращались круг за кругом,
Вселяя некое непостижимое
начальное движение:
Благодаря поддержке
высшего первичного Дыхания
Мистические акты
расширения и сжатия
Создали трение, касание
среди ничто,
В абстрактность пустоты
внесли объятие и столкновение:
Рождая расширяющуюся вселенную
И помещая в форму
разделяющейся силы,
Расходуя, они при этом
сохраняли в сумме бесконечность.
В домашнем очаге Пространства
запылал невидимый Огонь,
И он, разбрасывая целые миры,
как если б там разбрасывались зерна,
Подобно вихрю закрутил
сверкающий порядок звёзд.

An ocean of electric Energy

Formlessly formed its strange
wave-particles

Constructing by their dance this
solid scheme,
Its mightiness in the atom shut to
rest;
Masses were forged or feigned
and visible shapes;

Light flung the photon's swift
revealing spark
And showed, in the minuteness of
its flash
Imaged, this cosmos of apparent
things.
Thus has been made this real
impossible world,
An obvious miracle or convincing
show.
Or so it seems to man's audacious
mind
Who seats his thought as the
arbiter of truth,

His personal vision as impersonal
fact,
As witnesses of an objective
world
His erring sense and his
instruments' artifice.
Thus must he work life's tangible
riddle out
In a doubtful light, by error seize
on Truth

And slowly part the visage and the
veil.
Or else, forlorn of faith in mind
and sense,

Огромный океан Энергии
из электричества,
Образовавший странные
и не имеющие форм
частицы-волны,
И создающий из их танца
твёрдые конструкции,
Своё могущество закрыл покоиться
в отдельных атомах;
Там были созданы, придуманы
подобия для масс
и зримых форм;
Свет посылал разоблачающую
быструю искру фотона,
Показывал, в мгновенья вспышек
созданных изображений,
Весь этот космос
видимых вещей.
Так строился реальный,
невозможный мир.
Привычное для глаза чудо
или убеждающее шоу.
Или таким он кажется
для человеческого дерзкого ума,
Который объявляет
собственную мысль —
арбитром истины,
Свой личный взгляд на вещи —
объективным фактом,
И в качестве свидетелей
действительного мира
Берёт своё ошибочное чувство
и изобретенье инструментов.
Так должен он работать
над запутанной загадкой жизни
В неясном свете,
с помощью ошибки
понимая Истину,
Неспешно отделяя внешний облик
от вуали.
Или иначе, потеряв
доверие к уму и чувству,

His knowledge a bright body of ignorance,
He sees in all things strangely fashioned here

The unwelcome jest of a deceiving Force,
A parable of Maya and her might.

This vast perpetual motion caught and held
In the mysterious and unchanging change

Of the persistent movement we call Time
And ever renewing its recurrent beat,
These mobile rounds that stereotype a flux,
These static objects in the cosmic dance
That are but Energy's self-repeating whorls
Prolonged by the spirit of the brooding Void,
Awaited life and sense and waking Mind.
A little the Dreamer changed his pose of stone.
But when the Inconscient's scrupulous work was done
And Chance coerced by fixed immutable laws,
A scene was set for Nature's conscious play.
Then stirred the Spirit's mute immobile sleep;

The Force concealed broke dumbly, slowly out.

Теряя знанье в мешанине
яркого невежества,
Во всех вещах,
что странно здесь устроены,
он начинает видеть
Малоприятный смех
обманывавшей Силы,
Иносказанье Майи
и её могущества.
Широкий вечный импульс,
пойманный, удержанный,
В таинственном
и неменяющемся измененьи
постоянного движения,
Которое мы называем
Временем,
И вечно обновляющего
повторяющийся ритм,
Подвижные вращения,
дающие устойчивость потоку,
Статичные объекты
посреди космического танца,
Которые — лишь само-повторенье
вихрей из Энергии,
Поддерживались духом
размышлявшей Пустоты,
И ждали жизни, чувства,
пробуждения Ума.
Мечтающий немного поменял
свою недвижимую каменную позу.
Но после завершенья
тщательной работы Несознания,
Когда Случайность ограничили
неизменяемыми твёрдыми законами,
Открылась сцена для
сознательной игры Природы.
Затем сон Духа,
молчаливый, неподвижный,
ощутил толчок;
И спрятанная Сила
медленно, беззвучно
вырвалась наружу.

A dream of living woke in
Matter's heart,

A will to live moved the
Inconscient's dust,
A freak of living startled vacant
Time,
Ephemeral in a blank eternity,

Infinitesimal in a dead Infinite.

A subtler breath quickened dead
Matter's forms;
The world's set rhythm changed to
a conscious cry;
A serpent Power twinned the
insensible Force.
Islands of living dotted lifeless
Space
And germs of living formed in
formless air.
A Life was born that followed
Matter's law,

Ignorant of the motives of its
steps;
Ever inconstant, yet for ever the
same,
It repeated the paradox that gave it
birth:

Its restless and unstable stabilities

Recurred incessantly in the flow
of Time
And purposeful movements in
unthinking forms
Betrayed the heavings of an
imprisoned Will.
Waking and sleep lay locked in
mutual arms;
Helpless and indistinct came
pleasure and pain

Мечта о жизни пробудилась
в самом сердце,
в глубине Материи,
И воля жить отныне
стала двигать пылью Несознания,
И потрясла покой незанятого Времени
причуда жизни,
Такая эфемерная
в пустой, огромной вечности,
И бесконечно маленькая
в мёртвой Бесконечности.
Иное, тонкое дыханье оживило формы
мёртвой до сих пор Материи;
Установившийся ритм мира
перешёл в сознательный призыв;
Змееподобная Энергия переплелась
с бесчувственною Силой.
Живые островки усеяли
безжизненное доселе Пространство,
Зародыши живого обретали форму
в той аморфной атмосфере.
Родилась Жизнь,
что принимала для себя
закон Материи,
Не зная о мотивах
собственных шагов;
Всегда непостоянная,
при этом — вечно та же самая,
Она всё время повторяла парадокс,
что дал возможность
ей родиться:
Её не знавшие покоя,
неустойчивые постоянства
Не прерываясь, возникали вновь
в потоке Времени,
А целеустремлённые движения
в недумающих формах
Показывали силу
заключённой в этих формах Воли.
Сон с пробуждением лежали
сжав себя в объятии;
Беспомощные и неразличимые
явились удовольствие и боль,

Trembling with the first faint
thrills of a World-Soul.

A strength of life that could not
cry or move,

Yet broke into beauty signing
some deep delight:

An inarticulate sensibility,
Throbs of the heart of an
unknowing world,
Ran through its somnolent torpor
and there stirred

A vague uncertain thrill, a
wandering beat,
A dim unclosing as of secret eyes.

Infant self-feeling grew and birth
was born.

A godhead woke but lay with
dreaming limbs;

Her house refused to open its
sealed doors.
Insentient to our eyes that only see

The form, the act and not the
imprisoned God,
Life hid in her pulse occult of
growth and power

A consciousness with mute stifled
beats of sense,
A mind suppressed that knew not
yet of thought,
An inert spirit that could only be.

At first she raised no voice, no
motion dared:

И трепетали первой,
еле уловимою вибрацией
Души Вселенной.
Так сила жизни,
что доселе не могла
ни двинуться, ни крикнуть,
Прорвалась в красоте,
и выразила в ней
глубокий свой восторг:
Едва заметная чувствительность,
Биенье пульса
некого незнающего мира,
Отныне побежали через
сонное его оцепенение,
и там возникла
Изменчивая смутная вибрация,
блуждавшее биение,
Как если б пелена
сходила с тайных глаз.
Возникло детское, пока что,
ощущение себя
и родилось рождение.
Проснулось божество,
хотя ещё лежало
с дремлющими членами;
Его жилище не хотело отпирать
закрытые печатью двери.
Неощутимая для наших глаз,
способных видеть
Лишь форму, действие,
не замечая заключённого там Бога,
Жизнь прятала
в своём оккультном пульсе
роста и энергии
Сознание с немым подавленным
биеньем чувства,
Зажатый ум,
ещё не знавший мысли,
Инертный дух,
который мог лишь быть.
Вначале Жизнь не подавала голоса
и не решалась на движение:

Charged with world-power,
instinct with living force,
Only she clung with her roots to
the safe earth,
Thrilled dumbly to the shocks of
ray and breeze
And put out tendril fingers of desire;
The strength in her yearning for
sun and light
Felt not the embrace that made her
breathe and live;
Absorbed she dreamed content
with beauty and hue.
At last the charmed Immensity
looked forth:

Astir, vibrant, hungering, she
groped for mind;

Then slowly sense quivered and
thought peered out;

She forced the reluctant mould to
grow aware.
The magic was chiselled of a
conscious form;
Its tranced vibrations rhythmed a
quick response,
And luminous stirrings prompted
brain and nerve,
Awoke in Matter spirit's identity

And in a body lit the miracle
Of the heart's love and the soul's
witness gaze.
Impelled by an unseen Will there
could break out
Fragments of some vast impulse
to become
And vivid glimpses of a secret
self,

Заряженная мировой энергией,
инстинктом с жизненною силой,
Она цеплялась лишь корнями
за спасительную землю,
Дрожала молча
от толчков лучей и ветра
И выпускала пальцы-усики желания;
Та сила, что стремилась в ней
навстречу солнцу, свету,
Не ощущала мощного объятия,
её заставившего жить, дышать;
Она была поглощена своими грёзами,
наполненными красотой и цветом.
Но, наконец,
та очарованная Необъятность
посмотрела дальше:
Взволнованная, трепетная,
полная желания,
Жизнь ощупью искала ум;
Затем в ней медленно
зашевелилось чувство,
выглянула мысль;
Она заставила проснуться
сопротивлявшуюся матрицу.
Отшлифовалась магия
осознающей формы;
Вибрации из транса этой формы
задавали ритм живого отклика,
А озарённые движения
толкали мозг и нервы,
Стремились пробудить в Материи
отождествленье с духом,
И в теле зажигали чудо
Любви, живущей в сердце
взгляда-наблюдателя души.
Под натиском незримой Воли
там фрагментами
Смогли прорваться —
широкий импульс становления,
Живые проблески
скрываемого внутреннего “я”,

And the doubtful seeds and force
of shapes to be

Awoke from the inconscient
swoon of things.
An animal creation crept and ran

And flew and called between the
earth and sky,
Hunted by death but hoping still to
live

And glad to breathe if only for a
while.
Then man was moulded from the
original brute.
A thinking mind had come to lift
life's moods,
The keen-edged tool of a Nature
mixed and vague,
An intelligence half-witness,
half-machine.

This seeming driver of her wheel
of works
Missioned to motive and record
her drift
And fix its law on her inconstant
powers,
This master-spring of a delicate
enginery,
Aspired to enlighten its user and
refine

Lifting to a vision of the
indwelling Power
The absorbed mechanic's crude
initiative:
He raised his eyes; Heaven-light
mirrored a Face.

Неясные зародыши и сила
тех форм, которые должны
стать пробуждёнными
И отойти от обморочных
состояний несознания.
Животные созданья
ползали и бегали,
Летали и взывали
между небом и землей,
Гналась за ними смерть,
но всё-таки они надеялись
хоть как-то выжить,
И были счастливы дышать,
пусть ненадолго.
Потом из грубого животного
был сформирован человек.
Поднять в нём жизненные настроения
явился думающий ум,
Заточенный, как бритва, инструмент
неясной, смешанной Природы,
И интеллект —
наполовину наблюдатель,
наполовину — механизм.
Водитель мнимый
колеса её[1] работ,
Что послан был
будить её движение, запоминать,
Навязывать закон ума
её непостоянным силам,
Играл роль основной пружины
тонкой машинерии,
Стремился просветить
и сделать тоньше
своего владельца,
Подняв до виденья
живущего внутри Могущества
Незрелый импульс
увлечённого механика:
Он поднял взгляд;
и в свете Неба отразился Лик.

[1] Жизни, *прим.пер.*

Amazed at the works wrought in her mystic sleep,

She looked upon the world that she had made:
Wondering now seized the great automaton;
She paused to understand her self and aim,

Pondering she learned to act by conscious rule,

A visioned measure guided her rhythmic steps;
Thought bordered her instincts with a frame of will
And lit with the idea her blinded urge.
On her mass of impulses, her reflex acts,
On the Inconscient's pushed or guided drift
And mystery of unthinking accurate steps
She stuck the specious image of a self,
A living idol of disfigured spirit;

On Matter's acts she imposed a patterned law;
She made a thinking body from chemic cells

And moulded a being out of a driven force.
To be what she was not inflamed her hope:
She turned her dream towards some high Unknown;
A breath was felt below of One supreme.

Так в изумленьи от работ,
что совершила в состоянии
мистического сна,
Она взглянула на тот мир,
который создала:
И удивленье охватило
этот величайший автомат;
Она остановилась,
чтоб понять себя
и собственную цель,
Задумавшись, она училась
действовать при помощи
сознательно вводимых правил,
Её ритмичные шаги
вёл некий зримый такт;
Мышленье ограничило её инстинкты
волевыми рамками,
Идея стала освещать
её слепое побуждение.
Всю массу импульсов
и рефлекторных действий,
Навязанное или управляемое
неспешное движенье Несознания,
Мистерию бездумных,
аккуратно выполняемых шагов
Она прикрыла ложною фигурой
внутреннего “я”,
Ожившим идолом
обезображенного духа;
На действия Материи
она отныне наложила типовой закон;
Она создала мыслящее тело
из живущих по химическим законам
клеток,
Сформировала существо
из ею управляемою силы.
Быть тем, чем прежде не была —
воспламеняло дух её надежды:
Свою мечту она направила
к высотам Неизвестного,
Почувствовав внизу дыханье
высочайшего Единого.

An opening looked up to spheres above

And coloured shadows limned on mortal ground
The passing figures of immortal things;
A quick celestial flash could sometimes come:
The illumined soul-ray fell on heart and flesh
And touched with semblances of ideal light
The stuff of which our earthly dreams are made.
A fragile human love that could not last,

Ego's moth-wings to lift the seraph soul,
Appeared, a surface glamour of brief date
Extinguished by a scanty breath of Time;
Joy that forgot mortality for a while
Came, a rare visitor who left betimes,

And made all things seem beautiful for an hour,

Hopes that soon fade to drab realities

And passions that crumble to ashes while they blaze
Kindled the common earth with their brief flame.
A creature insignificant and small

Visited, uplifted by an unknown Power,

То новое открытие
заставило её взглянуть
на более высокие миры,
И красочные тени набросали
здесь, на смертной почве,
Недолговечные картины
для бессмертных феноменов;
Порою приходило
быстрое божественное озарение:
Всё освещавший луч души
мог попадать на сердце или тело,
Касаться внешними прообразами
света идеала
Той ткани, из которой
созданы земные наши грёзы.
Так в людях появилась
хрупкая любовь,
Что не способна долго оставаться,
И крошечные крылья эго —
поднимать ввысь душу-серафима,
Какая-то поверхностная красота
на краткий срок,
Что гасится скупым
дыханием Времени;
Явилась радость,
забывающая временно о смерти,
Нечастый, и так рано
уходящий гость,
Что заставляет всё,
хотя б на час,
казаться нам прекрасным,
Пришли надежды,
быстро увядающие
в скучные реальности,
И страсти, что сгорают в прах,
пока сияют,
Воспламеняя серую обыденность земли
своим коротким пламенем.
Созданье маленькое,
незначительное,
Кого здесь посетила и возвысила
неведомая Сила,

Man laboured on his little patch of earth
For means to last, to enjoy, to suffer and die.

A spirit that perished not with the body and breath
Was there like a shadow of the Unmanifest
And stood behind the little personal form
But claimed not yet this earthly embodiment.
Assenting to Nature's long slow-moving toil,
Watching the works of his own Ignorance,
Unknown, unfelt the mighty Witness lives

And nothing shows the Glory that is here.

A Wisdom governing the mystic world,
A Silence listening to the cry of Life,
It sees the hurrying crowd of moments stream
Towards the still greatness of a distant hour.

Обычный человек —
трудился на своём клочке земли,
Чтоб продолжать свой век
и наслаждаться,
чтоб мучиться и умереть.
Тот дух, что не исчезнет
вместе с телом и дыханием,
Был там подобен
тени Непроявленного,
Он встал за маленькою
формой личности,
Не требуя себе пока что
этого земного воплощения.
Согласный с долгим медленным
движением труда Природы,
И наблюдая за работой
своего Невежества,
Живёт неведомый, неощутимый,
обладающий могуществом
Свидетель,
И ничего не говорит
о той великой Славе,
что здесь есть.
Лишь Мудрость, управляющая
всей мистической вселенной,
Безмолвие, что слушает
призывы Жизни,
Здесь видит,
как спешащая толпа мгновений
Течёт к спокойному величию
далёкого пока что часа.

This huge world unintelligibly turns
In the shadow of a mused Inconscience;
It hides a key to inner meanings missed,

It locks in our hearts a voice we cannot hear.
An enigmatic labour of the spirit,

Гигантский этот мир
необъяснимым образом
Вращается в тени
раздумий Несознания;
Оно скрывает ключ
от ранее утраченного
внутреннего смысла
И заглушает в нашем сердце голоса,
что мы не можем слышать.
Неведомая нам работа духа,

An exact machine of which none
knows the use,

An art and ingenuity without
sense,
This minute elaborate orchestrated
life
For ever plays its motiveless
symphonies.
The mind learns and knows not,
turning its back to truth;
It studies surface laws by surface
thought,
Life's steps surveys and Nature's
process sees,
Not seeing for what she acts or
why we live;
It marks her tireless care of just
device,
Her patient intricacy of fine detail,

The ingenious spirit's brave
inventive plan
In her great futile mass of endless
works,
Adds purposeful figures to her
purposeless sum,

Its gabled storeys piles, its
climbing roofs
On the close-carved foundations
she has laid,
Imagined citadels reared in mythic
air
Or mounts a stair of dream to a
mystic moon:
Transient creations point and hit
the sky:

A world-conjecture's scheme is
laboured out
On the dim floor of mind's
incertitude,

И точная машина,
про которую никто не знает —
для чего она,
Искусство и утонченное мастерство
без смысла,
Вся эта тщательно, детально
оркестрованная жизнь
Играет постоянно
свои необъяснимые симфонии.
Ум учится, но знания не получает,
и поворачивается спиною к истине;
Поверхностные внешние законы
он исследует поверхностною мыслью,
Он изучает как шагает Жизнь
и наблюдает за движением Природы,
Не понимая, почему она так делает
и для чего живём;
Он отмечает всю её неутомимую заботу
точного устройства,
И терпеливую замысловатость
тонких внутренних деталей,
Умелый, смелый план
изобретательного духа
В её великой тщетной массе
нескончаемых работ,
Когда та добавляет полные
неведомого смысла образы
к своим бессмысленным итогам,
И громоздит конические ярусы,
направленные в выси крыши
На точно-вырезанных основаниях,
которые она когда-то заложила,
Творит воображаемые цитадели,
воздвигаемые в атмосфере мифа,
И поднимает лестницу мечты
к мистической луне:
Недолговечные создания
нацеливаются
и ударяются о небеса:
Так получается система
из предположений о вселенной —
На призрачной основе
неопределённости ума

Or painfully built a fragmentary
whole.
Impenetrable, a mystery recondite
Is the vast plan of which we are a
part;

Its harmonies are discords to our
view
Because we know not the great
theme they serve.

Inscrutable work the cosmic
agencies.
Only the fringe of a wide surge we
see;
Our instruments have not that
greater light,
Our will tunes not with the eternal
Will,
Our heart's sight is too blind and
passionate.

Impotent to share in Nature's
mystic tact,
Inapt to feel the pulse and core of
things,
Our reason cannot sound life's
mighty sea
And only counts its waves and
scans its foam;
It knows not whence these
motions touch and pass,

It sees not whither sweeps the
hurrying flood:

Only it strives to canalise its
powers
And hopes to turn its course to
human ends:
But all its means come from the
Inconscient's store.

Она болезненно, частями
строит нечто целое.
Непроницаем и таинственно неясен
Тот необъятный план,
в котором мы —
какой-то лишь фрагмент;
Его гармонии нам видятся
как диссонансы,
Ведь мы не знаем
той великой темы, для которой
эти диссонансы служат.
Загадочна работа
представителей вселенских сил.
Нам виден только край
широкой, набегающей волны;
У наших инструментов
нет того великого, другого света,
И наша воля не настроена
созвучно с вечной Волей,
И наше видение сердца
слишком страстно,
слишком слепо.
Наш разум, неспособный попадать
в мистичный такт Природы,
И чувствовать пульсацию
и суть вещей,
Не может охватить
могучий океан всей жизни,
И лишь считает волны в нём
и изучает пену;
Не знает он —
где те движения касаются,
а где проходят мимо,
Не видит он —
куда течёт тот
торопящийся поток:
Он лишь старается
перенаправить эти силы,
Надеясь повернуть их курс
на нужды человека:
Но все его приёмы взяты
из хранилищ Несознания.

Unseen here act dim huge
world-energies

And only trickles and currents are
our share.
Our mind lives far off from the
authentic Light
Catching at little fragments of the
Truth
In a small corner of infinity,

Our lives are inlets of an ocean's
force.
Our conscious movements have
sealed origins
But with those shadowy seats no
converse hold;
No understanding binds our
comrade parts;
Our acts emerge from a crypt our
minds ignore.

Our deepest depths are ignorant of
themselves;
Even our body is a mystery shop;

As our earth's roots lurk screened
below our earth,
So lie unseen our roots of mind
and life.
Our springs are kept close hid
beneath, within;

Our souls are moved by powers
behind the wall.
In the subterranean reaches of the
spirit
A puissance acts and recks not
what it means;

Using unthinking monitors and
scribes,

Здесь действуют невидимо
неясные огромные
энергии вселенной
И только капли их и струйки —
наш удел.
Наш ум живёт вдали
от подлинного Света,
Хватается за мелкие
фрагменты Истины
В каком-то малом
закоулке бесконечности,
А наши жизни —
небольшие бухты силы океана.
Движенья нашего сознания
имеют скрытые истоки,
Но с теми призрачными областями
не ведут бесед;
И понимание не связывает
наши дружеские части;
Поступки наши
появляются из тайника,
которого умы не замечают.
Все наши глубочайшие глубины
ничего не знают о самих себе;
И даже наше тело —
это склад загадок;
И как земные корни прячутся,
укрытые землей,
Лежат незримо
наши корни жизни и ума.
Те родники хранятся
тщательно укрытыми
внизу, внутри;
И наши души двигаются
силами, что за стеной.
В огромных нишах
подземелий духа
Работает могущество
и не заботится о том,
что это значит;
Используя бездумных
собственных советников, писцов,

It is the cause of what we think
and feel.

The troglodytes of the
subconscious Mind,
Ill-trained slow stammering
interpreters
Only of their small task's routine
aware
And busy with the record in our
cells,
Concealed in the subliminal
secrecies
Mid an obscure occult machinery,

Capture the mystic Morse whose
measured lilt

Transmits the messages of the
cosmic Force.
A whisper falls into life's inner ear

And echoes from the dun
subconscient caves,

Speech leaps, thought quivers, the
heart vibrates, the will

Answers and tissue and nerve
obey the call.

Our lives translate these subtle
intimacies;
All is the commerce of a secret
Power.

A thinking puppet is the mind of
life:
Its choice is the work of elemental
strengths
That know not their own birth and
end and cause

Оно — причина для всего,
о чём мы думаем
и что мы ощущаем.
Так троглодиты
подсознания Ума,
Неграмотные, медленные,
запинающиеся интерпретаторы,
Что знают только о рутине
маленькой своей задачи
И занятые тем, что пишут
в наших клетках,
Упрятанные в тайных
нишах засознания
Среди оккультной
тёмной машинерии,
Стремятся уловить
мистические сообщения морзянки,
чей ритмичный стук
Передаёт послания
вселенской Силы.
Их шёпот падает
во внутренее ухо жизни
И эхом отдаётся
в сумрачных пещерах
подсознания,
Выпрыгивает речь,
вибрирует мышление,
трепещет сердце,
Им отвечает воля,
плоть и нервы
подчиняются призыву.
Так наши жизни воплощают
эту форму тонкой близости;
Всё есть коммерция
какой-то тайной Силы.

Ум жизни —
это мыслящая кукла:
Его решенья — результат работы
многих сил-элементалей,
Которые не ведают
ни своего рождения,
ни цели, ни причины,

And glimpse not the immense
intent they serve.

In this nether life of man
drab-hued and dull,
Yet filled with poignant small
ignoble things,

The conscious Doll is pushed a
hundred ways
And feels the push but not the
hands that drive.
For none can see the masked
ironic troupe
To whom our figure-selves are
marionettes,

Our deeds unwitting movements
in their grasp,
Our passionate strife an
entertainment's scene.
Ignorant themselves of their own
fount of strength
They play their part in the
enormous whole.
Agents of darkness imitating light,

Spirits obscure and moving things
obscure,
Unwillingly they serve a mightier
Power.
Ananke's engines organising
Chance,
Channels perverse of a stupendous
Will,
Tools of the Unknown who use us
as their tools,

Invested with power in Nature's
nether state,

И даже мельком не видали
необъятного намеренья,
Которому они
всё время служат.
В той низшей жизни человека,
серой и тупой,
При этом полной
всем мучительным,
ничтожным, подлым,
Сознательную эту Куклу
тащат сотнями дорог,
А та лишь чувствует нажим,
не ощущая рук, что управляют.
Никто не может видеть
ироничную команду в масках,
Тех, для кого наш
образ внутреннего ”я” —
марионетка,
Дела людей —
безвольные движения в их хватке,
А наша страстная борьба —
лишь сцена для концерта.
Не знающие сами о своём
источнике могущества,
Они играют данные им роли
в том огромном целом.
Агенты темноты,
умело подражающие свету,
Неясные и движущие
многими неясными вещами духи,
Они невольно служат
более могучей Силе.
Они — орудия Ананке,
что организует Случай,
И искажённые каналы
грандиозной Воли,
Они лишь инструменты
Неизвестного,
Что пользуется нами
как своими инструментами,
Владея силой
в низшем уровне Природы,

Into the actions mortals think their own
They bring the incoherencies of Fate,
Or make a doom of Time's slipshod caprice
And toss the lives of men from hand to hand
In an inconsequent and devious game.

Against all higher truth their stuff rebels;
Only to Titan force their will lies prone.
Inordinate their hold on human hearts,
In all our nature's turns they intervene.
Insignificant architects of low-built lives
And engineers of interest and desire,
Out of crude earthiness and muddy thrills
And coarse reactions of material nerve
They build our huddled structures of self-will
And the ill-lighted mansions of our thought,
Or with the ego's factories and marts

Surround the beautiful temple of the soul.
Artists minute of the hues of littleness,
They set the mosaic of our comedy
Or plan the trivial tragedy of our days,
Arrange the deed, combine the circumstance
And the fantasia of the moods costume.

В те действия, что смертные
считают за свои,
Они привносят
искривления Судьбы,
И создают злой рок
небрежною причудой Времени,
Швыряя жизнь людей
из тех рук в эти
В обманчивой, нечестной,
беспорядочной игре.
Их вещество бунтует против
всех высоких истин;
И только пред могуществом Титана
воля их ложится ниц.
Их власть над нашими сердцами
очень велика,
Они вторгаются в любые
повороты человеческой природы.
Так эти незначительные архитекторы
построенных на низшем плане жизней
И инженеры интереса и желания,
Из неумелой приземлённости
и замутнённости вибраций
И грубых откликов
материальных нервов
Выстраивают наши тесные
структуры самоволия
И плохо-освещённые трущобы
нашей мысли,
Своими рынками
и фабриками эго
Берут в кольцо
прекрасный храм души.
Сиюминутные художники,
рисующие красками ничтожности,
Они выкладывают мозаичное панно
людской комедии
Иль ставят простоватую трагедию
из наших дней,
Организуют действие,
тасуют обстоятельства
И комбинируют фантазию
костюма настроений.

These unwise prompters of man's ignorant heart

And tutors of his stumbling speech and will,
Movers of petty wraths and lusts and hates

And changeful thoughts and shallow emotion's starts,
These slight illusion-makers with their masks,
Painters of the decor of a dull-hued stage
And nimble scene-shifters of the human play,

Ever are busy with this ill-lit scene.
Ourselves incapable to build our fate
Only as actors speak and strut our parts
Until the piece is done and we pass off
Into a brighter Time and subtler Space.
Thus they inflict their little pigmy law
And curb the mounting slow uprise of man,
Then his too scanty walk with death they close.

Все эти неразумные подсказчики
невежественным
человеческим сердцам
И репетиторы для
спотыкающейся речи, воли,
Инициаторы различных
мелких раздражений,
вожделения и ненависти,
Меняющихся мыслей,
выходов поверхностных эмоций,
Все эти мало значащие
фокусники со своими масками,
И оформители унылых декораций
на подмостках
Проворные рабочие,
меняющие обстановку
в пьесе человека,
Всё время что-то делают
на этой плохо освещённой сцене.
Мы сами не способны
выстроить свою судьбу,
И только как актёры говорим
и важно исполняем наши роли,
Пока очередной акт не закончится
и не уйдём отсюда прочь
В иное Время, ярче этого,
в иное, тонкое Пространство.
Вот так они навязывают нам
свой маленький закон пигмея
И надевают тесную узду
на медленное восхожденье человека,
Затем они его
довольно скудную прогулку
завершают смертью.

This is the ephemeral creature's daily life.
As long as the human animal is lord
And a dense nether nature screens the soul,

Так день за днём идёт жизнь
эфемерного создания.
И до тех пор, пока в нас
человек-животное — хозяин,
И плотная, из низших сфер, природа
заслоняет душу,

As long as intellect's
outward-gazing sight

Serves earthy interest and creature
joys,

An incurable littleness pursues his
days.

Ever since consciousness was
born on earth,
Life is the same in insect, ape and
man,
Its stuff unchanged, its way the
common route.
If new designs, if richer details
grow
And thought is added and more
tangled cares,
If little by little it wears a brighter
face,

Still even in man the plot is mean
and poor.
A gross content prolongs his
fallen state;
His small successes are failures of
the soul,
His little pleasures punctuate
frequent griefs:

Hardship and toil are the heavy
price he pays

For the right to live and his last
wages death.

An inertia sunk towards
inconscience,
A sleep that imitates death is his
repose.
A puny splendour of creative force

И до тех пор, пока
глядящий лишь на внешнее
взгляд интеллекта
Работает для приземлённых
интересов, радостей
живого существа,
Неизлечимая ничтожность
будет накрывать
ему отпущенные дни.
Всё время, с той поры,
как родилось сознанье на земле,
Жизнь остаётся той же самой,
в насекомом, обезьяне, человеке,
Её материя не изменилась,
путь её — обычнейший маршрут.
И если возникают новые творения
и более богатые детали,
И добавляют мысль
и большее переплетение забот,
И если шаг за шагом
жизнь приобретает
более красивый лик,
То даже в человеке
слаб и беден тот сюжет.
Довольство грубым продлевает
это состояние падения;
И мелкие успехи человека —
это неудачи для души,
А маленькие удовольствия
подчёркивают
частые визиты горя;
Лишения и тяжкий труд —
вот та высокая цена,
которую он платит
За право жить,
и самая последняя расплата —
смерть.
Инерция, что опускает нас
до несознания,
И сон, что подражает смерти —
отдых для него.
Неяркий проблеск
силы творчества

Is made his spur to fragile human works
Which yet outlast their brief creator's breath.

He dreams sometimes of the revels of the gods
And sees the Dionysian gesture pass,-
A leonine greatness that would tear his soul
If through his failing limbs and fainting heart

The sweet and joyful mighty madness swept:

Trivial amusements stimulate and waste
The energy given to him to grow and be.
His little hour is spent in little things.
A brief companionship with many jars,
A little love and jealousy and hate,

A touch of friendship mid indifferent crowds
Draw his heart-plan on life's diminutive map.
If something great awakes, too frail his pitch
To reveal its zenith tension of delight,
His thought to eternise its ephemeral soar,
Art's brilliant gleam is a pastime for his eyes,
A thrill that smites the nerves is music's spell.
Amidst his harassed toil and welter of cares,

Даёт ему энергию
для хрупких человеческих работ,
Которые живут, пока
у их недолговечного творца
не остановится дыхание.
Он иногда мечтает
о веселых радостях богов
И видит, как вершится жест
достойный Дионисия, —
Но это львиное величие
разорвало бы душу в нём,
Когда бы сквозь его
слабеющие члены,
замирающее сердце
Смогло бы пронестись
то радостное, сладкое,
могучее безумие:
Обычные же развлечения
лишь стимулируют и тратят
Энергию, что дали человеку,
чтоб расти и быть.
И малый час его расходится
на маленькие вещи.
Недолгие товарищи
и с кучей разногласий,
Несильная любовь,
и ненависть, и ревность,
Касанье дружбы посреди
всех безразличных толп
Рисуют схему сердца
на сиюминутной карте жизни.
И если что-то большее и пробуждается,
уж слишком хрупок уровень его,
Чтоб проявить вершины
напряжённого восторга,
В нём мысли — способы увековечить
эфемерное парение,
Сверкание искусства —
развлечение для глаз,
А трепет, что охватывает нервы —
чары музыки.
Средь беспокойного труда,
столпотворения забот,

Pressed by the labour of his crowding thoughts,
He draws sometimes around his aching brow
Nature's calm mighty hands to heal his life-pain.
He is saved by her silence from his rack of self;
In her tranquil beauty is his purest bliss.

A new life dawns, he looks out from vistas wide;

The Spirit's breath moves him but soon retires:
His strength was not made to hold that puissant guest.
All dulls down to convention and routine
Or a fierce excitement brings him vivid joys:
His days are tinged with the red hue of strife
And lust's hot glare and passion's crimson stain;
Battle and murder are his tribal game.
Time has he none to turn his eyes within
And look for his lost self and his dead soul.
His motion on too short an axis wheels;
He cannot soar but creeps on his long road

Or if, impatient of the trudge of Time,

He would make a splendid haste on Fate's slow road,

Придавленный работой собственных
нагромождённых мыслей,
Порой он тянет
к своему измученному лбу
Спокойную могучую ладонь Природы,
вылечить его боль жизни.
Он тишиной её старается спастись
от пытки самого себя;
В её спокойной красоте
находит он своё
отчётливое чистое блаженство.
Восходит новая неведомая жизнь,
он смотрит на широкий
открывающийся вид;
Дыханье Духа движет им,
но вскоре от него уходит:
Не та в нём сила, чтобы удержать
гостей с таким могуществом.
Всё притупляется, становится
условностью, рутиной,
Или, возможно, острым возбуждением,
несущим яркие живые радости:
Его дни озаряет
алый цвет борьбы,
Горячий блеск от вожделения,
румянец страсти;
Убийство и война — его игра,
что переходит по наследству.
Ему нет времени направить
взгляд свой внутрь,
Искать своё затерянное “я”
и умершую душу.
Он кружится на
слишком маленькой оси;
Он не способен воспарить,
и лишь ползёт
по длинному пути;
А если, потеряв терпение
на трудной длительной
дороге Времени,
Он слишком поспешит
на медленном пути Судьбы,

His heart that runs soon pants and tires and sinks;
Or he walks ever on and finds no end.
Hardly a few can climb to greater life.

All tunes to a low scale and conscious pitch.

His knowledge dwells in the house of Ignorance;
His force nears not even once the Omnipotent,
Rare are his visits of heavenly ecstasy.
The bliss which sleeps in things and tries to wake,
Breaks out in him in a small joy of life:
This scanty grace is his persistent stay;
It lightens the burden of his many ills
And reconciles him to his little world.
He is satisfied with his common average kind;
Tomorrow's hopes and his old rounds of thought,
His old familiar interests and desires
He has made into a thick and narrowing hedge
Defending his small life from the Invisible;
His being's kinship to infinity

He has shut away from him into inmost self,
Fenced off the greatnesses of hidden God.

То скачущее сердце быстро задохнётся,
а потом устанет и затихнет;
А может, вечно будет он идти, идти,
и не найдёт конца.
Немногие, с трудом,
способны подниматься
к более высокой жизни.
У человека всё настроено
на низкий уровень
и маленький масштаб сознания.
В нём знание живёт
в домах Невежества;
В нём сила никогда
не приближалась к Всемогущему,
И редко приходил к нему
божественный экстаз.
Блаженство, что пока что спит,
и что пытается проснуться,
Врывается в него
как маленькая радость жизни:
Такая небольшая милость —
постоянная его опора,
И облегчает ношу
многих бед,
И примиряет с этим
мелким миром.
Он стал доволен собственным
обычным средним состоянием;
Надежды завтрашнего дня
и прежние, идущие кругами мысли,
Знакомые привычные желания
и интересы
Он превратил
в глухую, тесную ограду,
Что защищает маленькую жизнь
в нём от Незримого;
Свою родную близость
с бесконечным
Он запер от себя подальше
в глубинах внутреннего “я”,
Отгородившись от величья
скрытого там Бога.

His being was formed to play a trivial part
In a little drama on a petty stage;

In a narrow plot he has pitched his tent of life
Beneath the wide gaze of the starry Vast.
He is the crown of all that has been done:
Thus is creation's labour justified;

This is the world's result, Nature's last poise!
And if this were all and nothing more were meant,

If what now seems were the whole of what must be,

If this were not a stade through which we pass
On our road from Matter to eternal Self,
To the Light that made the worlds, the Cause of things,
Well might interpret our mind's limited view

Existence as an accident in Time,

Illusion or phenomenon or freak,

The paradox of a creative Thought

Which moves between unreal opposites,
Inanimate Force struggling to feel and know,

Matter that chanced to read itself by Mind,

Так существо его сформировалось,
чтоб играть простую роль
В одной из мелких драм,
на небольшом участке сцены;
На узеньком клочке земли
он развернул свою палатку жизни
Под широтою взгляда
звёздного Простора.
И он — венец всего,
что было сделано:
Поэтому оправдан
труд творения;
Вот результат вселенной,
окончательное равновесие Природы!
И если б это было всё,
и ничего бы не предполагалось
больше,
И если б то, что видится сейчас
и было бы тем целым,
чем должно,
И если это не было бы стадией,
которую мы все проходим,
Участком на дороге, от Материи
до вечного божественного “Я”,
И к Свету, что создал миры,
к Причине всех вещей,
То было бы легко представить
ограниченному взгляду
нашего ума
Существование —
случайностью во Времени,
Как некую иллюзию,
причуду, феномен,
Как некий парадокс
творящей Мысли,
Что движется меж противостояньем
нереальных крайностей,
Как неживую силу,
что борется за право
чувствовать и понимать,
Материю, рискнувшую
истолковать себя Умом,

Inconscience monstrously
engendering soul.
At times all looks unreal and
remote:
We seem to live in a fiction of our
thoughts
Pieced from sensation's fanciful
traveller's tale,
Or caught on the film of the
recording brain,
A figment or circumstance in
cosmic sleep.
A somnambulist walking under
the moon,
An image of ego treads through an
ignorant dream
Counting the moments of a
spectral Time.
In a false perspective of effect and
cause,
Trusting to a specious prospect of
world-space,

It drifts incessantly from scene to
scene,
Whither it knows not, to what
fabulous verge.

All here is dreamed or doubtfully
exists,
But who the dreamer is and
whence he looks
Is still unknown or only a
shadowy guess.
Or the world is real but ourselves
too small,
Insufficient for the mightiness of
our stage.
A thin life-curve crosses the titan
whirl
Of the orbit of a soulless universe,

Как несознательное,
что уродливо рождает душу.
Порой всё выглядит
и нереальным, и далёким,
И кажется, что мы живем
все в фикции своих же мыслей,
Составленной из ощущений от рассказа
фантастического путешественника,
Или от фильма, выхваченного
из воспоминаний мозга,
Из вымысла, из случая
внутри космического сна.
Как некая сомнамбула,
гуляющая под луной,
Шагает образ эго
через сон невежества,
Отсчитывая ход мгновений
призрачного Времени.
В фальшивой перспективе
следствия-причины
Он доверяет
видимой правдоподобности
обширной панорамы мира;
Его всё время носит по течению,
от сцены к сцене,
И он не ведает —
куда он приплывёт,
в какой невероятный край.
Всё здесь подобно сну
и существует неопределённо,
Но кто же видит сон,
и из какого места смотрит,
Пока что неизвестно,
лишь возникают смутные догадки.
А может — мир реален,
но уж слишком сами мы малы,
Не соответствуем могуществу
земной арены.
Здесь тонкая кривая жизни тянется
сквозь титанический водоворот
Бездушной, проносящейся
своей орбитою вселенной,

And in the belly of the sparse
rolling mass
A mind looks out from a small
casual globe
And wonders what itself and all
things are.
And yet to some interned
subjective sight
That strangely has formed in
Matter's sightless stuff,
A pointillage minute of little self

Takes figure as world-being's
conscious base.
Such is our scene in the half-light
below.
This is the sign of Matter's infinite,
This the weird purport of the
picture shown
To Science the giantess, measurer
of her field,
As she pores on the record of her
close survey
And mathematises her huge
external world,

To Reason bound within the circle
of sense,
Or in Thought's broad impalpable
Exchange
A speculator in tenuous vast ideas,

Abstractions in the void her
currency
We know not with what firm
values for its base.
Only religion in this bankruptcy

Presents its dubious riches to our
hearts
Or signs unprovisioned cheques
on the Beyond:

И в чреве той разбросанной
вращающейся массы,
Ум смотрит из случайной
маленькой планеты
И удивляется — а что есть он,
и что — всё существующее.
И всё же, перед неким внутренним
и субъективным взглядом,
Что странным образом сформировался
из слепого вещества Материи,
Пунктирное мгновенье
маленького “я”
Предстанет образом
сознательной основы мира-бытия.
Такая наша сцена
в этом низшем полусвете.
Таков знак бесконечности Материи,
И таково причудливое
содержание картины,
Показанной Науке, этой великанше,
что меряет свои владения,
Когда она сосредоточенно разглядывает
запись тайного исследования
И переводит на язык
математических теорий
свой огромный внешний мир;
Для Разума, который ограничен
кругом ощущений,
Иль средь неосязаемой широкой
Биржи Мысли
Для спекулянта
тонкими идеями простора,
Абстракция в той пустоте —
её валюта,
Но мы не знаем, что за ценности
лежат в её основе.
И лишь религия
на фоне этого банкротства
Свои сомнительные блага
предлагает сердцу человека,
Или подписывает свой
необеспеченный валютой чек
на Запредельное:

Our poverty shall there have its revenge.
Our spirits depart discarding a futile life
Into the blank unknown or with them take
Death's passport into immortality.

Там наша нищета
должна взять свой реванш.
Наш дух уходит прочь
из мира,
Отбросив ставшую ненужной жизнь,
в неведомую пустоту,
Иль тянет за собой в бессмертье
паспорт Смерти.

Yet was this only a provisional scheme,
A false appearance sketched by limiting sense,
Mind's insufficient self-discovery,
An early attempt, a first experiment.

This was a toy to amuse the infant earth;
But knowledge ends not in these surface powers
That live upon a ledge in the Ignorance
And dare not look into the dangerous depths
Or to stare upward measuring the Unknown.
There is a deeper seeing from within
And, when we have left these small purlieus of mind,
A greater vision meets us on the heights
In the luminous wideness of the spirit's gaze.
At last there wakes in us a witness Soul
That looks at truths unseen and scans the Unknown;
Then all assumes a new and marvellous face:
The world quivers with a God-light at its core,

И всё же то была
лишь некая условность, схема,
Ошибочная видимость, набросанная
ограничивавшим чувством,
Неполное самооткрытие Ума,
Первоначальная попытка,
первые эксперименты.
То было детскими игрушками
для радости младенческой земли;
Но знанье не кончается
с поверхностными силами,
Которые живут
на выступе в Невежестве,
Не смея посмотреть
в опасные глубины
Или поднять глаза к высотам,
примеряясь к Неизвестному.
Есть более глубокий взгляд,
идущий изнутри;
Когда уйдем мы с этих
маленьких окрестностей ума,
То более широкая способность видеть
встретит нас на тех высотах,
В той озарённой широте,
что есть у взгляда духа.
И, наконец, проснётся в нас
Душа-свидетель,
Что смотрит на невидимые истины
и изучает Неизвестное;
Затем всё обретёт чудесный,
новый лик:
Весь мир начнёт вибрировать
со светом Бога в сердцевине,

In Time's deep heart high
purposes move and live,

Life's borders crumble and join
infinity.
This broad, confused, yet rigid
scheme becomes
A magnificent imbroglio of the
Gods,
A game, a work ambiguously
divine.
Our seekings are short-lived
experiments
Made by a wordless and
inscrutable Power
Testing its issues from inconscient
Night
To meet its luminous self of Truth
and Bliss.
It peers at the Real through the
apparent form;
It labours in our mortal mind and
sense;
Amid the figures of the Ignorance,

In the symbol pictures drawn by
word and thought,
It seeks the truth to which all
figures point;

It looks for the source of Light
with vision's lamp;
It works to find the Doer of all
works,

The unfelt Self within who is the
guide,
The unknown Self above who is
the goal.
All is not here a blinded Nature's
task:
A Word, a Wisdom watches us
from on high,

Возвышенные цели
станут жить и двигаться
в глубоком сердце Времени,
Границы жизни полностью разрушатся,
соединяясь с бесконечностью.
Широкая и сбивчивая,
но при этом прочная система
Здесь станет удивительным и сложным
завихрением Богов,
Игрой, работой,
что неоднозначна и божественна.
И станут наши поиски
короткими экспериментами,
Что ставит бессловесная,
загадочная Сила,
Стремясь проверить способы
сбежать из несознательной Ночи,
И встретиться со светлым “я”
Блаженства и Высокой Истины.
Душа здесь смотрит на Реальность
через наблюдаемые формы;
Она работает
в уме и чувстве смертных;
Среди различных образов
Невежества,
И символических картин,
написанных словами, мыслью,
Она пытается найти ту истину,
к которой направляет
каждый образ;
Она отыскивает с лампой виденья
источник Света;
Она работает,
чтоб обнаружить Исполнителя
всех выполняемых работ,
Неуловимое для чувства “Я” внутри,
которое для нас руководитель,
Неведомое “Я” над головой,
кто наша цель.
Не всё здесь, на земле,
задачи для слепой Природы:
Есть Слово, Мудрость
что глядят на нас с высот,

A Witness sanctioning her will
and works,
An Eye unseen in the unseeing
vast;
There is an Influence from a Light
above,
There are thoughts remote and
sealed eternities;
A mystic motive drives the stars
and suns.
In this passage from a deaf
unknowing Force
To struggling consciousness and
transient breath
A mighty Supernature waits on
Time.

The world is other than we now
think and see,

Our lives a deeper mystery than
we have dreamed;

Our minds are starters in the race
to God,
Our souls deputed selves of the
Supreme.
Across the cosmic field through
narrow lanes
Asking a scanty dole from
Fortune's hands
And garbed in beggar's robes there
walks the One.
Even in the theatre of these small
lives
Behind the act a secret sweetness
breathes,
An urge of miniature divinity.

A mystic passion from the wells
of God
Flows through the guarded spaces
of the soul;

Свидетель, что даёт своё согласие
на волю и дела Природы,
Невидимое Око
посреди невидящих просторов;
Есть и Влияние,
идущее от Света свыше,
И мысли, что отсюда далеки,
и скрытые пока что вечности;
Мистическое странное намерение
правит солнцами и звёздами.
В том переходе
от глухой неведающей Силы
К ведущему борьбу сознанию
и преходящему дыханию,
Во Времени нас ждёт
наполненная грандиозной мощью
Сверхприрода.
Наш мир — другой, не то,
о чём сейчас мы думаем,
и что мы видим,
И наши жизни —
более глубокая мистерия,
чем мы воображаем;
Умы людей подобны бегунам
в забеге к Богу,
А наши души —
представители Всевышнего.
То по космическому полю,
а то по узеньким тропинкам
Прося скупой подачки
из руки Фортуны
Одетый в нищенские одеяния
идёт Единый.
И даже в театральном представленьи
наших мелких жизней
За этим действом дышит
спрятанная сладость,
И чувствуется импульс
маленькой божественности.
Мистическая страсть
из родников Всевышнего
Течёт сквозь охраняемые
протяжённости души;

A force that helps supports the suffering earth,

An unseen nearness and a hidden joy.
There are muffled throbs of laughter's undertones,
The murmur of an occult happiness,
An exultation in the depths of sleep,
A heart of bliss within a world of pain.
An Infant nursed on Nature's covert breast,
An Infant playing in the magic woods,
Fluting to rapture by the spirit's streams,

Awaits the hour when we shall turn to his call.
In this investiture of fleshly life

A soul that is a spark of God survives
And sometimes it breaks through the sordid screen
And kindles a fire that makes us half-divine.

In our body's cells there sits a hidden Power
That sees the unseen and plans eternity,
Our smallest parts have room for deepest needs;

There too the golden Messengers can come:
A door is cut in the mud wall of self;

Та сила, что нам помогает
и даёт поддержку
для страдающей земли,
Несёт невидимую близость
и скрываемую радость.
Есть приглушённые биенья
смеха на полутонах,
И шёпот счастья,
внутреннего, сокровенного,
И ликование в глубинах сна,
И сердцевина некого блаженства,
спрятанная в мире боли.
Дитя, которое кормили
от груди Природы,
Дитя, что забавляется
в магических лесах,
Играя для восторга
на потоках духа,
словно флейтой,
Ждёт час, когда мы повернём
к нему на зов.
Под нашим одеянием
телесной жизни
Душа, искра от Бога,
продолжает выживать
И временами прорывается
сквозь жалкую завесу,
И зажигает тот огонь,
что делает людей
полубожественными.
Там, в клетках наших тел
сидит невидимая Сила,
Что наблюдает за незримым
и выстраивает планы вечности,
И даже в наших
самых маленьких частях
есть место для глубоких нужд;
Там тоже могут появиться
золотые Вестники:
В запачканных землёю
стенах внутреннего ”я”
вдруг возникает дверь;

Across the lowly threshold with bowed heads
Angels of ecstasy and self-giving pass,
And lodged in an inner sanctuary of dream
The makers of the image of deity live.

Pity is there and fire-winged sacrifice,
And flashes of sympathy and tenderness
Cast heaven-lights from the heart's secluded shrine.
A work is done in the deep silences;
A glory and wonder of spiritual sense,
A laughter in beauty's everlasting space
Transforming world-experience into joy,
Inhabit the mystery of the untouched gulfs;
Lulled by Time's beats eternity sleeps in us.
In the sealed hermetic heart, the happy core,
Unmoved behind this outer shape of death
The eternal Entity prepares within

Its matter of divine felicity,

Its reign of heavenly phenomenon.

Even in our sceptic mind of ignorance
A foresight comes of some immense release,
Our will lifts towards it slow and shaping hands.

Переступая скромный низенький порог,
склоняя головы,
Проходят ангелы
самоотдачи и экстаза,
И, поселившись в этом
внутреннем святилище мечты,
Живут они, создатели прообраза
земного божества.
Здесь есть и сострадание,
и жертва с огненными крыльями,
И вспышки нежности, симпатии,
которые свои небесные огни
Бросают из уединенья
храма сердца.
Там, в глубине безмолвий
выполняется работа;
Великолепье, смех
и чудо ощущенья духа,
В том вечно длящемся
пространстве красоты,
Преобразующие опыт мира
в радость,
Живут в мистерии
недостижимых бездн;
Там, убаюканная пульсом Времени,
в нас дремлет вечность.
В закрытой герметично сердцевине,
в самом центре счастья,
За внешней оболочкой смерти,
неподвижно,
Та вечная божественная Сущность
подготавливает нам внутри
Свою материю
божественного счастья,
Своё правление
небесных феноменов.
И даже в наш
скептичный ум невежества
Приходит иногда предвиденье
какого-то безмерного освобождения,
А наша воля тянет к этому
неторопливые
и лепящие облик руки.

Each part in us desires its
absolute.
Our thoughts covet the everlasting
Light,
Our strength derives from an
omnipotent Force,
And since from a veiled God-joy
the worlds were made

And since eternal Beauty asks for
form
Even here where all is made of
being's dust,
Our hearts are captured by
ensnaring shapes,
Our very senses blindly seek for
bliss.
Our error crucifies Reality

To force its birth and divine body
here,
Compelling, incarnate in a human
form

And breathing in limbs that one
can touch and clasp,

Its Knowledge to rescue an
ancient Ignorance,
Its saviour light the inconscient
universe.
And when that greater Self comes
sea-like down

To fill this image of our
transience,
All shall be captured by delight,
transformed:
In waves of undreamed ecstasy
shall roll
Our mind and life and sense and
laugh in a light

Любая часть в нас
хочет собственного абсолюта.
В нас мысли жаждут
вечно длящегося Света,
В нас сила рождена
из всемогущей Силы,
И с той поры, как были созданы миры,
из скрытого вуалью
ликованья Бога
С тех пор, как Красота из вечности
потребовала формы,
То даже здесь, где всё сотворено
из праха бытия,
Сердца в нас ловятся
заманчивыми образами,
А наши истинные чувства
слепо устремляются к блаженству.
Ошибка наша распинает
высшую Реальность,
И заставляет здесь её
пройти через рождение,
И чтоб божественное тело
согласилось воплотиться
в форме человека,
И задышало в тех телах,
к которым можно
прикоснуться и обнять,
И чтобы Знание его
освободило древнее Невежество,
А свет — дал избавленье
несознательной вселенной.
И, наконец, когда
великое божественное “Я”
сойдёт, подобно океану, вниз,
Наполнить этот образ
нашей мимолетности,
Всё будет взято в плен восторгом
и преобразовано:
И в волнах невообразимого экстаза
понесутся в танце
Наш ум, и жизнь, и чувство,
и весёлый смех, под светом

Other than this hard limited
human day,
The body's tissues thrill
apotheosised,
Its cells sustain bright
metamorphosis.
This little being of Time, this
shadow soul,
This living dwarf-figurehead of
darkened spirit
Out of its traffic in petty dreams
shall rise.
Its shape of person and its ego-
face
Divested of this mortal travesty,

Like a clay troll kneaded into a
god
New-made in the image of the
eternal Guest,

It shall be caught to the breast of a
white Force
And, flaming with the paradisal
touch
In a rose-fire of sweet spiritual
grace,
In the red passion of its infinite
change,
Quiver, awake, and shudder with
ecstasy.
As if reversing a deformation's
spell,
Released from the black magic of
the Night,
Renouncing servitude to the dim
Abyss,
It shall learn at last who lived
within unseen,

And seized with marvel in the
adoring heart

Ином, чем эти тяжкие
и ограниченные дни людей,
В нас ткани тела
завибрируют в апофеозе,
Их клетки выдержат
блестящую метаморфозу.
И это маленькое существо во Времени,
и эта тень души,
Живая низкая фигура-украшенье
корабля темнеющего духа
Поднимется от дел своих
в пустячных грёзах.
Его лик эго,
форма личности,
Забыв про эту
смертную пародию,
Подобно глинянному троллю,
которого перелепили в бога,
Возникнет, сотворённый заново,
в обличье вечно существующего
Гостя,
И будет он прижат к груди
незамутнённой чистой Силы
И загораясь от такого
райского прикосновения,
Средь розы-пламени
духовной сладкой милости,
Средь алой страсти
нескончаемого изменения,
Проснётся, вздрогнет,
затрепещет от экстаза.
И словно сняв с себя
заклятие уродства,
Освободившись, наконец,
от чёрной магии Ночи,
Отвергнув рабство
смутной Бездны,
Он, наконец, поймет —
кто у него, незримый,
жил внутри;
Тогда, захваченный тем чудом
в восхищённом сердце,
осознав его,

To the enthroned Child-Godhead kneel aware,
Trembling with beauty and delight and love.
But first the spirit's ascent we must achieve
Out of the chasm from which our nature rose.
The soul must soar sovereign above the form
And climb to summits beyond mind's half-sleep;
Our hearts we must inform with heavenly strength,
Surprise the animal with the occult god.
Then kindling the gold tongue of sacrifice,
Calling the powers of a bright hemisphere,
We shall shed the discredit of our mortal state,
Make the abysm a road for Heaven's descent,
Acquaint our depths with the supernal Ray
And cleave the darkness with the mystic Fire.

Он преклонит колени
перед Божеством-Дитя
на троне,
И будет трепетать от красоты,
восторга и любви.
Но перед этим мы должны
добиться восхожденья духа
из тех бездн,
Откуда поднимается
природа человека.
Душа должна парить
над формой властелином,
И подниматься к высочайшим пикам
за границей полусна ума;
Свои сердца наполнить
мы должны небесной силой,
Застать врасплох животное в себе
сокрытым сокровенным богом.
Затем, воспламеняя
золотое пламя жертвоприношения,
И призывая силы
светлой полусферы,
Мы сбросим низость
состоянья смертных,
И из пучины сделаем
дорогу нисхождения Небес,
И познакомим нашу глубину
с божественным Лучом,
И темноту расколем
мистическим Огнём.

Adventuring once more in the natal mist
Across the dangerous haze, the pregnant stir,
He through the astral chaos shore a way
Mid the grey faces of its demon gods,

Он[1] снова шёл
рискованной дорогой
в дымке зарождения,
Сквозь угрожающую суету,
опасными туманами,
Прокладывая путь себе
в астральном хаосе
Средь серых лиц
каких-то демонических богов,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

Questioned by whispers of its flickering ghosts,
Besieged by sorceries of its fluent force.
As one who walks unguided through strange fields
Tending he knows not where nor with what hope,
He trod a soil that failed beneath his feet
And journeyed in stone strength to a fugitive end.

His trail behind him was a vanishing line
Of glimmering points in a vague immensity;
A bodiless murmur travelled at his side
In the wounded gloom complaining against light.
A huge obstruction its immobile heart,
The watching opacity multiplied as he moved

Its hostile mass of dead and staring eyes;
The darkness glimmered like a dying torch.
Around him an extinguished phantom glow
Peopled with shadowy and misleading shapes
The vague Inconscient's dark and measureless cave.
His only sunlight was his spirit's flame.

End of Canto Five

Преследуемый шёпотами
колыхающихся призраков,
И осаждённый чарами
их растекающейся силы.
Не зная, как идти,
пересекая странные поля,
И не заботясь —
где он и на что надеяться,
Шагал по почве,
что проваливалась под ногами
И двигался всё дальше,
в каменную неприступность,
к ускользающей всё время цели.
Его след позади виднелся
исчезающей пунктирной линией
Мерцавших точек средь
неясного безмерного пространства;
С ним рядом двигалось
бесплотное ворчанье
Израненного мрака,
протестующего против света.
Огромная преграда
неподвижной сердцевины,
И выжидающая тень,
по мере, как он шёл,
всё умножала
Враждебную громаду мёртвых,
пристально смотрящих глаз;
Мерцала темнота
как угасавший факел.
Вокруг него кружилось
исчезающее иллюзорное сияние,
И населённая обманчивыми
призрачными формами
Угрюмая бездонная пещера
рассеянного Несознания.
И только пламя собственного духа
светило для него, как солнце.

Конец пятой песни

Book Two
THE BOOK OF THE TRAVELLER OF THE WORLDS

Canto VI
THE KINGDOMS AND GODHEADS OF THE GREATER LIFE

As one who between dim receding walls
Towards the far gleam of a tunnel's mouth,
Hoping for light, walks now with freer pace
And feels approach a breath of wider air,
So he escaped from that grey anarchy.
Into an ineffectual world he came,

A purposeless region of arrested birth
Where being from non-being fled and dared
To live but had no strength long to abide.
Above there gleamed a pondering brow of sky
Tormented, crossed by wings of doubtful haze
Adventuring with a voice of roaming winds
And crying for a direction in the void

Книга Вторая
КНИГА ПУТЕШЕСТВЕННИКА ПО МИРАМ

Песня VI
ЦАРСТВА И БОГИ БОЛЕЕ ВЫСОКОЙ ЖИЗНИ

Как будто меж неясными
и отступавшими стенами,
Стремясь к далёкому мерцанью
пасти выхода туннеля,
С надеждою на свет,
сейчас шагая вольной поступью
И ощущая приближение дыханья
более широкой атмосферы,
Он[1] ускользал от этой
серости, анархии.
Так он пришёл в неведомый
бесплодный мир,
Не знающую цели
область запоздалого рождения,
Где бытие бежало от небытия
и смело жить,
Но не имело силы
ждать, терпеть и подчиняться.
Над ним мерцал
задумавшийся лоб небес,
Измученный, изрезанный крылами
мглы сомнения,
Рискуя двигаться
под воем рыщущих ветров,
Взывая к направленью
в этой пустоте,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

Like blind souls looking for the
selves they lost
And wandering through
unfamiliar worlds;
Wings of vague questioning met
the query of Space.
After denial dawned a dubious
hope,
A hope of self and form and leave
to live
And the birth of that which never
yet could be,

And joy of the mind's hazard, the
heart's choice,
Grace of the unknown and hands
of sudden surprise

And a touch of sure delight in
unsure things:
To a strange uncertain tract his
journey came

Where consciousness played with
unconscious self
And birth was an attempt or
episode.
A charm drew near that could not
keep its spell,

An eager Power that could not
find its way,
A Chance that chose a strange
arithmetic
But could not bind with it the
forms it made,
A multitude that could not guard
its sum

Which less than zero grew and
more than one.
Arriving at a large and shadowy
sense

Подобно ослеплённым душам
в поисках потерянного "я",
Блуждая где-то,
незнакомыми мирами;
Так крылья смутного сомнения
встречались с поиском Пространства.
А после возражение
забрезжило неясною надеждой,
Надеждою на внутреннее "я",
на форму, на возможность жить,
И на рождение того,
что раньше никогда бы
не смогло возникнуть,
На радости азартных игр ума,
на выбор сердца,
На милость неизвестности,
и на объятья рук
внезапного сюрприза,
И на касание надёжного восторга
в ненадёжности вещей:
К какой-то странной
неопределённой области
пришёл он в этом путешествии:
Сознанье здесь играло
с неосознающим "я",
Рожденье было лишь
попыткой или эпизодом.
Очарование притягивало ближе то,
что не могло удерживать
свою чарующую силу,
Нетерпеливое Могущество,
что не могло найти свой путь,
Случайность, выбравшую для себя
неведомую арифметику,
Но не способную связать с ней
созданные ею формы,
Огромное число,
что не могло сберечь
свою математическую сумму,
Стремившуюся стать
и менее нуля, и больше единицы.
Достигнув некого широкого
и призрачного чувства,

That cared not to define its
fleeting drift,
Life laboured in a strange and
mythic air
Denuded of her sweet magnificent
suns.
In worlds imagined, never yet
made true,

A lingering glimmer on creation's
verge,
One strayed and dreamed and
never stopped to achieve:

To achieve would have destroyed
that magic Space.
The marvels of a twilight
wonderland
Full of a beauty strangely, vainly
made,
A surge of fanciful realities,
Dim tokens of a Splendour sealed
above,
Awoke the passion of the eyes' desire,

Compelled belief on the
enamoured thought
And drew the heart but led it to no
goal.
A magic flowed as if of moving
scenes
That kept awhile their fugitive
delicacy
Of sparing lines limned by an
abstract art
In a rare scanted light with faint
dream-brush
On a silver background of incertitude.

An infant glow of heavens near to
morn,
A fire intense conceived but never
lit,

Что не заботилось определить
своё летящее скольжение,
Жизнь здесь работала
в мифической и странной атмосфере,
Лишённой ласковых её
великолепных солнц.
В мирах придуманных,
и никогда ещё не воплощавшихся
в реальности,
В томительном мерцаньи
на краю творения,
Она блуждала, и мечтала,
и не останавливалась,
чтоб достигнуть:
Достигнуть означало бы разрушить
то волшебное Пространство.
И чудеса из сумеречной
удивительной страны,
Страны наполненною красотою,
странно и напрасно созданной,
Вал фантастических реальностей,
Неясные намёки
скрытого Великолепья выше,
В глазах будили
страстное желание,
И вкладывали веру
в очарованную мысль,
Притягивали сердце,
но вели его без цели.
Здесь магия текла,
как будто из подвижных сцен,
Хранивших до поры
свою непрочную изысканность
Скупых штрихов, набросанных
абстрактной живописью,
В неясном бледном свете,
еле видимым воображеньем-кистью,
На серебристом фоне
неопределённости.
Едва рождающийся ранним утром
свет небес,
Огонь, отчётливо воспринимаемый,
но никогда не освещавший,

Caressed the air with ardent hints
of day.
The perfect longing for
imperfection's charm,
The illumined caught by the snare
of Ignorance,
Ethereal creatures drawn by
body's lure
To that region of promise, beating
invisible wings,
Came hungry for the joy of finite
life
But too divine to tread created soil

And share the fate of perishable
things.
The Children of the unembodied
Gleam
Arisen from a formless thought in
the soul
And chased by an imperishable desire,

Traversed the field of the pursuing
gaze.
A Will that unpersisting failed,
worked there:
Life was a search but finding
never came.

There nothing satisfied, but all
allured,
Things seemed to be that never
wholly are,
Images were seen that looked like
living acts
And symbols hid the sense they
claimed to show,
Pale dreams grew real to the
dreamer's eyes.

The souls came there that vainly
strive for birth,

Ласкал всю атмосферу
пылкими предвестниками дня.
И совершенство, что тоскует
по очарованию несовершенства,
И озарённые, попавшие
в силки Невежества,
Эфирные созданья,
привлечённые соблазном тела,
В те земли обещаний,
хлопая незримыми крылами,
Летели с жаждой радостей
конечной жизни,
Но были чересчур божественны,
чтобы ходить по сотворённой почве
И разделять судьбу
недолговечного творенья.
Так эти Дети Блеска,
не нашедшего пока что воплощенья,
Поднявшись из бесформенной,
неясной мысли в глубине души,
Гонимые каким-то
никогда не увядающим желанием,
Пересекали области
преследующего их взгляда.
Там действовала Воля,
временами терпящая неудачи:
Жизнь оставалась поиском,
в котором никогда
и ничего не находили.
Ничто не приносило радости,
однако всё манило,
Все вещи там казались тем,
чем в целом никогда и не бывали,
Там виделись картины,
что выглядели как живое действие,
И символы, скрывающие смысл,
что тщились показать,
Там тусклые мечты
в глазах мечтающего
становились явью.
Туда шли души,
что напрасно бились
за рождение,

And spirits entrapped might
wander through all time,

Yet never find the truth by which
they live.
All ran like hopes that hunt a
lurking chance;

Nothing was solid, nothing felt
complete:
All was unsafe, miraculous and
half-true.
It seemed a realm of lives that had
no base.

И пойманный там дух
способен был блуждать
до бесконечности,
И никогда не обнаружить истины,
благодаря которой он живёт.
Всё убегало, как надежды,
что гонятся
за ускользающей возможностью;
Ничто не оставалось прочным,
ничто не ощущалось завершённым:
Всё было ненадёжным,
удивительным и полуправдой.
Казалось, это было царство жизней,
не имеющих основы.

Then dawned a greater seeking,
broadened sky,

A journey under wings of
brooding Force.
First came the kingdom of the
morning star:
A twilight beauty trembled under
its spear
And the throb of promise of a
wider Life.
Then slowly rose a great and
doubting sun
And in its light she made of self a
world.
A spirit was there that sought for
its own deep self,
Yet was content with fragments
pushed in front
And parts of living that belied the
whole
But, pieced together, might one
day be true.
Yet something seemed to be
achieved at last.

A growing volume of the will-to-be,

Затем зарёй забрезжил
более высокий поиск,
ставшее просторней небо,
И путешествие под крыльями
вынашивавшей что-то Силы.
Вначале появилось
царство утренней звезды:
Под острием её копья
дрожало сумеречное великолепие
И трепет обещанья
более широкой Жизни.
Затем неторопливо поднялось
огромное и нерешительное солнце,
И в этом свете, из себя,
Жизнь сотворила мир.
Там дух был, что искал себя
на более глубоком уровне,
Но стал доволен и фрагментами,
что вышли на передний план,
Частями бытия,
что расходились с целым,
Но, собранные воедино,
могли однажды обернуться истиной.
Казалось, существует нечто,
до чего необходимо,
наконец, добраться.
Растущие объёмы воли быть,

A text of living and a graph of force,
A script of acts, a song of
conscious forms
Burdened with meanings fugitive
from thought's grasp
And crowded with undertones of
life's rhythmic cry,
Could write itself on the hearts of
living things.
In an outbreak of the might of
secret Spirit,
In Life and Matter's answer of
delight,
Some face of deathless beauty
could be caught
That gave immortality to a
moment's joy,
Some word that could incarnate
highest Truth

Leaped out from a chance tension
of the soul,

Some hue of the Absolute could
fall on life,
Some glory of knowledge and
intuitive sight,
Some passion of the rapturous
heart of Love.
A hierophant of the bodiless Secrecy
Interned in an unseen spiritual
sheath,
The Will that pushes sense beyond
its scope
To feel the light and joy
intangible,
Half found its way into the
Ineffable's peace,
Half captured a sealed sweetness
of desire
That yearned from a bosom of
mysterious Bliss,

Учебник жизни, диаграмма силы,
Сценарий действий,
песня сознающих форм,
Нагруженные смыслом, ускользающим
от пониманья мыслью,
И переполненные разными оттенками
ритмичного призыва жизни,
Могли писать себя
в сердцах живых существ.
В прорыве силы
спрятанного Духа,
В ответе наслаждения
Материи и Жизни
Возможно было уловить
какой-то лик бессмертной красоты,
Что наделял бессмертьем
радости мгновенья,
Иль некое неведомое слово,
которое могло быть воплощеньем
высшей Истины,
Что выпрыгнула
из возникшего случайно
напряжения души,
Поймать оттенок Абсолюта,
способный опуститься в жизнь,
И некое великолепье знания
и видение интуиции,
И страсть любви, принадлежащую
восторженному сердцу.
Служитель бестелесной Тайны,
Захваченной незримой
оболочкой духа,
Та Воля, что толкает ощущенье
выйти за свои пределы,
Почувствовать неуловимый
свет и радость,
Наполовину обнаружила свой путь
в покой Невыразимого,
Наполовину ухватила
спрятанные сладости желания,
Что рвётся из груди
непостижимого Блаженства,

Half manifested veiled Reality.

A soul not wrapped into its cloak
of mind
Could glimpse the true sense of a
world of forms;
Illumined by a vision in the thought,
Upbuoyed by the heart's
understanding flame,
It could hold in the conscious
ether of the spirit
The divinity of a symbol universe.

This realm inspires us with our
vaster hopes;
Its forces have made landings on
our globe,
Its signs have traced their pattern
in our lives:

It lends a sovereign movement to
our fate,

Its errant waves motive our life's
high surge.

All that we seek for is prefigured
there
And all we have not known nor
ever sought
Which yet one day must be born
in human hearts

That the Timeless may fulfil itself
in things.

Incarnate in the mystery of the
days,
Eternal in an unclosed Infinite,

A mounting endless possibility

Наполовину проявила
скрытую Реальность.
Душа, не спрятанная
под плащом ума
Смогла мельком взглянуть
на истинное восприятье мира форм;
И освещаемая видением в мысли,
Поддержанная понимающим
сердечным пламенем,
Она могла владеть
в сознательном эфире духа
Божественностью
символической вселенной.

То царство вдохновляет нас
широкими надеждами;
Его могущества устроили плацдарм
для высадки на нашу землю,
А символы его
узорами своими
Разрисовали наши жизни:
Оно на время разрешает
нашим судьбам
двигаться свободно,
Его блуждающие волны гонят
высокий вал прилива
нашей жизни.
Там предначертано заранее
и всё, что мы здесь ищем,
И всё, что мы не знали,
или не искали вовсе,
Но что в один прекрасный день
должно родиться
в человеческих сердцах,
Чтобы Вневременный
мог наполнять собой себя
во всех вещах.
Так, воплощённая
в мистерии идущих дней,
И вечная в какой-то незаконченной,
незавершённой Бесконечности,
Та нескончаемая
восходящая возможность

Climbs high upon a topless ladder of dream
For ever in the Being's conscious trance.
All on that ladder mounts to an unseen end.
An Energy of perpetual transience makes
The journey from which no return is sure,
The pilgrimage of Nature to the Unknown.
As if in her ascent to her lost source
She hoped to unroll all that could ever be,
Her high procession moves from stage to stage,
A progress leap from sight to greater sight,

A process march from form to ampler form,

A caravan of the inexhaustible

Formations of a boundless Thought and Force.
Her timeless Power that lay once on the lap
Of a beginningless and endless Calm,
Now severed from the Spirit's immortal bliss,
Erects the type of all the joys she has lost;
Compelling transient substance into shape,
She hopes by the creative act's release
To o'erleap sometimes the gulf she cannot fill,

Взбирается по лестнице мечты
не знающей вершины
В осознающем трансе Бытия
всё время вверх.
На этой лестнице
всё поднимается к незримой цели.
Энергия непрекращающейся
мимолетности
Надёжным делает то путешествие,
откуда нет возврата,
Паломнический путь
Природы в Неизвестность.
И словно восходя к своим
утраченным истокам,
Она[1] надеялась раскрыть
всё, что вообще могло бы быть,
Её возвышенное шествие идёт
от одного этапа до другого,
Её развитие всё время прыгает
от виденья на этом уровне,
до виденья на более высоком,
Её движение проходит маршем
от одних форм
до других, ещё богаче,
Подобно каравану
из неистощимых
Формаций безграничной Мысли,
безграничного Могущества.
Её вневременная Сила,
что лежала прежде на коленях
Покоя, без начала и конца,
Сейчас же, отделившись
от бессмертного блаженства Духа,
Вновь поднимает все те радости,
что утеряла;
И заставляя бренную субстанцию
принять здесь облик,
Она надеется освобожденьем
творческого действия
Хотя бы иногда
перелетать ту пропасть,
что ей не заполнить,

[1] Жизнь, *прим.пер.*

To heal awhile the wound of severance,
Escape from the moment's prison of littleness
And meet the Eternal's wide sublimities
In the uncertain time-field portioned here.
Almost she nears what never can be attained;

She shuts eternity into an hour

And fills a little soul with the Infinite;
The Immobile leans to the magic of her call;
She stands on a shore in the Illimitable,
Perceives the formless Dweller in all forms
And feels around her infinity's embrace.
Her task no ending knows; she serves no aim
But labours driven by a nameless Will
That came from some unknowable formless Vast.

This is her secret and impossible task
To catch the boundless in a net of birth,
To cast the spirit into physical form,

To lend speech and thought to the Ineffable;
She is pushed to reveal the ever Unmanifest.
Yet by her skill the impossible has been done:

Хотя б на время залечить
зияющую рану отделённости,
Сбежать из камеры
ничтожности мгновения,
И повстречать широкую
величественность Вечного
В расколотом на части,
ненадёжном поле времени.
Она почти близка к тому,
что невозможно было
никогда достичь,
И запирает вечность
в рамках часа,
И заполняет маленькую душу
Бесконечностью;
Сам Неподвижный наклонился
к магии её призыва;
Она стоит на берегу
средь Беспредельности,
И видит во всех формах
бесформенного Обитателя,
И чувствует вокруг себя
объятья бесконечности.
Её задача не предполагает завершенья;
она ей служит безо всякой цели,
Но трудится и слушает
неописуемую Волю,
Которая приходит
из какого-то непостижимого
аморфного Простора.
Такая тайная и невозможная
задача у неё —
Поймать всю безграничность
в сеть рождения,
В физическую форму
бросить дух,
И дать на время речь и мысль
Невыразимому;
Её толкают, чтоб она явила
вечность Непроявленного.
И всё же мастерство её
сумело сделано невозможное:

She follows her sublime irrational plan,
Invents devices of her magic art

To find new bodies for the Infinite

And images of the Unimaginable;

She has lured the Eternal into the arms of Time.
Even now herself she knows not what she has done.

For all is wrought beneath a baffling mask:
A semblance other than its hidden truth
The aspect wears of an illusion's trick,
A feigned time-driven unreality,

The unfinished creation of a changing soul
In a body changing with the inhabitant.
Insignificant her means, infinite her work;
On a great field of shapeless consciousness
In little finite strokes of mind and sense
An endless Truth she endlessly unfolds;
A timeless mystery works out in Time.

The greatness she has dreamed her acts have missed,

Her labour is a passion and a pain,

A rapture and pang, her glory and her curse;

Она всё делает по иррациональному
утонченному плану,
Изобретая сложные устройства
своего искусства магии,
Отыскивая новые тела
для Бесконечного,
И новые обличья
Невообразимого;
Она так заманила Вечное
в объятия Времени.
Но даже и сейчас
она сама не знает,
что сумела сделать.
Её работа происходит под
сбивающей всех с толку маской:
Иная внешность, непохожая на истину,
сокрытую внутри,
Один из множества аспектов —
одевает хитрый трюк иллюзии,
Придуманную нереальность,
управляемую временем,
Незавершённое творение
изменчивой души,
Меняющейся в теле
вместе с обитателем.
Ничтожны способы её
и бесконечен труд;
Среди огромной области
сознания без формы,
В конечных маленьких усилиях
ума и чувств
Она там бесконечно разворачивает
складки бесконечной Истины;
Не знающая времени мистерия
разыгрывает свой спектакль
во Времени.
Величье, о котором
некогда она мечтала —
утеряно в её делах,
Её работа стала
страстью и мучением,
Восторгом, острой болью,
славой и проклятием;

And yet she cannot choose but labours on;
Her mighty heart forbids her to desist.
As long as the world lasts her failure lives
Astonishing and foiling Reason's gaze,
A folly and a beauty unspeakable,

A superb madness of the will to live,

A daring, a delirium of delight.
This is her being's law, its sole resource;
She sates, though satisfaction never comes,

Her hungry will to lavish everywhere
Her many-imaged fictions of the Self
And thousand fashions of one Reality.
A world she made touched by truth's fleeing hem,
A world cast into a dream of what it seeks,
An icon of truth, a conscious mystery's shape.
It lingered not like the earth-mind hemmed in
In solid barriers of apparent fact;

It dared to trust the dream-mind and the soul.
A hunter of spiritual verities

Still only thought or guessed or held by faith,

It seized in imagination and confined

Но всё-таки она не может выбирать,
лишь продолжает труд;
Её могучее, большое сердце
запрещает ей остановиться.
Так долго, сколько длится мир,
живёт в ней поражение,
И удивляет, заводя в тупик
взгляд Разума,
Её и глупости,
и непередаваемая красота,
Великолепное безумье
воли жить,
Отвага, исступление восторга.
Таков закон её существования,
его единственное средство;
Она всё время насыщается,
но никогда не получает
удовлетворения,
Своей голодной волей
расточать везде
Разнообразные и многоликие
фантазии Божественного “Я”
И тысячи одежд
единственной Реальности.
Она создала мир, касаемый
летящим краем истины,
Кидающий в мечту
о том, что ищет,
Свой символ истины,
свой облик для мистерии сознания.
Тот мир не медлит,
как земной наш ум,
Что окружён сплошным барьером
явных фактов;
Он смеет доверять
уму мечтаний и душе.
Охотясь, словно гончая,
за истинами духа,
Которые пока лишь только мысли,
лишь догадки,
лишь пришли из веры,
Он ухватил в воображении
и посадил

A painted bird of paradise in a cage.
This greater life is enamoured of the Unseen;
It calls to some highest Light beyond its reach,

It can feel the Silence that absolves the soul;
It feels a saviour touch, a ray divine:
Beauty and good and truth its godheads are.
It is near to heavenlier heavens than earth's eyes see,

A direr darkness than man's life can bear:

It has kinship with the demon and the god.
A strange enthusiasm has moved its heart;
It hungers for heights, it passions for the supreme.
It hunts for the perfect word, the perfect shape,
It leaps to the summit thought, the summit light.
For by the form the Formless is brought close

And all perfection fringes the Absolute.
A child of heaven who never saw his home,
Its impetus meets the eternal at a point:

It can only near and touch, it cannot hold;

Раскрашенную яркими цветами
птицу рая в клетку.
Всё это царство более высокой жизни
очаровано Незримым;
Та жизнь зовёт
в какой-то высший Свет
за рамками её возможностей,
Она способна ощутить Безмолвие,
освобождающее душу,
И чувствует прикосновенье,
что спасает, луч божественного:
Прекрасное, добро и истина —
вот божества её.
Она близка и к небесам,
возвышеннее тех,
что видятся земному взору,
И к темноте, страшней,
чем может вынести
жизнь человека;
Она в родстве
и с демоном, и с богом.
Какой-то странный в ней
энтузиазм подталкивает сердце;
Она всё время жаждет высоты
и страстно хочет наивысшего.
И гонится за совершенным словом,
совершенной формой,
И прыгает к вершине мысли,
к пикам света.
Всё потому, что через форму
подступает ближе к нам
Бесформенное,
Любое совершенство —
только окаймляет Абсолют.
Дитя небес, что никогда
не видело родного дома,
Её стремительность
встречает вечность
в некой точке:
Она способна лишь
приблизиться и прикоснуться,
но не может овладеть;

It can only strain towards some
bright extreme:
Its greatness is to seek and to
create.

Она способна лишь тянуться
к некой яркой крайности:
Её величье для того,
чтобы искать, творить.

On every plane, this Greatness
must create.
On earth, in heaven, in hell she is
the same;
Of every fate she takes her mighty
part.
A guardian of the fire that lights
the suns,
She triumphs in her glory and her
might:
Opposed, oppressed she bears
God's urge to be born:

На каждом плане то Величие
должно творить.
И на земле, и в небе, и в аду
она всё та же;
В любой судьбе есть
и её могучее участие.
Хранительница пламени,
что зажигает солнца,
Она победоносна в славе
и в могуществе:
Встречая сильное сопротивленье,
угнетённая,
Она проносит импульс Бога,
что должен здесь родиться:

The spirit survives upon
non-being's ground,
World-force outlasts
world-disillusion's shock:
Dumb, she is still the Word, inert
the Power.

Дух как-то выживает
на почве не-существования,
Мир-сила терпит встряску
мира-разочарования:
Она, хоть и немая,
остаётся Словом,
инертная — Могуществом.

Here fallen, a slave of death and
ignorance,
To things deathless she is driven
to aspire
And moved to know even the
Unknowable.
Even nescient, null, her sleep
creates a world.

Здесь, павшую,
рабыню смерти и невежества,
Её нацеливают подниматься
до бессмертия,
Толкают познавать
само Непознаваемое.
И даже потерявший силу
и несознающий сон её —
творит вселенную.

When most unseen, most mightily
she works;
Housed in the atom, buried in the
clod,
Her quick creative passion cannot
cease.
Inconscience is her long gigantic
pause,

Когда предельно не видна,
сильней всего работает она;
Нашедшая жилище в атоме
и погребённая под прахом,
Её живая созидающая страсть
не может прекратиться.
Всё Несознание — её гигантская
по длительности пауза,

Her cosmic swoon is a stupendous phase:
Time-born, she hides her immortality;

In death, her bed, she waits the hour to rise.

Even with the Light denied that sent her forth
And the hope dead she needed for her task,
Even when her brightest stars are quenched in Night,

Nourished by hardship and calamity

And with pain for her body's handmaid, masseuse, nurse,
Her tortured invisible spirit continues still
To toil though in darkness, to create though with pangs;
She carries crucified God upon her breast.
In chill insentient depths where joy is none,

Immured, oppressed by the resisting Void
Where nothing moves and nothing can become,

Still she remembers, still invokes the skill
The Wonder-worker gave her at her birth,
Imparts to drowsy formlessness a shape,
Reveals a world where nothing was before.
In realms confined to a prone circle of death,

Её вселенский обморок —
лишь изумительная фаза:
Так, Временем рождённая,
она скрывает до поры
своё бессмертие;
И в смерти, как на ложе,
ожидает часа,
чтоб подняться.
И даже потерявши Свет,
что слал её вперёд,
И с умершей надеждою,
она нуждается в своей задаче,
И даже если самые её
ярчайшие на небе звёзды
гасятся в Ночи,
Питаясь трудностями
и большой бедой,
И с болью в качестве кормилицы,
служанки, массажистки тела,
Её истерзанный незримый дух
всё продолжает
Трудиться, хоть и в темноте,
творить, хотя и с острой болью;
Она несёт распятье Бога
на своей груди.
Средь ледяных,
бесчувственных глубин,
где не бывает радости,
Хотя и замурованная, угнетённая
сопротивляющейся Пустотой,
Где ничего не движется,
и где не может
ничего произойти,
Она всё продолжает помнить,
продолжает призывать искусство,
Что Чудо-Созидатель
дал ей при рождении,
И дарит дремлющей бесформенности
некий облик,
И открывает мир,
где прежде не бывало ничего.
В тех областях, что сужены
до распростёршегося круга смерти,

To a dark eternity of Ignorance,
A quiver in an inert inconscient mass,
Or imprisoned in immobilised whorls of Force,
By Matter's blind compulsion deaf and mute
She refuses motionless in the dust to sleep.
Then, for her rebel waking's punishment
Given only hard mechanic Circumstance
As the enginery of her magic craft,
She fashions godlike marvels out of mud;
In the plasm she sets her dumb immortal urge,
Helps the live tissue to think, the closed sense to feel,
Flashes through the frail nerves poignant messages,

In a heart of flesh miraculously loves,

To brute bodies gives a soul, a will, a voice.
Ever she summons as by a sorcerer's wand
Beings and shapes and scenes innumerable,
Torch-bearers of her pomps through Time and Space.

This world is her long journey through the night,

The suns and planets lamps to light her road,
Our reason is the confidante of her thoughts,

До тёмной вечности Невежества,
До трепета инертной
неосознающей массы,
Иль помещённая в темницу
скованного вихря Силы
При помощи слепого принуждения
глухой, немой Материи,
Она отказывается спать
бездвижно в этом прахе.
Затем, как будто в наказание
за пробуждение мятежницы,
Одним лишь отданным ей
жёстким механичным Случаем,
Как машинерией
её магического ремесла,
Она творит богоподобные,
сияющие чудеса из грязи;
Она закладывает в плазму свой
бессмертный молчаливый импульс,
Живую ткань подталкивает думать,
запертое чувство — ощущать,
Передаёт сквозь
хрупкие каналы нервов
точные послания,
Чудесно любит
в самом сердце плоти,
Телам, пришедшим от животных,
дарит душу, волю, голос.
Она всё время вызывает,
как волшебной палочкой,
И существа, и формы,
и бесчисленные сцены,
Которые проносят
факелы её великолепия
сквозь Время и Пространство.
Весь этот мир — лишь
длительное путешествие её
сквозь ночь,
Планеты, солнца в космосе горят,
чтоб освещать ей путь,
Рассудок наш —
поверенный товарищ
для её идей,

Our senses are her vibrant
witnesses.
There drawing her signs from
things half true, half false,
She labours to replace by realised
dreams
The memory of her lost eternity.

These are her deeds in this huge
world-ignorance:

Till the veil is lifted, till the night
is dead,
In light or dark she keeps her
tireless search;
Time is her road of endless
pilgrimage.

One mighty passion motives all
her works.
Her eternal Lover is her action's
cause;
For him she leaped forth from the
unseen Vasts
To move here in a stark
unconscious world.
Its acts are her commerce with her
hidden Guest,
His moods she takes for her
heart's passionate moulds;
In beauty she treasures the
sunlight of his smile.
Ashamed of her rich cosmic
poverty,
She cajoles with her small gifts his
mightiness,
Holds with her scenes his look's
fidelity
And woos his large-eyed
wandering thoughts to dwell
In figures of her million-impulsed
Force.

А наши ощущения — свидетели
трепещущие вместе с ней.
Рисуя символы свои
из полуистины и полулжи,
Она работает, чтоб заменить
осуществлёнными мечтами
Воспоминанья о своей
утраченной когда-то вечности.

Вот так идут её дела
в громадном и невежественном
этом мире:
Пока вуаль не поднята,
пока ночь не мертва,
Она и в темноте, и в свете
продолжает свой неутомимый поиск;
И Время —
это путь её паломничества
без конца.
Одно могучее желанье-страсть
даёт энергию для всех её работ.
Причина всех её поступков —
вечно существующий Любимый;
Ради него она решила прыгнуть
из невидимых Просторов
И двигаться в несознающем
жёстком мире.
Его дела — её торговля
с этим скрытым Гостем,
Все настроения его она берёт
как страстные движенья сердца;
А в красоте хранит
сияние лучей его улыбки.
Стыдясь своей
космически богатой нищеты,
Она его могуществу
льстит мелкими дарами,
Своими сценами удерживает
верность его взгляда
И уговаривает большеглазые его,
блуждающие мысли жить
В её обличьях Силы
с миллионом импульсов.

Only to attract her veiled
companion
And keep him close to her breast
in her world-cloak
Lest from her arms he turn to his
formless peace,

Is her heart's business and her
clinging care.
Yet when he is most near, she
feels him far.
For contradiction is her nature's
law.
Although she is ever in him and
he in her,
As if unaware of the eternal tie,

Her will is to shut God into her
works
And keep him as her cherished
prisoner
That never they may part again in
Time.

A sumptuous chamber of the
spirit's sleep
At first she made, a deep interior
room,

Where he slumbers as if a
forgotten guest.
But now she turns to break the
oblivious spell,
Awakes the sleeper on the
sculptured couch;
She finds again the Presence in the
form
And in the light that wakes with
him recovers
A meaning in the hurry and trudge
of Time,

Привлечь бы ближе
скрытого товарища,
Тесней прижать его к груди
в её плаще-вселенной,
Чтоб он из рук её
не повернул бы в свой
бесформенный покой —
Её сердечные дела
и цепкая забота.
Но, в тот момент, когда
он очень близко к ней,
Она вдруг чувствует его далёким.
Противоречие — закон её природы.
И пусть она всё время в нём,
а он — всё время в ней,
Как будто бы не ведая
об этой вечной связи,
Она стремится Бога
запереть в своих твореньях,
И там удерживать,
как нежно охраняемого узника,
Чтоб больше никогда они
не разделялись меж собой
во Времени.
Роскошную палату
сновидений духа
Вначале создала она,
лежащую в глубинах
внутреннюю залу,
Где дремлет он,
как позабытый гость.
Но вот она решила повернуться,
чтоб нарушить магию забвенья,
И будит спящего
с изваянного ложа;
Она находит вновь Присутствие
во всякой форме
И в свете, просыпающемся
вместе с ним, вновь открывает
Какой-то смысл
в той трудной, торопливой,
длительной дороге Времени,

And through this mind that once obscured the soul
Passes a glint of unseen deity.

Across a luminous dream of spirit-space
She builds creation like a rainbow bridge

Between the original Silence and the Void.
A net is made of the mobile universe;
She weaves a snare for the conscious Infinite.
A knowledge is with her that conceals its steps
And seems a mute omnipotent Ignorance.
A might is with her that makes wonders true;
The incredible is her stuff of common fact.
Her purposes, her workings riddles prove;
Examined, they grow other than they were,
Explained, they seem yet more inexplicable.
Even in our world a mystery has reigned
Earth's cunning screen of trivial plainness hides;
Her larger levels are of sorceries made.
There the enigma shows its splendid prism,
There is no deep disguise of commonness;
Occult, profound comes all experience,
Marvel is ever new, miracle divine.

И через этот ум,
что прежде заслонял собою душу,
Проносит блеск
невидимого божества.
Так, через светлую мечту
пространства духа
Она выстраивает,
словно радужный высокий мост,
творение,
Соединяя изначальное Безмолвие
и Пустоту.
Сеть создается из
изменчивой вселенной;
Она сплетает из неё силки
поймать сознательную Бесконечность.
Есть знание у ней,
которое таит свои шаги
И кажется всесильным
и немым Невежеством.
Есть у неё могущество,
что превращает чудеса в реальность;
Невероятное — её материал,
что соткан из обычных фактов.
Её намеренья, её работы
ставят нам загадки;
Решённые, они становятся
не тем, чем были,
И объяснённые, они нам кажутся
ещё необъяснимее.
И даже в нашем мире
царствует мистерия,
Что скрыта за искусною земной завесой
тривиальной очевидности;
А более широкие её слои —
сотворены из волшебства.
Загадка эта предстаёт
роскошной призмой,
В тех уровнях нет
плотной маски повседневности;
Как что-то сокровенное, глубокое
приходит всякий опыт,
Как вечно новое,
божественное чудо.

There is a screened burden, a mysterious touch,
There is a secrecy of hidden sense.
Although no earthen mask weighs on her face,
Into herself she flees from her own sight.
All forms are tokens of some veiled idea
Whose covert purpose lurks from mind's pursuit,
Yet is a womb of sovereign consequence.
There every thought and feeling is an act,
And every act a symbol and a sign,
And every symbol hides a living power.
A universe she builds from truths and myths,
But what she needed most she cannot build;
All shown is a figure or copy of the Truth,
But the Real veils from her its mystic face.
All else she finds, there lacks eternity;
All is sought out, but missed the Infinite.

Там есть скрываемая ноша,
непостижимое касание,
И тайна внутреннего смысла.
Хоть ни одна земная маска
не отягощает лик её,
Она спасается в самой себе
от собственного взгляда.
Все формы — это элементы
скрытой под покровами идеи,
Чья истинная цель
упрятана от поисков ума,
Но всё же остаётся лоном
высочайшего итога.
Там каждая и мысль, и ощущение —
есть действие,
Любое действие там
символ или знак,
А каждый символ под собой
скрывает жизненную силу.
Она возводит целую вселенную
из истин или мифов,
Но то, что ей нужней всего,
построить ей не удаётся;
Всё, что проявлено —
лишь копия, лишь образ Истины,
А настоящая реальность прячет от неё
мистический свой лик.
Она находит всё, всё остальное,
только не хватает вечности;
Всё обнаружено и решено,
но потерялась Бесконечность.

A consciousness lit by a Truth above
Was felt; it saw the light but not the Truth:
It caught the Idea and built from it a world;
It made an Image there and called it God.

Сознанье, освещаемое Истиной
с высоких планов
ощущалось там;
Оно способно было видеть свет,
но Истину не видело:
Оно сумело уловить Идею,
из которой выстроило мир;
Оно создало Образ
и назвало это Богом.

Yet something true and inward harboured there.

The beings of that world of greater life,
Tenants of a larger air and freer space,

Live not by the body or in outward things:
A deeper living was their seat of self.

In that intense domain of intimacy

Objects dwell as companions of the soul;
The body’s actions are a minor script,

The surface rendering of a life within.
All forces are Life’s retinue in that world
And thought and body as her handmaids move.
The universal widenesses give her room:
All feel the cosmic movement in their acts
And are the instruments of her cosmic might.

Or their own self they make their universe.
In all who have risen to a greater Life,
A voice of unborn things whispers to the ear,
To their eyes visited by some high sunlight
Aspiration shows the image of a crown:

Однако, что-то настоящее,
лежащее внутри
ещё скрывалось.
Все существа в том мире
более высокой жизни,
Все обитатели той
более широкой атмосферы,
более свободного пространства,
Живут не телом,
не во внешних проявлениях:
Другая, более глубокая,
насыщенная жизнь —
их трон для внутреннего "я".
В той напряжённой власти
тесной близости
Объекты существуют
как товарищи души;
Движенья тела там —
второстепенный,
малозначащий сценарий,
Поверхностная передача
внутренних движений жизни.
Все силы в этом мире —
свита Жизни,
А мысль и тело
исполняют роль её служанок.
Космическая широта
даёт ей место:
Все чувствуют вселенское движение
в своих делах
И служат инструментами
её космического,
необъятного могущества.
А иногда, они из собственного "я"
творят свою вселенную.
Всем, кто поднялся
до великой Жизни,
Негромкий голос нерождённого
нашёптывает в ухо,
А взгляду, посещаемому неким
солнечным высоким светом
Стремление показывает
образ наивысшей точки:

To work out a seed that she has
thrown within,
To achieve her power in them her
creatures live.
Each is a greatness growing
towards the heights
Or from his inner centre oceans
out;
In circling ripples of concentric
power
They swallow, glutted, their
environment.
Even of that largeness many a
cabin make;

In narrower breadths and briefer
vistas pent
They live content with some small
greatness won.
To rule the little empire of
themselves,
To be a figure in their private
world
And make the milieu's joys and
griefs their own
And satisfy their life-motives and
life-wants
Is charge enough and office for
this strength,
A steward of the Person and his fate.

This was transition-line and
starting-point,
A first immigration into
heavenliness,
For all who cross into that brilliant
sphere:
These are the kinsmen of our
earthly race;
This region borders on our mortal
state.

Чтоб прорастить зерно,
которое она в них посадила,
Достичь в себе её могущества,
живут её создания.
И каждый среди них —
величие, растущее к высотам,
Иль океан, что изливается
из внутреннего центра;
И во вращении пульсаций
концентрической энергии
Они, пресыщенные, поглощают
собственное окружение.
Но даже ту огромность
многие сжимают до размеров
маленькой кабинки;
И запертые в ограниченном дыханьи,
тесной перспективе,
Они живут, довольные каким-то малым
завоёванным величием.
Руководить и править
маленькой империей самих себя,
Быть значимой фигурой
в личном мире
И делать радости
и горести родных своими,
И утолять желания
и импульсы их жизни —
Достаточная служба
и забота этой силы,
Распорядителя для Личности,
для человеческой судьбы.
То было пограничной линией
и точкой старта,
То было первой иммиграцией
в божественные планы
Для всех, проникших
в ту сверкающую сферу:
Там — родственники
нашего земного человечества,
И этот регион граничит
с нашим миром смертных.

This wider world our greater movements gives,
Its strong formations build our growing selves;
Its creatures are our brighter replicas,
Complete the types we only initiate
And are securely what we strive to be.
As if thought-out eternal characters,
Entire, not pulled as we by contrary tides,
They follow the unseen leader in the heart,
Their lives obey the inner nature's law.
There is kept grandeur's store, the hero's mould;
The soul is the watchful builder of its fate;
None is a spirit indifferent and inert;
They choose their side, they see the god they adore.
A battle is joined between the true and false,
A pilgrimage sets out to the divine Light.
For even Ignorance there aspires to know
And shines with the lustre of a distant star;
There is a knowledge in the heart of sleep
And Nature comes to them as a conscious force.

Тот более широкий мир
даёт нам
более великие движения,
Его могучие образования
выстраивают наши
вырастающие "я";
Его творения — улучшенные копии
творений наших,
Законченные типы для того,
что мы лишь начинаем,
Которые определённо то,
чем мы стремимся быть.
Как хорошо продуманные,
вечные характеры,
И цельные, не разрываемые
противоположными теченьями
как мы,
Они идут вслед за незримым лидером
в их сердце,
Их жизни подчиняются
закону внутренней природы.
Там сохраняется резерв величия
и героический характер;
Душа — внимательный строитель
их судьбы;
И не бывает духа безразличного
или инертного;
На чьей быть стороне —
они решили,
Они глядят на собственного
обожаемого бога.
Завязывается борьба
меж истиной и ложью,
Паломники идут
к божественному Свету.
Там даже и Невежество
стремится знать,
Сияя славой,
словно отдалённая звезда;
Там знание лежит
в глубокой сердцевине сна,
Природа к ним приходит
как сознательная сила.

An ideal is their leader and their king:
Aspiring to the monarchy of the sun
They call in Truth for their high government,
Hold her incarnate in their daily acts
And fill their thoughts with her inspired voice
And shape their lives into her breathing form,
Till in her sun-gold godhead they too share.
Or to the truth of Darkness they subscribe;
Whether for Heaven or Hell they must wage war:
Warriors of Good, they serve a shining cause
Or are Evil's soldiers in the pay of Sin.
For evil and good an equal tenure keep
Wherever Knowledge is Ignorance's twin.
All powers of Life towards their godhead tend
In the wideness and the daring of that air,
Each builds its temple and expands its cult,

And Sin too there is a divinity.

Affirming the beauty and splendour of her law
She claims life as her natural domain,

Assumes the world's throne or dons the papal robe:

Там идеал —
их лидер, и их царь:
Стремясь к монархии
пылающего солнца,
Они зовут и просят Истину
стать их высоким руководством,
И постоянно воплощаться
в повседневных их делах,
И наполнять их мысли
вдохновляющими голосами,
И вкладывать их жизни
в дышащую форму Истины,
Пока они все тоже не вольются
в золотисто-солнечное божество её.
Однако, к правде Тьмы они
способны присоединиться тоже;
За Небеса, за Ад —
они должны вести войну:
Как воины Добра, они на службе
у сияющей первопричины,
В другой момент они —
солдаты Зла, на жалованьи у Греха.
Всё потому, что и добро, и зло
имеют одинаковые полномочия
Везде, где Знание —
близнец Невежества.
Все силы Жизни направляются
к их собственному божеству
В обширности и смелости
той атмосферы,
Там каждый строит
собственный свой храм,
Распространяет
собственный свой культ,
И там Греховность —
тоже божество.
Так, утверждая красоту
и роскошь своего закона,
Греховность заявляет
о своих правах на жизнь,
Как на свою естественную вотчину,
Себя сажает на вселенский трон
иль ходит в папской мантии:

Her worshippers proclaim her
sacred right.
A red-tiaraed Falsehood they
revere,
Worship the shadow of a crooked
God,
Admit the black Idea that twists
the brain
Or lie with the harlot Power that
slays the soul.

А почитатели провозглашают это всё
её священным правом.
Они боготворят
увенчанную красною тиарой Ложь,
И поклоняясь, превозносят
тень кривого Бога,
Согласны с чёрною Идеей,
что скручивает мозг,
А может быть — они лежат
с развратной Силой,
убивая душу.

A mastering virtue statuesques the
pose,
Or a Titan passion goads to a
proud unrest:
At Wisdom's altar they are kings
and priests
Or their life a sacrifice to an idol
of Power.
Or Beauty shines on them like a
wandering star;

Too far to reach, passionate they
follow her light;

In Art and life they catch the
All-Beautiful's ray

And make the world their radiant
treasure house:
Even common figures are with
marvel robed;
A charm and greatness locked in
every hour
Awakes the joy which sleeps in all
things made.
A mighty victory or a mighty fall,

A throne in heaven or a pit in hell,

The dual Energy they have
justified

Там добродетель, став у власти,
застывает монументом в этой позе,
А страсть Титана гонит
к горделивому волнению:
Пред алтарями Мудрости
они — цари, жрецы,
Бывает, что их жизни —
жертва идолу Могущества.
Бывает, что над ними
блуждающей звездою
сияет Красота;
Пускай она недостижима далека,
они, со страстью,
устремляются за этим светом;
В Искусстве, или в жизни,
они улавливают луч
божественного Все-Прекрасного
И превращают мир
в хранилище лучащихся сокровищ:
В нём даже самые обыденные образы
облачены в чудесное;
Величие, очарованье в каждом часе
пробуждают радость,
Что спит во всякой
сотворённой вещи.
Могучая победа
или же могучее падение,
Трон в небесах
иль яма в преисподней,
Они оправдывали
двойственную ту Энергию

And marked their souls with her tremendous seal:
Whatever Fate may do to them they have earned;
Something they have done, something they have been, they live.
There Matter is soul's result and not its cause.
In a contrary balance to earth's truth of things
The gross weighs less, the subtle counts for more;
On inner values hangs the outer plan.
As quivers with the thought the expressive word,
As yearns the act with the passion of the soul
This world's apparent sensible design
Looks vibrant back to some interior might.
A Mind not limited by external sense
Gave figures to the spirit's imponderables,
The world's impacts without channels registered

And turned into the body's concrete thrill
The vivid workings of a bodiless Force;
Powers here subliminal that act unseen
Or in ambush crouch waiting behind the wall
Came out in front uncovering their face.
The occult grew there overt, the obvious kept
A covert turn and shouldered the unknown;

И помечали собственные души
её огромною печатью:
И что бы им Судьба не сделала,
они то заслужили;
Они сумели что-то сделать,
чем-то стать, они живут.
Материя там — производная души,
а не её причина.
В балансе, противоположном
истине земных вещей,
Всё грубое там весит меньше,
тонкое — идёт как дорогое;
На внутренней системе ценностей
подвешен внешний план.
И как трепещет мыслью
выразительное слово,
Как действие тоскует
страстностью души,
Так явный ощутимый
замысел вселенной
Оглядывается с дрожью
на могущество внутри.
Не ограниченный поверхностным
и внешним ощущеньем Ум
Дарил всем образам здесь
что-то еле уловимое от духа,
Без видимых каналов
регистрировал толчки,
идущие от мира,
И превращал в конкретные
телесные вибрации
Живое действо
бестелесной Силы;
Энергии, здесь подсознательные,
что или же работают незримо,
Иль ожидают за стеной,
припав к земле в засаде,
Там выходили на передний план
и раскрывали лик.
Оккультное там становилось
неприкрытым,
А очевидное хранило скрытый поворот,
на плечи взваливая неизвестное;

The unseen was felt and jostled
visible shapes.
In the communion of two meeting
minds
Thought looked at thought and
had no need of speech;
Emotion clasped emotion in two
hearts,
They felt each other's thrill in the
flesh and nerves

Or melted each in each and grew
immense
As when two houses burn and fire
joins fire:

Hate grappled hate and love broke
in on love,
Will wrestled with will on mind's
invisible ground;
Others' sensations passing
through like waves
Left quivering the subtle body's
frame,
Their anger rushed galloping in
brute attack,
A charge of trampling hooves on
shaken soil;
One felt another's grief invade the
breast,

Another's joy exulting ran through
the blood:
Hearts could draw close through
distance, voices near

That spoke upon the shore of alien
seas.
There beat a throb of living
interchange:
Being felt being even when afar

Незримое там было ощутимым
и теснило видимые формы.
В момент общения
двух повстречавшихся умов,
Мысль вглядывалась в мысль,
и не нуждалась в речи;
Одна эмоция с эмоцией другою
обнималась в двух сердцах,
И каждый ощущал
вибрации другого
в нервах, в плоти,
Иль растворял себя в другом,
и становился чем-то необьятным,
Как если бы горели
два соседних дома,
И пламя одного
сливалось бы с другим:
Сцеплялись ненависть и ненависть,
любовь врывалась внутрь любви,
Боролась воля с волей
на незримом основании ума;
И ощущения других, как волны,
проходили сквозь друг друга,
Оставив след своих вибраций
в тонком теле;
Их гнев скакал галопом
в жестокую атаку,
Дробя копытами
трясущуюся землю;
Там каждый чувствовал
сжимающее грудь
страдание одних,
Восторженную радость у других,
бежавшую в крови:
Сердца могли тянуться
через расстояния,
а голоса приблизить
Слова, что говорились
на далёких берегах чужих морей.
В том царстве бился пульс
взаимного обмена жизни:
Там существо могло издалека
почувствовать другое существо,

And consciousness replied to consciousness.
And yet the ultimate oneness was not there.
There was a separateness of soul from soul:
An inner wall of silence could be built,
An armour of conscious might protect and shield;
The being could be closed in and solitary;
One could remain apart in self, alone.
Identity was not yet nor union's peace.
All was imperfect still, half-known, half-done:
The miracle of Inconscience overpassed,
The miracle of the Superconscient still,
Unknown, self-wrapped, unfelt, unknowable,
Looked down on them, origin of all they were.

As forms they came of the formless Infinite,

As names lived of a nameless Eternity.
The beginning and the end were there occult;
A middle term worked unexplained, abrupt:
They were words that spoke to a vast wordless Truth,

They were figures crowding an unfinished sum.
None truly knew himself or knew the world

Сознанье отвечало
напрямик сознанию.
Но всё же совершенного единства
не было.
Существовала отделённость
меж одной душою и другой:
Там можно было выстроить внутри
стену молчания,
Броня сознания могла там
защищать и заслонять,
И существо могло
закрыться и уединиться,
И можно было жить особняком,
в самом себе.
Отождествленье не было ещё
покоем единения.
Всё оставалось полупонятым,
несовершенным, полусделанным:
То чудо Несознания,
которое сумели превзойти,
То чудо тихого покоя
Сверхсознания,
Неведомое и укутанное в самого себя,
неощутимое, непознаваемое,
Смотрело вниз на них,
источник для всего,
чем были здесь они.
Они спускались
из бесформенного Бесконечного,
как формы,
И жили именами
безымянной Вечности.
Оккультным было
и начало, и конец;
Необъяснимо и внезапно
действовало то, что посредине:
Они существовали как слова,
что говорили с необъятной
бессловесной Истиной,
Как образы, что наполняли
незаконченный итог.
Никто, по-настоящему,
не знал, ни мира, ни себя,

Or the Reality living there enshrined:
Only they knew what Mind could take and build

Out of the secret Supermind's huge store.
A darkness under them, a bright Void above,
Uncertain they lived in a great climbing Space;

By mysteries they explained a Mystery,
A riddling answer met the riddle of things.
As he moved in this ether of ambiguous life,
Himself was soon a riddle to himself;
As symbols he saw all and sought their sense.

Across the leaping springs of death and birth
And over shifting borders of soul-change,
A hunter on the spirit's creative track,
He followed in life's fine and mighty trails
Pursuing her sealed formidable delight
In a perilous adventure without close.

At first no aim appeared in those large steps:
Only the wide source he saw of all things here

Ни той живой Реальности,
которую они лелеяли:
Они познали только то,
что Ум сумел
принять и выстроить,
Взяв из огромных тайников
Сверхразума.
Под ними — тьма,
над головой — сияющая Пустота,
И неопределённость,
что была их жизнью
В великом,
поднимавшемся Пространстве;
Они мистерию
пытались объяснить мистериями,
Загадочным ответом отвечали
на загадку всех вещей.
Пока он[1] проходил через эфир
двусмысленной, неясной жизни,
Он сам скорее был
загадкой для себя;
Он видел всё как символы,
старался отыскать их смысл.

Сквозь бьющие ключом
источники рождения и смерти,
Переходя подвижные границы
изменения души,
Он, как охотник, шёл
по созидающей дороге духа,
Отыскивал могучий и утонченный
след жизни,
Преследуя её огромный,
но скрываемый восторг
В опасном приключении,
не знающем конца.
Сначала никакой понятной цели
не сквозило в тех больших шагах:
Он видел лишь широкую причину
и источник всех вещей,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

Looking towards a wider source
beyond.
For as she drew away from earthly
lines,
A tenser drag was felt from the
Unknown,
A higher context of delivering
thought
Drove her towards marvel and
discovery;
There came a high release from
pettier cares,
A mightier image of desire and
hope,
A vaster formula, a greater scene.

Ever she circled towards some
far-off Light:
Her signs still covered more than
they revealed;
But tied to some immediate sight
and will
They lost their purport in the joy
of use,

Till stripped of their infinite
meaning they became
A cipher gleaming with unreal
sense.
Armed with a magical and
haunted bow
She aimed at a target kept
invisible
And ever deemed remote though
always near.
As one who spells illumined
characters,
The key-book of a crabbed
magician text,
He scanned her subtle tangled
weird designs

Глядящий на другой,
ещё обширней, в запредельном.
Но постепенно, с удаленьем Жизни
от земных привычных черт,
Всё больше ощущалось
притяженье Неизвестного,
Возвышенное окруженье мыслей,
дарящих свободу
Тянуло Жизнь
к открытию и чуду;
К ней[1] приходила высота освобождения
от мелочных забот,
И образ более могучего
желанья и надежды,
И более широкой формулы,
и более великой сцены.
Она кружила, направляясь к некому
далёкому сияющему Свету:
И символы её пока скрывали больше,
чем приоткрывали;
Привязанные к непосредственному
виденью и воле,
Они теряли собственную цель
и погружались в радость
быть полезными,
Пока их бесконечное значение
не становилось видимым,
Они на время превращались в шифр,
мерцавший нереальным смыслом.
Вооружённая магическим,
любимым луком,
Жизнь метила в какой-то образ цели,
остающейся незримой
Казавшейся всегда далёкой,
хоть всегда была вблизи.
И словно разбирая
подсвеченные буквы,
И указатель к непонятному
магическому тексту,
Он[2] изучал её утонченные,
путаные, колдовские схемы,

[1] Жизни, *прим.пер.*
[2] Ашвапати, *прим.пер.*

And the screened difficult theorem
of her clues,
Traced in the monstrous sands of
desert Time
The thread beginnings of her titan
works,
Watched her charade of action for
some hint,
Read the No-gestures of her
silhouettes,
And strove to capture in their
burdened drift
The dance-fantasia of her
sequences
Escaping into rhythmic mystery,

A glimmer of fugitive feet on
fleeing soil.
In the labyrinth pattern of her
thoughts and hopes
And the byways of her intimate
desires,
In the complex corners crowded
with her dreams
And rounds crossed by an intrigue
of irrelevant rounds,

A wanderer straying amid fugitive
scenes,
He lost its signs and chased each
failing guess.

Ever he met key-words, ignorant
of their key.
A sun that dazzled its own eye of
sight,
A luminous enigma’s brilliant
hood
Lit the dense purple barrier of
thought’s sky:

И непростую, скрытую вуалью
теорему хода мыслей,
Прослеживал в чудовищных песках
пустыни Времени
Нить начинаний
титанических её работ,
Разгадывал её шараду действий
ради некого намёка,
И разбирал её
немые жесты силуэтов,
Стараясь уловить
в их вихре полном смысла
Похожую на танец,
фантазию её последствий,
Что ускользали, становясь
ритмической мистерией,
Мельканием бегущих ног
по улетающей земле.
В её узоре-лабиринте
мыслей и надежд
И на окольных тропках
сокровенного её желания,
В запутанных углах,
заполненных её мечтами,
И в замкнутых, кружных её дорогах,
пересекаемых интригою
совсем других кружных путей,
Блуждая странником
средь мимолётных сцен,
Он то терял их знаки,
то охотился за каждою
случайною догадкой.
Он постоянно находил слова-ключи,
не зная их значения.
А солнце, ослепляя
собственное видящее око,
Алмазный капюшон
светящейся загадки,
Там заливало светом
плотный фиолетовый барьер
небесной сферы мысли:

A dim large trance showed to the
night her stars.

As if sitting near an open
window's gap,
He read by lightning-flash on
crowding flash
Chapters of her metaphysical
romance
Of the soul's search for lost
Reality
And her fictions drawn from
spirit's authentic fact,
Her caprices and conceits and
meanings locked,
Her rash unseizable freaks and
mysteried turns.
The magnificent wrappings of her
secrecy
That fold her desirable body out of
sight,
The strange significant forms
woven on her robe,
Her meaningful outlines of the
souls of things
He saw, her false transparencies of
thought-hue,
Her rich brocades with imaged
fancies sewn
And mutable masks and broideries
of disguise.
A thousand baffling faces of the
Truth
Looked at him from her forms
with unknown eyes
And wordless mouths
unrecognisable,
Spoke from the figures of her
masquerade,
Or peered from the recondite
magnificence
And subtle splendour of her
draperies.

Широкий смутный транс
показывал ночи
её узоры звёзд.
И словно сидя близко
у раскрытого окна-провала,
Он мог читать при вспышках молний,
в переполненном мгновении,
Очередные главы
в её метафизическом романе
О поиске душой
утраченной Реальности,
Её придуманные сказки, взятые
из подлинных событий духа,
Её капризы, и причудливые образы,
и зашифрованные смыслы,
Её неуловимые стремительные прихоти,
таинственные повороты.
Великолепные покровы
её секретности и тайн,
Что укрывали от очей
её желаемое тело,
Он видел странные и важные картины,
вытканные на её одеждах,
Её наполненные смыслом
очертанья душ вещей,
И мнимые прозрачности
её оттенков мысли,
Её богатую парчу
и фантастические вышитые образы,
И переменчивые маски,
и украшения обманчивой личины.
Так сотни ставящих в тупик
лиц Истины
Смотрели на него из форм её,
с их незнакомыми глазами,
И бессловесными
неузнаваемыми ртами,
С ним говорили,
словно персонажи маскарада,
Выглядывая из богатой сложности
её великолепий
И тонкой роскоши
её прекрасных драпировок.

In sudden scintillations of the Unknown,
Inexpressive sounds became veridical,
Ideas that seemed unmeaning flashed out truth;

Voices that came from unseen waiting worlds
Uttered the syllables of the Unmanifest
To clothe the body of the mystic Word,
And wizard diagrams of the occult Law

Sealed some precise unreadable harmony,

Or used hue and figure to reconstitute
The herald blazon of Time's secret things.
In her green wildernesses and lurking depths,
In her thickets of joy where danger clasps delight,

He glimpsed the hidden wings of her songster hopes,

A glimmer of blue and gold and scarlet fire.
In her covert lanes, bordering her chance field-paths

And by her singing rivulets and calm lakes
He found the glow of her golden fruits of bliss
And the beauty of her flowers of dream and muse.

Среди внезапного
сияния Неведомого,
Невыразимое звучанье
становилось вдруг решающим,
Идеи, что казались
ранее бессмыслицей,
сверкали истиной;
Те голоса, что приходили
из незримых ожидающих миров,
Произносили слоги
Непроявленного,
Стремясь дать облик
для мистического Слова,
А колдовскими диаграммами
оккультного Закона
там ставили печать
Какой-то точной,
и не поддающейся прочтению
гармонии,
Использовали образы и цвет,
стремясь восстановить
Глашатая, что выдаёт
секреты Времени.
В её зелёных зарослях,
и в затаившихся глубинах,
И в чащах радости,
где в глубине
Опасность обнимала наслаждение,
Он видел мельком
скрытые крыла
её певца надежд,
И слабый проблеск золотого,
синего и алого огня.
На тайных тропках,
окаймляющих пути
её долины случая,
И рядом с тихими озёрами,
её поющими ручьями,
Он находил жар золотых плодов
её блаженства
И красоту её цветов
мечты и размышления.

As if a miracle of heart's change
by joy
He watched in the alchemist
radiance of her suns
The crimson outburst of one
secular flower
On the tree-of-sacrifice of spiritual
love.
In the sleepy splendour of her
noons he saw,
A perpetual repetition through the
hours,
Thought's dance of dragonflies on
mystery's stream
That skim but never test its
murmurs' race,
And heard the laughter of her rose
desires
Running as if to escape from
longed-for hands,
Jingling sweet anklet-bells of
fantasy.
Amidst live symbols of her occult
power
He moved and felt them as close
real forms:
In that life more concrete than the
lives of men
Throbbed heart-beats of the
hidden reality:
Embodied was there what we but
think and feel,

Self-framed what here takes
outward borrowed shapes.

A comrade of Silence on her
austere heights
Accepted by her mighty
loneliness,
He stood with her on meditating
peaks

И словно чудо перемены в сердце
от пришедшей радости
Он видел в алхимическом
сияньи солнц
Её малиновую вспышку
единственного вечного цветка
На древе жертвоприношения
духовною любовью.
Он видел в сонной роскоши
её полуденных зенитов
И в вечном повторении
сквозь проходящие часы,
Стрекозий танец мыслей,
улетающий в потоке тайны,
И никогда не проверяющий
откуда происходит этот шум;
Он слышал смех её прекрасной розы
многочисленных желаний,
Бегущей, словно чтобы ускользнуть
от жаждущих объятий,
Звенящей мелодичными
ножными колокольцами фантазии.
Среди оживших символов
её оккультной силы
Он двигался и ощущал их
словно близкие реальные фигуры:
В той жизни, что конкретнее,
чем человеческие жизни,
Стучала пульсом сердца
скрытая реальность:
Там воплощалось то,
о чём мы только думаем,
что ощущаем,
Там самооформлялось то,
что принимает здесь
лишь внешние, чужие формы.
Товарищем Безмолвия,
поднявшись на её суровые высоты,
И принятый её
могучим одиночеством,
Стоял он рядом с ней
на медитирующих пиках,

Where life and being are a sacrament
Offered to the Reality beyond,

And saw her loose into infinity

Her hooded eagles of significance,
Messengers of Thought to the Unknowable.
Identified in soul-vision and soul-sense,
Entering into her depths as into a house,
All he became that she was or longed to be,

He thought with her thoughts and journeyed with her steps,
Lived with her breath and scanned all with her eyes
That so he might learn the secret of her soul.
A witness overmastered by his scene,
He admired her splendid front of pomp and play
And the marvels of her rich and delicate craft,
And thrilled to the insistence of her cry;
Impassioned he bore the sorceries of her might,

Felt laid on him her abrupt mysterious will,
Her hands that knead fate in their violent grasp,
Her touch that moves, her powers that seize and drive.

Где жизнь и бытиё
есть таинство,
Что предлагается
лежащей за пределами Реальности,
И видел, как она
освобождает в бесконечное,
снимая колпачки,
Своих орлов глубоких смыслов,
Посланников Мышления
в Непознаваемое.
Отождествляясь с виденьем души
и ощущением души,
Входя в её глубины,
словно в дом,
Он становился всем,
чем там она была
и чем стремилась быть,
Он думал мыслями её
и шёл её шагами,
Он жил её дыханьем
и глядел на всё её глазами,
И только так он мог понять
секрет её души.
Свидетель, покорённый
собственною сценой,
Он восхищался роскошью её фасада,
блеском и игрой,
И чудесами тонкого,
богатого её искусства,
И трепетал перед её
настойчивым призывом;
Его охватывала страсть,
он на себе испытывал
всю магию её могущества,
И чувствовал возложенную на него
её внезапную таинственную волю,
Её ладони, что замешивают рок судьбы
в своём неистовом усилии,
Её касание, что движет,
и её могущества,
что обнимают и ведут.

But this too he saw, her soul that wept within,
Her seekings vain that clutch at fleeing truth,
Her hopes whose sombre gaze mates with despair,
The passion that possessed her longing limbs,
The trouble and rapture of her yearning breasts,
Her mind that toils unsatisfied with its fruits,
Her heart that captures not the one Beloved.
Always he met a veiled and seeking Force,
An exiled goddess building mimic heavens,
A Sphinx whose eyes look up to a hidden Sun.

Но и другое видел он —
он видел душу,
плачущую у неё внутри,
И бесполезный поиск, что хватается
за ускользающую истину,
Её надежды, мрачный взгляд которых
обручён с отчаяньем,
И страсть, владевшую
её желавшим телом,
Волнение, восторг
её тоскующей груди,
И ум её, что трудится в поту,
но недоволен результатом,
И сердце, не сумевшее пленить
единственного для неё Любимого.
Всё время он встречал
сокрытую вуалью, ищущую Силу,
Приговорённую к изгнанию богиню,
возводящую подобие небес,
И Сфинкса, чьи глаза глядят
на скрытое в вершинах Солнце.

Ever he felt near a spirit in her forms:
Its passive presence was her nature’s strength;
This sole is real in apparent things,
Even upon earth the spirit is life’s key,
But her solid outsides nowhere bear its trace.
Its stamp on her acts is undiscoverable.
A pathos of lost heights is its appeal.
Only sometimes is caught a shadowy line
That seems a hint of veiled reality.

За формами её
всё время ощущался дух:
Его пассивное присутствие
и было силою её природы;
Во всём проявленном
реален только он,
И даже на земле
дух — ключевой момент для жизни,
Но жёсткая её поверхность
не несёт нигде его следа.
Его печать на действиях её
нельзя увидеть.
Энтузиазм утерянных высот —
его призыв.
Лишь изредка мы можем
встретить призрачные контуры,
Что кажутся намёками
на скрытую реальность.

Life stared at him with vague
confused outlines

Offering a picture the eyes could
not keep,
A story that was yet not written
there.
As in a fragmentary half-lost
design
Life's meanings fled from the
pursuing eye.
Life's visage hides life's real self
from sight;
Life's secret sense is written
within, above.
The thought that gives it sense
lives far beyond;
It is not seen in its half-finished
design.
In vain we hope to read the
baffling signs
Or find the word of the
half-played charade.
Only in that greater life a cryptic
thought
Is found, is hinted some
interpreting word
That makes the earth-myth a tale
intelligible.

Something was seen at last that
looked like truth.

In a half-lit air of hazardous
mystery
The eye that looks at the dark half
of truth
Made out an image mid a vivid
blur
And peering through a mist of
subtle tints

Так Жизнь, с неясными,
запутанными очертаньями
смотрела на него,
И предлагала некую картину,
что глазам не удавалось удержать,
Историю, которую
ещё не написали.
И словно в неком фрагментарном,
утраченном наполовину замысле
Значенья жизни ускользали
от преследующих глаз.
Обличье жизни прятало от взгляда
настоящую суть жизни;
Смысл тайный жизни
пишется внутри и выше.
Та мысль, что наделяет это смыслом,
живёт вне нашей сферы, вдалеке;
Она не видима в наполовину
завершённом замысле.
Напрасно мы надеемся прочесть
сбивающие с толку знаки,
Составить слово
из полуразгаданной шарады.
Лишь в этой более великой жизни
можно обнаружить
Ту зашифрованную мысль,
что превращает миф земли
В понятную историю,
благодаря намёку
объясняющего слова.
И что-то, наконец,
похожее на истину,
открылось взгляду.
Там в атмосфере сумрака
опасной тайны
Глаза, что видят
тёмную часть истины,
Создали некий образ
в середине яркого пятна
И, вглядываясь сквозь туман
нюансов и оттенков,

He saw a half-blind chained divinity
Bewildered by the world in which he moved,
Yet conscious of some light prompting his soul.
Attracted to strange far-off shimmerings,
Led by the fluting of a distant Player
He sought his way amid life's laughter and call

And the index chaos of her myriad steps
Towards some total deep infinitude.
Around crowded the forest of her signs:
At hazard he read by arrow-leaps of Thought
That hit the mark by guess or luminous chance,
Her changing coloured road-lights of idea
And her signals of uncertain swift event,
The hieroglyphs of her symbol pageantries
And her landmarks in the tangled paths of Time.
In her mazes of approach and of retreat
To every side she draws him and repels,
But drawn too near escapes from his embrace;
All ways she leads him but no way is sure.
Allured by the many-toned marvel of her chant,

Увидел он[1] полуслепого,
скованного бога,
Что сбит был с толку миром,
где он пребывал,
Но всё же знал о неком свете,
помогающем его душе.
Притянутый к далёкому
и странному мерцанию,
Ведомый звуком флейты
далёкого невидимого Музыканта,
Он продолжал,
средь смеха и призыва жизни,
отыскивать свой путь,
И в хаосе её бесчисленных шагов
пытаться обнаружить указатель
На некую глубокую
и всеобъемлющую бесконечность.
Вокруг толпился лес
её разнообразных знаков:
И стрелами-прыжками Мысли,
что попадают в цель
Догадкой или светлою удачей,
читал он наугад
Её изменчивые разноцветные
дорожные огни идеи,
Её сигналы неопределённых,
быстро пролетающих событий,
И иероглифы её роскошных
символических великолепий,
Её ориентиры
на запутанных дорогах Времени.
Так в лабиринтах
приближения и отдаления
В любые стороны
она его то тянет, то отталкивает,
Но, слишком близко притянув,
выскальзывает из объятий;
По всем путям она ведёт его,
но нет ни одного надёжного.
И очарованный
её многоголосым чудом пения,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

Attracted by the witchcraft of her moods
And moved by her casual touch to joy and grief,

He loses himself in her but wins her not.
A fugitive paradise smiles at him from her eyes:
He dreams of her beauty made for ever his,
He dreams of his mastery her limbs shall bear,

He dreams of the magic of her breasts of bliss.
In her illumined script, her fanciful
Translation of God's pure original text,
He thinks to read the Scripture Wonderful,
Hieratic key to unknown beatitudes.
But the Word of Life is hidden in its script,
The chant of Life has lost its divine note.
Unseen, a captive in a house of sound,
The spirit lost in the splendour of a dream
Listens to a thousand-voiced illusion's ode.
A delicate weft of sorcery steals the heart
Or a fiery magic tints her tones and hues,

Yet they but wake a thrill of transient grace;
A vagrant march struck by the wanderer Time,

Прельстившись колдовством
её различных настроений,
И движимый её
случайными касаньями
то к радости, то к горю,
Но так и не сумев её завоевать,
теряет в ней он сам себя.
И улыбается ему из глаз её
непрочный мимолётный рай:
Мечтает он о красоте её,
чтобы та была всегда его,
Мечтает он, чтоб тело у неё
терпело власть его
и подчинялось,
Мечтает он о магии
её грудей блаженства.
И в ей принадлежащем
озарённом манускрипте,
В её замысловатом переводе
чистого оригинала Бога,
Надеется он прочитать
Чудесное Писание,
Священный ключ
к неведомым блаженствам.
Но Слово Жизни
скрыто в этом манускрипте,
А песня Жизни растеряла
все свои божественные ноты.
Невидимый, став пленником
в палате звука,
Дух, потерявшийся
в той роскоши мечты,
Внимает оде, распеваемой иллюзией
на сотни голосов.
И если нежная ткань волшебства
захватывает постепенно сердце,
Иль феерическая магия
окрашивает все её
оттенки и тона,
Они лишь пробуждают
трепет мимолётной милости;
Бродячий марш там отбивается
скитальцем-Временем,

They call to a brief unsatisfied delight
Or wallow in ravishments of mind and sense,
But miss the luminous answer of the soul.
A blind heart-throb that reaches joy through tears,

A yearning towards peaks for ever unreached,
An ecstasy of unfulfilled desire
Track the last heavenward climbings of her voice.

Transmuted are past suffering's memories
Into an old sadness's sweet escaping trail:
Turned are her tears to gems of diamond pain,
Her sorrow into a magic crown of song.
Brief are her snatches of felicity

That touch the surface, then escape or die:
A lost remembrance echoes in her depths,
A deathless longing is hers, a veiled self's call;
A prisoner in the mortal's limiting world,
A spirit wounded by life sobs in her breast;
A cherished suffering is her deepest cry.
A wanderer on forlorn despairing routes,
Along the roads of sound a frustrate voice

Они зовут его[1] к короткому восторгу,
что не утоляет,
Иль призывают погрузиться
в восхищение ума и чувств,
Но упустить при этом
озаряющий ответ души.
Слепой пульс сердца,
достигающий веселья, радости
сквозь слёзы,
Стремление к вершинам,
что всегда недостижимы,
Экстаз неутолённого желания,
Прокладывали путь её последним,
восходящим в небеса,
подъёмам голоса.
Воспоминание страданий
пережитых в прошлом
Становится приятным уходящим
следом старой грусти:
Её рыдания и слёзы превратились
в драгоценности алмазной боли,
Её страдание — в магический венец
и завершенье песни.
Но слишком коротки
её урывки счастья,
Они касаются поверхностных вещей,
затем уходят или умирают:
Воспоминанья о потерях
эхом отзываются в её глубинах,
Есть в ней бессмертное стремление,
призыв сокрытого вуалью “я”;
И узник в ограниченной
вселенной смертных — дух,
Измучен от рыданий жизни
у неё в груди;
Страдание, которое она лелеет —
крик её глубин.
Скиталец по заброшенным
маршрутам безысходности,
Гуляет по дорогам звука
бесполезный голос,

[1] дух, *прим.пер.*

Forsaken cries to a forgotten bliss.

Покинуто взывает
к позабытому блаженству.

Astray in the echo caverns of Desire,
It guards the phantoms of a soul's dead hopes
And keeps alive the voice of perished things
Or lingers upon sweet and errant notes
Hunting for pleasure in the heart of pain.
A fateful hand has touched the cosmic chords
And the intrusion of a troubled strain
Covers the inner music's hidden key
That guides unheard the surface cadences.

Блуждая в отдающих эхом
подземелиях Желания,
Он караулит призрачные тени
умерших надежд души
И сохраняет как живые
голоса исчезнувших вещей,
А может, медлит
среди нежных и непостоянных нот,
И гонится за наслажденьем
в самом сердце боли.
Вот судьбоносная рука
берёт космический аккорд,
И резкое вторженье
беспокоящей мелодии
Перекрывает скрытую тональность
музыки, играющей внутри,
Неслышно направляющей
поток поверхностных каденций.

Yet is it joy to live and to create
And joy to love and labour though all fails,
And joy to seek though all we find deceives
And all on which we lean betrays our trust;
Yet something in its depths was worth the pain,
A passionate memory haunts with ecstasy's fire.
Even grief has joy hidden beneath its roots:
For nothing is truly vain the One has made:
In our defeated hearts God's strength survives
And victory's star still lights our desperate road;
Our death is made a passage to new worlds.

Но всё же есть такая радость —
жить и создавать,
И радость от любви, и от работы,
несмотря на все падения,
И радость поиска,
хотя всё то, что мы находим —
нас обманывает,
И всё, на что мы опираемся,
подводит, предаёт доверие;
И всё же, что-то там, в её глубинах
стоило страданий,
И страстное воспоминание
преследуется пламенем экстаза.
Ведь даже горе обладает радостью,
что скрыта под его корнями:
Нет ничего по-настоящему напрасного
из сотворённого Единым:
У нас, в растроенных сердцах,
всё время остаётся сила Бога,
Звезда победы продолжает освещать
отчаянный наш путь,
А наша смерть становится
проходом в новые миры.

This to Life's music gives its anthem swell.
To all she lends the glory of her voice;
Heaven's raptures whisper to her heart and pass,
Earth's transient yearnings cry from her lips and fade.
Alone the God-given hymn escapes her art
That came with her from her spiritual home
But stopped half-way and failed, a silent word

Awake in some deep pause of waiting worlds,
A murmur suspended in eternity's hush:
But no breath comes from the supernal peace:
A sumptuous interlude occupies the ear
And the heart listens and the soul consents;
An evanescent music it repeats

Wasting on transience Time's eternity.
A tremolo of the voices of the hours
Oblivious screens the high intended theme
The self-embodying spirit came to play
On the vast clavichord of Nature-Force.
Only a mighty murmur here and there
Of the eternal Word, the blissful Voice
Or Beauty's touch transfiguring heart and sense,

Всё это дарит музыке высокой Жизни
размах победной песни.
Она все вещи наделяет
славой своего звучания;
Восторги неба
шепчут сердцу и проходят,
Недолговечные стремления земли
кричат из уст её и затихают.
И одинокий, Богом данных гимн
спасает всё её искусство,
Что вместе с ней спустилось
из её духовного жилища,
Но здесь, на пол-пути,
остановилось и ослабло,
стало тихим словом,
Проснувшимся в глубокой паузе
средь ожидающих миров,
И шёпотом, повисшим
посреди молчанья вечности:
Ни дуновенья не приходит
из небесного покоя:
И слух захватывается
роскошной интерлюдией,
И сердце слушает,
и соглашается душа;
Она вторит
той мимолётной музыке,
Растрачивая вечность Времени
на преходящее.
Тремоло голосов
земных часов
Рассеяно скрывает тему
высшего предназначения,
Что само-воплощённый дух
пришёл сыграть
На необъятном клавикорде
Природы-Силы.
И лишь могучий гул
и здесь, и там,
Несущий Слово вечного,
наполненный блаженством Голос,
Касанье Красоты,
преображающее ощущение и сердце,

A wandering splendour and a mystic cry,
Recalls the strength and sweetness heard no more.

Here is the gap, here stops or sinks life's force;

This deficit paupers the magician's skill:
This want makes all the rest seem thin and bare.

A half-sight draws the horizon of her acts:
Her depths remember what she came to do,
But the mind has forgotten or the heart mistakes:
In Nature's endless lines is lost the God.
In knowledge to sum up omniscience,
In action to erect the Omnipotent,

To create her Creator here was her heart's conceit,
To invade the cosmic scene with utter God.
Toiling to transform the still far Absolute
Into an all-fulfilling epiphany,

Into an utterance of the Ineffable,
She would bring the glory here of the Absolute's force,
Change poise into creation's rhythmic swing,
Marry with a sky of calm a sea of bliss.
A fire to call eternity into Time,

Блуждание великолепья
и мистический призыв,
Взывают к силе, к сладости,
которых более не слышно.

Здесь есть провал,
здесь замирает или убывает
сила жизни;
И этот недостаток обедняет
мастерство волшебника:
Нехватка эта заставляет
остальное всё казаться
скудным и пустым.
Какой-то полувзгляд
очерчивает горизонт её работ:
Её глубины помнят,
что она пришла здесь совершить,
Но ум успел забыть,
а сердце ошибается,
И где-то, в бесконечных линиях Природы
затерялся Бог.
Суммировать всеведение
в знании,
А в действии —
воздвигнуть Всемогущество,
Здесь сотворить её Творца —
самонадеянно желало сердце,
Здесь покорить космическую сцену
совершенным Богом.
Работая, чтоб преобразовать
пока ещё далёкий Абсолют
В богоявленье, наполняющее
всё на свете,
И в проявление Невыразимого,
Она хотела принести сюда
великолепье силы Абсолюта,
И сдвинуть равновесие
в ритмическом движении творения,
И обручить моря блаженства
с небесами тишины.
Она хотела пламени, которое
во Время призывает вечность,

Make body's joy as vivid as the soul's,

Earth she would lift to neighbourhood with heaven,
Labours life to equate with the Supreme
And reconcile the Eternal and the Abyss.
Her pragmatism of the transcendent Truth
Fills silence with the voices of the gods,
But in the cry the single Voice is lost.
For Nature's vision climbs beyond her acts.

A life of gods in heaven she sees above,
A demigod emerging from an ape

Is all she can in our mortal element.
Here the half-god, the half-titan are her peak:
This greater life wavers twixt earth and sky.
A poignant paradox pursues her dreams:
Her hooded energy moves an ignorant world
To look for a joy her own strong clasp puts off:

In her embrace it cannot turn to its source.
Immense her power, endless her act's vast drive,

Astray is its significance and lost.

Чтоб радость тела
стала бы такой же яркой,
что и радости души,
Поднять всю Землю
до соседства с небесами,
И уравнять работу жизни
с Высочайшим
И примирить между собою
Вечное и Бездну.
Её практичность
трансцендентной Истины
Здесь наполняет тишину
звучаньем голосов богов,
Но среди них теряется единственный
и самый важный Голос.
Но так как взгляд Природы
поднимается над сферою
её работ.
Она способна видеть над собою
жизнь богов на небесах,
И полубожество,
что появляется из обезьяны,
Есть всё, на что она способна
в нашей смертной части.
Здесь полубог, полутитан —
её вершина:
Меж небом и землёй колеблется
тот план высокой жизни.
Мучительный и острый парадокс
преследует её мечты:
Её сокрытая энергия
ведёт невежественный мир
Искать ту радость,
что её могучая рука
отводит в сторону:
В её объятьях мир не может
повернуться к своему источнику.
Безмерна сила в ней
и бесконечно широка
энергия её деяний,
Но заблудился смысл
у этих дел и утерялся.

Although she carries in her secret breast
The law and journeying curve of all things born
Her knowledge partial seems, her purpose small;
On a soil of yearning tread her sumptuous hours.

A leaden Nescience weighs the wings of Thought,
Her power oppresses the being with its garbs,
Her actions prison its immortal gaze.
A sense of limit haunts her masteries
And nowhere is assured content or peace:
For all the depth and beauty of her work
A wisdom lacks that sets the spirit free.
An old and faded charm had now her face
And palled for him her quick and curious lore;
His wide soul asked a deeper joy than hers.
Out of her daedal lines he sought escape;
But neither gate of horn nor ivory

He found nor postern of spiritual sight,

There was no issue from that dreamlike space.

Our being must move eternally through Time;
Death helps us not, vain is the hope to cease;

Хотя она проносит
в тайниках своей груди
Закон и направленье путешествия
всего, что здесь родилось,
Её познанья кажутся частичными,
а цели — небольшими;
По почве устремления
её часы великолепия
идут тяжёлой поступью.
Свинцовое Незнание
отягощает крылья Мысли,
Её могущество сдавило бытие
своими одеяньями,
От дел её стал узником
бессмертный взгляд.
Её владения преследует всё время
ощущение предела,
И нет нигде ни мира,
ни гарантии согласия:
Всей глубине
и красоте её работы
Не достаёт той мудрости,
которая освобождает дух.
Поблекнувшее прежнее очарованье
снова на её лице,
И потеряли свежесть для него[1]
её пытливые, живые знания;
Его широкая душа
просила более глубокой радости.
Он стал искать — как выбраться
из сложного её узора линий;
Но ни ворот из рога
или из слоновой кости,
Ни запасной калитки
зренья духа,
Не находил он, никакого выхода
из этого, похожего на сон,
пространства.
Так наше существо обречено
навечно двигаться сквозь Время;
И смерть не помогает нам,
напрасно мы надеемся остановиться;

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

A secret Will compels us to endure.
Our life's repose is in the Infinite;

It cannot end, its end is Life supreme.
Death is a passage, not the goal of our walk:
Some ancient deep impulsion labours on:
Our souls are dragged as with a hidden leash,
Carried from birth to birth, from world to world,
Our acts prolong after the body's fall
The old perpetual journey without pause.
No silent peak is found where Time can rest.

This was a magic stream that reached no sea.
However far he went, wherever turned,
The wheel of works ran with him and outstripped;

Always a farther task was left to do.

A beat of action and a cry of search

For ever grew in that unquiet world;
A busy murmur filled the heart of Time.
All was contrivance and unceasing stir.
A hundred ways to live were tried in vain:

Таинственная Воля
заставляет нас терпеть.
И отдых в нашей жизни
будет только в Бесконечном;
Не может жизнь закончиться,
её конец — вершина Жизни.
Смерть — только переход,
не цель прогулки нашей:
Какой-то древний и глубокий импульс
продолжает действовать:
И наши души тянут,
словно на незримой привязи,
Их переносят от рождения к рождению,
от мира к миру,
Поступки наши продолжают,
после отделения от тела,
Свой прежний вечный путь
без передышки.
И не найти нам ни одной вершины,
где Время в тишине
могло бы отдохнуть.
То был магический поток,
что никогда не достигает моря.
И как бы далеко он[1] там ни заходил,
куда б ни поворачивал,
Всё время колесо работ
бежало рядом с ним
и обгоняло;
Всегда была какая-то
дальнейшая задача,
которую необходимо сделать.
Биенье действия,
призыв искать
Всё время возрастали
в этом беспокойном мире,
А деловитый шум и гомон
наполняли сердце Времени.
Всё было выдумкой
и непрестанной суетой.
И сотни вариантов жизни
испытывались понапрасну:

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

A sameness that assumed a
thousand forms
Strove to escape from its long
monotone
And made new things that soon
were like the old.

A curious decoration lured the eye

And novel values furbished
ancient themes
To cheat the mind with the idea of
change.
A different picture that was still
the same
Appeared upon the cosmic vague
background.
Only another labyrinthine house

Of creatures and their doings and
events,
A city of the traffic of bound
souls,
A market of creation and her wares,

Was offered to the labouring mind
and heart.
A circuit ending where it first
began
Is dubbed the forward and eternal
march
Of progress on perfection's
unknown road.
Each final scheme leads to a
sequel plan.
Yet every new departure seems
the last,
Inspired evangel, theory's ultimate
peak,
Proclaiming a panacea for all
Time's ills
Or carrying thought in its ultimate
zenith flight

Однообразие, что принимало
тысячу различных форм,
Старалось убежать
от долгой монотонности
И создавало новое,
что быстро становилось
тем же, что и прежде.
Там странность декораций
привлекала взгляд,
И новообретаемые ценности
счищали ржавчину со старых тем,
Чтоб обмануть умы
идеей изменения.
Различные картины,
но, по сути, те же самые,
Там появлялись
на космическом неясном фоне.
И лишь очередной,
на лабиринт похожий, дом,
С живущими в нём существами,
их делами и событиями,
И город, где торгуют
связанные души,
И рынок творчества
с его товарами,
Там предлагались сердцу
и трудолюбивому уму.
Круговорот, что завершается,
где начинается,
Шлифуется вперёд идущим
вечным маршем
Прогресса по неведомой дороге
совершенства.
Любая окончательная схема
приводит к плану-продолжению.
При этом, каждый новый поворот
там кажется последним,
Как вдохновенное евангелие,
как предельный пик теории,
Провозглашая панацею
ото всех болезней Времени
Иль унося с собою мысль
предельной траекторией в зенит,

And trumpeting supreme
discovery;
Each brief idea, a structure
perishable,
Publishes the immortality of its
rule,
Its claim to be the perfect form of
things,
Truth's last epitome, Time's
golden best.
But nothing has been achieved of
infinite worth:
A world made ever anew, never
complete,
Piled always half-attempts on lost
attempts

And saw a fragment as the eternal
Whole.
In the aimless mounting total of
things done
Existence seemed a vain
necessity's act,
A wrestle of eternal opposites
In a clasped antagonism's close-
locked embrace,
A play without denouement or idea,

A hunger march of lives without a
goal,
Or, written on a bare blackboard
of Space,
A futile and recurring sum of
souls,
A hope that failed, a light that
never shone,
The labour of an unaccomplished Force
Tied to its acts in a dim eternity.

There is no end or none can yet be
seen:

Трубя о высочайшем
и невиданном открытии;
Любая быстротечная идея,
шаткая структура,
Там объявляет о бессмертной жизни
собственного правила,
И о своей претензии
быть совершенной формою вещей,
Последним достиженьем Истины,
прекрасным результатом Времени.
Но ничего из бесконечных ценностей
пока не достигалось:
Мир, вечно создающий заново себя,
всегда незавершённый,
Всё время громоздил
одни напрасные полупопытки
на другие,
Воспринимая небольшой фрагмент,
как Целое из вечности.
И в той бесцельно поднимающейся
груде сделанных вещей
Существование казалось
действием пустой необходимости,
Борьбою вечных противоположностей
В объятии-переплетении
сжимающих антагонизмов,
Игрой без завершения
и без идеи,
Голодным маршем жизней
без какой-то цели,
Или написанным на чистой чёрной
письменной доске Пространства
Ненужным, повторяющимся
вновь и вновь, итогом душ,
Надеждой, что не сбылась,
светом, никогда не засиявшим,
Трудом несовершенной Силы,
Привязанной к своим делам
в неясной вечности.
Там нет конца,
и ничего пока нельзя увидеть:

Although defeated, life must
struggle on;

Always she sees a crown she
cannot grasp;
Her eyes are fixed beyond her
fallen state.
There quivers still within her
breast and ours
A glory that was once and is no
more,
Or there calls to us from some
unfulfilled beyond

A greatness yet unreached by the
halting world.
In a memory behind our mortal
sense
A dream persists of larger happier
air

Breathing around free hearts of
joy and love,

Forgotten by us, immortal in lost
Time.
A ghost of bliss pursues her
haunted depths;
For she remembers still, though
now so far,
Her realm of golden ease and glad
desire
And the beauty and strength and
happiness that were hers
In the sweetness of her glowing
paradise,
In her kingdom of immortal ecstasy
Half-way between God's silence
and the Abyss.

This knowledge in our hidden
parts we keep;

Хотя и побеждённая,
жизнь вынуждена
продолжать борьбу;
Она всё время видит некую корону,
что не может захватить,
И взгляд её сосредоточен
за пределами её падения.
В её груди, и в наших
до сих пор трепещет
Та слава, что была у ней когда-то
и которой больше нет,
Которая взывает к нам
из некой неосуществлённой
запредельности,
Величие, пока ещё не достижимое
для этого хромающего мира.
И в памяти, за нашим
смертным ощущением,
Всё продолжает жить мечта
о более широком
и счастливом воздухе,
Что обдувал со всех сторон
свободные сердца
любви и радости,
О воздухе, забытом нами, бессмертном
в заблудившемся когда-то Времени.
Видение блаженства всякий раз
преследует её глубины;
Она всё время помнит,
хотя сейчас всё это так далёко,
Свои чертоги золотистой лёгкости
и радостных желаний,
И красоты, и сил, и счастья,
что когда-то были у неё
В широкой сладости
её сверкающего рая,
В её стране бессмертного экстаза
На пол-пути между
безмолвием Всевышнего
и Пропастью.
Мы сохраняем это знанье
в наших спрятанных частях;

Awake to a vague mystery's
appeal,
We meet a deep unseen Reality

Far truer than the world's face of
present truth:

We are chased by a self we cannot
now recall
And moved by a Spirit we must
still become.
As one who has lost the kingdom
of his soul,
We look back to some god-phase
of our birth

Other than this imperfect creature
here
And hope in this or a diviner
world
To recover yet from Heaven's
patient guard
What by our mind's forgetfulness
we miss,
Our being's natural felicity,

Our heart's delight we have
exchanged for grief,
The body's thrill we bartered for
mere pain,

The bliss for which our mortal
nature yearns

As yearns an obscure moth to
blazing Light.
Our life is a march to a victory
never won.

This wave of being longing for
delight,

Проснувшись от призыва
некой неотчётливой мистерии,
Мы вдруг встречаемся
с глубокою, незримою Реальностью,
Намного более правдивою,
чем облик правды мира
в настоящем:
И нас преследует то внутреннее "я",
что мы сейчас не можем воскресить,
И нами движет Дух,
которым мы должны когда-то стать.
Как те, кто потеряли
царство собственной души,
Мы смотрим в прошлое,
на некую божественную фазу
нашего рождения,
Иную, чем несовершенное
творенье здесь,
Надеясь или в этом мире,
или в более божественном
Когда-нибудь ещё забрать
у терпеливых стражников Небес
Всё то, что мы когда-то упустили
нашим забывающим умом,
Естественное счастье
собственного существа,
Восторг сердец, который
обменяли мы на горе,
И трепетанье тел,
что мы когда-то даром
отдали за боль,
Блаженство, о котором
наша смертная природа
и мечтает, и стремится,
Как незаметный мотылёк
стремится к ослепительному Свету.
Жизнь наша —
это марш к победе,
Которой никогда ещё
не добивались.
И эти волны бытия,
что устремляются к восторгу,

This eager turmoil of unsatisfied
strengths,

These long far files of
forward-striving hopes

Lift worshipping eyes to the blue
Void called heaven

Looking for the golden Hand that
never came,
The advent for which all creation
waits,
The beautiful visage of Eternity

That shall appear upon the roads
of Time.
Yet still to ourselves we say
rekindling faith,
“Oh, surely one day he shall come
to our cry,
One day he shall create our life
anew
And utter the magic formula of
peace
And bring perfection to the
scheme of things.
One day he shall descend to life
and earth,
Leaving the secrecy of the eternal
doors,
Into a world that cries to him for
help,
And bring the truth that sets the
spirit free,
The joy that is the baptism of the
soul,
The strength that is the
outstretched arm of Love.
One day he shall lift his beauty’s
dreadful veil,

И тот нетерпеливый шум,
и суматоха
жаждущих чего-то сил,
И эти длинные,
идущие издалека,
Колонны рвущихся вперёд надежд
Возводят обожающие очи
к синей Пустоте,
что называют небом,
Выискивая золотую Длань,
что никогда не приходила,
Пришествие, которого
здесь ожидает всё творение,
Прекрасный, изумительный
лик Вечности,
Который должен появиться
на дорогах Времени.
И до сих пор мы говорим самим себе,
воспламеняя веру,
“Конечно же, однажды
он придёт на наш призыв,
В один прекрасный день
он нашу жизнь построит заново,
Произнесёт магическую
формулу покоя,
И принесёт нам совершенство
в этой схеме бытия.
В один прекрасный день
он спустится до жизни и земли,
Оставив таинство дверей,
ведущих в вечность,
И в мир, взывающий к нему о помощи,
придёт,
И принесёт ту истину, с которой
дух становится свободным,
И радость, что является
крещением души,
И силу, что есть
распростёртые объятия Любви.
Однажды он поднимет
страшную вуаль,
освобождая красоту,

Impose delight on the world's
beating heart
And bare his secret body of light
and bliss."
But now we strain to reach an
unknown goal:
There is no end of seeking and of
birth,
There is no end of dying and
return;
The life that wins its aim asks
greater aims,

The life that fails and dies must
live again;
Till it has found itself it cannot
cease.

All must be done for which life
and death were made.

But who shall say that even then is
rest?
Or there repose and action are the
same
In the deep breast of God's
supreme delight.
In a high state where ignorance is
no more,

Each movement is a wave of
peace and bliss,
Repose God's motionless creative
force,
Action a ripple in the Infinite

And birth a gesture of Eternity.

A sun of transfiguration still can
shine
And Night can bare its core of
mystic light;

Опустит свой восторг
на бьющееся сердце мира
И обнажит своё скрываемое тело
света и блаженства."
А мы сейчас стремимся
подойти к неведомой нам цели:
И нет конца
исканьям и рождению;
И нет конца
для умирания и возвращения,
Та жизнь,
что добивается своих целей,
Всё время просит
ещё более высоких,
Та жизнь, что падает и погибает,
вынуждена жить опять;
И до тех пор, пока она
здесь не найдёт себя,
не сможет это прекратиться.
Должно быть сделано всё то,
ради чего создали
жизнь и смерть.
Но кто нам скажет,
что потом наступит отдых?
А может, там покой и действие
становятся едины —
В груди глубокой
высшего восторга Бога.
В высоком состоянии,
где больше нет неведения,
каждое движение,
Становится волной
покоя и блаженства,
Там отдых — неподвижная
и созидающая сила Бога,
Рождение —
один из жестов Вечности,
А действие —
рябь Бесконечности.
И солнце преобразованья
ещё сумеет засиять,
А Ночь — сумеет оголить
своё ядро мистического света;

The self-cancelling, self-afflicting paradox
Into a self-luminous mystery might change,
The imbroglio into a joyful miracle.

Then God could be visible here, here take a shape;
Disclosed would be the spirit's identity;
Life would reveal her true immortal face.
But now a termless labour is her fate:
In its recurrent decimal of events

Birth, death are a ceaseless iteration's points;

The old question-mark margins each finished page,

Each volume of her effort's history.
A limping Yes through the aeons journeys still
Accompanied by an eternal No.
All seems in vain, yet endless is the game.
Impassive turns the ever-circling Wheel,
Life has no issue, death brings no release.

A prisoner of itself the being lives

And keeps its futile immortality;

Extinction is denied, its sole escape.

An error of the gods has made the world.

И парадокс само-отмены,
самоистязания
Сумеет превратиться
в само-озарённую мистерию,
А эта путаница —
в радостное чудо.
Тогда Бог станет зримым здесь,
здесь обретёт свой облик;
Тогда открылось бы
отождествленье духа;
Жизнь показала бы
свой истинный бессмертный лик.
Однако же, сейчас её судьба —
труд без конца и без начала:
В той бесконечной дроби
повторяющейся череды её событий
Рождение и смерть —
лишь нескончаемые
точки итерации;
И старый знак вопроса
стоит в конце любой
законченной страницы,
И завершает каждый том
истории её усилий.
Хромое 'Да' гуляет сквозь эпохи,
как и прежде,
Сопровождаемое вечным 'Нет'.
Всё кажется напрасным и пустым,
и всё же нескончаема её игра.
Бесстрастно поворачивается
всегда идущее по кругу Колесо,
Жизнь не имеет выхода,
и смерть нам не несёт
освобождения.
Как узник самого себя
живёт то бытие
И сохраняет бесполезное
своё бессмертие,
И в угасании, его единственном
возможном избавлении,
ему отказано.
Ошибкою богов
был создан этот мир.

Or indifferent the Eternal watches
Time.

End of Canto Six

Или бесстрастным Вечным,
смотрящим на Время.

Конец шестой песни

Шри Ауробиндо
САВИТРИ

Book Two
THE BOOK OF THE
TRAVELLER OF THE
WORLDS

Книга Вторая
КНИГА
ПУТЕШЕСТВЕННИКА
ПО МИРАМ

Canto VII
THE DESCENT INTO NIGHT

A mind absolved from life, made
calm to know,
A heart divorced from the
blindness and the pang,
The seal of tears, the bond of
ignorance,
He turned to find that wide
world-failure's cause.
Away he looked from Nature's
visible face
And sent his gaze into the
viewless Vast,
The formidable unknown Infinity,

Asleep behind the endless coil of
things,
That carries the universe in its
timeless breadths
And the ripples of its being are
our lives.
The worlds are built by its
unconscious Breath
And Matter and Mind are its
figures or its powers,
Our waking thoughts the output of
its dreams.
The veil was rent that covers
Nature's depths:

Песня VII
СПУСК В НОЧЬ

Освободив от жизни ум
и сделав тихим, чтобы знать,
Он[1] сердце отделил
от слепоты и боли,
От уз невежества,
и от печати слёз,
И стал искать причину
этого большого мира-неудачи.
Он отвернулся прочь
от видимого облика Природы,
Послал свой взгляд
в невидимый Простор,
В ту грозную неведомую
Бесконечность,
Что спит за бесконечной
суетой вещей,
И что несёт вселенную
в своих размахах вечности
И рябь её существованья —
наши жизни.
Благодаря её несознающему Дыханию
построены миры,
Материя и Ум —
её обличья или силы,
А мысли наши, отходящие от сна —
плоды её мечтаний.
Покров, скрывавший глубину Природы,
был снят, отброшен прочь:

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

He saw the fount of the world's lasting pain
And the mouth of the black pit of Ignorance;
The evil guarded at the roots of life

Raised up its head and looked into his eyes.
On a dim bank where dies subjective Space,
From a stark ridge overlooking all that is,
A tenebrous awakened Nescience,
Her wide blank eyes wondering at Time and Form,
Stared at the inventions of the living Void
And the Abyss whence our beginnings rose.
Behind appeared a grey carved mask of Night
Watching the birth of all created things.
A hidden Puissance conscious of its force,
A vague and lurking Presence everywhere,
A contrary Doom that threatens all things made,
A Death figuring as the dark seed of life,
Seemed to engender and to slay the world.
Then from the sombre mystery of the gulfs
And from the hollow bosom of the Mask
Something crept forth that seemed a shapeless Thought.

A fatal Influence upon creatures stole

Его глазам предстал источник
продолжающейся боли мира
И пасть чёрневшей
впадины Невежества;
Зло, стерегущее
те корни жизни,
Подняло голову,
взглянув ему в глаза.
На тусклом берегу, где умирает
субъективное Пространство,
С застывшего хребта
обозревая всё, что существует,
Проснувшееся мрачное Незнание
Пустыми, широко открытыми глазами,
удивляясь Времени и Форме,
Уставилось на выдумки
живущего Ничто,
На Бездну, из которой поднимаются
начала наши и истоки.
За ним возникла
серая резная маска Ночи,
Что наблюдала за рождением
всех созданных существ.
Сокрытое Могущество,
что знало собственную силу,
Неясное и ускользавшее Присутствие
везде, во всех местах,
Упрямый Рок, что угрожал
всем созданным вещам,
Смерть, выступавшая как тёмное,
дурное семя жизни,
Казалось, порождали,
а потом уничтожали мир.
Затем из этой сумрачной
мистерии пучин,
Пустого лона этой Маски,
выползло вперёд
Неведомое нечто,
что предстало как
бесформенная Мысль.
Неотвратимое Влияние
подкралось к существам,

Whose lethal touch pursued the immortal spirit,

On life was laid the haunting finger of death
And overcast with error, grief and pain
The soul's native will for truth and joy and light.
A deformation coiled that claimed to be
The being's very turn, Nature's true drive.
A hostile and perverting Mind at work

In every corner ensconced of conscious life
Corrupted Truth with her own formulas;
Interceptor of the listening of the soul,
Afflicting knowledge with the hue of doubt
It captured the oracles of the occult gods,

Effaced the signposts of Life's pilgrimage,
Cancelled the firm rock-edicts graved by Time,

And on the foundations of the cosmic Law
Erected its bronze pylons of misrule.
Even Light and Love by that cloaked danger's spell
Turned from the brilliant nature of the gods
To fallen angels and misleading suns,
Became themselves a danger and a charm,

И смертоносное его касанье
начало преследовать
бессмертный дух,
На жизнь наложен был
навязчивый перст смерти,
Страданьем, болью и ошибкой
перекрыли
Врождённое стремление души
к веселью, истине и свету.
Уродство скручивало то,
что добивалось стать
И настоящим поворотом бытия,
и истинным водителем Природы.
Враждебный,
извращавший всё на свете Ум,
Работая во всех укромных уголках
осознающей жизни,
Подтачивал и портил Истину
её же постулатами,
Мешал прислушиваться
к голосу души,
Оттенками сомненья
разрушая знание,
Он перехватывал предвиденья,
что посылаются
оккультными богами;
Стирал все указатели
паломничества Жизни,
Он отменял любые прочные указы,
что высекались Временем,
как на скале,
И на фундаменте
космических Законов
Он воздвигал отлитые из бронзы
пилоны-основанья беспорядка.
И даже Свет с Любовью
чарами замаскированной угрозы
Прочь отворачивались от своей
сияющей природы бога
И шли к обманчивому солнцу,
к падшим ангелам,
И сами превращались
в прелесть и опасность,

A perverse sweetness,
heaven-born malefice:
Its power could deform divinest
things.

A wind of sorrow breathed upon
the world;
All thought with falsehood was
besieged, all act
Stamped with defect or with
frustration's sign,
All high attempt with failure or
vain success,
But none could know the reason
of his fall.
The grey Mask whispered and,
though no sound was heard,

Yet in the ignorant heart a seed
was sown
That bore black fruit of suffering,
death and bale.
Out of the chill steppes of a bleak
Unseen
Invisible, wearing the Night's
grey mask,
Arrived the shadowy dreadful
messengers,
Invaders from a dangerous world
of power,
Ambassadors of evil's absolute.
In silence the inaudible voices
spoke,
Hands that none saw planted the
fatal grain,
No form was seen, yet a dire work
was done,
An iron decree in crooked uncials
written
Imposed a law of sin and adverse
fate.

В какую-то испорченную сладость,
рождённую небесным злом:
Его[1] могущество способно было
даже самое божественное
превратить в уродство.
Ветра печали
обдували этот мир;
Любая мысль
здесь осаждалась ложью,
Любое дело заклеймялось недостатками
иль признаком расстройства,
А всякая высокая попытка — неудачей
или же напрасными успехами,
Однако здесь никто не знал
причину своего падения.
Шептала сумрачная Маска
и, хотя не слышно не было
ни звука,
В невежественное сердце
всё же попадали семена,
Что приносили чёрные плоды
страданья, смерти и беды.
Из ледяных степей
унылого Незримого
Невидимые, скрытые
под серой маской Ночи,
Являлись призрачные
жуткие гонцы,
Захватчики из угрожающего
мира силы,
Посланцы абсолюта зла.
Звучали в тишине
неслышимые голоса,
Никем не замечаемые руки
сажали смертоносное зерно,
Их формы не видал никто,
но страшная работа совершалась,
Стальной указ, написанный
кривым унициальным шрифтом
Навязывал закон греха
и злой судьбы.

[1] Враждебного Ума, *прим.пер.*

Life looked at him with changed
and sombre eyes:
Her beauty he saw and the
yearning heart in things
That with a little happiness is
content,
Answering to a small ray of truth
or love;
He saw her gold sunlight and her
far blue sky,
Her green of leaves and hue and
scent of flowers
And the charm of children and the
love of friends
And the beauty of women and
kindly hearts of men,
But saw too the dreadful Powers
that drive her moods
And the anguish she has strewn
upon her ways,
Fate waiting on the unseen steps
of men
And her evil and sorrow and last
gift of death.
A breath of disillusion and
decadence
Corrupting watched for Life's
maturity
And made to rot the full grain of
the soul:
Progress became a purveyor of
Death.
A world that clung to the law of a
slain Light
Cherished the putrid corpses of
dead truths,
Hailed twisted forms as things
free, new and true,

Beauty from ugliness and evil
drank

И жизнь смотрела на него[1]
изменчивым, угрюмым взглядом.
Он видел красоту её,
томящееся сердце в существах,
Которые довольны
маленькому счастью,
И отвечают маленькому лучику
любви и истины;
Он видел золотой свет солнца у неё,
её высокую синь неба,
Её зелёную листву, богатство красок,
аромат цветов,
От видел и очарование детей,
любовь друзей,
И красоту у женщин,
и добрые сердца мужчин,
Но видел также страшные Могущества,
что управляют настроением её,
Мучения, расставленные ею
на её путях,
Судьбу, подстерегавшую
незримые шаги людей,
Страдание её и зло,
и завершающий подарок — смерть.
Дыханье упадка,
разочарованья
Гниеньем сторожило
зрелость жизни
И превращало в плесень
полновесное зерно души:
Прогресс служил поставщиком
для Смерти.
Мир, что цеплялся за закон
загубленного Света,
Лелеял разлагавшиеся трупы
мёртвых истин,
Приветствовал уродливые формы
словно нечто новое,
свободное и настоящее,
И упивался красотою
безобразного и злого,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

Feeling themselves guests at a
banquet of the gods
And tasted corruption like a
high-spiced food.
A darkness settled on the heavy
air;
It hunted the bright smile from
Nature's lips
And slew the native confidence in
her heart
And put fear's crooked look into
her eyes.
The lust that warps the spirit's
natural good
Replaced by a manufactured
virtue and vice
The frank spontaneous impulse of
the soul:
Afflicting Nature with the dual's lie,

Their twin values whetted a
forbidden zest,
Made evil a relief from spurious
good,
The ego battened on righteousness
and sin
And each became an instrument of
Hell.
In rejected heaps by a monotonous
road
The old simple delights were left
to lie
On the wasteland of life's descent
to Night.
All glory of life was dimmed,
tarnished with doubt;
All beauty ended in an aging face;

All power was dubbed a tyranny
cursed by God

And Truth a fiction needed by the
mind:

Воображающих себя
гостями на пиру богов,
Вкушал гнильё
как острую приправу к пище.
Тьма утвердилась
в той тяжёлой атмосфере;
Она сгоняла яркую улыбку
с губ Природы
И убивала прирождённое доверие
в её широком сердце,
И вкладывала ей в глаза
придавленное выраженье страха.
Так вожделенье, искажавшее
естественное благо духа,
Искусственными принципами
добродетели, порока
Там заменяло искренность
спонтанного движения души:
И мучая Природу
ложью дуализма,
Их двойственные ценности
лишь разжигали вкус запретного,
Зло делали освобожденьем
от поддельного добра,
Откармливали эго
праведностью и грехами,
И каждый становился
инструментом Ада.
В помойных кучах,
вдоль однообразного пути
Оставили лежать
привычные простые радости
В пустынных землях
спуска жизни в Ночь.
Вся слава жизни стала затуманена,
запятнана сомнением;
Вся красота заканчивалась
старческим лицом;
Всю силу сузили
и превратили в тиранию,
проклятую Богом,
А Истину свели до вымысла,
необходимого уму:

The chase of joy was now a tired hunt;
All knowledge was left a questioning Ignorance.

Охота за весельем, радостью,
теперь была усталою погоней;
Всё знанье обернулось
вопрошающим Невежеством.

As from a womb obscure he saw emerge
The body and visage of a dark Unseen
Hidden behind the fair outsides of life.
Its dangerous commerce is our suffering's cause.
Its breath is a subtle poison in men's hearts;
All evil starts from that ambiguous face.
A peril haunted now the common air;
The world grew full of menacing Energies,
And wherever turned for help or hope his eyes,
In field and house, in street and camp and mart
He met the prowl and stealthy come and go
Of armed disquieting bodied Influences.
A march of goddess figures dark and nude
Alarmed the air with grandiose unease;
Appalling footsteps drew invisibly near,
Shapes that were threats invaded the dream-light,

Он[1] смог увидеть,
как из сумрачного лона
Выходит тело и обличье
тёмного Незримого,
Сокрытого за яркой внешней
стороною жизни.
Его опасная коммерция —
причина нашего страдания.
Его дыханье — тонкий яд
в сердцах людей;
Все зло берёт начало
с этого двусмысленного лика.
Сейчас обычный воздух
пропитался страшною опасностью;
Мир наполнялся
угрожавшими Энергиями,
Куда б за помощью или надеждой
он ни кинул взгляд,
В домах и в поле, в лагере,
на улице, на рынке,
Встречал он лишь крадущиеся
тайные приходы и уходы
Вооружённых беспокойством
воплотившихся Влияний.
Богини с тёмными и обнажёнными телами
проходили маршем,
Тревожа воздух
грандиозными накатами волнения;
Пугавшие шаги
незримо подходили ближе,
А формы, что являлись
сами по себе угрозами,
захватывали свет мечты,

And ominous beings passed him on the road
Whose very gaze was a calamity:

Зловещие созданья
проходили мимо по дороге,
Чей даже взгляд
был страшною бедой:

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

A charm and sweetness sudden
and formidable,
Faces that raised alluring lips and
eyes
Approached him armed with
beauty like a snare,

But hid a fatal meaning in each
line
And could in a moment
dangerously change.
But he alone discerned that
screened attack.
A veil upon the inner vision lay,

A force was there that hid its
dreadful steps;
All was belied, yet thought itself
the truth;
All were beset but knew not of the
siege:
For none could see the authors of
their fall.

Aware of some dark wisdom
still withheld
That was the seal and warrant of
this strength,
He followed the track of dim
tremendous steps
Returning to the night from which
they came.
A tract he reached unbuilt and
owned by none:
There all could enter but none stay
for long.
It was a no man's land of evil air,

A crowded neighbourhood
without one home,
A borderland between the world
and hell.

Очарование и сладость,
грозные, внезапные,
И лица, поднимавшиеся перед ним,
пленяя губы и глаза,
Стремились подойти поближе,
вооружённые своею красотою
как ловушкой,
И в каждой линии
таили смертоносный смысл,
И в каждый миг
могли опасно измениться.
Лишь он один мог видеть
эти скрытые атаки.
На внутреннее зренье
наложили пелену,
Здесь ощущалась сила,
что скрывала страшные свои шаги;
Всё было изолгавшимся,
хотя себя считало правдой;
Все были в круговой осаде,
но об этом не подозревали:
Никто не мог увидеть авторов
своих падений.

Но, зная о какой-то тёмной,
всё ещё сокрытой мудрости,
Которая была моральным правом
и печатью этой силы,
Он шёл по следу жутковатых
неотчётливых шагов,
Что возвращались в ночь,
откуда вышли.
Он подошёл к какой-то незастроенной
и никому не нужной полосе:
Сюда войти мог каждый,
но никто не оставался здесь надолго.
Та полоса была ничейною землёю
этой атмосферы зла,
Переполняющее, тесное соседство,
без единого жилища,
Земля-граница,
разделяющая мир и ад.

There unreality was Nature's lord:

It was a space where nothing
could be true,

For nothing was what it had
claimed to be:
A high appearance wrapped a
specious void.

Yet nothing would confess its own
pretence
Even to itself in the ambiguous
heart:
A vast deception was the law of
things;
Only by that deception they could
live.
An unsubstantial Nihil guaranteed

The falsehood of the forms this
Nature took
And made them seem awhile to be
and live.
A borrowed magic drew them
from the Void;
They took a shape and stuff that
was not theirs
And showed a colour that they
could not keep,
Mirrors to a phantasm of reality.

Each rainbow brilliance was a
splendid lie;

A beauty unreal graced a glamour
face.
Nothing could be relied on to
remain:
Joy nurtured tears and good an
evil proved,
But never out of evil one plucked
good:

Там нереальность стала
хозяйкою Природы.
То было место,
где ничто не может быть
ни истинным, ни настоящим,
Там ничего, по сути, не являлось тем,
на что претендовало быть:
Возвышенная видимость
была оберткой
для обманывавшей пустоты.
Однако ничего здесь
не признало бы притворства
Хотя бы пред самим собой,
в двуличном сердце:
Обширный многочисленный обман
был здесь законом бытия;
И лишь при помощи обмана
все они могли существовать.
Так нематериальное Ничто
служило здесь гарантом
Для лживости тех форм,
которые Природа эта приняла
Заставив временно казаться,
что они и существуют, и живут.
Одолженная магия
на время вытянула их из Пустоты;
Они здесь приняли и облик, и материю,
которые им не принадлежали
И демонстрировали цвет,
который не смогли бы сохранить,
Став отраженьем некой
фантастической реальности.
Там каждый радужный, манящий блеск
был разновидностью
блестящей лжи,
И нереальная краса лежала
на искусственно прекрасных лицах.
Не оставалось ничего,
на что бы можно было опереться:
И радость там питала слёзы,
а добро доказывало правду зла,
Но никогда от зла
никто не получал добра:

Love ended early in hate, delight
killed with pain,

Truth into falsity grew and death
ruled life.
A Power that laughed at the
mischiefs of the world,
An irony that joined the world's
contraries
And flung them into each other's
arms to strive,
Put a sardonic rictus on God's
face.
Aloof, its influence entered
everywhere
And left a cloven hoof-mark on
the breast;
A twisted heart and a strange
sombre smile
Mocked at the sinister comedy of
life.
Announcing the advent of a
perilous Form
An ominous tread softened its dire
footfall
That none might understand or be
on guard;

None heard until a dreadful grasp
was close.

Or else all augured a divine
approach,
An air of prophecy felt, a
heavenly hope,
Listened for a gospel, watched for
a new star.
The Fiend was visible but cloaked
in light;
He seemed a helping angel from
the skies:
He armed untruth with Scripture
and the Law;

Любовь довольно быстро
умирала в ненависти,
наслажденье убивалось болью,
И истина перерастала в ложь,
а смерть командовала жизнью.
Та Сила, что смеялась
над мученьем мира,
Ирония, соединявшая
противоречья мира,
Бросавшая сражаться их
в объятии друг с другом,
Кривила сардонической усмешкою
лик Бога.
Её влиянья, отстранённые,
входили всюду
И оставляли след раздвоенных копыт,
как метки, на груди;
Обманутое сердце,
странная угрюмая улыбка,
Высмеивали жизнь
в обличии дурной комедии.
И возвещая о прибытии
опасной Формы,
Зловещие шаги смягчали
звуки страшной поступи,
Чтобы никто не мог
об этом догадаться
или быть настороже;
Никто не слышал ничего,
пока его не накрывали
страшные объятия.
Бывало и наоборот — всё говорило
о божественном приходе,
Пророчество витало в атмосфере
и небесная надежда,
На слух воспринимаясь как евангелие,
а глазами — новою звездой.
И Дьявол становился видимым,
хотя и облачённым в свет;
Он представлялся ангелом с небес
несущим помощь:
Неправду он вооружал
Писаниями и Законом;

He deceived with wisdom, with virtue slew the soul
And led to perdition by the heavenward path.
A lavish sense he gave of power and joy,
And, when arose the warning from within,
He reassured the ear with dulcet tones
Or took the mind captive in its own net;
His rigorous logic made the false seem true.
Amazing the elect with holy lore

He spoke as with the very voice of God.
The air was full of treachery and ruse;
Truth-speaking was a stratagem in that place;
Ambush lurked in a smile and peril made
Safety its cover, trust its entry's gate:
Falsehood came laughing with the eyes of truth;
Each friend might turn an enemy or spy,
The hand one clasped ensleeved a dagger's stab
And an embrace could be Doom's iron cage.
Agony and danger stalked their trembling prey
And softly spoke as to a timid friend:
Attack sprang suddenly vehement and unseen;
Fear leaped upon the heart at every turn

Обманывая мудростью
и убивая душу добродетелью
Он вёл к погибели
дорогой в небеса.
Он щедро сыпал
ощущеньем радости и силы,
И если поднималось
изнутри предупреждение,
Он ухо убеждал нежнейшими
оттенками и интонацией,
Захватывал ум пленником
в его же сети;
Так строгая его логичность
заставляла ложь казаться истиной.
Он изумлял избранника
священным знанием,
Он говорил,
как настоящий голос Бога.
Весь воздух был наполнен
хитростью и вероломством;
Сказать кому-то правду
было лишь уловкой в этом месте;
В улыбке пряталась засада,
а опасность превращала
Надёжность — в свой покров,
доверие — в свои ворота:
Ложь приходила, улыбаясь и смеясь,
с глазами правды;
Там каждый друг мог превратиться
во врага или шпиона,
Рука, протянутая для рукопожатия,
таила в рукаве удар кинжала,
Объятия могли стать
клеткою железной Рока.
Опасность и агония подкрадывались
к их трепещущей добыче
И мягко говорили с ней,
как с робким другом:
Вдруг делалась атака,
невидимо, неистово;
На сердце прыгал страх,
при каждом повороте,

And cried out with an anguished dreadful voice;
It called for one to save but none came near.
All warily walked, for death was ever close;

Yet caution seemed a vain expense of care,
For all that guarded proved a deadly net,
And when after long suspense salvation came
And brought a glad relief disarming strength,
It served as a smiling passage to worse fate.

There was no truce and no safe place to rest;

One dared not slumber or put off one's arms:
It was a world of battle and surprise.
All who were there lived for themselves alone;
All warred against all, but with a common hate
Turned on the mind that sought some higher good;
Truth was exiled lest she should dare to speak
And hurt the heart of darkness with her light
Or bring her pride of knowledge to blaspheme
The settled anarchy of established things.

Then the scene changed, but kept its dreadful core:

Кричал мучительным
и страшным голосом;
Он звал на помощь,
но никто не приближался.
Здесь все ходили
осторожно и с опаской,
Ведь смерть была всё время рядом;
Но эта осторожность часто виделась
напрасной тратой сил,
И всё, что охраняло, лишь усиливало
те смертельные тенета,
А если после долгой неизвестности
случалось обрести спасение
И приходило радостное облегчение,
разоружающее силу,
Оно подобно было
улыбавшемуся переходу
к ещё худшей участи.
Там не было ни перемирия,
ни безопасных мест,
чтобы отдохнуть;
Никто не смел вздремнуть
и опустить на время руки:
Тот мир был миром
битвы и внезапности.
И все в нём жили
только для самих себя;
Все воевали против всех,
но с общей злобой
Кидались на умы, искавшие
каких-то более высоких благ;
Там истину изгнали,
чтоб не смела даже пикнуть
И жалить сердце тьмы
своим сияньем,
Чтобы неся с собою гордость знания,
она не смела поносить
Всю эту постоянную анархию
установившегося положения вещей.

Затем сменилась сцена,
сохранив свой страшный смысл:

Altering its form the life remained
the same.
A capital was there without a State:

It had no ruler, only groups that
strove.
He saw a city of ancient Ignorance

Founded upon a soil that knew not
Light.
There each in his own darkness
walked alone:
Only they agreed to differ in
Evil's paths,
To live in their own way for their
own selves
Or to enforce a common lie and
wrong;

There Ego was lord upon his
peacock seat
And Falsehood sat by him, his
mate and queen:
The world turned to them as
Heaven to Truth and God.

Injustice justified by firm decrees

The sovereign weights of Error's
legalised trade,

But all the weights were false and
none the same;
Ever she watched with her balance
and a sword,
Lest any sacrilegious word expose

The sanctified formulas of her old
misrule.
In high professions wrapped
self-will walked wide
And licence stalked prating of
order and right:

Переменив обличье,
жизнь осталась всё такой же.
Столица там была
без Государства:
В ней не было правителя,
лишь группы, что сражались.
Он видел город
древнего Невежества,
Построенный на почве,
что не знала Света.
Там каждый в темноте своей
шагал один:
Они согласны были отличаться
лишь путями Зла,
Жить на свой лад,
и для самих себя,
И проводить в жизнь
общепринятую ложь,
несправедливость;
Там Эго было господином
на своём павлиньем троне,
А Ложь сидела рядом с ним,
супруга и царица:
Мир поворачивался к ним,
как Небеса глядят
на Истину и Бога.
Несправедливость укреплялась
твёрдыми указами,
Игравших роль державных
мерных гирь Ошибки
в узаконенной её торговле,
Но эти гири были все фальшивые
и ни одна не совпадала;
С её весами и мечом
она всегда следила
Чтоб ни одно кощунственное слово
не разоблачило
Святые формулы
её дурного старого правления.
Одетое в высокие профессии,
везде гуляло своеволие,
И гордо выступало злоупотребление,
болтая о порядке и правах:

There was no altar raised to
Liberty;
True freedom was abhorred and
hunted down:
Harmony and tolerance nowhere
could be seen;
Each group proclaimed its dire
and naked Law.

A frame of ethics knobbed with
scriptural rules
Or a theory passionately believed
and praised
A table seemed of high Heaven's
sacred code.
A formal practice mailed and
iron-shod

Gave to a rude and ruthless
warrior kind
Drawn from the savage bowels of
the earth
A proud stern poise of harsh
nobility,
A civic posture rigid and
formidable.
But all their private acts belied the
pose:
Power and utility were their Truth
and Right,
An eagle rapacity clawed its
coveted good,
Beaks pecked and talons tore all
weaker prey.

In their sweet secrecy of pleasant
sins
Nature they obeyed and not a
moralist God.
Inconscient traders in bundles of
contraries,

И не было там алтаря,
воздвигнутого в честь Свободы,
А настоящую свободу
ненавидели, преследуя:
Терпимость и гармонию
нельзя увидеть было там нигде,
И каждая из групп провозглашала
оголённый, крайний,
собственный Закон.
Границы этики выпячивались
с помощью библейских правил,
Или теории, что страстно верила
и восхваляла некую скрижаль,
Казавшуюся освящённым сводом
истины возвышенных Небес.
Формальные обычаи,
покрытые бронёй,
одетые в железо,
Давали грубому, жестокому,
воинственному роду,
Что только вышел в мир
из диких недр земли,
Прямую гордую суровую
осанку благородства,
Гражданскую позицию,
и жёсткую, и грозную.
Но все их личные поступки и дела
опровергали эту позу:
Для них лишь выгода и сила
были Истиной и Правом,
С орлиной жадностью
они хватали вожделенное добро,
Раздалбливая клювом
и когтями разрывая
всякую добычу послабее.
И в сладостном укрытии
приятного греха
Они Природе подчинялись,
а не моралисту Богу.
Несознающие торговцы
в путаных узлах противоречий,

They did what in others they
would persecute;

When their eyes looked upon their
fellow's vice,
An indignation flamed, a virtuous
wrath;
Oblivious of their own deep-hid
offence,
Moblike they stoned a neighbour
caught in sin.

A pragmatist judge within passed
false decrees,
Posed worst iniquities on equity's
base,
Reasoned ill actions just,
sanctioned the scale
Of the merchant ego's interest and
desire.
Thus was a balance kept, the
world could live.
A zealot fervour pushed their
ruthless cults,
All faith not theirs bled scourged
as heresy;
They questioned, captived,
tortured, burned or smote
And forced the soul to abandon
right or die.

Amid her clashing creeds and
warring sects
Religion sat upon a blood-stained
throne.
A hundred tyrannies oppressed
and slew
And founded unity upon fraud and
force.
Only what seemed was prized as
real there:

Они там сами делали всё то,
за что других бы
начали преследовать;
Когда у них глаза глядели
на пороки ближнего,
Их взгляды загорались возмущением
и гневом добродетели;
Забыв о глубоко сокрытых
собственных проступках,
Подобно дикой своре,
камнями забивали своего соседа,
уличённого в грехе.
И прагматичный внутренний судья,
озвучивая лживые указы,
Вводил гораздо хуже беззакония
на базе справедливости,
Оправдывая даже злодеяния,
давал свободу для различных дел
Нацеленных на выгоду
желаний, интересов эго.
Так сохранялось равновесие,
так этот мир мог жить.
Их фанатичный пыл творил
безжалостные культы,
Любая вера, что не их,
там бичевалась до крови как ересь;
Они гнались, хватали и пытали,
избивали и сжигали,
И заставляли душу
или позабыть про справедливость,
или умереть.
Среди своих сражающихся убеждений
враждующих друг с другом сект,
Религия сидела на своём
запятнанном кровавыми делами троне.
Так сотни тираний
и мучили, и убивали,
Единство возводя
на силе и обмане.
Лишь то, что представлялось чем-то,
там считалось настоящим
и ценилось:

The ideal was a cynic ridicule's
butt;
Hooted by the crowd, mocked by
enlightened wits,
Spiritual seeking wandered
outcasted,—
A dreamer's self-deceiving web of
thought
Or mad chimaera deemed or
hypocrite's fake,
Its passionate instinct trailed
through minds obscure
Lost in the circuits of the
Ignorance.
A lie was there the truth and truth
a lie.
Here must the traveller of the
upward Way —
For daring Hell's kingdoms winds
the heavenly route —
Pause or pass slowly through that
perilous space,

A prayer upon his lips and the
great Name.
If probed not all discernment's
keen spear-point,
He might stumble into falsity's
endless net.
Over his shoulder often he must
look back
Like one who feels on his neck an
enemy's breath;
Else stealing up behind a
treasonous blow
Might prostrate cast and pin to
unholy soil,
Pierced through his back by Evil's
poignant stake.
So might one fall on the Eternal's
road
Forfeiting the spirit's lonely
chance in Time

Над идеалом все
цинично надсмехались;
Освистанный толпой и пародируемый
просвещёнными умами,
Духовный поиск,
изгнанный, скитался, —
Казался или сам себя обманывавшей
паутиной грёз мечтателя,
Или безумною химерою,
фальшивкой лицемера,
И страстное его чутьё,
пройдя сквозь затемнённые умы,
Тонуло в многочисленных
кругах Невежества.
Там ложь была как истина,
а истина — как ложь.
И путешественник
по вверх идущему Пути —
А царства дерзкой Преисподней
обвивают тот маршрут небес —
Был должен или приостановиться,
или медленно пройти
опасное пространство,
С великим Именем,
с молитвой на устах.
И если б он не проверял все вещи
острым различением-копьём,
То мог бы провалиться
в бесконечные тенета лжи.
Он часто должен был смотреть —
что происходит за его плечом,
Как тот, кто шеей чувствует
дыхание врага;
Иначе бы подкравшийся
предательский удар
Мог опрокинуть навзничь,
пригвождая к грешной почве,
Насквозь пронзая спину
острым колом Зла.
Так может кто-либо погибнуть
на дороге Вечности,
И потерять для духа
одинокий шанс во Времени,

And no news of him reach the waiting gods,
Marked “missing” in the register of souls,
His name the index of a failing hope,

The position of a dead remembered star.
Only were safe who kept God in their hearts:

Courage their armour, faith their sword, they must walk,

The hand ready to smite, the eye to scout,
Casting a javelin regard in front,

Heroes and soldiers of the army of Light.
Hardly even so, the grisly danger past,
Released into a calmer purer air,

They dared at length to breathe and smile once more.

Once more they moved beneath a real sun.
Though Hell claimed rule, the spirit still had power.
This No-man’s-land he passed without debate;
Him the heights missioned, him the Abyss desired:
None stood across his way, no voice forbade.
For swift and easy is the downward path,
And now towards the Night was turned his face.

И никакая новость не дойдет о нём
до ожидающих богов,
Отмеченное как “пропавший”
в их реестре душ,
Подаренное при его рожденьи имя
станет указателем
несбывшейся надежды,
И положением погибшей,
вспоминаемой звезды.
Лишь тот, кто Бога сохранял
в своих сердцах,
там оставался в безопасности:
Отвага — их доспехи,
вера — острый меч,
они должны идти,
Рука готова поражать,
а глаз — разведывать,
Бросая копья острого внимания
перед собой,
Герои и солдаты
войска Света.
И вот, с трудом пройдя
ужасную опасность,
Придя в себя в спокойной,
чистой атмосфере,
Они в конце концов
осмелятся вздохнуть
и снова улыбнуться.
И вновь они идут
под настоящим солнцем.
Хоть Ад претендовал на власть,
у духа оставалась сила.
Так та ничейная земля
была им[1] пройдена без спора;
Он послан был высотами,
его желала Бездна:
Никто не преграждал дороги,
никакие голоса не запрещали.
Ведь быстр и лёгок путь,
ведущий вниз,
И к Ночи было в этот час
обращено его лицо.

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

A greater darkness waited, a worse reign,
If worse can be where all is evil's extreme;

Yet to the cloaked the uncloaked is naked worst.
There God and Truth and the supernal Light
Had never been or else had power no more.
As when one slips in a deep moment's trance
Over mind's border into another world,
He crossed a boundary whose stealthy trace
Eye could not see but only the soul feel.
Into an armoured fierce domain he came
And saw himself wandering like a lost soul
Amid grimed walls and savage slums of Night.
Around him crowded grey and squalid huts
Neighbouring proud palaces of perverted Power,
Inhuman quarters and demoniac wards.
A pride in evil hugged its wretchedness;

A misery haunting splendour pressed those fell
Dun suburbs of the cities of dream-life.

There Life displayed to the spectator soul

Ещё чернее тьма ждала его
и злее царство,
Конечно, если злее может быть
в местах, где всё есть
крайность зла;
И всё-таки, в сравнении с сокрытым,
неприкрытое гораздо хуже.
Там Истина,
небесный Свет и Бог
Иль не бывали никогда,
иль не имели больше силы.
Как будто бы в глубоком
моментальном трансе
Скользя по краешку мышления
к другому миру,
Он пересёк границу,
чей сокрытый след
Не смог бы глаз увидеть,
но заметила душа.
В свирепые, вооружённыя владенья
он пришёл,
Он видел сам себя
блуждающей, затерянной душой
Среди зловещих стен,
жестоких, варварских трущоб Ночи.
Вокруг него толпились
серые и жалкие бараки,
Граничащие с гордыми дворцами
извращённой Силы,
Бесчеловечные кварталы,
демоничные районы.
Там гордость в глубине
несчастья и беды,
цеплялась за своё ничтожество;
Там нищета,
преследуя любую роскошь,
Задавливала те жестокие
и тёмные районы городов
воображенья жизни.
Там Жизнь показывала
зрителю-душе

The shadow depths of her strange
miracle.
A strong and fallen goddess
without hope,
Obscured, deformed by some dire
Gorgon spell,
As might a harlot empress in a
bouge,
Nude, unashamed, exulting she
upraised
Her evil face of perilous beauty
and charm
And, drawing panic to a
shuddering kiss
Twixt the magnificence of her
fatal breasts,
Allured to their abyss the spirit's
fall.
Across his field of sight she
multiplied
As on a scenic film or moving
plate
The implacable splendour of her
nightmare pomps.
On the dark background of a
soulless world
She staged between a lurid light
and shade
Her dramas of the sorrow of the
depths
Written on the agonised nerves of
living things:

Epics of horror and grim majesty,

Wry statues spat and stiffened in
life's mud,

A glut of hideous forms and
hideous deeds
Paralysed pity in the hardened
breast.

Глубины своего неведомого,
призрачного чуда.
Там сильная и падшая богиня,
потеряв надежду,
Вся тёмная, обезображенная
страшным колдовством Горгоны,
Как проститутка,
как звезда притона,
Бесстыжая и голая,
ликуя, поднимала
Своё порочное лицо
опасного очарования и красоты,
И, панику неся своим,
дрожь вызывавшем поцелуем,
Меж пышностью
её убийственных грудей,
Заманивала в пропасти
паденья духа.
Пересекая поле зрения его
она приумножала
Как в киноленте
или движущейся фотоплёнке,
Неумолимый блеск
её кошмарного великолепия.
На тёмном фоне
мира без души,
Средь грозового света
и среди теней
Она фабриковала драмы горя
и мучения глубин,
Писала их на нервах
бьющихся в агонии
живых существ:
Эпические сериалы ужаса,
жестокого величия,
Кривые статуи,
оплёванные и закоченевшие
в грязи и тине жизни,
Переизбыток страшных дел,
отталкивавших форм,
Парализовывали жалость
в сдавленной груди.

In booths of sin and night-repairs of vice
Styled infamies of the body's concupiscence
And sordid imaginations etched in flesh,
Turned lust into a decorative art:

Abusing Nature's gift her pervert skill
Immortalised the sown grain of living death,
In a mud goblet poured the bacchic wine,
To a satyr gave the thyrsus of a god.
Impure, sadistic, with grimacing mouths,
Grey foul inventions gruesome and macabre
Came televisioned from the gulfs of Night.
Her craft ingenious in monstrosity,
Impatient of all natural shape and poise,
A gape of nude exaggerated lines,

Gave caricature a stark reality,

And art-parades of weird distorted forms,
And gargoyle masques obscene and terrible
Trampled to tormented postures the torn sense.
An inexorable evil's worshipper,
She made vileness great and sublimated filth;
A dragon power of reptile energies
And strange epiphanies of grovelling Force
And serpent grandeurs couching in the mire

В публичных заведениях греха,
в ночных пристанищах порока
Все стилизованные низости
телесной похоти,
И грязные фантазии,
врезавшиеся в плоть,
Там вожделенье превращали
в вид декоративного искусства:
И оскорбляя дар Природы,
извращённое её умение
Увековечивало некогда посаженные
семена живущей смерти,
Вакхические вина
разливало в грязные бокалы,
Сатиру отдавало жезл бога.
Нечистые, садистские,
с кривлявшимися ртами,
Болезненные мрачные изобретенья,
страшные и отвратительные,
К ней приходили, как по телевизору,
из бездн Ночи.
Её умение, искусное
в своём уродстве,
И нетерпимое ко всякому
естественному равновесию и облику,
Зияние преувеличенных
и оголённых линий,
Служили злой карикатурой
на застывшую реальность,
А арт-парады
диких искажённых форм,
Готические рыльца театральных масок,
непристойные, ужасные,
Топтали до изнеможения
истерзанное чувство.
Безжалостная почитательница зла,
Она из отвратительного делала великое
и возвышала грязь;
Драконья мощь энергии рептилий,
И странные прозренья
пресмыкающейся Силы,
Змеиные великолепия,
что притаились в иле,

Drew adoration to a gleam of slime.
All Nature pulled out of her frame and base
Was twisted into an unnatural pose:
Repulsion stimulated inert desire;

Agony was made a red-spiced food for bliss,
Hatred was trusted with the work of lust
And torture took the form of an embrace;
A ritual anguish consecrated death;
Worship was offered to the Undivine.
A new aesthesis of Inferno's art

That trained the mind to love what the soul hates,
Imposed allegiance on the quivering nerves
And forced the unwilling body to vibrate.
Too sweet and too harmonious to excite

In this regime that soiled the being's core,
Beauty was banned, the heart's feeling dulled to sleep

And cherished in their place sensation's thrills;
The world was probed for jets of sense-appeal.
Here cold material intellect was the judge
And needed sensual prick and jog and lash

Притягивали восхищенье
к их мерцавшей слизи.
И вся Природа, вынутая
из своей основы и каркаса,
Была согнута, скрючена
до неестественного положения:
Так отвращенье стимулировало
тусклое, инертное желание;
Агония там становилась
острою приправой для блаженства,
Работу вожделенья
поручали ненависти,
А пытка принимала облик
дружеских объятий;
Там ритуальное мученье
освящало смерть,
Почёт и поклоненье предлагалось
Небожественному.
Вся эта новая эстетика
искусства Инфернального,
Учила ум любить
что души ненавидят,
Несла зависимость
дрожащим нервам
И заставляла нежелающее тело
колотиться в возбуждении.
Так слишком сладкая
и слишком гармоничная,
чтоб волновать,
При этом строе,
пачкающем сердцевину существа,
Любая красота была запретной,
чувства сердца притупились
до оцепененья сна,
А вместо них ценился
трепет ощущений;
Мир проверялся струйками
из чувств-влечений.
Сухой материальный интеллект
сидел судьёй,
Нуждаясь в ощутимых для него
уколах, встряске, плети,

That its hard dryness and dead
nerves might feel

Some passion and power and acrid
point of life.
A new philosophy theorised evil's
rights,
Gloried in the shimmering rot of
decadence,
Or gave to a python Force
persuasive speech
And armed with knowledge the
primaeval brute.
Over life and Matter only
brooding bowed,
Mind changed to the image of a
rampant beast;
It scrambled into the pit to dig for
truth

And lighted its search with the
subconscient's flares.
Thence bubbling rose sullying the
upper air,

The filth and festering secrets of
the Abyss:
This it called positive fact and real
life.
This now composed the fetid
atmosphere.
A wild-beast passion crept from
secret Night
To watch its prey with fascinating
eyes:
Around him like a fire with
sputtering tongues
There lolled and laughed a bestial
ecstasy;
The air was packed with longings
brute and fierce;

Чтоб жёсткость, сухость,
омертвевшие в нём нервы
ощутили бы
Какой-то пыл и силу,
острую "соль" жизни.
И новая система философии
доказывала право зла,
Гордилась проблесками
гнили декаданса,
Питонью Силу наделяла
убедительною речью,
И знанием вооружала
первобытную жестокость.
Согнувшись, чтобы думать
лишь над жизнью и Материей,
Ум изменился, стал похож на зверя,
вставшего на задних лапах;
Он втискивался в яму,
чтобы докопаться
до необходимой истины
И освещал свой поиск
всполохами подсознания.
Оттуда поднимались,
пузырясь и загрязняя
более высокий воздух,
Вонючие отбросы
и гниющие секреты Бездны:
Их называли несомненным фактом
и реальной жизнью.
Всё это ныне составляло
дурно пахнущую атмосферу.
Страсть зверя кралась
среди тайной Ночи
Подкарауливать свою добычу,
очаровывая взглядом:
Вокруг него[1], подобно пламени
с плюющимися языками,
Сидел вразвалку и смеялся
скотский, чувственный экстаз;
Вся атмосфера переполнена была
неистовыми, грубыми желаньями;

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

Crowding and stinging in a monstrous swarm
Pressed with a noxious hum into his mind
Thoughts that could poison Nature's heavenliest breath,
Forcing reluctant lids assailed the sight
Acts that revealed the mystery of Hell.

All that was there was on this pattern made.

Толпясь и жаля
в неком исполинском рое,
В ум Ашвапати вдавливались
с пагубным гуденьем мысли,
Которые могли бы отравить любое,
самое небесное дыхание Природы,
И заставляли поднимавшиеся веки
мучить взгляд
Делами, раскрывающими
тайну Ада.
Там было всё
подчинено и сделано
по этому шаблону.

A race possessed inhabited those parts.
A force demoniac lurking in man's depths
That heaves suppressed by the heart's human law,
Awed by the calm and sovereign eyes of Thought,
Can in a fire and earthquake of the soul
Arise and, calling to its native night,

Overthrow the reason, occupy the life
And stamp its hoof on Nature's shaking ground:
This was for them their being's flaming core.
A mighty energy, a monster god,

Hard to the strong, implacable to the weak,
It stared at the harsh unpitying world it made
With the stony eyelids of its fixed idea.
Its heart was drunk with a dire hunger's wine,

Края те населяла
раса одержимых.
Ведь демоническая сила,
спрятавшись в глубинах человека,
Шатаясь под давлением
закона человеческого сердца,
Страшась спокойного
и независимого взгляда Мысли,
Способна при пожаре,
при землятресении души
Подняться, и призвав
свою родную ночь,
Откинуть разум,
захватить над жизнью власть,
И отпечатать след копыта
на трясущейся земле Природы:
Для них всё это было
пламенною сутью их существ.
Могучая энергия,
чудовищный, огромный бог,
Для сильного суровый,
а для слабого — неумолимый,
Смотрел на созданный им мир,
безжалостный и грубый
Холодными глазницами
застывшей намертво идеи.
В нём сердце было пьяно
от вина ужасной жажды,

In others' suffering felt a thrilled delight
And of death and ruin the grandiose music heard.
To have power, to be master, was sole virtue and good:

It claimed the whole world for Evil's living room,
Its party's grim totalitarian reign

The cruel destiny of breathing things.
All on one plan was shaped and standardised
Under a dark dictatorship's breathless weight.
In street and house, in councils and in courts
Beings he met who looked like living men
And climbed in speech upon high wings of thought
But harboured all that is subhuman, vile
And lower than the lowest reptile's crawl.
The reason meant for nearness to the gods
And uplift to heavenly scale by the touch of mind
Only enhanced by its enlightening ray
Their inborn nature's wry monstrosity.
Often, a familiar visage studying

Joyfully encountered at some dangerous turn,
Hoping to recognise a look of light,
His vision warned by the spirit's inward eye

В страданиях другого
ощущал он возбуждающий восторг,
А в разрушении и смерти слышал
грандиозную, напыщенную музыку.
Быть сильным, быть хозяином —
единственное благо,
добродетель для него:
Он требовал весь мир
для жизненного места Зла,
Тоталитарного зловещего правления
своей команды
Над горькою судьбою
дышащих существ.
Всё подгонялось под один проект,
единственный стандарт
Под удушающим давленьем
тёмной диктатуры.
На улице, в домах,
в соборах и дворах
Ему встречались существа,
что выглядели как живые люди
И поднимались в речи
на высоких крыльях мысли,
Но открывали дверь всему,
что подло, ниже человека,
И ниже ползания
самой низменной рептилии.
Рассудок, предназначенный
для близости к богам,
И поднятый до высоты небес
касанием ума,
Мог только лишь усилить
озаряющим своим лучом
Чудовищность и перекошенность
их внутренней природы.
И часто, изучая
хорошо знакомое лицо,
Что с радостью он встретил
на опасном новом повороте,
Надеясь в нём найти
какой-то облик света,
Его глаза, предупреждённые
особым взглядом духа,

Discovered suddenly Hell's trademark there,
Or saw with the inner sense that cannot err,
In the semblance of a fair or virile form
The demon and the goblin and the ghoul.
An insolence reigned of cold stone-hearted strength
Mighty, obeyed, approved by the Titan's law,
The huge laughter of a giant cruelty
And fierce glad deeds of ogre violence.
In that wide cynic den of thinking beasts
One looked in vain for a trace of pity or love;
There was no touch of sweetness anywhere,
But only Force and its acolytes, greed and hate:
There was no help for suffering, none to save,
None dared resist or speak a noble word.

Armed with the aegis of tyrannic Power,
Signing the edicts of her dreadful rule
And using blood and torture as a seal,
Darkness proclaimed her slogans to the world.
A servile blinkered silence hushed the mind
Or only it repeated lessons taught,

Внезапно обнаруживали
отпечаток Преисподней,
Или, бывало, чувством изнутри,
которое не ошибается,
В чертах прекрасной
или мужественной формы
Он видел демона, вампира
или гоблина.
Царили наглость хладнокровной силы
каменного сердца,
Послушной, мощной,
одобряемой законами Титана,
И громогласный смех
жестокости гиганта,
И злая радость дел
неистовых чудовищ.
В широком и циничном логовище
мыслящих зверей
Напрасно было ждать
следов любви и сострадания;
Касанья сладости
там не было нигде,
А только Сила и её обслуга —
ненависть и жадность:
Страдающим никто не помогал,
никто их не спасал,
Никто не смел сопротивляться
или высказать
хоть слово благородства.
Вооружившись покровительством
Могущества тирана,
Подписываясь под указами
своей ужасной власти
И пользуясь кровопролитием
и пыткой как печатью,
Тьма объявляла миру
собственные лозунги.
Тупое, рабское молчанье
опускалось на умы,
И ум лишь повторял
заученные им уроки,

While mitred, holding the good
shepherd's staff,
Falsehood enthroned on awed and
prostrate hearts
The cults and creeds that organise
living death
And slay the soul on the altar of a lie.

All were deceived or served their
own deceit;
Truth in that stifling atmosphere
could not live.
There wretchedness believed in its
own joy
And fear and weakness hugged
their abject depths;
All that is low and
sordid-thoughted, base,
All that is drab and poor and
miserable,
Breathed in a lax content its
natural air
And felt no yearning of divine
release:
Arrogant, gibing at more luminous
states
The people of the gulfs despised
the sun.
A barriered autarchy excluded
light;
Fixed in its will to be its own grey
self,
It vaunted its norm unique and
splendid type:
It soothed its hunger with a
plunderer's dream;
Flaunting its cross of servitude
like a crown,
It clung to its dismal harsh
autonomy.

В то время, как,
увенчанная митрой Ложь,
Держа в руках свой посох,
словно добрый пастырь,
В трепещущих и
распростёршихся сердцах
На трон сажала культы, убеждения,
что превращают всё
в живую смерть,
И убивала душу
на жертвеннике лжи.
Там каждый или был обманут,
или же служил для своего обмана;
В той удушавшей атмосфере
Истина жить не могла.
Несчастье верило там
в собственную радость,
А страх и слабость
обнимали жалкие свои глубины;
Всё то, что низко, подло
и задумано для выгоды,
И всё, что серо,
бедно и убого,
Дышало, вяло наслаждаясь
собственною атмосферой,
Не чувствуя стремления
к божественной свободе:
Высокомерно надсмехаясь
над более высоким состоянием,
Все, населяющие эти бездны,
презирали солнце.
Отгородив себя барьерами,
самодержавие не подпускало свет;
Настойчивое в воле продолжать
быть сумрачным безликим "я",
Оно превозносило собственные нормы
как роскошный уникальный образец:
Свой голод утоляло
грёзами о грабежах;
И выставляя напоказ крест рабства,
словно он — корона,
Оно цеплялось за гнетущую
и жёсткую самостоятельность.

A bull-throat bellowed with its brazen tongue;
Its hard and shameless clamour filling Space
And threatening all who dared to listen to truth
Claimed the monopoly of the battered ear;
A deafened acquiescence gave its vote,
And braggart dogmas shouted in the night

Kept for the fallen soul once deemed a god

The pride of its abysmal absolute.

Подобно бычьей глотке,
оно ревело наглым языком;
Его бесстыжие, безжалостные крики
наполняли всё Пространство,
И угрожали каждому,
кто смел прислушиваться к истине,
И требовали монопольной власти
на измученное ухо;
Согласие, всем этим оглушённое,
давало им свой голос,
А громогласные,
хвастливые догматы,
кричавшие в ночи,
Для душ, когда-то
приближавшихся к богам,
а ныне — павших,
Хранили гордость
абсолюта бездны.

A lone discoverer in these menacing realms
Guarded like termite cities from the sun,
Oppressed mid crowd and tramp and noise and flare,
Passing from dusk to deeper dangerous dusk,
He wrestled with powers that snatched from mind its light
And smote from him their clinging influences.
Soon he emerged in a dim wall-less space.
For now the peopled tracts were left behind;
He walked between wide banks of failing eve.
Around him grew a gaunt spiritual blank,

A threatening waste, a sinister loneliness

Так одинокий первооткрыватель
в этих леденящих душу царствах,
Подобно городам термитов
охраняемых от солнца,
Подавленный толпою, топотом,
сверканием и шумом,
Переходя из мрака
в более глубокий и опасный мрак,
Боролся с силами,
что похищали свет его ума,
Сбивал с себя
их липнущие ко всему влияния.
И вскоре он попал в какое-то
неясное, без стен пространство.
Сейчас районы, где хоть кто-то жил,
остались позади;
Он шёл среди широких берегов
темнеющего вечера.
Вокруг него всё время
разрасталась пустота,
отталкивающая дух,
Зловещая пустыня
и пугающее одиночество,

That left mind bare to an unseen assault,
An empty page on which all that willed could write

Stark monstrous messages without control.
A travelling dot on downward roads of Dusk

Mid barren fields and barns and straggling huts
And a few crooked and phantasmal trees,
He faced a sense of death and conscious void.

But still a hostile Life unseen was there
Whose deathlike poise resisting light and truth
Made living a bleak gap in nullity.

He heard the grisly voices that deny;
Assailed by thoughts that swarmed like spectral hordes,
A prey to the staring phantoms of the gloom

And terror approaching with its lethal mouth,
Driven by a strange will down ever down,
The sky above a communiqué of Doom,
He strove to shield his spirit from despair,
But felt the horror of the growing Night
And the Abyss rising to claim his soul.

Что оставляли ум незащищённым
от незримых нападений,
Пустой страницей,
на которой каждый,
кто хотел, мог написать
Застывшие ужасные послания
без всякого контроля.
Как точка, что блуждает
по ведущим вниз
дорогам Сумрака,
Среди пустых полей, сараев
и разбросанных лачуг,
Немногочисленных кривых
и призрачных деревьев,
Он встретился лицом к лицу
с осознающей пустотой
и ощущеньем смерти.
Но всё же там ещё была
враждебная невидимая Жизнь,
Чьё равновесие, похожее на смерть,
сопротивляясь истине и свету,
Лишь оживляло блеклую лакуну
посреди ничто.
Он слышал устрашающие голоса,
что гнали прочь;
Перенося атаки мыслей,
что кишели призрачными ордами,
Подобно жертве
пристально глядящих на него
фантомов тьмы
И страха, подползавшего
со смертоносной пастью,
Ведомый странной волей вниз,
всё время вниз,
Под небом, нависающим
над заявлениями роковой Судьбы,
Он бился, чтобы защитить свой дух
от горечи отчаянья,
Но ощущал лишь
ужас возрастающей Ночи
И Бездну, что вставала
заявить свои права на душу.

Then ceased the abodes of
creatures and their forms

And solitude wrapped him in its
voiceless folds.
All vanished suddenly like a
thought expunged;
His spirit became an empty
listening gulf
Void of the dead illusion of a
world:
Nothing was left, not even an evil
face.
He was alone with the grey python
Night.
A dense and nameless Nothing
conscious, mute,
Which seemed alive but without
body or mind,
Lusted all beings to annihilate

That it might be for ever nude and
sole.

As in a shapeless beast's
intangible jaws,

Gripped, strangled by that lusting
viscous blot,
Attracted to some black and giant
mouth
And swallowing throat and a huge
belly of doom,

His being from its own vision
disappeared
Drawn towards depths that
hungered for its fall.
A formless void oppressed his
struggling brain,
A darkness grim and cold
benumbed his flesh,

Но вот закончились места,
где жили существа
и ими созданные формы,
И одиночество окутало его
беззвучными покровами.
Внезапно всё пропало,
словно стёрли мысль;
Дух Ашвапати стал пустой
и слушающей бездной,
Лишённой умершей
иллюзии вселенной:
И не осталось ничего,
ни даже лика зла.
Он был наедине
с питоном серым Ночи.
Густое, безымянное Ничто,
осознающее, немое,
Что выглядело как живое,
но без тела и ума,
Неистово желало
истребить все существа,
Чтобы потом оно могло
навеки оставаться
оголённым и единственным.
Он словно был
в неощутимых челюстях
аморфной твари,
Его схватило и душило
это вожделеющее липкое пятно,
Притягивало к некой черной,
необъятной пасти,
К заглатывавшей всё на свете глотке
и к гигантского размера брюху
роковой судьбы
Всё существо его,
что исчезало прямо на глазах,
Утянутое в страшные глубины,
жадно ждавшие его падения.
Бесформенная пустота давила
на его сражающийся мозг,
Жестокий и холодный мрак
хватал оцепененьем плоть,

A whispered grey suggestion
chilled his heart;
Haled by a serpent-force from its
warm home
And dragged to extinction in bleak
vacancy
Life clung to its seat with cords of
gasping breath;

Lapped was his body by a
tenebrous tongue.
Existence smothered travailed to
survive;
Hope strangled perished in his
empty soul,
Belief and memory abolished died

And all that helps the spirit in its
course.
There crawled through every tense
and aching nerve
Leaving behind its poignant
quaking trail
A nameless and unutterable fear.

As a sea nears a victim bound and
still,
The approach alarmed his mind
for ever dumb
Of an implacable eternity
Of pain inhuman and intolerable.
This he must bear, his hope of
heaven estranged;
He must ever exist without
extinction's peace

In a slow suffering Time and
tortured Space,
An anguished nothingness his
endless state.
A lifeless vacancy was now his
breast,

От шёпота болезненных внушений
леденило сердце;
Змееподобной силой вытащенная
из своего уютного жилища
И увлекаемая к угасанью
в голой пустоте,
Жизнь из последних сил
цеплялась за свою опору
ниточками судорожных вздохов;
Огромным тёмным языком
заглатывалось тело.
Существование, задавленное,
напрягалось, чтобы выжить;
Надежда, задыхаясь,
исчезала в пустоте его души,
В нём умирала, разрушалась,
вера, память,
И всё, что помогает духу
на его пути.
Там через каждый нерв, натянутый,
больной и возбуждённый,
Оставив за собой мучительный,
дрожащий след,
Полз безымянный
и невыразимый страх.
Как море подступает
к связанной и неподвижной жертве,
Его всегда безмолвный ум
сигналил об опасном приближении
Неумолимой вечности
Нечеловеческой, невыносимой боли.
Он должен был и это испытать,
его надежда на богов небес ослабла;
Он должен был теперь
всегда существовать,
без шанса успокоиться, погаснув,
В неторопливой муке Времени,
в агонии Пространства,
Ничто, измученное болью —
вот нескончаемое состояние его.
Безжизненною пустотой
была сейчас его душа,

And in the place where once was luminous thought,
Only remained like a pale motionless ghost
An incapacity for faith and hope
And the dread conviction of a vanquished soul
Immortal still but with its godhead lost,
Self lost and God and touch of happier worlds.
But he endured, stilled the vain terror, bore
The smothering coils of agony and affright;
Then peace returned and the soul's sovereign gaze.
To the blank horror a calm Light replied:
Immutable, undying and unborn,

Mighty and mute the Godhead in him woke
And faced the pain and danger of the world.
He mastered the tides of Nature with a look:
He met with his bare spirit naked Hell.

End of Canto Seven

А там, где некогда жила
сверкающая мысль,
Осталось лишь похожее
на бледный неподвижный призрак
Банкротство его веры и надежды
И страшное признание виновности
поверженной души,
Которая пока ещё бессмертна,
но потеряла божество своё внутри,
Лишилась внутреннего "я", и Бога,
и касанья более счастливых планов.
Но всё же он крепился,
успокаивал напрасный ужас и терпел
Все эти удушающие кольца
страха и агонии;
И вот вернулся вновь
покой и суверенный взгляд души.
Бессмысленному ужасу
ответил тихий, безмятежный Свет:
Неумирающее, неизменное
и нерождённое,
Могучее, немое Божество
проснулось в нём
И встретило лицом к лицу
боль и опасность мира.
Одним движением
он овладел потоками Природы:
Он встретил неприкрытым духом
голый Ад.

Конец седьмой песни

Book Two
THE BOOK OF THE
TRAVELLER OF THE
WORLDS

Canto VIII
THE WORLD OF FALSEHOOD,
THE MOTHER OF EVIL AND
THE SONS OF DARKNESS

Then could he see the hidden heart
of Night:
The labour of its stark
unconsciousness
Revealed the endless terrible
Inane.
A spiritless blank Infinity was
there;
A Nature that denied the eternal
Truth
In the vain braggart freedom of its
thought
Hoped to abolish God and reign
alone.
There was no sovereign Guest, no
witness Light;

Unhelped it would create its own
bleak world.

Its large blind eyes looked out on
demon acts,
Its deaf ears heard the untruth its
dumb lips spoke;

Книга Вторая
КНИГА
ПУТЕШЕСТВЕННИКА
ПО МИРАМ

Песня VIII
МИР ЛЖИ,
МАТЬ ЗЛА
И СЫНОВЬЯ ТЬМЫ

И вот он[1] смог увидеть
спрятанное сердце Ночи:
Усилия её окоченелого,
ничем не украшаемого несознания
Открыли взгляду нескончаемое,
страшное Ничто.
Там царствовала бездуховная,
пустая Бесконечность;
Природа, что не принимала
вечной Истины,
В хвастливой показной
свободе мысли
Хотела упразднить Всевышнего
и царствовать одна.
Туда не приходил
ни Свет-свидетель,
ни высокий Гость;
Без всякой помощи
она желала выстроить
Свой собственный
бесцветный мир.
Её большие, но незрячие глаза,
следили за делами демонов,
Её глухие уши слушали ту ложь,
которую её немые губы говорили;

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

Its huge misguided fancy took
vast shapes,

Its mindless sentience quivered
with fierce conceits;
Engendering a brute principle of
life
Evil and pain begot a monstrous
soul.
The Anarchs of the formless
depths arose,
Great Titan beings and demoniac
powers,
World-egos racked with lust and
thought and will,
Vast minds and lives without a
spirit within:
Impatient architects of error's
house,
Leaders of the cosmic ignorance
and unrest
And sponsors of sorrow and mortality
Embodied the dark Ideas of the
Abyss.
A shadow substance into
emptiness came,
Dim forms were born in the
unthinking Void
And eddies met and made an
adverse Space
In whose black folds Being
imagined Hell.
His eyes piercing the triple-plated
gloom
Identified their sight with its blind
stare:
Accustomed to the unnatural dark,
they saw
Unreality made real and conscious
Night.
A violent, fierce and formidable
world,

Её огромное заблудшее воображенье
принимало множество
различных форм,
Её бездумная чувствительность
дрожала от неистового самомнения;
Так, насаждая
грубый принцип жизни,
Мучение и зло произвели на свет
чудовищную душу.
И поднялись Мятежники
бесформенных глубин,
Великие Титаны,
демонические силы,
И мировые эго, что терзаются
от вожделенья, мысли и желания,
И многочисленные жизни и умы
без духа, что живёт внутри:
Нетерпеливые строители
жилищ ошибки,
Руководители космического
беспокойства и невежества,
И спонсоры страдания и смерти
Там воплощали
тёмные Идеи Бездны.
Неясная субстанция
заполнила незанятое место,
Расплывчатые формы
родились в бездумной Пустоте,
Их вихри встретились
и создали враждебное Пространство,
В чьих чёрных складках
Бытиё вообразило Ад.
Пронзив трехслойный мрак,
глаза у Ашвапати
Отождествили виденье своё
с незрячим взглядом Ада,
И обнаружили, привыкнув
к неестественной, кромешной тьме,
Сознательную Ночь
и Нереальность, ставшую реальной.
Неистовый, свирепый
и ужасный мир,

An ancient womb of huge calamitous dreams,
Coiled like a larva in the obscurity

That keeps it from the spear-points of Heaven's stars.
It was the gate of a false Infinite,

An eternity of disastrous absolutes,

An immense negation of spiritual things.
All once self-luminous in the spirit's sphere
Turned now into their own dark contraries:
Being collapsed into a pointless void
That yet was a zero parent of the worlds;
Inconscience swallowing up the cosmic Mind
Produced a universe from its lethal sleep;
Bliss into black coma fallen, insensible,
Coiled back to itself and God's eternal joy
Through a false poignant figure of grief and pain
Still dolorously nailed upon a cross
Fixed in the soil of a dumb insentient world
Where birth was a pang and death an agony,
Lest all too soon should change again to bliss.
Thought sat, a priestess of Perversity,
On her black tripod of the triune Snake

Древнейшая утроба
необъятных, вредоносных грёз,
Он извивался, как личинка
в этом мраке,
Спасающем его от острых копий
звёзд Небес.
Он был воротами
фальшивой Бесконечности,
И вечностью
зловещих абсолютов,
И необъятным отрицанием
всего духовного.
Всё то, что было самоозарённым
в сфере духа,
Здесь оборачивалось
тёмной противоположностью:
Существованье падало
в бесцельное ничто,
Которое, однако, было
изначальным прародителем миров;
И несознанье, поглощавшее
космический, широкий Ум,
Из гибельного сна
производило некую вселенную;
Блаженство, что упало
в чёрную бесчувственную кому,
В себя свернулось вновь,
а вечно существующая радость Бога
Пройдя мучительный и ложный образ
боли и страдания,
Так до сих пор висит,
печально пригвождённая к кресту,
Вколоченном в земле
немого и бесчувственного мира,
Там, где рожденье стало болью,
смерть — агонией,
Чтоб слишком быстро всё
не превратилось заново в блаженство.
Мысль восседала,
жрица Извращённости,
На чёрном собственном треножнике —
на триедином Змее,

Reading by opposite signs the
eternal script,
A sorceress reversing life's
God-frame.

In darkling aisles with evil eyes
for lamps
And fatal voices chanting from the
apse,
In strange infernal dim basilicas

Intoning the magic of the unholy
Word,
The ominous profound Initiate

Performed the ritual of her
Mysteries.
There suffering was Nature's daily
food
Alluring to the anguished heart
and flesh,
And torture was the formula of
delight,
Pain mimicked the celestial
ecstasy.
There Good, a faithless gardener
of God,
Watered with virtue the world's
upas-tree
And, careful of the outward word
and act,
Engrafted his hypocrite blooms on
native ill.
All high things served their nether
opposite:
The forms of Gods sustained a
demon cult;
Heaven's face became a mask and
snare of Hell.
There in the heart of vain
phenomenon,
In an enormous action's writhen
core

Читая перевёрнутыми символами
вечное писание,
Колдунья, заменявшая порядок жизни,
опиравшийся на Бога,
противоположным.
В темнеющих проходах
с злобными глазами-лампами
И гибельными голосами,
монотонно певшими с апсид,
В неясных, странных
инфернальных базиликах
Произнося речитативом
дьявольское Слово магии,
Вселяющая ужас,
Посвящённая в глубины бездн
Там исполняла ритуал
своих Мистерий.
Страданье в этом мире —
ежедневное питание Природы,
Оно притягивало к острому мученью
сердца, плоти;
Там пытки становились
формулами наслаждения,
А боль была пародией
небесного экстаза.
Добро, неверный и изменчивый
садовник Бога,
Обильно поливало добродетелями
мировое дерево-анчар,
И, аккуратное
во внешних фразах и делах,
Оно там прививало лицемерия цветы
к родному корню зла.
Там всё высокое служило
низкой противоположности:
Обличия Богов поддерживали
демонические культы,
А лик Небес стал
западнёй и маской Ада.
И в самом сердце проявленья
этой пустоты,
В объятом корчами ядре
чудовищного действа,

He saw a Shape illimitable and vague
Sitting on Death who swallows all things born.
A chill fixed face with dire and motionless eyes,

Her dreadful trident in her shadowy hand
Outstretched, she pierced all creatures with one fate.

Увидел он[1] Фигуру,
беспредельную, неясную,
Сидевшую верхом на Смерти,
поглощающую всё, что рождено.
Холодное застывшее лицо
со страшным,
неподвижным взглядом,
Её трезубец жуткий —
в призрачной простёршейся руке
Она пронзала все создания
одной судьбой.

When nothing was save Matter without soul
And a spiritless hollow was the heart of Time,
Then Life first touched the insensible Abyss;
Awaking the stark Void to hope and grief
Her pallid beam smote the unfathomed Night
In which God hid himself from his own view.
In all things she sought their slumbering mystic truth,

The unspoken Word that inspires unconscious forms;

She groped in his deeps for an invisible Law,

Fumbled in the dim subconscient for his mind
And strove to find a way for spirit to be.
But from the Night another answer came.
A seed was in that nether matrix cast,

Когда существовала лишь Материя,
не знавшая души,
И пустота без духа
была в ней сердцем Времени,
Тогда впервые Жизнь коснулась
той бесчувственной Пучины;
Желая пробудить застывшее Ничто
для горя и надежды,
Её неяркий луч
ударил по бездонной Ночи,
В которой Бог скрывал себя
от собственного взгляда.
Во всех вещах она искала
дремлющую в них
мистическую истину,
И Слово непроизнесённое,
что вдохновляет
бессознательные формы;
Она в его глубинах
пыталась отыскать
невидимый Закон,
В неясном подсознаньи
для него нащупывала ум,
Боролась, чтобы найти для духа
способ быть.
Но из Ночи пришёл
совсем другой ответ.
В той низшей матрице
посеяли зерно,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

A dumb unprobed husk of perverted truth,
A cell of an insentient infinite.
A monstrous birth prepared its cosmic form
In Nature's titan embryo, Ignorance.
Then in a fatal and stupendous hour
Something that sprang from the stark Inconscient's sleep
Unwillingly begotten by the mute Void,
Lifted its ominous head against the stars;
Overshadowing earth with its huge body of Doom
It chilled the heavens with the menace of a face.
A nameless Power, a shadowy Will arose
Immense and alien to our universe.
In the inconceivable Purpose none can gauge
A vast Non-Being robed itself with shape,
The boundless Nescience of the unconscious depths
Covered eternity with nothingness.
A seeking Mind replaced the seeing Soul:
Life grew into a huge and hungry death,
The Spirit's bliss was changed to cosmic pain.
Assuring God's self-cowled neutrality
A mighty opposition conquered Space.
A sovereign ruling falsehood, death and grief,

Немую неизученную оболочку
извращённой истины,
Ячейку неодушевлённой бесконечности.
Чудовищное, страшное рождение
готовило свою космическую форму
В Невежестве, огромном титаническом
зародыше Природы.
Затем в какой-то роковой,
решающий момент
Неведомое Нечто выпрыгнуло
из застывшего сна Несознания,
Невольно порождённое
немым Ничто,
Приподнимая угрожающую голову
на фоне звёзд;
Гигантским телом Рока
затеняя землю,
Оно своим опасным ликом
леденило небеса.
И поднялась неведомая Сила,
сумрачная Воля,
Безмерная, чужая для вселенной.
В непостижимом Замысле,
что невозможно охватить умом,
Обширное Не-Бытие
себе придало форму,
А безграничное Незнанье
бессознательных глубин
Накрыло вечность
собственной ничтожностью.
Так поиски Ума
сменили виденье Души:
Жизнь выросла
в огромную и жаждущую смерть,
Блаженство Духа заменилось
на космическую боль.
И пользуясь нейтралитетом
самоустранившегося Бога
Могучая, влиятельная оппозиция
завоевала Космос.
Властитель, правящий всей этой
ложью, смертью и страданием,

It pressed its fierce hegemony on the earth;
Disharmonising the original style

Of the architecture of her fate's design,
It falsified the primal cosmic Will

And bound to struggle and dread vicissitudes
The long slow process of the patient Power.
Implanting error in the stuff of things
It made an Ignorance of the all-wise Law;
It baffled the sure touch of life's hid sense,
Kept dumb the intuitive guide in Matter's sleep,

Deformed the insect's instinct and the brute's,
Disfigured man's thought-born humanity.
A shadow fell across the simple Ray:
Obscured was the Truth-light in the cavern heart
That burns unwitnessed in the altar crypt
Behind the still velamen's secrecy

Companioning the Godhead of the shrine.
Thus was the dire antagonist Energy born
Who mimes the eternal Mother's mighty shape
And mocks her luminous infinity

With a grey distorted silhouette in the Night.

Установил своё жестокое главенство
на земле;
Внося разлад в гармонию
естественного стиля
Архитектуры замысла
её судьбы,
Он извратил первоначальную
космическую Волю
И привязал к борьбе
и страшным обстоятельствам
Неспешную и длительную поступь
терпеливой Силы.
Вселив ошибку
в сам материал вещей,
Из мудрого во всём Закона
сделал он Невежество;
Перемешал надёжное касанье
скрытых ощущений жизни,
Интуитивного руководителя
заставил замолчать
во сне Материи,
Он извратил инстинкты
насекомых и животных,
И исказил рождённую мышлением
гуманность человека.
Тень пала поперёк
простого верного Луча:
В пещере сердца
потускнел свет Истины,
Что незамеченным пылает
в тайной нише алтаря
Скрываемый
за тихою завесой тайны,
Сопровождая в этом храме
Божество.
Так родилась ужасная
враждебная Энергия,
Что имитирует могучий образ
вечной Матери
И пародирует её
сверкающую бесконечность
Кривым и серым силуэтом
посреди Ночи.

Arresting the passion of the climbing soul,
She forced on life a slow and faltering pace;
Her hand's deflecting and retarding weight
Is laid on the mystic evolution's curve:
The tortuous line of her deceiving mind
The Gods see not and man is impotent;
Oppressing the God-spark within the soul
She forces back to the beast the human fall.
Yet in her formidable instinctive mind
She feels the One grow in the heart of Time

And sees the Immortal shine through the human mould.

Alarmed for her rule and full of fear and rage
She prowls around each light that gleams through the dark

Casting its ray from the spirit's lonely tent,
Hoping to enter with fierce stealthy tread
And in the cradle slay the divine Child.
Incalculable are her strength and ruse;
Her touch is a fascination and a death;
She kills her victim with his own delight;

И сковывая страсть
взбирающейся вверх души,
Она навязывает жизни
нерешительную медленную поступь;
Задерживая, отклоняя в сторону,
её тяжёлая рука
Ложится на мистическую
направляющую эволюции:
Извилистую траекторию обманчивого,
отводящего глаза ума
Не видят Боги
и не может видеть человек;
Так, заглушая искру Бога,
что внутри души,
Она толкает человека
пасть обратно к зверю.
И всё-таки своим умом,
огромным, инстинктивным
Она всё время ощущает,
как растёт Единый
в сердце Времени
И видит — как Бессмертный
всё сильней сияет
через оболочку человека.
За власть свою тревожась,
страхом, яростью полна,
Она свирепо рыщет
около любого света,
что блестит сквозь темноту,
Бросая луч из
одинокого жилища духа,
В надежде подойти
неслышной и жестокой поступью
И прямо в колыбели
задушить небесное Дитя.
Неисчислима сила в ней,
уловка и обман;
Её прикосновенье —
обольщение и смерть,
Она уничтожает жертву
его же наслаждением;

Even Good she makes a hook to drag to Hell.

For her the world runs to its agony.
Often the pilgrim on the Eternal's road
Ill-lit from clouds by the pale moon of Mind,
Or in devious byways wandering alone,
Or lost in deserts where no path is seen,
Falls overpowered by her lion leap,
A conquered captive under her dreadful paws.
Intoxicated by a burning breath

And amorous grown of a destroying mouth,
Once a companion of the sacred Fire,
The mortal perishes to God and Light,
An Adversary governs heart and brain,
A Nature hostile to the Mother-Force.
The self of life yields up its instruments
To Titan and demoniac agencies

That aggrandise earth-nature and disframe:
A cowled fifth-columnist is now thought's guide;
His subtle defeatist murmur slays the faith
And, lodged in the breast or whispering from outside,
A lying inspiration fell and dark

Так даже из Добра
она сооружает крюк,
чтоб утащить им в Ад.
Из-за неё мир катится
к своей агонии.
И часто странник
на дороге Вечного,
Что еле освещается из облаков
неяркою луной Ума,
Или блуждающий один
окольными тропинками,
Иль потерявшийся среди пустынь,
где не видать пути,
Бывает, падает, прижатый
львиною её атакою,
Став побеждённым пленником
под страшной лапой.
От жгучего её дыханья
опьянённый,
Всё более влюбляясь
в гибельную пасть,
Когда-то компаньон
священного Огня,
Тот смертный погибает
и для Бога, и для Света,
Природа, что враждебна
Силе Матери,
И вместе с нею Дьявол,
забирают мозг его и сердце.
Дух жизни уступает
собственные инструменты
Титану или
демоническим могуществам,
Что раздувают и уродуют
земное естество:
Одетый в рясу внутренний предатель
становится наставником для мысли;
Его искусный ропот пораженца
убивает веру
И, поселившееся у него в груди
или нашёптанное извне,
Обманчивое вдохновенье,
падшее и тёмное,

A new order substitutes for the divine.
A silence falls upon the spirit's heights,
From the veiled sanctuary the God retires,
Empty and cold is the chamber of the Bride;
The golden Nimbus now is seen no more,
No longer burns the white spiritual ray
And hushed for ever is the secret Voice.

Then by the Angel of the Vigil Tower
A name is struck from the recording book;
A flame that sang in Heaven sinks quenched and mute;
In ruin ends the epic of a soul.

This is the tragedy of the inner death
When forfeited is the divine element
And only a mind and body live to die.

Божественный порядок
подменяет на другой.
Молчанье опускается
на пики духа,
Из скрытого святилища
уходит Бог,
Пустой, холодной
стала комната Невесты;
Не виден больше
золотистый Нимб,
И не горит
духовный белый луч,
И навсегда смолкает
тайный Голос.
А после —
Ангел на Дозорной Башне
Вычеркивает имя
в регистрационной книге;
То пламя, что когда-то пело в Небесах,
погаснув, падает и умолкает;
В развалинах встречает свой конец
эпическая длинная история души.
Трагична внутренняя смерть,
Когда утрачен
элемент божественного,
И только ум и тело доживают,
чтобы умереть.

For terrible agencies the Spirit allows
And there are subtle and enormous Powers
That shield themselves with the covering Ignorance.
Offspring of the gulfs, agents of the shadowy Force,
Haters of light, intolerant of peace,
Aping to the thought the shining Friend and Guide,

Всё потому, что Духом допускаются
ужасные посредники,
И есть огромные Могущества,
хотя и еле различимые для нас,
Укрывшие себя
покровами Невежества.
Потомки бездн,
агенты тёмной Силы,
Что ненавидят свет,
не терпят мира и покоя,
И передразнивая перед мыслью
нашего сияющего
Друга и Руководителя,

Opposing in the heart the eternal Will,
They veil the occult uplifting Harmonist.
His wisdom's oracles are made our bonds;
The doors of God they have locked with keys of creed
And shut out by the Law his tireless Grace.
Along all Nature's lines they have set their posts
And intercept the caravans of Light;

Wherever the Gods act, they intervene.
A yoke is laid upon the world's dim heart;
Masked are its beats from the supernal Bliss,
And the closed peripheries of brilliant Mind
Block the fine entries of celestial Fire.
Always the dark Adventurers seem to win;

Nature they fill with evil's institutes,
Turn into defeats the victories of Truth,
Proclaim as falsehoods the eternal laws,
And load the dice of Doom with wizard lies;
The world's shrines they have occupied, usurped its thrones.
In scorn of the dwindling chances of the Gods
They claim creation as their conquered fief

Сопротивляясь в сердце
вечной Воле,
Они скрывают в нас оккультного,
растущего к вершинам Музыканта.
Из откровений мудрости его
они сплетают наши узы;
Ключами убеждения
они замкнули двери Бога,
При помощи Закона преградили путь
его неутомимой Милости.
Вдоль всех границ Природы
понаставили они свои посты
И перехватывают
караваны Света;
Везде, где Боги действуют,
там возникают и они.
Ярмо наложено
на затуманенное сердце мира;
Замаскирован пульс его,
идущий из высокого Блаженства,
А наглухо закрытые окраины
сверкающего, как алмаз, Ума
Блокируют прекрасные врата
небесного Огня.
Всё время кажется,
что эти тёмные Авантюристы
побеждают;
Они в Природу
вводят институты зла,
Победы Правды
превращают в пораженья,
И объявляют ложью
вечные законы,
Обманом колдовства
утяжеляют кости Рока;
Они святыни мира захватили
и сидят на каждом троне.
И издеваются над
тающими шансами Богов,
Они творенье требуют, как
завоёванное феодальное поместье,

And crown themselves the iron
Lords of Time.

Adepts of the illusion and the mask,

The artificers of Nature's fall and
pain
Have built their altars of
triumphant Night
In the clay temple of terrestrial
life.
In the vacant precincts of the
sacred Fire,
In front of the reredos in the
mystic rite
Facing the dim velamen none can
pierce,
Intones his solemn hymn the
mitred priest
Invoking their dreadful presence
in his breast:

Attributing to them the awful
Name
He chants the syllables of the
magic text
And summons the unseen
communion's act,
While twixt the incense and the
muttered prayer
All the fierce bale with which the
world is racked
Is mixed in the foaming chalice of
man's heart

And poured to them like
sacramental wine.
Assuming names divine they
guide and rule.
Opponents of the Highest they
have come
Out of their world of soulless
thought and power

Себя возводят на престол,
провозгласив железными
Властителями Времени.
Эксперты
по иллюзиям и маскам,
Изобретатели паденья
и страдания Природы,
Они возводят алтари
победоносной Ночи
В построенном из глины
храме жизни человека.
В пустых покоях,
у священного Огня,
Пред ширмой алтаря,
в мистическом обряде,
Лицом к бесформенной
непроницаемой завесе,
Певуче произносит мрачный гимн
носящий митру жрец,
Их страшные присутствия
он призывает
в собственную грудь:
Он наделяет их
ужасным Именем,
И распевает по слогам
магические тексты,
Выстраивая акт
незримого общения,
Пока меж ладаном
и бормотанием молитвы
Все яростные беды и страдания,
терзающие мир,
Не станут перемешанными
в пенящемся кубке
человеческого сердца
И не прольются на людей
как будто освящённое вино.
Наклеив на себя
божественные имена,
Они руководят и правят.
Как оппоненты Высочайшего,
Они пришли к нам из миров
бездушной мысли и могущества

To serve by enmity the cosmic scheme.
Night is their refuge and strategic base.
Against the sword of Flame, the luminous Eye,
Bastioned they live in massive forts of gloom,
Calm and secure in sunless privacy:
No wandering ray of Heaven can enter there.
Armoured, protected by their lethal masks,
As in a studio of creative Death

The giant sons of Darkness sit and plan
The drama of the earth, their tragic stage.
All who would raise the fallen world must come

Under the dangerous arches of their power;
For even the radiant children of the gods
To darken their privilege is and dreadful right.
None can reach heaven who has not passed through hell.

Служить своей враждебностью
космическому плану.
Ночь — их убежище,
и стратегическая база.
Спасаясь от светящегося Ока,
от меча Огня,
В кольце из бастионов
и в массивных фортах мрака,
Они живут спокойно и уверенно
в своих укрытиях без солнца:
Туда не проникает ни один
блуждающий луч Небес.
Укрытые бронёй и защищённые
своими гибельными масками,
Как будто в студии,
где правит творческая Смерть,
Гигантские, рождённые от Тьмы, сыны
сидят, планируют
Ход драмы на земле,
трагические их подмостки.
И всякий, пожелавший бы
возвысить этот падший мир,
обязан появиться
Под угрожающими сводами
их силы;
Всё потому, что даже помрачать
сияющих детей богов —
Их привилегия
и устрашающее право.
Не может тот достичь небес,
кто не прошёл сквозь ад.

This too the traveller of the worlds must dare.
A warrior in the dateless duel's strife,
He entered into dumb despairing Night
Challenging the darkness with his luminous soul.
Alarming with his steps the threshold gloom

На это тоже должен был решиться
странник по мирам.
Как воин в вечном,
незапамятном дуэльном споре,
Вошёл он
в горькую, немую Ночь,
Бросая вызов темноте
своей сверкающей душой.
Тревожа поступью своей
преддверье тьмы,

He came into a fierce and
dolorous realm
Peopled by souls who never had
tasted bliss;
Ignorant like men born blind who
know not light,

They could equate worst ill with
highest good,
Virtue was to their eyes a face of
sin
And evil and misery were their
natural state.
A dire administration's penal code

Making of grief and pain the
common law,
Decreeing universal joylessness

Had changed life into a stoic
sacrament
And torture into a daily festival.
An act was passed to chastise
happiness;
Laughter and pleasure were
banned as deadly sins:

A questionless mind was ranked
as wise content,
A dull heart's silent apathy as
peace:
Sleep was not there, torpor was
the sole rest,

Death came but neither respite
gave nor end;
Always the soul lived on and
suffered more.
Ever he deeper probed that
kingdom of pain;
Around him grew the terror of a
world

Пришёл он в страшное
и горестное царство,
Где жили души,
никогда не знавшие блаженства;
Невежественные, как те,
что рождены слепыми,
отроду не зная света,
Они могли здесь худшие злодейства
приравнять к высокому добру,
И добродетель в их глазах
была лишь обликом греха,
А зло и нищета —
естественными состояниями.
Там уголовный кодекс
этого зловещего правления,
Что делало из боли, горя
общепринятый закон,
Предписывавший всем
всеобщую безрадостность,
Жизнь превращал
в стоический обет,
А пытку — в ежедневный фестиваль.
Был проведен указ
наказывать за счастье;
И наслаждение, и смех
здесь были прокляты
как смертные грехи:
Не задающий никаких вопросов ум
ценился словно мудрое согласие,
А молчаливая апатия тупого сердца —
как покой:
Никто не знал там сна,
и лишь оцепенение
давало передышку,
Смерть приходила, но не приносила
ни отсрочки, ни конца;
Душа всё время продолжала жить
и мучилась всё больше.
Всё глубже изучал он[1]
это царство боли;
Вокруг него усиливался,
разрастаясь, ужас мира,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

Of agony followed by worse agony,
And in the terror a great wicked joy
Glad of one's own and others' calamity.
There thought and life were a long punishment,
The breath a burden and all hope a scourge,
The body a field of torment, a massed unease;
Repose was a waiting between pang and pang.

This was the law of things none dreamed to change:
A hard sombre heart, a harsh unsmiling mind
Rejected happiness like a cloying sweet;
Tranquillity was a tedium and ennui:
Only by suffering life grew colourful;
It needed the spice of pain, the salt of tears.
If one could cease to be, all would be well;
Else only fierce sensations gave some zest:
A fury of jealousy burning the gnawed heart,
The sting of murderous spite and hate and lust,
The whisper that lures to the pit and treachery's stroke
Threw vivid spots on the dull aching hours.
To watch the drama of infelicity,
The writhing of creatures under the harrow of doom

Одна агония сменялась на другую,
что была ещё страшнее,
И в этом ужасе
великое и злое удовольствие,
Встречало с радостью
свою беду и беды остальных.
Там жизнь и мысли
были долгим наказанием,
Дыхание — тяжёлой ношей,
всякая надежда — карой,
А тело — полем пыток и
средоточеньем беспокойства;
Там отдыхом служило
ожиданье новой боли
после предыдущей.
Таков был здесь закон вещей,
его никто и не мечтал сменить:
Тяжёлое нахмуренное сердце
и неулыбающийся, жёсткий ум
Отбрасывали счастье словно
надоевшую всем патоку;
Спокойствие там было
скукой и тоской:
И лишь в страдании
жизнь наполнялась красками;
Она нуждалась в соли слёз,
и в острых специях из боли.
И если бы это можно было отменить,
всё стало б лучше;
Иначе лишь неистовые чувства
придавали хоть какой-то вкус:
Безумье ревности,
что жжёт терзаемое сердце,
Укус смертельной злобы,
ненависти, вожделения,
И шёпот, что заманивает в западню,
удары вероломства
Бросали пятна красок
на больные ноющие тусклые часы.
Следить за драмами несчастья,
За корчами существ
под бороною рока,

And sorrow's tragic gaze into the night
And horror and the hammering heart of fear
Were the ingredients in Time's heavy cup
That pleased and helped to enjoy its bitter taste.

Of such fierce stuff was made up life's long hell:

These were the threads of the dark spider's-web
In which the soul was caught, quivering and rapt;
This was religion, this was Nature's rule.
In a fell chapel of iniquity
To worship a black pitiless image of Power
Kneeling one must cross hard-hearted stony courts,

A pavement like a floor of evil fate.
Each stone was a keen edge of ruthless force
And glued with the chilled blood from tortured breasts;
The dry gnarled trees stood up like dying men
Stiffened into a pose of agony,
And from each window peered an ominous priest
Chanting Te Deums for slaughter's crowning grace,

Uprooted cities, blasted human homes,
Burned writhen bodies, the bombshell's massacre.

Смотреть на их трагический
взгляд горя посреди ночи,
На ужас, и на сердце,
что стучит от страха —
Всё становилось здесь ингредиентами
в тяжёлой чаше Времени,
Что приносили удовольствие
и помогали наслаждаться
этим горьким вкусом.
И из таких неистовых вещей
был сделан долгий,
медленный ад жизни:
Из них сплеталась
тёмная паучья сеть,
В которую ловили душу,
трепетную, полную восторга;
Такая здесь была религия,
правление Природы.
В жестоком храме беззакония,
Чтоб поклониться чёрному
безжалостному лику Силы
Необходимо было
на коленях проползти
По тем жесткосердным
каменным дворам,
По мостовой, подобной
дну худой судьбы.
И каждый камень становился
острым краем беспощадной силы,
Облепленный застывшей кровью душ,
забитых в пытках.
Сухие сучковатые деревья
стояли словно умирающие люди,
Окоченевшие в своей агонии,
Из каждого окна глядело
зловещее лицо священника,
Поющего “Тебя, о Боже, славим”,
молитвой той венчая
и кровавую резню,
И города, разрушенные начисто,
и взорванные мирные дома,
И скорченные, обгоревшие тела,
и массовую бойню под бомбёжкой.

"Our enemies are fallen, are fallen," they sang,
"All who once stayed our will are smitten and dead;
How great we are, how merciful art Thou."
Thus thought they to reach God's impassive throne
And Him command whom all their acts opposed,
Magnifying their deeds to touch his skies,
And make him an accomplice of their crimes.
There no relenting pity could have place,
But ruthless strength and iron moods had sway,
A dateless sovereignty of terror and gloom:
This took the figure of a darkened God
Revered by the racked wretchedness he had made,
Who held in thrall a miserable world,

And helpless hearts nailed to unceasing woe
Adored the feet that trampled them into mire.
It was a world of sorrow and of hate,
Sorrow with hatred for its lonely joy,
Hatred with others' sorrow as its feast;
A bitter rictus curled the suffering mouth;
A tragic cruelty saw its ominous chance.
Hate was the black archangel of that realm;

"Враги все наши пали, пали", —
пели после этого они,
"Все, кто мешали нашей воле —
уничтожены, мертвы;
О как мы велики,
о как Ты милосерден."
Так думали они достичь
бесстрастного престола Бога,
И править Им, которому
все их дела противны,
Превознося свои деянья,
прикоснуться к небесам,
И сделать Бога
соучастником их преступлений.
Там не могло быть места
для смягчающего сострадания,
Всем правили безжалостная сила
и жестокий дух,
И вековое полновластье
ужаса и мрака:
Оно предстало
тёмным Богом,
Державшим в рабстве
тот несчастный мир,
Которого там почитали
жалкие, измученные существа,
им сотворённые,
А беззащитные сердца, прикованные
к беспрестанному мученью,
Любили ноги,
что их втаптывали в грязь.
То место было миром
ненависти и мучения,
Мученье с ненавистью
было здесь единственною радостью,
А ненависть с мучением другого —
пиршеством;
Измученные рты
кривили горькие гримасы;
Трагическое бессердечие
ловило свой зловещий шанс.
В том царстве ненависть
была подобна чёрному архангелу;

It glowed, a sombre jewel in the heart
Burning the soul with its malignant rays,
And wallowed in its fell abysm of might.
These passions even objects seemed to exude,-
For mind overflowed into the inanimate
That answered with the wickedness it received,-
Against their users used malignant powers,
Hurt without hands and strangely, suddenly slew,
Appointed as instruments of an unseen doom.
Or they made themselves a fateful prison wall
Where men condemned wake through the creeping hours
Counted by the tollings of an ominous bell.
An evil environment worsened evil souls:
All things were conscious there and all perverse.
In this infernal realm he dared to press
Even into its deepest pit and darkest core,
Perturbed its tenebrous base, dared to contest
Its ancient privileged right and absolute force:
In Night he plunged to know her dreadful heart,

In Hell he sought the root and cause of Hell.

Она горела, тёмный
драгоценный камень в сердце,
И обжигала душу
злобными лучами,
Барахтаясь в своей
жестокой пропасти могущества.
Казалось, эти страсти исходили
даже из предметов, —
Так ум переполнялся
в неодушевлённое,
Что отвечало той же злобностью,
что принимало, —
И против тех, кто пользовался ими
применяли пагубные силы,
Что причиняли вред без рук,
внезапно, странно убивая,
Став инструментами
невидимой судьбы.
Они, бывало, сами создавали
тюремный роковой застенок,
Где человеку не давали спать
в теченье долгих медленных часов,
Отсчитывая их
зловещим звуком колокола.
И злое окруженье делало
ещё чернее злые души:
Всё было там осознанно
и всё извращено.
В том адском царстве
он[1] отважился настаивать,
И даже в глубочайшей бездне,
в самой тёмной сердцевине,
Тревожа мрачную основу,
он посмел поспорить
С их абсолютной силой,
с древней привилегией и правом:
Он в Ночь он нырял,
стремясь познать
её чудовищное сердце,
В Аду искал он
корень и причину Ада.

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

Its anguished gulfs opened in his
own breast;
He listened to clamours of its
crowded pain,
The heart-beats of its fatal
loneliness.
Above was a chill deaf eternity.

In vague tremendous passages of
Doom
He heard the goblin Voice that
guides to slay,
And faced the enchantments of the
demon Sign,
And traversed the ambush of the
opponent Snake.
In menacing tracts, in tortured
solitudes
Companionless he roamed
through desolate ways
Where the red Wolf waits by the
fordless stream
And Death's black eagles scream
to the precipice,

And met the hounds of bale who
hunt men's hearts

Baying across the veldts of
Destiny,
In footless battlefields of the
Abyss
Fought shadowy combats in mute
eyeless depths,
Assaults of Hell endured and
Titan strokes
And bore the fierce inner wounds
that are slow to heal.
A prisoner of a hooded magic
Force,
Captured and trailed in
Falsehood's lethal net

Измученные бездны открывались
в собственной его груди;
Он вслушивался в крик
переполнявшей это царство боли,
В его сердцебиенье
гибельного одиночества.
А выше — нависала
леденящая, глухая вечность.
В неясных страшных переходах
роковой Судьбы
Он слышал Голос гоблина,
ведущего затем, чтобы убить,
Встречал там чары
дьявольского Знака,
И обходил враждебного,
лежащего в засаде Змея.
В тех угрожающих местах,
в мучительном безлюдье,
Он одиноко брёл
пустынными путями,
Там, где багровый Волк
ждёт около реки без брода,
И Смерти чёрные орлы
пронзительно кричат
над пропастью,
Встречал он свору бед,
которые охотятся
за сердцем человека,
Преследуя его
пустынями Судьбы,
В нехоженых полях
сражений Бездны
Вёл призрачные битвы
средь незрячих и немых глубин,
Выдерживал атаки Ада
и удар Титана,
И получал жестокие ранения внутри,
что долго заживают.
Он становился узником магической,
укрытой капюшоном Силы,
Бывал он пойман и затянут
в смертоносную сеть Лжи

And often strangled in the noose
of grief,
Or cast in the grim morass of
swallowing doubt,
Or shut into pits of error and
despair,
He drank her poison draughts till
none was left.
In a world where neither hope nor
joy could come

The ordeal he suffered of evil's
absolute reign,
Yet kept intact his spirit's radiant
truth.

Incapable of motion or of force,

In Matter's blank denial gaoled
and blind,

Pinned to the black inertia of our
base
He treasured between his hands
his flickering soul.
His being ventured into mindless
Void,
Intolerant gulfs that knew not
thought nor sense;

Thought ceased, sense failed, his
soul still saw and knew.

In atomic parcellings of the
Infinite
Near to the dumb beginnings of
lost Self,
He felt the curious small futility

Of the creation of material things.

И часто удушаемый
в петле беды и горя,
Иль брошенный в неумолимую трясину
поглощающего всё сомнения,
Попавший в западню
ошибок и отчаяния,
Он пил её отравленные дозы,
пока уже не оставалось ничего.
Так в этом мире,
куда ни радость, ни надежда
не могли придти,
Терпел он испытанье
абсолютной власти зла,
Но сохранял нетронутой
сияющую правду
собственного духа.
То не способный
ни к усилью, ни к движенью,
То запертый в тюрьме
пустого отрицания Материи
и этим ослеплённый,
То пригвождённый к чёрной косности
основы человека,
Он, как сокровище, берёг в руках
свою трепещущую душу.
Так существо его отважно шло
в бездумное Ничто,
В невыносимые пучины,
что не знали
ни о мыслях, ни о чувствах;
Остановилась мысль,
исчезло чувство,
Однако же душа его
всё видела и понимала.
В дробленьи Бесконечного
на атомы,
Вблизи немых начал
утраченного “Я”,
Он чувствовал смешную
мелкую ничтожность
Творенья, созданного
из материального.

Or, stifled in the Inconscient's hollow dusk,
He sounded the mystery dark and bottomless
Of the enormous and unmeaning deeps
Whence struggling life in a dead universe rose.
There in the stark identity lost by mind
He felt the sealed sense of the insensible world
And a mute wisdom in the unknowing Night.
Into the abysmal secrecy he came

Where darkness peers from her mattress, grey and nude,
And stood on the last locked subconscient's floor
Where Being slept unconscious of its thoughts
And built the world not knowing what it built.
There waiting its hour the future lay unknown,
There is the record of the vanished stars.
There in the slumber of the cosmic Will
He saw the secret key of Nature's change.
A light was with him, an invisible hand
Was laid upon the error and the pain

Till it became a quivering ecstasy,

The shock of sweetness of an arm's embrace.
He saw in Night the Eternal's shadowy veil,

Бывало, задыхаясь
в сумеречном Несознании,
Он измерял бездонную
и тёмную мистерию
Тех необъятных
и бессмысленных глубин,
Откуда в мёртвую вселенную,
борясь, поднялась жизнь.
Там, в совершенном тождестве,
утраченном умом,
Он ощутил сокрытый смысл
того бесчувственного мира
Немую мудрость
в той незнающей Ночи.
Он подошёл к глубокой,
словно пропасть, тайне,
Где тьма глядит со своего матраса,
голая, седая,
И встал на запертом,
последнем плане подсознания,
Где спит, своих не сознавая мыслей,
Бытиё,
И строит мир, не зная,
что оно возводит.
Там, ожидая часа своего,
лежит неведомое нам грядущее,
Там — летопись
давно погасших звёзд.
Там, среди сна
космической огромной Воли
Увидел он секретный ключ
для изменения Природы.
И свет был вместе с ним,
незримая ладонь
Легла и на ошибку,
и на боль,
Пока они не превратились
в трепетный экстаз,
И потрясенье сладости
его обнявших рук.
Он смог в Ночи увидеть
призрачное покрывало Вечного,

Knew death for a cellar of the
house of life,
In destruction felt creation's hasty
pace,
Knew loss as the price of a
celestial gain
And hell as a short cut to heaven's
gates.
Then in Illusion's occult factory

And in the Inconscient's magic
printing-house
Torn were the formats of the
primal Night
And shattered the stereotypes of
Ignorance.
Alive, breathing a deep spiritual
breath,
Nature expunged her stiff
mechanical code
And the articles of the bound
soul's contract,
Falsehood gave back to Truth her
tortured shape.
Annulled were the tables of the
law of Pain,
And in their place grew luminous
characters.
The skilful Penman's unseen
finger wrote
His swift intuitive calligraphy;
Earth's forms were made his
divine documents,
The wisdom embodied mind could
not reveal,
Inconscience chased from the
world's voiceless breast;
Transfigured were the fixed
schemes of reasoning
Thought.
Arousing consciousness in things
inert,

И познал смерть
как подпол дома жизни,
В уничтоженьи ощутил он
торопливый шаг творения,
Познал утрату в качестве цены
за будущий небесный приз,
И ад — как самый краткий путь
к воротам в небеса.
Затем в оккультной этой
фабрике Иллюзии
В магическом печатном доме
Несознания
Разбиты были гранки
первобытной Ночи
И вдребезги разнесены
Невежества стереотипы.
Вновь оживая, возвратив глубокое,
духовное дыхание,
Природа зачеркнула
механический застывший кодекс,
Статьи контракта
связанной души,
Ложь отдала обратно Истине
её измученную форму.
Была отменена скрижаль
закона Боли,
Сверкающие буквы появились
вместо них.
Незримый перст искусного Писца
чертил интуитивную
И быструю каллиграфическую вязь;
Земные формы становились вновь
его божественными документами,
И мудрость воплощала то,
что ум не мог открыть,
И Несознание изгнали
из груди безмолвной мира;
Фиксированные схемы
рассуждений Мысли
были переделаны.
Сознанье пробуждая в том,
что оставалось до сих пор инертным,

He imposed upon dark atom and dumb mass
The diamond script of the Imperishable,
Inscribed on the dim heart of fallen things
A paean-song of the free Infinite

And the Name, foundation of eternity,
And traced on the awake exultant cells
In the ideographs of the Ineffable

The lyric of the love that waits through Time
And the mystic volume of the Book of Bliss
And the message of the superconscient Fire.
Then life beat pure in the corporeal frame;

The infernal Gleam died and could slay no more,
Hell split across its huge abrupt façade
As if a magic building were undone,

Night opened and vanished like a gulf of dream.
Into being's gap scooped out as empty Space

In which she had filled the place of absent God,

There poured a wide intimate and blissful Dawn;
Healed were all things that Time's torn heart had made
And sorrow could live no more in Nature's breast:

Он наложил на тёмный атом
и немую массу
Алмазный почерк Нерушимого,
И начертал в неясном сердце
всех существ, что пали
Победный гимн
свободной Бесконечности
И Имя — основанье вечности,
И вывел на ликующих
и пробуждённых клетках
В идеограммах-символах
Невыразимого
Лирический сонет любви,
что ждёт на протяженьи Времени,
Мистическую Книгу-фолиант
Блаженства,
Послание
от сверхсознательного Пламени.
Затем, в телесной оболочке
запульсировала новая,
очищенная жизнь;
Тот инфернальный блеск погиб
и больше убивать не мог,
Ад раскололся вдоль
огромного неровного фасада,
Как будто всё его
магическое здание
ушло в ничто,
А Ночь раскрылась и исчезла,
словно бездна сна.
В пробитую насквозь
брешь бытия,
И в ставшее пустым Пространство,
В котором Ночь,
в Его отсутствии,
заняла место Бога,
Потоком хлынула блаженная,
широкая и сокровенная Заря,
И исцелилось всё, что натворило
раненое сердце Времени,
Страданье больше не способно было
жить в груди Природы:

Division ceased to be, for God
was there.
The soul lit the conscious body
with its ray,
Matter and spirit mingled and
were one.

End of Canto Eight

И разделения не стало,
потому что здесь был Бог.
Душа лучами света
залила сознательное тело,
Материя и дух смешались,
став единым целым.

Конец восьмой песни

Book Two
THE BOOK OF THE
TRAVELLER OF THE
WORLDS

Canto IX
THE PARADISE
OF THE LIFE-GODS

Around him shone a great
felicitous Day.
A lustre of some rapturous
Infinite,
It held in the splendour of its
golden laugh
Regions of the heart's happiness
set free,
Intoxicated with the wine of God,
Immersed in light, perpetually
divine.
A favourite and intimate of the Gods
Obeying the divine command to
joy,
It was the sovereign of its own
delight
And master of the kingdoms of its
force.
Assured of the bliss for which all
forms were made,
Unmoved by fear and grief and
the shocks of Fate
And unalarmed by the breath of
fleeting Time
And unbesieged by adverse
circumstance,
It breathed in a sweet secure
unguarded ease

Книга Вторая
КНИГА
ПУТЕШЕСТВЕННИКА
ПО МИРАМ

Песня IX
РАЙ БОГОВ ЖИЗНИ

Вокруг него сиял
счастливый и величественный День.
Сверкание какой-то
восхищённой Бесконечности,
Он заражал великолепьем
своего искрящегося смеха
Пространства счастья сердца,
ставшего свободным,
И опьянял вином Всевышнего,
И погружал в свой свет,
божественный и вечный.
Любимец, близкий друг Богов,
Он выполнял божественное указанье —
наслаждаться,
И был владыкой
своего восторга,
Хозяином для царств
ему принадлежащей силы.
Уверенный в блаженстве,
для которого сотворены все формы,
И не касаемый ни страхом,
ни страданьем, ни ударами Судьбы,
И не тревожимый дыханьем
пролетающего Времени,
Не осаждаемый
враждебным случаем,
Мир Дня дышал в надёжной,
сладкой и беспечной лёгкости,

Free from our body's frailty
inviting death,

Far from our danger-zone of
stumbling Will.
It needed not to curb its passionate
beats;
Thrilled by the clasp of the warm
satisfied sense
And the swift wonder-rush and
flame and cry
Of the life-impulses' red
magnificent race,

It lived in a jewel-rhythm of the
laughter of God

And lay on the breast of universal
love.
Immune the unfettered Spirit of
Delight
Pastured his gleaming sun-herds
and moon-flocks
Along the lyric speed of griefless
streams
In fragrance of the unearthly
asphodel.
A silence of felicity wrapped the
heavens,
A careless radiance smiled upon
the heights;
A murmur of inarticulate
ravishment
Trembled in the winds and
touched the enchanted soil;
Incessant in the arms of ecstasy

Repeating its sweet involuntary
note
A sob of rapture flowed along the
hours.
Advancing under an arch of glory
and peace,

Свободный от недолговечной
слабости земного тела,
притягательной для смерти,
Далёкий от опасной зоны
нашей спотыкающейся Воли.
Он не нуждался в обузданьи
страстного биенья;
Он трепетал в объятьях
тёплых и довольных чувств,
Дрожал от натиска
стремительных чудес,
От пламени и зова
алой пышной гонки
жизненного импульса,
И жил в каком-то
драгоценном ритме
смеха Бога,
Расположившись на груди
космической любви.
Освобождённый, сбросивший оковы,
Дух Восторга,
Он пас свои стада, сверкающие солнцем,
лунные отары
Вдоль поэтичной живости
безгорестных ручьёв
Среди благоуханья неземной,
чудесной асфодели.
Там небеса окутывались
тишиною счастья,
И беззаботное сиянье
улыбалось на вершинах;
Едва заметное журчание
немого восхищения
Дрожало на ветру,
касаясь очарованной земли;
В объятиях экстаза,
постоянно повторяя
Свою невольную
и сладостную ноту,
Часами изливался
плач восторга.
Всё дальше двигаясь
под сводом славы и покоя,

Traveller on plateau and on
musing ridge,
As one who sees in the
World-Magician's glass
A miracled imagery of soul-scapes
flee
He traversed scenes of an
immortal joy
And gazed into abysms of beauty
and bliss.
Around him was a light of
conscious suns
And a brooding gladness of great
symbol things;
To meet him crowded plains of
brilliant calm,
Mountains and violet valleys of
the Blest,
Deep glens of joy and crooning
waterfalls
And woods of quivering purple
solitude;
Below him lay like gleaming
jewelled thoughts
Rapt dreaming cities of
Gandharva kings.
Across the vibrant secrecies of
Space
A dim and happy music sweetly
stole,

Smitten by unseen hands he heard
heart-close
The harps' cry of the heavenly
minstrels pass,
And voices of unearthly melody

Chanted the glory of eternal love
In the white-blue-moonbeam air
of Paradise.

A summit and core of all that
marvellous world,

Наш путешественник, ступая по плато
и размышляющему гребню,
Мог видеть, как в чудесном зеркале
Магического Мира,
Загадочные образы
полёта-избавления души,
Пересекал виденья сцен
бессмертных удовольствий
И вглядывался в бездны красоты
и пропасти блаженства.
Вокруг него был свет
осознающих солнц,
Задумчивые радости великих
символических творений;
Ему навстречу шли толпой
алмазные равнины тишины,
Лиловые лощины
и высокие хребты Благословения,
Глубокие и узкие долины радости,
и тихо напевающие водопады,
Леса наполненные царственным
вибрирующим одиночеством;
Здесь, перед ним лежали
как мерцающие самоцветы мысли
Восторженно мечтающие города
царей Гандхарвов.
Сквозь трепетанье
тайн Пространства
В него вливалась сладостью
счастливая, негромкая,
чарующая музыка,
Он слышал проникавший в сердце
голос арфы,
Рождавшийся незримыми руками
небесных менестрелей
И голоса зовущих,
неземных мелодий
Что воспевали вечную любовь
Под бледно-голубыми
лунными лучами
атмосферы Рая.
Поодаль, сердце и вершина
этой изумительной страны,

Apart stood high Elysian nameless hills,
Burning like sunsets in a trance of eve.
As if to some new unsearched profundity,
Into a joyful stillness plunged their base;
Their slopes through a hurry of laughter and voices sank,

Crossed by a throng of singing rivulets,
Adoring blue heaven with their happy hymn,
Down into woods of shadowy secrecy:
Lifted into wide voiceless mystery

Their peaks climbed towards a greatness beyond life.
The shining Edens of the vital gods

Received him in their deathless harmonies.
All things were perfect there that flower in Time;
Beauty was there creation's native mould,
Peace was a thrilled voluptuous purity.
There Love fulfilled her gold and roseate dreams

And Strength her crowned and mighty reveries;
Desire climbed up, a swift omnipotent flame,

And Pleasure had the stature of the gods;
Dream walked along the highways of the stars;

Стремились ввысь
неописуемые Елисейские холмы,
Горящие закатом
в трансе вечера.
И словно в неизведанные
новые глубины,
Ныряли в радостную тишину
их основания;
Их склоны опускались
через нетерпенье
голосов и смеха,
Пересекаемые множеством
толкущихся, поющих ручейков,
Которые своим счастливым гимном
поклонялись голубому небу,
Спускаясь вниз,
в леса тенистой тайны:
Их пики, восходя
в широкую беззвучную мистерию,
Взбирались до величия
за гранью жизни.
В сияющих Эдемах
боги жизни
Впускали Ашвапати
в их бессмертные гармонии.
Всё то, что расцвело во Времени,
там было совершенно;
Там Красота была
естественною формою творения,
Покой был чувственной
и волновавшей чистотой.
Любовь там воплощала
светлые свои,
прекрасные мечты,
А Сила — завершённые,
могучие фантазии;
Желание взбиралось вверх,
как всемогущее
стремительное пламя,
А Удовольствие имело
стан богов;
Мечта гуляла там
по автострадам звёзд;

Sweet common things turned into miracles:
Overtaken by the spirit's sudden spell,
Smitten by a divine passion's alchemy,
Pain's self compelled transformed to potent joy
Curing the antithesis twixt heaven and hell.
All life's high visions are embodied there,
Her wandering hopes achieved, her aureate combs
Caught by the honey-eater's darting tongue,
Her burning guesses changed to ecstasied truths,
Her mighty pantings stilled in deathless calm
And liberated her immense desires.

In that paradise of perfect heart and sense
No lower note could break the endless charm

Of her sweetness ardent and immaculate;
Her steps are sure of their intuitive fall.
After the anguish of the soul's long strife
At length were found calm and celestial rest
And, lapped in a magic flood of sorrowless hours,
Healed were his warrior nature's wounded limbs
In the encircling arms of Energies

Приятные обыденные вещи
превращались в чудеса:
Захваченная неожиданным
очарованьем духа,
И поражённая алхимией
божественной любви,
Сама суть боли становилась
там могучей радостью,
И исцеляла противостоянье
ада и небес.
Здесь воплотились все
высокие виденья жизни,
Достигнуты её блуждавшие надежды,
и золотые соты пойманы
Молниеносным языком
медового гурмана-едока,
Все жгучие её догадки превратились
в экстатические истины,
Могучие подъёмы напряженья стихли,
уступив бессмертному покою,
Освободив её
безмерные желания.
В том райском царстве
сердце, чувства совершенны,
И никакая низшая по тону нота
не могла нарушить
бесконечное очарование
Её[1] горячей, пылкой,
безупречной сладости;
Её ступни уверенно шагали,
направляемые интуицией.
Пройдя мучительную
долгую борьбу души,
Он[2], наконец, обрёл спокойствие,
небесный отдых,
И погружённые в магический поток
безгорестных часов,
Израненые члены тела,
его природа воина
Лечились в обнимающих
руках Энергий,

[1] Жизни, *прим.пер.*
[2] Ашвапати, *прим.пер.*

That brooked no stain and feared
not their own bliss.
In scenes forbidden to our pallid
sense
Amid miraculous scents and
wonder-hues
He met the forms that divinise the
sight,
To music that can immortalise the
mind
And make the heart wide as
infinity
Listened, and captured the
inaudible
Cadences that awake the occult ear:

Out of the ineffable hush it hears
them come
Trembling with the beauty of a
wordless speech,
And thoughts too great and deep
to find a voice,
Thoughts whose desire
new-makes the universe.
A scale of sense that climbed with
fiery feet
To heights of unimagined
happiness,
Recast his being's aura in
joy-glow,
His body glimmered like a skiey
shell;
His gates to the world were swept
with seas of light.
His earth, dowered with celestial
competence,
Harboured a power that needed
now no more
To cross the closed customs-line
of mind and flesh
And smuggle godhead into
humanity.

Что не выносят ни единого пятна
и не страшатся своего блаженства.
И в сценах, что запретны
нашим бледным чувствам,
Среди чудесных запахов
и удивительных оттенков цвета
Ему встречались формы,
что обожествляли зрение,
Он слушал музыку,
что может обессмертить ум
И сердце распахнуть
до бесконечности,
Его пленяли
еле различимые каденции,
Что пробуждали в нём
оккультный слух:
И было слышно, как они приходят
из невыразимой тишины,
Вибрируя от красоты
беззвучной речи,
От мыслей, чересчур великих
и глубоких, чтоб найти свой голос,
Тех мыслей, чьё желанье
заново творит вселенную.
Размахом чувства,
поднимавшегося пылкими стопами
К высотам невообразимого
доселе счастья,
Вся аура его была преобразована
в свеченье радости,
А тело тихо озарялось
как небесно-голубая оболочка;
Его ворота в мир теперь
распахнуты морями света.
Его земля, в наследство получив
небесные способности,
Дала приют могуществу,
которому уже не нужно было
Пересекать закрытую таможню
плоти и ума
И контрабандой проносить
божественное людям.

It shrank no more from the supreme demand
Of an untired capacity for bliss,

A might that could explore its own infinite
And beauty and passion and the depths' reply
Nor feared the swoon of glad identity
Where spirit and flesh in inner ecstasy join
Annulling the quarrel between self and shape.
It drew from sight and sound spiritual power,
Made sense a road to reach the intangible:
It thrilled with the supernal influences
That build the substance of life's deeper soul.

Earth-nature stood reborn, comrade of heaven.

A fit companion of the timeless Kings,
Equalled with the godheads of the living Suns,
He mixed in the radiant pastimes of the Unborn,
Heard whispers of the Player never seen
And listened to his voice that steals the heart
And draws it to the breast of God's desire,
And felt its honey of felicity

Flow through his veins like the rivers of Paradise,

Теперь она не уклонялась
от высоких требований к ней —
Способности без устали
воспринимать блаженство,
И силы, что исследовать могла бы
собственную бесконечность,
И красоты, и страсти,
и овета из глубин,
И не боялась обморока
радостного тождества,
Где дух и плоть сливаются
во внутреннем экстазе,
Стирая ссору между "я" внутри
и внешней формой.
Она из зрения и звука
извлекала силу духа,
И чувство делала путём,
к неосязаемым вещам:
Она вибрировала в унисон
с небесными влияниям,
Которые для плана жизни
ткут субстанцию души,
Лежащей глубже, чем сейчас.
Земли природа встала,
заново рождённая,
товарищ небесам.
Достойный спутник
не подвластных времени Царей,
И равный божествам
живущих Солнц,
Он[1] растворялся
в ярких развлеченьях Нерождённого,
И слышал шёпот Игрока,
всегда незримого,
Он вслушивался в этот голос,
проникающий всё глубже в сердце,
И тянущий его
к груди желанья Бога,
Он чувствовал, как мёд
его счастливой радости
Течёт по венам,
словно реки Рая,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

Made body a nectar-cup of the Absolute.
In sudden moments of revealing flame,
In passionate responses half-unveiled
He reached the rim of ecstasies unknown;
A touch supreme surprised his hurrying heart,
The clasp was remembered of the Wonderful,
And hints leaped down of white beatitudes.
Eternity drew close disguised as Love
And laid its hand upon the body of Time.
A little gift comes from the Immensitudes,
But measureless to life its gain of joy;
All the untold Beyond is mirrored there.
A giant drop of the Bliss unknowable
Overwhelmed his limbs and round his soul became

A fiery ocean of felicity;

He foundered drowned in sweet and burning vasts:
The dire delight that could shatter mortal flesh,

The rapture that the gods sustain he bore.
Immortal pleasure cleansed him in its waves
And turned his strength into undying power.

И превращает тело в кубок
для нектара Абсолюта.
И в неожиданных мгновеньях
проявляющего пламени,
И в страстных откликах,
наполовину скрытых,
Он достигал границ
неведомых экстазов;
Касание высокого
внезапно поражало
Его спешащее куда-то сердце,
объятие напоминало о Чудесном,
Прыжком спускались вниз
намёки чистого блаженства.
Под маскою Любви
притягивала ближе Вечность
Своей ладонью накрывая
тело Времени.
Хотя из тех Безмерностей
приходит невеликие дары,
Бесценны радости,
которые они приносят жизни;
В них можно видеть всё
неописуемое Запредельное.
Одна большая капля
непостижимого Блаженства
Залила тело Ашвапати,
всё затопив
вокруг его души,
Став огненным,
безбрежным океаном счастья;
Он шёл ко дну в тех жгучих,
сладостных просторах:
И ужасающее наслаждение,
что может разорвать
плоть смертного на части,
Восторг, что переносят только боги,
теперь испытывал и он.
Неувядаемая радость
очищала Ашвапати в этих волнах,
И превращало силу в нём
в неумирающую мощь.

Immortality captured Time and carried Life.

End of Canto Nine

Бессмертие захватывало Время, уносило Жизнь.

Конец девятой песни

Book Two
THE BOOK OF THE
TRAVELLER OF THE
WORLDS

Книга Вторая
КНИГА
ПУТЕШЕСТВЕННИКА
ПО МИРАМ

Canto X
THE KINGDOMS AND
GODHEADS
OF THE LITTLE MIND

Песня X
ЦАРСТВА И БОЖЕСТВА
МАЛОГО УМА

This too must now be overpassed
and left,
As all must be until the Highest is
gained

In whom the world and self grow
true and one:

Till That is reached our
journeying cannot cease.
Always a nameless goal beckons
beyond,
Always ascends the zigzag of the
gods
And upward points the spirit's
climbing Fire.
This breath of hundred-hued
felicity
And its pure heightened figure of
Time's joy,
Tossed upon waves of flawless
happiness,
Hammered into single beats of
ecstasy,
This fraction of the spirit's integer
Caught into a passionate greatness
of extremes,

Сейчас и это[1] нужно было
превзойти и отодвинуть прочь,
И так со всем,
пока не доберёмся мы
до Наивысшего,
В котором мир и внутреннее "я",
соединившись воедино,
станут истиной:
Пока мы не достигнем Этого,
наш путь не может прекратиться.
Всегда какая-то неведомая цель
нас манит за пределы,
Всегда взбирается
зигзагами богов
И в небо целится
идущее к высотам Пламя духа.
Дыханье радости,
играющее сотнями оттенков,
Её возвышенный и чистый образ
наслаждений Времени,
Носимый в волнах
незапятнанного счастья,
Стучащий в каждом пульсе
этого экстаза,
Частица целостности духа,
Захваченная в страстное
величье крайностей,

[1] Рай Богов Жизни в предыдущей песне, *прим.пер.*

This limited being lifted to zenith bliss,

Happy to enjoy one touch of things supreme,

Packed into its sealed small infinity,
Its endless time-made world outfacing Time,

A little output of God's vast delight.
The moments stretched towards the eternal Now,
The hours discovered immortality,

But, satisfied with their sublime contents,
On peaks they ceased whose tops half-way to Heaven
Pointed to an apex they could never mount,
To a grandeur in whose air they could not live.
Inviting to their high and exquisite sphere,
To their secure and fine extremities
This creature who hugs his limits to feel safe,
These heights declined a greater adventure's call.
A glory and sweetness of satisfied desire
Tied up the spirit to golden posts of bliss.
It could not house the wideness of a soul
Which needed all infinity for its home.
A memory soft as grass and faint as sleep,

Всё это ограниченное бытиё,
что поднимается
в зенит блаженства,
Счастливо наслаждается
от одного прикосновенья
высочайшего,
Закрывшись в запечатанную
маленькую бесконечность,
В свой бесконечный мир,
построенный во времени,
что будоражит Время,
В одну из малых толик
необъятного восторга Бога.
Мгновения расширились
до вечного Сейчас,
Часы открыли для себя
бессмертие,
Однако, радуясь своей
возвышенной и тонкой полноте,
Они остановились рядом с пиками,
что встав на пол-дороги к Небесам
Указывали на вершину,
до которой им вовеки не добраться,
На то величие, в чьём воздухе
они бы не смогли существовать.
В свою высокую,
утонченную сферу приглашая,
К своим изысканным и
безопасным крайностям,
В творение, что держится пределов
ради ощущения надёжности,
Высоты эти отклоняли
зов более великих приключений.
Великолепие и сладость
удовлетворённого желания
Привязывали дух к их
позолоченным столбам блаженства.
Здесь невозможно стало
поселить простор души,
Душе нужна вся бесконечность
для жилища.
Воспоминанья, мягкие как травы,
и неясные, как сон,

The beauty and call receding sank behind
Like a sweet song heard fading far away
Upon the long high road to Timelessness.
Above was an ardent white tranquillity.
A musing spirit looked out on the worlds
And like a brilliant clambering of skies
Passing through clarity to an unseen Light
Large lucent realms of Mind from stillness shone.
But first he met a silver-grey expanse

Where Day and Night had wedded and were one:
It was a tract of dim and shifting rays
Parting Life's sentient flow from Thought's self-poise.

A coalition of uncertainties

There exercised uneasy government
On a ground reserved for doubt and reasoned guess,
A rendezvous of Knowledge with Ignorance.
At its low extremity held difficult sway
A mind that hardly saw and slowly found;
Its nature to our earthly nature close
And kin to our precarious mortal thought

Призыв и красота, беззвучно отступая,
опускались позади,
И слышались как сладостная
затухающая песня,
Вдоль долгого высокого пути
к Вневременью.
Над этим всем стояло
пламенное чистое спокойствие.
О чём-то размышлявший дух
смотрел оттуда на миры,
И, словно бриллиант
в оправе из небес,
Пройдя сквозь ту прозрачность
до невидимого Света,
Сияли из безмолвия
широкие и светлые владения Ума.
Но поначалу,
Ашвапати встретил
серебристо-серые просторы,
Где День и Ночь обручены
и были заодно:
То было полосой неясных,
переменчивых лучей,
Что отделяла
чувствующее теченье Жизни
от саморавновесья Мысли.
Здесь неопределённости,
составив коалицию,
Вели своё нелёгкое правленье
на земле,
Оставленной сомненьям
и догадкам разума,
И романтическому рандеву
Невежества и Знания.
В той низшей крайней области
удерживал нелёгкое правленье ум,
Что еле видел
и медлительно искал;
Его природа здесь
близка земной природе нашей
И родственна обманчивой
и ненадёжной смертной мысли,

That looks from soil to sky and sky to soil
But knows not the below nor the beyond,
It only sensed itself and outward things.
This was the first means of our slow ascent
From the half-conscience of the animal soul
Living in a crowded press of shape-events
In a realm it cannot understand nor change;
Only it sees and acts in a given scene
And feels and joys and sorrows for a while.
The ideas that drive the obscure embodied spirit
Along the roads of suffering and desire
In a world that struggles to discover Truth,
Found here their power to be and Nature-force.
Here are devised the forms of an ignorant life

That sees the empiric fact as settled law,
Labours for the hour and not for eternity
And trades its gains to meet the moment's call:
The slow process of a material mind
Which serves the body it should rule and use

And needs to lean upon an erring sense,
Was born in that luminous obscurity.

Что смотрит — то с земли на небо,
то с небес на землю,
Не зная ни о том, что ниже,
ни о том, что за пределами,
И ощущает лишь себя
и внешний мир.
Тот ум был первым средством
нашего неспешного подъёма
От полуосознания
души животного,
Живущей в свалке
образов-событий,
В реальности, которую она
не может ни понять, ни изменить;
Она лишь видит, действует
в конкретной, заданной ей сцене,
И в это время радуется,
чувствует, страдает.
Идеи, что ведут
неясный воплощённый дух
Дорогами страданий и желаний
В том мире, что сражается,
стремясь увидеть Истину,
Нашли здесь силу быть,
свою Природу-силу.
Здесь, в этом плане бытия
изобретаются формации
невежественной жизни,
Что видит факты опыта
как установленный закон,
И трудится для часа,
а не ради вечности,
Своими благами торгует
под влиянием текущего момента:
Неторопливое движение
материального ума,
Который служит телу,
должен пользоваться им
и управлять,
И вынужден искать опору
в ошибающемся чувстве,
Родилось в той
светящейся неясности.

Advancing tardily from a limping start,
Crutching hypothesis on argument,
Throning its theories as certitudes,

It reasons from the half-known to the unknown,
Ever constructing its frail house of thought,
Ever undoing the web that it has spun.
A twilight sage whose shadow seems to him self,

Moving from minute to brief minute lives;
A king dependent on his satellites

Signs the decrees of ignorant ministers,
A judge in half-possession of his proofs,
A voice clamant of uncertainty's postulates,
An architect of knowledge, not its source.
This powerful bondslave of his instruments
Thinks his low station Nature's highest top,
Oblivious of his share in all things made
And haughtily humble in his own conceit
Believes himself a spawn of Matter's mud
And takes his own creations for his cause.
To eternal light and knowledge meant to rise,

Медлительно шагая
от хромающего старта,
Он опирается в гипотезах своих
на аргумент,
Свои теории возводит на престол
как несомненное,
И рассуждает, двигаясь
от полупонятого к неизвестному,
И постоянно конструирует
свою непрочную обитель мысли,
И постоянно разрушает сеть,
которая уже им сплетена.
Сидящий в сумерках мудрец,
что видит тень свою
как внутреннее “я”,
Живёт, от одного короткого мгновенья
до другого;
Царь, что зависит
от своих же подданных,
Подписывает все распоряжения
невежд-министров,
Судья, наполовину разобравшийся
в своих уликах,
Он — голос, шумно заявляющий
о постулатах неопределённости,
Он — архитектор знания,
но не его источник.
Могучий раб
своих же инструментов
Свой низший пост он видит
высшим достижением Природы,
Забыв, какой удел его
во всём творении
Высокомерно скромен он
в своём воображении,
Себя считает порожденьем
слякоти Материи,
И принимает за свою причину
всё то, что создал сам.
Нам предназначено
расти и подниматься
к вечным знаниям и свету,

Up from man's bare beginning is
our climb;
Out of earth's heavy smallness we
must break,
We must search our nature with
spiritual fire:

An insect crawl preludes our
glorious flight;

Our human state cradles the future
god,

Our mortal frailty an immortal
force.

От человеческой начальной стадии
наш путь идёт наверх;
Нам надо оторваться
от тяжёлой малости земли,
Нам нужно отыскать
свою природу
с факелом духовного огня:
И ползание насекомого —
прелюдия для нашего
великолепного полёта;
Так человеческое состояние
качает в колыбели
будущего бога,
А хрупкость смертного
готовит нам
бессмертное могущество.

At the glow-worm top of these
pale glimmer-realms
Where dawn-sheen gambolled
with the native dusk
And helped the Day to grow and
Night to fail,
Escaping over a wide and
shimmering bridge,
He came into a realm of early
Light
And the regency of a half-risen
sun.
Out of its rays our mind's full orb
was born.
Appointed by the Spirit of the
Worlds
To mediate with the unknowing
depths,
A prototypal deft Intelligence

Half-poised on equal wings of
thought and doubt

На светлячке-вершине этих бледных
и едва мерцающих земель,
Там, где сияние зари резвилось
с прирождённым сумраком
И помогало Дню расти,
а Ночи — становиться всё слабее,
Покинув это место по широкому,
искристому мосту,
Он[1] прибыл в царство
утреннего Света,
На попечение наполовину
показавшегося солнца.
Вся сфера нашего ума
родилась из его лучей.
Сам Дух Миров
назначил этот мир
Посредничать
с невежественной глубиной;
Как прототип искусного,
утонченного Интеллекта,
Полупаря на равных крыльях
мысли и сомнения,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

Toiled ceaselessly twixt being's
hidden ends.

A Secrecy breathed in life's
moving act;
A covert nurse of Nature's
miracles,
It shaped life's wonders out of
Matter's mud:
It cut the pattern of the shapes of
things,
It pitched mind's tent in the vague
ignorant Vast.

A master Magician of measure
and device
Has made an eternity from
recurring forms
And to the wandering spectator
thought
Assigned a seat on the inconscient
stage.
On earth by the will of this
Arch-Intelligence
A bodiless energy put on Matter's
robe;
Proton and photon served the
imager Eye
To change things subtle into a
physical world
And the invisible appeared as
shape
And the impalpable was felt as
mass:
Magic of percept joined with
concept's art

And lent to each object an
interpreting name:
Idea was disguised in a body's
artistry,

С трудом, настойчиво,
он продвигался
Меж скрытыми от глаза
полюсами бытия.
Дышала Тайна
в движущемся действе жизни;
Замаскированный кормилец
удивительных вещей Природы,
Он жизни чудеса лепил
из слякоти Материи:
Он вырезал узоры
обликов вещей,
Раскидывал шатёр ума
в неясности,
в незнающем Просторе.
Так главный Маг,
хозяин способа и меры,
Из повторяющихся форм
построил вечность,
И мысли,
как блуждающему наблюдателю,
Назначил место
в этой сцене несознания.
По воле Архи-Интеллекта
на земле,
Бесплотная энергия отныне
облачилась в одеяние Материи;
Протон с фотоном служат Глазу,
строящему образы,
Чтоб тонкие явленья превратились
в мир физический,
Невидимое проявилось
в виде формы,
Неосязаемое стало ощутимым,
стало массой:
Так магия процесса восприятия
слилась с искусством
построения понятий
И наделила все объекты
объясняющими именами:
Идею замаскировали
в артистизме тел,

And by a strange atomic law's mystique
A frame was made in which the sense could put
Its symbol picture of the universe.

Even a greater miracle was done.

The mediating light linked body's power,
The sleep and dreaming of the tree and plant,
The animal's vibrant sense, the thought in man,
To the effulgence of a Ray above.
Its skill endorsing Matter's right to think
Cut sentient passages for the mind of flesh
And found a means for Nescience to know.
Offering its little squares and cubes of word
As figured substitutes for reality,

A mummified mnemonic alphabet,
It helped the unseeing Force to read her works.
A buried consciousness arose in her
And now she dreams herself human and awake.
But all was still a mobile Ignorance;
Still Knowledge could not come and firmly grasp
This huge invention seen as a universe.
A specialist of logic's hard machine
Imposed its rigid artifice on the soul;

И мистикой причудливых законов поведенья атомов
Построили каркас, в который ощущение смогло вложить
Свой образ символической картины мира.
И даже сотворили чудо большего масштаба.
Посредник-свет соединил здесь силу тела,
Воображение и сон деревьев и растений,
Трепещущее чувство у животных, мысли в человеке
С сиянием Луча над нами.
Его искусство, поддержавшее права Материи на мысль,
Прорезало проходы-ощущенья для телесного ума
И для Незнанья отыскало способ знать.
Так, предлагая маленькие кубики и клетки слов
Как символические заменители реальности,
Тот мнемонический мумифицированный алфавит,
Незрячей Силе помогал читать её творения.
Сознание, когда-то похороненное, воскресает в ней,
И вот она себя воображает человеком, пробуждается от сна.
Однако всё пока что оставалось здесь изменчивым Невежеством;
И Знанье не могло ещё придти и крепкими руками взять
Гигантское изобретение, что выглядело как вселенная.
Специалист по строгой логике машин
Навязывал душе свои негибкие уловки;

An aide of the inventor intellect,
It cut Truth into manageable bits
That each might have his ration of thought-food,
Then new-built Truth's slain body by its art:
A robot exact and serviceable and false
Displaced the spirit's finer view of things:
A polished engine did the work of a god.
None the true body found, its soul seemed dead:
None had the inner look which sees Truth's whole;
All glorified the glittering substitute.
Then from the secret heights a wave swept down,
A brilliant chaos of rebel light arose;
It looked above and saw the dazzling peaks,
It looked within and woke the sleeping god.
Imagination called her shining squads
That venture into undiscovered scenes
Where all the marvels lurk none yet has known:
Lifting her beautiful and miraculous head,
She conspired with inspiration's sister brood

Помощник, служащий
изобретательному интеллекту,
Он резал Истину
удобными частями,
Чтоб каждый получил паёк свой
мысли-пищи, а потом —
Своим искусством заново выстраивал
загубленное тело Истины:
Став роботом, услужливым и точным,
но фальшивым,
Он вытеснил духовное,
утонченное виденье вещей:
Блестящая лощёная машина
делала работу бога.
Никто не находил в ней
истинной основы,
её душа казалась умершей:
Никто не обладал
тем взглядом изнутри,
что видит Истину как целое;
Всё прославляло
яркие на вид подмены.
Затем, с сокрытых ото всех высот
вниз пронеслась волна,
Поднялся хаос из сверкавшего,
бунтующего света;
Он посмотрел наверх —
увидел ослепительные пики,
Он заглянул вовнутрь —
и разбудил заснувшего там бога.
Воображение-богиня позвала
свои сверкающие эскадроны,
На это приключение
в ещё пока что
неоткрытых областях,
Где прятались ещё никем
не познанные чудеса:
Подняв свою прекрасную
и удивительную голову,
Она задумала,
договорившись со своей
сестрою-вдохновеньем,

To fill thought's skies with
glimmering nebulae.
A bright Error fringed the
mystery-altar's frieze;
Darkness grew nurse to wisdom's
occult sun,
Myth suckled knowledge with her
lustrous milk;
The infant passed from dim to
radiant breasts.

Thus worked the Power upon the
growing world;
Its subtle craft withheld the
full-orbed blaze,
Cherished the soul's childhood
and on fictions fed
Far richer in their sweet and
nectarous sap
Nourishing its immature divinity

Than the staple or dry straw of
Reason's tilth,
Its heaped fodder of innumerable
facts,
Plebeian fare on which today we
thrive.
Thus streamed down from the
realm of early Light
Ethereal thinkings into Matter's
world;
Its gold-horned herds trooped into
earth's cave-heart.

Its morning rays illume our
twilight's eyes,
Its young formations move the
mind of earth
To labour and to dream and
new-create,
To feel beauty's touch and know
the world and self:

Мерцающей туманностью
заполнить небо мысли.
По краю алтаря мистерии
расположилась яркая Ошибка;
Над сокровенным солнцем мудрости
нависла нянька — Темнота,
И вымыслы кормили знание
своим сверкавшим молоком;
Дитя переходило
от невыразительных грудей
к сияющим.
Вот так трудилась эта Сила
над растущим миром;
Её утонченное мастерство удерживало
полное своё великолепие,
Оберегало детство для души,
питая выдумками,
Которые в их сладостном
нектарном соке
Гораздо лучше вскармливали
юную божественность,
Чем грубое зерно и скучная солома
пашни Разума,
Его, лежащий кучами фураж
неисчислимых фактов,
Еда плебеев, на которой
мы сейчас растём.
Так устремлялся вниз
из царства утреннего Света
Поток эфирных мыслей
в мир Материи;
Их златорогие стада
гурьбою шли
в земную нишу сердца.
Своими ранними лучами
озаряя наши очи сумерек,
Их юные формации
толкали ум земли
Трудиться и мечтать,
и заново творить,
И чувствовать касанье красоты
и познавать себя и мир:

The Golden Child began to think
and see.

Так Золотой Ребёнок
начинал смотреть и размышлять.

In those bright realms are Mind's
first forward steps.
Ignorant of all but eager to know
all,
Its curious slow enquiry there
begins;
Ever its searching grasps at shapes
around,
Ever it hopes to find out greater
things.
Ardent and golden-gleamed with
sunrise fires,
Alert it lives upon invention's
verge.
Yet all it does is on an infant's
scale,
As if the cosmos were a nursery
game,
Mind, life the playthings of a
Titan's babe.
As one it works who builds a
mimic fort
Miraculously stable for a while,

Made of the sands upon a bank of
Time
Mid an occult eternity's shoreless
sea.
A small keen instrument the great
Puissance chose,
An arduous pastime passionately
pursues;
To teach the Ignorance is her
difficult charge,
Her thought starts from an original
nescient Void

And what she teaches she herself
must learn

В тех ярких царствах
делаются первые шаги Ума.
Во всём невежда,
но желающий всё знать,
Он начинает там пытливое
и медленное изучение;
Всё время поиски его
хватаются за образы вокруг,
Всё время он в надежде обнаружить
нечто более великое.
Сверкая золотом огней рассвета,
внимательный и пылкий ко всему,
Он обитает на границе
между реальностью и выдумкой.
Пока что все дела его —
на уровне младенца,
Как если б космос был
ребяческой игрой,
А жизнь и ум —
забавами дитя Титана.
Он трудится, как будто
делает игрушечную крепость,
Которая ещё пока стоит
каким-то чудом,
Построенную из песка
на отмели-наносе Времени
Средь океанской необъятности
оккультной вечности.
Великое Могущество избрало этот
маленький и острый инструмент,
Со страстью устремляясь
к трудным развлечениям;
Учить Невежество —
её нелёгкая забота,
Её мысль начинает путь
от неосознающей
изначальной Пустоты,
И то, чему она стремится научить,
она сама должна учиться,

Arousing knowledge from its sleepy lair.
For knowledge comes not to us as a guest
Called into our chamber from the outer world;
A friend and inmate of our secret self,
It hid behind our minds and fell asleep
And slowly wakes beneath the blows of life;
The mighty daemon lies unshaped within,
To evoke, to give it form is Nature's task.

All was a chaos of the true and false,
Mind sought amid deep mists of Nescience;
It looked within itself but saw not God.
A material interim diplomacy

Denied the Truth that transient truths might live

And hid the Deity in creed and guess
That the World-Ignorance might grow slowly wise.

This was the imbroglio made by sovereign Mind
Looking from a gleam-ridge into the Night
In her first tamperings with Inconscience:
Its alien dusk baffles her luminous eyes;

Стараясь знание поднять
из сонного убежища-берлоги.
Всё это потому, что знанье
не приходит к нам как гость,
Которого позвали в комнату
из внешней жизни;
Оно — поверенный, товарищ
нашей тайной внутренней души,
Оно сокрыто позади умов
и спит,
Неторопливо пробуждаясь
от ударов жизни;
Бесформенный, могучий даймон[1]
лежит у нас внутри,
Добиться пробуждения его,
и дать ему обличие —
задача для Природы.
Ну, а пока — всё оставалось хаосом
из истины и лжи,
Ум вёл свой поиск
посреди глубокой мглы Неведенья;
Он направлял взгляд внутрь себя,
но там не видел Бога.
Так дипломатия
материального посредника
Не подпускала Истину,
чтоб временные истины
могли бы жить,
Под догмами, догадками религий,
скрывала Божество,
Чтоб Мир Невежества
мог медленно расти
и становиться мудрым.
То было путаницей, созданной
высоким независимым Умом,
Что со своих сверкавщих пиков
вглядывался в Ночь
И наблюдал за первыми
вмешательствами Несознания:
Его чужие сумерки
сбивали с толку
ясные её[1] глаза;

[1] внутреннее божество, *прим.пер.*

Her rapid hands must learn a cautious zeal;

Only a slow advance the earth can bear.

Yet was her strength unlike the unseeing earth's

Compelled to handle makeshift instruments

Invented by the life-force and the flesh.

Earth all perceives through doubtful images,

All she conceives in hazardous jets of sight,

Small lights kindled by touches of groping thought.

Incapable of the soul's direct inlook

She sees by spasms and solders knowledge-scrap,

Makes Truth the slave-girl of her indigence,

Expelling Nature's mystic unity

Cuts into quantum and mass the moving All;

She takes for measuring-rod her ignorance.

In her own domain a pontiff and a seer,

That greater Power with her half-risen sun

Wrought within limits but possessed her field;

She knew by a privilege of thinking force

And claimed an infant sovereignty of sight.

Её стремительным рукам
пришлось учиться
осторожному усердию;
Лишь постепенное движение вперёд
способна вынести земля.
И всё же, сила у неё
другая, чем могущество
невидящей земли,
Что вынуждена брать кустарные
и временные инструменты,
Изобретаемые силой жизни
или плотью.
Земля воспринимает всё
через сомнительные образы,
Она всё постигает через
неустойчивые вспышки зрения,
Сквозь маленькие огоньки,
зажжённые касаньем мысли,
ищущей вслепую.
Так, неспособная
к прямому виденью души,
Она всё видит лишь обрывками,
сшивая лоскуты добытых знаний,
И превращает истину
в рабыню-девочку
для мелких нужд,
Отбросив всё мистическое
единение Природы,
На массы, кванты разбивает
динамичное Всецелое;
За измерительный шаблон
она берёт своё невежество.
В своих чертогах —
римский папа и провидец,
Та Сила, более великая,
с её полувзошедшим солнцем
Работала внутри пределов,
но обладала собственною сферой;
Она могла знать привилегией
владенья силой мысли,
Стремилась к зарождающейся
независимости видения.

---

[1] Природы, *прим.пер.*

In her eyes however darkly
fringed was lit
The Archangel's gaze who knows
inspired his acts

And shapes a world in its
far-seeing flame.
In her own realm she stumbles not
nor fails,

But moves in boundaries of subtle
power
Across which mind can step
towards the sun.
A candidate for a higher
suzerainty,
A passage she cut through from
Night to Light,
And searched for an ungrasped
Omniscience.

В её глазах, пусть окаймлённых
тёмной бахромой,
Светился взгляд Архангела,
что вдохновенно знает
все свои дела
И формирует мир в своём
смотрящем в дали пламени.
В своих владениях
она не спотыкается,
не знает неудачи,
Но движется в границах
тонкой силы,
Через которую ум может перейти,
шагнув по направленью к солнцу.
Как кандидат на
более высокое владычество,
Она рубила переход
из Ночи к Свету,
Отыскивая недоступное
Всеведенье.

A dwarf three-bodied trinity was
her serf.
First, smallest of the three, but
strong of limb,
A low-brow with a square and
heavy jowl,
A pigmy Thought needing to live
in bounds
For ever stooped to hammer fact
and form.
Absorbed and cabined in external
sight,
It takes its stand on Nature's solid
base.
A technician admirable, a thinker
crude,
A riveter of Life to habit's
grooves,
Obedient to gross Matter's
tyranny,

Трёхтелый, триединый карлик
был её рабом.
Так первый, самый маленький
из этих трёх, но сильный телом,
Непритязательный, с квадратной
и тяжёлой челюстью,
Пигмейский Бог Мышления,
которому необходимо жить в границах,
Ковал, согнувшись, постоянно
факты, форму.
Зажатый, поглощённый
внешним виденьем,
Свой уровень считал он
прочным основанием Природы.
Прекрасный техник,
но незрелый как мыслитель,
Привязывавший Жизнь
к знакомым колеям привычки,
Послушный тирании
грубости Материи

A prisoner of the moulds in which it works,
It binds itself by what itself creates.
A slave of a fixed mass of absolute rules,
It sees as Law the habits of the world,
It sees as Truth the habits of the mind.
In its realm of concrete images and events
Turning in a worn circle of ideas

And ever repeating old familiar acts,
It lives content with the common and the known.
It loves the old ground that was its dwelling-place:
Abhorring change as an audacious sin,
Distrustful of each new discovery

Only it advances step by careful step
And fears as if a deadly abyss the unknown.
A prudent treasurer of its ignorance,
It shrinks from adventure, blinks at glorious hope,

Preferring a safe foothold upon things
To the dangerous joy of wideness and of height.
The world's slow impressions on its labouring mind,
Tardy imprints almost indelible,

И узник тех шаблонов,
по которым он работает,
Он связывает сам себя
всем тем, что создаёт.
Раб неизменной массы
абсолютных правил,
Он видит, как Закон
привычки мира,
Как Истину —
привычки своего ума.
В своей стране
конкретных образов, событий,
Всё время двигаясь по кругу
из избитых мыслей и идей
И постоянно повторяя
старые привычные дела,
Живёт, довольный он
обычным и понятным.
Он любит землю,
где он прежде обитал:
Так, ненавидя измененье
словно страшный грех,
И подозрительный к любому
новому открытию,
Он осторожно продвигается,
ступая шаг за шагом,
И как смертельной пропасти
боится неизвестного.
Расчётливый хранитель
своего невежества,
Он прочь бежит
от риска приключения,
Закрыв глаза
на славную надежду,
Предпочитая больше
твёрдую опору из вещей
Опасной радости
просторов и высот.
Неспешные картины мира,
отражённые в его трудящемся уме,
Почти неизгладимые,
медлительные отпечатки,

Increase their value by their poverty;
The old sure memories are its capital stock:
Only what sense can grasp seems absolute:

External fact it figures as sole truth,

Wisdom identifies with the earthward look,
And things long known and actions always done

Are to its clinging hold a balustrade
Of safety on the perilous stair of Time.
Heaven’s trust to it are the established ancient ways,

Immutable laws man has no right to change,

A sacred legacy from the great dead past
Or the one road that God has made for life,

A firm shape of Nature never to be changed,
Part of the huge routine of the universe.
A smile from the Preserver of the Worlds
Sent down of old this guardian Mind to earth
That all might stand in their fixed changeless type

Благодаря их скудости
становятся ещё ценнее;
Надёжные знакомые воспоминанья —
главной капитал:
Лишь то, что можно
получить от чувства,
он считает абсолютным:
Извне пришедший факт
он видит, как
единственную истину,
Отождествляет мудрость
с приземлённым взглядом,
А вещи, что давно ему известны
и дела, которые
всегда он выполнял —
В его цепляющемся понимании
подобны балюстраде безопасности
На длинных и опасных
лестничных пролётах Времени.
Так для него доверие небес —
давно укоренившиеся,
древние пути,
И непреложные законы,
которых люди
не имеют права изменять,
Священное наследие
великого и умершего прошлого
Или один единственный
возможный путь,
что Бог нам дал для жизни,
Устойчивое состояние Природы,
что никогда не будет изменяться,
И часть гигантского
порядка во вселенной.
Улыбка самого
Хранителя Миров[1]
Издревле посылалась вниз, на землю,
этому опекуну-Уму,
Чтоб всё могло здесь стать устойчивым
в своём назначенном
и неизменном типе

[1] Бога Вишну, *прим.пер.*

And from their secular posture
never move.
One sees it circling faithful to its
task,
Tireless in an assigned tradition's
round;
In decayed and crumbling offices
of Time
It keeps close guard in front of
custom's wall,
Or in an ancient Night's dim
environs

It dozes on a little courtyard's
stones
And barks at every unfamiliar
light
As at a foe who would break up its
home,

A watch-dog of the spirit's
sense-railed house
Against intruders from the
Invisible,
Nourished on scraps of life and
Matter's bones
In its kennel of objective certitude.

And yet behind it stands a cosmic
might:
A measured Greatness keeps its
vaster plan,
A fathomless sameness rhythms
the tread of life;
The stars' changeless orbits
furrow inert Space,

A million species follow one mute
Law.
A huge inertness is the world's
defence,
Even in change is treasured
changelessness;

И никогда не отходить от
многовекового положения.
Мы видим, как он кружится,
как верен он своей задаче,
Неутомим в предписанном
традициями круге;
В хиреющих и распадающихся
учрежденьях Времени
Несёт он строгую охрану
у стены обычая,
Или, возможно,
в тусклом окруженьи
древней Ночи
Насторожённо спит
на камнях небольшого дворика,
Облаивает каждый
незнакомый свет
Как будто это враг,
что может силою вломиться
в дверь его жилища,
Сторожевой пёс дома духа,
обнесённого забором чувств,
Чтоб не вторгались
гости из Незримого;
Его вскормили на объедках жизни
и костях Материи,
В собачей конуре
материальной предопределённости.
И всё же, и за ним
стоит космическая сила:
Размеренное, ровное Величие
несёт свой грандиозный план,
Непостижимая похожесть
отмеряет ритмы хода жизни;
Инертное Пространство
бороздят одни и те же,
неизменные орбиты звёзд,
И миллионы видов подчиняются
единому безмолвному Закону.
Гигантская инертность —
вот защита мира.
И даже в измененьи
бережно хранится неизменность;

Into inertia revolution sinks,
In a new dress the old resumes its role;
The Energy acts, the stable is its seal:
On Shiva's breast is stayed the enormous dance.

A fiery spirit came, next of the three.
A hunchback rider of the red Wild-Ass,
A rash Intelligence leaped down lion-maned
From the great mystic Flame that rings the worlds

And with its dire edge eats at being's heart.
Thence sprang the burning vision of Desire.
A thousand shapes it wore, took numberless names:
A need of multitude and uncertainty
Pricks it for ever to pursue the One
On countless roads across the vasts of Time

Through circuits of unending difference.
It burns all breasts with an ambiguous fire.
A radiance gleaming on a murky stream,
It flamed towards heaven, then sank, engulfed, towards hell;

В инерции слабеют,
тонут революции,
И в новом одеяньи, старое —
всё ту же продолжает роль;
Так действует Энергия,
устойчивость — её печать:
И на груди у Шивы
продолжается громадный танец.

Дух огненный пришёл,
второй из трёх.
Горбун-наездник
красного Осла Безумств,
Стремительный и безрассудный Интеллект,
со львиной гривой,
Вниз спрыгнул из
великого мистического Пламени,
Что окружает все миры
и поедает их
Со своего ужасного ножа
в глубинном сердце бытия.
Затем оттуда прыгнуло
горящее видение Желания.
Носил он[1] тысячи обличий,
принимал бесчисленные имена:
Необходимость в множестве
и неопределённости
Его пришпоривает
вечно и всегда
Преследовать Единого
по всем бесчисленным дорогам
на просторах Времени,
По всем круговоротам
бесконечного различия.
У всех он обжигает грудь
своим двусмысленным огнём.
Сияние, что отражается
от мрачного потока,
Он огненным столбом
шёл в небеса,
Затем, поверженный,
он падал в ад;

[1] Интеллект, *прим.пер.*

It climbed to drag down Truth into the mire
And used for muddy ends its brilliant Force;
A huge chameleon gold and blue and red
Turning to black and grey and lurid brown,
Hungry it stared from a mottled bough of life
To snap up insect joys, its favourite food,
The dingy sustenance of a sumptuous frame
Nursing the splendid passion of its hues.
A snake of flame with a dull cloud for tail,

Followed by a dream-brood of glittering thoughts,
A lifted head with many-tinged flickering crests,
It licked at knowledge with a smoky tongue.
A whirlpool sucking in an empty air,
It based on vacancy stupendous claims,
In Nothingness born to Nothingness returned,
Yet all the time unwittingly it drove
Towards the hidden Something that is All.
Ardent to find, incapable to retain,

A brilliant instability was its mark,

To err its inborn trend, its native cue.
At once to an unreflecting credence prone,

Он поднимался, чтоб
тащить в болото Истину,
И пользовался в грязных целях
своей сверкавшей Силой;
Хамелеон громадного размера,
то золотой, то голубой, то алый,
Он превращался
в чёрного, коричневого, серого,
Голодный, всматривался
с пёстрых веток жизни,
Чтобы ухватить ничтожных радостей,
его любимую еду,
Сомнительную пищу для его
богатой, пышной оболочки,
Кормившую его роскошную
и страстную игру оттенков цвета.
Он был как змей из пламени
с неясным облаком на месте,
где, обычно, хвост,
Потом шли грёзы-размышления
мерцавших мыслей,
И поднятая голова с цветастыми
трепещущими гребешками,
Которая на знание
облизывалась дымным языком.
Водоворот, засасывающий
в пустую атмосферу,
Он возводил на пустоте
огромные претензии,
В Ничто рождённый,
возвращался вновь в Ничто,
Хотя, при этом, всю дорогу
он невольно правил
К сокрытому, неведомому Нечто,
которое есть Всё.
Горячий, страстный в поиске,
но неспособный удержать,
Сверкающая нестабильность —
характерная его черта,
Блуждать — его обычная манера,
склонность от рождения.
И в то же время, тянущийся
к безрассудной вере,

It thought all true that flattered its own hopes;
It cherished golden nothings born of wish,
It snatched at the unreal for provender.
In darkness it discovered luminous shapes;
Peering into a shadow-hung half-light
It saw hued images scrawled on Fancy's cave;
Or it swept in circles through conjecture's night
And caught in imagination's camera
Bright scenes of promise held by transient flares,
Fixed in life's air the feet of hurrying dreams,
Kept prints of passing Forms and hooded Powers
And flash-images of half-seen verities.
An eager spring to seize and to possess
Unguided by reason or the seeing soul
Was its first natural motion and its last,
It squandered life's force to achieve the impossible:
It scorned the straight road and ran on wandering curves
And left what it had won for untried things;

Он видел истинным всё то,
что льстило собственным
его надеждам;
Лелеял золотые пустяки,
рождённые желанием,
Хватал всё нереальное
и делал это пищей.
Во тьме он открывал
светящиеся формы;
И вглядываясь в полутёмную
подвешенную тень,
Он видел разноцветные виденья,
нарисованные на стенах
пещер Фантазии;
Бывало, он описывал круги
в ночи предположения
И в фотокамеру воображения
способен был поймать
Блестящие, живые сцены обещания,
ухваченные в тех
мгновенных вспышках,
И в воздух жизни привлекал
шаги спешащих к нам
мечтаний,
Надолго сохраняя отпечатки
мимолётных Форм,
И скрытых под покровами
Энергий,
И вспышки-образы
наполовину видимых нам истин.
Нетерпеливо броситься,
схватить и овладеть,
Не подчиняясь ни рассудку,
ни глядящей внутрь душе,
Его естественное первое движение,
оно же и последнее,
Он щедро тратил силу жизни,
стремясь добиться невозможного:
Он презирал прямые, ровные пути,
носился по извилистым кривым,
И оставлял свои завоевания
для неиспытанных вещей;

It saw unrealised aims as instant fate
And chose the precipice for its leap to heaven.
Adventure its system in the gamble of life,
It took fortuitous gains as safe results;
Error discouraged not its confident view
Ignorant of the deep law of being's ways
And failure could not slow its fiery clutch;
One chance made true warranted all the rest.
Attempt, not victory, was the charm of life.
An uncertain winner of uncertain stakes,
Instinct its dam and the life-mind its sire,
It ran its race and came in first or last.

Yet were its works nor small and vain nor null;

It nursed a portion of infinity's strength
And could create the high things its fancy willed;

Its passion caught what calm intelligence missed.
Insight of impulse laid its leaping grasp
On heavens high Thought had hidden in dazzling mist,
Caught glimmers that revealed a lurking sun:

Он видел нереализованные цели
настоятельной судьбой,
И выбирал обрыв
чтоб прыгнуть в небеса.
В азартных играх жизни
авантюра — главная его система,
Случайные удачи принимал он
за надёжный результат;
Ошибка не могла смутить
его уверенный в успехе взгляд,
Не знавший про глубокие законы
путей существования,
А неудача не могла замедлить
пылкой хватки;
Один возможный шанс
оправдывал всё остальное.
Попытка, не победа,
была очарованьем жизни.
Сомнительный призёр
в сомнительной игре,
Инстинкт был матерью его,
ум жизни был отцом,
Он постоянно в гонке,
и приходит —
первым иль последним.
И всё-таки, его труд был
ни мелким, ни напрасным,
ни пустым;
Он вскармливал часть
силы бесконечности
И мог творить высокое,
всё, что могла лишь
пожелать его фантазия;
В нем страсть ухватывала то,
что упускал спокойный интеллект.
И озаренье импульса дотягивало
прыгнувшее пониманье до небес,
Которые возвышенная Мысль
скрывала в ослепляющем тумане,
Улавливая только блеск,
что выдавал
таившееся солнце:

It probed the void and found a
treasure there.
A half-intuition purpled in its
sense;
It threw the lightning's fork and
hit the unseen.
It saw in the dark and vaguely
blinked in the light,
Ignorance was its field, the
unknown its prize.

Of all these Powers the greatest
was the last.
Arriving late from a far plane of
thought
Into a packed irrational world of
Chance
Where all was grossly felt and
blindly done,
Yet the haphazard seemed the
inevitable,
Came Reason, the squat godhead
artisan,
To her narrow house upon a ridge
in Time.
Adept of clear contrivance and
design,
A pensive face and close and
peering eyes,
She took her firm and irremovable
seat,
The strongest, wisest of the
troll-like Three.
Armed with her lens and
measuring-rod and probe,
She looked upon an object
universe
And the multitudes that in it live
and die
And the body of Space and the
fleeing soul of Time,
And took the earth and stars into
her hands

Он направлял свой поиск в пустоту
и находил в той пустоте сокровище.
Так полуинтуиция
окрашивала в пурпур чувства;
Кидая вилы озарения
он попадал в незримое.
Он видел в темноте
и щурился беспомощно при свете,
Невежество — его большое поле,
а неведомое — приз.

Из всех тех Сил последняя
была и самою великой.
Явившись, под конец,
из дальней сферы мысли
В наш иррациональный,
переполненный мир Случая,
Где грубо всё для чувств
и слепо сделано,
И сделанное наугад
нам предстаёт как неизбежное,
Пришла Богиня Разума,
в обличии приземистой мастеровой,
В свой тесный дом
на горном гребне Времени.
Эксперт по замыслу
и чистой выдумке,
С задумчивым лицом,
внимательным и острым взглядом,
Она заняла прочное своё
и несменяемое место,
Сильнейшая, умнейшая
из той троллеподобной Троицы.
Вооружившись линзами,
линейкою и зондом,
Она смотрела на вселенную,
как на объект,
На множество существ,
что в ней живут и умирают,
На тело Космоса-Пространства
и на пролетающую душу Времени,
Затем брала всю землю, звёзды
в собственные руки,

To try what she could make of
these strange things.
In her strong purposeful laborious
mind,
Inventing her scheme-lines of
reality
And the geometric curves of her
time-plan,
She multiplied her slow half-cuts
at Truth:
Impatient of enigma and the
unknown,
Intolerant of the lawless and the
unique,
Imposing reflection on the march
of Force,
Imposing clarity on the
unfathomable,
She strove to reduce to rules the
mystic world.
Nothing she knew but all things
hoped to know.
In dark inconscient realms once
void of thought,
Missioned by a supreme
Intelligence
To throw its ray upon the obscure
Vast,
An imperfect light leading an
erring mass
By the power of sense and the
idea and word,
She ferrets out Nature's process,
substance, cause.
All life to harmonise by thought's
control,
She with the huge imbroglio
struggles still;
Ignorant of all but her own
seeking mind

To save the world from Ignorance
she came.

Попробовать, что можно сделать
с теми странными вещами.
В своём могучем целеустремлённом
и старательном уме,
Изобретая собственные
схемы-очертания реальности,
Геометрические линии кривых
её по времени расписанного плана,
Она приумножала медленные
половинчатые вырезки из Истины:
Не терпящая всё загадочное,
неизвестное,
И нетерпимая к тому, что уникально
и не подчиняется закону,
Навязывая рефлексию
маршу Силы,
Навязывая ясность, чистоту
неизмеримому,
Она стремилась к правилам свести
мистический наш мир.
Она не знала ничего,
но всё надеялась познать.
Так, в некогда лишённых мысли,
тёмных царствах несознания,
Однажды посланная
высшим Интеллектом,
Чтоб бросить луч его
на тусклые Просторы,
И на несовершенный свет,
ведущий ошибавшуюся массу
Могуществом идеи,
слова, чувств,
Она исследует процесс, причину
и субстанцию Природы.
И чтобы привести всю жизнь
в гармонию под управлением мысли,
Она до сей поры сражается
с гигантским беспорядком;
Невежественная во всём,
за исключеньем своего
пытливого ума,
Она пришла спасти
мир от Невежества.

A sovereign worker through the centuries
Observing and remoulding all that is,
Confident she took up her stupendous charge.
There the low bent and mighty figure sits
Bowed under the arc-lamps of her factory home

Amid the clatter and ringing of her tools.
A rigorous stare in her creative eyes
Coercing the plastic stuff of cosmic Mind,

She sets the hard inventions of her brain
In a pattern of eternal fixity:
Indifferent to the cosmic dumb demand,
Unconscious of too close realities,

Of the unspoken thought, the voiceless heart,
She leans to forge her credos and iron codes
And metal structures to imprison life
And mechanic models of all things that are.
For the world seen she weaves a world conceived:
She spins in stiff but unsubstantial lines
Her gossamer word-webs of abstract thought,

Her segment systems of the Infinite,

Прекрасная работница,
на протяжении столетий
Она смотрела, изучая, перестраивая
всё, что существует,
Самоуверенно взвалив себе на плечи
свой огромный замысел.
Склонившись низко,
напряжённая, могучая фигура
Сидит, согнувшись,
в заводском цеху,
под тусклым светом лампы,
Средь грохота и визга
инструментов.
И строгий взгляд её очей,
творящих новое,
Умело заставляет подчиняться
пластичную материю
вселенского Ума,
И вкладывает сложные изобретенья
собственного мозга
В шаблоны вечной неизменности:
Так, безразличная к безмолвному
космическому требованию,
Не ведая о слишком близко
находящихся реальностях,
О молчаливой мысли,
о беззвучном сердце,
Она склоняется ковать
свои стальные кодексы и убеждения,
Железные структуры
для посаженной в темницу жизни,
И механические обобщённые модели
для всего, что существует.
Для мира зримого
она ткёт мир задуманный:
Она сплетает в плотных,
хоть и неовеществлённых линиях
Свою изысканную ткань
словесных паутин
абстрактной мысли,
Свои частичные системы
Бесконечности,

Her theodicies and cosmogonic charts
And myths by which she explains the inexplicable.

At will she spaces in thin air of mind

Like maps in the school-house of intellect hung,
Forcing wide Truth into a narrow scheme,

Her numberless warring strict philosophies;
Out of Nature's body of phenomenon
She carves with Thought's keen edge in rigid lines,
Like rails for the World-Magician's power to run,
Her sciences precise and absolute.

On the huge bare walls of human nescience
Written round Nature's deep dumb hieroglyphs

She pens in clear demotic characters
The vast encyclopaedia of her thoughts;
An algebra of her mathematics' signs,
Her numbers and unerring formulas
She builds to clinch her summary of things.
On all sides runs as if in a cosmic mosque
Tracing the scriptural verses of her laws

Свои теодицеи
и космогонические диаграммы,
И вымыслы, которыми
она способна объяснить
необъяснимое.
Она развешивает
в тонком воздухе ума,
по собственному усмотрению
Подобно картам, что висят
на стенах школы интеллекта,
Стараясь затолкать
широкую большую Истину
в искусственную узость схемы,
Свои бесчисленные строгие
враждующие философии;
Она выкраивает
острой бритвой Мысли
Из корпуса проявленной Природы
жёсткие края,
Похожие на рельсы,
по которым сила Мира-Мага
понесётся вдаль,
Свои науки,
точные и абсолютные.
На высоченных голых стенах
неведения человека,
Исписанных кругом
глубокими немыми
иероглифами-знаками Природы,
Она записывает ясными,
понятными всем буквами
Обширную энциклопедию
своих идей и мыслей;
Она выстраивает алгебру
своих математических обозначений,
И безошибочные формулы,
и числа,
Чтоб окончательно подбить
итог свой всех вещей.
И как в космической мечети,
в каждом направлении бежит,
Выписывая тщательно
священные стихи её законов,

The daedal of her patterned arabesques,
Art of her wisdom, artifice of her lore.
This art, this artifice are her only stock.
In her high works of pure intelligence,
In her withdrawal from the senses' trap,
There comes no breaking of the walls of mind,
There leaps no rending flash of absolute power,
There dawns no light of heavenly certitude.
A million faces wears her knowledge here
And every face is turbaned with a doubt.
All now is questioned, all reduced to nought.
Once monumental in their massive craft
Her old great mythic writings disappear
And into their place start strict ephemeral signs;
This constant change spells progress to her eyes:

Her thought is an endless march without a goal.

There is no summit on which she can stand
And see in a single glance the Infinite's whole.
An inconclusive play is Reason's toil.

Затейливая вязь
её украшенных узором арабесок,
Искусство мудрости её,
изобретенье эрудиции.
Искусство это и изобретение —
её единственные капиталы.
В её возвышенных твореньях
чистой силы интеллекта,
В её уменьи выбираться
из ловушки чувств,
Не происходит разрушений
стен ума,
Не возникает разрывающая вспышка
абсолютной силы,
Не разгорается зарёю
свет божественной уверенности.
Её познания здесь одевают
миллионы обликов, личин,
Но все они увенчаны
тюрбанами сомнения.
Всё ныне под вопросом,
или сводится к ничто.
Монументальные когда-то
в массовом своём обмане,
Её мифические древние
великие преданья исчезают,
И на их месте возникают строгие,
но эфемерно существующие символы;
В её глазах
идущее всё время измененье
означает ход прогресса:
И мысль её —
какой-то бесконечный марш
без всякой цели.
И нет вершины, на которую
она могла бы встать,
Единым взглядом охватив
всю Бесконечность.
Незавершённая игра —
вот тяжкий труд
Богини Разума.

Each strong idea can use her as its tool;
Accepting every brief she pleads her case.

Open to every thought, she cannot know.
The eternal Advocate seated as judge
Armours in logic's invulnerable mail
A thousand combatants for Truth's veiled throne

And sets on a high horse-back of argument
To tilt for ever with a wordy lance

In a mock tournament where none can win.
Assaying thought's values with her rigid tests
Balanced she sits on wide and empty air,
Aloof and pure in her impartial poise.
Absolute her judgments seem but none is sure;
Time cancels all her verdicts in appeal.
Although like sunbeams to our glow-worm mind

Her knowledge feigns to fall from a clear heaven,

Its rays are a lantern's lustres in the Night;
She throws a glittering robe on Ignorance.

Любая сильная идея
может пользоваться ею
словно инструментом;
Во всяком деле,
принятом в суде,
Она отстаивает только
собственный свой случай.
Хотя она открыта каждой мысли,
она не может знать.
Она, как вечный Адвокат,
в судейском кресле,
Одев в неуязвимую
кольчугу логики
Десятки тысяч воинов,
что охраняют
трон сокрытой Истины
Садится на высокий
лошадиный круп дискуссии,
Чтобы вечно биться
копьями из слов
В пародии-турнире,
где никто не может победить.
Испытывая смыслы и значенья мысли
косными своими тестами,
Она сидит, поддерживая равновесие,
в пустой, широкой атмосфере,
Поодаль, чистая,
в своей бесстрастной позе.
Её сужденья предстают как абсолютные,
но нет ни одного надёжного;
И Время отменяет все её решения
при аппеляции.
Хотя, подобное потокам
солнечных лучей
для наших светлячков-умов,
Её накопленное знанье притворяется,
что падает
из чистоты небес,
Его лучи — неяркий отсвет
фонаря в Ночи;
Она всего лишь
одевает яркие одежды
на Невежество.

But now is lost her ancient
sovereign claim

To rule mind's high realm in her
absolute right,
Bind thought with logic's forged
infallible chain
Or see truth nude in a bright
abstract haze.

A master and slave of stark
phenomenon,
She travels on the roads of erring
sight
Or looks upon a set mechanical
world
Constructed for her by her
instruments.
A bullock yoked in the cart of
proven fact,
She drags huge knowledge-bales
through Matter's dust
To reach utility's immense bazaar.

Apprentice she has grown to her
old drudge;

An aided sense is her seeking's
arbiter.
This now she uses as the assayer's
stone.
As if she knew not facts are husks
of truth,
The husks she keeps, the kernel
throws aside.
An ancient wisdom fades into the
past,
The ages' faith becomes an idle
tale,
God passes out of the awakened
thought,

Но в наши времена утрачена
её величественная
древняя претензия
Повелевать высокой сферою ума,
имея абсолютные права,
И связывать мышление непогрешимой
кованою цепью логики,
Иль видеть образ
неприкрытой истины
В абстрактном ослепляющем тумане.
Хозяйка и раба
застывшего явления,
Она, бывает, бродит по дорогам
склонного к ошибкам зрения,
Иль смотрит на установившийся
механистичный мир,
Что для неё построен
с помощью её же инструментов.
Как вол, запряжённый в телегу
верного, доказанного факта,
Она везёт огромные тюки познаний
средь пыли Материи,
Стремясь попасть
на необъятный рынок
выгоды и пользы.
Из ученицы-новичка она сумела
вырастить себе испытанную
старую работницу;
И помогающее ощущение —
арбитр её исканий.
Она использует его сейчас
как пробный камень.
И словно бы не ведая, что факты —
лишь скорлупки истины,
Она скорлупки бережёт,
а ядрышко отбрасывает прочь.
Так мудрость древних
постепенно тает в прошлом,
И многовековая вера превращается
в пустую, праздную историю,
Уходит Бог
из просыпающейся мысли,

An old discarded dream needed no more:
Only she seeks mechanic Nature's keys.
Interpreting stone-laws inevitable

She digs into Matter's hard concealing soil,
To unearth the processes of all things done.

A loaded huge self-worked machine appears
To her eye's eager and admiring stare,
An intricate and meaningless enginery
Of ordered fateful and unfailing Chance:
Ingenious and meticulous and minute,
Its brute unconscious accurate device
Unrolls an unerring march, maps a sure road;
It plans without thinking, acts without a will,
A million purposes serves with purpose none
And builds a rational world without a mind.
It has no mover, no maker, no idea:
Its vast self-action toils without a cause;
A lifeless Energy irresistibly driven,
Death's head on the body of Necessity,
Engenders life and fathers consciousness,

Отброшенные старые мечты
ей больше не нужны:
Она отыскивает ключ
лишь к механической Природе.
И принимая каменный закон
за неизбежное,
Она копается в застывшей,
прячущей земле Материи,
Стремясь найти
источники процессов
для всего творения.
И появляется гигантская, загруженная
и работающая сама машина
Перед её нетерпеливым,
восхищённым взглядом,
Запутанная и бессмысленная
машинерия
Отточенного, рокового,
безошибочного Случая:
Её искусное,
детальное, дотошное,
Жестокое, несознающее,
но аккуратное устройство
Развёртывает свой непогрешимый марш
и чертит безопасный путь;
Оно планирует без размышлений,
действует без собственных желаний,
И миллиону целей служит
безо всякой цели,
И создаёт рациональный мир,
не пользуясь умом.
Нет у него ни двигателя, ни создателя,
ни направляющей идеи:
Его широкое самостоятельное действие
идёт без принуждающей причины;
Неудержимо направляемая,
неодушевлённая Энергия,
И с головою Смерти, что венчает тело
настоятельной Потребности,
Рождает жизнь,
становится отцом сознанию,

Then wonders why all was and whence it came.

Our thoughts are parts of the immense machine,
Our ponderings but a freak of Matter's law,
The mystic's lore was a fancy or a blind;
Of soul or spirit we have now no need:
Matter is the admirable Reality,

The patent unescapable miracle,
The hard truth of things, simple, eternal, sole.
A suicidal rash expenditure

Creating the world by a mystery of self-loss
Has poured its scattered works on empty Space;

Late shall the self-disintegrating Force
Contract the immense expansion it has made:
Then ends this mighty and unmeaning toil,
The Void is left bare, vacant as before.
Thus vindicated, crowned, the grand new Thought
Explained the world and mastered all its laws,
Touched the dumb roots, woke veiled tremendous powers;
It bound to service the unconscious djinns
That sleep unused in Matter's ignorant trance.

И после удивляется —
зачем всё это было
и откуда что пришло.
Все наши мысли — части
этой коллосальнейшей машины,
Раздумья наши — лишь причуда,
разрешённая законами Материи,
Мистическое знанье было
или выдумкой, иль слепотой;
Душа и дух сейчас
нам стали не нужны:
Материя является
прекрасною Реальностью,
Запатентованным и неизбежным чудом,
И твёрдой истиной всего,
простой, единственной и вечной.
Стремительная и
самоубийственная щедрость,
Творящая вселенную
мистерией самопотери,
Разлила по пустому Космосу
свои разбросанные
тут и там творения;
А после — эта
саморазрушающая Сила
Сожмёт безмерное пространство,
ею сотворённое:
Затем закончит этот весь
бессмысленный, могучий труд,
Останется лишь Пустота,
свободная и голая, как прежде.
Вот так, доказанная, коронованная,
новая, возвышенная Мысль
Описывала, объясняла мир,
осваивала все его законы,
Дотрагивалась до его немых корней,
будила скрытые громадные энергии,
И вынуждала ей служить
несознающих джиннов,
Которые, попав в невежественный
транс Материи,
Так до сих пор и спят,
без всякой пользы.

All was precise, rigid, indubitable.

But when on Matter's rock of ages based
A whole stood up firm and clear-cut and safe,

All staggered back into a sea of doubt;
This solid scheme melted in endless flux:
She had met the formless Power inventor of forms;

Suddenly she stumbled upon things unseen:
A lightning from the undiscovered Truth
Startled her eyes with its perplexing glare

And dug a gulf between the Real and Known
Till all her knowledge seemed an ignorance.
Once more the world was made a wonder-web,
A magic's process in a magical space,
An unintelligible miracle's depths
Whose source is lost in the Ineffable.
Once more we face the blank Unknowable.

In a crash of values, in a huge doom-crack,
In the sputter and scatter of her breaking work
She lost her clear conserved constructed world.

Всё было точно,
жёстко и бесспорно.
И вот, когда на многовековой
скале Материи
Обосновалось нечто целое,
и встало твёрдо и надёжно,
с чёткими границами,
Всё отшатнулось прочь, назад,
в моря сомнения
И эта прочная система растворилась
в нескончаемом потоке:
Так встретила она[1]
бесформенную Силу,
автора всех форм;
Внезапно для себя
она споткнулась об незримое:
И молния
из неоткрытой Истины
Ей начала слепить глаза
своим ошеломляющим,
невыносимым блеском
И углубляла пропасть
меж Реальностью и Познанным,
Пока все знания свои
не показались ей невежеством.
Мир снова стал
переплетением чудес,
Движеньем магии
в магическом пространстве,
Неясными глубинами чудесного,
Начала у которого затеряны
в Невыразимом.
И снова встретились лицом к лицу
мы с чистым, подлинным
Непознаваемым.
В крушеньи ценностей,
в гигантском роковом надломе,
В разбрасывании и превращеньи в пыль
её разваленной работы,
Она теряла ясный неизменный,
сконструированный мир.

[1] Богиня Разума, *прим.пер.*

A quantum dance remained, a sprawl of chance
In Energy's stupendous tripping whirl:
A ceaseless motion in the unbounded Void
Invented forms without a thought or aim:
Necessity and Cause were shapeless ghosts;
Matter was an incident in being's flow,
Law but a clock-work habit of blind force.
Ideals, ethics, systems had no base

And soon collapsed or without sanction lived;
All grew a chaos, a heave and clash and strife.
Ideas warring and fierce leaped upon life;

A hard compression held down anarchy
And liberty was only a phantom's name:
Creation and destruction waltzed inarmed
On the bosom of a torn and quaking earth;
All reeled into a world of Kali's dance.
Thus tumbled, sinking, sprawling in the Void,
Clutching for props, a soil on which to stand,
She only saw a thin atomic Vast,

The rare-point sparse substratum universe

Лишь оставался танец квантов,
неуклюжее движенье случая
В огромном, перепутанном
вращении Энергии:
И беспрестанное движенье
в безграничной Пустоте
Изобретало формы
безо всякой мысли или цели:
Необходимость и Причина
были как бесформенные призраки;
Материя была случайностью
в потоке бытия,
Закон — лишь заведённой, как часы
привычкою ослепшей силы.
Системы, этика, и идеалы —
теряли всякую основу
И вскоре разрушались или жили,
потеряв на это санкцию;
Всё превращалось в хаос, качку,
столкновенья и борьбу.
Неистовые и
враждующие меж собой идеи
прыгали на жизнь;
Тяжёлое давленье насаждало
в ней анархию,
Свобода оборачивалась
именем для фикции:
Творение и разрушенье
танцевали вальс,
Обнявшись на груди
израненной, трясущейся земли;
И всё вертелось
в мире танца Кали.
Так рушась, оседая,
расползаясь в Пустоте,
Хватаясь за подпорки, почву,
чтобы встать,
Она могла лишь видеть
тонкий атомный Простор,
Отдельные вкрапления
рассеянной субстанции вселенной,

On which floats a solid world's
phenomenal face.

Alone a process of events was
there
And Nature's plastic and protean
change
And, strong by death to slay or to
create,
The riven invisible atom's
omnipotent force.
One chance remained that here
might be a power
To liberate man from the old
inadequate means
And leave him sovereign of the
earthly scene.
For Reason then might grasp the
original Force
To drive her car upon the roads of
Time.
All then might serve the need of
the thinking race,
An absolute State found order's
absolute,
To a standardised perfection cut
all things,
In society build a just exact
machine.

Then science and reason careless
of the soul
Could iron out a tranquil uniform
world,
Aeonic seekings glut with outward
truths
And a single-patterned thinking
force on mind,
Inflicting Matter's logic on
Spirit's dreams
A reasonable animal make of man

Что держит на плаву
феноменальный облик
нашего устойчивного мира.
Там оставался лишь
поток событий,
Пластичная, разнообразная
изменчивость Природы,
И, смертью сильная,
нацеленная убивать иль создавать,
Всепобеждающая сила
расщеплённого невидимого атома.
Был шанс, что здесь
скрывается энергия,
Способная освободить людей
от старых и несовершенных средств,
Оставив человека повелителем
земной широкой сцены.
Богиня Разума могла бы ухватить
первоначальное Могущество,
И повести свою машину
по дорогам Времени.
Тогда бы всё служило нуждам
этой думающей расы,
И в абсолютном Государстве
воцарился б абсолют порядка,
Всё стало бы урезано
до типового совершенства,
А общество бы превратили
в основанную на законе
точную машину.
Затем наука, разум,
не заботясь о душе,
Смогли бы разутюжить всё
в спокойный и однообразный мир,
Извечные искания свели бы
к внешним истинами,
А ум заставили бы думать,
по единому шаблону,
Воображенью Духа
навязали б логику Материи,
Из человека сотворили бы
разумное животное

And a symmetrical fabric of his life.
This would be Nature's peak on an obscure globe,
The grand result of the long ages' toil,
Earth's evolution crowned, her mission done.
So might it be if the spirit fell asleep;
Man then might rest content and live in peace,

Master of Nature who once her bondslave worked,

The world's disorder hardening into Law,-
If Life's dire heart arose not in revolt,

If God within could find no greater plan.

But many-visaged is the cosmic Soul;
A touch can alter the fixed front of Fate.
A sudden turn can come, a road appear.
A greater Mind may see a greater Truth,

Or we may find when all the rest has failed
Hid in ourselves the key of perfect change.
Ascending from the soil where creep our days,
Earth's consciousness may marry with the Sun,
Our mortal life ride on the spirit's wings,

А жизнь его бы превратили —
в симметричную структуру.
И это стало бы вершиною Природы
на потерявшей блеск планете,
Великим результатом
долгого труда эпох,
Венцом всей эволюции земли
и завершённой миссией.
И так могло случиться,
если б дух заснул;
Тогда бы человек
мог стать довольным
и зажить в покое,
Хозяином Природы,
некогда трудившимся
как крепостной,
Весь беспорядок мира
сцементировав в Закон,
И если только
ужасающее сердце Жизни
не восстанет в бунте,
И если Бог внутри
нам не подыщет
более великий план.
Но у космической Души
бывает много лиц;
Одно касание способно изменить
застывший намертво фасад Судьбы.
Придёт внезапный поворот,
появится дорога.
И более великий Ум
сумеет овладеть какой-то
более великой Истиной,
Или, возможно, сможем мы найти,
когда всё остальное не удастся,
Сокрытый в нас самих
ключ совершенной перемены.
Поднявшись с почвы, где ползут
неторопливо наши дни,
Сознание Земли способно
обвенчаться с Солнцем,
Жизнь смертного —
парить на крыльях духа,

Our finite thoughts commune with the Infinite.

In the bright kingdoms of the rising Sun
All is a birth into a power of light:

All here deformed guards there its happy shape,
Here all is mixed and marred, there pure and whole;
Yet each is a passing step, a moment's phase.
Awake to a greater Truth beyond her acts,

The mediatrix sat and saw her works
And felt the marvel in them and the force
But knew the power behind the face of Time:
She did the task, obeyed the knowledge given,
Her deep heart yearned towards great ideal things
And from the light looked out to wider light:

A brilliant hedge drawn round her narrowed her power;
Faithful to her limited sphere she toiled, but knew
Its highest, widest seeing was a half-search,

Its mightiest acts a passage or a stage.
For not by Reason was creation made
And not by Reason can the Truth be seen

А наши ограниченные мысли —
общаться с Бесконечностью.

В тех ярких царствах
поднимавшегося Солнца
Всё есть рожденье
в силу света:
Всё то, что здесь искажено,
хранит там свой счастливый облик,
Что здесь испорчено и перемешано,
там — чистое и целое;
И всё здесь преходящий шаг,
особенность момента.
Так, пробудившись
к более великой Истине,
за рамками привычных дел,
Богиня Разума, посредница,
сидела и смотрела
На все свои творения,
и ощущала чудо в них и силу,
Но знала о могуществе
за ликом Времени:
Она всё время делала свою задачу,
повинуясь данному ей знанию,
Её глубины сердца устремлялись
к великому и идеальному,
И превзойти тот свет,
который был,
И выглянуть в другой,
гораздо шире:
Сверкающая изгородь вокруг неё
сужала силу;
Она работала, была верна
своим ограничениям, но знала,
Что самый высший
и широкий взгляд её
был только полупоиском,
А самые её могучие дела —
лишь переходом или стадией.
Так как не Разум
создал некогда творение,
Не через Разум можем мы
увидеть Истину,

Which through the veils of thought, the screens of sense
Hardly the spirit's vision can descry
Dimmed by the imperfection of its means:
The little Mind is tied to little things:
Its sense is but the spirit's outward touch,
Half-waked in a world of dark Inconscience;
It feels out for its beings and its forms
Like one left fumbling in the ignorant Night.
In this small mould of infant mind and sense

Desire is a child-heart's cry crying for bliss,
Our reason only a toys' artificer,

A rule-maker in a strange stumbling game.
But she her dwarf aides knew whose confident sight
A bounded prospect took for the far goal.

The world she has made is an interim report
Of a traveller towards the half-found truth in things

Moving twixt nescience and nescience.
For nothing is known while aught remains concealed;

The Truth is known only when all is seen.

Которую через покровы мысли
и экраны чувства
С трудом способно различить,
увидеть зренье духа,
Обычно затуманенное
от несовершенства средств:
Наш малый Ум привязан
к маленьким вещам:
В нём чувство —
только внешнее касание духа,
Полупроснувшегося
в мире мрака Несознания;
Он ощущает существа его
и формы
Как если бы его оставили идти
наощупь средь незнания Ночи.
В том маленьком шаблоне-заготовке
зарождающихся чувств,
и детского ума
Желанье — крик младенческого сердца,
плачущего по блаженству,
Наш разум — лишь
механик по игрушкам,
Ведущий в странных
запинающихся играх.
Она[1], однако, знала
этих карликов-помощников,
Чей убеждённый взгляд
фрагмент открывшегося вида
принимал за цель.
Тот мир, что создан ею —
промежуточный отчёт
Мистического путника
о найденной частичной
истине вещей,
Идущего от одного незнанья
до другого.
Ведь не известно ничего,
пока хоть что-то
остаётся нераскрытым;
Мы знаем Истину,
лишь если знаем всё.

[1] Природа, *прим.пер.*

Attracted by the All that is the One,
She yearns towards a higher light than hers;
Hid by her cults and creeds she has glimpsed God's face:

She knows she has but found a form, a robe,
But ever she hopes to see him in her heart
And feel the body of his reality.

As yet a mask is there and not a brow,
Although sometimes two hidden eyes appear:
Reason cannot tear off that glimmering mask,

Her efforts only make it glimmer more;
In packets she ties up the Indivisible;
Finding her hands too small to hold vast Truth
She breaks up knowledge into alien parts
Or peers through cloud-rack for a vanished sun:
She sees, not understanding what she has seen,
Through the locked visages of finite things
The myriad aspects of infinity.

One day the Face must burn out through the mask.

Our ignorance is Wisdom's chrysalis,

Притянутая Всем,
которое — Единый,
Она стремится к свету,
выше, чем её;
Она лишь мельком видит
лик Божественного,
Сокрытый за её
ученьями и культами:
И понимает, что нашла
лишь форму, одеяние,
Но каждый раз надеется
его увидеть в сердце
И через чувство прикоснуться
к основанию его реальности.
Пока же там,
всё время маска, а не лик,
Хотя, бывает, появляются
два скрытых глаза:
Не удаётся ей пока
сорвать с себя
мерцающую маску,
Её усилия лишь заставляют ту вуаль
мерцать ещё сильнее;
Она в свои тюки
раскладывает Неделимое;
Найдя, что руки слишком коротки,
чтоб охватить широты Истины,
Она раскалывает знание
на чужеродные фрагменты,
Отыскивает в пелене нависших туч
исчезнувшее солнце:
И всматривается,
не понимая то, что видит,
Через закрытые
обличия конечного,
В неисчислимый мириад
аспектов бесконечности.
Придёт однажды день
и этот Лик прожжёт насквозь
любые маски.
Невежество у человека —
кокон Мудрости,

Our error weds new knowledge on its way,
Its darkness is a blackened knot of light;
Thought dances hand in hand with Nescience
On the grey road that winds towards the Sun.
Even while her fingers fumble at the knots
Which bind them to their strange companionship,
Into the moments of their married strife
Sometimes break flashes of the enlightening Fire.
Even now great thoughts are here that walk alone:
Armed they have come with the infallible word
In an investiture of intuitive light
That is a sanction from the eyes of God;
Announcers of a distant Truth they flame
Arriving from the rim of eternity.
A fire shall come out of the infinitudes,
A greater Gnosis shall regard the world
Crossing out of some far omniscience
On lustrous seas from the still rapt Alone
To illumine the deep heart of self and things.

Ошибка наша обручается
со свежим, новым знаньем
на своём пути,
И тьма её — лишь
затемнённый узел света;
Так мысль танцует
об руку с Незнанием
На сером серпантине,
вьющемся всё выше к Солнцу.
И даже если пальцы рук её
затягивают новые узлы,
Что связывают эту пару
в странную компанию,
В особые моменты
их семейных ссор
Подчас врываются зарницы
просвещающего Пламени.
И даже здесь, сейчас,
присутствуют великие,
гуляющие в одиночку мысли:
Они приходят к нам,
вооружившись безошибочным,
надёжным словом
И облачившись
в свой интуитивный свет,
Тот свет, который —
санкция из ока Бога;
Глашатаи далёкой Истины,
они пылают,
Сюда являясь
из периферии вечности.
Из этих бесконечностей
когда-то должен вырваться огонь,
И более великий Гнозис
станет наблюдать за миром,
Шагая из какого-то
далёкого всеведенья
по ослепительным морям
Он выйдет из восторга
и спокойствия Единого,
Чтоб озарить глубины
внутреннего "я"
у всех вещей.

A timeless knowledge it shall
bring to Mind,
Its aim to life, to Ignorance its
close.

Он принесёт Уму
вневременное знание,
Для жизни — цель,
а для Невежества — его конец.

Above in a high breathless
stratosphere,
Overshadowing the dwarfish
trinity,
Lived, aspirants to a limitless
Beyond,
Captives of Space, walled by the
limiting heavens,
In the unceasing circuit of the
hours
Yearning for the straight paths of
eternity,
And from their high station looked
down on this world
Two sun-gaze Daemons
witnessing all that is.

A power to uplift the laggard
world,

Imperious rode a huge
high-winged Life-Thought

Unwont to tread the firm
unchanging soil:
Accustomed to a blue infinity,

It planed in sunlit sky and starlit
air;

It saw afar the unreached
Immortal's home
And heard afar the voices of the
Gods.
Iconoclast and shatterer of Time's
forts,

Над этим всем, в высокой,
неподвижной стратосфере,
Затмив сияньем
тройку карликов ума,
Скользили кандидатами
на безграничность Запредельного,
Подобно пленникам Пространства,
обнесённого границей из небес,
В безостановочном круговороте
дней, часов
Тоскуя по прямым
дорогам вечности,
Взирая со своих высот
на этот мир,
Сияющим, как солнце, взглядом,
два высоких Духа,
видя всё.
Могуществом,
способным приподнять
наш вечно отстающий мир,
Летела полновластная,
огромная высококрылая
Мысль Жизни,
Ни разу не ступавшая на твёрдую
и неменяющуюся почву:
Привыкнув
к синей бесконечности,
Она парила в небе,
залитом горячим солнцем,
в звёздной атмосфере
И видела вдали
недостижимый дом Бессмертных,
Прислушиваясь к отдалённым
голосам Богов.
Иконоборец, разрушитель
бастионов Времени,

Overleaping limit and exceeding
norm,
It lit the thoughts that glow
through the centuries
And moved to acts of superhuman
force.

As far as its self-winged air-planes
could fly,

Visiting the future in great
brilliant raids
It reconnoitred vistas of
dream-fate.

Apt to conceive, unable to attain,

It drew its concept-maps and
vision-plans
Too large for the architecture of
mortal Space.

Beyond in wideness where no
footing is,
An imagist of bodiless Ideas,
Impassive to the cry of life and
sense,
A pure Thought-Mind surveyed
the cosmic act.
Archangel of a white transcending
realm,
It saw the world from solitary
heights
Luminous in a remote and empty
air.

End of Canto Ten

Превосходя границы,
преступая через нормы
Она там зажигала мысли,
что пылают сквозь столетия
И побуждала к действиям
сверхчеловеческой,
гигантской силы.
Так далеко, как могут долететь
её аэропланы,
окрыляемые духом,
Исследуя грядущее
в сверкающих великих рейдах,
Она разведывала
открывающийся вид
судьбы-мечты.
Умея понимать,
не в силах этого добиться,
Она чертила карты из понятий,
планы представлений,
Что слишком велики
для воплощения в архитектуре
смертного Пространства.
А в Запредельном, в широте,
где нет опоры для стопы,
Творящий бестелесные Идеи,
Бесстрастный к зову чувств
и зову жизни,
Очищенный Ум Мысли
изучал космическое действо.
Архангел чистой
трансцендентной сферы,
Он наблюдал наш мир
с уединённых пиков,
Светящихся в свободной
и далёкой атмосфере.

Конец десятой песни

Book Two
THE BOOK OF THE
TRAVELLER OF THE
WORLDS

Canto XI
THE KINGDOMS AND
GODHEADS
OF THE GREATER MIND

There ceased the limits of the
labouring Power.
But being and creation cease not
there.
For Thought transcends the circles
of mortal mind,

It is greater than its earthly
instrument:
The godhead crammed into
mind's narrow space
Escapes on every side into some
vast
That is a passage to infinity.

It moves eternal in the spirit's
field,
A runner towards the far spiritual
light,
A child and servant of the spirit's
force.
But mind too falls back from a
nameless peak.
His being stretched beyond the
sight of Thought.
For the spirit is eternal and
unmade

Книга Вторая
КНИГА
ПУТЕШЕСТВЕННИКА
ПО МИРАМ

Песня XI
ЦАРСТВА
И БОЖЕСТВА
БОЛЕЕ ВЕЛИКОГО УМА

Ушли ограничения
работающей Силы.
Однако бытиё, творенье
не исчезли.
Поскольку Мысль
выходит за пределы
круга смертного ума,
Она гораздо больше своего
земного инструмента:
И словно божество, что втискивают
в тесное ментальное пространство
Она бежит в любую сторону,
в любой простор,
Способный стать
проходом в бесконечность.
Мысль вечно движется
в духовной сфере,
Она — бегун, чья цель —
божественный далёкий свет,
Она и порожденье, и служанка
силы духа.
Но ум, бывает, тоже падает
с неописуемых вершин.
Всё существо в нём[1] вытянулось
за пределы взора Мысли.
Дух — это вечное
и он несотворён,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

And not by thinking was its
greatness born,
And not by thinking can its
knowledge come.
It knows itself and in itself it lives,

It moves where no thought is nor
any form.

Its feet are steadied upon finite
things,
Its wings can dare to cross the
Infinite.
Arriving into his ken a wonder
space
Of great and marvellous meetings
called his steps,
Where Thought leaned on a
Vision beyond thought
And shaped a world from the
Unthinkable.
On peaks imagination cannot
tread,
In the horizons of a tireless sight,

Under a blue veil of eternity
The splendours of ideal Mind
were seen
Outstretched across the
boundaries of things known.
Origin of the little that we are,

Instinct with the endless more that
we must be,
A prop of all that human strength
enacts,

Creator of hopes by earth
unrealised,

И не мышленьем было
рождено его величие,
И не мышлением может
знание к нему придти.
Он знает самого себя,
живёт в самом себе,
Он двигается там,
где нет ни мысли,
ни вообще, любой из форм.
Он прочно встал стопами
на конечное,
Его крыла дерзают пролетать
сквозь Бесконечное.
Плывущее к нему[1]
чудесное пространство
Великих и чудесных встреч
звало его шаги
Туда, где Мысль нашла опору
в Видении за пределом мысли
И из Немыслимого
формирует некий мир.
На пиках гор,
куда воображенью не добраться,
На самом горизонте,
наблюдаемым неутомимым оком,
Под голубой вуалью вечности
Виднелись роскошь и богатства
идеального Ума,
Что протянулся
за границы нам известного.
Источник для той малости,
чем мы являемся,
И полный бесконечно большим,
чем мы стать должны,
Опора для всего,
на что способна
сила человека,
Творец надежд,
ещё не воплощённых
нашею землёю,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

It spreads beyond the expanding universe;

It wings beyond the boundaries of Dream,
It overtops the ceiling of life's soar.
Awake in a luminous sphere unbound by Thought,
Exposed to omniscient immensities,
It casts on our world its great crowned influences,

Its speed that outstrips the ambling of the hours,
Its force that strides invincibly through Time,
Its mights that bridge the gulf twixt man and God,

Its lights that combat Ignorance and Death.
In its vast ambit of ideal Space

Where beauty and mightiness walk hand in hand,
The Spirit's truths take form as living Gods
And each can build a world in its own right.

In an air which doubt and error cannot mark
With the stigmata of their deformity,
In communion with the musing privacy
Of a truth that sees in an unerring light
Where the sight falters not nor wanders thought,

Он протянулся за пределы
расширяющейся в бесконечности вселенной;
Он улетает на своиз крылах
за все ограничения Мечты,
Он превосходит потолок
паренья жизни.
И пробуждаясь в светлых областях,
не связанный цепями Мысли,
Открывшийся
всезнающим безмерностям,
Бросает он в наш мир
свои великие,
венчающие всё влияния,
И скорость, обгоняющую наш
неторопливый шаг часов,
И силу, что идёт непобедимо
через Время,
Свои могущества,
мостом перекрывающие пропасть
меж людьми и Богом,
Свои огни, которые сражаются
с Невежеством и Смертью.
В его безбрежном царстве
идеального Пространства,
Где красота и мощь
идут рука в руке,
И правда Духа принимает
облики живых Богов,
И каждый Бог способен
возвести свой мир
в пределах своего влияния.
В той атмосфере
где ошибка и сомнение
Не могут наследить
своими пятнами уродства,
В общеньи с размышляющим
уединеньем истины
Что видит в безошибочном
и ясном свете,
И где не дрогнет взгляд,
не отклонится мысль,

Exempt from our world's
exorbitant tax of tears,
Dreaming its luminous creations
gaze
On the Ideas that people eternity.
In a sun-blaze of joy and absolute
power
Above the Masters of the Ideal
throne
In sessions of secure felicity,
In regions of illumined certitude.
Far are those realms from our
labour and yearning and call,
Perfection's reign and hallowed
sanctuary
Closed to the uncertain thoughts
of human mind,
Remote from the turbid tread of
mortal life.
But since our secret selves are
next of kin,

A breath of unattained divinity

Visits the imperfect earth on
which we toil;
Across a gleaming ether's golden
laugh
A light falls on our vexed
unsatisfied lives,

A thought comes down from the
ideal worlds
And moves us to new-model even
here
Some image of their greatness and
appeal
And wonder beyond the ken of
mortal hope.
Amid the heavy sameness of the
days
And contradicted by the human
law,

Свободные от непомерной ноши
слёз, рыданий в нашем мире,
Его высокие и озарённые творения,
мечтая, всматриваются
В Идеи, населяющие вечность.
И в солнечном сияньи радости
и абсолютного могущества
Над ними царствуют
Владыки Идеального
В собраниях уверенного счастья,
В районах озарённой несомненности.
Те сферы далеки от нашего труда,
стремления и зова,
Благословенное убежище
и царство совершенства
Закрыто для колеблющихся мыслей
нашего ума,
Отдалено от путаного шага
смертной жизни.
Но так как наши
тайные и внутренние "я"
подобны самым близким,
Дыханье недостигнутой ещё
божественности
Приходит на несовершенную планету,
где мы трудимся;
Сквозь золотистый смех
блестящего эфира
Нисходит свет
на наши раздражённые
и недовольные всем жизни,
Из идеальных царств
спускается вниз мысль,
И даже здесь
нас побуждает заново лепить
Какой-то образ
их величия, призыва
И чуда за пределами
надежды смертных.
Среди тяжёлого однообразия
обычных дней
И отрицаемая всем
людским законом,

A faith in things that are not and must be

Lives comrade of this world's delight and pain,
The child of the secret soul's forbidden desire
Born of its amour with eternity.

Our spirits break free from their environment;
The future brings its face of miracle near,
Its godhead looks at us with present eyes;
Acts deemed impossible grow natural;
We feel the hero's immortality;
The courage and the strength death cannot touch
Awake in limbs that are mortal, hearts that fail;

We move by the rapid impulse of a will
That scorns the tardy trudge of mortal time.

These promptings come not from an alien sphere:
Ourselves are citizens of that mother State,
Adventurers, we have colonised Matter's night.
But now our rights are barred, our passports void;

We live self-exiled from our heavenlier home.
An errant ray from the immortal Mind

Надежда, вера в то,
чего здесь нет,
но что должно здесь быть,
Живёт как друг мучения
и наслажденья мира,
Дитя запретного желанья
скрытой в глубине души,
Рождённое от тайного её
романа с вечностью.
Наш дух стремится вырваться
из собственного окружения;
Грядущее подносит ближе
лик своих чудес,
Его божественность глядит на нас
глазами настоящего;
Дела, которые казались невозможными,
становятся естественными;
Мы чувствуем бессмертие героя;
Отвага, сила, до которых
смерть не может дотянуться,
Отныне просыпаются в телах,
которые подвластны смерти,
В сердцах, что могут
ослабеть и подвести;
Нас начинает двигать
быстрый импульс воли,
Что презирает медленную
трудную дорогу
в смертном времени.
Все эти побуждения приходят
не из чуждых сфер:
Мы — граждане
своей родной Страны,
Мы ищем приключения,
мы заселили ночь Материи.
Сейчас, однако, перекрыты
наши все права
и паспорта лишились силы;
Теперь живём, изгнав самих себя
из нашего небесного жилища.
И странствующий луч
бессмертного Ума

Accepted the earth's blindness and became
Our human thought, servant of Ignorance.
An exile, labourer on this unsure globe

Captured and driven in Life's nescient grasp,
Hampered by obscure cell and treacherous nerve,
It dreams of happier states and nobler powers,
The natural privilege of unfallen gods,
Recalling still its old lost sovereignty.
Amidst earth's mist and fog and mud and stone
It still remembers its exalted sphere
And the high city of its splendid birth.
A memory steals in from lost heavens of Truth,
A wide release comes near, a Glory calls,

A might looks out, an estranged felicity.
In glamorous passages of half-veiled light
Wandering, a brilliant shadow of itself,
This quick uncertain leader of blind gods,
This tender of small lamps, this minister serf
Hired by a mind and body for earth-use
Forgets its work mid crude realities;

Был вынужден принять
земную слепоту,
Стал мыслью человека
и слугой Невежества.
Изгой, чернорабочий
на колеблющейся,
неуверенной планете,
Пленённый и ведомый
в несознательных объятьях Жизни,
Зажатый в затемнёных клетках,
вероломных нервах,
Мечтает он о благородных силах,
более счастливых состояниях,
И о врождённой привилегии богов,
не знающих падения,
И всё ещё зовёт назад
свою утраченную независимость.
Среди земных туманов,
мглы, камней, грязи
Он помнит до сих пор
свою восторженную область,
Высокий город
своего великолепного рождения.
Украдкой входит память из потерянной
небесной сферы Истины,
Широкое освобожденье
подступает ближе,
призывает Слава,
Проглядывает мощь
и отдалённое, пока что, счастье.
Блуждая средь чарующих проходов
наполовину скрытого вуалью света,
Подобно яркой тени
самого себя,
Сомнительный, спешащий
проводник слепых богов,
Фонарщик маленьких светильников,
министр-крепостной,
Что нанят телом и умом
для нужд земли,
Столкнувшись с грубою реальностью,
он забывает о своей работе;

It recovers its renounced imperial right,
It wears once more a purple robe of thought
And knows itself the Ideal's seer and king,
Communicant and prophet of the Unborn,
Heir to delight and immortality.
All things are real that here are only dreams,
In our unknown depths sleeps their reserve of truth,
On our unreached heights they reign and come to us

In thought and muse trailing their robes of light.

But our dwarf will and cold pragmatic sense

Admit not the celestial visitants:

Awaiting us on the Ideal's peaks

Or guarded in our secret self unseen
Yet flashed sometimes across the awakened soul,
Hide from our lives their greatness, beauty, power.

Our present feels sometimes their regal touch,

Our future strives towards their luminous thrones:
Out of spiritual secrecy they gaze,

Immortal footfalls in mind's corridors sound:

Он восстанавливает заново
свои забытые верховные права,
Он снова носит
пурпурную тогу мысли
И узнает в себе
провидца Идеала и царя,
Глашатая о новом
и пророка Нерождённого,
Наследника восторга и бессмертия.
Всё то, что здесь для нас мечты —
там превращается в реальность,
В непознанных глубинах наших
дремлят их резервы истины,
Они царят на наших
недостигнутых вершинах
и приходят к нам
В раздумиях и в мысли,
принося с собою
одеяния из света.
Но наша воля карликов,
холодный прагматичный
здравый смысл
Не принимают
тех небесных посетителей:
Нас ожидая
на высоких пиках Идеального,
Незримо охраняемые
в нашем тайном “я”,
И всё же, иногда сверкая
через пробуждение души,
Они скрывают красоту свою,
величие, могущество
от наших жизней.
Бывает, наше настоящее
способно ощутить
их царское касание,
А наше будущее устремляется
к их светлым тронам:
Они внимательно глядят на нас
из тайны духа,
И их бессмертные шаги
слышны из коридоров
нашего ума:

Our souls can climb into the shining planes,
The breadths from which they came can be our home.

His privilege regained of shadowless sight
The Thinker entered the immortals' air
And drank again his pure and mighty source.
Immutable in rhythmic calm and joy
He saw, sovereignly free in limitless light,
The unfallen planes, the thought-created worlds
Where Knowledge is the leader of the act
And Matter is of thinking substance made,
Feeling, a heaven-bird poised on dreaming wings,

Answers Truth's call as to a parent's voice,
Form luminous leaps from the all-shaping beam
And Will is a conscious chariot of the Gods,
And Life, a splendour stream of musing Force,
Carries the voices of the mystic Suns.
A happiness it brings of whispered truth;
There runs in its flow honeying the bosom of Space
A laughter from the immortal heart of Bliss,
And the unfathomed Joy of timelessness,

Душа в нас может подниматься
в их сияющие планы,
Просторы, из которых прибыли они,
способны стать
и нашим домом тоже.
Вернув себе обратно привилегию
отчётливого виденья,
Мыслитель[1] оказался
в воздухе бессмертных
И снова пил из своего
могучего и чистого источника.
Он оставался незатронутым
средь ритмов радости и тишины,
И видел, полновластный и свободный,
в безграничном свете,
Не знавшие паденья планы,
мыслью сотворённые миры,
В которых Знание —
руководитель действия,
Материя сотворена
из мыслящей субстанции,
А чувство, птица из небес,
паря на распростёршихся
крылах мечты,
Призыву Истины внимает
как родительскому голосу,
Светящаяся форма прыгает
из формирующего всё луча,
И Воля там становится
сознательною колесницею Богов,
А Жизнь — роскошное теченье
думающей Силы —
Приносит голоса
мистичных Солнц.
Они приносят счастье
тихого шептанья истины;
Бегут, потоком мёда заполняя
грудь Пространства,
Смех из бессмертной сердцевины
вечного Блаженства,
Бездонные глубины
Радости безвременья,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

The sound of Wisdom's murmur
in the Unknown
And the breath of an unseen
Infinity.
In gleaming clarities of amethyst
air
The chainless and omnipotent
Spirit of Mind
Brooded on the blue lotus of the
Idea.
A gold supernal sun of timeless
Truth
Poured down the mystery of the
eternal Ray
Through a silence quivering with
the word of Light
On an endless ocean of discovery.
Far-off he saw the joining
hemispheres.
On meditation's mounting edge of
trance
Great stairs of thought climbed up
to unborn heights
Where Time's last ridges touch
eternity's skies
And Nature speaks to the spirit's
absolute.

Журчащий голос Мудрости
средь Неизвестного,
И близкое дыхание
незримой Бесконечности.
В сверкающей прозрачности
той атмосферы в аметистовых тонах
Свободный от оков,
всесильный Дух Ума
Неторопливо размышлял
на синем лотосе Идеи.
Божественное золотое солнце
Истины вне времени
Вниз изливало
тайну вечного Луча
Сквозь тишину,
трепещущую словом Света
На бесконечный океан открытия.
А вдалеке он[1] видел
две соединявшиеся полусферы.
На горном гребне
транса медитации
Великие ступени мысли
поднимались к нерождённым пикам,
Где Времени последние гряды
касаются небесных планов вечности
И где Природа разговаривает
с абсолютом духа.

A triple realm of ordered
thought came first,
A small beginning of immense
ascent:
Above were bright ethereal skies
of mind,
A packed and endless soar as if
sky pressed sky
Buttressed against the Void on
bastioned light;
The highest strove to neighbour
eternity,
The largest widened into the
infinite.

Вначале шло тройное царство
упорядоченной мысли,
Как скромный старт
необозримого подъёма:
Над ним сияли яркие эфирные
слои небес ума,
Уложенные, бесконечно воспаряющие
и теснящие друг друга,
С опорою на бастионы света
против Пустоты;
Там высочайшее стремилось подойти
к соседней вечности,
Там широчайшее распространялось
в бесконечность.

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

But though immortal, mighty and divine,
The first realms were close and kin to human mind;
Their deities shape our greater thinking's roads,
A fragment of their puissance can be ours:
These breadths were not too broad for our souls to range,
These heights were not too high for human hope.
A triple flight led to this triple world.
Although abrupt for common strengths to tread,

Its upward slope looks down on our earth-poise:

On a slant not too precipitously steep
One could turn back travelling deep descending lines

To commune with the mortal's universe.
The mighty wardens of the ascending stair
Who intercede with the all-creating Word,
There waited for the pilgrim heaven-bound soul;
Holding the thousand keys of the Beyond
They proffered their knowledge to the climbing mind
And filled the life with Thought's immensities.
The prophet hierophants of the occult Law,
The flame-bright hierarchs of the divine Truth,

Однако, пусть бессмертные,
божественные и могучие,
Все эти царства были родственны,
близки для нашего ума;
Их божества прокладывают путь
высоким нашим мыслям,
И часть их силы
может быть и нашей:
Их широта не слишком широка
перед размахом наших душ,
Их высота не слишком высока
для человеческой надежды.
Тройной полет ведёт
к тому тройному миру.
Хотя и трудный,
чтоб взбираться на него
при помощи обычных сил,
Его идущий ввысь наклон
взирает сверху вниз
на наше равновесье на земле:
На склоне, что не слишком был
отвесным и крутым,
Глубокие, идущие вниз линии,
способны были повернуть
свой путь назад,
Чтоб побеседовать
с вселенной смертных.
Могучие смотрители
идущей в выси лестницы,
Которые посредничают
с создающим всё на свете Словом,
Здесь ждали пилигрима,
к небесам привязанную душу;
Владея тысячью ключами
к Запредельному,
Они свои познанья предлагали
восходящему уму
И наполняли жизнь
безмерностями Мысли.
Пророки и жрецы
оккультного Закона,
И яркие, как пламя,
иерархи Истины божественного,

Interpreters between man's mind
and God's,
They bring the immortal fire to
mortal men.
Iridescent, bodying the invisible,

The guardians of the Eternal's
bright degrees
Fronted the Sun in radiant
phalanxes.
Afar they seemed a symbol
imagery,
Illumined originals of the
shadowy script
In which our sight transcribes the
ideal Ray,

Or icons figuring a mystic Truth,

But, nearer, Gods and living
Presences.
A march of friezes marked the
lowest steps;
Fantastically ornate and richly
small,
They had room for the whole
meaning of a world,
Symbols minute of its perfection's
joy,
Strange beasts that were Nature's
forces made alive
And, wakened to the wonder of
his role,
Man grown an image undefaced
of God
And objects the fine coin of
Beauty's reign;

But wide the terrains were those
levels serve.
In front of the ascending epiphany

Переводя ум Бога
на язык ума людей,
Они огонь бессмертного
приносят смертным людям.
Играя красками,
и воплощая мир незримого,
Хранители сверкающих
ступеней Вечного
Стояли перед Солнцем
лучезарными фалангами.
Издалека они казались
символическими образами,
И озарёнными источниками
призрачного манускрипта,
В котором наше виденье
пытается прочесть
Луч идеала,
Или картинками,
что представляют нам
мистическую Истину,
Но ближе — виделись Богами
и ожившими Присутствиями.
Полоскою бордюров
отделялись низшие ступени;
На тех роскошно небольших ступенях,
с фантастическим орнаментом,
Нашлось пространство
и для смысла мира в целом,
И для сиюминутных символов,
несущих радость совершенства,
И для диковинных зверей —
оживших сил Природы,
И для, проснувшегося к осознанию
своей чудесной роли, человека,
Который должен вырасти
в неискаженный образ Бога,
И для всего, что стало
полновесною монетой
царства Красоты;
Но между тем, широким областям
служили эти уровни.
Перед лицом
растущего богоявления,

World-Time's enjoyers, favourites
of World-Bliss,

The Masters of things actual, lords
of the hours,
Playmates of youthful Nature and
child God,

Creators of Matter by hid stress of
Mind
Whose subtle thoughts support
unconscious Life
And guide the fantasy of brute
events,
Stood there, a race of young
keen-visioned gods,
King-children born on Wisdom's
early plane,
Taught in her school
world-making's mystic play.

Archmasons of the eternal
Thaumaturge,
Moulders and measurers of
fragmented Space,
They have made their plan of the
concealed and known
A dwelling-house for the invisible
king.
Obeying the Eternal's deep
command
They have built in the material
front of things
This wide world-kindergarten of
young souls

Where the infant spirit learns
through mind and sense
To read the letters of the cosmic
script
And study the body of the cosmic
self

Вкушавшие Мир Времени,
входящие как фавориты
в Мир Блаженства,
Властители реального,
хозяева часов,
Друзья по играм
молодой Природы
и ребёнка-Бога,
Творцы Материи
замаскированным давлением Ума,
Чьё тонкое мышление поддерживает
бессознательную Жизнь,
Руководит фантазией
простых событий,
Стояли расой юных
остро видящих богов,
Детьми-царями, что родились
в изначальном плане Мудрости,
И изучали в школе Мудрости
мистическую скрытую игру
творенья мира.
Архимасоны
вечного Магистра,
Дизайнеры и землемеры
фрагментарного Пространства,
Они свой план
известного и скрытого
Отныне сделали жилищем
для незримого царя.
Всецело подчинив себя
глубоким указаньям Вечного,
Они в материальный,
внешний лик вещей
Сумели встроить
наш широкий мир —
детсад для юных душ,
Где учат молодой незрелый дух
при помощи ума и чувств
По буквам разбирать
вселенский почерк,
Исследовать основу
для космического “я”,

And search for the secret meaning
of the whole.
To all that Spirit conceives they
give a mould;

Persuading Nature into visible
moods
They lend a finite shape to infinite
things.
Each power that leaps from the
Unmanifest

Leaving the largeness of the
Eternal's peace
They seized and held by their
precisian eye
And made a figurante in the
cosmic dance.
Its free caprice they bound by
rhythmic laws
And compelled to accept its
posture and its line
In the wizardry of an ordered
universe.
The All-containing was contained
in form,
Oneness was carved into units
measurable,
The limitless built into a cosmic
sum:
Unending Space was beaten into a
curve,
Indivisible Time into small
minutes cut,
The infinitesimal massed to keep
secure
The mystery of the Formless cast
into form.
Invincibly their craft devised for
use
The magic of sequent number and
sign's spell,

Искать сокрытый тайный смысл
для целого.
Для всех вещей,
которые придумал Дух,
они находят форму;
Склонив Природу
к зримым настроениям,
Они дают конечный образ
бесконечному.
Любую силу,
что прыжком пришла сюда
из Непроявленного,
Оставив широту
покоя Вечного,
Они хватают и удерживают
педантичным взглядом
И делают статисткою
космического танца.
Они её свободные капризы
ограничивают правилами ритма
И заставляют в нужном положеньи
встать на нужный ряд
Средь колдовства
налаженной вселенной.
Сам Всеобъемлющий
был помещён в одну из форм,
Единство разложили на отдельные
и измеряемые единицы,
Свели в космическую сумму
беспредельное:
Разбили на кривые
бесконечное Пространство,
Неразделяемое Время
раскроили на короткие минуты,
Собрали в массу бесконечно малое,
чтоб в нём надёжно сохранить
Мистерию Бесформенного,
брошенного в форму.
Их мастерство непобедимо строило,
изобретало ради пользы
И чары символов,
и магию идущих по порядку чисел,

Design's miraculous potency was caught
Laden with beauty and significance
And by the determining mandate of their gaze
Figure and quality equating joined

In an inextricable identity.
On each event they stamped its curves of law
And its trust and charge of burdened circumstance;
A free and divine incident no more
At each moment willed or adventure of the soul,
It lengthened a fate-bound mysterious chain,

A line foreseen of an immutable plan,
One step more in Necessity's long march.
A term was set for every eager Power
Restraining its will to monopolise the world,
A groove of bronze prescribed for force and act
And shown to each moment its appointed place
Forewilled inalterably in the spiral

Huge Time-loop fugitive from eternity.

Inevitable their thoughts like links of Fate
Imposed on the leap and lightning race of mind
And on the frail fortuitous flux of life

Ухватывало чудодейственную
силу замысла,
Наполненного
красотой и смыслом;
Мандат их видения мира,
определял и внешний вид,
И внутреннее качество,
уравнивал и всё соединял
В неразделимое единство.
В любом событии они
впечатывали линию его закона,
Его задачу, бремя
трудных обстоятельств;
Оно не стало
каждый миг желать
Свободного божественного случая
и приключения души,
Оно лишь удлиняло некую,
определённую судьбой
таинственную цепь,
Предвиденную линию
неизменяемого плана,
Очередной шаг в долгом
путешествии Необходимости.
Был выставлен предел
для каждой устремлённой Силы,
Чтоб ограничить их желанье
монополизировать весь мир,
Предписывая действиям и силам
бронзовую колею,
В любой момент показывая
заданное место,
И неизменно предопределяя
в той спирали
Гигантского размера
петлю Времени,
сбежавшую из вечности.
Их мысли неизбежны,
как связующая цепь Судьбы,
Что наложила на прыжок,
молниеносный бег ума,
На хрупкое случайное
теченье жизни,

And on the liberty of atomic
things
Immutable cause and adamant
consequence.
Idea gave up the plastic infinity

To which it was born and now
traced out instead
Small separate steps of
chain-work in a plot:
Immortal once, now tied to birth
and end,

Torn from its immediacy of
errorless sight,
Knowledge was rebuilt from cells
of inference
Into a fixed body flasque and
perishable;
Thus bound it grew, but could not
last and broke
And to a new thinking's body left
its place.
A cage for the Infinite's
great-eyed seraphim Thoughts
Was closed with a criss-cross of
world-laws for bars
And hedged into a curt horizon's
arc
The irised vision of the Ineffable.
A timeless Spirit was made the
slave of the hours;
The Unbound was cast into a
prison of birth
To make a world that Mind could
grasp and rule.

On an earth which looked towards
a thousand suns,
That the created might grow
Nature's lord
And Matter's depths be illumined
with a soul

И на свободу
неделимых сущностей
Свои несокрушимые последствия
и непреложные причины.
Идея, отказавшись
от пластичной бесконечности,
Ради которой некогда здесь родилась,
взамен сейчас лишь порождала
Отдельные короткие шаги
цепи работ в каком-то замысле:
Когда-то бывшее бессмертным,
но сейчас привязанное
к смерти и рождению,
И вырванное из спонтанности
прямого безошибочного виденья,
Всё знание отныне выводилось
из ячеек умозаключений
И стало жёсткою основой,
дряблой и непрочной;
Оно росло в тех рамках,
но не сохраняясь, разрушалось,
Освобождая место
для основы нового мышления.
Так клетка с большеглазым серафимом
Мыслей Бесконечного
Была закрыта накрест, как засовами,
законами земного мира,
И отгорожено дугою
ограниченного горизонта
Искрящееся виденье Невыразимого.
Так Дух вне времени
здесь стал рабом часов;
А Безграничность бросили
в тюрьму рождения,
Чтоб мир стал тем,
что Ум способен понимать
и чем он может управлять.
И на земле, смотревшую
на тысячу сиявших солнц,
Чтоб это сотворённое могущество
могло бы стать хозяином Природы,
Чтоб глубина Материи
была б озарена душой,

They tied to date and norm and
finite scope
The million-mysteried movement
of the One.
Above stood ranked a subtle
archangel race
With larger lids and looks that
searched the unseen.
A light of liberating knowledge
shone
Across the gulfs of silence in their
eyes;
They lived in the mind and knew
truth from within;
A sight withdrawn in the
concentrated heart
Could pierce behind the screen of
Time's results
And the rigid cast and shape of
visible things.
All that escaped conception's
narrow noose
Vision descried and gripped; their
seeing thoughts
Filled in the blanks left by the
seeking sense.
High architects of possibility

And engineers of the impossible,
Mathematicians of the infinitudes
And theoricians of unknowable truths,
They formulate enigma's
postulates
And join the unknown to the
apparent worlds.

Acolytes they wait upon the
timeless Power,
The cycle of her works investigate;
Passing her fence of wordless
privacy
Their mind could penetrate her
occult mind

Они связали сроком, нормой
и конечными пределами
Движенье миллионов
тайн Единого.
А выше выстроилась раса
тонких проницательных архангелов,
С широкими очами,
с взглядом, ищущим незримое.
И свет освобождающего знания
сиял у них в глазах,
И проникал
сквозь бездны тишины;
Они способны были жить в уме
и знали правду изнутри;
Их взгляд, втянувшись внутрь,
в сосредоточенное сердце,
Мог проникать за ширму
результатов Времени,
За жёсткие слепки и формы
видимых вещей.
Всё то, что не ухватывали
узкие силки понятий,
Ловил, распознавал их взгляд;
их видящие мысли
Могли дополнить то,
что пропускало ищущее чувство.
Живущие в высоких царствах,
архитекторы возможного,
И инженеры невозможного,
Алгебраисты бесконечностей
И теоретики непостижимых истин,
Они выстраивают
постулаты тайны,
Соединяя неизвестное
с проявленными планами
вселенной.
Помощники, они прислуживают
вечной Силе
И постигают цикл её работ;
Пройдя через ограду
бессловесного её уединения,
Их ум способен проникать
в её оккультный ум

And draw the diagram of her
secret thoughts;
They read the codes and ciphers
she had sealed,
Copies they made of all her
guarded plans,
For every turn of her mysterious
course
Assigned a reason and unchanging
rule.
The unseen grew visible to student
eyes,
Explained was the immense
Inconscient's scheme,
Audacious lines were traced upon
the Void;
The Infinite was reduced to square
and cube.
Arranging symbol and
significance,
Tracing the curve of a
transcendent Power,
They framed the cabbala of the
cosmic Law,
The balancing line discovered of
Life's technique
And structured her magic and her
mystery.
Imposing schemes of knowledge
on the Vast
They clamped to syllogisms of
finite thought
The free logic of an infinite
Consciousness,
Grammared the hidden rhythms of
Nature's dance,
Critiqued the plot of the drama of
the worlds,
Made figure and number a key to
all that is:
The psycho-analysis of cosmic
Self

И строить диаграмму
тайных мыслей;
Они узнали коды, шифры,
что она скрывала за печатью,
Они скопировали все её
секретные и охраняемые планы,
Со всеми поворотами
её загадочного курса
Они связали неизменный принцип
и причину.
Невидимое становилось видимым
для изучающего взгляда,
Давалось объясненье
необъятной схеме Несознания,
И дерзкими границами
они разметили Ничто;
Так Бесконечное они свели
к квадрату, к кубу.
Организуя символы
и их значения,
Отслеживая, как идёт кривая
трансцендентной Силы,
Они сформировали каббалу
вселенского Закона,
И вывели границы равновесия,
открыв секреты техник Жизни,
И приводя в систему
магию её и тайну.
Накладывая схемы знания
на Необъятность,
Они привязывали к силлогизмам
из конечных мыслей
Свободные логические схемы
бесконечного Сознания,
Классифицировали потайные ритмы
танцевальных па Природы,
Критически смотрели на сюжеты
драматической мистерии миров,
Число, фигуру делали ключом
к всему, что существует:
Они вели психоанализ
высшего космического “Я”

Was traced, its secrets hunted down, and read
The unknown pathology of the Unique.
Assessed was the system of the probable,
The hazard of fleeing possibilities,
To account for the Actual's unaccountable sum,
Necessity's logarithmic tables drawn,
Cast into a scheme the triple act of the One.
Unveiled, the abrupt invisible multitude
Of forces whirling from the hands of Chance
Seemed to obey some vast imperative:
Their tangled motives worked out unity.
A wisdom read their mind to themselves unknown,
Their anarchy rammed into a formula
And from their giant randomness of Force,
Following the habit of their million paths,
Distinguishing each faintest line and stroke
Of a concealed unalterable design,
Out of the chaos of the Invisible's moods
Derived the calculus of Destiny.

In its bright pride of universal lore

Mind's knowledge overtopped the Omniscient's power:
The Eternal's winging eagle puissances

Открыли для себя его секреты,
и смогли прочесть
Неведомую патологию
Неповторимого.
Была оценена
система вероятностей,
Риск исчезающих возможностей,
Чтоб подсчитать невычисляемый
итог Реальности,
Чтоб выписать таблицы логарифмов
для Необходимости,
И в схему поместить
тройное действие Единого.
Внезапно приоткрытая
невидимая масса сил,
Летящих вихрями
из рук Случайности,
Должна была, казалось, подчиняться
некому широкому императиву:
Их спутанные побуждения
соединялись в нечто целое.
В их ум, для них самих неведомый,
смотрела мудрость,
И утрамбовывала их анархию
в одну из формул,
Из их гигантской
беспорядочности Силы,
Держась привычек
миллиона их путей,
И различая даже
самый слабый штрих, черту
Скрываемой и неизменной схемы,
Из хаотичных настроений
и причуд Незримого
Она искусно выводила
исчисление Судьбы.
И в яркой гордости
космического мастерства
Познания Ума затмили
мощь Всеведающего:
Крылатые орлиные могущества
и силы Вечного,

Surprised in their untracked empyrean
Stooped from their gyres to obey the beck of Thought:
Each mysteried God forced to revealing form,

Assigned his settled moves in Nature's game,
Zigzagged at the gesture of a chess-player Will
Across the chequerboard of cosmic Fate.
In the wide sequence of Necessity's steps

Predicted, every act and thought of God,
Its values weighed by the accountant Mind,
Checked in his mathematised omnipotence,
Lost its divine aspect of miracle

And was a figure in a cosmic sum.

The mighty Mother's whims and lightning moods
Arisen from her all-wise unruled delight
In the freedom of her sweet and passionate breast,
Robbed of their wonder were chained to a cause and aim;
An idol of bronze replaced her mystic shape
That captures the movements of the cosmic vasts,
In the sketch precise of an ideal face
Forgotten was her eyelashes' dream-print

Захваченные вдруг
в нехоженых небесных эмпиреях,
Срывались со своих спиралей вниз,
чтоб подчиниться взмаху Мысли:
И каждое загадочного Бога
хотело втиснуть
в объясняющую тайны форму,
Ему навязывая предопределённые
ходы в игре Природы,
Зигзагом продвигая
жестом шахматиста Воли
По клетчатой доске
космической Судьбы.
В обширных следствиях
предсказанных шагов
Необходимости,
Во всяком действии
и в каждой мысли Бога,
Их смыслы были взвешены
бухгалтером-Умом,
Проверены при помощи его
математического всемогущества,
Теряли свой
божественный аспект чудесного
И становились некою фигурою
в космическом итоге.
Молниеносные изменчивые настроения
и прихоти могучей Матери,
Поднявшись из её всезнающего
и неуправляемого восхищения,
В свободе страстной,
полной нежности груди,
Теряли чудеса свои,
прикованные к цели и причине;
Так идол, сделанный из бронзы,
подменил её мистическую форму,
Которая хранит движения
космических просторов,
В наброске точном
идеального лица
Забыт был отпечаток
красоты её ресниц,

Carrying on their curve infinity's dreams,
Lost the alluring marvel of her eyes;
The surging wave-throbs of her vast sea-heart
They bound to a theorem of ordered beats:
Her deep designs which from herself she had veiled
Bowed self-revealed in their confessional.
For the birth and death of the worlds they fixed a date,
The diameter of infinity was drawn,
Measured the distant arc of the unseen heights
And visualised the plumbless viewless depths,
Till all seemed known that in all time could be.
All was coerced by number, name and form;
Nothing was left untold, incalculable.
Yet was their wisdom circled with a nought:
Truths they could find and hold but not the one Truth:
The Highest was to them unknowable.
By knowing too much they missed the whole to be known:
The fathomless heart of the world was left unguessed

And the Transcendent kept its secrecy.

Несущих на своих изгибах
грёзы бесконечности,
Утрачено пленяющее чудо
глаз её;
Огромные валы-биения
её просторов моря-сердца
Они привязывали к теореме
упорядоченных колебаний:
Её глубокие намеренья, которые она
скрывала от самой себя,
Склонялись, самораскрываясь
в их исповедальне.
Они установили даты
зарождения и гибели миров,
Очерчен был диаметр бесконечности,
Измерен был далёкий свод
невидимых высот,
И стали видимыми непроглядные,
неизмеримые глубины,
Пока не показалось понятым всё то,
что может быть во времени.
Всё было связано числом,
названием и формой;
Не оставалось ничего необъяснённого
и неподсчитанного ими.
Но мудрость их
кружилась понапрасну:
Они нашли и овладели истинами,
но не нашли единой Истины:
Сам Высочайший был для них
непознаваемым.
И зная слишком многое,
они теряли целое, что надо знать:
И сердце мира,
необъятное, бездонное,
осталось неразгаданным,
И Трансцендентное
хранило свой секрет.

In a sublimer and more daring soar

В парении, всё более
возвышенном и смелом,

To the wide summit of the triple stairs
Bare steps climbed up like flaming rocks of gold

Burning their way to a pure absolute sky.
August and few the sovereign Kings of Thought
Have made of Space their wide all-seeing gaze
Surveying the enormous work of Time:
A breadth of all-containing Consciousness
Supported Being in a still embrace.
Intercessors with a luminous Unseen,
They capt in the long passage to the world
The imperatives of the creator Self
Obeyed by unknowing earth, by conscious heaven;

Their thoughts are partners in its vast control.

A great all-ruling Consciousness is there
And Mind unwitting serves a higher Power;
It is a channel, not the source of all.
The cosmos is no accident in Time;
There is a meaning in each play of Chance,
There is a freedom in each face of Fate.
A Wisdom knows and guides the mysteried world;

К широкой высшей точке
триединой лестницы,
Пустые голые ступени
поднимались словно
пламенеющие глыбы золота,
И прожигали путь свой
к небу абсолюта.
Немногие величественные
и независимые Властелины Мысли
Пространство превратили в свой
всевидящий широкий взгляд,
Обозревающий огромную
работу Времени:
И широта Сознания,
вмещающего всё на свете
Поддерживала Бытиё
в спокойствии своих объятий.
Посредники сверкающего
озарённого Незримого,
Они улавливают
в длинном переходе к миру
Указы созидающего “Я”,
Которым подчиняются
неведающая земля
и полные сознанья небеса;
В его широком управлении
их мысли превращаются
в партнёров.
Там есть великое Сознание,
что правит всем
И Ум невольно служит
более высокой Силе;
Он — лишь канал,
но не источник для всего.
Наш космос —
не нечаянный курьёз во Времени;
Есть некий смысл
в любой игре Случайности,
И есть свобода
в каждом облике Судьбы.
Божественная Мудрость знает
и ведёт загадочный наш мир;

A Truth-gaze shapes its beings
and events;
A Word self-born upon creation's
heights,
Voice of the Eternal in the
temporal spheres,
Prophet of the seeings of the
Absolute,
Sows the Idea's significance in
Form
And from that seed the growths of
Time arise.
On peaks beyond our ken the
All-Wisdom sits:
A single and infallible look comes
down,
A silent touch from the supernal's
air
Awakes to ignorant knowledge in
its acts
The secret power in the
inconscient depths,
Compelling the blinded Godhead
to emerge,
Determining Necessity's nude
dance
As she passes through the circuit
of the hours
And vanishes from the chase of
finite eyes
Down circling vistas of aeonic
Time.
The unseizable forces of the
cosmic whirl
Bear in their bacchant limbs the
fixity
Of an original foresight that is
Fate.
Even Nature's ignorance is
Truth's instrument;
Our struggling ego cannot change
her course:

Взгляд Истины здесь наделяет формой
существа, события;
И Слово, что рождается само
на высших уровнях творения,
Звучащее как Голос Вечного
средь преходящих сфер,
Несущее пророчества
видений Абсолюта,
Значение и смысл Идеи
засевает в Форму,
Чтоб семя принесло
плоды во Времени.
На пиках, за пределом понимания
сидит Все-Мудрый:
Его единое и безошибочное виденье
спускается к нам вниз,
Безмолвное касанье из
небесной атмосферы
Способно пробудить в его делах
для знания в невежестве
Таинственную силу
в несознательных глубинах
И заставляет появиться здесь
слепое Божество,
Определяя танец
обнажившейся Необходимости,
Пока она проходит сквозь
круговорот часов,
Скрывается от поиска
конечного и ограниченного взгляда,
Внизу, в круженьи перспектив
веками длящегося Времени.
Поток неощутимых сил
космического вихря
Несёт в своих вакхических телах
устойчивость и твёрдость
Первоначального предвиденья,
которое и есть Судьба.
Для Истины невежество Природы —
тоже инструмент;
И как бы наше эго не сражалось,
оно не может изменить
её текущий курс:

Yet is it a conscious power that moves in us,
A seed-idea is parent of our acts

And destiny the unrecognised child of Will.
Infallibly by Truth's directing gaze

All creatures here their secret self disclose,
Forced to become what in themselves they hide.
For He who Is grows manifest in the years
And the slow Godhead shut within the cell
Climbs from the plasm to immortality.
But hidden, but denied to mortal grasp,
Mystic, ineffable is the spirit's truth,
Unspoken, caught only by the spirit's eye.

When naked of ego and mind it hears the Voice;
It looks through light to ever greater light
And sees Eternity ensphering Life.

This greater Truth is foreign to our thoughts;
Where a free Wisdom works, they seek for a rule;

Or we only see a tripping game of Chance
Or a labour in chains forced by bound Nature's law,

An absolutism of dumb unthinking Power.

Однако именно сознательная сила —
то, что движет нами,
Зерно-идея —
прародитель наших действий,
И неизбежный рок —
неузнанный сын Воли.
Так, безошибочно,
под направляющим
вниманьем Истины
Все существа здесь раскрывают
спрятанные внутренние "я",
И вынуждены становиться тем,
что сами прячут от себя.
Поскольку Он, кто Существует,
растёт и проявляется с годами,
И запертое в клетках Божество
неторопливо поднимается
От плазмы до бессмертия.
Но скрыта, недоступна
пониманью смертных,
Невыразима и мистична
правда духа,
Её нельзя пересказать,
она воспринимается лишь
взглядом духа.
Когда дух сбрасывает ум и эго,
он слышит Голос;
Сквозь этот свет он смотрит
на иной, великий свет
И видит Вечность,
окружающую Жизнь.
Но эта более возвышенная Истина
чужда для наших мыслей;
Во всяком действии
свободной Мудрости,
они выискивают правило;
Мы видим или
непонятную игру Случайности,
Иль тяжкий труд в цепях,
навязанный законом
ограниченной Природы,
Абсолютизм безмолвного
бездумного Могущества.

Audacious in their sense of
God-born strength
These dared to grasp with their
thought Truth's absolute;

By an abstract purity of godless
sight,
By a percept nude, intolerant of
forms,
They brought to Mind what Mind
could never reach

And hoped to conquer Truth's
supernal base.
A stripped imperative of
conceptual phrase
Architectonic and inevitable

Translated the unthinkable into
thought:
A silver-winged fire of naked
subtle sense,
An ear of mind withdrawn from
the outward's rhymes
Discovered the seed-sounds of the
eternal Word,
The rhythm and music heard that
built the worlds,
And seized in things the bodiless
Will to be.
The Illimitable they measured
with number's rods
And traced the last formula of
limited things,
In transparent systems bodied
termless truths,
The Timeless made accountable to
Time
And valued the incommensurable
Supreme.
To park and hedge the ungrasped
infinitudes

Набравшись дерзости от ощущения
рождённой Богом силы,
Они[1] своими мыслями
осмеливались прикасаться
к абсолюту Истины;
Абстрактной чистотой
не верящего в бога взгляда,
И оголённым восприятьем,
нетерпимым к формам,
Они Уму давали то,
что Ум не смог бы
никогда достичь,
Надеясь покорить
небесную основу Истины.
Отбросивший всё лишнее
императив концептуальной фразы,
Сводящий всё в систему,
неизбежный,
Переводил немыслимое
в мысль:
Серебряно-крылатые огни
открытых тонких ощущений,
И слух ума, что отвернулся прочь
от поэтического слога внешнего,
Здесь открывали зёрна-звуки
вечно существующего Слова,
Воспринимали ритм и музыку,
что строят целые миры,
Во всём улавливали бестелесную,
бесформенную Волю быть.
Они линейкой чисел
измеряли Беспредельное,
И выводили окончательную формулу
для ограниченных вещей,
В понятных для ума системах
воплощали безграничность истин,
Вневременное превращали
в объяснимое для Времени,
Оценивали несоизмеримость
Наивысшего.
Стремясь дать место и отгородить
ещё не понятые бесконечности,

[1] Цари Мысли, *прим.пер.*

They erected absolute walls of thought and speech

And made a vacuum to hold the One.
In their sight they drove towards an empty peak,
A mighty space of cold and sunlit air.

To unify their task, excluding life

Which cannot bear the nakedness of the Vast,
They made a cipher of a multitude,
In negation found the meaning of the All
And in nothingness the absolute positive.
A single law simplessed the cosmic theme,
Compressing Nature into a formula;
Their titan labour made all knowledge one,
A mental algebra of the Spirit's ways,
An abstract of the living Divinity.

Here the mind's wisdom stopped; it felt complete;
For nothing more was left to think or know:
In a spiritual zero it sat throned

And took its vast silence for the Ineffable.

This was the play of the bright gods of Thought.

Они воздвигли абсолютные,
непроницаемые стены
из речей и мыслей
И сотворили вакуум,
чтоб поместить в него Единого.
В их виденьи они
вели к пустому пику,
Могучему пространству,
полного холодного,
пронизанного солнцем воздуха.
Чтоб упростить свою задачу,
исключающую жизнь,
Которая не может вынести
той оголённости Простора,
Они многообразие вещей
свели до цифры,
Ничто признали
абсолютным позитивом
И в отрицании нашли
значение Всего.
Один закон предельно упростил
космическую тему,
Природа ужималась
до какой-то формулы;
Всё знание, их титаническим трудом,
связалось воедино
Ментальной алгеброй
движений Духа,
Абстракцией
живой Божественности.
Здесь мудрость их ума остановилась,
ощутила полноту;
И не осталось больше ничего,
что стоило обдумать и понять:
В духовной пустоте
она воссела на престоле
И приняла её безбрежное молчанье
за Невыразимое.

Такой была игра
тех ярких, выдающихся
богов Мышления.

Attracting into time the timeless Light,
Imprisoning eternity in the hours,
This they have planned, to snare the feet of Truth
In an aureate net of concept and of phrase
And keep her captive for the thinker's joy
In his little world built of immortal dreams:
There must she dwell mured in the human mind,
An empress prisoner in her subject's house,
Adored and pure and still on his heart's throne,
His splendid property cherished and apart

In the wall of silence of his secret muse,
Immaculate in white virginity,

The same for ever and for ever one,
His worshipped changeless Goddess through all time.
Or else, a faithful consort of his mind
Assenting to his nature and his will,
She sanctions and inspires his words and acts
Prolonging their resonance through the listening years,
Companion and recorder of his march
Crossing a brilliant tract of thought and life
Carved out of the eternity of Time.

Притягивая Свет вне времени
во время,
И вечность заточив в часах,
Они всё так спланировали,
чтоб поймать шаг Истины
В их золотую сеть
понятия и фразы,
Чтобы держать её, как пленницу,
для радости мыслителя
В его коротком маленьком мирке,
что создан из бессмертных грёз:
И там она должна была существовать,
замуровав себя в ум человека,
Императрица, заточённая
в жилище подданного,
На троне сердца —
обожаемая, чистая, спокойная,
Его роскошная
лелеемая собственность,
которая отделена
Стеной молчания
его секретных размышлений,
И безупречная своею
чистой девственностью,
Всегда одна та же,
и всегда одна,
Его Богиня, почитаемая,
неизменная во все века.
Или, возможно,
верная супруга для его ума,
Согласная с его
характером и волей,
Она санкционирует и вдохновляет
его слова, его дела,
И продлевает отзвук их
на долгие внимающие годы,
Став спутницей
и летописцем марша,
Пересекающего яркие пространства
жизни и ума,
Что высекаются резцом
из вечности во Времени.

A witness to his high triumphant star,
Her godhead servitor to a crowned Idea,
He shall dominate by her a prostrate world;
A warrant for his deeds and his beliefs,
She attests his right divine to lead and rule.
Or as a lover clasps his one beloved,

Godhead of his life's worship and desire,
Icon of his heart's sole idolatry,

She now is his and must live for him alone:
She has invaded him with her sudden bliss,
An exhaustless marvel in his happy grasp,
An allurement, a caught ravishing miracle.
Her now he claims after long rapt pursuit,

The one joy of his body and his soul:
Inescapable is her divine appeal,

Her immense possession an undying thrill,
An intoxication and an ecstasy:
The passion of her self-revealing moods,
A heavenly glory and variety,

Makes ever new her body to his eyes,
Or else repeats the first enchantment's touch,

Свидетелем своей звезды
высокого триумфа,
Её божественный служитель
коронованной Идеи
Благодаря ей будет властвовать
над распростёртым миром;
Оправдывая все его
сужденья и дела,
Она заверила его божественное право
вести и направлять.
А может — право любящего
обнимать единственную,
ненаглядную, любимую,
Богиню культа
своего желания и жизни,
Икону одинокого служенья
собственному сердцу,
Она сейчас — его,
и жить должна лишь для него:
Она его завоевала
вдруг открывшимся блаженством,
Неисчерпаемое чудо
в торжествующих его объятиях,
Очарованье, пойманное
восхитительное диво.
Сейчас он, после
увлечённой, длительной погони
желает лишь её,
Единственную радость
для его души и тела:
Её божественное обаяние —
фатально,
Её неизмеримые владения —
бессмертный трепет,
Экстаз и опьянение:
И страсть её внезапно
самораскрывающихся настроений,
Божественная слава
и разнообразие,
Способны делать тело у неё
всё время новым для его очей
Иль повторять прикосновенье
первого очарования,

The luminous rapture of her
mystic breasts
And beautiful vibrant limbs a
living field
Of throbbing new discovery
without end.

A new beginning flowers in word
and laugh,
A new charm brings back the old
extreme delight:
He is lost in her, she is his heaven
here.

Truth smiled upon the gracious
golden game.
Out of her hushed eternal spaces
leaned
The great and boundless Goddess
feigned to yield
The sunlit sweetness of her
secrecies.

Incarnating her beauty in his clasp

She gave for a brief kiss her
immortal lips

And drew to her bosom one
glorified mortal head:
She made earth her home, for
whom heaven was too small.

In a human breast her occult
presence lived;
He carved from his own self his
figure of her:

She shaped her body to a mind’s
embrace.

И озаряющий восторг
её мистической груди,
Прекрасного и трепетного тела,
как живого поля
Волненья нового открытия,
которое идёт всё время,
без конца.
И новое начало расцветает
в смехе и словах,
И новое очарование приносит
прежний поразительный восторг:
Он затерялся в ней, она —
его божественные небеса
здесь, на земле.
И улыбалась Истина
на эту добрую прекрасную игру.
Склонившись из своих
затихших вечных сфер,
Великая и безграничная Богиня
притворилась, что она
Отныне уступает
залитую солнцем сладость
всех своих секретов.
Став воплощённой красотой
в его объятиях,
Она дарила
для его коротких поцелуев
Наслаждение своих
бессмертных губ,
К своей груди тянула смертную,
увенчанную славой голову:
И землю сделала своим жилищем,
та, кому и небо было
чересчур мало.
В груди у человека стало жить
её оккультное присутствие;
Из собственного "я"
он вырезал себе
её изображение:
Она придала форму
собственному телу
для объятия его ума.

Into thought's narrow limits she has come;
Her greatness she has suffered to be pressed
Into the little cabin of the Idea,

The closed room of a lonely thinker's grasp:
She has lowered her heights to the stature of our souls
And dazzled our lids with her celestial gaze.
Thus each is satisfied with his high gain
And thinks himself beyond mortality blest,
A king of truth upon his separate throne.
To her possessor in the field of Time
A single splendour caught from her glory seems
The one true light, her beauty's glowing whole.

But thought nor word can seize eternal Truth:

The whole world lives in a lonely ray of her sun.

In our thinking's close and narrow lamp-lit house

The vanity of our shut mortal mind
Dreams that the chains of thought have made her ours;
But only we play with our own brilliant bonds;
Tying her down, it is ourselves we tie.

Она спустилась
в узкие пределы мысли;
Она позволила,
чтоб всё её величие
Он втиснул
в маленькую хижину Идеи,
Закрытую палату пониманья
одинокого мыслителя:
Она свои высоты опустила
до масштаба наших душ,
Своим небесным взглядом
ослепляя наши веки.
Так каждый наслаждается
своим высоким призом
И думает, что он — блаженный
за пределом смертных,
Царь истины, сидящий
на своём отдельном троне.
Тому, кто обладает ею
в сфере Времени
Ухваченный отдельный отблеск
от её величья кажется
Единственно возможным
светом истины
и яркой полнотою красоты.
Но ни мышление, ни слово
не способны подобраться
к пониманью вечной Истины:
Так целый мир
живёт в одном луче
её сверкающего солнца.
В закрытом, тесном,
освещённом лампой
доме нашего мышления,
Тщеславность нашего
зашоренного смертного ума
Воображает, что цепями мысли
эту Истину мы сделали своей;
Но мы лишь продолжаем забавляться
нашими сверкающими узами;
Её привязывая к низу,
мы привязываем
лишь самих себя.

In our hypnosis by one luminous point
We see not what small figure of her we hold;

We feel not her inspiring boundlessness,
We share not her immortal liberty.

Thus is it even with the seer and sage;
For still the human limits the divine:
Out of our thoughts we must leap up to sight,
Breathe her divine illimitable air,

Her simple vast supremacy confess,
Dare to surrender to her absolute.

Then the Unmanifest reflects his form
In the still mind as in a living glass;
The timeless Ray descends into our hearts
And we are rapt into eternity.

For Truth is wider, greater than her forms.

A thousand icons they have made of her
And find her in the idols they adore;
But she remains herself and infinite.

End of Canto Eleven

В гипнозе от одной
блестящей точки
Не видим мы —
насколько малым образом её
мы обладаем;
Не ощущаем мы её
одухотворённой безграничности,
Не разделяем мы её
бессмертную свободу.
И это происходит даже
с мудрецами и провидцами;
Так человеческое продолжает
ограничивает божественное:
Из наших мыслей нужно
прыгнуть вверх до видения,
Начать дышать её божественной
и беспредельной атмосферой,
Признать её безбрежное
и очевидное господство,
И осмелеть, чтоб сдаться ей,
как абсолюту.
Тогда сам Непроявленный
свою проявит форму
В спокойствии ума,
как в зеркале живом;
И Луч вне времени
сойдет вниз, в наше сердце,
И мы окажемся
утянутыми в вечность.
Всё потому, что Истина
гораздо шире, больше всех своих
разнообразных форм.
Они создали тысячи
её изображений,
Они её находят в идолах
и ими восхищаются;
Однако Истина всё время
продолжает быть сама собой
и бесконечностью.

Конец одиннадцатой песни

Book Two
THE BOOK OF THE
TRAVELLER OF THE
WORLDS

Canto XII
THE HEAVENS OF THE IDEAL

Always the Ideal beckoned from
afar.
Awakened by the touch of the
Unseen,
Deserting the boundary of things
achieved,
Aspired the strong discoverer,
tireless Thought,

Revealing at each step a luminous
world.
It left known summits for the
unknown peaks:
Impassioned, it sought the lone
unrealised Truth,

It longed for the Light that knows
not death and birth.

Each stage of the soul's remote
ascent was built
Into a constant heaven felt always
here.

At each pace of the journey
marvellous
A new degree of wonder and of
bliss,
A new rung formed in Being's
mighty stair,

Книга Вторая
КНИГА
ПУТЕШЕСТВЕННИКА
ПО МИРАМ

Песня XII
НЕБЕСА ИДЕАЛА

Всегда, откуда-то издалека,
нас манит Идеальное.
Проснувшись от
прикосновения Незримого
И выйдя за границы тех вещей,
которые она достигла,
Всё дальше устремлялась
энергичная, неутомимая
исследователь-Мысль,
На каждом шаге
открывая яркий мир.
Она оставила вершины познанного
ради пиков неизвестного:
Со всей своею страстью,
она хотела отыскать
Одну единственную
нереализованную Истину,
Она стремилась к Свету,
что не ведает ни смерти,
ни рождения.
И каждый ярус отдалённого
подъёма ввысь
Был встроен в неба,
в их постоянство,
что ощущалось здесь всегда.
На каждом шаге
удивительного путешествия
В могучей лестнице Существования
выстраивался новый уровень,
Очередная степень
чуда и блаженства,

A great wide step trembling with jewelled fire
As if a burning spirit quivered there
Upholding with his flame the immortal hope,
As if a radiant God had given his soul
That he might feel the tread of pilgrim feet
Mounting in haste to the Eternal's house.
At either end of each effulgent stair
The heavens of the ideal Mind were seen
In a blue lucency of dreaming Space
Like strips of brilliant sky clinging to the moon.

On one side glimmered hue on floating hue,

A glory of sunrise breaking on the soul,
In a tremulous rapture of the heart's insight
And the spontaneous bliss that beauty gives,
The lovely kingdoms of the deathless Rose.
Above the spirit cased in mortal sense
Are superconscious realms of heavenly peace,
Below, the Inconscient's sullen dim abyss,
Between, behind our life, the deathless Rose.
Across the covert air the spirit breathes,

Великая широкая ступень,
дрожащая алмазными огнями,
Как если бы там трепетал
пылающий, горячий дух,
Поддерживая пламенем своим
бессмертную надежду,
Как если б некий лучезарный Бог
смог наделить его душою,
Чтоб он мог ощутить
шаги паломника,
Взбиравшегося в спешке
к дому Вечного.
И на любой из тех
сияющих ступеней
Он мог увидеть
сферы идеального Ума
Средь голубой прозрачности
мечтавшего Пространства,
Похожие на полосы
алмазной пыли неба,
льнущие к луне.
Один текучий цвет
накладывался на
мерцание другого,
Великолепие зари
врывалось в душу,
В трепещущем восторге
озаренья сердца,
В спонтанно возникающем блаженстве,
что дарила красота,
И восхитительно прекрасные миры
бессмертной Розы.
Над духом, помещённом
в чувство смертного,
Стояли сверхсознательные области
небесного покоя,
Под ним — лежала мрачная
неясная пучина Несознания,
А за границей нашей жизни,
посреди — миры бессмертной Розы.
Сквозь этот скрытый воздух
дышит дух,

A body of the cosmic beauty and joy
Unseen, unguessed by the blind suffering world,
Climbing from Nature's deep surrendered heart
It blooms for ever at the feet of God,
Fed by life's sacrificial mysteries.

Here too its bud is born in human breasts;
Then by a touch, a presence or a voice
The world is turned into a temple ground
And all discloses the unknown Beloved.
In an outburst of heavenly joy and ease
Life yields to the divinity within

And gives the rapture-offering of its all,
And the soul opens to felicity.
A bliss is felt that never can wholly cease,
A sudden mystery of secret Grace

Flowers goldening our earth of red desire.

All the high gods who hid their visages
From the soiled passionate ritual of our hopes,
Reveal their names and their undying powers.
A fiery stillness wakes the slumbering cells,
A passion of the flesh becoming spirit,
And marvellously is fulfilled at last

Основа для космического
наслаждения и красоты,
Незримый, не доступный пониманию
слепого и страдающего мира,
Поднявшись из глубой сдачи
сердца всей Природы,
Он вечно расцветает
под ногами Бога,
Питаясь жертвоприношением
мистерий жизни.
Здесь тоже, в человеческой груди,
рождается её бутон;
Затем от голоса, прикосновения,
присутствия,
Мир превращается
в подножье храма,
И всё нам раскрывает
неизвестного Любимого.
Во вспышках радости
и лёгкости небес,
Жизнь уступает
божеству внутри,
И отдаёт служению восторгу,
всё, что есть у ней,
А душу открывает счастью.
Мы чувствуем блаженство,
что уже не прекратится никогда,
Внезапную мистерию
особой, тайной Милости
Что расцветает, покрывая землю
золотистым цветом,
отблеском от алого желания.
Все боги высших планов,
что скрывали лица
От осквернённых страстных ритуалов
человеческих надежд,
Нам открывают имена,
свои бессмертные могущества.
Пылающая тишина в нас
пробуждает дремлющие клетки,
Страсть плоти,
превращающейся в дух,
И наконец, непостижимо исполняется

The miracle for which our life was made.
A flame in a white voiceless cupola
Is seen and faces of immortal light,
The radiant limbs that know not birth and death,
The breasts that suckle the first-born of the Sun,
The wings that crowd thought's ardent silences,
The eyes that look into spiritual Space.
Our hidden centres of celestial force
Open like flowers to a heavenly atmosphere;

Mind pauses thrilled with the supernal Ray,
And even this transient body then can feel
Ideal love and flawless happiness

And laughter of the heart's sweetness and delight
Freed from the rude and tragic hold of Time,
And beauty and the rhythmic feet of the hours.
This in high realms touches immortal kind;

What here is in the bud has blossomed there.
There is the secrecy of the House of Flame,
The blaze of godlike thought and golden bliss,
The rapt idealism of heavenly sense;
There are the wonderful voices, the sun-laugh,

То чудо, для которого
и сотворили нашу жизнь.
В беззвучном белом куполе
мы видим пламя
И облики бессмертного луча,
Лучистые тела, которые не знают
ни рождения, ни смерти,
И груди, кормящие
первенца от Солнца,
И крылья, подгоняющие
пылкие безмолвья мысли,
Глаза, смотрящие
в духовное Пространство.
Сокрытые в нас
центры силы Бога
Отныне раскрываются,
в небесной атмосфере,
как цветы;
Ум затихает и трепещет
вместе с высшим Светом,
Тогда и это бренное земное тело
начинает ощущать
И идеальную любовь,
и счастье без изъяна,
И смех сердечной нежности,
восторга,
Освобождённых от трагической
и грубой власти Времени,
Ритмичный ход часов
и красоту.
В высоких планах
это входит в соприкосновение
с бессмертными;
Что здесь в бутоне —
там уже успело расцвести.
И где-то там —
и тайна Дома Пламени,
И яркое сияние богоподобной мысли,
и свет счастливого блаженства,
И радостный, восторженный идеализм
небесных ощущений;
Там — удивительные голоса,
там — солнечный, весёлый смех,

A gurgling eddy in rivers of God's joy,
And the mysteried vineyards of the gold moon-wine,
All the fire and sweetness of which hardly here
A brilliant shadow visits mortal life.
Although are witnessed there the joys of Time,
Pressed on the bosom the Immortal's touch is felt,
Heard are the flutings of the Infinite.
Here upon earth are early awakenings,
Moments that tremble in an air divine,
And grown upon the yearning of her soil
Time's sun-flowers' gaze at gold Eternity:

There are the imperishable beatitudes.
A million lotuses swaying on one stem,
World after coloured and ecstatic world

Climbs towards some far unseen epiphany.
On the other side of the eternal stairs
The mighty kingdoms of the deathless Flame
Aspired to reach the Being's absolutes.
Out of the sorrow and darkness of the world,
Out of the depths where life and thought are tombed,

Журчащие водовороты
в реках восхищенья Бога,
Таинственные виноградники,
что дарят золотое лунное вино,
Вся сладость и огонь,
чья бриллиантовая тень
С трудом приходит в гости
к смертной жизни.
Хотя там можно наблюдать
и наслажденья Времени,
Там ощущается давящее на грудь
касание Бессмертного,
Там слышится
игра на флейте Бесконечного.
Здесь, на земле, бывают
первые приходы ясного сознания,
Мгновения, трепещущие
воздухом божественного,
И выросший на почве
устремления земли
Взгляд солнечных цветов,
принадлежащих Времени,
на золотую Вечность:
А в этой вечности —
бессмертные великолепия.
Подобно миллионам лотосов,
качающихся на одном стебле,
Один мир за другим,
все в ярких красках,
полные экстаза,
Восходят к отдалённому,
незримому богоявлению.
А на другом краю
той вечной лестницы
Наполненные силой
области бессмертного Огня
Стремились подобраться
к абсолютам Бытия.
Из темноты,
из бесконечного страданья мира,
Из тех глубин,
где похоронены мышление и жизнь,

Lonely mounts up to heaven the deathless Flame.
In a veiled Nature's hallowed secrecies
It burns for ever on the altar Mind,

Its priests the souls of dedicated gods,
Humanity its house of sacrifice.

Once kindled, never can its flamings cease.
A fire along the mystic paths of earth,
It rises through the mortal's hemisphere,
Till borne by runners of the Day and Dusk
It enters the occult eternal Light

And clambers whitening to the invisible Throne.
Its worlds are steps of an ascending Force:
A dream of giant contours, titan lines,
Homes of unfallen and illumined Might,
Heavens of unchanging Good pure and unborn,
Heights of the grandeur of Truth's ageless ray,
As in a symbol sky they start to view

And call our souls into a vaster air.

On their summits they bear up the sleepless Flame;
Dreaming of a mysterious Beyond,

Восходит одиноко к небесам
язык бессмертного Огня.
В священных тайниках
сокрытой за завесою Природы
Извечно он горит
на алтаре Ума,
Его жрецами служат
души преданных богов,
А человечество —
его дом жертвоприношения.
Зажжённое однажды,
это пламя не погаснет никогда.
Огонь, горящий вдоль
мистических путей земли,
Всё время поднимается
сквозь полусферу смертных,
Пока, поддерживаемый
гонцами Дня и Сумерек,
Он не войдет
в оккультный вечный Свет,
И не поднимется, белея,
до невидимого Трона.
Его миры —
ступени восходящей Силы:
Видение гигантских контуров
и титанических фигур,
Домов, не знавшего паденья,
озарённого Могущества,
Небес не знавшего рожденья,
чистого и неизменного Добра,
Высот величья
нестареющего света Истины,
Как если б в символической,
небесной сфере

Они увидели бы наши души
и стали звать их
к более широкой атмосфере.
Там, на своей предельной высоте,
они несут незасыпающее Пламя;
Мечтая о таинственном,
непостижимом Запредельном,

Transcendent of the paths of Fate
and Time,
They point above themselves with
index peaks
Through a pale-sapphire ether of
god-mind
Towards some gold Infinite's
apocalypse.
A thunder rolling mid the hills of
God,
Tireless, severe is their
tremendous Voice:
Exceeding us, to exceed ourselves
they call

And bid us rise incessantly above.

Far from our eager reach those
summits live,
Too lofty for our mortal strength
and height,
Hardly in a dire ecstasy of toil

Climbed by the spirit's naked
athlete will.
Austere, intolerant they claim
from us
Efforts too lasting for our mortal
nerve
Our hearts cannot cleave to nor
our flesh support;

Only the Eternal's strength in us
can dare
To attempt the immense adventure
of that climb

And the sacrifice of all we cherish
here.
Our human knowledge is a candle
burnt

Превосходя пути
Судьбы и Времени,
Своими указующими пиками
они нацелены в высоты над собой,
Сквозь бледно-голубой,
сапфировый эфир ума богов
Они стремятся к золотому
апокалипсису Бесконечности.
Как гром, что катится
средь горных пиков Бога,
Неутомим, суров
грохочущий их Голос:
Намного превышая нас,
они зовут нас
превзойти самих себя,
Они толкают нас расти
всё время выше.
Вдали от наших страстных посягательств
существуют те вершины,
И слишком высоки они
для уровня и силы смертных;
С трудом, в отчаянном экстазе
напряжённого труда
На них восходят атлетической
и оголённой волей духа.
Суровые и нетерпимые,
вершины эти требуют от нас
Усилий, слишком длительных
для наших смертных нервов,
Того, что сердце в нас
не сможет полюбить,
Что наша плоть
не сможет выдержать;
И только сила Вечного
способна в нас отважиться
На дерзкую попытку
необъятных приключений
в этом восхождении,
На жертвоприношение всего,
чем здесь мы дорожим.
Всё наше человеческое знание —
свеча,

On a dim altar to a sun-vast Truth;

Man's virtue, a coarse-spun
ill-fitting dress,

Apparels wooden images of Good;

Passionate and blinded, bleeding,
stained with mire
His energy stumbles towards a
deathless Force.

An imperfection dogs our highest
strength;
Portions and pale reflections are
our share.

Happy the worlds that have not
felt our fall,

Where Will is one with Truth and
Good with Power;
Impoverished not by earth-mind's
indigence,
They keep God's natural breath of
mightiness,
His bare spontaneous swift
intensities;
There is his great transparent
mirror, Self,

And there his sovereign autarchy
of bliss
In which immortal natures have
their part,
Heirs and cosharers of divinity.

He through the Ideal's kingdoms
moved at will,
Accepted their beauty and their
greatness bore,

Зажжённая на тусклом алтаре
пред солнечным простором Истины;
И добродетель человека —
плохо севшее
и грубо сотканное платье,
Топорно сделанные
образы Добра;
Запачканная грязью, кровоточащая,
страстная и ослеплённая,
Его энергия,
стремясь к бессмертной Силе,
спотыкается на пол-пути.
Несовершенство ходит по пятам
за нашей высшей силой;
Отдельные фрагменты,
бледные подобия —
вот наш удел.
И счастливы миры,
которые не ощущали
нашего падения,
Где Истина едина с Волей,
Добро едино с Силой;
Не доведённые до нищеты
от скудости ума земли,
Они хранят естественность
дыхания могуществ Бога,
Его спонтанную, простую
быстроту энергий;
В мирах тех есть
Божественное "Я" —
Его великое,
всё отражающее зеркало,
И полновластное самодержавие
его блаженства,
В котором, частью этого блаженства,
живут бессмертные,
Наследники и соучастники
божественности.
Он[1] двигался свободно, как хотел,
сквозь царства Идеала,
Воспринимал их красоту
и выносил величие,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

Partook of the glories of their
wonder fields,
But passed nor stayed beneath
their splendour's rule.
All there was an intense but partial
light.
In each a seraph-winged
high-browed Idea
United all knowledge by one
master thought,
Persuaded all action to one golden
sense,

All powers subjected to a single
power
And made a world where it could
reign alone,
An absolute ideal's perfect home.

Insignia of their victory and their
faith,
They offered to the Traveller at
their gates
A quenchless flame or an
unfading flower,
Emblem of a high kingdom's
privilege.
A glorious shining Angel of the
Way
Presented to the seeking of the soul
The sweetness and the might of an
idea,
Each deemed Truth's intimate
fount and summit force,

The heart of the meaning of the
universe,
Perfection's key, passport to
Paradise.
Yet were there regions where
these absolutes met
And made a circle of bliss with
married hands;

И был окутан славой
их чудесных сфер,
Но проходил под властью
их великолепий без задержки.
Всё было интенсивным,
но частичным светом.
Во всякой важной, знающей Идее,
воспаряющей на крыльях серафима,
Объединяющей всё знание
единой главной мыслью,
Сводящей всё происходящее
к прекрасному
единственному смыслу,
Все силы становились
подчинёнными единой силе
И создавали мир,
где та могла царить одна,
Законченное совершенное жилище
абсолюта идеала.
Знак и отличье
их победы и их веры,
Они преподносили Путнику
при входе в их врата,
Негаснущее пламя
и неувядающий цветок,
Эмблему привилегии
высокого их царства.
Сияющий, чудесный Ангел
этого Пути
Дарил исканиям души
Могущество
и свежее дыхание идеи,
И каждая идея там казалась
глубоким внутренним источником
и высшей силой Истины,
Основой, сутью смысла
всей вселенной,
Ключами к совершенству,
паспортом для Рая.
И были там возвышенные области,
где абсолюты те встречались
И образовывали круг блаженства
из соединённых рук;

Light stood embraced by light, fire wedded fire,
But none in the other would his body lose
To find his soul in the world's single Soul,
A multiplied rapture of infinity.

Onward he passed to a diviner sphere:
There, joined in a common greatness, light and bliss,
All high and beautiful and desirable powers
Forgetting their difference and their separate reign
Become a single multitudinous whole.
Above the parting of the roads of Time,
Above the Silence and its thousandfold Word,
In the immutable and inviolate Truth
For ever united and inseparable,

The radiant children of Eternity dwell
On the wide spirit height where all are one.

End of Canto Twelve

И свет стоял в объятьи света,
Огонь был обручён
с другим огнём,
Но ни один из них в другом
не смог бы потеряться,
Чтоб обнаружить собственную душу
в единой мировой Душе,
И преумноженном
восторге бесконечности.
А Ашвапати двигался всё дальше,
в иные, более божественные сферы:
И там, соединившись в общее величье,
свет, блаженство,
Все самые высокие, прекрасные,
желаемые силы,
Забыв свои различья
и своё отдельное господство,
Сливались, становились
множественным целым.
Над разветвлением дорог,
принадлежащих Времени,
И над Безмолвием,
с его тысячекратным Словом,
В ненарушаемой
и неизменной Истине,
Объединённой навсегда
и неделимой,
Живут сияющие дети Вечности
На высоте, просторах духа, там,
где всё становится единым.

Конец двенадцатой песни

Book Two
THE BOOK OF THE TRAVELLER OF THE WORLDS

Canto XIII
IN THE SELF OF MIND

At last there came a bare
indifferent sky
Where Silence listened to the
cosmic Voice,
But answered nothing to a million
calls;
The soul's endless question met
with no response.
An abrupt conclusion ended eager
hopes,
A deep cessation in a mighty
calm,
A finis-line on the last page of
thought
And a margin and a blank of
wordless peace.
There paused the climbing
hierarchy of worlds.
He stood on a wide arc of summit
Space
Alone with an enormous Self of
Mind
Which held all life in a corner of
its vasts.
Omnipotent, immobile and aloof,

In the world which sprang from it,
it took no part:

Книга Вторая
КНИГА ПУТЕШЕСТВЕННИКА ПО МИРАМ

Песнь XIII
В ВЫСШЕМ “Я” УМА

И, наконец, пришло бесстрастное,
ничем не занятое небо,
Там, где Молчание внимало
космическому Голосу,
Но ничего не отвечало на его
неисчислимые призывы,
И нескончаемые поиски души
не получали для себя ответа.
Внезапно появившийся финал
убил все страстные надежды,
Он был глубоким прекращением всего
в могучей тишине,
Итоговой чертой
на заключительной странице мысли,
Границей, пустотою
бессловесного покоя.
Остановилась восходящая к вершинам
иерархия миров.
Стоял он[1] на широком своде
самого высокого Пространства
Наедине с огромным
Высшим “Я” Ума,
Которое всю жизнь держало
в уголке своих просторов.
Всесильное, недвижимое,
отстранённое,
Оно участия не принимало в мире,
возникавшем из него:

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

It gave no heed to the paeans of victory,
It was indifferent to its own defeats,
It heard the cry of grief and made no sign;
Impartial fell its gaze on evil and good,
It saw destruction come and did not move.
An equal Cause of things, a lonely Seer
And Master of its multitude of forms,
It acted not but bore all thoughts and deeds,
The witness Lord of Nature's myriad acts
Consenting to the movements of her Force.
His mind reflected this vast quietism.
This witness hush is the Thinker's secret base:
Hidden in silent depths the word is formed,
From hidden silences the act is born
Into the voiceful mind, the labouring world;
In secrecy wraps the seed the Eternal sows
Silence, the mystic birthplace of the soul.
In God's supreme withdrawn and timeless hush
A seeing Self and potent Energy met;
The Silence knew itself and thought took form:
Self-made from the dual power creation rose.

Оно не замечало
радостную песнь победы,
И было безразлично
к собственному поражению,
Услышав крики горя,
не давало никакого знака;
Его взгляд безучастно опускался
и на зло, и на добро,
Оно смотрело, как приходит разрушенье
и не двигалось.
Так, равная Причина всех вещей
и одинокий Видящий,
Хозяин своего
многообразья форм,
Оно не действовало,
но несло все мысли и дела,
Свидетель-Господин
всех мириадов дел Природы,
Дающий санкцию движениям
её огромной Силы.
Ум Ашвапати отражал
безбрежность этого покоя.
Та наблюдающая тишина —
есть тайная основа для Мыслителя:
Укрытое в молчании глубин,
приобретает форму слово,
Из скрытого безмолвия
рождаются поступки и дела,
Они приходят в шумный ум,
работающий мир;
И тайною окутаны те семена,
что Вечное бросает
В Безмолвие,
мистическую родину души.
В той втянутой в себя, вне времени,
предельной тишине Всевышнего
Встречались видящее "Я"
и полная возможностей Энергия;
Безмолвие там познавало самого себя
и мысли принимали форму:
Творение, создавшее себя
двойным могуществом,
вставало ввысь.

In the still self he lived and it in him;
Its mute immemorable listening depths,
Its vastness and its stillness were his own;
One being with it he grew wide, powerful, free.

Apart, unbound, he looked on all things done.

As one who builds his own imagined scenes
And loses not himself in what he sees,
Spectator of a drama self-conceived,

He looked on the world and watched its motive thoughts
With the burden of luminous prophecy in their eyes,
Its forces with their feet of wind and fire
Arisen from the dumbness in his soul.
All now he seemed to understand and know;
Desire came not nor any gust of will,
The great perturbed inquirer lost his task;
Nothing was asked nor wanted any more.
There he could stay, the Self, the Silence won:

His soul had peace, it knew the cosmic Whole.

Он[1] жил в том тихом “я”,
а в нём жило оно;
Его внимающие, древние,
молчащие глубины,
Его безбрежность и его спокойствие
теперь принадлежали Ашвапати;
В одном существованьи с ним
он расширялся, становясь
сильнее и свободней.
Ничем не связанный
и отстранённый,
Смотрел он на всё то,
что есть в творении.
Как будто возводя
свои воображаемые сцены
Но не теряя самого себя
в увиденном,
Как зритель
им самим придуманной
и выстроенной драмы,
Он вглядывался в мир
и видел побуждающие мысли,
Несущие груз светлого пророчества
в своих глазах,
Он видел силы мира
с поступью огня и ветра,
Встающие из немоты
в его душе.
Казалось, он сейчас
всё понимал и знал;
Не приходило ни желанья,
ни порыва воли,
Великий, возмущающий спокойствие
исследователь отошёл от дел;
Не нужно было спрашивать
и было незачем желать.
Он мог бы оставаться
в завоёванном Безмолвии
и Высшем “Я”:
Его душа нашла покой,
познав космическое Целое.

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

Then suddenly a luminous finger fell
On all things seen or touched or heard or felt

And showed his mind that nothing could be known;
That must be reached from which all knowledge comes.

The sceptic Ray disrupted all that seems
And smote at the very roots of thought and sense.
In a universe of Nescience they have grown,
Aspiring towards a superconscient Sun,
Playing in shine and rain from heavenlier skies
They never can win however high their reach

Or overpass however keen their probe.

A doubt corroded even the means to think,
Distrust was thrown upon Mind's instruments;
All that it takes for reality's shining coin,
Proved fact, fixed inference, deduction clear,

Firm theory, assured significance,

Appeared as frauds upon Time's credit bank
Or assets valueless in Truth's treasury.
An Ignorance on an uneasy throne

Затем сияющий, как солнце, перст
внезапно опустился
На всё, что видимо,
доступно осязанью,
слышимо и ощутимо,
И показал его уму,
что невозможно ничего познать;
Достигнуть нужно то,
откуда появляется
всё знание на свете.
Скептичный Луч разрушил всё,
что лишь казалось,
Ударил в самый корень
ощущения и мысли.
Средь космоса Неведения
выросли они,
И устремляясь
к сверхсознательному Солнцу,
Играя под дождём и светом
с более возвышенных небес,
Они не могут их завоевать,
как высоко не поднимался бы
их кругозор,
Они не могут это превзойти
каким бы не был острым
их исследовательский зонд.
Сомненье разъедало
даже способ мыслить,
И недоверие набросили
на инструменты этого Ума;
Всё то, что он считал
блестящими монетами реальности,
Доказанные факты,
чёткий вывод,
ясность логики,
Понятный смысл
и прочную теорию,
Отныне стало выглядеть фальшивками
в кредитном банке Времени
Активами, что ничего не стоят
в казначействе Истины.
Невежество, сидящее
на троне беспокойства

Travestied with a fortuitous sovereignty
A figure of knowledge garbed in dubious words
And tinsel thought-forms brightly inadequate.
A labourer in the dark dazzled by half-light,
What it knew was an image in a broken glass,
What it saw was real but its sight untrue.

All the ideas in its vast repertory

Were like the mutterings of a transient cloud
That spent itself in sound and left no trace.
A frail house hanging in uncertain air,
The thin ingenious web round which it moves,

Put out awhile on the tree of the universe,
And gathered up into itself again,

Was only a trap to catch life's insect food,
Winged thoughts that flutter fragile in brief light
But dead, once captured in fixed forms of mind,
Aims puny but looming large in man's small scale,

Flickers of imagination's brilliant gauze
And cobweb-wrapped beliefs alive no more.

Своей случайной властью
скручивало, искажало
Фигуру знания, одетую
в сомнительные фразы
И показные мыслеформы,
явно ей несоразмерные.
Чернорабочий в темноте,
вдруг ослеплённый полусветом,
То, что он знал — оказывалось
образом в разбитом зеркале,
То, что он видел —
было некою реальностью,
Но виденье его —
оказывалось ложным.
И все идеи из его
обширного репертуара
Похожи были на далёкие раскаты
мимолётной тучи,
Которая себя растрачивает в громе,
но не оставляет и следа.
Как хрупкий дом,
висящий в ненадёжном воздухе,
Искусная, утонченная паутина-сеть,
вокруг которой
это знание вращается,
Развешенная временно
на дереве вселенной,
И снова собранная
внутрь себя опять,
Он был лишь небольшой ловушкой
насекомых пищи жизни,
Крылатых мыслей, что едва порхают
при недолгом свете,
Но умирают, стоит им попасться
в жёсткие формации ума,
Намерений и целей незначительных,
но обретающих огромные размеры
в мелких человеческих масштабах,
Мерцаний яркой дымки
в воздухе воображения,
И оплетённых паутиной
нежизнеспособных убеждений.

The magic hut of built-up
certitudes
Made out of glittering dust and
bright moonshine
In which it shrines its image of the
Real,
Collapsed into the Nescience
whence it rose.
Only a gleam was there of symbol
facts
That shroud the mystery lurking in
their glow,
And falsehoods based on hidden
realities
By which they live until they fall
from Time.
Our mind is a house haunted by
the slain past,
Ideas soon mummified, ghosts of
old truths,
God's spontaneities tied with
formal strings
And packed into drawers of
reason's trim bureau,
A grave of great lost
opportunities,
Or an office for misuse of soul
and life
And all the waste man makes of
heaven's gifts
And all his squanderings of
Nature's store,
A stage for the comedy of
Ignorance.
The world seemed a long aeonic
failure's scene:
All sterile grew, no base was left
secure.

Assailed by the edge of the
convicting beam

Магическая хижина
искуственных определённостей,
Построенная из блестящей пыли,
яркой чепухи,
В которой он[1] хранит свой
образ-представление Реальности,
Обрушилась в Неведенье,
откуда некогда поднялась.
Осталось лишь сиянье
фактов-символов,
Что пеленали тайну,
скрытую в их блеске,
И масса ложных мыслей,
опиравшихся на скрытые реальности,
Которыми они живут,
пока не выпадут из Времени.
Наш ум есть дом,
преследуемый мёртвым прошлым,
Идеями, что быстро стали мумиями,
призраками старых истин,
Спонтанностями Бога, связанными,
как верёвками, формальностями,
И аккуратно упакованными
в шкаф рассудка,
Могила для великих,
но упущенных возможностей,
Иль офис для дурного обращения
с жизнью и душой,
И с множеством даров небес,
что люди превращают в мусор,
Для всех его безумных расточительств
кладовых Природы,
Подмостки для
комедии Невежества.
Мир стал казаться сценой долгих,
многовековых потерь и неудач:
Бесплодным становилось всё,
не оставалось никакой
надёжной и проверенной основы.
И атакованная лезвием
всё обличающего света

[1] Ум, *прим.пер.*

The builder Reason lost her confidence
In the successful sleight and turn of thought
That makes the soul the prisoner of a phrase.
Its highest wisdom was a brilliant guess,

Its mighty structured science of the worlds
A passing light on being's surfaces.
There was nothing there but a schema drawn by sense,
A substitute for eternal mysteries,
A scrawl figure of reality, a plan
And elevation by the architect Word
Imposed upon the semblances of Time.
Existence' self was shadowed by a doubt;
Almost it seemed a lotus-leaf afloat
On a nude pool of cosmic Nothingness.
This great spectator and creator Mind
Was only some half-seeing's delegate,
A veil that hung between the soul and Light,
An idol, not the living body of God.
Even the still spirit that looks upon its works
Was some pale front of the Unknowable;
A shadow seemed the wide and witness Self,
Its liberation and immobile calm

Строительница этого, Богиня Разума
утратила свою уверенность
В удачной ловкости
и повороте мысли,
Что превращает душу
в пленницу словесной фразы.
Её подарки наивысшей мудрости
обернулись некою
сверкающей догадкой,
Её организованная и могучая
наука о мирах —
Недолгим светом
на поверхностную жизнь.
И не было там ничего, лишь схема,
нарисованная чувством,
Подмена для мистерий вечности,
Небрежное отображение реальности,
План и чертёж,
который Словом-архитектором,
Наложен был
на внешние аспекты Времени.
Сам смысл существованья
оказался затемнён сомнением;
Оно казалось лотоса листом,
что проплывает
По голой заводи
вселенского Небытия.
И этот созидатель
и великий наблюдатель — Ум
Был лишь посланником
чего-то полузримого
Вуалью, что висит
между душой и Светом,
Каким-то идолом, а не живым,
реальным телом Бога.
И даже неподвижный дух,
что смотрит на свои работы,
Предстал как некий
бледный лик Непознаваемого;
Широкое и наблюдающее "Я"
казалось тенью,
Его освобождение
и неподвижное молчание —

A void recoil of being from
Time-made things,
Not the self-vision of Eternity.

Deep peace was there, but not the
nameless Force:
Our sweet and mighty Mother was
not there
Who gathers to her bosom her
children's lives,
Her clasp that takes the world into
her arms
In the fathomless rapture of the
Infinite,
The Bliss that is creation's
splendid grain
Or the white passion of
God-ecstasy
That laughs in the blaze of the
boundless heart of Love.
A greater Spirit than the Self of
Mind
Must answer to the questioning of
his soul.
For here was no firm clue and no
sure road;

High-climbing pathways ceased in
the unknown;
An artist Sight constructed the
Beyond
In contrary patterns and
conflicting hues;
A part-experience fragmented the
Whole.
He looked above, but all was
blank and still:
A sapphire firmament of abstract
Thought
Escaped into a formless Vacancy.

Пустым отшатываньем бытия
от сотворённых Временем вещей,
А не проникновеньем взгляда Вечности
в саму себя.
Глубокий мир, покой был там,
но не было невыразимой Силы:
И не было там нашей
нежной и могучей Матери,
Которая своих детей, их жизни
собирает на своей груди,
И рук её, берущих мир
в свои объятия
В бездонном наслажденьи
Бесконечного,
И не было Блаженства —
роскошного зерна всего творения,
И чистого экстаза-страсти Бога,
что смеётся
В сияньи сердца
не имеющей границ Любви.
Тот Дух что выше
внутреннего "Я" Ума,
Ответить должен был
на поиски его[1] души.
Здесь не было
ни прочной путеводной нити,
ни надёжного пути;
Идущие вверх тропы
пропадали в неизвестном;
И Виденье артиста
конструировало Запредельное
В противоречащих шаблонах,
в конфликтующих оттенках;
Частичный опыт
разбивал на части Целое.
Он[2] посмотрел наверх, но там
всё оставалось тихим и пустым:
Сапфирный небосвод
абстрактной Мысли
Терялся, уходя
в бесформенную Пустоту.

[1] Ашвапати, *прим.пер.*
[2] Ашвапати, *прим.пер.*

He looked below, but all was dark and mute.
A noise was heard, between, of thought and prayer,
A strife, a labour without end or pause;
A vain and ignorant seeking raised its voice.
A rumour and a movement and a call,
A foaming mass, a cry innumerable
Rolled ever upon the ocean surge of Life
Along the coasts of mortal Ignorance.
On its unstable and enormous breast
Beings and forces, forms, ideas like waves
Jostled for figure and supremacy,

And rose and sank and rose again in Time;
And at the bottom of the sleepless stir,
A Nothingness parent of the struggling worlds,
A huge creator Death, a mystic Void,
For ever sustaining the irrational cry,
For ever excluding the supernal Word,
Motionless, refusing question and response,
Reposed beneath the voices and the march
The dim Inconscient's dumb incertitude.
Two firmaments of darkness and of light

Он посмотрел вниз под собой,
но там всё было тёмным и немым.
Меж ними слышался неясный шум,
шум мысли и молитвы,
Борьбы, труда
без передышки и конца;
Невежественный и напрасный поиск
возвышал свой голос.
Неясная молва,
какое-то движение и зов,
Бесчисленные крики,
пузырящаяся масса,
Катились нескончаемо
над океанскими валами Жизни
Вдоль побережий
смертного Невежества.
И на его огромной,
неустойчивой груди
Идеи, формы, существа и силы,
словно волны
Толкались ради
воплощения и власти,
И поднимались, и тонули,
и во Время поднимались снова;
А в глубине, на дне
той неусыпной суеты,
Небытиё, родитель
этих борющихся царств,
Огромная и созидающая Смерть,
мистическая Пустота,
Всегда поддерживающая
этот иррациональный крик,
Всегда не допускающая внутрь
божественное Слово,
Недвижимая, отвергающая
и вопросы, и ответы,
Покоилась под голосами этими,
и этим маршем
Немою неопределённостью
неясного, глухого Несознания.
Два небосвода —
темноты и света

Opposed their limits to the spirit's walk;
It moved veiled in from Self's infinity
In a world of beings and momentary events
Where all must die to live and live to die.

Immortal by renewed mortality,

It wandered in the spiral of its acts

Or ran around the cycles of its thought,
Yet was no more than its original self
And knew no more than when it first began.
To be was a prison, extinction the escape.

End of Canto Thirteen

Свои пределы противопоставили
прогулке духа;
Тот скрыто двигался из бесконечности,
из Внутреннего "Я"
В наш мир существ
и мимолётно пролетающих событий,
Где всё должно
всё время умирать, чтоб жить,
и жить, чтоб умирать.
Бессмертный,
через обновленье смертных,
Блуждал он[1] по спирали
дел своих,
Иль пробегал по циклам
своего мышления,
Однако был не больше, чем своё,
в начале, созданное, "я",
И знал не больше, чем
когда впервые начал.
Быть — было здесь тюрьмой,
а угасанье — избавлением.

Конец тринадцатой песни

[1] дух, *прим.пер.*

Book Two
THE BOOK OF THE
TRAVELLER OF THE
WORLDS

Canto XIV
THE WORLD-SOUL

A covert answer to his seeking
came.
In a far shimmering background
of Mind-Space
A glowing mouth was seen, a
luminous shaft;
A recluse gate it seemed, musing
on joy,
A veiled retreat and escape to
mystery.
Away from the unsatisfied surface
world
It fled into the bosom of the
unknown,
A well, a tunnel of the depths of
God.
It plunged as if a mystic groove of
hope
Through many layers of formless
voiceless self
To reach the last profound of the
world's heart,

And from that heart there surged a
wordless call
Pleading with some still
impenetrable Mind,
Voicing some passionate unseen
desire.

Книга Вторая
КНИГА
ПУТЕШЕСТВЕННИКА
ПО МИРАМ

Песня XIV
МИР ДУШИ

Его[1] исканья получили
скрытый, непрямой ответ.
На фоне отдалённого мерцания
Ума-Пространства
Был виден вход в светящуюся шахту,
пылающий открытый зев;
Уединёнными воротами казался он,
раздумьями о радости,
Замаскированным убежищем
и способом проникнуть в тайну.
Из этого, всё время недовольного,
поверхностного мира
Он убегал туда,
в грудь неизвестного,
К первоисточнику,
в туннель глубин Всевышнего.
Чем глубже этот путь нырял,
мистическою колеёй надежды,
Сквозь множество слоёв
беззвучного, бесформенного “я”,
Стремясь достигнуть
окончательной основы,
сердцевины мира,
Тем ощутимее, навстречу
поднимался бессловесный зов,
Упрашивая некий,
всё ещё неумолимый Ум,
И страстно выражая
некое незримое желание.

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

As if a beckoning finger of secrecy
Outstretched into a crystal mood of air,
Pointing at him from some near hidden depth,
As if a message from the world's deep soul,
An intimation of a lurking joy
That flowed out from a cup of brooding bliss,
A mute and quivering ecstasy of light,
A passion and delicacy of roseate fire.
As one drawn to his lost spiritual home
Feels now the closeness of a waiting love,
Into a passage dim and tremulous
That clasped him in from day and night's pursuit,
He travelled led by a mysterious sound.
A murmur multitudinous and lone,

All sounds it was in turn, yet still the same.
A hidden call to unforeseen delight
In the summoning voice of one long-known, well-loved,

But nameless to the unremembering mind,
It led to rapture back the truant heart.
The immortal cry ravished the captive ear.
Then, lowering its imperious mystery,

Как будто протянулся
манящий перст тайны
В хрустальном настроеньи
этой атмосферы,
Указывая на него[1]
из близких скрытых недр,
Как будто бы посланье
из глубин души вселенной,
Намёк на затаившуюся радость,
Мерцало, незаметно вытекая
из кубка размышлявшего блаженства,
Безмолвным и трепещущим
экстазом света,
В утонченность и страстность
розового пламени.
Как человек, которого влечёт вернуться
в свой утраченный духовный дом,
Сильнее и сильнее ощущает близость
ждущей там его любви,
В дрожащий и неясный переход,
Что заключал его в объятья
от погони дня и ночи,
Входил он[2], направляемый
загадочным звучанием.
Оно казалось шумом многих голосов
и одиноким бормотаньем,
Поочерёдно становилось всеми звуками
и всё же оставалось тем же самым.
Сокрытый зов
к непредсказуемому наслажденью
В призывном голосе кого-то
хорошо знакомого
и горячо любимого,
Но безымянного
в давно уже непомнящем уме,
Обратно вёл к восторгу
праздно прозябающее сердце.
Бессмертный зов терзал и восхищал
пленённый слух.
Затем, снижая
властную свою мистерию,

[1] на Ашвапати, *прим.пер.*
[2] Ашвапати, *прим.пер.*

It sank to a whisper circling round
the soul.
It seemed the yearning of a lonely
flute
That roamed along the shores of
memory
And filled the eyes with tears of
longing joy.
A cricket's rash and fiery single
note,
It marked with shrill melody
night's moonless hush
And beat upon a nerve of mystic
sleep
Its high insistent magical reveille.

A jingling silver laugh of anklet
bells
Travelled the roads of a solitary
heart;
Its dance solaced an eternal
loneliness:
An old forgotten sweetness
sobbing came.
Or from a far harmonious distance
heard
The tinkling pace of a long
caravan

It seemed at times, or a vast
forest's hymn,
The solemn reminder of a temple
gong,
A bee-croon honey-drunk in
summer isles

Ardent with ecstasy in a
slumbrous noon,
Or the far anthem of a pilgrim sea.

An incense floated in the
quivering air,

Стихал до шёпота,
кружащего вокруг души.
Он представал томленьем
одинокой флейты,
Блуждающей
по берегам воспоминаний,
И наполнявшей глаз слезой
тоскующей о чём-то радости.
Стремительной и пылкой,
одинокой нотою сверчка,
Пронзительной мелодией он оттенял
безлунную ночную тишину,
Бил прямо в нерв
мистического сна
Своим магическим настойчивым
высоким горном.
Серебряный звенящий смех
от колокольчиков ножных браслетов
Гулял дорогами
уединившегося сердца;
И танцем утешая
вечно длящееся одиночество,
Пришла, в рыданиях,
забытая когда-то сладость.
Или, возможно, долетая отголоском
мелодии, звучащей вдалеке,
Тот звук казался, временами,
звякающим шагом
длинных караванов,
Он, временами, слышался как гимн
широкого пространства леса,
Звучал торжественным напоминаньем
храмового гонга,
Гудением пчелиных ульёв,
опьянённых мёдом
в летних островах,
Пылающих экстазом
средь дремотного накала дня,
Или торжественным далёким пеньем
моря-пилигрима.
Сквозь колыхающийся воздух
расплывался фимиам,

A mystic happiness trembled in
the breast
As if the invisible Beloved had
come
Assuming the sudden loveliness of
a face
And close glad hands could seize
his fugitive feet

And the world change with the
beauty of a smile.
Into a wonderful bodiless realm he
came,

The home of a passion without
name or voice,
A depth he felt answering to every
height,
A nook was found that could
embrace all worlds,

A point that was the conscious
knot of Space,
An hour eternal in the heart of
Time.
The silent Soul of all the world
was there:

A Being lived, a Presence and a
Power,
A single Person who was himself
and all
And cherished Nature's sweet and
dangerous throbs
Transfigured into beats divine and
pure.
One who could love without
return for love,
Meeting and turning to the best
the worst,
It healed the bitter cruelties of
earth,

Мистическое счастье отзывалось
трепетом в груди
Как если б незаметно подошёл
невидимый Любимый,
И вдруг возникло бы его
прекрасное лицо,
И в радостном объятьи
можно было ухватить
его летящие ступни,
И мир бы стал другим
от красоты его улыбки.
В наполненные чудесами,
бестелесные чертоги
прибыл Ашвапати,
В дом страсти, не имеющей
ни имени, ни голоса,
Он ощутил там глубину,
что отвечала каждой высоте,
Он обнаружил уголок,
что мог объять собой
все царства и миры,
И точку, что была
сознательным узлом Пространства,
Час вечности, лежащий
в самом сердце Времени.
Безмолвная Душа
всего творенья
находилась там:
Там жило Существо,
Присутствие и Сила,
Единственная Личность,
что была и им самим, и всеми,
И сладкой и опасною пульсацией
любимой с нежностью Природы,
Преобразуемой в божественные,
чистые удары.
Она[1] могла любить
и без любви в ответ,
Встречая худшее
и поворачивая к лучшему,
Она излечивала
горькие жестокости земли,

[1] Личность, *прим.пер.*

Transforming all experience to delight;
Intervening in the sorrowful paths of birth
It rocked the cradle of the cosmic Child
And stilled all weeping with its hand of joy;
It led things evil towards their secret good,
It turned racked falsehood into happy truth;

Its power was to reveal divinity.

Infinite, coeval with the mind of God,
It bore within itself a seed, a flame,
A seed from which the Eternal is new-born,
A flame that cancels death in mortal things.
All grew to all kindred and self and near;
The intimacy of God was everywhere,
No veil was felt, no brute barrier inert,
Distance could not divide, Time could not change.
A fire of passion burned in spirit-depths,
A constant touch of sweetness linked all hearts,
The throb of one adoration's single bliss
In a rapt ether of undying love.

An inner happiness abode in all,

A sense of universal harmonies,

Преобразуя всякий опыт
в наслаждение;
Так, вмешиваясь
в скорбные пути рождения,
Она качала колыбель
космического своего Дитя
И утешала все рыдания
руками радости;
Она дурное приводила
к тайному добру,
Измученную ложь
переворачивала
в радостную правду;
Искусство выявлять божественное —
та сила что она владела.
Так бесконечная,
ровесница ума Всевышнего,
Она внутри себя несёт
и семя, и огонь,
То семя, из которого
рождается вновь Вечный,
Огонь, что отменяет
в смертном смерть.
Всё становилось для всего
родным, собой и близким;
И близость к Богу
здесь была везде,
Не ощущалось ни завесы,
ни инертного и грубого барьера,
И расстоянье не могло здесь разделять,
а Время — изменять.
В глубинах духа
полыхало пламя страсти,
И все сердца соединяло
постоянное касанье сладости,
Пульс общего блаженства,
наслаждение единым обожанием
В том восхищённом воздухе
неумирающей любви.
Во всём светилось
внутреннее счастье,
И ощущение космических гармоний,

A measureless secure eternity
Of truth and beauty and good and joy made one.
Here was the welling core of finite life;
A formless spirit became the soul of form.

Неизмеримая и полная
надёжного покоя
вечность истины и красоты,
Добра и радости,
что слились воедино.
Здесь находилась, бьющая ключами,
сердцевина всей конечной жизни;
И дух без формы становился здесь
душою формы.

All there was soul or made of sheer soul-stuff;
A sky of soul covered a deep soul-ground.
All here was known by a spiritual sense:
Thought was not there but a knowledge near and one

Всё было там душа, иль сделано
из лёгкой и прозрачной
материи души;
Глубокую, насыщенную душу-землю
укрывали небеса души.
Всё познавалось здесь
духовным чувством:
И не было ни мысли,
только знание —
единое и близкое

Seized on all things by a moved identity,
A sympathy of self with other selves,
The touch of consciousness on consciousness
And being's look on being with inmost gaze
And heart laid bare to heart without walls of speech

Овладевало всем при помощи
подвижного отождествления,
Взаимопониманья внутреннего "я"
с другими "я",
Прикосновения сознания
к сознанию,
И внутреннего взгляда
на другое существо,
И сердца, что лежало обнажённым
для другого сердца,
без словесных стен,

And the unanimity of seeing minds
In myriad forms luminous with the one God.
Life was not there, but an impassioned force,
Finer than fineness, deeper than the deeps,
Felt as a subtle and spiritual power,

И общего единодушия умов,
способных видеть
В неисчислимых мириадах форм,
светившихся единым Богом.
Там Жизни не было, но там была
охваченная страстью сила,
Прекраснее прекрасного
и глубже глубины,
И ощущалась, словно
тонкая духовная энергия,

A quivering out from soul to
answering soul,

A mystic movement, a close
influence,
A free and happy and intense
approach

Of being to being with no screen
or check,
Without which life and love could
never have been.
Body was not there, for bodies
were needed not,
The soul itself was its own
deathless form
And met at once the touch of other
souls
Close, blissful, concrete,
wonderfully true.

As when one walks in sleep
through luminous dreams
And, conscious, knows the truth
their figures mean,
Here where reality was its own
dream,
He knew things by their soul and
not their shape:

As those who have lived long
made one in love
Need word nor sign for heart's
reply to heart,
He met and communed without
bar of speech
With beings unveiled by a
material frame.

There was a strange spiritual
scenery,

Что с трепетаньем выходила
из одной души
для отвечающей другой души,
Мистическое, тайное движенье,
близкое влияние,
И пылкое, свободное,
наполненное счастьем
приближенье существа
К другому существу,
без всякого заслона и проверки,
И без чего бы никогда
любовь и жизнь не появились.
Тел не было,
тела там были не нужны,
Душа сама была
своей бессмертной формой,
Она могла встречать
касанье сразу многих душ
Наполненное близостью,
конкретностью, блаженством,
удивительно правдивое.
И как во сне, когда идёшь
сквозь яркие видения,
И став осознающим,
понимаешь суть увиденных фигур,
Здесь, где реальность стала
собственным воображением
Он[1] знал любую вещь
не через форму,
а при помощи её души:
Как тем, кто долго прожили
и стали от любви едины,
Не нужно слов и знаков
для ответа сердца сердцу,
Он мог общаться
без излишнего барьера речи,
Встречался с существами,
которые не скрыты
за материальной оболочкой.
Там расстилались удивительные
одухотворённые пейзажи,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

A loveliness of lakes and streams
and hills,
A flow, a fixity in a soul-space,

And plains and valleys, stretches
of soul-joy,
And gardens that were
flower-tracts of the spirit,
Its meditations of tinged reverie.

Air was the breath of a pure
infinite.
A fragrance wandered in a
coloured haze
As if the scent and hue of all
sweet flowers
Had mingled to copy heaven's
atmosphere.
Appealing to the soul and not the
eye
Beauty lived there at home in her
own house,
There all was beautiful by its own
right
And needed not the splendour of a
robe.
All objects were like bodies of the
Gods,
A spirit symbol environing a soul,

For world and self were one
reality.

Царила красота
озёр, ручьёв, холмов,
Текучесть и устойчивость
в душе-пространстве,
И было множество равнин, долин,
широкие просторы радости-души,
Садов, которые раскинулись
цветущими полями духа,
С их тонкой медитацией
и еле уловимым привкусом мечты.
Весь воздух был дыханьем
чистой бесконечности.
Благоухание блуждало
в разноцветной дымке,
Как будто аромат и цвет
всех самых сладостных цветов
Смешались, чтобы повторить
божественную атмосферу.
Не к взорам обращаясь,
а к душе,
Там красота жила как дома,
в собственном жилище,
И было всё прекрасным
там по праву,
И не нуждалось
в роскоши одежд.
Все вещи были
как тела Богов,
Как символические знаки духа,
окружающие душу,
Поскольку мир и внутреннее "я"
сливались, становясь
одной реальностью.

Immersed in voiceless internatal
trance
The beings that once wore forms
on earth sat there
In shining chambers of spiritual
sleep.
Passed were the pillar-posts of
birth and death,

И погружённые в беззвучный транс
между рожденьями
Те существа, что прежде
принимали форму на земле,
Сидели там в сияющих палатах
духовного, особенного сна.
Они прошли маршрутные столбы
рождения и смерти,

Passed was their little scene of symbol deeds,
Passed were the heavens and hells of their long road;
They had returned into the world's deep soul.
All now was gathered into pregnant rest:
Person and nature suffered a slumber change.
In trance they gathered back their bygone selves,
In a background memory's foreseeing muse
Prophetic of new personality
Arranged the map of their coming destiny's course:
Heirs of their past, their future's discoverers,

Electors of their own self-chosen lot,
They waited for the adventure of new life.
A Person persistent through the lapse of worlds,

Although the same for ever in many shapes
By the outward mind unrecognisable,
Assuming names unknown in unknown climes

Imprints through Time upon the earth's worn page
A growing figure of its secret self,

And learns by experience what the spirit knew,
Till it can see its truth alive and God.

Они прошли их маленькую сцену
символических работ и дел,
Они прошли по небесам и преисподням
долгой их дороги;
Они вернулись, наконец, в глубокую,
мистическую душу мира.
Сейчас всё было собрано в их отдыхе,
исполненного смысла:
С природой их и личностью
происходил сон-изменение.
В том трансе собирая заново
их прожитые “я”,
В предвидящем раздумье памяти,
на заднем фоне,
Пророчество о новой личности
Выстраивало карту курса
ждущей их судьбы:
Наследниками
собственного прошлого
И первооткрывателями
собственного будущего,
Самостоятельно избрав
грядущий свой удел,
Они в том плане ожидали
приключений новой жизни.
Так, Личность, что несёт
своё существованье
сквозь падение миров,
Всё время та же самая
во многих обликах,
Неощутимая, неразличимая
для внешнего ума,
И принимающая множество
неведомых имён
в неведомых различных странах,
Сквозь Время отпечатывает
на истрёпанной земной странице
Растущий образ своего
таинственного внутреннего “я”,
И учится на опыте тому,
о чём уже знал дух,
Пока она не сможет видеть здесь
свою живую истину и Бога.

Once more they must face the problem-game of birth,
The soul's experiment of joy and grief
And thought and impulse lighting the blind act,

And venture on the roads of circumstance,
Through inner movements and external scenes
Travelling to self across the forms of things.
Into creation's centre he had come.
The spirit wandering from state to state
Finds here the silence of its starting-point
In the formless force and the still fixity
And brooding passion of the world of Soul.
All that is made and once again unmade,
The calm persistent vision of the One
Inevitably re-makes, it lives anew:

Forces and lives and beings and ideas
Are taken into the stillness for a while;
There they remould their purpose and their drift,
Recast their nature and re-form their shape.

Ever they change and changing ever grow,

Им предстоит ещё раз встретиться
с игрой-проблемою рождения,
С экспериментами души —
страданием и радостью,
И с мыслями,
и импульсами побуждений,
освещающих слепые действия,
И с приключеньем
на дорогах обстоятельства,
Что через путь по внешним сценам
и движения внутри,
И через облики вещей и формы
приводят к внутреннему "я".
И вот пришёл он[1]
в самый центр творения.
Тот дух, что странствует
от состоянья к состоянью,
Находит здесь безмолвие
своей начальной точки
В бесформенном могуществе,
и тихой неподвижности,
И страстном устремленьи,
что вынашивает мир Души.
Всё то, что создано
и снова уничтожено,
Спокойный постоянный
взгляд Единого
Неодолимо пересоздаёт
и снова наполняет жизнью:
Идеи, силы,
жизни, существа,
Берутся в эту тишину
на время;
Они в ней перестраивают
цель и направление,
И пересматривают заново
свою природу,
формируют новый облик.
Они всё время изменяются,
и в изменении всегда растут,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

And passing through a fruitful stage of death
And after long reconstituting sleep
Resume their place in the process of the Gods
Until their work in cosmic Time is done.

И проходя сквозь смерть,
как через стадию,
несущую свои плоды,
И после долгого,
всё составляющего по-другому, сна
Они вновь получают место
в динамическом развитии Богов,
Пока их долгая работа
для космического Времени,
не завершится.

Here was the fashioning chamber of the worlds.
An interval was left twixt act and act,
Twixt birth and birth, twixt dream and waking dream,
A pause that gave new strength to do and be.
Beyond were regions of delight and peace,
Mute birthplaces of light and hope and love,
And cradles of heavenly rapture and repose.
In a slumber of the voices of the world
He of the eternal moment grew aware;
His knowledge stripped bare of the garbs of sense
Knew by identity without thought or word;
His being saw itself without its veils,
Life's line fell from the spirit's infinity.
Along a road of pure interior light,
Alone between tremendous Presences,

Здесь находился зал,
в котором формируются миры.
И только оставался интервал
меж действием и действием,
Между одним рожденьем и другим,
меж сном и пробуждённым сном,
Та пауза, что наделяла
новой силой быть и делать.
А за пределом этого лежали
области восторга и покоя,
Безмолвные места рождения
надежды, света и любви,
И колыбели для божественного
отдыха и восхищения.
В дремоте голосов,
звучащих в этом мире
Он[1] всё сильней осознавал
то вечное мгновение,
И знание его,
лишённое одежды чувств
Всё понимало через тождество,
без мысли или слова;
Там существо его смотрело на себя
и видело всё без вуали,
И жизни путь спускался
из духовной бесконечности.
Вдоль по дороге чистого,
сияющего внутреннего света,
Один среди гигантских,
ужасающих Присутствий,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

Under the watching eyes of
nameless Gods,
His soul passed on, a single
conscious power,
Towards the end which ever
begins again,
Approaching through a stillness
dumb and calm
To the source of all things human
and divine.
There he beheld in their mighty
union's poise
The figure of the deathless
Two-in-One,
A single being in two bodies
clasped,
A diarchy of two united souls,

Seated absorbed in deep creative
joy;
Their trance of bliss sustained the
mobile world.
Behind them in a morning dusk
One stood

Who brought them forth from the
Unknowable.
Ever disguised she awaits the
seeking spirit;
Watcher on the supreme
unreachable peaks,
Guide of the traveller of the
unseen paths,
She guards the austere approach to
the Alone.
At the beginning of each
far-spread plane
Pervading with her power the
cosmic suns
She reigns, inspirer of its multiple
works
And thinker of the symbol of its
scene.

Под наблюдающими взглядами
неведомых Богов,
Его душа шла дальше,
одинокая сознательная сила,
К тому концу,
что вечно начинается сначала,
Всё ближе подходя
сквозь тихую немую неподвижность
К источнику всего —
и человеческого, и божественного.
Здесь Ашвапати встретил
в равновесии могучего единства
Видение бессмертного
Двоих-в-Одном,
Увидел существо,
единое в своих обнявшихся телах,
Увидел двоевластье
двух объединённых душ,
Сидевших поглощёнными
в глубокую и созидающую радость;
Их транс блаженства нёс, поддерживая,
наш подвижный мир.
А позади, за ними,
в утренних неясных сумерках,
стояла Та,
Что принесла сюда их
из Непознаваемого.
Всегда сокрытая, она ждала
прихода ищущего духа;
Как наблюдатель
на недостижимых высших пиках,
Она ведёт духовных путников
незримыми путями,
И охраняет аскетические подступы
к Единому.
В начале каждого,
идущего вдаль плана,
Пронизывая собственной энергией
космические солнца,
Царит Она — и вдохновитель
их бесчисленных работ
И тот мыслитель, что придумал
символы их сцены.

Above them all she stands
supporting all,
The sole omnipotent Goddess
ever-veiled
Of whom the world is the
inscrutable mask;
The ages are the footfalls of her
tread,
Their happenings the figure of her
thoughts,
And all creation is her endless act.

His spirit was made a vessel of her
force;
Mute in the fathomless passion of
his will
He outstretched to her his folded
hands of prayer.
Then in a sovereign answer to his
heart
A gesture came as of worlds
thrown away,
And from her raiment's lustrous
mystery raised
One arm half-parted the eternal
veil.
A light appeared still and
imperishable.
Attracted to the large and
luminous depths
Of the ravishing enigma of her
eyes,
He saw the mystic outline of a
face.
Overwhelmed by her implacable
light and bliss,

An atom of her illimitable self

Mastered by the honey and
lightning of her power,

Над ними, выше всех
стоит она, поддерживая всё,
Всесильная и одинокая Богиня,
вечно за вуалью,
Та, для которой мир —
её загадочная маска;
Эпохи и века —
лишь отзвуки её шагов,
А их события —
её картина мыслей,
И всё творение —
её божественное,
нескончаемое действо.
Дух Ашвапати стал сосудом
для её могущества;
Безмолвный от бездонной страсти
своего намеренья,
Он протянул к ней руки,
сложенные для молитвы.
Затем, в величественном отклике
его трепещущему сердцу
Явился жест, который
словно сбрасывал миры,
И из блистающей мистерии её одежд
внезапно поднялась
Одна рука, сорвавшую наполовину
вечную вуаль.
Свет появился,
тихий и непреходящий.
Притянутый к широким
и светящимся глубинам
Загадки, тайны глаз её,
всё наполняющих восторгом,
Он смог увидеть
мистическое очертание её лица.
И переполненный, вконец,
её неумолимым светом
и блаженством,
Став атомом
её неограниченного “я”,
Весь покорённый сладостью,
молниеносностью её энергии,

Tossed towards the shores of her
ocean-ecstasy,

Drunk with a deep golden spiritual
wine,
He cast from the rent stillness of
his soul
A cry of adoration and desire
And the surrender of his
boundless mind
And the self-giving of his silent
heart.
He fell down at her feet
unconscious, prone.

End of Canto Fourteen

Бросаемый на берега
её океанического,
необъятного экстаза,
До дна напившись
золотистого духовного вина,
Он испустил из разрываемой на части
тишины своей души
Крик обожанья и желания,
И полной сдачи
безграничного ума,
И самопосвящения
в своём безмолвном сердце.
Он, бессознательный и распростёртый,
пал к её ногам.

Конец четырнадцатой песни

Book Two
THE BOOK OF THE TRAVELLER OF THE WORLDS

Canto XV
THE KINGDOMS OF THE GREATER KNOWLEDGE

After a measureless moment of the soul
Again returning to these surface fields
Out of the timeless depths where he had sunk,
He heard once more the slow tread of the hours.
All once perceived and lived was far away;
Himself was to himself his only scene.
Above the Witness and his universe
He stood in a realm of boundless silences
Awaiting the Voice that spoke and built the worlds.

A light was round him wide and absolute,
A diamond purity of eternal sight;

A consciousness lay still, devoid of forms,
Free, wordless, uncoerced by sign or rule,

Книга Вторая
КНИГА ПУТЕШЕСТВЕННИКА ПО МИРАМ

Песня XV
ЦАРСТВА БОЛЕЕ ВЕЛИКОГО ЗНАНИЯ

Затем, пройдя
неизмеримое мгновение души,
И возвращаясь вновь
в поверхностные области
Из тех глубин вневременья,
куда он погружался,
Он[1] слышал вновь
неторопливый ход часов.
Всё то, что было прожито и понято,
осталось далеко;
Он сам был для себя
единственною сценой.
Поднявшись над Свидетелем,
и над его вселенной,
Он встал в чертогах
безграничного безмолвия,
И ждал там Голоса,
что говорил,
и этим создавал миры.
Широкий, абсолютный свет
сиял вокруг него
Алмазной чистотою
взгляда вечности;
Сознание, лишённое всех форм,
лежало тихое,
Свободное и бессловесное,
не ограниченное символом
и правилом,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

For ever content with only being
and bliss;
A sheer existence lived in its own
peace
On the single spirit's bare and
infinite ground.
Out of the sphere of Mind he had
arisen,
He had left the reign of Nature's
hues and shades;
He dwelt in his self's colourless
purity.

It was a plane of undetermined
spirit

That could be a zero or round sum
of things,
A state in which all ceased and all
began.

All it became that figures the
absolute,
A high vast peak whence Spirit
could see the worlds,
Calm's wide epiphany, wisdom's
mute home,
A lonely station of Omniscience,

A diving-board of the Eternal's
power,
A white floor in the house of
All-Delight.
Here came the thought that passes
beyond Thought,

Here the still Voice which our
listening cannot hear,
The Knowledge by which the
knower is the known,

Всегда довольное лишь быть
и ощущать блаженство;
На оголённом бесконечном
основании единства духа.
В своём покое пребывало
чистое существованье.
Сейчас он смог подняться,
выше сфер Ума,
Оставив царство
цвета и теней Природы;
Он обитал в бесцветной чистоте,
принадлежащей
собственному внутреннему “я”.
Здесь находилась область
неопределённого,
бесформенного духа,
Который мог быть и нулём,
и полной суммою всего,
И состоянием, в котором
завершалось всё
и снова начиналось.
Всё становилось тем,
что отражает абсолют,
Просторным гребнем в вышине,
откуда Дух мог наблюдать миры,
Широким откровеньем тишины,
безмолвным домом мудрости,
Уединённым местом
для Всеведенья,
Пружинящим трамплином
силы Вечного
И чистым полом
в доме Все-Восторга.
Сюда приходит мысль,
которая выходит
за пределы Мысли,
Здесь тихий Голос,
что не может слышать наше ухо,
И Знание,
что позволяет познающему
стать тем, что познаёт,

The Love in which beloved and lover are one.

И та Любовь, в которой
любящий с возлюбленным
сливаются в одно.

All stood in an original plenitude,

Здесь всё стояло
в изначальной полноте,

Hushed and fulfilled before they could create
The glorious dream of their universal acts;

Затихшее и реализовавшееся прежде,
чем смогло осуществить
Чудесную мечту
своих вселенских дел;

Here was engendered the spiritual birth,
Here closed the finite's crawl to the Infinite.

Здесь возникало и происходило
духовное рождение,
И завершалось медленное путешествие
конечного до Бесконечного.

A thousand roads leaped into Eternity
Or singing ran to meet God's veilless face.

И тысячи дорог скачком
здесь попадали в Вечность
Или пробегали, напевая, встретить
неприкрытый лик Всевышнего.

The Known released him from its limiting chain;
He knocked at the doors of the Unknowable.

Полученное Знание
дало ему[1] свободу от оков;
Он постучался во врата
Непознаваемого.

Thence gazing with an immeasurable outlook
One with self's inlook into its own pure vasts,

Оттуда, всматриваясь
безграничным взором
В свои свободные просторы,
и объединившись с взглядом
внутреннего "я",

He saw the splendour of the spirit's realms,
The greatness and wonder of its boundless works,

Он наблюдал великолепие
чертогов духа,
Величие и чудеса его
не знающих границ творений,

The power and passion leaping from its calm,

Могущество и страсть,
которые выпрыгивают
из его молчания,

The rapture of its movement and its rest,
And its fire-sweet miracle of transcendent life,

Восторг его движенья
и его покоя,
И сладко-огненное чудо
трансцендентной жизни,

The million-pointing undivided grasp
Of its vision of one same stupendous All,

И в миллионы мест направленное,
неразделённое на части понимание,
Которое идет от виденья
везде того же самого
огромного и изумляющего Целого,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

Its inexhaustible acts in a timeless Time,
A space that is its own infinity.

A glorious multiple of one radiant Self,
Answering to joy with joy, to love with love,
All there were moving mansions of God-bliss;

Eternal and unique they lived the One.

There forces are great outbursts of God's truth

And objects are its pure spiritual shapes;
Spirit no more is hid from its own view,
All sentience is a sea of happiness

And all creation is an act of light.

Out of the neutral silence of his soul
He passed to its fields of puissance and of calm
And saw the Powers that stand above the world,
Traversed the realms of the supreme Idea
And sought the summit of created things
And the almighty source of cosmic change.
There Knowledge called him to her mystic peaks
Where thought is held in a vast internal sense

Его неистощимых действий
в вечном Времени,
Пространства, что является
своею бесконечностью.
Чудесные многообразия единого
сиявшего Божественного "Я",
На радость отвечая радостью,
и на любовь — любовью,
Все были многолюдными,
подвижными жилищами
блаженства Бога;
Неповторимые и вечные,
они существовали, жили
лишь Единым.
Там силы — яркие,
большие вспышки
истины Всевышнего,
Объекты — чистые её
духовные обличия;
Дух больше не скрывается
от собственного взгляда,
Все ощущенья стали
морем счастья,
А всё творенье —
действом света.
Из этого нейтрального
безмолвия своей души
Он[1] вышел в области
её могущества и тишины,
И видел Силы, что стоят
над этим миром,
Пересекал миры
божественной Идеи,
Искал предельный пик
всего творения
И всемогущую первопричину,
ключ космического изменения.
Там Знание звало его
к своим мистическим вершинам,
Где мысль удерживается
во внутреннем широком чувстве,

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

And feeling swims across a sea of peace
And vision climbs beyond the reach of Time.
An equal of the first creator seers,

Accompanied by an all-revealing light
He moved through regions of transcendent Truth
Inward, immense, innumerably one.
There distance was his own huge spirit's extent;
Delivered from the fictions of the mind
Time's triple dividing step baffled no more;
Its inevitable and continuous stream,
The long flow of its manifesting course,
Was held in spirit's single wide regard.
A universal beauty showed its face:
The invisible deep-fraught significances,
Here sheltered behind form's insensible screen,
Uncovered to him their deathless harmony
And the key to the wonder-book of common things.
In their uniting law stood up revealed
The multiple measures of the upbuilding force,
The lines of the World-Geometer's technique,
The enchantments that uphold the cosmic web

И ощущения плывут,
пересекая океан покоя,
А виденье восходит за пределы
достижимого во Времени.
Достигший уровня провидцев
первого творца,
В сопровождении
всё-проявляющего света,
Он шёл по сферам
трансцендентной Истины,
Безмерной, обращённой внутрь,
неисчислимой и единой.
Там расстоянье было протяженностью
его огромнейшего духа;
Освободившийся от
вымыслов ума,
Тройной, всё-разделяющий шаг Времени
отныне не мешал;
Его поток,
непрерывающийся, неизбежный,
И долгое теченье курса
проявления вещей,
Был подчинён широкому единому
внимательному взгляду духа.
Космическая красота
показывала свой вселенский лик:
Наполненные глубиной,
невидимые смыслы,
Укрытые за нечувствительным
экраном формы,
Приоткрывали для него
свои бессмертные гармонии,
Дарили ключ к волшебной книге
из обыденных вещей.
В своём объединяющем законе
поднимались, проявляясь,
Многообразие масштабов
строящей все вещи силы,
И линии искусных техник
Геометра-Мира,
И чары, что поддерживают
это всё вселенское переплетение,

And the magic underlying simple shapes.
On peaks where Silence listens with still heart
To the rhythmic metres of the rolling worlds,
He served the sessions of the triple Fire.
On the rim of two continents of slumber and trance
He heard the ever unspoken Reality's voice
Awaken revelation's mystic cry,

The birthplace found of the sudden infallible Word

And lived in the rays of an intuitive Sun.
Absolved from the ligaments of death and sleep
He rode the lightning seas of cosmic Mind
And crossed the ocean of original sound;
On the last step to the supernal birth
He trod along extinction's narrow edge
Near the high verges of eternity,

And mounted the gold ridge of the world-dream
Between the slayer and the saviour fires;
The belt he reached of the unchanging Truth,
Met borders of the inexpressible Light
And thrilled with the presence of the Ineffable.

И магию, которая лежит в основе
всех простых, обычных форм.
На пиках, где Молчанье
слушает затихшим сердцем
Ритмический размер
катящихся миров,
Он[1] службу вёл
тройному Пламени.
И на краю двух континентов —
сна и транса,
Он слышал вечный голос
неописуемой Реальности,
Что пробуждал мистический
зов откровения;
Он отыскал то место,
где рождается внезапное
и безошибочное Слово,
И жил, купаясь
в свете Солнца интуиции.
Освободившись от мешающих
пут сна и смерти,
Он нёсся по сверкающим морям
вселенского Ума,
Пересекая океан
первоначального звучания;
И на последнем шаге
к высшему небесному рождению
Он шёл вдоль
узкой кромки затухания,
Идущей рядом
с высоченными краями вечности,
И восходил на золотистый гребень
мира сновидений
Между спасающим огнём
и убивающим;
Он встретил пояс
неизменной Истины,
Встречал граничные столбы
неописуемого Света
И трепетал в присутствии
Невыразимого.

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

Above him he saw the flaming Hierarchies,
The wings that fold around created Space,
The sun-eyed Guardians and the golden Sphinx
And the tiered planes and the immutable Lords.
A wisdom waiting on Omniscience
Sat voiceless in a vast passivity;

It judged not, measured not, nor strove to know,
But listened for the veiled all-seeing Thought
And the burden of a calm transcendent Voice.
He had reached the top of all that can be known:

His sight surpassed creation's head and base;

Ablaze the triple heavens revealed their suns,

The obscure Abyss exposed its monstrous rule.

All but the ultimate Mystery was his field,

Almost the Unknowable disclosed its rim.

His self's infinities began to emerge,

The hidden universes cried to him;

Он видел над собою
пламеневших Иерархов,
И крылья, что охватывают
сотворённое Пространство,
Хранителей, с глазами, словно солнца,
золотого Сфинкса,
Стоящие рядами планы бытия
и полных непреложности Владык.
Там мудрость
в ожидании Всеведения
Безмолвно восседала
в широте пассивности;
Она не отмеряла, не судила,
не старалась понимать,
Но слушала сокрытую,
всё-видящую Мысль,
И что несёт спокойный
трансцендентный Голос.
На высшую ступень всего,
что может быть когда-то познано,
поднялся он[1]:
Его взгляд охватил
и основание творенья,
и вершину;
Тройные небеса
раскрыли перед ним
свои сверкающие солнца,
А мрачная Пучина
обнажила перед взглядом
своё кошмарное правление.
Всё, стало сферою его,
за исключеньем окончательной,
предельной Тайны,
Само Непознаваемое
почти открыло для него
свой краешек.
В нём стали проявляться
бесконечности
его же внутреннего "я",
Ему кричали
скрытые вселенные;

[1] Ашвапати, *прим.пер.*

Eternities called to eternities
Sending their speechless message still remote.
Arisen from the marvel of the depths
And burning from the superconscious heights
And sweeping in great horizontal gyres
A million energies joined and were the One.
All flowed immeasurably to one sea:
All living forms became its atom homes.

A Panergy that harmonised all life
Held now existence in its vast control;
A portion of that majesty he was made.
At will he lived in the unoblivious Ray.

И вечности взывали
к вечностям,
Передавая бессловесные послания,
пока ещё издалека.
Поднявшись из невиданных глубин,
И загораясь вмиг
от сверхсознательных высот,
Стремительно летя огромными
горизонтальными спиралями,
Бесчисленные миллионы сил
соединялись, становясь Единым.
Необозримо всё текло
в одно единственное море,
И все живые формы
становились в нём
его мельчайшими жилищами.
Так Все-энергия,
которая настраивала,
приводя в гармонию, всю жизнь,
Держала всё существованье
под своим широким управленьем,
И он стал тоже
частью этого величия.
Он жил свободно, как хотел,
под этим, ничего не забывающим
Лучом.

In that high realm where no untruth can come,
Where all are different and all is one,
In the Impersonal's ocean without shore
The Person in the World-Spirit anchored rode;
It thrilled with the mighty marchings of World-Force,
Its acts were the comrades of God's infinite peace.
An adjunct glory and a symbol self,

В той высшей области,
в которую отличное от истины
не сможет никогда войти,
Где всё и отличается,
и всё едино,
Где расстилался океан Безличного
без берегов,
Плыла, забросив якорь в Мире Духа,
Личность;
Она вибрировала от могучих маршей
Силы Мира,
Её дела дружили
с бесконечностью покоя Бога.
Как дополнительная красота
и символическое “я”,

The body was delivered to the soul, —
An immortal point of power, a block of poise
In a cosmicity's wide formless surge,
A conscious edge of the Transcendent's might
Carving perfection from a bright world-stuff,
It figured in it a universe's sense.

There consciousness was a close and single weft;
The far and near were one in spirit-space,

The moments there were pregnant with all time.

The superconscient's screen was ripped by thought,
Idea rotated symphonies of sight,

Sight was a flame-throw from identity;
Life was a marvellous journey of the spirit,
Feeling a wave from the universal Bliss.
In the kingdom of the Spirit's power and light,
As if one who arrived out of infinity's womb
He came new-born, infant and limitless
And grew in the wisdom of the timeless Child;
He was a vast that soon became a Sun.
A great luminous silence whispered to his heart;

Здесь тело,
 став свободным от души, —
Бессмертным средоточием энергии
и блоком равновесия,
Широкою бесформенной
волной космического,
Осознающей бритвой
силы Трансцендентного,
Из яркой ткани мира
вырезая совершенство,
В себе отображало
смысл вселенной.
Сознание там было
плотной и единою материей;
Далёкое, и близкое
в пространстве духа
делалось единым целым,
И каждое мгновение
способно было породить
всё время целиком.
Мысль разорвала, наконец,
экраны сверхсознанья,
Идея тасовала множество
симфоний виденья,
А видение становилось
всполохом отождествления;
Жизнь стала удивительной
прогулкой духа,
А ощущение —
волной вселенского Блаженства.
В то царство,
света, силы Духа,
Он, словно прибывший
из лона бесконечности,
Пришёл, рождённый заново,
младенческий и беспредельный,
Врастая постепенно в мудрость
вечного Дитя;
Он был простором, что вот-вот —
и станет Солнцем.
Великое и светлое безмолвие
шептало сердцу;

His knowledge an inview caught unfathomable,

An outview by no brief horizons cut:
He thought and felt in all, his gaze had power.
He communed with the Incommunicable;
Beings of a wider consciousness were his friends,
Forms of a larger subtler make drew near;

The Gods conversed with him behind Life's veil.
Neighbour his being grew to Nature's crests.
The primal Energy took him in its arms;
His brain was wrapped in overwhelming light,
An all-embracing knowledge seized his heart:
Thoughts rose in him no earthly mind can hold,
Mights played that never coursed through mortal nerves:
He scanned the secrets of the Overmind,
He bore the rapture of the Oversoul.
A borderer of the empire of the Sun,
Attuned to the supernal harmonies,
He linked creation to the Eternal's sphere.
His finite parts approached their absolutes,
His actions framed the movements of the Gods,

Взгляд знания его,
направленный вовнутрь,
ухватывал неизмеримое,
А внешний взгляд не обрезался
тесным горизонтом:
Он мыслил, ощущал себя во всём,
и взгляд его был силой.
Он мог общаться
с Непередаваемым;
Его друзьями стали существа
с сознаньем шире нашего,
Его к себе тянули формы
более широкого,
утонченного склада;
Из-за завесы Жизни
с ним беседовали Боги.
Он вырастал до близости
с вершинами Природы.
Первоначальная Энергия
взяла его в свои объятия;
И мозг его окутывался светом,
который заливает всё.
Все-обнимающее знание
захватывало сердце:
В нём поднимались мысли,
что земной ум не вместил бы,
Играли Силы, никогда не протекавшие
по нервам смертного:
Он овладел
секретами Надразума,
Он испытал восторг и наслажденье
Сверхдуши.
Как житель,
пограничный с царством Солнца,
С небесною гармонией
настроив в унисон,
Он связывал творение
со сферой Вечного.
Его конечные и ограниченные элементы
приближались к абсолюту,
Его дела стремились выразить
движения Богов,

His will took up the reins of
cosmic Force.

End of Canto Fifteen
End of Book Two

А воля приняла поводья
Силы всей вселенной.

Конец пятнадцатой песни
Конец второй книги